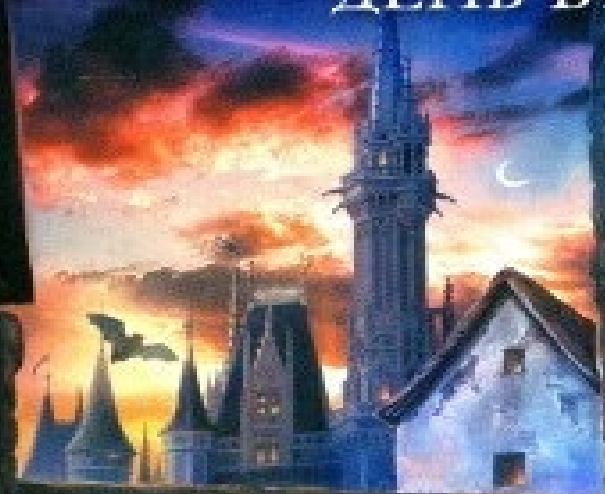

ХРОНИКА УБИЙЦЫ КОРОЛЯ:
ДЕНЬ ВТОРОЙ

ПАТРИК РОТФУСС

СТРАХИ МУДРЕЦА

КНИГА 2

КНИГА-ФАНТАЗИЯ

Annotation

Долгожданное продолжение культового романа «Имя ветра»! Юный Квоут делает первые шаги на тропе героя: он уберезет влиятельного лорда от предательства, победит группу опасных бандитов, уйдет живым от искусной соблазнительницы Фелуриан. Но на каждом головокружительном повороте своей необыкновенной судьбы он не забудет о своем истинном стремлении — найти и победить мифических чандриан, жестоко убивших его семью и оставивших его круглой сиротой... А еще он узнает, какой трудной может быть жизнь, когда человек становится легендой своего времени. И пока скромный трактирщик рассказывает историю своего прошлого, прямо за порогом гостиницы начинается будущее.

- [Патрик Ротфусс](#)

- [ГЛАВА 73](#)
- [ГЛАВА 74](#)
- [ГЛАВА 75](#)
- [ГЛАВА 76](#)
- [ГЛАВА 77](#)
- [ГЛАВА 78](#)
- [ГЛАВА 79](#)
- [ГЛАВА 80](#)
- [ГЛАВА 81](#)
- [ГЛАВА 82](#)
- [ГЛАВА 83](#)
- [ГЛАВА 84](#)
- [ГЛАВА 85](#)
- [ГЛАВА 86](#)
- [ГЛАВА 87](#)
- [ГЛАВА 88](#)
- [ГЛАВА 89](#)
- [ГЛАВА 90](#)
- [ГЛАВА 91](#)
- [ГЛАВА 92](#)
- [ГЛАВА 93](#)
- [ГЛАВА 94](#)
- [ГЛАВА 95](#)

- [ГЛАВА 96](#)
- [ГЛАВА 97](#)
- [ГЛАВА 98](#)
- [ГЛАВА 99](#)
- [ГЛАВА 100](#)
- [ГЛАВА 101](#)
- [ГЛАВА 102](#)
- [ГЛАВА 103](#)
- [ГЛАВА 104](#)
- [ГЛАВА 105](#)
- [ГЛАВА 106](#)
- [ГЛАВА 107](#)
- [ГЛАВА 108](#)
- [ГЛАВА 109](#)
- [ГЛАВА 110](#)
- [ГЛАВА 111](#)
- [ГЛАВА 112](#)
- [ГЛАВА 113](#)
- [ГЛАВА 114](#)
- [ГЛАВА 115](#)
- [ГЛАВА 116](#)
- [ГЛАВА 117](#)
- [ГЛАВА 118](#)
- [ГЛАВА 119](#)
- [ГЛАВА 120](#)
- [ГЛАВА 121](#)
- [ГЛАВА 122](#)
- [ГЛАВА 123](#)
- [ГЛАВА 124](#)
- [ГЛАВА 125](#)
- [ГЛАВА 126](#)
- [ГЛАВА 127](#)
- [ГЛАВА 128](#)
- [ГЛАВА 129](#)
- [ГЛАВА 130](#)
- [ГЛАВА 131](#)
- [ГЛАВА 132](#)
- [ГЛАВА 133](#)
- [ГЛАВА 134](#)

- [ГЛАВА 135](#)
  - [ГЛАВА 136](#)
  - [ГЛАВА 137](#)
  - [ГЛАВА 138](#)
  - [ГЛАВА 139](#)
  - [ГЛАВА 140](#)
  - [ГЛАВА 141](#)
  - [ГЛАВА 142](#)
  - [ГЛАВА 143](#)
  - [ГЛАВА 144](#)
  - [ГЛАВА 145](#)
  - [ГЛАВА 146](#)
  - [ГЛАВА 147](#)
  - [ГЛАВА 148](#)
  - [ГЛАВА 149](#)
  - [ГЛАВА 150](#)
  - [ГЛАВА 151](#)
  - [ГЛАВА 152](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
-

Патрик Ротфусс
СТРАХИ МУДРЕЦА
Книга 2

ГЛАВА 73

КРОВЬ И ЧЕРНИЛА

Теккам в «Теофании» называет тайны «мучительными сокровищами души». Он объясняет, что люди обычно неверно представляют себе, что такое тайны. К примеру, таинства и тайны — совсем не одно и то же. И ни таинства, ни тайны не имеют никакого отношения к малоизвестным фактам или забытым истинам. «Тайна же, — пишет Теккам, — есть подлинное знание, преднамеренно сокрытое».

Философы веками обсасывали это определение. Они обсудили все его недостатки с точки зрения логики, все его пробелы, все исключения. Однако за все это время лучшего определения они так и не нашли. Пожалуй, это говорит нам куда больше, чем все их рассуждения вместе взятые.

В одной из следующих глав, куда менее известной и не вызвавшей такого количества споров, Теккам уточняет, что тайны бывают двух видов. Существуют тайны уст и тайны сердца.

Большинство тайн суть тайны уст. Слухи, сплетни, мелкие скандалы, сообщаемые шепотом на ухо. Эти тайны жаждут быть разглашенными. Тайна уст подобна камушку в башмаке. Поначалу его почти не замечаешь. Потом он начинает раздражать и под конец делается невыносим. Тайны уст становятся тем больше, чем дольше их хранишь, разбухают и давят изнутри на губы. Они рвутся на волю.

Тайны сердца — дело иное. Это личные, болезненные тайны, и мы больше всего на свете стремимся скрыть их от мира. Они не разбухают во рту, не просятся наружу. Они обитают в сердце, и чем дольше их хранишь, тем тяжелее они давят.

Теккам утверждает, будто лучше иметь полный рот яда, нежели тайну сердца. Любой глупец, говорит он, способен выплюнуть яд, эти же мучительные сокровища мы заботливо бережем. Мы ежедневно давимся ими, загоняя их все глубже. И там они лежат, тяжелея и воспаляясь. Если дать им достаточно времени, они непременно раздавят сердце, в котором хранятся.

Современные философы смеются над Теккамом, однако они не более чем стервятники, обдирающие остов великана. Что ни говори, а Теккам понимал, как устроен мир.

На следующий день после того, как я следил за Денной, она прислала мне записку, и я встретился с ней у входа в «Четыре свечи». За последние несколько оборотов мы встречались там десятки раз, но сегодня что-то изменилось. Сегодня на Денне было длинное элегантное платье, не многослойное, с высоким воротом, как требовала последняя мода, а облегающее, с открытыми плечами. Платье было темно-синее, и когда Денна делала шаг, в длинном разрезе мелькала обнаженная ножка.

Ее футляр с арфой стоял, прислоненный к стене у нее за спиной, и в глазах застыло ожидание. Ее темные волосы блестели на солнце, ничем не украшенные, кроме трех тонких косичек, перевязанных синим шнурком. Денна была босиком, и ступни ее были вызелены травой. Она улыбалась.

— Готово! — воскликнула она. В ее голосе, точно дальний гром, рокотало возбуждение. — Ну, по крайней мере, достаточно готово, чтобы сыграть это тебе. Хочешь послушать?

Я почувствовал в ее голосе нотки смущения.

Поскольку оба мы работали на покровителей, которые ревниво хранили свои секреты, мы с Денной нечасто обсуждали свою работу. Демонстрировали друг другу перемазанные чернилами пальцы и жаловались на трудности, но все так, как бы между делом.

— Еще бы! — воскликнул я. Денна взяла свою арфу и зашагала по улице. Я пошел рядом. — А твой покровитель не будет против?

Денна пожала плечами — слишком небрежно.

— Он говорит, пусть, мол, моя первая песня будет такой, чтобы люди пели ее и сто лет спустя. А стало быть, вряд ли он хочет, чтобы я вечно хранила ее в секрете!

Она взглянула на меня искоса.

— Пойдем куда-нибудь в уединенное место, и там я тебе ее спою. Если ты после этого не станешь распевать ее на крышах, думаю, все будет в порядке.

Мы, не сговариваясь, повернули к западным воротам.

— Я бы захватил лютню, — сказал я, — но я наконец нашел мастера по лютням, на которого можно положиться. Он обещал починить тот разболтавшийся колок.

— Сегодня ты мне нужнее в качестве слушателя, — сказала Денна. — Будешь сидеть и восхищенно внимать. А завтра уже я буду смотреть на тебя, прослезившись от восхищения. И изумляться твоему искусству,

остроумию и обаянию.

Она перебросила арфу на другое плечо и улыбнулась мне.

— Если, конечно, ты и их не сдал в починку.

— Лично я за то, чтобы выступать дуэтом, — предложил я. — Арфа с лютней — сочетание редкое, но не неслыханное.

— Эх ты изящно выразился! — она снова покосилась на меня. — Ну, я подумаю.

Я, как и десять раз до того, подавил желание рассказать ей, что отобрал у Амброза ее кольцо. Мне хотелось рассказать ей всю историю с начала и до конца, со всеми своими ошибками и промахами. Однако я был практически уверен, что романтическое впечатление от моего поступка будет изрядно подпорчено концом истории, когда я заложил кольцо перед отъездом из Имре. Нет уж, подумал я, лучше пока сохранить это в тайне и сделать ей сюрприз, вручив ей само кольцо.

— Так что бы ты сказала, — спросил я, — если бы твоим покровителем сделался сам маэр Алверон?

Денна остановилась, обернулась и уставилась на меня.

— Что?!

— Ну, я сейчас у него в фаворе, — сказал я. — И он мне кое-чем обязан. А я знаю, что ты искала покровителя.

— У меня есть покровитель, — твердо ответила Денна. — И я его сама себе нашла.

— Да какой же это покровитель! — возразил я. — Где твое письмо о покровительстве? Может, твой мастер Ясень и обеспечивает тебе материальную поддержку, но ведь имя покровителя даже важнее денег! Это все равно что доспех. Все равно что ключ, открывающий...

— Я прекрасно знаю, что такое покровитель! — перебила Денна.

— Тогда ты знаешь, что твой покровитель тебя обделяет, — ответил я. — Например, будь твоим покровителем маэр, тогда, на той свадьбе, когда дело обернулось плохо, никто в этом паршивом городишке не решился бы на тебя даже голос повысить, не то что руку поднять. Имя маэра защитило бы тебя даже за полторы тысячи километров. Ты могла бы чувствовать себя в безопасности.

— Покровитель может дать не только имя и деньги, но и нечто большее, — резко ответила Денна. — Я прекрасно себя чувствую, не прячась за чужим титулом, и, по правде говоря, рассержусь, если кто-нибудь вздумает обрядить меня в свои цвета. Мой покровитель дает мне другое. Он знает то, что нужно знать мне.

Она раздраженно зыркнула на меня глазами, откидывая волосы на

спину.

— И я тебе все это уже говорила. Пока что он меня вполне устраивает.

— Но отчего бы не использовать их обоих? — предложил я. — Маэра — на публике и твоего мастера Ясеня — втайне. Он наверняка не сможет ничего сказать против. Алверон, вероятно, мог бы даже разузнать для тебя, кто он такой, удостовериться, что он не пытается заманить тебя ложными...

Денна взглянула на меня с ужасом.

— Нет! Господи, нет, не надо!

Она обернулась ко мне, лицо ее посуровело.

— Обещай, что не станешь пытаться ничего о нем разузнать! Это может все погубить. Ты вообще единственный, кто о нем знает, я больше никому на свете не говорила, но он и так пришел бы в ярость, если бы узнал, что я сказала о нем хоть кому-то.

Услышав это, я ощутил непонятный прилив гордости.

— Ну, если ты предпочитаешь, чтобы я не...

Денна остановилась и поставила на мостовую свой футляр с арфой, отозвавшийся гулким стуком. Ее лицо было убийственно серьезным.

— Поклянись!

Я бы, может, и не согласился, если бы не провел половину минувшей ночи, гоняясь за нею по городу в надежде выяснить именно это. А так я сначала подсматривал за ней, а потом еще и подслушивал... Поэтому сегодня я буквально обливался потом от сознания собственной вины.

— Честное слово! — сказал я. И, видя, что она смотрит на меня по-прежнему встревоженно, добавил: — Ты что, мне не веришь? Хорошо, клянусь — если это тебя успокоит.

— А чем именно ты клянешься? — спросила она, мало-помалу начиная по-прежнему улыбаться. — Что для тебя достаточно важно, чтобы это помешало тебе нарушить слово?

— Своим именем и своей силой! — предложил я.

— Кто бы ты ни был, — сухо возразила она, — ты все же не Таборлин Великий!

— Своей правой рукой! — сказал я.

— Только одной? — переспросила Денна. Ее тон мало-помалу снова становился игривым. Она взяла обе мои руки в свои и принялась их вертеть и осматривать, как будто приценивалась. — Левая мне нравится больше! — решила она. — Клянись левой!

— Ну как же так — левой? — усомнился я. — Кто же левой рукой клянется?

— Ну хорошо! — вздохнула она. — Клянись правой. Экий ты

приверженец традиций!

— Клянусь, что не стану пытаться узнать, кто твой покровитель, — с горечью начал я. — Клянусь в этом своим именем и своей силой. Клянусь своей левой рукой. Клянусь переменчивой луной.

Денна смотрела на меня пристально, как будто не была уверена, не издеваюсь ли я.

— Ну ладно! — сказала она, пожав плечами, и снова взяла арфу. — Считай, что ты меня успокоил.

Мы пошли дальше, миновали западные ворота и очутились за городом. Наступившее между нами молчание затянулось, начиная становиться неловким.

Озабоченный нарастающим напряжением, я ляпнул первое, что пришло мне в голову:

— Ну что, не появились ли у тебя новые знакомые мужчины?

Денна хохотнула.

— Ой, ты сейчас говоришь совсем как мастер Ясень! Он все время об этом расспрашивает. Ему кажется, будто мои поклонники недостаточно хороши для меня.

Я был с этим как нельзя более согласен, но решил, что говорить это вслух будет неразумно.

— А про меня он что думает?

— Чего? — растерянно переспросила Денна. — А-а! Про тебя он не знает. Зачем бы это ему?

Я попытался небрежно пожать плечами, но, видно, вышло неубедительно, потому что она расхохоталась.

— Бедный Квоут! Да я шучу. Я рассказываю ему только о тех, что бродят вокруг меня, пыхтя и принюхиваясь, словно собаки. А ты же не такой. Ты всегда был другим.

— Да, я всегда особенно гордился тем, что не пыхчу и не принюхиваюсь!

Денна дернула плечом и шутливо стукнула меня футляром арфы.

— Ну ты же понимаешь, что я имею в виду! Они приходят и уходят, ничего особенного не теряя и не выигрывая. А ты — как золото под слоем пыли, гонимой ветром. Может, мастер Ясень и думает, будто имеет право знать все обо мне и о моих личных делах, — она слегка насупилась. — Но это не так. Положим, кое-что я ему открою, уж так и быть... Но на тебя, — она протянула руку и властно взяла меня за локоть, — сделка не распространяется! — сказала она почти свирепо. — Ты — мой. И только мой. Тобой я делиться не намерена.

Мимолетное напряжение миновало, и мы, смеясь и болтая о пустяках, зашагали по широкому тракту, что вел из Северена на запад. Меньше чем в километре за последним пригородным трактиром росла тихая рощица, в центре которой гнезвился одинокий высокий серовик. Мы нашли это место, когда собирали землянику, и с тех пор оно стало одним из наших излюбленных укрытий от городского шума и смрада.

Денна села у основания серовика, прислонившись к нему спиной. Она достала из футляра арфу и поставила ее на колени. Юбка у нее задралась, обнажив ногу по самое дальше некуда. Денна посмотрела на меня, приподняла бровь и ухмыльнулась, словно точно знала, о чем я думаю.

— Недурная арфа, — непринужденно заметил я.

Она неизящно фыркнула.

Я сел, где стоял, удобно развалившись в высокой прохладной траве. Выдернув несколько стебельков, я принялся рассеянно заплетать их в косичку.

Честно говоря, мне было не по себе. Несмотря на то что в течение последнего времени мы немало времени проводили вместе, я еще никогда не слышал, чтобы Денна играла что-то своего сочинения. Петь вместе нам случалось, и я знал, что голос у нее — как мед по теплomu хлебу. Я знал, что пальцы у нее уверенные и что у нее есть чувство ритма истинного музыканта...

Однако написать песню — совсем не то же самое, что ее сыграть. А вдруг ее песня никуда не годится? И что я тогда ей скажу?

Денна коснулась пальцами струн, и страхи мои отошли в тень. Мне почему-то всегда казалось чрезвычайно эротичным то, как женщина играет на арфе. Сначала она прошла по всем струнам, от верхов к низам. Это звучало как перезвон колокольчиков, как журчание ручья по камням, как пение жаворонка в небе.

Она остановилась, подтянула струну. Попробовала, подтянула еще. Взяла ноту на полтона выше, взяла аккорд, резко, потом плавно, потом обернулась ко мне, нервно разминая пальцы.

— Ну что, готов?

— Ты великолепна! — сказал я.

Я увидел, как она слегка покраснела, потом откинула волосы на спину, чтобы скрыть свое смущение.

— Дурак! Я же даже еще ничего не сыграла.

— Ты все равно великолепна.

— Цыц!

Она взяла аккорд, дала ему утихнуть и негромко заиграла мелодию. В

такт мелодии зазвучало вступление к песне. Меня удивило, что она выбрала такое традиционное начало. Удивило и порадовало. Старые пути всегда самые лучшие.

Послушайте скорбную песню мою,
Я вам о последнем герое спою,
Про то, как спустилась коварная мгла,
Про славного Ланре бывшие дела.

Немногим такая отвага дана —
Потеряно всё, жизнь, и честь, и жена,
Но он непреклонно преследовал цель,
Пошел против всех — и был предан в конце.

(Стихи в переводе Вадима Ингвалла Барановского)

Поначалу у меня захватило дух от ее голоса, потом — от ее музыки. Но после первых десяти строк я был ошеломлен совсем по другой причине. Она пела о падении Мир Тариниэля. О предательстве Ланре. Это была та самая история, что я слышал от Скарпи в Тарбеане.

Но версия Денны была иной. В ее песне Ланре сделался трагической личностью, оклеветанным героем. Речи Селитоса оказались жестоки и безжалостны, Мир Тариниэль стал муравейником, не заслуживающим ничего, кроме очистительного пламени. Ланре был не предатель, но павший герой.

Многое зависит от того, на чем ты остановишься. Ее песня кончалась на том моменте, когда Селитос проклял Ланре. Это был идеальный конец для трагедии. В ее истории Ланре был оболган, не понят. А Селитос стал тираном, чудовищным безумцем, который сам вырвал себе глаз от ярости, что Ланре сумел его провести. Все это было ужасно, мучительно несправедливо.

И все же, несмотря на это, в песне были проблески красоты. Аккорды удачно подобраны. Слова красивые и запоминающиеся. Песня была очень свежа, и, хотя в ней хватало шероховатостей, я все же чувствовал ее очертания. Я видел, чем она может стать. Да, она будет влиять на умы. Люди будут петь ее и сто лет спустя.

Да вы ее, наверно, слышали. Ее почти все слышали. В конце концов она дала ей название «Песнь о семи печалях». Да-да. Ее сложила Денна, и я

был первым, кто слышал ее целиком, с начала до конца.

Когда последние ноты растаяли в воздухе, Денна опустила руки, не желая встречаться со мной глазами.

Я сидел на траве, молча и неподвижно.

Вам это, должно быть, непонятно, — я объясню вам то, что знает всякий музыкант. Когда поешь новую песню — всегда нервничаешь. Нет, более того. Спеть новую песню — это серьезное испытание. Это все равно как впервые раздеться перед новой возлюбленной. Это деликатный момент.

Надо было что-нибудь сказать. Сделать комплимент. Высказать мнение. Пошутить. Соврать что-нибудь. Все, что угодно, только не молчать.

Но я не был бы так ошеломлен, даже если бы она написала гимн, восхваляющий герцога Гибей. Это потрясение было чересчур велико для меня. Я чувствовал себя свежевыскобленным пергаментом, как будто каждая нота ее песни была ударом ножа, соскребающим слово за словом, пока я не остался пустым и бессловесным.

Я тупо смотрел на свои руки. Они по-прежнему сжимали недоплетенный венок из зеленой травы, который я принялся было вязать, когда началась песня. Это была широкая, плоская косица, которая уже начала сворачиваться в кольцо.

Не поднимая глаз, я услышал шелест юбок Денны — она шевельнулась. Надо было что-то сказать. Я и так уже молчал слишком долго. В воздухе повисло слишком долгое молчание.

— Город назывался не Миринитель, — сказал я, глядя в землю. Это было не худшее, что я мог бы сказать. Но сказать следовало совсем не это.

Пауза.

— Что?

— Не Миринитель, — повторил я. — Город, который сжег Ланре, назывался Мир Тариниэль. Ты извини, что я тебе это говорю. Менять имена — тяжелая работа. Размер полетит в каждом третьем куплете...

Я сам удивился, как тихо я говорю, как плоско и безжизненно звучит мой собственный голос.

Я услышал, как она изумленно ахнула.

— Так ты уже слышал эту историю прежде?

Я поднял взгляд на Денну. Она смотрела на меня горящими глазами. Я кивнул, по-прежнему чувствуя себя странно безжизненным. Пустым, точно выдолбленная тыкva.

— Отчего ты выбрала для песни именно эту тему? — спросил я.

И этого тоже говорить не следовало. Мне до сих пор кажется, что, скажи я тогда именно то, что следовало, все обернулось бы иначе. Но даже

теперь, после того как я размышлял об этом в течение многих лет, я не могу представить, что можно было сказать такого, чтобы все исправить.

Ее возбуждение мало-помалу угасало.

— Я нашла ее вариант в одной старой книге, когда занималась генеалогическими изысканиями по просьбе своего покровителя, — ответила она. — Ее почти никто не помнит, идеальный сюжет для песни. Вряд ли мир нуждается в новой истории про Орена Велсайтера. Я никогда не добьюсь цели, повторяя то, что уже перепевали по сто раз другие музыканты.

Денна с любопытством взглянула на меня.

— Я-то думала, что сумею удивить тебя чем-то новеньким. Ни за что бы не подумала, что ты слышал о Ланре.

— Слышал, много лет назад, — оцепенело ответил я. — От старого сказителя в Тарбеане.

— Ну и везучий же ты!.. — Денна в замешательстве покачала головой. — Мне-то пришлось собирать ее по кусочкам в сотне разных мест.

Она сделала примирительный жест.

— Точнее, нам с моим покровителем. Он мне помогал.

— С твоим покровителем... — повторил я. Когда она упомянула его, я ощутил проблеск эмоций. При том, что я чувствовал себя абсолютно опустошенным, злорадство разлилось по моему нутру на удивление стремительно, как будто во мне костер разожгли.

Денна кивнула.

— Он себя воображает кем-то вроде историка, — сказала она. — По моему, он метит на место при дворе. Он будет не первым, кому удалось войти в милость, пролив свет на судьбу чьего-нибудь давно забытого героического предка. А может, он пытается найти героического предка самому себе... Это объяснило бы наши усиленные изыскания в старых генеалогиях.

Она поколебалась, кусая губы.

— По правде говоря, — сказала она, словно решившись сделать признание, — я сильно подозреваю, что песня эта предназначена для самого Алверона. Мастер Ясень намекал, что у него свои дела с маэром.

Она озорно усмехнулась.

— Кто знает? В тех кругах, где ты вращаешься, ты, быть может, уже встречался с моим покровителем, и даже не подозреваешь об этом.

Я принялся лихорадочно перебирать сотни аристократов и придворных, с которыми встречался мимоходом за последний месяц, но мне было трудно сосредоточиться на их лицах. Пламя во мне разгоралось

все сильнее и наконец охватило мою грудь целиком.

— Но довольно об этом! — сказала Денна, нетерпеливо взмахнув руками. Она отодвинула арфу и уселась на траве, скрестив ноги. — Ты меня нарочно мучаешь. Скажи, что ты думаешь?

Я смотрел на свои руки, рассеянно теребя плоскую косицу из зеленой травы, которую я сплел. Косица была гладкая и прохладная на ощупь. Я уже не помнил, как именно я собирался соединить ее концы в кольцо. Я слышал, как Денна говорит:

— Я знаю, там еще есть шероховатости! — в ее голосе звучало нервное возбуждение. — Придется исправить то название, о котором ты говорил, если ты точно уверен, что оно правильное. Начало немного корявое, а седьмая строчка вообще кошмарная, это я знаю. Надо будет еще расширить описания битв и его отношений с Лирой. И финал надо сделать менее рыхлым. Но в целом как она тебе?

Когда она ее отшлифует, песня выйдет блестящая. Ничем не хуже той, которую могли бы написать мои родители. И от этого все выглядело еще ужаснее.

Руки у меня тряслись, я сам удивился, как трудно оказалось сдержать дрожь. Я отвел от них взгляд и посмотрел на Денну. Ее возбуждение развеялось, когда она увидела мое лицо.

— Тебе придется переделать не только название, — я старался, чтобы голос мой звучал ровно. — Ланре не был героем.

Она смотрела на меня странно, словно не могла понять, шучу я или нет.

— Что-что?

— Все было не так, с начала до конца, — сказал я. — Ланре был чудовищем. Предателем. Песню надо переделать.

Денна запрокинула голову и расхохоталась. Видя, что я не смеюсь вместе с ней, она озадаченно склонила голову набок.

— Ты что, серьезно?

Я кивнул.

Лицо у Денны окаменело. Она сердито сощурила глаза и поджала губы.

— Ты, верно, шутишь?

Она молча пошевелила губами, потом покачала головой.

— Нет, это совершенно немыслимо. Ведь если Ланре — не герой, вся история разваливается.

— Тут речь не о том, хорошая это история или нет, — сказал я. — Речь о том, что было на самом деле, а что нет.

— На самом деле? — она уставилась на меня, не веря своим ушам. — Да ведь это просто какая-то древняя сказка! Все названия в ней вымышленные. Все герои вымышленные. Ты с тем же успехом мог бы огорчиться, если бы я выдумала новый куплет для «Лудильщика да дубильщика»!

Я почувствовал, как с моих губ рвутся слова, жаркие, как огонь в печи. Я судорожно проглотил их.

— Некоторые истории — просто истории, — согласился я. — Но не эта. Ты тут ни при чем. Ты никак не могла...

— Ну, спасибо! — ядовито отозвалась она. — Я тут, значит, ни при чем? Как это мило!

— Ну ладно! — резко ответил я. — Раз так, то ты тоже виновата. Надо было провести более тщательные изыскания!

— Да что ты можешь знать о моих изысканиях?! — осведомилась она. — Ты о них вообще представления не имеешь! Я объехала весь мир, раскапывая это предание по кусочкам!

То же самое сделал и мой отец. Он начал писать песню о Ланре, но изыскания привели его к чандрианам. Он потратил годы, охотясь за полузабытыми преданиями и раскапывая смутные слухи. Он хотел рассказать в своей песне правду о них, и они убили всю мою труппу, чтобы положить этому конец.

Я опустил глаза в траву и подумал о тайне, которую хранил так долго. Подумал о запахе крови и паленых волос. О ржавчине, о синем огне, об изломанных телах моих родителей. Как выразить нечто столь огромное и ужасное? С чего начать? Я чувствовал внутри себя тайну, огромную и тяжкую, как камень.

— В той версии истории, что слышал я, — сказал я, коснувшись дальнего конца тайны, — Ланре сделался одним из чандриан. Ты бы поосторожнее. Некоторые истории опасны.

Денна уставилась на меня.

— Чандрианы?! — переспросила она. И расхохоталась. Нет, не своим обычным радостным смехом. Это был резкий, насмешливый хохот. — Ты что, маленький, что ли?

Да, я прекрасно понимал, как по-детски это звучит. Я вспыхнул от стыда и внезапно вспотел всем телом. Открыв рот, чтобы заговорить, я почувствовал, как будто отворяю дверцу топки.

— Ах, это я маленький, да? — бросил я. — Да что ты вообще понимаешь, ты, тупая...

Я себе едва язык не откусил, чтобы не договорить то, что собирался

сказать.

— А ты, значит, все на свете понимаешь, да? — осведомилась Денна. — Ты же у нас в Университете учился, значит, мы, все остальные, по-твоему...

— Прекрати искать повод для злости и выслушай меня! — рявкнул я. Слова хлынули из меня наружу расплавленным железом. — Ты выходишь из себя, как избалованная девчонка!

— Не смей! — она ткнула в меня пальцем. — Не смей со мной говорить так, словно я безмозглая деревенская дурочка! Я много такого знаю, чему в вашем драгоценном Университете не учат! Мне ведомы многие тайны! И я не дура!

— А ведешь себя как дура! — заорал я, срывая голос. — Ты даже не можешь заткнуться и выслушать меня! Я тебе помочь хочу!

Денна сидела, отгородившись ледяным молчанием. Взгляд у нее сделался жесткий и непроницаемый.

— Так вот в чем дело, да? — холодно сказала она. Ее пальцы теребили волосы, напряженные и неловкие от гнева. Она расплела косички, разгладила волосы, потом рассеянно принялась заплетать их снова, уже по-новому. — Тебя бесит, что я не хочу принимать твою помощь! Тебе кажется невыносимым, что я не позволяю тебе устраивать мою жизнь так, как ты считаешь нужным, да?

— Не знаю, может быть, тебе бы и не помешало, чтобы кто-то устроил твою жизнь! — отрезал я. — Сама ты до сих пор делала все сикось-накось!

Она по-прежнему сидела неподвижно, глаза у нее сделались бешеные.

— С чего это ты взял, что ты что-то знаешь о моей жизни, а?

— Я знаю, что ты так боишься подпустить кого-нибудь к себе вплотную, что не ночуешь в одной постели больше трех раз подряд! — сказал я, не соображая, что несу. Злые слова хлестали из меня, как кровь из открытой раны. — Я знаю, что ты всю жизнь только и делаешь, что сжигаешь за собой мосты! Я знаю, что ты решаешь все проблемы тем, что убегаешь прочь...

— А с чего ты взял, что твои советы стоят дороже ломаного гроша? — взорвалась Денна. — Полгода назад ты стоял одной ногой в канаве! С растрепанными волосами и тремя поношенными рубашками! На полтораста километров от Имре не найдется ни одного знатного человека, который согласился бы помочиться на тебя, если ты загорись! Тебе пришлось проехать полторы тыщи километров, чтобы отыскать себе хоть какого-нибудь покровителя!

Лицо у меня вспыхнуло от стыда, от того, что она упомянула про эти

три рубашки, и я снова взорвался.

— Да уж, ты права! — уничтожающе бросил я. — Ты-то устроилась куда как лучше! Уверен, твой покровитель на тебя охотно помочится...

— Ну, наконец-то мы дошли до сути дела! — воскликнула Денна, вскинув руки к небу. — Тебе не нравится мой покровитель, потому что ты можешь найти мне покровителя получше! Тебе не нравится моя песня, потому что она не такая, как та, которую ты знаешь!

Она потянулась за футляром от арфы. Движения ее были резкими и сердитыми.

— Ты такой же, как и все!

— Я просто хочу тебе помочь!

— Ты хочешь меня исправить! — отрезала Денна, убирая арфу в футляр. — Ты пытаешься меня купить. Устроить мою жизнь. Ты хочешь держать меня при себе, как ручную зверушку. Как собачку.

— У тебя нет ничего общего с собакой! — ответил я, улыбаясь ей ослепительно и враждебно. — Собака умеет слушать. Собаке хватает ума не кусать руку, предлагающую помощь!

Ну, и дальше наш разговор покатился под откос.

* * *

Тут я испытываю искушение солгать. Сказать, что все это я говорил в припадке неудержимого гнева. Что меня охватило горе от воспоминаний о моей погибшей семье. Я испытываю искушение сказать, что я ощутил вкус мускатного ореха и коринки. Все это могло бы послужить оправданием...

Но это были мои слова. В конечном счете, это я все наговорил. Я, и никто другой.

Денна отвечала мне тем же. Она была так же разгневана, уязвлена и злоязычна, как и я сам. Оба мы были горды, и рассержены, и переполнены несокрушимой юношеской самоуверенностью. Мы говорили такое, чего ни за что не сказали бы в других обстоятельствах, и, уходя оттуда, мы ушли разными дорогами.

Сердце у меня было огненное и жгучее, как раскаленный металл. Оно жгло меня изнутри, пока я возвращался в Северен. Оно пылало во мне, пока я шел через город и ждал грузового подъемника. Оно мрачно тлело, когда я прошел через дворец маэра и захлопнул за собой дверь своих апартаментов.

Лишь несколько часов спустя я остыл достаточно, чтобы пожалеть о

своих словах. Я задумался о том, что я мог бы сказать Денне. Я подумал, что надо объяснить ей, как погибла вся моя труппа, о чандрианах...

Я решил написать ей письмо. Я все объясню, как бы глупо или невероятно оно ни звучало. Я достал перо, чернила и положил на стол лист хорошей белой бумаги.

Я обмакнул перо в чернильницу и попытался решить, с чего начать.

Мои родители погибли, когда мне было одиннадцать. Это была такая колоссальная, жуткая катастрофа, что она едва не свела меня с ума. За все эти годы я не рассказывал об этих событиях ни единой живой душе. Я даже ни разу не прошептал это вслух в пустой комнате. Я хранил эту тайну долго и ревниво, и теперь стоило мне подумать об этом, как она столь тяжело начинала давить мне на грудь, что я едва мог дышать.

Я снова обмакнул перо, но слова не шли на ум. Я откупорил бутылку вина, думая, что оно поможет мне высвободить тайну. Даст какую-нибудь зацепку, за которую можно будет вытянуть ее наружу. Я пил и пил, пока комната не пошла кругом, а кончик пера не покрылся коркой засохших чернил.

Несколько часов спустя на меня по-прежнему смотрел чистый лист бумаги, и я в ярости и отчаянии колотил кулаком по столу, пока не расшиб руку до крови. Вот как тяжела может быть тайна. Доходит до того, что кровь льется легче чернил.

ГЛАВА 74

СЛУХИ

На следующий день после того, как я поссорился с Денной, я проснулся после обеда, чувствуя себя ужасно несчастным по всем очевидным причинам. Я поел, принял ванну, однако гордость помешала мне спуститься в Северен-Нижний и отыскать Денну. Я отправил кольцо Бредону, однако посыльный вернулся с известием, что Бредон еще не вернулся.

Поэтому я откупорил бутылку вина и принялся листать кипу историй, которые мало-помалу копились у меня в комнате. Большинство из них представляли собой злобные кляузы. Однако их мелочная склочность соответствовала моему душевному состоянию и помогала отвлечься от собственных несчастий.

Так я узнал, что прежний граф Бэнбрайд умер вовсе не от чахотки, а от сифилиса, который подцепил от любвеобильного конюха. Лорд Вестон питает пристрастие к смоле деннера, и все деньги, предназначенные на ремонт королевского тракта, уходят на это дело.

Барону Джакису пришлось заплатить нескольким чиновникам, чтобы избежать скандала, когда его младшую дочку обнаружили в борделе. Эта история существовала в двух версиях: согласно одной, она торговала собой, согласно другой — покупала. Эти сведения я отложил для дальнейшего использования.

Я откупорил вторую бутылку к тому времени, как прочел, что юная Неталия Лэклесс сбежала с труппой бродячих актеров. Родители от нее, разумеется, отrekliсь, и Мелуан осталась единственной наследницей владений Лэклессов. Это объясняло, отчего Мелуан так ненавидит эдема руэ, и заставило меня лишний раз порадоваться, что я не стал афишировать свое происхождение здесь, в Северене.

Трое, независимо друг от друга, поведали мне, что герцог Кормисант, напившись пьян, разъярился и отколотил всех, кто подвернулся под руку, включая собственную жену, сына и нескольких гостей, приехавших отобедать. Еще там было краткое и рискованное повествование о том, что король с королевой устраивают в своих личных садах, вдали от глаз придворных, разнузданные оргии.

Фигурировал там даже Бредон. О нем писали, что он проводил в

глухих лесах за пределами своих северных поместий языческие ритуалы. Описание ритуалов было исполнено столь экстравагантных мелких подробностей, что я заподозрил, что его содрали из какого-нибудь старинного атуранского романа.

Я читал до темноты и не успел одолеть и половины той кипы, когда у меня закончилась вторая бутылка. Я собирался уже отправить посыльного за новой, как вдруг услышал слабый шелест воздуха из соседней комнаты, говорящий о том, что Алверон вошел ко мне через потайной ход.

Когда он появился в комнате, я сделал вид, будто удивился.

— Добрый вечер, ваша светлость, — сказал я, поднимаясь на ноги.

— Сидите, если вам угодно, — коротко ответил он.

Я остался почтительно стоять: я уже успел убедиться, что с маэром лучше перегнать с церемониями, чем наоборот.

— Как идут дела с вашей дамой? — поинтересовался я. Из взбудораженной болтовни Стейпса я знал, что роман стремительно близится к цели.

— Мы сегодня заключили официальную помолвку, — рассеянно отвечал он. — Подписали бумаги и так далее. Так что дело сделано.

— Прошу прощения, что я так говорю, ваша светлость, но, сдается мне, вы не в восторге.

Он кисло улыбнулся в ответ.

— Полагаю, вы слыхали о недавних неприятностях на дорогах?

— Только слухи, ваша светлость.

Он фыркнул.

— А ведь я изо всех сил старался эти слухи прекратить! Кто-то подстерегает на северном тракте моих сборщиков налогов.

Это было серьезно...

— Сборщиков, ваша светлость? — переспросил я, напирая на множественное число. — Скольких же они сумели перехватить?

Маэр бросил на меня суровый взгляд, давая понять, что вопрос мой неуместен.

— Достаточно. Более чем достаточно. На днях пропал уже четвертый. Более половины налогов с моих северных земель досталось разбойникам с большой дороги.

Он пристально взглянул на меня.

— А земли Лэклессов как раз на севере, вы же знаете.

— Вы думаете, что это Лэклессы перехватывают ваших сборщиков налогов?

Он взглянул на меня изумленно.

— Что-о? Нет-нет! Это разбойники из Эльда.

Я смущенно покраснел.

— А дозоры вы выслали, ваша светлость?

— Ну разумеется, выслал! — бросил он. — Целый десяток. Дозоры ничего не нашли, ни единой брошенной стоянки.

Он помолчал и взглянул на меня.

— Я подозреваю, что кто-то из моей стражи с ними заодно.

Лицо его выглядело суровым.

— Я так понимаю, что ваши сборщики налогов путешествовали с охраной?

— По два человека на каждого, — ответил он. — Вы знаете, чего стоит заменить десяток стражников? Доспехи, оружие, кони?

Он вздохнул.

— А главное, из пропавших налогов лишь часть была моей. Остальное принадлежит королю.

Я понимающе кивнул.

— Думаю, он не в восторге.

Алверон только рукой махнул.

— О, Родерик-то свои деньги все равно получит. Он считает, что я перед ним лично в ответе за его десятину. Так что мне придется отправить новых сборщиков налогов, чтобы во второй раз собрать королевскую долю.

— Полагаю, большинству людей это придется не по душе, — заметил я.

— Да уж!

Он уселся в мягкое кресло и устало потер лицо.

— Просто ума не приложу, что делать. Если я не могу обеспечить безопасность на своих дорогах, как это будет выглядеть в глазах Мелуан?

Я сел напротив.

— А что Дагон? — спросил я. — Он не может их отыскать?

Алверон ответил мне коротким невеселым смешком.

— О, уж Дагон-то их отыщет! Не пройдет и десяти дней, как их головы будут торчать на кольях!

— Так почему бы не отправить его? — удивился я.

— Потому что Дагон склонен к решительным действиям. Чтобы найти разбойников, он сровняет с землей десяток деревень и выжжет дотла пятьсот гектаров Эльда.

Он мрачно покачал головой.

— И даже если бы я думал, что он годится для такого дела, в данный момент он занят поисками Кавдикуса. Кроме того, я полагаю, что в Эльде

не обошлось без магии, а магия Дагону не по зубам.

Я подозревал, что единственная магия, без которой тут не обошлось, — это полдюжины крепких модеганских ростовых луков. Однако людям вообще свойственно кричать о магии, когда они сталкиваются с чем-то, чего не могут объяснить с ходу. Особенно в Винтасе.

Алверон подался вперед.

— Я могу рассчитывать на вашу помощь в этом деле?

Ну что я мог ответить?

— Разумеется, ваша светлость!

— Умеете ли вы ориентироваться в лесу?

— В юности я одно время ходил в учениках у егеря.

Я счел за лучшее немного приврать, подозревая, что он ищет человека, который придумает, как лучше защитить его сборщиков налогов.

— Так что я сумею и выследить человека, и спрятаться сам.

Услышав это, Алверон вскинул бровь.

— Вот как? Я смотрю, вы получили более чем разностороннее образование.

— Я прожил интересную жизнь, ваша светлость.

Выпитое вино сделало меня более нахальным, чем обычно, и я добавил:

— У меня есть пара-тройка идей, которые, возможно, помогут вам покончить с разбойниками.

Он подался вперед.

— Ну-ка, ну-ка?

— Я мог бы обеспечить ваших людей арканической защитой.

Я пошевелил длинными пальцами правой руки, надеясь, что этот жест выглядит достаточно торжественно и загадочно. Сам я тем временем мысленно проводил расчеты и прикидывал, сколько времени уйдет на то, чтобы изготовить стрелохват, используя только то оборудование, что имеется в башне Кавдикуса.

Алверон задумчиво кивнул.

— Этого было бы достаточно, если бы меня волновала только безопасность моих сборщиков налогов. Однако же это королевский тракт, главная торговая артерия страны. Нужно избавиться от самих разбойников.

— В таком случае, — сказал я, — я собрал бы небольшой отряд людей, умеющих незаметно ходить по лесу. Вряд ли им будет так уж сложно обнаружить ваших разбойников. Ну а когда они это сделают, останется только послать стражу и переловить их.

— Не проще ли будет устроить засаду и перебить их, а? — медленно осведомился Алверон, как бы выжидая, что я отвечу.

— Ну, или так, — согласился я. — Закон в руках вашей светлости.

— Разбой карается смертью. Тем более на королевском тракте, — твердо ответил Алверон. — Вам кажется, что это чересчур сурово?

— Ничуть, — ответил я, глядя ему в глаза. — Безопасные дороги — это артерии цивилизации.

Алверон неожиданно улыбнулся в ответ.

— Ваш план — точная копия моего собственного. Я собрал кучку наемников, чтобы сделать именно так, как вы предложили. Мне пришлось действовать тайно: я ведь не знаю, кто именно предупреждает этих разбойников. Однако я нашел четырех надежных людей, и они выступают завтра: следопыт, двое наемников, которые немного знают лес, и наемник из адемов. Надо сказать, последний обошелся мне недешево.

Я одобрительно кивнул.

— Ваша светлость, вы уже спланировали все куда лучше, чем это мог бы сделать я. Мне кажется, что моя помощь вам и ни к чему.

— Напротив, — ответил он. — Мне еще осталось найти человека с мозгами, который мог бы их возглавить.

Он многозначительно взглянул на меня.

— Человека, разбирающегося в магии. Человека, на которого я могу положиться.

Сердце у меня упало.

Алверон поднялся на ноги и дружески улыбнулся.

— Вы уже два раза сослужили мне службу превыше любых ожиданий. Знаете такое выражение: «Бог троицу любит»?

И снова мне ничего не оставалось, как ответить:

— Да, ваша светлость.

* * *

Алверон отвел меня к себе, и мы изучили карты местности, где исчезли его люди. Это был протяженный участок королевского тракта, идущий сквозь ту часть Эльда, которая была древней еще в те времена, когда Винтас был не более чем горсткой враждующих морских королей. До тех мест было чуть больше ста двадцати километров. Четыре дня быстрой ходьбы.

Стейпс снабдил меня новым дорожным мешком, и я подготовился так

хорошо, как только мог. Взял из гардероба одежду что попроще, хотя и она больше годилась для бала, нежели для похода. Упаковал кое-какое добро, которое потихоньку натаскал из лаборатории Кавдикуса за последний оборот, выдал Стейпсу список некоторых важных предметов и ингредиентов, которых мне недоставало, и он раздобыл все нужное проворней, чем бакалейщик из кладовой.

И наконец, в час, когда все, кроме самых отчаянных и бесчестных, давно уже спят без задних ног, Алверон вручил мне кошелек с сотней серебряных битов.

— Не очень-то удобный способ, — заметил он. — В обычных обстоятельствах я просто выдал бы вам бумагу, предписывающую гражданам предоставить вам любую необходимую помощь.

Он вздохнул.

— Но использовать в пути подобное предписание — все равно что протрубить в рог, возвещая о своем прибытии.

Я кивнул.

— Если уж они ухитрились внедрить шпиона в вашу стражу, надежней предположить, что у них есть связи и с местным населением тоже, ваша светлость.

— Возможно, это и есть местное население, — мрачно заметил маэр.

Стейпс вывел меня из дворца тем самым потайным ходом, которым маэр проходил ко мне в комнаты. Освещая путь занавешенной воровской лампой, он провел меня несколькими извилистыми коридорами, а потом — вниз по длинной и темной лестнице, вырубленной в самой толще Крути.

Так я очутился один в холодной кладовке заброшенной лавки в Северене-Нижнем. Лавка находилась в той части города, которую несколько лет назад опустошил пожар, и немногие уцелевшие балки торчали на фоне бледного рассветного неба, точно черные кости.

Я вышел наружу из обугленного остова здания. Надо мной хищной птицей громоздился на краю Крути дворец маэра.

Я сплюнул. Мне совсем не нравилось, что из меня помимо моей воли сделали наемника. Глаза слезились после бессонной ночи и долгого путешествия по извилистым каменным коридорам внутри Крути. Выпитое вино дела тоже не улучшило. В последние несколько часов я отчетливо ощущал, как опьянение постепенно сменяется похмельем. Прежде мне не доводилось переносить весь этот процесс на ногах, и приятного тут было мало. В присутствии Алверона и Стейпса я держался молодцом, но на самом деле меня мутило и мысли путались.

От холодного предутреннего воздуха в голове немного прояснилось, и

шагов через сто я начал вспоминать обо всем, что забыл включить в список, выданный Стейпсу. Вино и тут сыграло со мной дурную шутку. Ни огнива, ни соли, ни ножа...

Лютня! Я ведь так и не забрал ее у мастера, который чинил разболтавшийся колок! А кто знает, сколько времени мне придется ловить этих маэровых разбойников? И как скоро мастер решит, что лютня осталась бесхозной и пора ее продать?

Я сделал трехкилометровый крюк, но в мастерской было темно и тихо. Стучался-стучался — все без толку. Я немного поколебался, потом вломился внутрь и украл ее. Хотя, по правде говоря, это была никакая не кража: лютня-то была моя собственная, и за починку я уже уплатил...

Мне пришлось перемахнуть через стену, залезть в окно и вскрыть два замка. Ничего особенно сложного, но после бессонной ночи, с похмельной головой, мне, пожалуй, повезло, что я не свалился с крыши и не свернул себе шею. Однако все прошло гладко, если не считать упавшей плитки шифера, от которой у меня заколотилось сердце. Через двадцать минут я отправился своей дорогой.

Четверо наемников, которых собрал Алверон, ждали в кабаке в трех километрах к северу от Северена. Мы коротко представились друг другу и тотчас же двинулись в путь на север по королевскому тракту.

Я соображал так туго, что мы очутились в нескольких километрах к северу от Северена прежде, чем я кое о чем задумался. Мне только теперь пришло на ум, что, возможно, в нашем давешнем разговоре маэр был не вполне искренен.

Неужто я и в самом деле самый подходящий человек для того, чтобы возглавить горстку следопытов, которым предстоит в незнакомом лесу выследить и перебить банду разбойников? Неужели маэр в самом деле столь высокого обо мне мнения?

Нет. Конечно, нет. Лестно, но это не может быть правдой. У маэра под рукой есть куда более опытные люди. Правда в том, что он, по всей вероятности, попросту предпочел убрать подальше своего сладкоязычного помощника теперь, когда с леди Лэклесс все улажено. Ну и дурак же я был, что не сообразил это сразу!

И вот, значит, он отправил меня туда, не знаю куда, чтобы я не путался под ногами. Он рассчитывает, что я буду целый месяц гоняться по чащам Эльда за его несуществующими разбойниками, а потом вернусь с пустыми руками. Тогда становилось понятней и то, для чего понадобился кошелек. Сотни битов нам как раз хватит на то, чтобы прокормиться около месяца. А потом, когда у меня кончатся деньги, мне поневоле придется вернуться в

Северен, маэр разочарованно поцокает языком и воспользуется моим промахом как предлогом, чтобы забыть о некоторых услугах, которые я оказал ему прежде.

С другой стороны, если мне повезет и я все же поймаю разбойников, тем лучше. Да, этот план совершенно в духе маэра, насколько я его знаю. Как бы ни обернулось дело, он в любом случае останется в выигрыше.

Меня это разозлило. Но не мог же я вернуться в Северен и высказать ему свое негодование! Раз уж я взялся за это дело, оставалось только постараться выйти из ситуации с достоинством.

Шагая на север, с гудящей головой и пересохшим ртом, я твердо решил еще раз удивить маэра. Я поймаю-таки его разбойников!

Бог троицу любит. Тогда маэр Алверон станет моим должником, окончательно и бесповоротно.

ГЛАВА 75

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В первые несколько часов нашего похода я сделал все, чтобы поближе познакомиться с парнями, которых Алверон усадил мне на загривок. В переносном, конечно, смысле: во-первых, все они шли своими ногами, а во-вторых, одна из них была женщиной.

Первым привлек мое внимание Темпи, он же и удерживал его дольше всех, поскольку был первым наемником из адемов, которого я встретил. Темпи оказался вовсе не громилой-убийцей со стальным взглядом, как я думал, а довольно невзрачным мужичком, не очень-то высоким и не особенно крепко сбитым. Светлокожий, со светлыми волосами и светло-серыми глазами. Лицо его было пустым, как чистый лист бумаги. На удивление пустым. Нарочито пустым, я бы сказал.

Я знал, что наемники из адемов носят кроваво-красные одежды, это у них вроде формы. Однако одежда Темпи выглядела совсем не так, как я ожидал. Его рубаша была притянута к телу десятком мягких кожаных ремней. Штаны тоже были туго перевязаны у бедер, лодыжек и колен. Все это было кроваво-красного цвета и сидело на нем так же туго, как перчатка на джентльмене.

День выдался солнечный, и я увидел, как Темпи начал потеть. Он привык к холодному разреженному воздуху Штормвала, и в здешних краях ему, должно быть, было чересчур жарко. За час до полудня он распустил кожаные перевязи на рубашке, содрал ее с себя и принялся утирать ею лицо и руки. Похоже, его ничуть не смущало, что он идет по королевскому тракту голым до пояса.

Кожа у Темпи была белая-белая, почти как сливки, а тело — тощее и поджарое, как у борзой, и мышцы переливались под кожей со звериной грацией. Я старался не пялиться на него, но глаз поневоле выхватывал узкие бледные шрамы, оплетающие плечи, грудь и спину.

Он ни разу не пожаловался на жару. Он вообще говорил мало, а на вопросы чаще отвечал, кивая или качая головой. У него был дорожный мешок, такой же, как мой, а его меч выглядел ничуть не устрашающе — скорее, наоборот, он был довольно короткий и неброский.

Дедан отличался от Темпи, насколько вообще один человек может отличаться от другого. Он был высок, широкоплеч, с мощной грудью и

загравком. При нем был тяжелый меч, длинный кинжал, разрозненные доспехи вареной кожи, такой твердой, что ею можно было убить, и неоднократно чиненные. Короче, если вы хоть раз видели охранника при караване, значит, вы видели Дедана — или, по крайней мере, кого-то, скроенного из того же отреза ткани.

Он жрал больше всех, больше всех ныл, больше всех бранился и был упрямей мореного дуба. Но, надо отдать ему должное, он держался дружелюбно и был смешлив. Я испытывал искушение счесть его глупцом за его рост и манеры, но на самом деле Дедан был далеко не глуп, когда давал себе труд пораскинуть мозгами.

Геспе была женщиной-наемницей. Вовсе не такая редкая птица, как думают некоторые. По внешности и снаряжению она была почти точной копией Дедана. Кожаные доспехи, тяжелый меч, обветренный и многоопытный вид. У нее были широкие плечи, сильные руки и гордое лицо с квадратной челюстью. И красивые белокурые волосы — но подстриженные коротко, по-мужски.

Однако считать ее женской версией Дедана было бы ошибкой. Она была настолько же сдержанна и замкнута, насколько он — болтлив и хвастлив. И, в то время как Дедан был легок в общении, когда не злился, Геспе все время держалась чуточку напряженно, как будто постоянно ожидала от кого-то неприятностей.

Мартен, наш следопыт, был старшим из нас. Он тоже одевался в кожу, но более мягкую и ухоженную, чем доспехи Дедана и Геспе. Он носил при себе длинный кинжал, короткий нож и охотничий лук.

Мартен служил егерем, пока не впал в немилость у баронета, чьи леса он охранял. Работа наемника была, конечно, гораздо хуже должности егеря, однако же она его кормила. Мартен хорошо стрелял из лука, так что в бою он тоже кое-чего стоил, хотя и не был так силен, как Дедан или Геспе.

Эти трое заключили временный союз несколько месяцев тому назад и с тех пор нанимались на работу вместе. Мартен мне рассказал, что им и прежде доводилось работать на маэра: в последний раз их наняли обходить дозором земли неподалеку от Тинуэ.

Мне потребовалось минут десять, чтобы сообразить, что по-настоящему походом должен был командовать Мартен. Он чувствовал себя в лесу куда уверенней, чем все мы вместе взятые, и ему даже пару раз доводилось охотиться на людей за вознаграждение. Когда я сказал об этом ему, он только покачал головой, улыбнулся и сказал, что уметь делать что-то и хотеть это делать — две большие разницы.

Ну и, наконец, я — их отважный предводитель. В письме, которое

вручил мне маэр, я описывался как «толковый юноша, хорошо образованный и обладающий множеством достоинств». Хотя это было чистой правдой, подобная характеристика заставляла меня чувствовать себя самым бесполезным из всех придворных фатов.

Да и то, что я был намного моложе их всех и костюм мой годился скорее для вечеринки, чем для похода, делу отнюдь не помогало. У меня с собой была моя лютня и кошелек маэра. Ни меча, ни доспехов, ни даже ножа...

Осмелюсь утверждать, они совершенно не понимали, что со мной таким делать.

* * *

Примерно за час до заката мы повстречали на дороге лудильщика. На нем был традиционный бурый балахон, подпоясанный веревкой. Тележки при нем не было: он вел под уздцы ослика, навьюченного узлами до такой степени, что животное походило на гриб.

Лудильщик неторопливо шагал нам навстречу, напевая:

Пускай повсюду благодать,
Кругом весна и счастье,
Не вечно солнышку сиять,
Придет еще ненастье!

Пускай на мелочи вам лень
Сегодня деньги тратить —
Но вот наступит черный день,
И мелочей не хватит!

На черный день, на черный час
Всегда необходимо
Иметь запас —
А вот как раз
Идет лудильщик мимо!

(Стихи в переводе Вадима Ингвалла Барановского)

Я рассмеялся и зааплодировал. Настоящий странствующий лудильщик — птица редкая, и я всегда рад подобной встрече. Мать говорила мне, что встреча с лудильщиком приносит удачу, а отец ценил их за новости, которые они разносят. Ну а то, что мне и вправду было необходимо кое-что прикупить, делало эту встречу вдвое более желанной.

— Эй, лудильщик! — с улыбкой окликнул его Дедан. — Мне требуется очаг и кружка пива. Далеко ли до ближайшего трактира?

Лудильщик указал себе за спину.

— Минут двадцать ходьбы, и того не будет.

Он смерил взглядом Дедана.

— Только не говорите, что вам больше ничего не требуется! — воскликнул он. — Всякому человеку что-нибудь да надо.

Дедан вежливо покачал головой.

— Извини, лудильщик. Я поиздержался.

— А вы? — лудильщик окинул взглядом меня. — У вас вид молодого человека, которому точно что-то надо!

— Да, мне и в самом деле кое-что требуется, — признался я. Видя, что остальные с тоской посматривают вперед, в сторону трактира, я махнул им рукой. — Ступайте вперед! Я сейчас догоню.

Они зашагали дальше. Лудильщик, усмехаясь, потер руки.

— Ну-с, так что же вам угодно?

— Для начала — немного соли.

— И коробочка для нее, — добавил лудильщик, принимаясь рыться в тюках, навьюченных на ослика.

— И хорошо бы еще нож, если у вас найдется такой, который не слишком трудно достать.

— Тем более что вы отправляетесь на север, — тут же подхватил лудильщик. — Дороги там опасные. Без ножа нехорошо.

— А что, и у вас были неприятности? — спросил я, надеясь, что он может знать что-то, что помогло бы нам отыскать разбойников.

— Да нет, — ответил он, копаясь в вещах. — Дела еще не настолько плохи, чтобы кому-то пришлось в голову обидеть лудильщика. И все-таки дороги там опасные.

Он вытащил длинный узкий нож в кожаных ножнах и протянул его мне.

— Рамстонской стали!

Я вытащил нож и оглядел клинок. Это и впрямь была рамстонская сталь.

— Да нет, мне бы чего попроще, — сказал я, возвращая ему нож. —

Мне в основном для повседневных нужд, колбаску там порезать...

— А чем вам рамстонская сталь для повседневных нужд не годится? — возразил лудильщик, снова сунув мне нож. — Им можно лучину на растопку колоть, а потом сразу бриться! Заточку держит только так!

— Мне может потребоваться его и на излом взять, — уточнил я. — А рамстонская сталь хрупкая.

— Что есть, то есть, — охотно согласился лудильщик. — А как говаривал мой батюшка: «Лучшего ножа у вас не будет, пока этот не сломается!» Хотя это касается любого ножа. А по правде говоря, этот нож — единственный, что у меня есть.

Я вздохнул. Я же вижу, когда деваться некуда.

— И огниво.

Он протянул мне огниво едва ли не прежде, чем я успел это сказать.

— Я поневоле обратил внимание, что у вас пальцы в чернилах, — сказал он, указывая на мои руки. — У меня есть бумага, отличная бумага! И перья, и чернила тоже. Что может быть хуже, чем сочинить песню и не суметь ее записать?

Он протянул мне кожаную папку с бумагой, перьями и чернильницей.

Я покачал головой, помня, что кошелек маэра отнюдь не бездонный.

— Да нет, лудильщик, сдается мне, песни писать я пока что бросил.

Он пожал плечами, по-прежнему протягивая мне папку.

— Ну, не песни, так письма! Я знаю одного парня, которому как-то раз пришлось вскрыть себе вены, чтобы написать записку возлюбленной. Это, конечно, весьма романтично. И очень символично. Но еще и весьма болезненно, негигиенично и смотрится жутковато, если честно. Так что теперь он всегда носит при себе перо и чернила!

Я почувствовал, как кровь отхлынула от моего лица: слова лудильщика напомнили мне о том, о чем я совсем позабыл в спешке, уходя из Северена. Денна! После разговора с маэром о разбойниках, двух бутылок крепкого вина и бессонной ночи мысли о ней совершенно вылетели у меня из головы. И я ушел после нашей ужасной ссоры, не сказав ни слова! Что она подумает, раз я так жестоко разговаривал с ней, а потом взял и исчез?

Я был уже в целом дне пути от Северена. Не мог же я вернуться только затем, чтобы предупредить ее, что ухожу? Я поразмыслил. Нет. А кроме того, Денна сама столько раз исчезала без предупреждения, не сказав ничего на прощание... Уж конечно, она меня поймет, если я поступлю так же...

«Глупо... Глупо... Глупо...» Мои мысли металась по кругу: я пытался

сделать выбор из нескольких равно неприятных вариантов.

И тут хриплый рев лудильщикова осла навел меня на мысль.

— Скажи, лудильщик, а ты, часом, не в Северен ли направляешься?

— Скорее за Северен, чем в него, — сказал он. — Но и туда тоже.

— Я только что вспомнил, что мне нужно отправить письмо. Если я тебе его дам, возьмешься ли ты отнести его в один трактир?

Он медленно кивнул.

— Возьмусь, — сказал он. — При условии, что вам понадобится бумага и чернила...

Он улыбнулся и помахал папкой.

Я поморщился.

— Понадобится, лудильщик. Но сперва скажи, сколько ты с меня возьмешь за все вместе взятое?

Он окинул взглядом разложенные товары.

— Соль с коробочкой — четыре бита. Нож — пятнадцать битов. Бумага, перья и чернила — восемнадцать битов. Огниво — три бита.

— И доставка письма, — добавил я.

— Срочная доставка! — с улыбкой уточнил лудильщик. — Причем даме, судя по вашему выражению лица.

Я кивнул.

— Так-так... — лудильщик потер подбородок. — Ну, в других обстоятельствах я бы заломил тридцать пять, мы бы с вами как следует поторговались, и вы бы сбили цену до тридцати.

Цена была разумная, особенно учитывая, как нелегко добыть хорошую бумагу. И тем не менее это была треть тех денег, что дал мне маэр. И эти деньги нам потребуются на еду, на ночлег, на другие нужды...

Но не успел я что-нибудь ответить, как лудильщик продолжал:

— Однако я вижу, что для вас это слишком дорого. А смею заметить, плащ на вас на диво хороший. Я лично всегда рад сторговаться и оказать человеку услугу...

Я машинально плотней завернулся в свой красивый вишневый плащ.

— Может, я бы и согласился с ним расстаться, — сказал я. Мне даже не пришлось изображать сожаление — оно было неподдельным. — Но тогда ведь я останусь без плаща! А ну как дождь пойдет, что же я стану делать?

— Это не проблема! — сказал лудильщик. Он вытряхнул из мешка матерчатый сверток и показал его мне. Когда-то ткань была черной, но от времени и многочисленных стирок она вылиняла, сделавшись темно-зеленоватой.

— Потрепанный малость, — заметил я, щупая расходящийся шов.

— Да ладно, просто хорошо обьежженный! — возразил лудильщик, набрасывая плащ мне на плечи. — А сидит-то как! И цвет вам идет, как раз глаза подчеркивает. К тому же на дороге, где полно разбойников, не стоит выглядеть чересчур богатым!

Я вздохнул.

— А что вы дадите мне в придачу? — спросил я, протягивая ему свой красивый плащ. — Этот плащ и месяц не ношен, заметьте себе, и под дождем ни разу не бывал!

Лудильщик ощупал мой великолепный плащ.

— Ого, сколько кармашков! — с восхищением сказал он. — Чудная вещь!

Я пощупал потертую ткань плаща лудильщика.

— Если дадите в придачу иголку с ниткой, я, так и быть, сменяю свой плащ на все это добро, — сказал я, внезапно охваченный вдохновением. — И вдобавок уплачу вам железный пенни, медный пенни и серебряный пенни!

Я усмехнулся. Это были жалкие гроши. Но именно столько просят лудильщики в сказках, продавая какой-нибудь волшебный амулет ничего не подозревающему сыну вдовы, который отправился по свету искать счастья.

Лудильщик расхохотался, запрокинув голову.

— Я как раз собирался предложить то же самое! — сказал он. Потом закинул мой плащ на плечо и крепко пожал мне руку.

Я порылся в своем кошельке и выудил железный драб, два винтийских полупенни и, к своему изумлению, атуранский твердый пенни. Последнее было большой удачей для меня: твердый пенни стоил всего лишь малую часть винтийского серебряного кругля. Я вытряхнул содержимое десятка карманов вишневого плаща в свой дорожный мешок и забрал у лудильщика свое новое имущество.

Потом торопливо написал записку Денне, объяснив, что мой покровитель неожиданно отослал меня по делам. Извинился за все резкости, которые ей наговорил, и пообещал встретиться с нею сразу, как вернусь в Северен. Мне хотелось бы, чтобы у меня было побольше времени на то, чтобы составить это письмо. Мне хотелось бы подобрать более продуманные извинения, получше все объяснить, — но лудильщик уже упаковал мой красивый плащ, и ему явно не терпелось отправиться дальше.

У меня не было воска, чтобы запечатать письмо, и я использовал уловку, которую придумал, когда писал письма для маэра. Я в несколько раз сложил лист бумаги, а потом свернул его так, что пришлось бы его

разорвать, чтобы развернуть снова.

Я протянул письмо лудильщику.

— Его нужно отдать красивой черноволосой женщине по имени Денна. Она живет в «Четырех свечках» в Северене-Нижнем.

— Ах да, совсем забыл! — воскликнул лудильщик, пряча письмо в карман. — Свечки!

Он сунул руку во выюк и вытащил пучок толстых сальных свечей.

— Свечки-то точно всякому нужны!

Как ни забавно, свечки мне действительно могли пригодиться, хотя и не затем, что он думал.

— А еще у меня есть вакса для сапог, — продолжал он, роясь в тюках. — А то у нас тут знаете какие ливни бывают?

Я рассмеялся и развел руками.

— Я, пожалуй, куплю у вас четыре свечки за бит, но больше я себе ничего позволить не могу. А то, если так дальше пойдет, мне придется купить у вас вашего осла, чтобы увезти все мои покупки!

— Ну, как желаете, — ответил он, легко пожав плечами. — Знаете, молодой господин, иметь с вами дело — одно удовольствие!

ГЛАВА 76

РАСТОПКА

На второй день солнце уже садилось, когда мы наконец нашли хорошее место для лагеря. Дедан отправился собирать хворост. Мартен принялся чистить картошку и морковку, а Геспе отправился набрать воды в котелок. Я же взял лопатку Мартена и принялся копать яму под костер.

Темпи, не дожидаясь просьбы, взял сук и мечом настругал сухих стружечек на растопку. Без ножен его меч тоже смотрелся не особенно впечатляюще. Однако, учитывая, как легко он снимал с дерева тонкую, как бумага, стружку, он, должно быть, был острее бритвы.

Я как раз закончил обкладывать кострище камнями. Темпи молча протянул мне горсть растопки.

Я кивнул.

— Может, хочешь взять мой нож? — спросил я, надеясь втянуть его в разговор. За эти два дня я перекинулся с ним едва ли десятком слов.

Светло-серые глаза Темпи взглянули на нож у меня на поясе, потом на его меч... Он покачал головой и нервно передернулся.

— А разве это заточку не портит? — спросил я.

Наемник пожал плечами, избегая смотреть мне в глаза.

Я принялся раскладывать костер, и тут-то я допустил свою первую ошибку.

Надо сказать, вечер был холодный, а все мы устали. Так что вместо того, чтобы в течение получаса заботливо колдовать над костром, раздувая из крохотной искры большое пламя, я обложил наструганную Темпи растопку прутиками, потом расставил вокруг чурочки побольше, соорудив плотный дровяной шалашик.

Как раз когда я заканчивал, вернулся Дедан с очередной охапкой дров.

— Чудесно! — буркнул он себе под нос, достаточно тихо, чтобы при случае сделать вид, будто разговаривал сам с собой, однако достаточно громко, чтобы слышали все. — И это наш старшой! Замечательно!

— Что тебе теперь-то не по нраву? — устало осведомился Мартен.

— Нам костер нужен, а мальчик тут деревянную крепость строит!

Дедан театрально вздохнул, а потом обратился ко мне — он, вероятно, думал, что наставительно, а как по мне, то свысока:

— Слушай, давай помогу, а? Так тебе костер нипочем не разжечь. У

тебя есть кремень и огниво? Давай я научу тебя, как ими пользоваться.

Никто не любит, когда с ним разговаривают таким тоном, но я этого просто не выношу. А Дедан уже два дня всячески пытался показать, что считает меня дураком.

Я испустил усталый вздох — самый стариковский, самый усталый от жизни вздох, какой только мог изобразить. Нужно было разыграть все как по нотам. Он считает меня бестолковым сопляком. Надо ему показать, как он ошибается.

— Дедан, — спросил я, — что ты обо мне знаешь?

Он растерянно уставился на меня.

— Ты знаешь обо мне только одно, — спокойно продолжал я. — Ты знаешь, что маэр назначил меня главным.

Я посмотрел ему в глаза.

— Как ты думаешь, маэр — он дурак?

Дедан замахал руками.

— Да нет, конечно, я просто...

Я встал — и тут же пожалел об этом: так куда сильнее бросалась в глаза наша разница в росте.

— Как ты думаешь, стал бы маэр назначать меня главным, будь я дураком?

Дедан неискренне улыбнулся, пытаясь свести на нет два дня пренебрежительных замечаний в мою сторону.

— Да нет, ты неправильно понял...

Я поднял руку.

— Это не твоя вина. Ты обо мне просто ничего не знаешь. Но давай не станем тратить на это время нынче вечером. Все мы устали. Просто прими к сведению, что я не сынок какого-нибудь богатея, отправившийся на прогулку.

Я зажал между пальцами вытащенную из костра стружку и сосредоточился. Я вложил в это больше теплоты, чем требовалось, и почувствовал, как моя рука похолодела до самого плеча.

— И можешь быть уверен — я умею разжигать огонь!

Растопка воспламенилась, жаркое пламя взметнулось вверх, мгновенно охватив сложенные шалашиком дрова.

Я просто хотел произвести впечатление, чтобы Дедан перестал считать меня бестолковым мальчишкой. Однако за время, проведенное в Университете, я несколько отвык общаться с обычными людьми. Развести костер таким образом для любого члена арканума было так же просто, как натянуть сапоги.

А Дедан отродясь не встречал живого арканиста и, по всей вероятности, вообще не приближался к Университету ближе чем на тысячу километров. И все, что он знал о магии, сводилось к байкам, которых он наслушался у походных костров.

Поэтому, когда костер вспыхнул, он побелел как простыня, и шарахнулся на несколько шагов назад. У него был такой вид, словно я внезапно вызвал стену бушующего пламени, подобно Таборлину Великому.

Потом я увидел, что и у Мартена с Геспе точно такие же лица — на них было отчетливо написано природное винтийское суеверие. Они взглянули на костер, потом снова на меня... Я оказался одним из «этих». Я путаюсь с темными силами. Я призываю демонов. Я жру сырки вместе с корочкой.

Глядя на их ошеломленные лица, я осознал, что не смогу сказать ничего такого, что бы их успокоило. По крайней мере, сейчас. Поэтому я только вздохнул и принялся раскатывать свой спальник на ночь.

Надо сказать, что в тот вечер у костра не было слышно веселой болтовни — но зато и ворчания Дедана слышно не было. Мне нравится, когда меня уважают, но, за отсутствием уважения, немного здорового страха тоже сгодится для того, чтобы уладить определенные недоразумения.

* * *

Через два дня, видя, что я не собираюсь больше выкидывать ничего «эдакого», все мало-помалу расслабились. Дедан по-прежнему хвастался и важничал, однако же прекратил называть меня «мальчиком» и ныл теперь вдвое меньше прежнего, так что я считал это своей победой.

Вдохновленный этим сомнительным успехом, я твердо решил разговорить наконец Темпи. Если уж я командир этого маленького отряда, мне нужно знать о своем подчиненном побольше! А главное, мне требовалось выяснить, способен ли он произнести больше пяти слов кряду.

Так что днем, когда мы остановились на привал, я подошел к наемнику из адемов. Он сидел немного в стороне от остальных. Не то чтобы он нарочно противопоставлял себя остальным. Просто мы ели и болтали. А Темпи ел молча.

Однако сегодня я нарочно уселся рядом с ним со своим обедом: куском вяленой колбасы и несколькими холодными картофелинами.

— Эй, Темпи!

Он поднял голову и кивнул. На миг я перехватил взгляд его светло-серых глаз. Он тут же отвернулся и нервно заерзал. Он взъерошил свои светлые волосы и на секунду напомнил мне Симмона. Они оба были хрупкие и светловолосые. Однако Симмон никогда не бывал так молчалив. В разговоре с Симом, бывало, насилу слово сумеешь вставить.

Разумеется, я и прежде пытался поговорить с Темпи. Так, ни о чем: о погоде, пожаловаться на натертые ноги, что-нибудь насчет еды. Ничего из этого не выходило. В лучшем случае мне удавалось вытянуть из него пару слов. Чаще он просто кивал или пожимал плечами. Еще чаще он ничего не отвечал и принимался подергиваться, упорно отказываясь хотя бы посмотреть мне в глаза.

Так что сегодня я рискнул пойти ва-банк.

— Я много слышал про летани, — сказал я. — Мне хотелось бы узнать о нем побольше. Расскажи, а?

Светлые глаза Темпи снова мельком скользнули по мне. Выражение его лица не изменилось. Он подергал красный кожаный ремень, которым была схвачена его рубаха, и принялся теревить свой рукав.

— Нет. Я не стану говорить о летани. Это не для тебя. Не спрашивай.

И снова отвернулся и уставился в землю.

Я мысленно подсчитал: тринадцать слов! Ну что ж, хотя бы на один свой вопрос я ответ узнал.

ГЛАВА 77

«ПЕННИ И ГРОШ»

Смеркалось. Мы миновали поворот дороги. Я издали услышал топание и хлопанье, звуки музыки, крики, взрывы хохота. После десяти часов ходьбы этот шум заставил меня изрядно воспрянуть духом.

Трактир «Пенни и грош», стоящий на последнем большом перекрестке дорог к югу от Эльда, был внушителен. Он был выстроен в два этажа, из грубо отесанных бревен, а под высокими крышами угадывался третий этаж, мансардный. В окнах мелькали силуэты пляшущих мужчин и женщин, невидимый скрипач наяживал какой-то бешеный, головокружительный танец.

Дедан втянул в себя воздух.

— О, чуετε? Надо вам сказать, тут есть тетка, она может камень запечь так, что ты еще добавки попросишь! Милая Пегги! Клянусь вот этими своими руками, надеюсь, что она еще там работает!

Он сделал выразительный жест, показывая, что рассчитывает не только на кормежку, и ткнул Мартена локтем в бок.

Глаза у Геспе сузились, она принялась сверлить взглядом затылок Дедана.

А Дедан, ничего не замечая, продолжал:

— Уж сегодня-то я лягу спать, набив брюхо бараниной и напившись бренди! Да еще, пожалуй, и не один, если судить по прошлому разу!

Я увидел по лицу Геспе, что назревает буря, и поспешил вмешаться.

— То, что варится в котле, и ночлег для каждого из нас! — твердо сказал я. — Все остальное — за свой счет!

Дедан словно не поверил своим ушам.

— Да ладно тебе! Уж сколько дней мы под кустом ночуем! Все равно денежки-то не твои, нечего скряжничать, как шим последний!

— Мы свою работу еще не сделали, — спокойно отвечал я. — Даже и не приступали. Я не знаю, сколько еще времени нам предстоит провести здесь, но знаю одно: денег у меня негусто. Если денежки маэра иссякнут раньше времени, придется нам добывать себе пропитание охотой.

Я окинул взглядом всех присутствующих.

— Разве что у кого-то из вас достаточно денег, чтобы содержать нас всех, и он готов поделиться?

Мартен только грустно улыбнулся в ответ. Геспе не сводила глаз с Дедана, тот гневно пялился на меня.

Темпи принялся подергиваться. Лицо его оставалось непроницаемым, как всегда. Избегая моего взгляда, он обвел глазами всех присутствующих. Взгляд его был устремлен не на лица, а ниже. Он взглянул на руки Дедана, потом на его ноги. Потом на ноги Мартена, на ноги Геспе, на мои... Он подступил на полшага ближе к Дедану.

Надеясь развеять напряжение, сказал я, уже мягче:

— Вот когда с делом управимся, тогда поделим поровну все, что останется в кошельке. Так у каждого из нас будет в кармане немного лишних денег, когда мы вернемся в Северен. И каждый сможет потратить их, как захочет. Потом.

Я видел, что Дедан этим недоволен, и сделал паузу, выжидая, не попытается ли он настоять на своем.

Но вместо него заговорил Мартен.

— Целый день шли, — задумчиво произнес он, как бы разговаривая сам с собой. — Выпить-то не помешало бы...

Дедан взглянул на товарища и снова выжидательно уставился на меня.

— Ну, я думаю, немного выпивки маэров кошельки потянет, — улыбнулся я. — Вряд ли маэр надеется, что мы сделаемся священниками, а?

Геспе зычно расхохоталась, Мартен с Деданом улыбнулись. Темпи взглянул на меня своими светлыми глазами, передернул плечами и отвернулся.

* * *

Лениво поторговавшись несколько минут, мы получили по койке в общей спальне, ужин и по кружке пива на пятерых, и все это за один серебряный бит. Управившись с этим, я нашел столик в уголке, где было потише, и спрятал лютню под лавку от греха подальше, сел, усталый как собака, и принялся размышлять, как бы отучить Дедана пыжиться на манер павлина.

Погрузившись в эти думы, я очнулся, только когда на столе передо мной очутился ужин. Подняв голову, я увидел женское лицо, обрамленное копной ярко-рыжих кудряшек, и выставленный напоказ бюст. Кожа у нее была белая, как сливки, с редкими веснушками. Губы соблазнительного бледно-розового оттенка. Глаза сверкали опасной зеленью.

— Спасибо! — сказал я наконец, несколько замешкавшись.

— На здоровье, зайчик!

Она игриво улыбнулась глазами и откинула волосы за спину с обнаженного плеча.

— Ты как будто уснул прямо за столом!

— Да, едва не уснул. День был долгий, дорога длинная...

— Ой, жалость какая! — сказала она с шутливым сожалением, потирая затылок. — Будь я уверена, что ты еще останешься на ногах через час, уж я бы тебе уснуть не дала!

Она протянула руку и запустила пальцы в волосы на моем затылке.

— Ты да я, оба рыжие, — ух, мы бы с тобой зажгли!

Я застыл, как испуганный олененок. Не могу сказать отчего — может, устал за несколько дней в пути. А может, оттого, что ко мне прежде никогда не приставали так открыто и бесстыдно. А может...

Может быть, я был просто слишком молод и до ужаса неопытен. Сойдемся на этом.

Я замешкался, пытаюсь придумать, что ответить, но к тому времени, как я наконец обрел дар речи, она уже отступила на полшага и окинула меня пронизательным взглядом. Я почувствовал, что краснею, отчего смутился еще больше и машинально опустил взгляд на стол и принесенный ею ужин. «Картофельная похлебка», — тупо подумал я.

Она тихо хохотнула и дружески похлопала меня по плечу.

— Извини, малыш. Мне было показалось, что ты немного...

Она запнулась, словно передумала, и начала заново:

— Мне понравился твой свеженький вид, но я не думала, что ты настолько молод.

Она говорила ласково, но я по голосу слышал, что она улыбается. От этого лицо у меня вспыхнуло еще жарче, я залился краской до ушей. Наконец она, похоже, сообразила — что бы она ни сказала, это только смутит меня еще сильнее, и сняла руку с моего плеча.

— Я потом вернусь, вдруг тебе еще чего понадобится.

Я тупо кивнул и проводил ее взглядом. Не успев порадоваться, что она ушла, я услышал вокруг смешки. Оглядевшись, я увидел, что мужики, сидящие за длинными столами вокруг, насмешливо ухмыляются. Одна компашка приподняла свои кружки в молчаливом и ехидном приветствии. Еще один мужик наклонился и ободряюще похлопал меня по спине:

— Не бери близко к сердцу, малый, она нам всем отказала!

Чувствуя себя так, словно все присутствующие только на меня и пялятся, я потупился и принялся есть. Отламывая куски хлеба и макая их в

похлебку, я мысленно составлял список собственных промахов. И исподволь наблюдал за тем, как рыжая служанка зубоскалит с постояльцами и отмахивается от их домогательств, разнося пиво.

Я успел отчасти вернуть себе душевное равновесие к тому времени, как ко мне подсел Мартен.

— Ты молодец, что сумел осадить Дедана, — сказал он без долгих вступлений.

Я несколько воспрял духом.

— Что, правда?

Мартен чуть заметно кивнул. Его внимательные глаза тем временем блуждали по толпе постояльцев.

— Большинство людей пытаются задирать его или выставять его дураком. Если бы ты поступил так же, уж он бы тебе отплатил десятикратно!

— Но ведь он же и вел себя по-дурацки, — возразил я. — И, если уж на то пошло, я действительно его задираю!

Мартен пожал плечами.

— Однако ты это сделал по-умному. Так что он все-таки будет тебя слушаться...

Он отхлебнул пива, помолчал и сменил тему.

— Геспе предложила ему ночевать в одной комнате, — заметил он как бы между делом.

— В самом деле? — переспросил я, изрядно удивленный. — Надо же, как осмелела!

Он медленно кивнул.

— Ну и? — спросил я.

— Ну и ничего. Дедан сказал, что пропади он пропадом, если станет платить деньги за комнату, которую должен был бы получить даром.

Он искоса взглянул на меня и вскинул бровь.

— Да ты, должно быть, шутишь, — сказал я. — Он не может не понимать. Он просто валяет дурака, потому что она ему не нравится.

— Не думаю, — сказал Мартен, повернувшись ко мне и слегка понизив голос. — Три оборота тому назад мы привели караван из Ралиена. Поход был долгий, у нас с Деданом были полные карманы монет, а девать их было особо некуда, так что к утру мы сидели в зачуханном портовом кабаке, такие пьяные, что встать и уйти уже не могли. И он завел разговор о ней.

Мартен медленно покачал головой.

— Он распинался добрый час, и если не знать, то ни за что нельзя

было подумать, что речь идет о нашей Геспе со стальным взглядом. Он о ней практически баллады слагал!

Мартен вздохнул.

— Просто ему кажется, что она слишком хороша для него. И к тому же он уверен, что, если он на нее не так посмотрит, она ему тут же руку сломает в трех местах.

— А отчего ты ему не скажешь?

— А что я ему скажу? Это ж было еще до того, как она принялась смотреть на него коровьими глазами! Тогда-то я думал, что его тревоги вполне обоснованны. Как ты думаешь, что сделает с тобой Геспе, если ты вздумаешь дружески похлопать ее по одной из наиболее дружественных частей тела?

Я оглянулся на Геспе, сидящую у стойки. Она громко притопывала ногой в такт скрипке. В остальном вся ее поза: разворот плеч, взгляд, линия подбородка — все выглядело жестким, почти воинственным. Между нею и мужчинами, стоящими у стойки по обе стороны от нее, было небольшое, но заметное свободное пространство.

— Да, я бы, пожалуй, тоже своей рукой рисковать не стал, — признался я. — Но ведь сейчас-то он наверняка уже все понял. Не слепой же он?

— Ну, он ничем не хуже любого из нас.

Я хотел было возразить, потом покосился на рыжую служанку.

— Ну, мы могли бы ему сказать. Вот ты ему и скажи. Он тебе доверяет. Мартен цыкнул зубом.

— Не-а, — сказал он, твердо поставив кружку на стол. — Это только все еще сильнее запутает. Либо он все поймет, либо нет. Всему свое время. Он пожал плечами.

— Ну а не поймет — что ж тогда, солнце поутру не взойдет, что ли?

Мы оба надолго умолкли. Мартен наблюдал за гудящим залом поверх своей кружки. Взгляд его сделался отстраненным. Я привалился к стенке и задремал, предоставив трактирному шуму превратиться в негромкий умиротворяющий гул.

И как всегда, будучи предоставлены самим себе, мои мысли обратились к Денне. Я думал о ее запахе, об изгибе ее затылка возле уха, о том, как она жестикулирует во время разговора. Где она сейчас? Все ли с ней в порядке? И еще немного — о том, случается ли ей хоть иногда тепло вспоминать обо мне...

— ...Разбойников отыскать будет несложно. Кроме того, приятно будет для разнообразия напасть на них, проклятых беззаконных плутов!

Эти слова выдернули меня из теплой дремоты, точно рыбку из пруда. Скрипач сделал паузу, чтобы промочить горло, и в воцарившейся тишине голос Дедана звучал громко, как ослиный рев. Я открыл глаза и увидел, что Мартен тоже озирается в легкой тревоге — несомненно, его внимание привлекли те же самые слова.

Мне потребовалось не больше секунды на то, чтобы найти Дедана. Он сидел через два стола от нас и болтал по пьяни с каким-то седым крестьянином.

Мартен уже поднимался на ноги. Не желая привлекать лишнего внимания к ситуации, я прошипел: «Приведи его сюда!» — и заставил себя опуститься на лавку.

Я скрипел зубами от нетерпения. Мартен проворно пробрался между столами, похлопал Дедана по плечу и большим пальцем указал в сторону стола, где сидел я. Дедан что-то буркнул — по счастью, я этого не слышал, — и нехотя поднялся на ноги.

Я заставил себя блуждать взглядом по комнате вместо того, чтобы неотрывно следить за Деданом. Темпи, в его красной одежде наемника, разглядеть было нетрудно. Он сидел лицом к очагу и смотрел, как скрипач настраивает свой инструмент. На столе перед ним стояло несколько пустых стаканов, и он распустил кожаные ремни на своей рубашке. На скрипача он смотрел странно: как-то чересчур пристально.

Я увидел, как служанка принесла ему еще стакан. Он посмотрел на нее, подчеркнуто смерил ее взглядом. Она что-то сказала, и Темпи поцеловал ей руку, непринужденно, как придворный. Девушка покраснела и игриво толкнула его в плечо. Его рука непринужденно обняла ее за талию и осталась там. Девушка, похоже, не возражала.

Дедан подошел к моему столу, загородив от меня Темпи как раз в тот момент, когда скрипач вскинул смычок и запиликал джигу. Десяток людей вскочили на ноги, собираясь пуститься в пляс.

— Ну, чего? — осведомился Дедан, встав напротив. — Ты зачем меня позвал: сказать, что уже поздно? Что завтра нас ждет трудный день и мне пора спатеньки?

Он оперся руками на стол и наклонился, чтобы заглянуть мне в глаза. От него разило кислым перегаром — дрег. Дешевое мерзкое пойло, которое

лучше всего годится для того, чтобы разводить им костер.

Я пренебрежительно расхохотался.

— Черт возьми, что: я тебе, мамка, что ли?

По правде говоря, я собирался сказать ему именно это и теперь лихорадочно искал, чем бы его отвлечь. На глаза мне попала та рыженькая, что подавала мне на стол, и я подался вперед.

— Я хотел у тебя кое-что спросить, — начал я своим лучшим заговорщицким тоном.

Его раздражение уступило место любопытству, и я еще немного понизил голос.

— Ты ведь уже бывал тут прежде, так?

Он кивнул, подавшись поближе.

— А ты не знаешь, как звать ту девчонку?

Дедан с преувеличенной осторожностью оглянулся через плечо — это непременно привлекло бы ее внимание, если бы она не стояла к нам спиной.

— Ту блондинку, что наш адем лапает? — спросил Дедан.

— Нет, рыжую.

Дедан наморщил лоб и сощурился, вглядываясь в дальний конец трактира.

— Лозину-то? — вполголоса переспросил он. — Малютку Лози?

Я пожал плечами, начиная сожалеть о своем выборе отвлекающего маневра.

Здоровяк оглушительно расхохотался и отчасти рухнул, отчасти осел на лавку напротив.

— Лози! — хмыкнул он несколько громче, чем мне хотелось бы. — Квоут, я тебя недооценивал!

Он хлопнул ладонью по столу и снова расхохотался, едва не опрокинувшись на пол.

— Да, парень, губа у тебя не дура, однако тебе не светит!

Моя уязвленная гордость оцетинилась.

— Отчего же? Разве она не... ну, это... — я умолк, сделав неопределенный жест.

Он каким-то образом ухитрился понять, что я имею в виду.

— Шлюха? — изумленно переспросил он. — Господи, нет, конечно! Есть тут парочка таких...

Он взмахнул рукой над головой, потом понизил голос до более приличного уровня.

— Не то чтобы прямо шлюхи, заметь себе. Просто девицы, которые не

откажутся лишний раз подзаработать ночью.

Он запнулся, поморгал.

— Денег. Лишних денег. И еще кое-чего...

Он фыркнул.

— Я просто подумал... — робко начал я.

— Ну да, любой мужик, у которого есть глаза и яйца, подумал бы про это!

Он подался поближе.

— Девка — огонь! Готова переспать с любым, который ей глянется, но с тем, который не глянулся, не пойдет ни за деньги, ни за так. Да если бы она захотела, она была бы богата, как винтийский король!

Он оглянулся в ее сторону.

— А ты бы ей сколько дал, а? Я бы...

Он сощурился, глядя на нее, губы у него шевелились, точно производя какие-то сложные подсчеты. Через некоторое время он пожал плечами.

— Больше, чем у меня есть!

Он посмотрел на меня и снова пожал плечами.

— Но все равно, без толку все это. Лучше и не трать времени. Коли хочешь, так у меня тут есть на примете дамочка, на которую тоже посмотреть не стыдно. Может, она и согласится скрасить тебе ночь!

Он принялся озиаться по сторонам.

— Нет-нет! — я схватил его за руку. — Мне просто было интересно, вот и все!

Прозвучало это неискренне, и я сам это понимал.

— Спасибо, что объяснил!

— Да не за что.

Он осторожно поднялся на ноги.

— Да, кстати, — сказал я, как будто мне это только что пришло на ум, — не мог бы ты оказать мне услугу?

Он кивнул, и я поманил его поближе.

— Я беспокоюсь, как бы Геспе не проболталась насчет работы, которую поручил нам маэр. Если разбойники прослышат, что мы за ними охотимся, дело станет в десять раз сложнее!

На его лице промелькнуло виноватое выражение.

— Я почти уверен, что она никому не скажет, но бабы — народ болтливый, ты же знаешь...

— Ну да, понимаю! — торопливо ответил он, вставая. — Я с ней поговорю. Надо быть осторожнее!

Скрипач с ястребиным лицом доиграл джигу, вокруг захлопали,

затопали, застучали кружками по столам. Я перевел дух и потер лицо руками. Подняв голову, я увидел за соседним столом Мартена. Он прикоснулся пальцами ко лбу и одобрительно кивнул. Я слегка раскланялся, не вставая с места. Приятно все-таки иметь понимающую аудиторию.

ГЛАВА 78

ДРУГАЯ ДОРОГА, ДРУГОЙ ЛЕС

Я получил некое мрачное удовольствие, наблюдая, как изрядно похмельный Дедан отправляется в путь еще до того, как солнце поднялось над горизонтом. Здоровяк двигался крайне осторожно, но, надо отдать ему должное, он не ныл и не жаловался, если не считать невольно вырывавшиеся периодические стоны.

Теперь, присмотревшись внимательней, я заметил в Дедане признаки влюбленности. То, как он произносил имя Геспе. Неуклюжие шуточки, которые он отпускал, разговаривая с ней. Каждые несколько минут он поглядывал в ее сторону. Каждый раз как бы мимоходом: потягиваясь, окидывая взглядом дорогу, указывая на окружающие нас деревья.

Но, несмотря на все это, Дедан совершенно не замечал ответного внимания Геспе. Иногда становилось даже смешно: все равно как смотреть хорошо отрежиссированную модеганскую трагедию. А иногда мне хотелось просто удавить обоих.

Темпи бессловесно шагал рядом с нами, точно молчаливый, хорошо вышколенный щенок. Он следил сразу за всем: за деревьями, за дорогой, за облаками. Если бы не его взгляд, несомненно умный, я бы давно уже счел его дурачком. На те немногие вопросы, что я ему задавал, он по-прежнему отвечал, неуклюже подергиваясь, кивая, мотая головой или пожимая плечами.

Меня продолжало мучить любопытство. Я знал, что летани не более чем детская сказка, и все же поневоле задавался вопросами. Правда ли, что он нарочно бережет слова? Правда ли, что он способен использовать свое молчание как доспех? А двигаться стремительно, как змея? По правде говоря, после того как я мельком видел, на что способны Элкса Дал и Фела с помощью имен огня и камня, мысль о том, что человек нарочно копит слова, чтобы потом использовать их как топливо, уже не казалась такой дурацкой, как прежде.

* * *

Мы пятеро мало-помалу познакомились и притирались друг к другу,

привыкая мириться со странностями остальных. Дедан старательно расчищал то место, где собирался расстелить свой спальник, — не просто убирал сучки и камушки, но еще и вытаптывал каждый кустик травы или комок земли.

Геспе беззвучно насвистывала, когда думала, что ее никто не слышит, и методично ковырялась в зубах после каждой еды. Мартен не ел мяса, если оно было хоть чуть-чуть розовое внутри, и воду пил только кипяченую или смешанную с вином. И нам не реже двух раз в день говорил, что мы глупцы, оттого что не делаем так же.

Но по части странностей чемпионом среди нас был, конечно же, Темпи. Он не смотрел мне в глаза. Не улыбался. Не хмурился. Не говорил.

С тех пор как мы покинули «Пенни и грош», он только раз сказал что-то по собственной инициативе. «После дождя эта дорога станет другой дорогой, этот лес — другим лесом». Он выговорил это старательно и отчетливо, как будто размышлял над этим утверждением весь день. Судя по всему, так оно и было.

Он купался как одержимый. Мы тоже не отказывались от возможности принять ванну, когда ночевали в трактирах, но Темпи мылся каждый день. Если имелся ручей, он купался дважды: с вечера и еще утром, как проснется. Если ручья не было, он обмывался тряпочкой, смачивая ее питьевой водой.

Он неизменно, дважды в день, совершал сложную ритуальную разминку, вычерчивая руками в воздухе замысловатые узоры. Это напоминало мне медленные придворные танцы, что танцуют в Модеге.

Это явно помогало ему сохранять гибкость, но смотреть на это было странно. Геспе подшучивала над ним, говоря, что если разбойники пригласят нас потанцевать, то наш благоуханный наемник окажется как раз кстати. Однако говорила она это вполголоса, когда Темпи поблизости не было.

Хотя, пожалуй, по части странностей я и сам был не в том положении, чтобы бросать камни. Я почти каждый вечер играл на лютне, если только не чувствовал себя слишком усталым. Смею сказать, что это не улучшило мнения остальных обо мне как командире и как арканисте.

По мере приближения к цели похода я все сильнее нервничал. Мартен был единственным из нас, кто действительно годился для такой работы. Дедан и Геспе наверняка хороши в бою, но работать с ними было чересчур сложно. Дедан был упрям и любил поспорить. Геспе — ленива. Она редко помогала готовить еду или мыть посуду, пока не попросишь, и даже если попросить, помогала с такой неохотой, что лучше бы и не бралась.

И еще Темпи, наемный убийца, который не смотрел мне в глаза и не поддерживал разговора. Наемник, который, как я был твердо уверен, может сделать отличную карьеру в модеганском театре...

* * *

Через пять дней после ухода из Северена мы наконец пришли в те места, где происходили нападения. Тридцатикилометровый участок извилистой дороги, ведущей через Эльд: ни деревень, ни трактиров, ни единого заброшенного хутора. Совершенно уединенный отрезок королевского тракта среди бескрайней реликтовой пущи. Естественная среда обитания медведей, безумных отшельников и браконьеров. Разбойничий рай.

Мартен отправился на разведку, а мы остались разбивать лагерь. Через час он вынырнул из леса, запыхавшийся, но в отличном настроении. Он заверил нас, что поблизости ничьих следов не нашел.

— Я собираюсь защищать сборщиков налогов! Просто не верится! — с отвращением буркнул Дедан. Геспе заржала.

— Вы защищаете цивилизацию! — поправил я. — Вы заботитесь о том, чтобы дороги были безопасны. К тому же маэр Алверон тратит эти налоги на разные важные нужды. Например, платит нам, — я ухмыльнулся.

— Ну да, лично я именно за это и сражаюсь, — сказал Мартен.

Поеживав, я принялся излагать единственный план, который пришел мне на ум после пяти дней напряженных размышлений. Я взял палку и начертил на земле извилистую линию.

— Так. Вот дорога, примерно тридцать километров.

— Киломьер... — произнес тихий голос. Голос принадлежал Темпи.

— Прошу прощения? — переспросил я. Это было первое, что я от него услышал за последние полтора дня.

— Килёмер? — слово было ему незнакомо, и он произнес его с таким густым акцентом, что я только секунду спустя понял, что он говорит «километров».

— Километров! — отчетливо повторил я. Я указал в сторону дороги и показал один палец. — Отсюда до дороги — один километр. Сегодня мы прошли двадцать два километра.

Он кивнул.

Я снова обернулся к чертежу.

— Логично предположить, что разбойники не дальше пятнадцати

километров от дороги.

Я обвел извилистую линию прямоугольничком.

— Значит, нам надо обыскать примерно девятьсот квадратных километров леса.

Воцарилась тишина: все переваривали полученную информацию. Наконец Темпи произнес:

— Это много.

Я серьезно кивнул.

— У нас уйдут месяцы на то, чтобы обыскать такую огромную территорию, но в этом нет необходимости.

Я добавил к чертежу еще пару линий.

— Каждый день мы будем высылать Мартена вперед, на разведку.

Я поднял голову и посмотрел на него.

— Какую территорию ты можешь обследовать за день?

Он прикинул, огляделся по сторонам, посмотрел на деревья, обступившие поляну.

— В этом лесу? С таким количеством подлеска? Где-то два с половиной квадратных километра.

— А если очень тщательно?

Он улыбнулся.

— Я всегда работаю очень тщательно.

Я кивнул и провел линию параллельно дороге.

— Мартен будет обследовать полосу метров в семьсот шириной, в полутора километрах от дороги. И еще будет высматривать их лагерь или часовых, так чтобы нам на них случайно не напороться.

Геспе покачала головой.

— Так дело не пойдет! Не станут же они сидеть так близко к дороге. Если уж они хотят, чтобы их не нашли, они спрячутся подальше. Километра на три — на пять...

Дедан кивнул.

— Я бы устроился километрах в семи от дороги, прежде чем взяться убивать людей.

— Я тоже так думаю, — согласился я. — Однако рано или поздно им придется выбраться на дорогу. Им нужно выставлять часовых, устраивать засады... Им нужно добывать провиант. Они торчат тут уже несколько месяцев, уж какие-нибудь тропы они наверняка протоптали.

Я добавил к нарисованной на земле карте еще несколько деталей.

— После того как Мартен разведает путь, еще двое из нас пойдут вслед за ним. Мы будем идти по узкой полоске леса и искать любые следы

разбойников. А еще двое останутся охранять лагерь. Таким образом, мы сможем покрывать по три километра в день. Начнем с северной стороны дороги и двинемся с запада на восток. Если не найдем следов, перейдем на южную сторону дороги и двинемся обратно, с востока на запад.

Я закончил чертить и отступил назад.

— В течение оборота мы их след отыщем. Ну, самое большее через два оборота, смотря как повезет.

Я наклонился и воткнул палку в землю.

Дедан уставился на примитивную карту.

— Припасов побольше понадобится...

Я кивнул.

— Через каждые пять дней будем переносить лагерь. Двое из нас будут ходить обратно в Кроссон за припасами. А еще двое займутся лагерем. Мартен будет отдыхать.

Тут заговорил Мартен.

— Впредь надо с костром поосторожней, — заметил он. — Запах дыма нас выдаст, если они с подветренной стороны.

Я кивнул.

— Надо будет каждый раз устраивать костровую яму и жечь только реннеловое дерево.

Я взглянул на Мартена.

— Ты ведь знаешь, как оно выглядит, да?

На его лице отразилось удивление.

Геспе обвела нас взглядом.

— А что это за дерево такое? — спросила она.

— Просто дерево, — сказал Мартен. — Из него выходят хорошие дрова. Горит жарко и чисто. Почти не дает дыма, и запаха дыма тоже.

— Даже если древесина совсем сырая, — добавил я. — И листья реннела тоже. Полезная штука. Оно не везде растет, но я видел несколько реннелов неподалеку.

— Откуда это городской парень знает такие вещи? — осведомился Дедан.

— Я много чего знаю. Работа такая, — серьезно ответил я. — А с чего ты вообще взял, будто я вырос в городе?

Дедан пожал плечами и отвернулся.

— Короче, впредь будем жечь только реннел, — сказал я. — Если окажется, что его мало, будем разводить костер только затем, чтобы готовить. А если реннела не окажется вовсе, будем есть сырое. Так что смотрите в оба.

Все кивнули, Темпи чуть замешкался.

— Ну и, наконец, всем нужно заготовить легенду на случай, если они наткнутся на нас, пока мы ищем их.

Я указал на Мартена.

— Что ты станешь говорить, если кто-нибудь застигнет тебя, когда ты будешь в разведке?

Он, похоже, удивился, но почти не колебался с ответом:

— Я — браконьер.

Он указал на свой ненатянутый лук, прислоненный к дереву.

— И это будет недалеко от истины.

— А откуда ты?

Он на миг замялся.

— Из Кроссона, в дне пути на запад.

— А звать тебя как?

— М... Мерис! — неуклюже ответил он. Дедан расхохотался.

Я слегка улыбнулся.

— Вот насчет имени лучше не врать. Это трудно сделать убедительно. Если они тебя поймают и отпустят — отлично. Главное, не приведи их к нашему лагерю. Если захотят взять тебя с собой — воспользуйся этим. Сделай вид, что хочешь вступить в их шайку. Сбежать не пытайся.

Мартену явно сделалось не по себе.

— Что, просто остаться с ними?

Я кивнул.

— Они будут рассчитывать, что ты попытаешься сбежать в первую ночь, если решат, что ты глуп. Если они сочтут тебя умным, они будут рассчитывать, что ты сбежишь во вторую ночь. Но к третьей ночи они уже станут немного тебе доверять. Дождись полуночи, потом устрой какой-нибудь переполох. Подпали пару палаток или что-нибудь в этом духе. А мы будем ждать, когда поднимется шум, и нападём на них снаружи.

Я окинул взглядом трех остальных.

— Этот же план касается каждого из вас. Ждите третьей ночи!

— Но как же вы найдете их лагерь? — спросил Мартен. Лоб у него блестел от пота. Я его понимал. Мы вели опасную игру. — Ведь если они меня схватят, меня не будет с вами, чтобы помочь отыскать следы.

— Я не стану искать их, — ответил я. — Я стану искать тебя. Я могу найти в лесу любого из вас.

Я обвел взглядом сидящих вокруг костра, ожидая каких-нибудь возражений со стороны Дедана, но, похоже, в моих арканических способностях никто не усомнился. Я мимоходом задумался о том, на что же

они считают меня способным.

По правде говоря, за последние несколько дней я тайком добыл по волоску каждого из них. Так что я в минуту мог без труда изготовить импровизированный поисковый маятник для любого из членов группы. Но, учитывая винтийские суеверия, я сомневался, что им будет приятно знать эти подробности.

— Ну а мы им что скажем? — Геспе ткнула Дедана в грудь тыльной стороной кисти, ее костяшки гулко стукнули по твердому кожаному нагруднику.

— Как вы думаете, сумеете ли вы их убедить, что вы — охранники каравана, которые недовольны своей работой и решили пойти в разбойники?

Дедан фыркнул.

— Черт, да я и в самом деле пару раз об этом подумывал!

Увидев лицо Геспе, он фыркнул еще раз:

— Вот только не говори, будто сама никогда не думала о том же! Оборотами идти под дождем, жрать одни бобы, спать на земле — и все это за пенни в день? — он пожал плечами. — Зубы господни! Да я вообще удивляюсь, как половина из нас до сих пор не ушла в леса.

Я улыбнулся.

— У тебя неплохо получается.

— А с ним что? — Геспе указала на Темпи. — Никто не поверит, что он решил податься на вольные хлеба! Адемам платят в десять раз больше, чем нам.

— В двадцать! — буркнул Дедан.

Я как раз думал о том же.

— Темпи, что ты станешь делать, если тебя поймают разбойники?

Темпи задержался, но ничего не ответил. На миг взглянул на меня, потом отвел глаза вниз и в сторону. Я не мог понять, то ли он размышляет, то ли попросту смутился.

— Если бы не его красная одежда адема, ничего особенного в нем бы не было, — сказал Мартен. — Даже меч его в глаза не бросается.

— Да уж, он не выглядит в двадцать раз лучше меня, это точно!

Дедан сказал это вполголоса, но достаточно громко, чтобы услышали все.

Меня тоже заботил внешний вид Темпи. Я несколько раз пытался втянуть адема в разговор, в надежде обсудить с ним эту проблему, но это было все равно что пытаться поболтать с кошкой.

Однако тот факт, что Темпи не знал слова «километр», навел меня на

мысль о том, о чем мне следовало подумать прежде. Атуранский язык для него не родной. После того как я сам еще недавно пытался освоить сиару в Университете, я прекрасно понимал того, кто предпочитает помалкивать, а не говорить, выставя себя на посмешище.

— Ну, он может попробовать им подыграть, так же как и мы, — неуверенно предложила Геспе.

— Трудно убедительно врать на языке, который ты плохо знаешь, — сказал я.

Светлые глаза Темпи устремлялись по очереди на каждого из говорящих, но сам он ничего не сказал.

— Люди склонны недооценивать тех, кто плохо говорит, — сказала Геспе. — Может, ему попробовать просто... ну... притвориться дурачком? Сделать вид, будто он потерялся?

— Притворяться-то ему особо не придется, — негромко пробубнил Дедан. — Достаточно просто быть дурачком.

Темпи взглянул на Дедана, по-прежнему ничего не выражая, но более пристально, чем прежде. Он неторопливо вздохнул и заговорил.

— Молчать не глупо, — сказал он ровным тоном. — А ты? Всегда говоришь. Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля.

Он одной рукой изобразил открывающийся и закрывающийся рот.

— Всегда. Как собака всю ночь лаять на дерево. Хочет быть большой. Нет. Просто шум. Просто собака.

Мне, конечно, не стоило смеяться, но он застал меня врасплох. Отчасти потому, что я привык думать о Темпи как о человеке тихом и пассивном, а отчасти потому, что он был абсолютно прав. Если бы Дедан был собакой, то именно такой, которая непрерывно гавкает не по делу. Гавкает просто затем, чтобы слышать собственный лай.

И все равно, не стоило мне смеяться. Но я рассмеялся. И Геспе тоже рассмеялась. Она попыталась это скрыть, вышло еще хуже.

Лицо у Дедана потемнело от гнева, он вскочил на ноги.

— Подойди-ка сюда и повтори свои слова!

Темпи, все с тем же равнодушным лицом, встал, обошел костер и остановился напротив Дедана. Впрочем... если сказать, что он остановился напротив, вы получите неправильное впечатление. Обычно люди во время разговора стоят на расстоянии вытянутой руки. А Темпи подошел к Дедану буквально вплотную. Чтобы подойти еще ближе, ему пришлось бы обнять Дедана или взобраться на него.

Я мог бы соврать, будто все произошло слишком быстро и я не успел вмешаться, но это было бы неправдой. Проще всего сказать, что я не сумел

придумать простой способ развести ситуацию, и это будет правдой. Но на самом деле к этому времени я и сам был сыт Деданом по горло.

А главное, за все время это была самая длинная речь, которую я слышал от Темпи. Впервые с тех пор, как я с ним познакомился, он вел себя как человек, а не как немая ходячая кукла.

И мне было интересно посмотреть, как он дерется. Я был наслышан о ловкости легендарных адемов и надеялся, что он выбьет из тупой Дедановой башки часть его ворчливости и строптивости.

Темпи подошел к Дедану вплотную, так близко, что мог бы его обнять. Дедан был на целую голову выше, шире в плечах и плотнее в груди. Темпи смотрел на него снизу вверх, без намека на какие-либо эмоции. Никакой бравады. Никакой насмешливой улыбочки. Ничего.

— Просто собака, — негромко повторил Темпи, спокойно и без особого выражения. — Большой шумный собака.

Он поднял руку и снова изобразил рот.

— Ля-ля-ля.

Дедан поднял руку и сильно толкнул Темпи в грудь. Я такое видел бесчисленное количество раз в кабаках возле Университета. Это был толчок, от которого человек должен отлететь назад, потерять равновесие, возможно, споткнуться и упасть.

Вот только Темпи не упал. Он просто... отступил в сторону. Потом небрежно протянул руку и дал Дедану затрещину, какую отец мог бы отвесить расшалившемуся ребенку на рынке. Она даже не была достаточно сильной, чтобы голова Дедана дернулась, но все мы услышали негромкий хлопок, и волосы Дедана взметнулись вверх, как семена молочая, на которые кто-то дунул.

Дедан немного постоял, словно не понимая, что произошло. Потом нахмурился и вскинул обе руки, чтобы толкнуть Темпи сильнее. Темпи снова отступил в сторону и отвесил Дедану вторую оплеуху, с другой стороны.

Дедан насупился, крякнул и стиснул кулаки. Он был крупным мужчиной, и его кожаный доспех наемника заскрипел и растянулся на плечах, когда он поднял руки. Дедан выждал секунду, очевидно надеясь, что Темпи ударит первым, а потом шагнул вперед, занес руку и нанес удар, резко и тяжело, точно крестьянин, замахвающийся топором.

Темпи отреагировал на удар и в третий раз шагнул в сторону. Однако на середине этого неуклюжего замаха Дедан внезапно преобразился. Он приподнялся на цыпочки, и крепкий крестьянский тумак почему-то не достиг цели. Дедан больше уже не походил на атакующего быка, вместо

этого он устремился вперед и нанес три резких, коротких удара, стремительных, как взмах крыла.

Темпи уклонился от первого, отвел в сторону второй, но третий угодил ему в плечо. Его слегка развернуло и отбросило назад. Он в два стремительных прыжка отскочил назад, на недостижимое для Дедана расстояние, восстановил равновесие и слегка встряхнулся. И рассмеялся, звонко и радостно.

Когда Дедан услышал этот смех, лицо его смягчилось, и он ухмыльнулся в ответ, однако рук не опустил и на всю стопу вставать не спешил. Несмотря на это, Темпи подступил к нему, увернулся от еще одного тычка и ударил Дедана по лицу ладонью. Не по щеке, как ссорящиеся любовники на сцене. Темпи нанес удар сверху вниз, и его рука прошла по всему лицу, от лба до подбородка.

— А, черт! — вскричал Дедан. — Ад и проклятье!

Он отшатнулся, схватившись за нос.

— Это что еще такое? Ты мне пощечину, что ли, дал?

Он смотрел на Темпи из-за ладони.

— Да ты дерешься как баба!

На миг показалось, словно Темпи хотел возразить. А потом вместо этого он улыбнулся впервые за все время, что я был с ним знаком, слегка кивнул и пожал плечами.

— Да. Я дерусь как баба.

Дедан остановился в нерешительности, потом расхохотался и крепко хлопнул Темпи по плечу. Я думал было, что Темпи увернется, но нет — адем хлопнул его в ответ и даже стиснул плечо Дедана и шутливо встряхнул его.

Все это показалось мне странным после того, как Темпи в течение нескольких дней вел себя так сдержанно и замкнуто, но я решил, что дареному коню в зубы не смотрят. Все, что угодно, лучше, чем это дерганое молчание адема.

Более того, я теперь имел представление о боевых качествах Темпи. Признал это Дедан или нет, а Темпи явно взял над ним верх. Я подумал, что репутация адемов, пожалуй, все же не совсем дутая.

Мартен проводил взглядом Темпи, вернувшегося на свое место.

— Все-таки эта одежда опасна, — сказал следопыт, как будто ничего не произошло, глядя на кроваво-красную рубаху и штаны Темпи. — Расхаживать в этом по лесу — все равно что ходить со знаменем.

— Я с ним поговорю об этом, — сказал я остальным. Если Темпи стесняется своего атуранского, пожалуй, разговор пойдет легче без

свидетелей. — И заодно выясню, что он собирается делать, если наткнется на них. Ну а вы трое устраивайтесь на ночлег и готовьте обед.

Они тут же разбежались подыскивать себе наиболее удобное место для спальника. Темпи проводил их взглядом и снова обернулся ко мне. Он опустил глаза и сделал маленький шаркающий шаг в сторону.

— Темпи!

Он склонил голову набок и взглянул в мою сторону.

— Нам надо поговорить о твоей одежде.

Ну вот, опять то же самое, стоило мне только заговорить. Его внимание мало-помалу ускользало, взгляд уходил в сторону. Как будто он не хотел меня слушать. Словно капризный ребенок.

Думаю, вам не нужно объяснять, как неприятно разговаривать с человеком, который упорно не смотрит в глаза. Однако я не мог позволить себе роскоши взять и обидеться или отложить этот разговор на потом. Я и так слишком долго это оттягивал.

— Темпи!

Я с трудом сдержал желание щелкнуть пальцами у него перед носом, чтобы вернуть его внимание.

— На тебе красная одежда, — сказал я, пытаюсь сформулировать проблему как можно проще. — Ее хорошо видно. Опасно.

Он долго ничего не отвечал. Потом его светлые глаза метнулись в мою сторону, и он кивнул: просто поднял и опустил голову.

У меня возникло ужасное подозрение: а вдруг он вообще не понимает, что мы делаем тут, в Эльде?

— Темпи, ты понимаешь, что мы делаем здесь, в лесу?

Темпи посмотрел на мой грубый чертёж на земле, потом на меня. Пожал плечами и сделал неопределенный жест обеими руками.

— Что такое много, но не все?

Сначала я подумал было, что это какой-то странный философский вопрос, но потом сообразил, что он просто не знает нужного слова. Я поднял руку и взял два из своих пальцев.

— Несколько?

Потом взял три:

— Большая часть?

Темпи пристально взгляделся в мои руки и кивнул.

— Большая часть, — сказал он и опять задержался. — Я понимаю большая часть. Говорят быстро.

— Мы ищем людей.

Как только я заговорил, его взгляд опять уплыл в сторону, и я с трудом

сдержал раздраженный вздох.

— Мы пытаемся найти людей.

Кивок.

— Да. Охотимся на людей.

Он сделал ударение на слове «охотимся».

— Охотимся на висанта.

По крайней мере, он понимает, зачем мы здесь.

— Красное? — я протянул руку и коснулся красного кожаного ремня, который прижимал ткань рубахи к телу. Ремень оказался на удивление мягким на ощупь. — Для охоты? У тебя есть другая одежда? Не красная?

Темпи опустил глаза, посмотрел на свою одежду, подергался. Потом кивнул, отошел к своим вещам и достал из мешка простую серую домотканую рубаху. Он показал ее мне.

— Для охоты. Не для боя.

Я не был уверен, что означает это различие, однако решил пока не вдаваться в подробности.

— Что ты будешь делать, если висанта найдут тебя в лесу? — спросил я. — Говорить или драться?

Он как будто поразмыслил немного.

— Я плохо говорить, — признался он. — Висанта? Драться.

Я кивнул.

— Один разбойник — драться. Два — говорить.

Он пожал плечами.

— Я могу драться два.

— Драться и победить?

Он снова небрежно пожал плечами и указал в сторону Дедана, который деловито выдергивал прутья из земли.

— Как он? Три или четыре.

Он протянул мне руку ладонью вверх, словно предлагал что-то.

— Если три разбойник, я драться. Если четыре — я лучше говорить. Я ждать третий ночь. Тогда... — он сделал странный, замысловатый жест обеими руками. — Огонь в палатки.

Я расслабился: значит, он все же слушал наш разговор!

— Да. Хорошо. Спасибо.

Мы впятером спокойно поужинали похлебкой, хлебом и довольно безвкусным липким сыром, который купили в Кроссоне. Дедан с Геспе по-дружески подкалывали друг друга, а мы с Мартеном рассуждали о том, какая погода нас ждет в ближайшие несколько дней.

Об остальном мы почти не разговаривали. Двое из нас уже успели

подраться. От Северена нас отделяло полторы сотни километров, и все мы понимали, какая нелегкая работа нас ждет.

— Погоди-ка! — сказал Мартен. — А что, если они схватят тебя?

Он посмотрел на меня.

— У нас у всех есть план на случай, если нас поймают разбойники. Мы отправимся с ними в их лагерь, а на третий день ты нас выступишь.

Я кивнул.

— И не забывайте про отвлекающий маневр!

Мартен выглядел встревоженным.

— Но что, если поймают тебя? Я лично магией не владею. И не могу гарантировать, что сумею выследить их к третьей ночи. Может, конечно, и сумею. Но ремесло следопыта — дело ненадежное...

— А я просто безобидный музыкант, — успокоил его я. — У меня неприятности из-за племянницы баронета Бэнбрайда, и я решил, что мне лучше будет ненадолго удрать в лес.

Я ухмыльнулся.

— Конечно, они могут меня ограбить, но, поскольку взять с меня особо нечего, скорее всего, меня просто отпустят. Язык у меня хорошо подвешен, я сумею отболтаться, а особо опасным я не выгляжу.

Дедан пробормотал что-то себе под нос — по счастью, я не расслышал, что именно.

— Но все-таки что, если нет? — не отступала Геспе. — Мартен прав. Что, если они уведут тебя к себе?

Этого я пока не придумал, но мне не хотелось заканчивать вечер на такой минорной ноте, и потому я улыбнулся своей самой уверенной улыбкой.

— Ну, если они уведут меня в лагерь, я сумею их перебить в одиночку без особых хлопот!

Я пожал плечами с наигранной беспечностью.

— Так что встретимся в лагере после того, как дело будет сделано!

Я хлопнул ладонью по земле и улыбнулся.

Я, собственно, думал пошутить, рассчитывая, что как минимум Мартен посмеется над моим легкомысленным бахвальством. Однако я недоучел глубины винтийских суеверий. Ответом мне было лишь тревожное молчание.

После этого разговор сошел на нет. Мы вытянули жребий, кто за кем дежурит, потушили костер и один за другим уснули.

ГЛАВА 79

СЛЕДЫ

После завтрака Мартен принялся учить нас с Темпи искать следы разбойников.

Лоскут порванной рубахи, свисающий с ветки, или отпечаток ноги в грязи может углядеть всякий, но в жизни такого никогда не бывает. Такое встречается в пьесах для развития сюжета, но скажите, часто ли вам доводится так сильно порвать одежду, чтобы ее клочок остался висеть на суку?

Да никогда. Люди, за которыми мы охотились, были умны и опыты, и нам не приходилось рассчитывать, что они станут совершать настолько очевидные ошибки. Это означало, что Мартен был единственным из нас, кто имел представление, что именно мы ищем.

— Любые обломанные прутьи, — говорил он. — Ищите прежде всего там, где густой подлесок со спутанными ветвями, на уровне пояса или колена.

Он жестами продемонстрировал, как человек продирается через кусты, отпихивая ветки ногами и раздвигая их руками.

— Саму сломанную ветку разглядеть непросто. Смотрите на листья.

Он указал на ближайший куст.

— Что вы видите?

Темпи указал на нижнюю ветку. Сегодня на нем была простая домотканая рубаха, и без своей красной одежды наемника он выглядел еще менее внушительно.

Я посмотрел туда, куда указывал Темпи, и увидел, что ветка надломлена, но не сломана до конца.

— Так здесь кто-то проходил? — спросил я.

Мартен вскинул свой лук повыше на плечо.

— Это я. Я сломал ее вчера вечером.

Он посмотрел на нас.

— Видите, как даже те листья, что не висят под неправильным углом, начинают увядать?

Я кивнул.

— Это значит, что тут кто-то проходил не далее чем вчера. Если прошло два или три дня, листья побуреют и засохнут. А если ты видишь и

то и другое поблизости друг от друга...

Он взглянул на меня.

— Это значит, что тут кто-то проходил несколько раз, с промежутком в несколько дней.

Он кивнул.

— Поскольку я отправляюсь на разведку и буду высматривать разбойников, именно вам придется рыть носом землю. Когда найдете что-то похожее, позовите меня.

— Позовите?

Темпи сложил руки рупором, поднес их ко рту и повертел головой в разных направлениях. Потом развел руками, указывая на деревья, и приложил руку к уху, делая вид, будто прислушивается.

Мартен нахмурился.

— Да, ты прав... Нельзя же просто кричать!

Он растерянно почесал в затылке.

— Черт, этого мы не продумали!

Я улыбнулся в ответ.

— Я все продумал! — сказал я и достал грубую деревянную свистульку, которую вырезал вчера вечером. Она играла всего две ноты, но нам больше и не требовалось. Я приложил ее к губам и сыграл: «Тю-тю-ди-и! Тю-тю-ди-и!»

Мартен ухмыльнулся.

— Козодой, да? Просто как живой.

Я кивнул.

— Я старался.

Он кашлянул.

— Видишь ли, к несчастью, козодоя зовут еще «полуночником».

Он скроил извиняющуюся гримасу.

— Полуночником, понимаешь? Любой опытный охотник или следопыт сразу насторожится, если ты будешь свистеть в нее каждый раз, как захочешь меня позвать.

Я посмотрел на свистульку.

— Обожженные руки! — выругался я. — Об этом-то я и не подумал!

— Да нет, идея-то хорошая, — сказал он. — Просто нужен голос дневной птицы. Может быть, золотушки.

Он насвистел две ноты.

— Это будет несложно.

— Ладно, вечером вырежу новую, — сказал я и поднял с земли прутик. Переломил его пополам и протянул половинку Мартену: — А сегодня

будем подавать сигнал вот этим.

Он недоверчиво посмотрел на веточку.

— А чем она нам поможет?

— Когда нам понадобится узнать твое мнение насчет того, что мы нашли, я сделаю вот так.

Я сосредоточился, пробормотал связывание и повернул свою половинку веточки.

Мартен подпрыгнул на полметра в высоту и на полтора в сторону и выронил веточку. Надо отдать ему должное: он не завопил.

— Десять кругов ада! Это что еще такое? — прошипел он, разминая руку.

Его реакция напугала меня, у меня у самого сердце отчаянно колотилось.

— Извини, Мартен. Это просто симпатия.

Он насупил брови, и я сменил тактику.

— Просто чуть-чуть магии. Я как бы протягиваю волшебную ниточку, которая связывает эти два предмета.

Элкса Дал проглотил бы язык от такого объяснения, но я продолжал:

— Я могу связать эти две веточки, так что когда я потяну за свою...

Я подошел к его половинке прутика, лежащей на земле. Я поднял свою половинку, и второй прутик тоже поднялся в воздух.

Демонстрация произвела желаемый эффект. Две половинки прутика, движущиеся вместе, выглядели как самая примитивная марионетка на свете. Ничего страшного.

— Это совсем как невидимая веревочка, только она ни за что не зацепится и не запутается.

— А сильно ли она будет меня тянуть? — опасливо спросил Мартен. — Мне не хочется, чтобы она сдернула меня с дерева, когда я буду в разведке!

— Но на другом-то конце — всего лишь я, — ответил я. — И я не стану сильно тянуть, только чуть-чуть подержаю. Как поплавок на леске.

Мартен перестал крутить рукой и несколько расслабился.

— Это я просто от неожиданности, — сказал он.

— Это я виноват, — сказал я. — Надо было тебя предупредить.

Я подобрал веточку, обращаясь с ней нарочито небрежно. Как будто это была обычная палочка. Разумеется, это и была всего лишь обычная палочка, но Мартена необходимо было успокоить на этот счет. Как сказал Теккам, нет в мире ничего сложнее, чем убедить кого-то в непривычной истине.

Мартен научил нас обращать внимание на потревоженную листву или иголки, находить камни, на которые кто-то наступил, видеть поврежденный мох или лишайник.

Старый следопыт оказался на удивление хорошим учителем. Он не перегружал нас бесполезной информацией, не разговаривал с нами свысока и не имел ничего против, когда мы задавал и вопросы. Даже то, что Темпи плохо владел языком, его не смущало.

И все равно на это ушло несколько часов. Добрых полдня. А потом, когда я думал, что мы наконец закончили, Мартен повернул назад и повел нас обратно к лагерю.

— Мы же тут уже проходили, — сказал я. — Если уж практиковаться, давайте практиковаться в нужном направлении!

Мартен не обратил внимания на мои слова и пошел дальше.

— Говорите, что вы видите.

Шагов через двадцать Темпи указал пальцем.

— Мох. Мой нога. Я шел.

Только тут до меня дошло, и я начал обращать внимание на следы, оставленные мной и Темпи. В течение следующих трех часов Мартен вел нас через лес шаг за шагом, тыкая носом во все, что мы оставили за собой, выдавая свое присутствие: содранный лишайник на стволе, сдвинувшийся под ногой камень, светлое пятно на потревоженной лесной подстилке...

Хуже всего были полдюжины ярких зеленых листиков, изодранных в клочья и разбросанных ровным полукругом. Мартен вскинул бровь, я покраснел. Я сорвал их с соседнего куста и машинально изорвал, слушая объяснения Мартена.

— Думайте дважды, ходите с оглядкой, — говорил Мартен. — И присматривайте друг за другом!

Он окинул взглядом нас с Темпи.

— Мы затеяли опасную игру!

Потом Мартен научил нас прятать следы. Быстро стало очевидно, что плохо спрятанный след зачастую сильнее бросается в глаза, чем обычный. Так что следующие два часа мы учились скрывать свои ошибки и распознавать ошибки, которые пытались скрыть другие.

И только когда день уже клонился к вечеру, мы с Темпи начали наконец обыскивать этот участок леса, площадью побольше многих баронских владений. Мы шли челноком, вплотную друг к другу,

высматривая любые знаки разбойничьей тропы.

Я думал о долгих днях, которые ожидали нас впереди. А я-то думал, будто поиски в архивах скучны и утомительны! Да по сравнению с поисками сломанного сучка в этой чаще поиски схемы грэма — это все равно что за булочкой к пекарю сбегать!

В архивах у меня был шанс найти мимоходом что-то интересное. В архивах были мои друзья: болтовня, шутки, теплые отношения... Покосившись на Темпи, я подумал, что могу пересчитать все слова, которые он произнес за сегодня, — ровно двадцать четыре — и все те случаи, когда он встретился со мной взглядом, — ровно три.

И сколько времени на это уйдет? Десять дней? Двадцать? Тейлу милосердный, а если придется проторчать тут целый месяц? Не сойду ли я с ума?

И когда, поглощенный этими размышлениями, я внезапно увидел кусок коры, сбитый с дерева, и подозрительно примятую траву, я ощутил огромный прилив облегчения.

Не желая обнадеживать себя прежде времени, я жестом подозвал Темпи.

— Ты что-нибудь видишь?

Он кивнул, потянул себя за ворот рубахи и указал на замеченную мною траву. И потом еще на ободранный корень, торчащий из земли, которого я не приметил.

У меня аж голова пошла кругом от облегчения. Я подергал дубовый прутик, посылая сигнал Мартену. Подергал я его очень аккуратно, не желая снова вогнать его в панику.

Не прошло и двух минут, как из-за деревьев показался Мартен, а я уже успел составить три плана, как мы выследим и убьем разбойников, пять торжественных извинений перед Денной и решил, что, когда вернусь в Северен, пожертвую деньги тейлинской церкви в благодарность за это зримое чудо.

Я ожидал, что Мартен рассердится оттого, что мы вызвали его так скоро. Но он подошел и остановился рядом с нами, как будто так и надо.

Я указал на траву, на кору и на корень.

— Корень нашел Темпи, — уточнил я, не желая присваивать себе чужие заслуги.

— Отлично, — серьезно сказал Мартен. — Молодцы. А вон еще погнутая ветка, — он указал на несколько шагов вправо.

Я повернулся в том направлении, куда указывали следы.

— Судя по всему, они где-то к северу отсюда, — сказал я. — Дальше

от дороги. Как ты думаешь, что лучше: пойти на разведку до завтра или взяться за дело завтра, на свежую голову?

Мартен прищурился, глядя на меня.

— Господи, мальчик! Это не настоящие следы! Так много сразу и так бросаются в глаза...

Он пристально посмотрел на меня.

— Это я их оставил. Мне нужно было удостовериться, что у вас глаз не замылится через несколько минут поисков.

Радостное возбуждение покинуло мою грудь и упало куда-то в пятки, разлетевшись вдребезги, как стеклянная банка, которую уронили с верхней полки. Должно быть, вид у меня был очень несчастный, потому что Мартен виновато улыбнулся.

— Извини. Надо было вас предупредить. Я буду время от времени это делать каждый день. Это единственный способ заставить нас держаться начеку. Видишь ли, я уже не первый раз ищу иголку в стогу сена.

* * *

Когда мы вызвали Мартена в третий раз, он предложил сделку. Мы с Темпи получаем полпенни за каждый след, который мы обнаружим, а он — серебряный бит за каждый след, который мы прозевали. Я с радостью ухватился за это предложение. Мало того, что это заставит нас смотреть в оба, шансы пять к одному казались мне довольно щедрыми.

Благодаря этому остаток дня пролетел незаметно. Мы с Темпи прозевали несколько следов: сдвинутое с места бревно, сбитые листья, порванную паутину. Лично я счел, что последнее было немного нечестно, но все равно к вечеру, когда мы вернулись в лагерь, мы с Темпи были впереди на целых два пенни.

За ужином Мартен рассказал сказку про молодого сына вдовы, который ушел из дома искать по миру счастья. Лудильщик продал ему пару волшебных сапог, которые помогли ему спасти принцессу из башни высоко в горах.

Дедан ел, слушал и кивал, улыбаясь, как будто уже слышал эту историю прежде. Геспе местами хохотала, местами ахала — идеальная слушательница. Темпи сидел совершенно неподвижно, сцепив руки на коленях, не дергаясь и не ерзая, как обычно. Он просидел так до самого конца, внимательно слушая, пока его ужин стыл.

Это была хорошая сказка. Там был и голодный великан, и игра в

загадки. Но сын вдовы был ловок и умен и под конец сумел освободить принцессу и жениться на ней. История была знакомая, и, слушая ее, я вспоминал далекие дни, когда у меня был и дом, и семья...

ГЛАВА 80

ТОН

На следующий день Мартен ушел в лес с Геспе и Деданом, а мы с Темпи остались присматривать за лагерем.

Поскольку делать было больше нечего, я принялся собирать дрова про запас. Потом поискал в подлеске полезных травок и принес воды из соседнего источника. Потом принялся перебирать, сортировать и перекладывать все, что было у меня в дорожном мешке.

Темпи разобрал свой меч и методично чистил и смазывал все его детали. Судя по его виду, скуки он не испытывал, но, с другой стороны, если судить по виду, он вообще никогда ничего не испытывал.

К полудню я уже практически озверел от скуки. Я мог бы почитать, но я не взял с собой никакой книги. Можно было бы пришить карманы к своему поношенному плащу, но запасной ткани у меня с собой тоже не было. Можно было бы поиграть на лютне, но дорожная лютня нарочно устроена так, чтобы ее было хорошо слышно в любом шумном трактире. Здесь, в лесу, ее звук разносился бы на километры.

Можно было бы поболтать с Темпи, но болтать с ним было все равно что играть в мяч с колодцем.

Тем не менее, похоже, другого выхода не было. Я подошел к Темпи. Он закончил чистить свой меч и теперь поправлял кожаную рукоять.

— Темпи!

Темпи отложил в сторону свой меч и вскочил на ноги. Он оказался слишком близко ко мне, и это было неприятно: между нами оставалось не более двадцати сантиметров. Потом он замешкался и нахмурился. Не то чтобы даже нахмурился — так, слегка сжал губы, да между бровями пролегла еле заметная складочка. Но на лице Темпи, напоминающем чистый лист бумаги, эта гримаса выделялась, как слово, написанное красными чернилами.

Он отступил назад, на два нормальных шага, потом взглядом промерил расстояние между нами и подступил чуть ближе.

И тут меня осенило.

— Темпи, а как близко стоят друг к другу адемы?

Темпи секунду тупо смотрел на меня, а потом расхохотался. От улыбки его лицо сделалось очень юным. Он тут же напустил на себя серьезный

вид, но улыбка задержалась в морщинках вокруг глаз.

— Умный. Да. У адемов иначе. Для тебя — близко.

Он снова подступил совсем вплотную, потом отошел.

— Для меня? — переспросил я. — А для других людей — иначе?

Он кивнул.

— Да.

— А для Дедана — близко?

Он дернулся.

— Сложно.

Я почувствовал знакомый укол любопытства.

— Темпи, — спросил я, — а ты не сможешь мне все это объяснить? Научишь меня вашему языку?

— Да, — сказал он. И, хотя его лицо ничем не выдавало его чувств, я по голосу понял, какое облегчение он испытывает. — Да. Пожалуйста. Да.

* * *

К вечеру я уже знал довольно много разрозненных адемских слов. Грамматика по-прежнему оставалась для меня загадкой, но так всегда бывает поначалу. К счастью, языки как музыкальные инструменты: чем больше ты их знаешь, тем легче осваивать новый. Адемский был у меня четвертым.

Главной нашей проблемой было то, что Темпи сам не очень-то хорошо говорил по-атурански, так что нам не на что было опереться. Поэтому мы много рисовали на земле, тыкали пальцем и размахивали руками. Несколько раз, когда языка жестов оказывалось недостаточно, мы изображали нечто вроде пантомимы, пытаясь донести смысл сказанного. Это оказалось куда забавнее, чем я предполагал.

В первый день обнаружился один камень преткновения. Я уже узнал десяток слов и подумал, что полезно будет узнать еще одно. Я сжал кулак и сделал вид, что хочу ударить Темпи.

— «Фреахт», — сказал он.

— «Фреахт», — повторил я.

Он покачал головой.

— Нет. «Фреахт»!

— «Фреахт», — старательно повторил я.

— Нет, — твердо возразил он. — «Фреахт» — это...

Он оскалил зубы и подвигал челюстью, как будто что-то кусал.

— А это — «фреахт»!

И он ударил кулаком по ладони.

— «Фреахт»... — повторил я.

— Нет!

Я был изумлен тем, какое презрение слышалось в его голосе.

— «Фреахт»!

Щеки у меня вспыхнули.

— Да я же так и говорю! «Фреахт»! «Фреахт»! «Фре...»

Темпи протянул руку и отвесил мне затрещину. Так же, как давеча Дедану. Как делал мой отец, когда я начинал неприлично себя вести на людях. Это было не больно, просто неожиданно. Со мной уже никто много лет такого не поступал.

А самым неожиданным было то, что я даже не заметил, как он это сделал. Движение было плавным, ленивым и более стремительным, чем щелчок пальцами. Он, похоже, не хотел меня обидеть или оскорбить. Он просто стремился привлечь мое внимание.

Он поднял свои светлые волосы и указал пальцем на ухо.

— Слушай! — твердо сказал он. — «Фреахт»!

Он снова оскалил зубы и щелкнул ими.

— «Фреахт»! — он показал кулак. — «Фреахт»! «Фреахт».

И тут я услышал. Дело было не в звуках самого слова, а в изменении тона голоса.

— «Фреахт»? — переспросил я.

Он одарил меня короткой улыбкой.

— Да. Молодец.

И мне пришлось начать сначала и заново выучить все слова, обращая внимание на тон. Я ведь прежде этого не слышал, просто повторял за Темпи, воспроизводя его интонацию. Мало-помалу я выяснил, что каждое слово может иметь несколько разных значений в зависимости от тона, с каким произносятся входящие в него гласные.

Я выучил нужнейшие фразы — «Что это значит?», «Повторите помедленнее!» и еще пару десятков слов — «драться», «смотри», «меч», «рука», «танец». Чтобы объяснить последнее слово, мне пришлось разыграть такую сцену, что под конец мы оба покатались от хохота.

Это было захватывающе. То, что у каждого слова имеется свой тон, означало, что в самом языке присутствует своего рода музыка. Я поневоле задался вопросом...

— Темпи! — спросил я. — А какие песни вы поете?

Он непонимающе уставился на меня. Я подумал — может, он не

понимает абстрактных вопросов?

— Спой мне адемскую песню!

— Что есть «песня»? — спросил он. За последний час Темпи усвоил вдвое больше слов, чем я сам.

Я прокашлялся и запел:

Малютка Дженни босиком
Гуляла вслед за ветерком,
Просила Джен у ветерка
Послать ей милого дружка.
На шляпке перья у нее,
А в пальцах дудочка поет,
Уста ее сладки как мед,
Язык же спуску не дает!

Когда я запел, глаза у Темпи расширились. Он уставился на меня как завороченный.

— Ну а ты? — сказал я, ткнув его в грудь. — Ты можешь спеть адемскую песню?

Он густо залился краской, и на его лице отразилось сразу множество неприкрытых чувств: ошеломление, ужас, смятение, шок, отвращение. Он поднялся на ноги, отвернулся и пробурчал что-то по-адемски, слишком быстро, так что я не понял ни слова. Можно было подумать, будто я попросил его сплясать нагишом.

— Нет, — сказал он наконец, сумев кое-как взять себя в руки. Его лицо снова сделалось бесстрастным, но светлая кожа по-прежнему была залита румянцем. — Нельзя.

Он, глядя в землю, ткнул себя в грудь и помотал головой.

— Нельзя песня. Нельзя адемская песня.

Я тоже вскочил, не понимая, что я сделал не так.

— Извини, Темпи!

Темпи покачал головой.

— Нет. Ничего извини.

Он перевел дух, помотал головой и пошел прочь.

— Это сложно.

ГЛАВА 81

РЕВНИВАЯ ЛУНА

В тот вечер Мартен подстрелил трех жирных кроликов. Я накопал корешков, набрал кое-каких травок, и еще до того, как село солнце, мы впятером уселись за трапезу. Ужин вышел идеальный: у нас было еще два больших караваев свежего хлеба, масло и крошащийся сыр, слишком местный, чтобы иметь особое название.

Денек выдался погожий, все мы были в хорошем настроении и после ужина снова принялись рассказывать сказки.

Геспе рассказала удивительно романтическую историю о королеве, которая влюбилась в пажа. Геспе вложила в рассказ подлинную нежную страсть. А если этого было недостаточно, взгляды, которые она бросала на Дедана, рассказывая о любви королевы, были сами по себе достаточно красноречивы.

Дедан, однако, упорно не замечал признаков ее влюбленности. Мало того, он продемонстрировал редкую глупость, принявшись рассказывать историю, которую слышал в трактире «Пенни и грош». Повесть о Фелуриан.

— Парнишка, который мне это рассказывал, был еще моложе нашего Квоута, — говорил Дедан. — И если бы вы сами его слышали, то увидели бы, что он не из тех, кто способен выдумать такое.

Наемник многозначительно постучал себя по лбу.

— Впрочем, послушайте и сами посудите, стоит ли этому верить или нет.

Как я уже говорил, язык у Дедана был подвешен неплохо, да и сам он, когда давал себе труд подумать головой, был куда умнее, чем казалось на первый взгляд. Увы, сейчас был как раз тот случай, когда язык он в ход пустил, а голову нет.

— Здешних лесов люди остерегаются с незапамятных времен. И не из страха перед разбойниками или потому, что боятся заблудиться. Нет! — Дедан покачал головой. — Рассказывают, будто тут водится дивный народ.

Духи с раздвоенными копытами, пляшущие при полной луне. Темные длиннопалые твари, что крадут детей из колыбелек. Здешние бабы, старухи и молодухи, оставляют на ночь хлеб и молоко. А многие мужики строят дома непременно так, чтобы все двери были друг напротив друга.

Кое-кто мог бы назвать этих людей суеверными, но они-то знают, что к чему. Безопаснее всего вообще не встречаться с феей, но, если что, лучше уж с ними не ссориться.

Это история о Фелуриан. Владычице Сумерек. Владычице Изначальной Тишины. Фелуриан, что несет смерть мужам. Однако смерть эта сладка, и они охотно идут ей навстречу.

Темпи втянул в себя воздух. Он сделал это почти незаметно, однако это бросилось в глаза, потому что до сих пор он, как и прежде во время вечерних рассказов, сидел абсолютно неподвижно. Теперь я лучше понимал почему. Он хранил тишину.

— Фелуриан? — спросил Темпи. — Смерть мужам. Она... — он запнулся, — она — сентин?

Он поднял руки и сделал хватающий жест. И выжидательно уставился на нас. Потом, видя, что мы не поняли, коснулся своего меча, лежащего рядом.

Я понял.

— Нет, — сказал я. — Она не из адемов.

Темпи покачал головой и указал на лук Мартена.

Я покачал головой.

— Нет. Она вообще не воин. Она...

Я запнулся, не сумев сообразить, как ему объяснить, каким образом Фелуриан убивает мужчин, тем более что мы были вынуждены объясняться жестами. Я беспомощно оглянулся на Дедана.

Дедан не раздумывал долго.

— Секс, — сказал он напрямик. — Секс, понимаешь?

Темпи поморгал, потом запрокинул голову и расхохотался. У Дедана был такой вид, словно он не может решить, обижаться ему или нет. Вскоре Темпи перевел дух.

— Да, — сказал он. — Да. Секс — я понимаю.

Дедан улыбнулся.

— Вот этим-то она мужиков и убивает.

На секунду лицо Темпи стало еще более непроницаемым, чем обычно, а потом оно мало-помалу исполнилось ужаса. Нет, не ужаса — чистого отвращения и гадливости, еще более впечатляющего оттого, что обычно его лицо выглядело таким бесстрастным. Его рука сделала несколько непонятных жестов.

— Как? — выдавил он.

Дедан начал было что-то говорить, потом остановился. Хотел было объяснить жестом, потом снова остановился и смущенно поглядел на

Геспе.

Геспе гыгыкнула и обернулась к Темпи. Секунду поразмыслила, потом сделала вид, будто держит кого-то в объятиях и целует. Потом принялась ритмично постукивать себя по груди, имитируя сердцебиение. Она стучала все чаще и чаще, а потом стук прервался, Геспе стиснула руку в кулак и широко раскрыла глаза. Напряглась всем телом, потом обмякла и уронила голову набок.

Дедан расхохотался и зааплодировал.

— Да, именно так. Но иногда...

Он постучал себя по виску, щелкнул пальцами, скосил глаза и высунул язык.

— С ума сходят!

Темпи расслабился.

— А-а! — сказал он явно с облегчением. — Хорошо. Да.

Дедан кивнул и снова принялся рассказывать:

— Так вот, Фелуриан. Тайная мечта всех мужчин. Красота несравненная.

Чтобы Темпи было понятнее, он сделал жест, как бы поправляя длинные волосы.

— Двадцать лет тому назад отец и дядя того парнишки были на охоте в этом самом лесу. Солнце как раз уже садилось. Они припозднились и решили пойти домой напрямик через лес, а не дорогой, как все разумные люди.

Шли они, шли, как вдруг слышат — вдалеке поет кто-то. Они свернули туда, подумав, что близко дорога, но вместо этого очутились на краю небольшой поляны. А на поляне стояла Фелуриан и вполголоса пела:

Каэ-Ланион Лухиал
Ди мари Фелануа
Креата Ту сиар
Ту аларан ди
Дирелла. Амауен.
Лоеси ан делан
Ту ниа вор рухлан
Фелуриан тае.

Хотя Дедан напел мелодию весьма приблизительно, я содрогнулся от этих звуков. Мелодия была странная, влекущая и совершенно незнакомая.

И языка я тоже не понимал. Не понимал ни слова.

Дедан заметил мою реакцию и кивнул.

— Да, эта песня более, чем что бы то ни было, говорит о том, что парнишка не врал. Я не понимаю в ней ни слова, но она так и засела у меня в голове, хотя он спел ее всего один раз.

Так вот, братья стояли на краю поляны, прижавшись друг к другу. Взошла луна, и видно все было так хорошо, как будто стоял ясный день, а не ночь. На ней не было ни единой нитки, и, хотя волосы ее ниспадали ниже пояса, видно было, что она нагая как луна.

Мне всегда нравились истории про Фелуриан, но я взглянул на Геспе, и предвкушение мое поувяло. Она пристально смотрела на Дедана, и глаза ее сужались все сильнее.

Дедан же ничего не замечал.

— Она была высокая, с длинными стройными ногами. Талия у нее была тонкая, а бедра крутые, так и манили к ним прикоснуться. Живот у нее был ровный и гладкий, как хороший кусок бересты, а ямочка пупка, казалось, нарочно была создана затем, чтобы его целовать.

Глаза Геспе к тому времени превратились в узкие опасные щелки. Но еще более выразительно выглядел ее рот: он сжался в тонкую прямую линию. Мой вам совет: если увидите у женщины такое лицо, немедленно заткнитесь и суньте руки себе под задницу. Дела это, может, и не исправит, но помешает вам испортить ситуацию еще больше.

К несчастью, Дедан продолжал говорить. Его массивные руки жестикулировали в свете костра.

— Грудь у нее были полные и круглые, точно персики, которые только и ждут, чтобы их сорвали с ветки. И даже ревнивая луна, которая похищает все цвета, не могла скрыть ее розовых...

Геспе с отвращением фыркнула и поднялась на ноги.

— Ну ладно, я пошла, — сказала она. Голос у нее был такой ледяной, что даже Дедан заметил.

— Чегой-то? — спросил он, подняв голову. Руки он по-прежнему держал перед собой, словно сжимая воображаемые груди.

Геспе вихрем умчалась в темноту, что-то бормоча себе под нос.

Дедан тяжело уронил руки на колени. Лицо его стало растерянным, потом обиженным, потом сердитым, и все это — в одно мгновение. Потом он поднялся на ноги, кое-как отряхнул штаны от налипших веточек и листьев, тоже что-то бормоча. Он собрал свои одеяла и пошел на другой конец нашей маленькой поляны.

— Ну, и чем дело кончилось? Оба брата бросились следом за ней и

отец того парнишки отстал? — спросил я.

Дедан обернулся.

— Так ты уже слышал эту историю? Мог бы и остановить меня, раз ты...

— Да нет, я просто догадался! — поспешно ответил я. — Терпеть не могу, когда истории бросают на полуслове.

— Его отец угодил ногой в кроличью нору, — коротко сказал Дедан. — Растянул лодыжку. А дядю так больше никто и не видел.

И ушел из круга света с мрачным выражением на лице.

Я умоляюще взглянул на Мартена. Тот покачал головой.

— Нет, — вполголоса сказал он. — Я не желаю в это ввязываться. Ни за что на свете. Попытаться помочь им сейчас — это все равно что тушить огонь голыми руками. И больно, и без толку.

Темпи принялся устраиваться на ночь. Мартен сделал круг пальцем и вопросительно взглянул на меня, спрашивая, хочу ли я дежурить первым. Я кивнул, и он взял свой спальник, сказав:

— Некоторые вещи выглядят привлекательно, но всегда надо взвешивать риск. Так ли сильно тебе этого хочется и готов ли ты обжечься?

Я раскидал костер, и вскоре поляну объяла глубокая тьма. Я лег на спину и стал смотреть на звезды и думать о Денне.

ГЛАВА 82

ВАРВАРЫ

На следующий день мы с Темпи переносили лагерь, а Дедан с Геспе отправились обратно в Кроссон за припасами. Мартен осмотрел уединенную ровную площадку недалеко от воды. Потом мы собрали и перенесли вещи, вырыли отхожую яму, организовали костер и обустроились на новом месте.

Темпи был не прочь поболтать за работой, но я нервничал. Прежде я задел его своим вопросом про летани, так что теперь знал, что этой темы следует избегать. Но если его так вывел из себя простейший вопрос о песнях, как угадать, что еще его может задеть?

Кроме того, его лицо, лишённое выражения, и нежелание смотреть в глаза представляли для меня серьезную проблему. Как можно вести умные разговоры с человеком, когда не знаешь, как он реагирует? Все равно что бродить по незнакомому дому с завязанными глазами!

Так что я избрал самый безопасный путь и, пока мы работали, просто спрашивал его о новых словах. В основном о предметах — руки у обоих были заняты, и нам было не до пантомим.

А главное, пока я расширял свой адемовский словарный запас, Темпи тем временем получал возможность упражняться в атуранском. Я обнаружил, что чем больше ошибок я делаю, говоря на его языке, тем увереннее он чувствует себя в своих попытках объясняться.

Конечно, я стал делать много ошибок. Иногда я бывал настолько туп, что Темпи приходилось объяснять мне одно и то же по несколько раз, разными способами. И все это, естественно, по-атурански.

Разбивать лагерь мы закончили около полудня. Мартен ушел на охоту, а Темпи потянулся и принялся исполнять свой медленный танец. Он станцевал его два раза кряду, и я начал подозревать, что ему и самому несколько прискучило. К тому времени, как он закончил, его тело блестело от пота. Темпи сказал мне, что пойдет купаться.

Оставшись в лагере один, я расплавил купленные у лудильщика свечи и изготовил две маленькие куколки. Мне хотелось сделать это уже несколько дней, но изготовление восковой куклы даже в Университете считалось занятием сомнительным. А уж тут, в Винтасе... довольно будет сказать, что я счел за лучшее это не афишировать.

Получилось не особенно изящно. Свечное сало далеко не так удобно лепить, как симпатический воск. Однако даже самая грубая кукла может стать страшным оружием. И со временем, как в моей дорожной сумке окажется пара таких кукол, я буду куда лучше готов ко всяким неожиданностям.

Я стирал с пальцев остатки свечного сала, когда Темпи вернулся после купания, голенький, в чем мать родила. Годы актерской выучки помогли мне сохранить невозмутимое выражение лица, но я еле сдержался.

Темпи развесил мокрую одежду на ближайшем суку и подошел ко мне, нимало не смущаясь и не стыдясь.

Он протянул мне правую руку, большой и указательный палец которой были собраны в щепоть.

— Что это?

Он чуть раздвинул пальцы, чтобы мне было виднее.

Я пригляделся, радуясь, что мне есть на что отвлечься.

— Это клещ.

Оказавшись так близко, я невольно снова обратил внимание на его шрамы: еле заметные линии, исчертившие руки и грудь. После обучения в медике я научился определять происхождение шрамов и видел, что шрамы Темпи не имеют ничего общего с широкими розовыми полосами, какие остаются после глубокой раны, рассекшей все слои кожи, подкожного жира и мышцы под кожей. Эти раны были поверхностными. Но их было множество. Я невольно спросил себя, сколько же лет он служит в наемниках, что шрамы у него такие старые. Он выглядел немногим старше двадцати.

Темпи разглядывал тварь, зажатую между пальцами, не замечая, что я разглядываю него.

— Оно кусает. Меня кусает. Кусает — и остается!

Его лицо оставалось бесстрастным, как всегда, но в тоне слышался легкий оттенок отвращения. И левая рука подергивалась.

— А что, в Адеме клещей нет?

— Нет.

Он попытался растереть клеща между пальцами.

— Не давить!

Я жестами показал ему, как раздавить клеща между ногтями, что Темпи и проделал с некоторым злорадством. Он выбросил клеща и побрел к своему спальнику. Не давая себе труда одеться, он принялся вытаскивать и перетрясать всю свою одежду.

Я старался не смотреть на него, в глубине души подозревая, что

именно сейчас вернуться из Кроссона Дедан и Геспе.

По счастью, они не вернулись. Минут через пятнадцать Темпи достал сухие штаны и натянул их, предварительно тщательно осмотрев.

Не надевая рубашки, он подошел ко мне.

— Ненавижу клещ! — объявил он.

Говоря это, Темпи сделал левой рукой резкий жест, как будто отряхивал крошки с подола рубахи у бедра. Если не считать того, что рубахи на нем не было и отряхивать было нечего. Более того, я осознал, что он уже делал этот жест раньше.

На самом деле теперь, когда я об этом задумался, то понял, что за последние несколько дней минимум раз шесть замечал этот жест, хотя он никогда не проделывал его столь энергично.

Меня внезапно осенило.

— Темпи! А что это значит?

Я изобразил тот же жест.

Он кивнул.

— Вот это!

Он скорчил мину, изображающую преувеличенное отвращение.

У меня голова пошла кругом, когда я вспомнил последние несколько дней и подумал о том, что Темпи непрерывно подергивался во время разговора. С ума сойти!

— Темпи, — спросил я, — а что, все вот это, — я указал на свое лицо и улыбнулся, потом нахмурился, потом закатил глаза, — это все по-адемовски показывают руками?

Он кивнул и одновременно с этим сделал незнакомый жест.

— Вот это! — я указал на его руку. — Это что значит?

Он замялся, потом улыбнулся натянутой, неуклюжей улыбкой.

Я повторил жест: слегка растопырил пальцы и прижал большой палец изнутри к среднему.

— Нет, — сказал он. — Другая рука. Левая.

— Почему?

Он протянул руку и принялся постукивать меня по груди, слева от грудины: тук-тук. Тук-тук. Потом провел пальцем до левой руки. Я кивнул, показывая, что понял. Так ближе к сердцу. Темпи поднял правую руку, стиснул кулак.

— Эта рука — сильная.

Он поднял левую руку.

— Эта рука — умная.

Логично. Вот почему большинство лютнистов зажимают струны левой

рукой, а перебирают струны — правой. Левая рука, как правило, действительно ловчее.

Я повторил этот жест левой рукой, растопылив пальцы. Темпи покачал головой.

— Это вот, — сказал он и криво улыбнулся.

Это выражение выглядело на его лице настолько протivoестественно, что я с трудом сдержался, чтобы не уставиться на него, разинув рот. Потом я повнимательнее присмотрелся к его руке и слегка переменял положение пальцев.

Он одобрительно кивнул. Лицо его осталось бесстрастным, но теперь я впервые понимал почему.

В следующие несколько часов я узнал, что адемыские жесты рук не полностью соответствуют выражению лица. Все было далеко не так просто. Например, улыбка может означать, что вам весело, вы счастливы, вы испытываете благодарность или вы довольны. Вы можете улыбнуться, успокаивая кого-то. Вы можете улыбаться оттого, что вам хорошо или что вы влюблены. Ухмылка или усмешка тоже похожа на улыбку, но означает совсем иное.

Представьте, что вы пытаетесь научить кого-то улыбаться. Представьте, что вы пытаетесь описать, что означает та или иная улыбка и когда именно ее следует использовать в разговоре. Это будет потрудней, чем учиться ходить!

Внезапно многое сделалось понятным. Разумеется, Темпи не смотрел мне в глаза. Какой смысл смотреть в глаза человеку, с которым ты разговариваешь? Надо слушать, что он говорит, а смотреть надо на руки.

В течение следующих нескольких часов я пытался запомнить хотя бы основы, но все это было безумно сложно. Со словами куда проще. На камень можно показать пальцем. Можно изобразить, как ты бежишь или прыгаешь. Но вы когда-нибудь пробовали изобразить жестами согласие? Почтение? Сарказм? Сомневаюсь, что даже мой отец был способен на такое.

Из-за этого я продвигался мучительно медленно. И все же это занятие поневоле захватило меня. Казалось, будто я вдруг обрел второй язык.

А кроме того, это была своего рода тайна. Я всегда питал слабость к тайнам.

Мне потребовалось три часа, чтобы выучить горстку жестов — извините за каламбур. Мне казалось, что я продвигаюсь черепашиным шагом, но когда я наконец выучил жестовое обозначение «преуменьшения», я ощутил неописуемую гордость.

Думаю, Темпи тоже это почувствовал.

— Хорошо! — сказал он и распрямил ладонь жестом, который наверняка означал одобрение. Он повел плечами, поднялся на ноги, потянулся. Посмотрел на солнце сквозь ветви над головой. — Теперь еда?

— Сейчас.

Оставался еще один вопрос, который все время меня терзал.

— Темпи, а зачем столько возни? — спросил я. — Улыбнуться легко. Зачем улыбаться руками?

— Руками тоже легко. Лучше. И еще...

Он повторил тот отряхивающий жест, который использовал прежде, но слегка видоизмененный. Нет, не отвращение... **раздражение?**

— Как называется, что люди жить вместе? Дороги. Правильные вещи.

Он провел большим пальцем вдоль ключицы — что это было, **бессилие?**

— Как называется, что хорошо жить вместе? Никто не гадить в колодец?

Я расхохотался.

— Культура, да?

Он кивнул, растопырил пальцы — **веселье**.

— Да, — сказал он. — Говорить руками — это культура.

— Но улыбаться же естественно! — возразил я. — Все люди улыбаются!

— Естественно — не культура, — сказал Темпи. — Жарить мясо — культура. Смывать вонь — культура.

— Так значит, вы в Адемре всегда улыбаетесь руками?

Я пожалел, что не знаю жеста для испуга.

— Нет. Улыбаться лицом хорошо с семья. Хорошо с друзья, некоторые.

— Почему только в семье?

Темпи снова провел большим пальцем вдоль ключицы.

— Когда ты делать так, — он прижал ладонь к щеке и подул в нее, издав громкий неприличный звук, — это естественно, но ты не делать так с чужие. Грубо. В семье...

Он пожал плечами. **Веселье**.

— ...Не важно культура. В семье — больше естественно.

— А как же смех? — спросил я. — Я видел, как ты смеешься!

И добавил «ха-ха!», чтобы он понял, о чем я говорю.

Он пожал плечами.

— Смех да.

Я немного подождал, но продолжать он, похоже, не собирался. Я

попробовал еще раз.

— Почему не смеяться руками?

Темпи покачал головой.

— Нет. Смех — другое.

Он подступил ближе и двумя пальцами постучал меня по груди напротив сердца.

— Улыбка? — он провел пальцем вдоль моей левой руки. — Сердитый? — он снова постучал меня по сердцу. Потом сделал испуганное лицо, смущенное, выпятил губу в дурацкой обиженной гримасе. Каждый раз он постукивал меня по груди.

— Смех — нет!

Он прижал ладонь к моему животу.

— Смех живет тут.

Он провел пальцем от живота к моему рту и растопырил пальцы.

— Сдерживать смех — нехорошо. Вредно.

— И плач тоже? — спросил я. И изобразил пальцем невидимую слезу, стекающую по щеке.

— И плач тоже.

Он положил ладонь себе на живот.

— Ха-ха-ха! — сказал он, демонстрируя мне, как движется брюшной пресс. Потом сделал печальное лицо. — Хнык, хнык, хнык! — он сотрясался от преувеличенных рыданий, держа ладонь на животе. — То же место. Вредно сдерживать.

Я медленно кивнул, пытаюсь представить себе, каково Темпи жить в окружении людей, слишком грубых, чтобы не демонстрировать окружающим выражение своего лица. Людей, чьи руки постоянно делают жесты, которые ничего не значат.

— Тяжело тебе, наверно, тут, у нас.

— Не так тяжело.

Преуменьшение.

— Когда я уходить из Адевре, я это знать. Нет культура. Варвары грубые.

— Варвары?

Он развел руками, указывая на поляну, на лес, на весь Винтас.

— Тут все — как собаки.

Он изобразил гротескно преувеличенную ярость: оскалил зубы, зарычал и выпучил глаза.

— Вы не знать другое.

Он небрежно пожал плечами, как бы говоря, что не ставит это нам в

вину.

— А как же дети? — спросил я. — Дети улыбаются прежде, чем научатся говорить. Это плохо?

Темпи покачал головой.

— Дети все варвары. Все улыбаются лицом. Все дети грубый. Но они стать большой. Смотреть. Учиться.

Он умолк, задумался, подбирая слова.

— У варваров нет женщина, нет учить их культура. Варвары не могут учиться.

Я понимал, что он не хотел меня обидеть, но это лишний раз укрепило мою решимость выучить жестовый язык адемов.

Темпи встал и принялся разминаться, делая растяжку наподобие той, которую делали акробаты у нас в труппе. Потянувшись так минут пятнадцать, он начал свою медленную, похожую на танец пантомиму. Это называется «кетан», хотя тогда я этого не знал.

Я все еще чувствовал себя уязвленным замечанием Темпи насчет того, что варвары, мол, не могут учиться, и решил, что начну повторять его движения. В конце концов, делать все равно было больше нечего.

Начав подражать ему, я обнаружил, что эти упражнения дьявольски сложные: складывать руки надо именно так, а не эдак, ноги ставить непременно под нужным углом, на нужном расстоянии. Несмотря на то что Темпи двигался со скоростью улитки, я понял, что не могу выполнять эти движения с тем же плавным изяществом. Темпи ни разу не остановился и не взглянул в мою сторону, не сказал ни единого одобрительного слова и ничего не посоветовал.

Упражнения были утомительные, и я обрадовался, когда они наконец закончились. Потом я развел костер и поставил треногу. Темпи молча достал копченую колбасу, несколько картофелин и принялся аккуратно их чистить мечом.

Это меня удивило: Темпи же носился со своим мечом не меньше, чем я со своей лютней. Как-то раз, когда Дедан взял его в руки, адемы отреагировали довольно бурно. Ну, для Темпи это было довольно бурно. Он произнес целых две фразы и слегка нахмурился.

Темпи увидел, что я смотрю на него, и вопросительно склонил голову набок.

Я указал пальцем.

— Твой меч! Ты мечом картошку чистишь?

Темпи посмотрел на недочищенную картофелину в одной руке и меч в другой и пожал плечами.

— Он острый. Он чистый.

Я тоже пожал плечами, не желая развивать эту тему. Пока мы возились с обедом, я выучил слова «железо», «узел», «лист», «искра» и «соль».

Дожидаясь, пока закипит вода, Темпи встал, встряхнулся и снова приступил к растяжке. Я вновь стал повторять за ним. Во второй раз было тяжелее. Мышцы рук и ног еще подрагивали после предыдущей тренировки. Под конец мне приходилось прилагать усилия, чтобы не трястись всем телом, зато я подметил еще кое-какие секреты.

Темпи по-прежнему не обращал внимания на мои усилия, но это меня не пугало. Я всегда любил преодолевать трудности.

ГЛАВА 83

СЛЕПОТА

— ...И Таборлин оказался заточен глубоко под землей, — рассказывал Мартен. — Не оставили ему ничего, кроме одежды, что была на нем, да еще свечного огарка в два пальца длиной, чтобы разгонять тьму.

Король-колдун намеревался держать Таборлина в заточении, покуда голод и жажда не сломят его волю. Скифус знал, что, если уж волшебник поклянется ему помогать, клятву свою он сдержит, потому что Таборлин никогда не нарушал данного слова.

А что хуже всего, Скифус отобрал у Таборлина его посох и меч, а без них его могущество потускнело и увяло. Он отобрал у Таборлина даже его плащ, не имеющий цвета. Однако он... гр-рх... Извините. Однако он... кхе-кхе... Геспе, будь так добра, передай мне, пожалуйста, мех!

Геспе бросила Мартену мех с водой, он напился.

— Вот так-то лучше!

Он прокашлялся.

— Так о чем, бишь, я?

Мы провели в Эльде уже двенадцать дней, и наша жизнь вошла в колею. Мартен дважды менял уговор, по мере того как мы оттачивали свое мастерство. Сначала на десять к одному, потом на пятнадцать к одному. С Деданом и Геспе уговор был тот же.

Я мало-помалу осваивал жестовый язык адемов, и в результате Темпи все больше превращался для меня из раздражающего воплощения неведомого в нормального человека. По мере того как я учился читать язык его тела, его персона постепенно расцветивалась живыми красками.

Он был задумчив и мягок по натуре. Дедан его раздражал. Он любил шутки, хотя многих моих шуток он не понимал, а его адемские шутки неизменно теряли смысл в переводе.

Это не значит, что между нами все шло как по маслу. Я по-прежнему время от времени задевал Темпи, совершая недопустимые промахи, которых я не мог понять даже задним числом. Я по-прежнему каждый день пытался подражать его странному танцу, и он по-прежнему упорно меня игнорировал.

— Так вот, Таборлину надо было сбежать оттуда, — продолжал свой рассказ Мартен, — но, оглядевшись, он увидел, что в подземелье нет

дверей. И окон тоже нет. Вокруг только гладкий твердый камень.

Но Таборлин Великий знал имена всех вещей, и потому все вещи его слушались. Он сказал стене: «Откройся!» — и стена открылась. Порвалась, словно бумага. Через дыру Таборлин увидел небо и вдохнул сладкий весенний воздух.

Таборлин выбрался из подземелья, вошел в замок и достиг дверей тронного зала. Двери были заперты на засов, и потому он сказал: «Сгорите!», и двери вспыхнули пламенем и вскоре рассыпались серым пеплом.

Таборлин вошел в зал, и там сидел король Скифус с пятью десятками стражников. «Схватить его!» — вскричал король. Но стражники своими глазами видели, как двери сгорели и рассыпались пеплом, и оттого они хоть и бросились на Таборлина, однако схватить его не решился ни один.

«Труссы! — воскликнул король Скифус. — Я поражу Таборлина своей магией и одолею его!» Он и сам боялся Таборлина, но умело это скрывал. К тому же у Скифуса при себе был посох, а у Таборлина посоха не было.

Тут Таборлин говорит: «Раз ты такой смелый, верни мне мой посох прежде, чем мы начнем поединок!»

«Да-да, конечно, — отвечает Скифус, хотя на самом деле никакого посоха он ему возвращать не собирался, сами понимаете. — Твой посох рядом с тобой, вон в том сундуке».

Мартен с заговорщицким видом обвел нас взглядом.

— Понимаете, Скифус-то знал, что сундук заперт на замок и у замка того всего один ключ, а ключ этот был у него в кармане. И вот Таборлин подходит к сундуку, а сундук-то на запоре! Тут Скифус расхохотался, и кое-кто из стражников расхохотался тоже.

Ух и разозлился же Таборлин! И не успел никто из них ничего сделать, как он хлопнул ладонью по крышке сундука и вскричал: «Эдро!» Сундук вмиг распахнулся, Таборлин схватил свой плащ, не имеющий цвета, и закутался в него...

Мартен снова закашлялся.

— Извиняюсь, — сказал он и опять сделал паузу, чтобы напиться.

Геспе обернулась к Дедану.

— А как ты думаешь, какого цвета был Таборлинов плащ?

Дедан слегка наморщил лоб, как будто нахмурившись.

— То есть как это какого цвета? Сказано же тебе: «Не имеющий цвета».

Геспе поджала губы.

— Да нет, я знаю! Но вот как ты его себе представляешь? Ведь когда

ты пытаешься его вообразить, он же должен как-то выглядеть?

Дедан призадумался.

— Я всегда представлял его таким, блескучим, — сказал он. — Вроде как мостовая у салотопки после ливня.

— А я всегда представляла его грязно-серым, — сказала Геспе. — Ну, как будто он вылинял. Таборлин же всегда в дороге.

— Ну да, тоже верно, — сказал Дедан, и я увидел, как лицо Геспе снова смягчилось.

— Белый, — вмешался Темпи. — Я думать — белый. Бесцветный.

— А мне всегда казалось, что он был бледно-голубой, — признался Мартен и пожал плечами: — Да, это совершенно нелогично, я знаю. Просто мне так кажется.

И все обернулись ко мне.

— Иногда он представляется мне чем-то вроде лоскутного одеяла, — сказал я. — Россыпь разноцветных лоскутков и обрывков. Но чаще мне кажется, что он был темный. Как будто он имеет цвет, но вокруг слишком темно, чтобы разглядеть, какой именно.

Когда я был помоложе, я неизменно слушал истории о Таборлине, разинув рот. Теперь, когда я знал, какова магия на самом деле, они по-прежнему нравились мне, но уже по-другому: отчасти вызывали ностальгию, отчасти просто казались забавными.

Но Таборлинов плащ, не имеющий цвета, занимал в моем сердце особое место. Его посох хранил в себе большую часть его могущества. Его меч был грозен. Его ключ, монетка и свеча были ценными инструментами. Но плащ был самой сутью Таборлина. Он позволял ему сменить облик, когда было надо, помогал спрятаться, когда Таборлину грозила опасность. Плащ защищал его. От дождя. От стрел. От огня.

Таборлин мог спрятать под ним все, что надо, и плащ имел множество карманов, где хранились удивительные сокровища. Нож. Игрушка для ребенка. Цветок для дамы. Все, что только требовалось Таборлину, имелось в одном из карманов плаща, не имеющего цвета. Именно эти истории заставили меня выпросить у матери мой первый плащ, когда я был ребенком...

Я плотнее закутался в свой собственный плащ. Гадкий, потертый, вылинявший плащ, который продал мне лудильщик. В один из наших походов в Кроссон за припасами я купил отрез ткани и пришил к нему изнутри несколько неуклюжих карманов. Но все равно он был жалкой заменой моему роскошному вишневому плащу или тому чудному черно-зеленому плащу, который подарила мне Фела.

Мартен снова откашлялся и пустился рассказывать дальше:

— Так вот, Таборлин хлопнул ладонью по крышке сундука и вскричал: «Эдро!» Сундук вмиг распахнулся, и Таборлин схватил свой плащ, не имеющий цвета, и свой волшебный посох. Он вызвал целый пучок молний и убил на месте два десятка стражников. Потом вызвал стену огня и убил еще два десятка. Те же, что остались в живых, побросали мечи и взмолились о пощаде.

Тут Таборлин забрал из сундука остальные свои вещи. Он достал свой ключ и монетку и запрятал их подальше. Под конец он вытащил свой медный меч, Скьялдрин, и опоясался...

— Что-что? — смеясь, перебил его Дедан. — Дурак! Меч Таборлина не был медным!

— Заткнись, Дан! — огрызнулся Мартен, уязвленный этим замечанием. — Медный он был!

— Сам заткнись! — возразил Дедан. — Медных мечей вообще не бывает. Медь же заточку не держит. Это все равно что пытаться убить человека монетой!

Геспе расхохоталась.

— Может, все-таки серебряный, а, Мартен?

— Медный он был! — стоял на своем Мартен.

— Может, это было в самом начале странствий Таборлина, — громким шепотом сказал Дедан Геспе. — И он тогда не мог себе позволить другого меча, кроме медного!

Мартен метнул в их сторону гневный взгляд.

— Медный, черт бы вас побрал! А коли вам это не нравится, тогда сами придумывайте, что было дальше!

И он надменно скрестил руки на груди.

— Ладно, — сказал Дедан. — Пускай вон Квоут что-нибудь расскажет. Он хоть и пацан, а байки рассказывать умеет. Медный меч! Подумать только!

— По правде говоря, — сказал я, — я бы предпочел дослушать Мартена.

— Да нет уж, валяй, — с горечью ответил старый следопыт. — У меня вся охота пропала рассказывать. Лучше уж ты что-нибудь расскажешь, чем слушать, как блеет этот баран, пытаясь связать два слова!

Вечерние разговоры у костра были одним из немногих моментов, когда мы могли собраться все вместе, не переходя тотчас на мелкие раздоры. А теперь вот даже эти посиделки начинали становиться напряженными. А главное, остальные начали рассчитывать на то, что именно я обеспечу им

развлечение на весь вечер. Надеюсь положить конец этой тенденции, я заранее продумал, что именно стану рассказывать сегодня вечером.

— В некотором царстве, в некотором государстве, — начал я, — в одном городке родился мальчик. Мальчик был чудо как хорош, по крайней мере, так полагала его мать. Одно в нем было не так: в пупке у него был золотой винтик. Его шляпка немного торчала наружу.

Мать мальчика была довольна уже тем, что у него все руки-ноги на месте. Однако, когда мальчик подрос, он понял, что далеко не у всех людей в пупке имеются винтики, тем более золотые. Он спросил у своей матушки, для чего у него этот винтик, но матушка этого не знала. Мальчик спросил об этом у батюшки, но и батюшка этого не знал. Он спросил у дедушки с бабушкой, но и они ему ничего ответить не смогли.

Тогда он на время успокоился, и все-таки этот вопрос не давал ему покоя. И вот, наконец, когда мальчик подрос, он собрал котомку и отправился в путь, надеясь отыскать кого-нибудь, кто знает, в чем тут дело.

Он ходил по городам и весям и спрашивал об этом всякого, кто хоть что-нибудь в чем-то смыслил. Он расспрашивал повитух и лекарей, но они ничего понять не могли. Мальчик расспрашивал арканистов, лудильщиков, старых отшельников, живущих в лесной чащобе, но никто из них отродясь не видывал ничего подобного.

Тогда он отправился к сильдийским купцам, полагая, что уж они-то наверняка знают все о золоте. Однако и сильдийские купцы этого не знали. Тогда он отправился в Университет к тамошним арканистам, полагая, что уж они-то наверняка знают все о винтиках и шпунтиках и о том, для чего они нужны. Однако и арканисты этого не знали. Тогда мальчик отправился за Штормвал, чтобы задать вопрос тальским колдуньям, но никто из них так ему ничего толком и не ответил.

Наконец он отправился к винтийскому королю, самому богатому королю на свете. Но и король этого не знал. Побывал он и у атуранского императора, но и император ему ничего не ответил, невзирая на все свое могущество. Он обошел, одно за другим, все Малые королевства, но никто-никто не знал ответа на его вопрос.

И вот в конце концов мальчик отправился к верховному королю Модега, мудрейшему из всех королей на свете. Верховный король пристально посмотрел на золотой винтик, торчащий у мальчика в пупке. Потом верховный король махнул рукой, и его сенешаль принес подушечку золотого шелка. На подушечке покоилась золотая шкатулка. Верховный король снял золотой ключик, который носил на шее, и отпер им шкатулку. Внутри шкатулки лежала золотая отвертка.

Верховный король взял отвертку и сделал мальчику знак подойти поближе. Мальчик повиновался, трепеща от возбуждения. Верховный король взял золотую отвертку и вставил ее мальчику в пупок.

Я выдержал паузу, отхлебнул воды. Я чувствовал, что моя небольшая аудитория с нетерпением ждет продолжения.

— Верховный король аккуратно повернул золотую отвертку. Раз — ничего. Два — ничего. Потом король повернул отвертку в третий раз, и... у мальчика отвалилась задница!

Воцарилось ошеломленное молчание.

— Чего? — недоверчиво переспросила Геспе.

— У мальчика отвалилась задница, — повторил я совершенно бесстрастно.

Все надолго замолчали. Слушатели не сводили с меня глаз. Треснуло полено, красный уголек отлетел в сторону.

— И что было потом? — спросила наконец Геспе.

— Ничего, — ответил я. — Это все. Конец.

— То есть как? — снова спросила она. — Ну что это за история такая?

Я уже собирался было ответить — и тут Темпи расхохотался. Он ржал как сумасшедший, задыхаясь от хохота. Вскоре я и сам расхохотался, отчасти заразившись от Темпи, отчасти потому, что эта история мне и самому всегда казалась ужасно смешной, хотя и дурацкой.

Геспе грозно нахмурилась, словно смеялись над ней.

Дедан заговорил первым:

— Я чего-то не понял. Но почему?.. — он не договорил.

— Ну а задницу-то мальчику потом назад приделали? — перебила Геспе.

Я пожал плечами.

— В истории об этом ничего не говорится.

Дедан взмахнул руками, лицо у него сделалось расстроенное.

— А в чем тогда смысл?

Я скроил невинную мину.

— Ну, я думал, мы просто так байки рассказываем...

Верзила сердито насупился.

— Нормальные байки! Со смыслом! Чтобы они заканчивались как полагается! А не такие, в которых у мальчика отвалилась задница!..

Он потряс головой.

— Чушь какая-то. Я спать пошел!

И он ушел раскладывать спальник. Геспе удалилась в другую сторону.

Я ухмыльнулся: теперь я мог быть уверен, что они не станут просить

меня рассказывать истории чаще, чем мне самому того захочется.

Темпи тоже поднялся на ноги. Проходя мимо, он улыбнулся и вдруг обнял меня. Еще оборот тому назад меня бы это шокировало, но теперь я знал, что адемы не относятся к прикосновениям как к чему-то особенному.

И тем не менее меня удивило, что он сделал это при посторонних. Я тоже обнял его в ответ, как сумел, и почувствовал, что его грудь все еще содрогается от смеха.

— Задница отвалилась! — вполголоса повторил он и ушел спать.

Мартен проводил глазами Темпи, потом смерил меня долгим, задумчивым взглядом.

— Где это ты слышал такую историю? — спросил он.

— Папа рассказывал, когда я маленьким был, — ответил я.

— Странная сказка, детям таких обычно не рассказывают.

— А я был странным ребенком, — ответил я. — Когда я подросток, отец признался, что нарочно сочинял истории, только чтобы я заткнулся. А то я засыпал его вопросами. Я мог задавать вопросы часами. Он говорил, единственное, что могло заставить меня замолчать, была какая-нибудь загадка. Но обычные загадки я щелкал как орешки, и они у него быстро кончились.

Я пожал плечами и принялся раскатывать свой спальник.

— И тогда он принялся сочинять истории, которые выглядели как загадки, и спрашивать у меня, понял ли я, о чем эта история.

Я грустно улыбнулся.

— Как сейчас помню: про этого мальчика с винтиком в пупке я размышлял несколько дней подряд, пытаюсь понять, какой в этой истории смысл.

Мартен нахмурился.

— По-моему, это несколько жестоко по отношению к ребенку.

Его замечание меня удивило.

— То есть?

— Ну, обманывать тебя только ради того, чтобы немного отдохнуть. Нехорошо как-то.

Это застигло меня врасплох.

— Так ведь он же не со зла! Мне это нравилось. Это давало мне пищу для ума.

— Но ведь это же бессмысленно! На этот вопрос невозможно ответить.

— Вовсе не бессмысленно! — возразил я. — Именно те вопросы, на которые мы не можем дать ответа, и есть самые полезные. Они учат нас

думать. Если дать человеку ответ, что он узнает? Какой-нибудь факт, и все. А вот если дать ему вопрос, тогда он сам примется искать ответы.

Я расстелил одеяло на земле и сложил потертый плащ лудильщика, чтобы укрыться им.

— И вот тогда ответы, которые он отыщет, будут для него бесценны. Чем сложнее вопрос, тем старательнее мы ищем ответ. А чем старательнее мы ищем ответ, тем больше мы узнаем. Вопрос, не имеющий ответа...

Я осекся. Меня внезапно осенило. Элодин! Так вот что он делал! Все, чем он занимался в классе. Все эти игры, все эти намеки, все неразрешимые загадки... Все это были своего рода вопросы.

Мартен покачал головой и побрел в темноту, но я был так поглощен своими мыслями, что даже не заметил этого. Я хотел ответов, и, что бы я там ни думал, Элодин все это время пытался мне их дать! То, что я принимал за его злонамеренное коварство и скрытность, было на деле не чем иным, как непрерывным подталкиванием в сторону истины. Я сидел безмолвный, ошеломленный размахом его наставлений и глубиной собственного непонимания. Собственной слепоты.

ГЛАВА 84

НА КРАЮ КАРТЫ

Мы мало-помалу продвигались сквозь Эльд. Каждое утро мы надеялись отыскать наконец признаки тропы. И каждый вечер нас ждало разочарование.

Яблочко определенно теряло свою свежесть, и наш отряд постепенно захлестывали раздражение и склоки. Страх, который Дедан некогда испытывал передо мной, постепенно иссяк, и теперь он непрерывно на меня давил. Он желал купить на деньги маэра бутылку бренди. Я отказывался. Он считал, что нам незачем дежурить по ночам, достаточно будет натянуть сигнальную веревку. Я считал иначе.

И каждый раз, как я одерживал очередную маленькую победу, он все сильнее на меня злился. По мере того как продвигались наши поиски, он ворчал все громче. До прямого противостояния дело не доходило, пока все ограничивалось ехидными замечаниями и угрюмым неповиновением.

С другой стороны, у нас с Темпи мало-помалу зарождалось нечто вроде дружбы. Он все лучше говорил по-атурански, а мой адемский из ничего стал кое-чем.

Я по-прежнему подражал Темпи, когда он исполнял свой танец, а он по-прежнему меня игнорировал. Теперь, после того как я исполнял танец в течение нескольких дней, я начал узнавать в нем отдаленное сходство с боем. Медленное движение руки походило на удар кулаком, плавный взмах ноги напоминал удар. Руки и ноги у меня уже не тряслись от напряжения, когда я медленно двигался одновременно с ним, однако меня по-прежнему злило то, какой я неуклюжий. Больше всего на свете ненавижу делать что-то плохо.

Например, была там одна связка в середине танца, она выглядела простой, как дыхание. Темпи разворачивался, округлял руки и делал маленький шажок. Но когда это движение пытался повторить я, то каждый раз спотыкался. Я пробовал ставить ноги полудюжиной возможных способов — ничего не помогало.

Но на следующий день после того, как я рассказал свою «сказку про открученный винтик», как стал называть ее Дедан, Темпи наконец обратил на меня внимание. Когда я споткнулся, он остановился и обернулся ко мне лицом. И сделал жест — **неодобрение, раздражение.**

— Повтори, — сказал он и встал в стойку, предшествующую тому месту, где я спотыкался.

Я встал в прежнюю позицию и попытался повторить за ним. Я опять потерял равновесие, и мне пришлось шаркнуть ногой, чтобы не упасть.

— Глупые у меня ноги! — пробормотал я по-адемски и поджал пальцы на левой руке — **смущение**.

— Нет.

Темпи схватил меня за бедра и чуть развернул их. Потом отвел назад мои плечи и стукнул меня по колену, заставив согнуть его.

— Да.

Я попытался еще раз повторить движение и почувствовал разницу. Я по-прежнему терял равновесие, но гораздо меньше.

— Нет, — сказал Темпи. — Смотри.

Он постучал себя по плечу.

— Это.

Он встал напротив меня, буквально сантиметрах в тридцати, и повторил движение. Он развернулся, его руки описали круг в сторону, а плечом он толкнул меня в грудь. Примерно такое движение вы могли бы сделать, если бы пытались выбить дверь плечом.

Темпи двигался не особенно быстро, однако его плечо уверенно оттолкнуло меня в сторону. Это движение не было грубым или внезапным, но устоять на месте было невозможно, все равно как когда тебя задевает лошадь на людной улице.

Я повторил движение снова, сосредоточившись на плече. И на этот раз не споткнулся.

Поскольку мы были в лагере одни, я сдержал улыбку и сделал жест **счастье**.

— Спасибо.

Преуменьшение.

Темпи ничего не ответил. Лицо его было непроницаемо, и руки неподвижны. Он просто вернулся на то место, где стоял прежде, и начал исполнять весь танец с начала, глядя в другую сторону.

Я старался относиться к произошедшему невозмутимо, но воспринял это как серьезный комплимент. Если бы я больше знал об адемах, то понял бы, что это было нечто куда большее.

Мы с Темпи перевалили через холмик и увидели ожидающего нас Мартена. Обедать было рановато, и в груди у меня вспыхнула надежда: я подумал, что вот наконец-то, после всех этих многодневных поисков, он напал на след разбойников!

— Хотел показать вам эту штуку, — сказал Мартен, указывая на высокое, раскидистое, похожее на папоротник растение метрах в четырех от себя. — Довольно редкое растение. Много лет такого не видел.

— А что это?

— Оно называется «Анов клинок», — гордо ответил Мартен, разглядывая растение. — Теперь смотрите в оба! Мало кто про него знает, так что оно способно нам подсказать, есть ли в округе другие люди.

Мартен возбужденно обвел нас взглядом.

— Ну? — сказал он наконец.

— А что в нем такого особенного? — послушно спросил я.

Мартен улыбнулся.

— Анов клинок интересен тем, что не терпит людей, — сказал он. — Если какая-то часть растения коснется твоей кожи, через пару часов она сделается красной, как осенняя листва. Нет, еще краснее. Вот как твоя одежда наемника, — Мартен указал на Темпи. — А потом все растение засохнет и умрет.

— Что, правда? — переспросил я. Мне уже не было нужды изображать интерес.

Мартен кивнул.

— Капля пота убьет его точно так же. Это значит, что обычно оно умирает от одного прикосновения к одежде человека. И к доспехам тоже. И к палке, за которую ты подержался. Или к мечу, — он указал на бок Темпи. — Некоторые говорят, будто оно умрет, даже если на него подуешь. Но лично я не знаю, правда ли это.

Мартен повернулся и повел нас прочь от Анова клинка.

— Это древняя, очень древняя пуща. Поблизости от тех мест, где живут люди, клинок не растет. Мы теперь, считай, шагнули за край карты.

— Ну почему же, — возразил я. — Мы же точно знаем, где мы находимся!

Мартен фыркнул.

— У карт есть не только внешние края, но и внутренние. В картах имеются дыры. Люди любят делать вид, будто знают о мире все. Особенно богатые. Карты для этого отлично подходят. По эту сторону черты поле барона Тришкуры, а по ту — земли графа Деринос.

Мартен сплюнул.

— На карте нельзя оставлять белые пятна, поэтому те, кто их рисует, заштриховывают кусок земли и пишут: «Эльд».

Он покачал головой.

— С тем же успехом можно прожечь в карте дыру, толку будет столько же. Этот лес обширен, как Винтас. Он никому не принадлежит. Если сбиться с пути и пойти не в ту сторону, можно пройти сто километров и не выйти ни на одну дорогу, не говоря уже о домах или возделанных полях. Здесь есть такие места, где не ступала нога человека, где никогда не слышали человеческого голоса.

Я огляделся.

— Ну, выглядит он так же, как большинство других лесов, что довелось мне видеть.

— Волк выглядит как собака, — коротко ответил Мартен. — Но волк — не собака. Собака — она...

Он запнулся.

— Ну, как называются звери, которые живут при людях? Коровы, овцы и так далее?

— Одомашненные?

— Во-во, — сказал Мартен, озираясь по сторонам. — Ферма — она одомашненная. И сад. И парк. И большинство лесов тоже. Люди собирают там грибы, рубят дрова, водят туда своих зазнобушек пообниматься и пошалить.

Он покачал головой и коснулся грубой коры ближайшего дерева. Жест был странно ласковый, почти любовный.

— А эта чаща — нет. Этот лес — древний и дикий. На нас ему наплевать. Если те ребята, за которыми мы охотимся, набросятся на нас, им не придется даже зарывать трупы. Мы пролежим тут сотню лет, и никто наших косточек не сыщет.

Я обернулся и посмотрел назад, на холм, оставшийся за спиной. Растрескавшиеся камни, бесконечные ряды деревьев... Я старался не думать о том, как маэр отправил меня сюда, словно переставил камушек на доске для игры в тэк. Он отправил меня в дыру на карте. В место, где никто моих косточек не сыщет...

ГЛАВА 85

ИНТЕРЛЮДИЯ

ЗАБОР

Квоут внезапно выпрямился и вытянул шею, чтобы посмотреть в окно. Он едва успел вскинуть руку, подавая знак Хронисту, как они услышали стремительный, легкий топоток на деревянном крыльце. Шаги были слишком проворны и мягки, чтобы принадлежать фермерам, обутом в тяжелые сапоги, и вслед за ними раздался взрыв звонкого детского смеха.

Хронист торопливо промокнул страницу, которую писал, и сунул ее под стопу чистой бумаги. Квоут встал на ноги и пошел к стойке. Баст принялся раскачиваться на стуле.

Дверь распахнулась, и в трактир вошел широкоплечий молодой человек с жидкой бородкой, бережно подталкивая перед собой белокурую девчушку. Следом за ним шла молодая женщина, несущая на руках младенца.

Трактирщик расплылся в улыбке, вскинул руку.

— Мэри! Хэп!

Молодая пара перекинулась парой слов, и высокий фермер подошел к Хронисту, по-прежнему мягко подталкивая вперед девчушку. Баст вскочил на ноги и предложил свой стул Хэпу.

Мэри подошла к стойке, мимоходом отцепляя ручонку малыша, схватившего ее за волосы. Она была молодая и милая, с улыбочивым ртом и усталыми глазами.

— Привет, Коут!

— Давненько вас не было видно, — сказал трактирщик. — Сидру налить? Свежий, только утром отжал!

Она кивнула, и трактирщик налил три кружки. Баст отнес две из них Хэпу и его дочке. Хэп кружку взял, а девочка спряталась за отца, застенчиво выглядывая из-за его плеча.

— А юному Бену налить кружечку? — спросил Коут.

— Налить-то можно, — сказала Мэри, улыбаясь малышу, сосущему собственные пальчики. — Но я бы не стала, а то пол мыть придется.

Она полезла в карман.

Коут поднял руку и твердо покачал головой.

— Даже и не думайте, — сказал он. — Хэп и так мне тогда за полцены

забор починил.

Мэри улыбнулась усталой, встревоженной улыбкой и взяла свою кружку.

— Спасибо большое, Коут!

Она отошла туда, где сидел ее муж, разговаривая с Хронистом. Она заговорила с писцом, слегка покачиваясь из стороны в сторону, укачивая младенца на бедре. Муж кивал, время от времени вставляя пару слов. Хронист обмакнул перо и принялся писать.

Баст вернулся к стойке и прислонился к ней, с любопытством глядя в сторону дальнего стола.

— Все равно не понимаю, — сказал он. — Я точно знаю, что Мэри умеет писать. Она мне записочки посылала.

Квоут с любопытством взглянул на своего ученика, потом пожал плечами.

— Думаю, он пишет завещания и доверенности, а не записочки. Такая бумага должна быть написана чисто, разборчиво и без ошибок.

Он указал на Хрониста, который прикладывал к листу бумаги тяжелую печать.

— Видишь? Значит, он — судебный чиновник. Бумага, заверенная им, имеет юридическую силу.

— Но это же и священник может! — возразил Баст. — Аббат Граймс — он тоже вроде чиновника. Он ведет записи о браках и составляет расписки, когда кто-то покупает землю. Ты же сам говорил, они любят свои записи.

Квоут кивнул.

— Это верно. Но священники любят, когда ты оставляешь денюжки церкви. Если он возьмется составлять тебе завещание, а ты не оставишь церкви ни единого ломаного пенни...

Он пожал плечами.

— После этого твоя жизнь в таком маленьком городке, как этот, может сделаться весьма неприятной. А уж если ты не умеешь читать, тогда священник может написать вообще все, что угодно, верно? И кто решится с ним спорить, когда ты помрешь?

Баст был шокирован.

— Аббат Граймс такого нипочем не сделает!

— Вероятно, нет, — согласился Квоут. — Для священника он вполне порядочный. Но вдруг тебе захочется оставить клочок земли молодой вдовушке, что живет дальше по улице, и немного денег ее младшему сыну?

Квоут многозначительно вскинул бровь.

— Это одна из тех вещей, которые не хочется доверять священнику. Лучше, чтобы об этом сделалось известно уже после того, как ты померешь и тебя закопают.

В глазах Баста отразилось понимание, и он взглянул на молодую пару, словно пытался угадать, какие же тайны они пытаются скрыть.

Квоут достал белую тряпочку и принялся рассеянно натирать стойку.

— Но в большинстве случаев все гораздо проще. Многие просто хотят оставить музыкальную шкатулку Элли и не слушать в течение ближайших десяти лет, как другие сестры хнычут по этому поводу.

— Это как когда вдова Грейден померла?

— Вот именно, как когда померла вдова Грейден. Ты же видел, как вся семья перегрызлась из-за ее пожитков. Многие из них до сих пор друг с другом не разговаривают.

На другом конце зала девчушка подошла к матери и принялась настойчиво дергать ее за юбку. Мэри подошла к стойке, ведя девочку за собой.

— Малютке Сил срочно надо по делу, — виновато сказала она. — Можно?..

Коут кивнул и указал на дверку рядом с лестницей.

Мэри обернулась и протянула малыша Басту.

— Можно вас попросить?..

Баст чисто машинально протянул руки, взял мальчика и остался стоять в растерянности. Мэри увела дочку.

Малыш с улыбкой огляделся по сторонам, еще не зная, как себя вести в этой новой ситуации. Баст повернулся к Квоуту, крепко прижимая к себе младенца. Личико малыша постепенно из любопытного сделалось неуверенным, а из неуверенного — несчастным. Наконец он принялся тихо, испуганно всхлипывать. Казалось, будто он никак не мог решить, заплакать ему или нет, и мало-помалу приходил к выводу, что, пожалуй, все-таки стоит заплакать.

— Ох, Баст, ради всего святого! — сказал Квоут раздраженным тоном. — Дай сюда.

Он шагнул вперед, взял малыша и усадил его на стойку, крепко держа его обеими руками.

Мальчишка повеселел. Он с любопытством потер ладошкой отполированную стойку, оставив на ней пятно. Потом посмотрел на Баста и улыбнулся.

— Коёва, — сказал он.

— Очаровательно, — сухо сказал Баст.

Маленький Бен сунул пальцы в рот и огляделся по сторонам, уже более целеустремленно.

— Мам! — сказал он. — Ма-ма-ма-ма!

Вид у него сделался озабоченный, и он снова тихо, испуганно захныкал.

— Подержи-ка его, — сказал Квоут и встал напротив малыша. Баст подхватил малыша сзади, а трактирщик ухватил мальчика за ножки и нараспев заговорил:

Сапоги, сапожник, шей!
Пахарь, в поле рожь посеи!
Пекарь, сыпь на булку мак,
А портняжка — шей колпак!

(Стихи в переводе Вадима Ингвалла Барановского)

Малыш внимательно смотрел, как Квоут делает движения, соответствующие каждой строчке: то «сеет хлеб», то «сыпет мак». На последней строчке малыш расхохотался радостным, булькающим смехом и «надел колпак» вслед за рыжим трактирщиком.

Ты лепи горшок, гончар,
Сыпь в чан солод, пивовар!
Мельник, на весы не жми!
Детка, папку обними!

На последней строчке Квоут никакого движения не сделал, а вместо этого склонил голову набок и выжидательно уставился на Баста.

Баст стоял в растерянности. Потом до него, очевидно, дошло.

— Реши, ну как ты мог подумать! — воскликнул он, слегка обиженный. Он указал на малыша. — Он же беленький!

Мальчишка обвел их взглядом и решил, что пора наконец поплакать. Личико его насупилось, и он завопил.

— Это все ты! — заявил Баст.

Квоут снял малыша со стойки и принялся его трясти, пытаясь успокоить. Ему это даже отчасти удалось. Но когда в зал вернулась Мэри, мальчонка взвыл еще отчаяннее и изо всех сил потянулся к ней.

— Извините, — сказал Квоут, явно пристыженный.

Мэри взяла ребенка, и тот мгновенно затих. В глазах у него по-прежнему стояли слезы.

— Да нет, вы тут ни при чем, — сказала она. — Он просто в последнее время все к мамочке просится.

Она потерлась носом об носик младенца, улыбнулась ему, и малыш снова расхохотался своим радостным, булькающим смехом.

* * *

— И сколько ты с них взял? — спросил Квоут, возвращаясь к столу Хрониста.

Хронист пожал плечами.

— Полтора пенни.

Квоут собирался сесть, но, услышав это, остановился, прищулив глаза.

— Да там одна бумага дороже стоила!

— Ты думаешь, я глухой? — возразил Хронист. — Ученик кузнеца упоминал о том, что у Бентли трудные времена. А даже если бы он об этом и не сказал, так я же и не слепой. У мужика штаны на коленях заштопаны и сапоги заношены до дыр. Девчушке платьице мало, да и то все в заплатках.

Квоут кивнул. Лицо у него сделалось мрачным.

— Их южное поле затапливало два года кряду. А весной у них обе их козы пали. Даже в самые лучшие времена для них этот год выдался бы тяжелым. А они еще второго ребенка завели...

Квоут набрал воздуха и медленно, задумчиво выдохнул.

— Это все поборы на армию. В этот год их было уже два.

— Реши, давай я опять этот забор сломаю, хочешь? — радостно предложил Баст.

— Помалкивай, Баст! — в уголках губ Квоута мелькнула улыбка. — Нет, на этот раз надо будет выдумать что-нибудь другое.

Улыбка исчезла.

— Пока не назначили новый побор.

— Да может, еще и не назначат, — сказал Хронист.

Квоут покачал головой.

— До конца сбора урожая новых налогов не будет, но потом будет непременно. Обычные сборщики налогов тоже не подарок, но они хоть соображают, на что следует смотреть сквозь пальцы. Им же сюда еще на будущий год возвращаться и через год. А эти кровососы...

Хронист кивнул.

— Да, они другие, — угрюмо согласился он. И процитировал: — «Заберут от бочки дно, денег нет — возьмут зерно».

Квоут ухмыльнулся и продолжил:

Нет зерна — возьмут козу
И дровишки увезут,
Нету пса — уйдут с котом,
А в конце отнимут дом!

— Кровососов все ненавидят, — мрачно кивнул Хронист. — Аристократы, пожалуй, ненавидят их еще вдвое сильнее, чем крестьяне.

— Ну, уж это вряд ли! — сказал Квоут. — Слышал бы ты здешние разговоры! Если бы последний явился сюда без вооруженного отряда, живым бы он из нашего городка не ушел.

Хронист криво улыбнулся.

— А слышал бы ты, какими словами обзывал их мой отец! — сказал он. — А ведь на его долю досталось всего два неурочных налога за двадцать лет. Он говаривал, что предпочел бы саранчу, а вслед за ней пожар, чем приезд королевского кровососа.

Хронист оглянулся на дверь трактира.

— Они слишком горды, чтобы просить помощи?

— Еще более горды, чем ты думаешь, — сказал Квоут. — Чем ты бедней, тем дороже тебе твоя гордость. Я понимаю их чувства. Я бы никогда не попросил у друга денег, скорей бы с голоду умер.

— А занять? — спросил Хронист.

— А у кого сейчас есть деньги, чтобы давать их взаймы? — мрачно осведомился Квоут. — Для большинства людей зима и так будет голодная. А после третьего побора Бентли придется всей семьей спать под одним одеялом и питаться семенным зерном еще до того, как стает снег. Это если они сумеют сохранить хотя бы свой дом...

Трактирщик посмотрел на свои руки, лежащие на столе, и, похоже, удивился, увидев, что одна из них сжата в кулак. Он медленно разжал ее и положил обе ладони на стол. Потом взглянул на Хрониста и печально улыбнулся.

— А ты знаешь, что я никогда в жизни не платил налогов до того, как поселился здесь? Эдема ведь, как правило, не владеют никакой собственностью.

Он жестом обвел трактир.

— Я даже не подозревал, как это бесит! Какой-то самодовольный ублюдок с конторской книгой приезжает к тебе в городок и заставляет платить за привилегию чем-то владеть!

Квоут дал знак Хронисту, чтобы тот снова взялся за перо.

— Теперь-то я, конечно, знаю, почему фунт лиха. Я знаю, какие темные побуждения заставляют людей устраивать засады у дорог и убивать сборщиков налогов, бросая вызов королю.

ГЛАВА 86

РАЗБИТАЯ ДОРОГА

Мы завершили поиски к северу от королевского тракта и перешли на его южную сторону. Зачастую единственным примечательным событием за весь день становились истории, которые мы рассказывали вечерами у костра. Истории об Орене Велсайтере, Ланиэль Вновь Юной и Иллиене. Истории о находчивых свинопасах и удачливых сыновьях лудильщиков. Истории о демонах и феях, о загадках и курганных жителях.

Эдема руэ знают все истории на свете, а я — эдема до мозга костей. Когда я был маленьким, мои родители каждый вечер рассказывали у костра истории. Я видел истории в пантомимах, слышал их в песнях, разыгрывал их на сцене.

После всего этого неудивительно, что я знал все те истории, которые рассказывали по вечерам Дедан, Геспе и Мартен. Не во всех подробностях, но основной костяк знал. Как пойдет дело и чем все закончится.

Поймите меня правильно. Они мне все равно нравились. Истории не обязательно быть новой, чтобы порадовать тебя. Одни истории — все равно что старые друзья. Другие — привычны и надежны, как хлеб.

И все равно история, которой я не слышал прежде, была для меня редкой драгоценностью. И вот, после того как мы провели двадцать дней, обшаривая Эльд, я наконец был вознагражден такой историей.

* * *

— Давным-давно, далеко-далеко отсюда, — начала Геспе, когда все мы расселись у костра после ужина, — жил да был на свете мальчик по имени Джакс, который влюбился в луну.

Джакс был странный мальчик. Задумчивый. Одинокий. Жил он в старом доме в конце разбитой дороги. Он...

— Как ты сказала? — перебил ее Дедан. — Разбитой дороги?

Геспе поджала губы. Не то чтобы она помрачнела, но лицо у нее сделалось такое, словно она припрятала обиду, на тот случай, если вдруг та срочно понадобится.

— Именно так. Разбитой дороги. Так рассказывала мне эту историю

мама, когда я была маленькая. Я ее раз сто слышала.

Сначала казалось, что Дедан вот-вот задаст еще один вопрос. Но вместо этого он проявил редкое благоразумие и только кивнул.

Геспе нехотя отложила обиду на другой случай. Опустила глаза, нахмурила брови, беззвучно пошевелила губами, потом кивнула и продолжила.

* * *

— Все, кто встречал Джакса, сразу понимали, что он не такой, как другие. Он не играл в игры. Не носился там и сям, влипая в неприятности. И никогда не смеялся.

Некоторые говорили: «Ну а что вы хотите от мальчишки, который живет один в старом доме в конце разбитой дороги?» Некоторые говорили, что вся беда в том, что у него никогда не было родителей. Некоторые говорили, будто в жилах у него течет капля крови феие и оттого-то его сердце никогда не ведало радости.

Парень он был невезучий, этого отрицать нельзя. Уж если достанется ему новая рубашка, он непременно тут же ее порвет. Если дать ему конфету, он тотчас уронит ее в грязь.

Некоторые говорили, будто парень родился под несчастливой звездой, будто он проклят, будто его тень оседлал демон. Другие его просто жалели, однако не так сильно, чтобы чем-нибудь ему помочь.

И вот как-то раз у дома Джакса появился лудильщик. Это само по себе было удивительно, потому что дорога, ведущая к дому, была разбитая и никто по ней не ездил.

— Эй, малый! — крикнул лудильщик, опираясь на свой посох. — Не вынесешь ли старику напиток?

Джакс принес ему воды в треснутой глиняной кружке. Лудильщик напился и посмотрел на мальчика.

— Что-то вид у тебя несчастный, сынок. Что с тобой приключилось?

— Да ничего, — ответил Джакс. — Мне кажется, что у человека должна быть причина, чтобы радоваться, а у меня никаких причин радоваться нет.

Джакс сказал это таким унылым и безнадежным тоном, что у лудильщика заныло сердце.

— Могу поручиться, у меня в мешке найдется кое-что, что тебя порадует! — говорит он мальчику. — Что ты на это скажешь, а?

— Я скажу, что, если ты сумеешь меня обрадовать, я буду тебе очень признателен, — говорит Джакс. — Однако у меня нет денег, ни единого пенни, и ни занять, ни выпросить мне их не у кого.

— Да-а, это плохо, — говорит лудильщик. — Я ведь торгую, ты же понимаешь.

— Ну, если ты найдешь в своем мешке что-нибудь такое, что меня обрадует, — говорит Джакс, — я отдам тебе свой дом! Он старый и разбитый, но уж на что-нибудь да сгодится.

Лудильщик посмотрел на огромный старый дом, почти что замок.

— Что ж, идет! — говорит он.

Тут Джакс посмотрел на лудильщика снизу вверх. Его личико было очень серьезным.

— Ну а если ты не сможешь меня обрадовать, что тогда? Отдашь ли ты мне мешки, которые несешь на спине, и посох в твоей руке, и шляпу с головы?

А надо сказать, что лудильщик любил биться об заклад и сразу понял, что сделка выгодная. К тому же мешки его были битком набиты сокровищами со всех четырех концов света, и он был уверен, что сумеет поразить мальчика. И вот лудильщик согласился, и они ударили по рукам.

Сначала лудильщик достал мешочек шариков всех цветов радуги. Но они не обрадовали Джакса. Потом лудильщик достал бильбоке. Но и бильбоке его не обрадовало.

— Да кого оно может обрадовать! — проворчал Мартен. — Самая дурацкая игрушка, какая только может быть. Ни одного нормального человека она не порадует.

— Лудильщик перерыл свой первый мешок, — продолжала Геспе. — Там было полно обыкновенных вещей, которые наверняка порадовали бы обыкновенного мальчика: и шашки, и марионетки, и складной ножик, и резиновый мячик. Но Джаксу все это было не по душе.

Лудильщик взялся за второй мешок. Там хранились более редкие вещицы. Заводной солдатик, который умел маршировать. Набор ярких красок с четырьмя разными кисточками. Книжка с секретами. Кусок железа, упавший с неба...

Лудильщик раскладывал товары весь день и далеко за полночь и под конец начал тревожиться. Не то чтобы он боялся лишиться посоха. Однако своими мешками он зарабатывал себе на жизнь, да и шляпа ему очень нравилась.

И вот наконец лудильщик понял, что придется ему развязать третий мешок. Мешок был маленький, и в нем было всего три вещи. Однако то

были вещи, которые он показывал только самым богатым покупателям. Каждая из них стоила куда больше разбитого дома. Но все равно он подумал, что лучше уж лишиться одной из них, чем всего сразу и шляпы в придачу.

Но как только лудильщик взялся за третий мешок, Джакс указал пальцем:

— Что это такое?

— Это — очки, — объяснил лудильщик. — Вторая пара глаз, которая помогает человеку лучше видеть.

Он взял их и надел на Джакса.

Джакс огляделся.

— Да нет, все такое же, как и было, — сказал он. А потом он поднял голову. — Ой, а это что такое?

— Это — звезды, — сказал лудильщик.

— Я никогда их раньше не видел...

Джакс повернулся, по-прежнему глядя вверх. И застыл на месте как вкопанный.

— А это что такое?

— Это — луна, — сказал лудильщик.

— Вот, я думаю, что она меня обрадует, — сказал Джакс.

— Ну что ж, значит, так тому и быть, — вздохнул с облегчением лудильщик. — Забирай свои очки, и...

— Да нет, мне мало просто смотреть на нее! — возразил Джакс. — Это все равно что смотреть на еду — ведь это не сделает меня сытым? Я хочу ее! Я хочу ее себе.

— Ну, луну я тебе дать не могу, — сказал лудильщик. — Луна не моя. Она своя собственная.

— Но мне нужна только луна! — сказал Джакс.

— Этого я тебе дать не могу, — тяжело вздохнул лудильщик. — Что ж, забирай тогда мои мешки со всем моим добром.

Джакс кивнул, не улыбаясь.

— И вот тебе мой посох. Хороший, крепкий посох!

Джакс взял в руку посох.

— Ну, может, хоть шляпу-то мне оставишь? — нехотя сказал лудильщик. — Она мне так нравится.

— Шляпа моя по праву! — возразил Джакс. — Если ты ее так любил, не следовало тебе ставить ее в заклад!

Лудильщик насупился и отдал свою шляпу.

* * *

Темпи хмыкнул и покачал головой. Геспе улыбнулась и кивнула. Очевидно, даже адемы знают, что обижать лудильщика — дурная примета.

* * *

— И вот Джакс надел на голову шляпу, взял в руку посох и собрал мешки лудильщика. Увидев третий, еще не развязанный, он спросил:

— А что там?

— А это тебе, чтоб ты подавился! — бросил лудильщик.

— Нечего так злиться из-за шляпы, — возразил мальчик. — Мне она нужнее, чем тебе. Мне ведь предстоит долгий путь, мне нужно отыскать луну и сделать ее своей!

— Если бы ты оставил мне шляпу, я бы помог тебе ее раздобыть! — сказал лудильщик.

— Тебе остается старый дом, — говорит Джакс. — Это уже кое-что. Правда, тебе еще придется его починить!

Джакс нацепил очки и пошел по дороге в сторону луны. Шел он всю ночь и остановился лишь тогда, когда луна скрылась из виду за горами.

Так он шел день за днем в бесконечных поисках...

* * *

Дедан фыркнул.

— Что-то мне это напоминает, а? — буркнул он себе под нос достаточно громко, чтобы слышали все. — Уж не тратил ли он свое время псу под хвост, как мы в этом лесу?

Геспе зыркнула на него исподлобья, на скулах у нее заиграли желваки.

Я вздохнул про себя.

— Ну что, все сказал? — осведомилась наконец Геспе после того, как долго смотрела на Дедана исподлобья.

— А что такое? — спросил Дедан.

— Помалкивай, пока я рассказываю, вот что! — сказала Геспе.

— Да ладно, остальные вон говорят, и ничего! — Дедан негодуя вскочил на ноги. — Даже наш молчун и то что-то вякнул. Отчего ты на

меня-то расшипелась?

Геспе зыркнула на него глазами и сказала:

— Потому что ты пытаешься затеять ссору посреди моего рассказа, вот отчего!

— Я всего лишь говорю правду, отчего сразу ссору-то? — пробурчал Дедан. — Хоть кто-то здесь должен говорить разумные вещи?

Геспе воздела руки к небу.

— Ну вот, опять! Можешь ты посидеть тихо хотя бы один вечер? Ты при любом удобном случае устраиваешь свары и дразги!

— Я, по крайней мере, прямо говорю, когда я с чем-то не согласен! — сказал Дедан. — А не молчу в тряпочку, как последний трус!

Геспе сверкнула глазами, и я, вопреки здравому смыслу, решил вмешаться.

— Ладно, — перебил я, глядя на Дедана. — Если у тебя есть идеи получше насчет того, как найти этих разбойников, — выкладывай. Поговорим как взрослые люди.

Мое вмешательство Дедана не остановило. Я лишь вызвал огонь на себя.

— Да что ты знаешь о взрослых людях?! — воскликнул он. — Меня лично уже тошнит от того, что со мной разговаривает свысока мальчишка, у которого небось еще волосы на яйцах не выросли!

— Я уверен, что, если бы маэр знал, какие волосатые у тебя яйца, он непременно назначил бы главным именно тебя, — ответил я убийственно спокойным тоном (по крайней мере, я надеялся, что это звучит именно так). — К несчастью, он этого не знал и потому выбрал меня.

Дедан было вздохнул, но прежде, чем он успел что-то сказать, вмешался Темпи.

— Яйца, — с любопытством спросил адем, — что такое «яйца»?

Дедан с шумом выдохнул, развернулся и уставился на Темпи, не зная, то ли рассердиться, то ли рассмеяться. Верзила-наемник хохотнул и весьма наглядно указал себе между ног.

— Ну, яйца! Понимаешь? — сказал он, ничуть не смущаясь.

У него за спиной Геспе закатила глаза и покачала головой.

— Ага! — сказал Темпи и кивнул, чтобы показать, что понял. — А зачем маэр смотрит на волосатые яйца?

Повисла пауза, а затем весь лагерь разразился хохотом, со всей силой нараставшего напряжения, которое грозило вот-вот вылиться в драку. Геспе задыхалась от хохота, схватившись за живот. Мартен утирал слезы. Дедан так ржал, что не устоял на ногах и плюхнулся на землю, опираясь на руку,

чтобы не упасть на спину.

Под конец все снова расселись вокруг костра, тяжело дыша и ухмыляясь, как дураки. Напряжение, густое, как зимний туман, развеялось, впервые за много дней. И только тогда Темпи на миг перехватил мой взгляд и незаметно потер большой и указательный палец. **Радость?** Нет. **Удовлетворение...** Я снова встретился с ним глазами — и только тут до меня дошло. Его лицо было непроницаемым, как всегда. Подчеркнуто непроницаемым. Почти самодовольным.

— Ну что, радость моя, может, все же доскажешь свою историю? — обратился Дедан к Геспе. — Я бы все же хотел узнать, как мальчишке удалось затащить в постель луну!

Геспе улыбнулась ему — я уже несколько дней не видел, чтобы она по-настоящему улыбалась Дедану.

— Ой, а я и забыла, на чем остановилась, — сказала она. — Там же все одно за другое цепляется, все равно как в песне. Я могу рассказать все с самого начала, но если я начну заново с середины, то непременно запутаюсь и собоюсь.

— Ну ладно, а завтра начнешь сначала, если я пообещаю помалкивать?

— Начну, — согласилась она, — только уж ты обещаешь!

ГЛАВА 87

ЛЕТАНИ

На следующий день мы с Темпи пошли в Кроссон за припасами. До Кроссона был целый день пути, но, поскольку нам не приходилось на каждом шагу высматривать следы, мне казалось, будто мы не шли, а летели.

По пути мы с Темпи обменивались словами. Я выучил слова «сон», «запах» и «кость». Еще я узнал, что в адемском языке обычное железо и железо, из которого куют мечи, называются разными словами.

Потом был длинный бесплодный разговор: Темпи битый час пытался мне объяснить, что означает жест, когда потирают пальцем бровь. Мне казалось, что это то же самое, как когда мыжимаем плечами, однако Темпи дал понять, что это не одно и то же. Что же это было? Равнодушие? Уклончивость?

— Это чувство, которое ты испытываешь, когда тебе предлагают выбрать? — попробовал я еще раз. — Например, когда тебе предлагают яблоко или сливу?

Я протянул обе руки.

— А тебе одинаково нравится и то и другое.

Я свел пальцы вместе и дважды погладил бровь.

— Вот это чувство?

Темпи покачал головой.

— Нет.

Он остановился на мгновение, потом зашагал дальше. Его левая рука, прижатая к боку, сделала жест: **скрытность**.

— А что такое слива?

Внимание.

Я растерянно посмотрел на него.

— Что?

— Что значит «слива»?

Он снова сделал жест: очень серьезно. **Внимание!**

Я прислушался к тому, что происходит в лесу, и тотчас услышал — движение в подлеске.

Шум доносился с южной стороны дороги. Той стороны, которую мы еще не осматривали. Разбойники! Я чувствовал нарастающее возбуждение

и страх. Станут ли они нападать? Я в своем потрепанном плаще вряд ли выглядел завидной добычей, однако на плече у меня висела лютня в темном дорогом футляре.

Для похода в городок Темпи снова переоделся в свою красную одежду наемника. Но отпугнет ли это человека с боевым луком? Или, напротив, даст понять, что я — менестрель, достаточно богатый, чтобы нанять себе охранника из адемов? Возможно, мы выглядим как спелый плод, который только и ждет, чтобы его сорвали...

Я с тоской подумал о стрелохвате, который продал Килвину, и понял, что магистр был прав: люди станут дорого платить за такое устройство. Вот прямо сейчас я бы отдал за него все до единого пенни.

Я ответил Темпи жестами: **понимание. Скрытность. Согласие.**

— Слива — это такой сладкий фрукт, — сказал я, насторожив уши и прислушиваясь к предательским звукам, доносящимся из-за деревьев.

Как лучше поступить: убежать в лес и спрятаться там или сделать вид, будто мы их не замечаем? А что я могу сделать, если на нас нападут? У меня на поясе был нож, купленный у лудильщика, но я понятия не имел, что с ним делать. Я внезапно осознал, насколько я ни на что не годен. Господи помилуй, что я вообще тут делаю? Это же совершенно не моя работа. Зачем маэр меня сюда отправил?

И как только я всерьез покрылся холодным потом, в подлеске что-то хрустнуло и зашуршало. Могучий олень с ветвистыми рогами выбежал из леса и пересек дорогу тремя легкими скачками. Секунду спустя за ним выбежали две оленихи. Одна застыла на середине дороги, обернулась и с любопытством уставилась на нас, подергивая длинным ухом. Потом рванулась вперед и скрылась в лесу.

Сердце у меня отчаянно колотилось, я рассмеялся негромким нервным смешком. Посмотрев на Темпи, я увидел, что он выхватил меч. Пальцы его левой руки поджались, выражая **смущение**, потом сделали несколько быстрых жестов, которых я не понял.

Он убрал меч в ножны — безо всякого пафоса, небрежным, привычным жестом, все равно что руку в карман сунул. **Разочарование.**

Я кивнул. Я был, конечно, рад, что спина у меня не утыкана стрелами, однако засада, по крайней мере, дала бы нам понять, где искать разбойников. **Согласие. Преуменьшение.**

И мы молча зашагали дальше в сторону Кроссона.

Кроссон был так себе городок. Домов двадцать-тридцать и густой лес вокруг. Кабы он не стоял на королевском тракте, у него, пожалуй, и названия-то бы не было.

Однако, поскольку Кроссон стоял на королевском тракте, там имелась довольно приличная лавка, снабжающая всем необходимым проезжих путников и окрестные хутора. Была там и небольшая почтовая станция, по совместительству конюшня для наемных лошадей, и кузня, а также небольшая церковь, по совместительству — пивоварня.

Ну и, конечно же, трактир. Хотя «Смеющаяся луна» была чуть ли не втрое меньше «Пенни и гроша», она все-таки была на несколько ступенек выше, чем то, на что обычно можно рассчитывать в подобном городишке, — в два этажа, с тремя отдельными спальнями и баней. На большой вывеске, намалеванной местным маляром, была изображена растущая луна в жилетке, которая покатывалась от смеха, держась за живот.

В тот день я захватил с собой лютню, надеясь, что, возможно, мне удастся игрой заработать себе на обед. Но это был только повод. Я хватался за любую возможность поиграть. Вынужденное молчание томило меня не меньше, чем брюзжание Дедана. Мне еще не приходилось так долго обходиться без музыки с тех пор, как я бродяжничал в Тарбеане.

Мы с Темпи отнесли список нужных припасов пожилой тетке, которая торговала в лавке. Четыре больших караваев дорожного хлеба, двести граммов сливочного масла, сто граммов соли, мука, сушеные яблоки, колбаса, шмат грудинки, мешок репы, шесть яиц, две пуговицы, перья для охотничьих стрел Мартена, шнурки для башмаков, мыло и новое точило взамен того, которое разбил Дедан. На круг товару выходило на восемь серебряных битов из быстро худеющего кошелька маэра.

Мы с Темпи отправились обедать в трактир, зная, что все необходимое соберут не раньше, чем часа через два. Как ни странно, я уже с противоположной стороны улицы услышал шум из зала. Обычно в подобных трактирах становится шумно по вечерам, когда там собираются путники, остановившиеся на ночлег, а не среди дня, когда все либо в поле, либо в дороге.

Когда мы отворили дверь, в трактире воцарилась тишина. Поначалу я понадеялся было, что посетители обрадовались, увидев музыканта, но потом я увидел, что все уставились на Темпи в его красной наемничьей одежде.

В общем зале трактира бездельничали человек пятнадцать-двадцать. Некоторые сутулились у стойки, другие расселись вокруг столов. Было еще не таклюдно, чтобы не найти, где сесть, однако же нам пришлось

подождать пару минут, прежде чем единственная замотавшаяся служанка подошла к нашему столику.

— Что кушать будете? — спросила она, отбрасывая со лба потную прядь волос. — Есть гороховый суп с грудинкой и хлебный пудинг.

— Звучит недурно, — сказал я. — Можно нам еще яблок и сыру?

— А пить что будете?

— Мне свежего сидру, — сказал я.

— Пиво, — сказал Темпи и положил на стол два пальца. — Маленький виски. Хороший виски.

Она кивнула.

— Деньги вперед!

Я вскинул бровь.

— А что, бывают проблемы?

Она вздохнула и закатила глаза.

Я отдал ей три полпенни, и она убежала прочь. Теперь я был уверен, что мне не померещилось: люди, сидящие в зале, действительно смотрели на Темпи неприязненно.

Я обернулся к мужику, который сидел за соседним столиком и молча уплетал свой суп.

— У вас сегодня что, ярмарочный день, что ли?

Он посмотрел на меня как на придурка, и я увидел у него на скуле свежий синяк.

— В Кроссоне ярмарочных дней не бывает. Тут ярмарки нету.

— Я тут был недавно, все было тихо. Что делают все эти люди?

— Да то же, что и всегда, — сказал он. — Работу ждут. Кроссон же последняя остановка на тракте, прежде чем начнется настоящий Эльд. И небольшие караваны обычно нанимают пару лишних охранников.

Он приложился к кружке.

— Но в последнее время в этих лесах слишком много народу ощипали. И караваны теперь ходят редко.

Я окинул взглядом зал. На присутствующих не было доспехов, но теперь, приглядевшись, я разглядел в них признаки ремесла наемника. Их вид был грубее, чем у обычных поселян. Больше шрамов, больше перебитых носов, больше ножей, больше наглости и развязности.

Мужик бросил ложку в опустевшую миску и встал.

— Можете забирать мое место себе, мне плевать, — сказал он. — Я торчу тут седьмой день, и за все время тут проехало всего четыре телеги. К тому же надо быть дураком, чтобы наняться отсюда на север за поденную оплату.

Он поднял большой заплечный мешок и вскинул его на плечи.

— А сейчас, когда столько народу пропало с концами, надо быть дураком, чтобы нанимать лишних охранников в таком месте, как это. Я вам это бесплатно говорю: половина этих вонючих ублюдков наверняка перережет вам глотку в первую же ночь в дороге!

Широкоплечий мужик с лохматой черной бородой, стоящий у стойки, насмешливо расхохотался.

— Ежли ты не можешь выкинуть дубля, это еще не значит, что я бандюк, паря! — сказал он с густым северным выговором. — А ишшо тако скажешь — получишь вдвое против вчерашнего. С процентами.

Человек, с которым я разговаривал, сделал выразительный жест — не нужно было быть адемом, чтобы его понять, — и направился к дверям. Бородач расхохотался.

Тут нам принесли заказанные напитки. Темпи единым духом выпил половину виски, испустил долгий удовлетворенный вздох и расслабился. Я принялся прихлебывать сидр. Я-то рассчитывал поиграть пару часов и тем расплатиться за обед. Но я не настолько глуп, чтобы браться за лютню в трактире, полном безработных наемников.

Не то чтобы это не имело смысла. Через час они бы уже хохотали и подпевали мне. Через два они роняли бы слезы в пиво и просили прощения у служанки. Но делать это ради обеда не стоит. Разве что другого выхода нет. В трактире пахло неприятностями. Еще немного, и вспыхнет драка. Ни один бродячий актер, который недаром ест свою соль, не мог ошибиться в таком деле.

Широкоплечий взял со стойки свою деревянную кружку и с наигранной небрежностью направился к нашему столу. Он выдвинул стул, сел, улыбнулся себе в бороду широкой неискренней улыбкой и протянул руку в сторону Темпи.

— Здоров! — сказал он достаточно громко, чтобы слышали все присутствующие. — Меня Тэм звать. А ты кто?

Темпи пожал протянутую руку Его собственная рука выглядела тонкой и бледной в волосатой лапище бородача.

— Темпи.

Тэм осклабился в улыбке.

— А сюда пошто пожаловал?

— Мы так, прохожие, — сказал я. — Встретились на дороге, и Темпи был столь любезен, что согласился меня проводить.

Тэм пренебрежительно смерил меня взглядом.

— Я, малой, не с тобой толкую, — проворчал он. — Не лезь, когда

старшие базарят.

Темпи молчал, глядя на верзилу со своим обычным безмятежным выражением лица. Я увидел, как его левая рука коснулась мочки уха — жест, которого я не знал.

Тэм стал пить из кружки, не сводя глаз с Темпи. Когда он поставил кружку на стол, черная борода возле губ была мокрой, и он утерся рукавом.

— Вот всегда мне было любопытственно, — сказал он громко, так, что его голос был слышен на весь трактир. — Вот вы, адемы. Скока ж вы, красавчики, зашибаете, а?

Темпи обернулся ко мне, слегка склонив голову набок. Я осознал, что он, скорее всего, не понимает этого верзилу с его непривычным говором.

— Он хочет знать, сколько денег ты зарабатываешь, — пояснил я.

Темпи сделал рукой колебательное движение.

— Это сложно.

Тэм наклонился к нему через стол.

— Ну а как наймут тебя караван сторожить? Скока ты возьмешь за день?

Темпи пожал плечами.

— Две йоты. Три.

Тэм расхохотался напоказ, так зычно, что до меня донеслось его дыхание. Я думал, что от него разит перегаром, но нет. От него пахло сладким сидром с пряностями.

— Чо, парни, слышали? — гаркнул он через плечо. — Три йоты в день! А он и говорить-то толком не может!

Большинство присутствующих и так слушали в оба уха, а от этой новости по залу прокатился негромкий злобный ропот.

Тэм снова обернулся к столу.

— Мы тута большей частью получам по пенни в день, и то када работа есть. Мне вот два платят, потому как я управляться с лошадьми умею и телегу из грязи выволоку, если чо.

Он повел широкими плечами.

— А ты чо? Неужто ты в драке стоишь двадесяти мужиков, а?

Не знаю, что из этого понял Темпи, но последний вопрос до него, видимо, дошел.

— Двадцати? — задумчиво переспросил он. — Нет. Четыре.

Потом неуверенно помахал растопыренной пятерней.

— Пять.

Это отнюдь не улучшило атмосферу в трактире. Тэм покачал головой с преувеличенным изумлением.

— Положим даже, я тебе хочь на секунду поверил, — сказал он, — ну дык ладно, четыре или пять пенни в день. Но не двадесять же! Чо...

Я улыбнулся своей самой обезоруживающей улыбкой и подался вперед, собираясь вмешаться в беседу.

— Послушайте, я...

Тэм изо всех сил стукнул кружкой по столу, сидр в ней подпрыгнул. Он бросил на меня грозный взгляд, в котором не было ни следа той фальшивой шутливости, с которой он разговаривал с Темпи.

— Слышь, малой, — сказал он. — Вот щас ишшо раз влезешь, я те все зубы вышибу.

Он сказал это даже без особого нажима, так, словно информировал, что если я прыгну в речку, то точно промокну.

И снова обернулся к Темпи.

— Так чо ж ты думаешь, бутто стоишь три йоты в день, а?

— Кто покупает меня, покупает это, — Темпи поднял руку. — И это, — он указал на эфес своего меча. — И это, — он похлопал по кожаному ремню, который притягивал к груди его приметную алую рубаху наемника из адемов.

Верзила хлопнул ладонью по столу.

— Ах вон оно чо! — воскликнул он. — Нать мне и себе красную рубаху купить!

По залу прокатился смешок.

Темпи покачал головой.

— Нет.

Тэм подался вперед и ткнул толстым пальцем в один из ремней у плеча Темпи.

— Чо, я, сталбыть, не так хорош, шоб такую красивую рубашечку носить, а?

Темпи уверенно кивнул.

— Да. Ты не так хорош.

Тэм свирепо ухмыльнулся.

— А чо, коли я скажу, что твоя маманя была шлюха?

Зал затих. Темпи обернулся ко мне. **Любопытство.**

— Что такое шлюха?

Неудивительно, что этого слова не было среди тех, которыми мы обменивались в течение последнего оборота. На миг я призадумался, не стоит ли соврать, но у меня не было такой возможности.

— Он говорит, что твоя мать — одна из тех женщин, которым мужчины платят деньги, чтобы заняться с ними сексом.

Темпи обернулся к наемнику и дружелюбно кивнул.

— Ты очень добрый. Благодарю.

Лицо Тэма помрачнело, словно он подозревал, что над ним потешаются.

— Да ты ссыкло! Я тебе за ломаный пенни таких навешаю, что хер на задницу уедет!

Темпи снова обернулся ко мне.

— Я не понимаю этого человека, — сказал он. — Он хочет заняться со мной сексом за деньги? Или он хочет подраться?

Трактир взорвался хохотом, Тэм побагровел.

— Я практически уверен, что он хочет подраться, — сказал я, сам с трудом сдерживая смех.

— А-а, — сказал Темпи. — Почему он не скажет об этом прямо? Зачем он вот так?.. — он помахал пальцами и посмотрел на меня вопросительно.

— Ходит вокруг да около? — предположил я. Уверенность Темпи меня успокоила, и я был не прочь подлить немного масла в огонь. После того как адем так легко управился с Деданом, я был бы только рад посмотреть, как он повышибет нахальство из этой конской задницы.

Темпи снова обернулся к верзиле.

— Если ты хочешь драться, перестань ходить вокруг да около.

Адем широким жестом указал на присутствующих.

— Поди и найди других, кто с тобой драться. Позови достаточно женщин, чтобы быть безопасно. Хорошо?

Мое спокойствие улетучилось. Темпи обернулся ко мне. Его голос был полон раздражения.

— Ваши люди так много болтают!

Тэм затопал обратно к столу, за которым сидели его приятели, играющие в кости.

— Ну, чо, слышали? Этот мелкий говнюк бает, что стоит четверых из нас. Пошли покажем ему, чо могут сделать четверо таких, как мы! Бренден, Вен, Джейн, идете?

Лысый мужчина и высокая женщина, улыбаясь, поднялись на ноги. Но третий отмахнулся.

— Не, Тэм, я слишком пьян, чтоб драться. Но еще не настолько пьян, чтобы лезть в драку с кровавой рубахой. В драке они суший кошмар. Я такое видел.

Я повидал достаточно кабацких драк. Вы, возможно, думаете, будто в таком месте, как Университет, драки редкость, но алкоголь — великий уравнитель. После шестого-седьмого стакана разница между мельником,

что повздорил с женой, и юным алхимиком, который плохо сдал экзамен, совсем невелика. Обоим не терпится ободрать кулаки о чьи-нибудь зубы.

Даже в «Эолиане», на что культурное место, а и там случались потасовки. Если засидеться допоздна, вполне можно было увидеть, как парочка аристократов в расшитых камзолах обменивается пощечинами.

Короче, к чему это я: будучи музыкантом, ты непременно навидаешься драк. Некоторые ходят в трактир, чтобы пить. Некоторые — играть в кости. А многие ходят, чтобы подраться, а другие — в надежде посмотреть драку.

В таких драках серьезно пострадавших обычно не бывает. Как правило, дело обходится синяками да рассаженной губой. Ну, если очень не повезет, тебе вышибут зуб или сломают руку, но все равно дружеская потасовка в кабаке не имеет ничего общего с побоищем в темном переулке. Кабацкая драка проходит по определенным правилам, и вокруг стоит толпа самозванных судей, которые внимательно следят за тем, чтобы правила соблюдались. Если дело заходит чересчур далеко, зрители всегда готовы вмешаться и растащить драчунов, потому что всякий рассчитывает, что и для него в свое время сделают то же самое.

Разумеется, исключения бывают. Всякое может случиться, а я со времен обучения в медике прекрасно знал, как легко растянуть запястье или вывихнуть палец. Конечно, для погонщика скота или трактирщика эта травма пустяковая, но меня, человека, зарабатывающего себе на жизнь почти исключительно ловкими и умелыми руками, мысль о сломанном пальце пугала до чрезвычайности.

У меня засосало под ложечкой, когда я увидел, как Темпи отхлебнул еще виски и встал на ноги. Проблема в том, что мы здесь были чужаки. И если дело примет дурной оборот, могу ли я рассчитывать, что разозленные наемники вмешаются и остановят потеху? Трое на одного — это нельзя назвать честной дракой, и, если дело таки примет дурной оборот, это произойдет быстро.

Темпи глотнул пива и спокойно посмотрел на меня.

— Следи за моей спиной! — сказал он и направился туда, где стояли другие наемники.

Для начала я просто удивился, как хорошо он говорит по-атурански. За время нашего знакомства Темпи, который прежде был почти безъязыким, заговорил правильными фразами. Но моя гордость быстро развеялась: я отчаянно пытался придумать, что я могу сделать, если драка вдруг зайдет чересчур далеко.

И ни черта придумать не смог. Я не предвидел такой ситуации и не заготовил заранее никаких хитрых уловок. За неимением другого выхода я

достал из ножен свой нож и стал держать его наготове, пряча руки под столом. Мне меньше всего хотелось кого-нибудь пырнуть, однако я, по крайней мере, мог пригрозить им ножом и выиграть, таким образом, время, чтобы мы успели добежать до выхода.

Темпи окинул троих наемников оценивающим взглядом. Тэм был гораздо выше его, с бычьими плечами. Рядом с ним стоял лысый мужик со шрамами на лице и кровожадной ухмылкой. И, наконец, белокурая женщина, на добрую ладонь выше самого Темпи.

— С вами только одна женщина, — сказал Темпи, глядя в глаза Тэму. — Достаточно ли этого? Можете позвать еще одну.

Наемница ощетинулась.

— Не размахивай своим членом! — бросила она. — Я тебе покажу, на что способна баба в бою!

Темпи вежливо кивнул.

Видя, что он совершенно не тревожится, я вновь начал успокаиваться. Разумеется, я наслушался историй о том, как один-единственный наемник из адемов уложил дюжину солдат. Может, Темпи и впрямь способен управиться с ними троими одновременно? По крайней мере, сам он явно в этом уверен...

Темпи обвел их взглядом.

— Я в первый раз так дерусь. Как положено начинать?

Моя ладонь, сжимавшая рукоять ножа, внезапно вспотела.

Тэм подступил к нему вплотную. Он горой нависал над Темпи.

— Начнем мы с того, что отлупим тебя до крови! Потом отпинаем ногами! А потом повторим все сначала, чтобы убедиться, что ничего не упустили!

Сказав так, он с размаху боднул Темпи в лицо.

У меня перехватило дыхание. Драка кончилась прежде, чем я успел его восстановить.

Когда бородатый наемник резко опустил голову и подался вперед, я ожидал увидеть, что Темпи отлетит назад с разбитым носом, обливаясь кровью. Но вместо этого назад отшатнулся Тэм. Он выл, закрывая лицо руками, и между пальцами у него хлестала кровь.

Темпи шагнул вперед, ухватил верзилу за загривок и без труда уложил его на пол нескладной кучей.

Затем Темпи, не мешкая, с разворота ударил белокурую женщину ногой в бедро так, что она пошатнулась. Пока она пыталась восстановить равновесие, Темпи врезал ей кулаком в висок, и она мешком свалилась на пол.

Тут в дело включился лысый. Он шагнул вперед, растопырив руки, как борец. Стремительно, как змея, он ухватил Темпи одной рукой за плечо, а второй — за шею.

По правде говоря, я не знаю, что произошло дальше. Я увидел лишь размытое движение, а потом Темпи, который держал противника за плечо и запястье. Лысый рычал и вырывался. Но Темпи просто вывернул ему руку, и лысый согнулся в три погибели, глядя в пол. Затем Темпи вышиб из-под него ноги, и мужик рухнул на землю.

И все это заняло меньше времени, чем я об этом рассказывал. Не будь я так ошеломлен, я бы заплодировал.

Тэм и блондинка лежали абсолютно неподвижно, как могут лежать только люди, потерявшие сознание. Однако лысый взревел и принялся неуверенно, но решительно подниматься на ноги. Темпи подступил к нему, стукнул его по голове с небрежной точностью, и мужик обмяк.

Я мимоходом подумал, что это самый любезный удар, какой я когда-либо видел. Таким аккуратным ударом искусный плотник забивает гвоздь: достаточно сильно, чтобы гвоздь вошел по самую шляпку, но не так сильно, чтобы повредить доску.

В трактире воцарилась гробовая тишина. Потом высокий мужик, который с самого начала отказался драться, приветственно вскинул свою кружку, пролив немного пива.

— Молодец, парень! — со смехом крикнул он Темпи. — Никто тебя не упрекнет, если ты угостишь Тэма башмаком под ребра! Видит бог, он сам всегда так делал.

Темпи посмотрел на пол, словно обдумывая предложение, потом покачал головой и молча вернулся за стол. Все присутствующие по-прежнему следили за ним, однако взгляды были уже не такие враждебные, как прежде.

Темпи снова сел за стол.

— Ты следил за моей спиной?

Я тупо уставился на него, потом кивнул.

— И что ты видел?

Я только теперь сообразил, что он имел в виду на самом деле.

— Ты держал спину очень прямо.

Одобрение.

— У тебя спина неровная.

Он поднял распрямленную ладонь и склонил ее вбок.

— Вот почему ты спотыкаешься в кетане. Это...

Он опустил глаза и осекся, заметив мой нож, спрятанный в складках

плаща. Темпи нахмурился. В самом деле, нахмурился лицом. Я впервые видел, чтобы он так хмурился, и это выглядело на удивление устрашающе.

— Мы поговорим об этом позже, — сказал он. И сделал жест: **сильное неодобрение**.

Чувствуя себя более пристыженным, чем если бы мне довелось провести час «на рогах», я потупился и спрятал нож.

* * *

Мы уже несколько часов шагали молча, неся тяжелые мешки с припасами, когда Темпи наконец заговорил:

— Есть одна вещь, которой я должен тебя научить.

Серьезно.

— Я всегда рад учиться, — ответил я, делая жест, который, как я надеялся, означал **вдумчивость**.

Темпи отошел на край дороги, сбросил с плеча тяжелый мешок и уселся на траву.

— Нам нужно поговорить о летани.

Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не расплыться в идиотской улыбке. У меня давно уже чесался язык завести разговор на эту тему, поскольку мы теперь были куда более близки, чем тогда, когда я впервые спросил его о летани. Однако я не решался, опасаясь снова его задеть.

Я некоторое время помолчал, отчасти для того, чтобы взять себя в руки, отчасти для того, чтобы дать Темпи понять, что я с достаточным уважением отношусь к этой теме.

— О летани, — осторожно повторил я. — Ты говорил, что мне не следует об этом спрашивать.

— Тогда не следует. Теперь — может быть. Я...

Неуверенность.

— Меня тянет в разные стороны. Но теперь спрашивать да.

Я выждал еще немного — вдруг он продолжит сам. Но, видя, что он молчит, я задал вопрос, который напрашивался сам собой:

— Что такое летани?

Серьезность. Темпи долго смотрел на меня, потом внезапно расхохотался.

— Я не знаю. И не могу сказать тебе.

Он снова рассмеялся. **Преуменьшение.**

— И все-таки нам нужно о ней поговорить.

Я заколебался — быть может, это одна из его странных шуток, которых я никогда не понимал?

— Сложно, — сказал он. — Даже на моем языке — трудно. А на твоём?

Бессилие.

— Скажи мне, что ты знаешь о летани.

Я задумался: как описать то, что я слышал о летани, используя только те слова, которые он знает?

— Я слышал, что летани — тайная штука, которая делает адемов сильными.

Темпи кивнул.

— Да. Это правда.

— Говорят, что если знаешь летани, то становишься непобедимым в бою.

Снова кивок.

Я покачал головой, понимая, что никак не могу донести свою мысль.

— Говорят, что летани — это тайная сила. Адемы держат свои слова внутри.

Я сделал жест, как будто подгребал что-то поближе к себе и прятал его внутри своего тела.

— И тогда эти слова становятся как дрова в костре. И этот костер из слов делает адемов очень сильными. Очень быстрыми. Кожу делает прочной, как железо. Вот почему вы можете сражаться в одиночку со многими и побеждать.

Темпи пристально смотрел на меня. Он сделал жест, которого я не понял.

— Это безумные разговоры, — сказал он наконец. — Это правильное слово — безумные?

Он высунул язык, закатил глаза и покрутил пальцем у виска.

Я невольно рассмеялся нервным смехом.

— Да. Безумные — правильное слово. Еще можно сказать «сумасшедшие».

— Тогда то, что ты сказал, — это безумные разговоры, и сумасшедшие тоже.

— Но как же то, что я видел сегодня? — спросил я. — Твой нос ударился о голову того мужика и не сломался. Так ведь не бывает.

Темпи покачал головой и поднялся на ноги.

— Давай. Встань.

Я встал, и Темпи подступил ко мне вплотную.

— Ударить головой — это умно. Это быстро. Можно застать врасплах, если противник не готов. Но я не не готов.

Он подступил еще ближе, так что мы почти соприкасались грудью.

— Ты — громкий человек, — сказал он. — Твоя голова твердая. Мой нос мягкий.

Он обеими руками взялся за мою голову.

— Ты хочешь сделать так.

Он медленно наклонил мою голову, пока мой лоб не уперся в его нос.

Темпи отпустил мою голову.

— Ударить головой — быстро. У меня мало время. Могу я отодвинуться?

Он снова наклонил мою голову, отшатнувшись при этом назад, и на этот раз мой лоб коснулся его губ, словно он собирался меня поцеловать.

— Так нехорошо. Рот мягкий.

Он снова отодвинул мою голову назад.

— Если я очень быстрый...

Он сделал шаг назад и опустил мою голову еще ниже, пока мой лоб не коснулся его груди. Потом отпустил меня, и я выпрямился.

— Тоже нехорошо. Моя грудь не мягкая. Но голова этого человека тверже, чем у других.

Его глаза чуть заметно блеснули, и я хмыкнул, сообразив, что это была шутка.

— Итак, — сказал Темпи, вновь встав на прежнее место. — Что может сделать Темпи?

Он махнул рукой.

— Ударь меня головой. Медленно. Я покажу.

Слегка нервничая, я медленно опустил голову, словно собираясь сломать ему нос.

Темпи так же медленно наклонился вперед, упершись подбородком в грудь. Казалось бы, разница невелика, но на этот раз, когда я наклонил голову, мой нос уперся в его макушку.

Темпи отступил назад.

— Видишь? Хитрость. Не безумные мысли, не костер из слов.

— Там все было очень быстро, — сказал я, слегка сконфуженный. — Я не успел разглядеть.

— Да. Драться быстро. Заниматься, чтобы быть быстрым. Заниматься, а не костер из слов.

Он сделал жест **вдумчивость** и посмотрел мне в глаза, что было для

него редкостью.

— Я говорю это потому, что ты командир. Тебе нужно понимать. Если ты думаешь, что у меня есть тайная сила и кожа как железо...

Он отвернулся и покачал головой. **Опасно.**

Мы сели рядом со своими мешками.

— Я об этом слышал в историях, — сказал я в качестве объяснения. — В таких историях, как те, что мы рассказываем по вечерам у костра.

— Но ты, — он указал на меня, — у тебя огонь в руках. У тебя...

Он щелкнул пальцами и жестом изобразил внезапно вспыхнувший костер.

— Ты умеешь делать так, и ты думаешь, что у адемов внутри костер из слов?

Я пожал плечами.

— Потому я и спросил про летани. Это кажется безумным, но я видел, как безумные вещи происходят на самом деле, и мне интересно.

Я колебался, но все же задал еще один вопрос:

— Ты сказал, кто знает летани, становится непобедим в бою.

— Да. Но не от костра из слов. Летани — это такое знание.

Темпи помолчал, очевидно тщательно обдумывая свои слова.

— Летани — очень важная вещь. Все адемы учатся. Наемник учится дважды. Шехин учится трижды. Очень важная. Но сложная. Летани — это... это много разное. Нельзя потрогать или указать что. Адемы проводят всю жизнь, думая о летани. Очень трудно.

— Проблема, — сказал он. — Не мое дело обучать моего командира. Но ты мой ученик в языке. Женщины обучают летани. Я не женщина. Это часть культуры, а ты — варвар.

Сдержанная печаль.

— Но ты хочешь культуру. И тебе нужна летани.

— Объясни, — сказал я. — Я постараюсь понять.

Он кивнул.

— Летани — это поступать правильно.

Я терпеливо ждал, что будет дальше. Минуту спустя он сделал жест **бессилие.**

— Теперь ты спрашивай.

Он перевел дух и повторил еще раз:

— Летани — это поступать правильно.

Я попытался придумать какой-нибудь классический пример хорошего поступка.

— Накормить голодного ребенка — это летани?

Он сделал колеблющийся жест, означающий «и да и нет».

— Летани не в том, чтобы что-то делать. Летани показывает, как делать.

— Летани — это правила? Законы?

Темпи покачал головой.

— Нет.

Он указал на лес вокруг.

— Закон снаружи, он управляет. Это... металл во рту лошади. И ремни на голове.

Вопрос.

— Удила и уздечка? — предположил я. И сделал жест, как будто натягиваю поводья.

— Да. Закон — это удила и уздечка. Он управляет снаружи. А летани...

Он указал себе между глаз, потом на грудь.

— ...Летани живет внутри. Летани помогает решать. Закон сделали потому, что многие не понимают летани.

— Значит, зная летани, человеку не обязательно соблюдать законы?

Пауза.

— Может быть.

Бессилие. Он обнажил меч и протянул его параллельно земле, лезвием кверху.

— Если бы ты был маленьким и мог идти по этому мечу — это было бы похоже на летани.

— Ногам больно? — спросил я, пытаюсь немного развить напряжение. **Улыбка.**

Гнев. Неодобрение.

— Нет. Трудно идти. Легко упасть в сторону. Трудно стоять.

— Летани очень прямая?

— Нет.

Пауза.

— Как называется, когда много гор и только одно место, где идти?

— Тропа? Перевал?

— Перевал, — Темпи кивнул. — Летани — как перевал в горах. Извилистый. Сложный. Это легкая дорога. Единственная дорога через горы. Только нелегко увидеть. Гораздо легкая тропа часто не идет через горы. Иногда никуда не идет. Голодный. Упасть в яму.

— То есть летани — верный путь через горы.

Частичное согласие. Возбуждение.

— Это верный путь через горы. Но летани — это еще знать верный путь. Оба. И горы — не просто горы. Горы — это все.

— Значит, летани — это культура.

Пауза. **И да и нет.** Темпи покачал головой. **Бессилие.**

Я вспомнил, как он сказал, что наемникам приходится учиться летани дважды.

— Летани — это умение драться? — спросил я.

— Нет.

Он сказал это с такой неколебимой уверенностью, что мне пришлось тотчас задать противоположный вопрос, чтобы убедиться:

— Летани — это умение не драться?

— Нет. Тот, кто знает летани, знает, когда драться, когда не драться:

Очень важно.

Я решил сменить направление:

— А то, что ты дрался сегодня, — это летани?

— Да. Показать, что адемы не боятся. Мы знаем, что у варваров не драться — это трус. Трус слабый. Плохо, если они так думают. Так много людей смотрели, драться. И еще показать, что один адем стоит многих.

— А если бы они тебя одолели?

— Тогда варвары знают, что Темпи не стоит многих.

Едва заметная улыбка.

— А если бы они тебя одолели, тогда сегодняшняя драка не была бы летани?

— Нет. Если ты упал и сломал ногу на горном перевале, он все равно перевал. Если я неудачно следую летани, она все равно летани.

Серьезно.

— Вот почему мы разговариваем сейчас. Сегодня. С твоим ножом. Это не летани. Это было неправильно.

— Я боялся, что тебя ранят.

— Летани не растет из страха, — сказал он, как будто цитировал кого-то.

— А позволить тебя искалечить — это летани?

Он пожал плечами.

— Может быть.

— То есть летани — это позволить, чтобы тебя искалечили?

Большой нажим.

— Может быть, нет. Но они это не сделали. А первым достать нож — не летани. Если ты победил и первым достал нож — ты не победил.

Сильное неодобрение.

Я не мог понять, что означает последняя фраза.

— Не понимаю, — сказал я.

— Летани — это правильный поступок. Правильный способ. Правильное время.

Темпи внезапно просиял.

— Старый торговец! — сказал он с заметным воодушевлением. — В истории с мешками. Как это называется?

— Лудильщик?

— Да. Лудильщик. Как надо обращаться с такими людьми?

Я знал, но мне хотелось узнать, что об этом думают адемы.

— Как?

Он посмотрел на меня и стиснул пальцы — **раздражение**.

— Надо быть добрым и помогать им. И говорить хорошо. Всегда вежливо. Всегда!

Я кивнул.

— И если они что-то предложат, надо подумать и, может быть, купить.

Темпи сделал торжествующий жест.

— Да! Ты можешь сделать много вещей, когда встречаешь лудильщика, но правильным будет только одно.

Он немного успокоился. **Предупреждение**.

— Но только делать — это не летани. Сначала знать, потом делать. Это летани.

Я немного поразмыслил.

— То есть быть вежливым — это летани?

— Не вежливый. Не добрый. Не хороший. Не долг. Летани — не что-то из этого. Каждый раз. Каждый выбор. Все другое.

Он устремил на меня пронзительный взгляд.

— Ты понимаешь?

— Нет.

Удовлетворение. Одобрение. Темпи встал и кивнул.

— Это хорошо, что ты знаешь, что не понимаешь. Хорошо, что ты говоришь. Это тоже летани.

ГЛАВА 88

СЛУШАНИЕ

Вернувшись, мы с Темпи обнаружили, что в лагере все пребывают в удивительно хорошем настроении. Дедан с Геспе улыбались друг другу, а Мартен сумел подстрелить на ужин дикую индейку.

Мы ели и шутили. После того как мы помыли миски и котелок, Геспе заново принялась рассказывать историю про мальчика, который влюбился в луну. Дедан, как ни странно, действительно помалкивал, и я позволил себе надеяться, что наша маленькая компания наконец-то начинает превращаться в полноценную команду.

* * *

— Джаксу нетрудно было идти вслед за луной, потому что в те времена луна всегда оставалась полной. Она висела в небе, круглая, словно чашка, яркая, словно свечка, и никогда не менялась.

Джакс шагал много дней подряд, пока не стер себе все ноги. Он шел много месяцев подряд, и спина у него болела от мешков. Он шел много лет подряд и вырос высоким, тощим, жилистым и голодным.

Когда он хотел есть, он продавал что-нибудь из того, что было в мешках лудильщика. Когда у него снашивались башмаки, он поступал так же. Джакс шел своим путем и сделался хитрым и ловким.

И все это время Джакс думал о луне. Когда ему начинало казаться, будто он не в силах сделать больше ни шагу, он надевал очки и смотрел на нее, светлую и круглобокую. И каждый раз, как он ее видел, что-то шевелилось у него в груди. Со временем он начал думать, что это любовь.

И вот наконец дорога, которой шел Джакс, миновала Тинуэ, как случается со всеми дорогами. А он все шел и шел по широкому мощеному тракту, на восток, в сторону гор.

Дорога взбиралась все выше. Он доел весь хлеб и сыр, что у него были. Он допил всю воду и все вино. Он уже несколько дней ничего не ел и не пил, но шел все дальше и дальше, и луна, висящая над ним в ночном небе, становилась все больше и больше.

И вот, когда силы Джакса уже были на исходе, он поднялся на вершину

горы и нашел там старика, сидящего у входа в пещеру. У старика была длинная седая борода, и одет он был в длинную серую мантию. У него не было ни волос на голове, ни обуви на ногах. Глаза его были открыты, а рот закрыт.

Увидев Джакса, старик просиял. Он поднялся на ноги и улыбнулся.

— Привет, привет! — сказал он. Голос у него был сильный и звучный. — Далеколько ты забрел! Какова дорога до Тинуэ?

— Очень долгая, — сказал Джакс. — Тяжелая и утомительная.

Старик предложил Джаксу сесть. Он принес ему воды, и козьего молока, и фруктов. Джакс принялся жадно есть, потом предложил старику в уплату пару туфель из своего мешка.

— Незачем, незачем! — весело сказал старик, шевеля пальцами на ногах. — Но все равно спасибо, что предложил.

Джакс пожал плечами.

— Что ж, как хочешь. Но что ты делаешь здесь, так далеко от всего на свете?

— Я нашел эту пещеру, когда странствовал в погоне за ветром, — сказал старик. — И решил остаться тут, потому что это место идеально подходит для моего занятия.

— А чем ты занимаешься? — спросил Джакс.

— Я — слушатель, — ответил старик. — Я прислушиваюсь к вещам, чтобы узнать, о чем они говорят.

— А-а! — осторожно сказал Джакс. — И что же, тут хорошее место для твоего занятия?

— Очень хорошее. Просто превосходное, — сказал старик. — Нужно уйти подальше от людей, чтобы научиться слушать как следует.

Он улыбнулся.

— Ну а тебя что привело сюда, в мой маленький уголок неба?

— Я пытаюсь найти луну.

— О, это довольно просто, — сказал старик, указывая на небо. — Ее видно почти каждую ночь, если погода позволяет.

— Нет. Я хочу ее поймать. Мне кажется, что если я повстречаюсь с ней, то буду счастлив.

Старик серьезно посмотрел на него.

— Так ты хочешь поймать луну? И давно ты за ней гоняешься?

— О, столько лет и дорог — я уже и со счета сбился.

Старик на миг зажмурил глаза, а потом кивнул.

— Да, я слышу это в твоём голосе. Это не мимолетная прихоть.

Он подался ближе и прижался ухом к груди Джакса. Зажмурился

снова, теперь надолго, и застыл.

— О-о... — тихо сказал он. — Как это печально! Твое сердце разбито, и ты никогда больше не сможешь им воспользоваться.

Джакс заерзал — ему сделалось несколько неуютно.

— Разреши спросить, — сказал Джакс, — а как твое имя?

— Разрешаю спросить, — сказал старик, — только разреши уж и ты мне не отвечать. Ведь, если ты узнаешь мое имя, я окажусь в твоей власти, не так ли?

— Неужели? — сказал Джакс.

— Ну конечно! — старик нахмурился. — Так уж устроен мир. Ты, кажется, не очень хороший слушатель, однако лучше быть осторожным. Если ты сумеешь уловить хотя бы часть моего имени, ты получишь надо мной огромную власть!

Джакс подумал, что, возможно, этот человек сумеет ему помочь. Он, правда, выглядел довольно необычно, но ведь и дело у Джакса было необычное. Если бы он пытался поймать корову, он попросил бы помощи у пастуха. А чтобы поймать луну, наверное, нужна помощь странного старика...

— Ты говорил, что гонялся за ветром, — сказал Джакс. — И что же, поймал ты его?

— Отчасти да, — ответил старик. — А отчасти нет. Видишь ли, все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

— А не поможешь ли ты мне поймать луну?

— Возможно, я мог бы дать тебе совет, как это сделать, — нехотя ответил старик. — Но ты сначала подумай, мальчик. Ведь, когда ты кого-то любишь, надо сначала убедиться, любят ли тебя, а то от такой погони будет больше вреда, чем толку.

* * *

Говоря это, Геспе не посмотрела на Дедана. Она смотрела куда угодно, только не на него. А потому и не увидела его лица, ошеломленного и беспомощного.

* * *

— Но как же мне узнать, любит ли она меня? — спросил Джакс.

— Попробуй прислушаться, — сказал старик едва ли не застенчиво. — Слушание творит чудеса, знаешь ли. Я мог бы научить тебя, как это делать.

— А сколько времени это займет?

— Пару лет, — сказал старик. — Может, больше, может, меньше. Все зависит от того, есть ли у тебя способности к слушанию. Слушать по-настоящему — дело непростое. Но как только ты этому научишься, ты будешь знать луну как облупленную.

Джакс покачал головой.

— Нет, это чересчур долго. Вот когда я ее поймаю, тогда и поговорю с ней. Я могу...

— Видишь ли, в этом-то как раз и есть часть твоей проблемы, — сказал старик. — Тебе не нужно ее ловить. Да-да! Что же ты, будешь гоняться за ней по всему небу? Нет, конечно. Тебе надо с нею встретиться. А это значит, что тебе нужно, чтобы луна сама спустилась к тебе.

— Но как же это сделать? — говорит Джакс.

Старик улыбнулся.

— А-а, в этом-то и весь вопрос, верно? Что у тебя есть такого, что могло бы понравиться луне? Что ты можешь ей предложить?

— Только то, что есть у меня в этих мешках.

— Я не совсем то имел в виду, — пробормотал старик. — Но так и быть, давай посмотрим, что у тебя там.

Старый отшельник перебрал первый мешок и нашел много полезных вещей. Во втором мешке были более дорогие и редкостные вещицы, но не особенно нужные.

И тут старик увидал третий мешок.

— А там у тебя что?

— А его я так и не сумел развязать, — сказал Джакс. — Узел слишком тугой.

Отшельник на миг закрыл глаза и прислушался. Потом открыл глаза и сурово посмотрел на Джакса.

— Узел говорит, что ты его дергал. Тыкал ножом. Рвал зубами.

Джакс удивился.

— Ну да! — признался он. — Я же тебе говорю, чего я только не делал, чтобы его развязать!

— Кое-что ты все-таки сделать забыл, — презрительно бросил отшельник. Он поднес мешок с узлом к лицу. — Прошу прощения, — сказал он, — не будешь ли ты так любезен развязаться?

Он сделал паузу.

— Да. Я прошу прощения. Он так больше не будет.

Узел развязался, и отшельник заглянул в мешок. Увидев, что находится внутри, он сделал большие глаза и присвистнул.

Однако, когда старик разложил раскрытый мешок на земле, Джакс сник. Он-то надеялся, что там внутри деньги или самоцветы, какое-нибудь сокровище, которое он мог бы поднести в дар луне. А там были всего-навсего кривая деревяшка, каменная дудочка да маленькая железная шкатулка.

Из всех этих вещей внимание Джакса привлекла лишь дудочка. Она была сделана из бледно-зеленого камня.

— У меня была дудочка, когда я был маленький, — сказал Джакс. — Но потом она сломалась, и я так и не сумел ее починить.

— Надо же, какие замечательные вещи! — молвил отшельник.

— Дудочка и впрямь славная, — ответил Джакс, пожав плечами. — Но что проку в деревяшке и шкатулке, такой маленькой, что в нее ничего полезного и не положишь?

Отшельник покачал головой.

— Ну, как же ты не слышишь? Большинство вещей могут лишь тихо шептать. А эти буквально кричат.

Он указал на гнутую деревяшку.

— Вот это, если я не ошибаюсь, складной дом. И довольно славный.

— Что еще за дом такой?

— Ну знаешь, как лист бумаги складывают, так что он с каждым разом становится все меньше и меньше? Так вот, складной дом — что-то в том же духе. Только это, разумеется, дом.

Джакс взял в руки кривую деревяшку и попытался ее распрямить. И вдруг в руках у него оказались два куска дерева, напоминающие недоделанный дверной косяк.

— Эй, не вздумай разложить его прямо тут! — воскликнул старик. — Не хватало еще, чтобы напротив входа в мою пещеру появился дом! Я хочу видеть солнце!

Джакс попытался сложить два куска дерева в один.

— А почему он обратно не складывается?

— Наверно, потому, что ты не умеешь его складывать! — отрубил старик. — Подожди, пока не найдешь место, где тебе захочется его поставить, а потом уж раскладывай дальше.

Джакс осторожно положил деревяшки на землю и взял в руки дудочку.

— А в ней тоже есть что-нибудь особенное?

Он поднес дудочку к губам, и она издала простенькую трель, похожую на песенку козодоя.

* * *

Геспе лукаво улыбнулась, поднесла к губам знакомую деревянную свистульку и просвистела: «Тю-тю-ди-и! Тю-тю-ди-и!»

* * *

— Ну а ведь всякий знает, что козодоя зовут еще полуночником. Когда светит солнце, козодои спят. Но, несмотря на это, к Джаксу тотчас слетелась целая дюжина козодоев. Птички уселись вокруг и уставились на него с любопытством, жмурясь от яркого солнца.

— Да, похоже, что это не обычная дудочка! — сказал старик.

— Ну а шкатулка?

Джакс взял ее в руки. Шкатулка была черная, холодная и такая маленькая, что ее можно было спрятать в кулаке.

Старик содрогнулся и отвел взгляд от шкатулки.

— Она пустая.

— А ты откуда знаешь? Ты же внутрь не заглядывал.

— На слух, — ответил старик. — Даже удивительно, как ты сам этого не слышишь. Это самая пустая вещь, какую я когда-либо слышал. Там, внутри, гулкое эхо. Эта шкатулка предназначена для того, чтобы что-нибудь в ней хранить.

— Ну, все шкатулки предназначены для того, чтобы что-нибудь в них хранить.

— А все дудочки предназначены для того, чтобы играть что-нибудь приятное, — возразил старик. — Однако эта дудочка — не просто дудочка. А эта шкатулка — не просто шкатулка.

Джакс посмотрел на шкатулку, потом бережно положил ее обратно и принялся завязывать третий мешок с тремя сокровищами.

— Ну что ж, я, пожалуй, пойду, — сказал Джакс.

— Ты уверен, что не хочешь пожить тут месяц-другой? — спросил старик. — Ты мог бы научиться слушать хоть чуть-чуть повнимательнее. Это полезное умение слушать.

— Ты сказал мне кое-что, над чем стоит поразмыслить, — ответил Джакс. — И я думаю, что ты прав: не стоит мне гоняться за луной. Надо заставить луну спуститься ко мне.

— Вообще-то я сказал не совсем то, — проворчал старик. Но сказал он

это без особой надежды. Он был искусный слушатель и прекрасно понимал, когда его не слышат.

Джакс отправился в путь на следующее утро, следуя за луной все дальше в горы. Наконец он нашел ровную долину, раскинувшуюся среди самых высоких пиков.

Джакс достал свою кривую деревяшку и принялся мало-помалу раскладывать дом. Впереди у него была целая ночь, и он надеялся управиться задолго до того, как взойдет луна.

Но дом оказался куда больше, чем он думал, скорее замок, чем скромная хижина. А главное, разложить его оказалось не так-то просто. Луна уже вошла в самый зенит, а Джакс все еще возился с домом.

Может быть, он из-за этого поторопился. Может, поступил опрометчиво. А может, Джаксу просто не повезло, как всегда.

Но, как бы то ни было, под конец все вышло наперекосяк. У него получился великолепный замок, высокий и просторный. Но он был какой-то странный. Там были лестницы, которые ввели не вверх, а вбок. В некоторых комнатах не доставало стен, в других, наоборот, оказались лишние стены. Многие комнаты оказались без потолка, и, если зайти внутрь, над ними виднелось странное небо с незнакомыми звездами.

Короче, все в этом доме было чуточку не так, как следует. В одной комнате из окна были видны весенние цветы, а в другой, напротив, окна затягивали морозные узоры. В бальном зале стояло время завтрака, а неподалеку, в спальне, уже сгущались сумерки.

А поскольку дом был весь наперекосяк, ни одна дверь, ни одно окно не закрывалось как следует. Их можно было закрыть и даже запереть, но все это было очень ненадежно. А поскольку дом был большой, то и дверей, и окон в нем было видимо-невидимо, так что там оказалось слишком много входов и выходов.

Однако Джакс не обратил внимания на все это. Нет, он взбежал на вершину самой высокой башни и поднес к губам дудочку.

В ясное ночное небо полетела сладкозвучная мелодия. То была не просто птичья трель, а настоящая песня, изливавшаяся из глубины его разбитого сердца. Песня вышла могучей и грустной. Она металась и билась, точно птица со сломанным крылом.

Луна услышала ее — и спустилась на башню. Бледная, круглая и прекрасная, она предстала перед Джаксом во всем своем великолепии, и впервые в своей жизни он ощутил слабое дуновение радости.

Они завели беседу там, на вершине башни. Джакс поведал ей о своей жизни, о сделке с лудильщиком и о долгих одиноких скитаниях. Луна

слушала, и смеялась, и улыбалась.

Но под конец она с тоской посмотрела на небо.

Джакс понял, что это предвещает.

— Останься со мной! — взмолился он. — Я не могу быть счастлив, если ты не станешь моею!

— Мне надо идти, — сказала она. — Мой дом — небо.

— А я построил тебе новый дом! — сказал Джакс, указывая на просторный замок, раскинувшийся внизу. — Тут и так достаточно неба. Просторного, пустынного неба, и все оно твое.

— Мне надо идти, — сказала она. — Меня и так не было слишком долго.

Он поднял руку, словно хотел схватить ее, потом сдержался.

— Здесь, в этом доме, времени сколько угодно! — сказал он. — В твоей спальне может быть зима, а может весна, все как ты захочешь.

— Мне надо идти, — сказала она, глядя вверх. — Но я вернусь. Я вечная и неизменная. И если ты будешь играть мне на флейте, я буду навещать тебя.

— Я отдал тебе три вещи, — сказал Джакс. — Песню, дом и свое сердце. Если уж тебе надо уйти, не отдашь ли ты мне три вещи взамен?

Луна рассмеялась и развела руками. Она была нагая, как луна.

— Что же у меня есть такого, что я могла бы тебе отдать? Если что-то в моей власти — попроси, и я тебе это отдам!

Джакс почувствовал, что во рту у него пересохло.

— Во-первых, я хотел бы попросить у тебя прикосновение руки.

— Одна рука сжимает другую — ты получишь то, чего просишь.

Луна протянула ему руку — рука оказалась гладкая и сильная. Поначалу она показалась Джаксу прохладной, а потом удивительно теплой. По рукам у Джакса побежали мурашки.

— Во-вторых, я молю о поцелуе, — сказал он.

— Одни уста касаются других — ты получишь то, чего просишь.

И луна наклонилась к нему. Дыхание ее было душистым, губы упругими, точно яблоки. У Джакса захватило дух, и на лице его впервые в жизни появилось слабое подобие улыбки.

— Ну а третье? — спросила луна. Глаза ее были темными и мудрыми, улыбка — открытой и всеведущей.

— Твое имя! — выдохнул Джакс. — Чтобы я мог тебя позвать.

— Одно тело... — начала было луна, в нетерпении шагнув вперед. И остановилась. — Всего лишь имя? — переспросила она и обняла его за талию.

Джакс кивнул.

Она подалась ближе и тепло выдохнула ему в ухо:

— Лудис!

И тут Джакс достал черную железную шкатулку и захлопнул крышку, закрыв внутри имя луны.

— Теперь у меня есть твое имя! — твердо сказал он. — А значит, я имею власть над тобой. И я приказываю тебе: останься со мной навеки, чтобы я был счастлив!

Так и случилось. Шкатулка у него в руке уже не была холодной. Она потеплела, и Джакс чувствовал, как имя луны порхает внутри, точно бабочка, бьющаяся об оконное стекло.

Быть может, Джакс недостаточно проворно захлопнул шкатулку. Может быть, он слишком долго провозился с замком. А может быть, ему опять не повезло, как всегда. Но, как бы то ни было, он сумел поймать лишь часть имени луны, а не все имя целиком.

Поэтому Джакс может удерживать ее некоторое время, но она всякий раз от него ускользает. Она уходит из его разбитого замка и является в наш мир. Но все же часть имени остается у него, и потому ей всякий раз приходится возвращаться.

* * *

Геспе обвела нас взглядом и улыбнулась.

— И вот почему луна все время меняется. В этом-то замке и держит ее Джакс, когда она уходит с нашего неба. Он поймал ее и держит у себя до сих пор. Но счастлив ли он — этого никто, кроме него, не знает.

Воцарилось долгое молчание.

— Вот история так история! — сказал Дедан.

Геспе потупилась, и, хотя при свете костра сказать наверняка было трудно, я готов был побиться об заклад на пенни, что она покраснела. Это наша-то суровая Геспе, я и подумать не мог, что она умеет краснеть!

— О, мне потребовалось много времени, чтобы выучить ее наизусть, — сказала она. — Мне ее мама рассказывала, когда я была маленькая. Каждый вечер, одними и теми же словами. Она говорила, что знает ее от своей матери.

— Ну, значит, тебе придется передать эту историю своим дочерям, — сказал Дедан. — Эта история слишком хороша, чтобы бросить ее валяться у дороги.

Геспе улыбнулась.

* * *

Увы, тот мирный вечер был не более чем затишьем, какое наступает в разгар бури. На следующий же день Геспе сказала что-то, что задело Дедана за живое, и прошло часа два, прежде чем они перестали шипеть друг на друга, точно рассерженные кошки.

Дедан пытался убедить всех остальных, что нам следует бросить поиски и наняться вместо этого охранниками каравана с расчетом на то, что разбойники нападут на нас. Мартен заметил, что это не более разумно, чем пытаться отыскать медвежий капкан, сунув в него ногу. Мартен был прав, но это не помешало Дедану и следопыту огрызаться друг на друга в течение ближайшей пары дней.

Еще через пару дней Геспе пошла купаться и внезапно завизжала, как девчонка. Мы кинулись ее спасать, думая, что на нее напали разбойники, а вместо этого нашли только Темпи, который стоял по колено в ручье, совершенно голый. Геспе стояла на берегу, мокрая и полуодетая. Мартен нашел все это ужасно забавным. Геспе думала иначе. Единственное, что помешало Дедану разъяриться и наброситься на Темпи, — это то, что он никак не мог придумать, как наброситься на голого человека, не глядя в его сторону и не дотрагиваясь до него.

А на следующий день сделалось туманно и сыро. Все приуныли, и поиски стали еще более вялыми.

А потом пошел дождь.

ГЛАВА 89

СВЕТ УХОДИТ

Последние четыре дня небо было сплошь затянуто тучами, из которых то и дело сыпал дождь. Поначалу мы прятались под деревьями, но вскоре выяснилось, что листва не защищает от дождя, а только удерживает воду, и при любом порыве ветра на нас обрушивался град тяжелых капель, которые часами скапливались в кроне. Таким образом, мы были постоянно мокрые, независимо от того, шел в данный момент дождь или нет.

Историй после ужина уже никто не рассказывал. Мартен простыл, и по мере того как его состояние ухудшалось, делался все мрачнее и язвительнее. А два дня назад у нас промок хлеб. Может показаться, будто это пустяк, но если вы когда-нибудь пытались поужинать куском размокшего хлеба после того, как целый день бродили под дождем, вы поймете, как это портит настроение.

Дедан сделался абсолютно неуправляемым. Он при любом удобном случае увиливал от самых простых поручений либо принимался ныть. В последний раз, когда он ходил в городок за припасами, он вместо картошки, масла и тетив для лука купил бутылку дрега. Геспе бросила его в Кроссоне одного, и он приполз в лагерь едва ли не за полночь, воняя перегаром и распевая так громко, что и мертвый бы уши заткнул.

Я не стал читать ему нотации. Как ни востер я был на язык, он, скорее всего, все равно не стал бы меня слушать. Вместо этого я подождал, пока он задряхнет, вылил остатки дрега в костер и оставил бутылку воткнутой в угли, чтобы он нашел ее поутру. После этого Дедан перестал отпускать уничижительные замечания на мой счет и погрузился в ледяное молчание. Разумеется, это было большим облегчением, но тем не менее я понимал, что это дурной знак.

Приняв в расчет нарастающее раздражение, я распорядился, чтобы теперь все искали следы в одиночку. Отчасти я принял такое решение, потому что ходить по мокрой земле след в след — надежный способ нарушить почвенный покров и оставить за собой заметную тропу. Однако, помимо этого, я понимал, что если отправить Дедана вместе с Геспе, то рано или поздно они перегрызутся и поднимут такой хай, что их услышат все разбойники на десять километров в округе.

Я вернулся в лагерь, промокший и несчастный. Как выяснилось, башмаки, что я купил в Северене, не были ничем промазаны и впитывали воду, как губка. По вечерам я их быстро просушивал при помощи костра и аккуратно использованной симпатии. Но стоило мне пройти хотя бы три шага, как башмаки тотчас промокали снова. Так что я, помимо всего прочего, целый день вынужден был таскаться с мокрыми ногами.

Шел двадцать девятый день нашего пребывания в Эльде, и, поднявшись на холмик, за которым скрывалась наша очередная стоянка, я увидел, что Дедан с Геспе сидят по разные стороны от костра, старательно игнорируя друг друга. Геспе смазывала свой меч. Дедан от нечего делать ковырял землю заостренной палкой.

Мне и самому было не до разговоров. Надеюсь, что они и дальше будут молчать, я, не здороваясь, подошел к огню.

Огонь потух.

— Эй, а что у нас с костром?

Дурацкий вопрос. Что с костром, было и так очевидно. Костер прогорел до мелких угольков и сырого пепла, потому что никто его не поддерживал.

— Сейчас не моя очередь за дровами идти! — подчеркнуто сказала Геспе.

Дедан снова ткнул палкой в землю. Я обнаружил у него под глазом наливающийся синяк.

Больше всего на свете мне сейчас хотелось похлебать чего-нибудь горячего и десять минут посидеть у костра, чтобы просушить ноги. Это не сделало бы меня счастливым, но это позволило бы мне почувствовать себя куда лучше, чем я чувствовал себя весь этот день.

— По-моему, вы двое даже в кусты сходить не можете без посторонней помощи! — бросил я.

Дедан зыркнул на меня исподлобья.

— Это ты к чему?

— Когда Алверон поручал мне это дело, он дал понять, что отправляет со мной взрослых людей, а не бестолковых школяров!

— А че она!.. — вскинулся Дедан.

Я оборвал его на полуслове:

— Мне плевать, «че она»! Мне плевать, из-за чего вы повздорили! Мне плевать, чем она в тебя кинула! Мне не плевать, что у вас костер погас!

Тейлу всевышний, да от ученой собаки и то проку было бы больше!

На физиономии Дедана застыла знакомая воинственная мина.

— А может, если бы...

— Заткнись! — рявкнул я. — Я лучше стану слушать ослиный рев, чем тратить время на твои сказки! Когда я возвращаюсь в лагерь, я рассчитываю найти костер и горячий ужин! Если вам это не по силам — что ж, я пойду в Кроссон и найму там какого-нибудь пятилетнего малыша, чтобы он за вами присматривал!

Дедан вскочил на ноги. В кронах над нами зашумел ветер, по земле забарабанили тяжелые капли.

— Слышь, детка, ты напрашиваешься на угощение, которого тебе не переварить!

Он стиснул кулаки. Я сунул руку в карман и нащупал восковую куклу Дедана, которую изготовил несколько дней тому назад. Под ложечкой у меня засосало от страха и ярости.

— Вот что, Дедан: попробуй сделать хотя бы шаг в мою сторону, и я найшу на тебя такие муки, что ты станешь молить меня о смерти!

Я смотрел ему прямо в глаза.

— Сейчас ты меня только рассердил. Лучше не пробуй разозлить меня всерьез!

Он остановился. Я буквально слышал, как он припоминает все когда-либо слышанные истории о Таборлине Великом. Огонь и молнии... Повисло тяжелое молчание. Мы, не мигая, смотрели друг на друга.

По счастью, тут в лагерь вернулся Темпи, и это разрядило напряжение. Я, чувствуя себя несколько глупо, подошел к потухшему костру, посмотреть, сумею ли я разжечь его заново. Дедан потопал в лес, хорошо, если за дровами. Сейчас мне было уже все равно, что он там принесет, реннел или что другое.

Темпи сел у потухшего костра. Быть может, не будь я так озабочен, я бы и заметил, что он ведет себя как-то странно. А может, и нет. Настроение адема угадывать трудно, даже такому полуобученному варвару, каким был я.

Мало-помалу возвращая костер к жизни, я начал жалеть о том, как повел себя. Это было единственное, что помешало мне наорать на Дедана, который приволок охапку мокрого хвороста, швырнул его рядом с еле воскрешенным мною костром и все разворотил.

Вскоре после того, как я во второй раз заново развел костер, вернулся Мартен. Он сел у костра и протянул руки к огню. Глаза у него потемнели и запали.

— Тебе не полегчало? — спросил я.

— Ага, как же!

В груди у него слышались влажные хрипы, хуже, чем с утра. Мне не нравилось, как он дышит. А вдруг у него воспаление легких? А вдруг начнется лихорадка?

— Давай я тебе травок заварю, дышать легче станет, — предложил я без особой надежды. До сих пор Мартен неизменно отвергал все мои попытки помочь.

Он колебался, потом кивнул. Пока я грел воду, Мартена начал бить кашель, и кашлял он почти минуту. Если дождь сегодня не перестанет, придется нам вернуться в городок и ждать, пока он не оправится. Нельзя допустить, чтобы он свалился с воспалением легких или выдал нас своим кашлем разбойничьим часовым.

Я протянул ему отвар. Темпи, сидевший у костра, пошевелился.

— Я сегодня убил двух людей, — сказал он.

Воцарилось ошеломленное молчание. По земле вокруг нас барабанил дождь. Костер шипел и плевался.

— Чего? — переспросил я, не поверив своим ушам.

— На меня напали два люди из-за леса, — спокойно сказал Темпи.

Я потер затылок.

— Черт тебя побери, Темпи, что ж ты сразу-то не сказал?

Он посмотрел мне в глаза и очертил пальцами непонятный кружок.

— Нелегко убить двух людей, — сказал он.

— Ты что, ранен? — спросила Геспе.

Темпи так же невозмутимо посмотрел на нее. **Оскорблен.** Я неправильно понял его предыдущее замечание. Схватка сама по себе не была трудной. Его тревожила мысль о том, что он убил двоих людей.

— Мне нужно было время, чтобы собрать мысли. И еще я ждал, когда все будут здесь.

Я попытался вспомнить жест, обозначающий **извинения**, но пришлось обойтись **печалью**.

— Как это вышло? — спросил я ровным тоном, ощупывая обтрепанные края своего терпения.

Темпи помолчал, подбирая слова.

— Я искал след, два люди прыгать из деревьев.

— Как они выглядели? — спросил Дедан, опередив мой вопрос.

Снова пауза.

— Один как ты, руки длиннее, чем мои, сильнее меня, но медленный. Медленнее тебя.

Дедан нахмурился, словно не мог решить, обидеться или не стоит.

— Второй был поменьше и пошустрее. Мечи у обоих широкие и массивные. Обоюдоострые. Вот такой длины, — он раздвинул руки где-то на метр.

Я подумал, что это описание куда больше говорит о самом Темпи, чем о тех, с кем он сражался.

— Где это было? Давно?

Он указал в том направлении, где мы искали.

— Примерно километр. Меньше часа.

— Как ты думаешь, они нарочно поджидали тебя?

— Когда я там проходил, их не было! — поспешно сказал Мартен. Он раскашлялся влажным, хриплым кашлем и выплюнул на землю плотный комок мокроты. — Если они его и ждали, они не могли просидеть там долго.

Темпи выразительно пожал плечами.

— А доспехи у них какие были? — спросил Дедан.

Темпи помолчал, потом наклонился и ткнул пальцем в мой сапог.

— Это?

— Кожа? — предположил я.

Он кивнул.

— Кожа. Твердая, с металлом.

Дедан немного расслабился.

— Ну, хоть что-то!

Он призадумался, потом сердито взглянул на Геспе.

— Чего? Чего ты на меня так посмотрела?

— Я и не думала на тебя смотреть, — ответила Геспе ледяным тоном.

— Нет, ты посмотрела! И еще глаза закатила.

Он перевел взгляд на Мартена.

— Вот ты же видел, как она сейчас глаза закатила, верно?

— Молчать! — рявкнул я на обоих. Как ни странно, все притихли. Я прижал ладони к глазам и наконец-то поразмыслил спокойно, никем не прерываемый.

— Мартен, сколько у нас еще времени до тех пор, как стемнеет?

Мартен посмотрел в небо, серое как шифер.

— Еще часа полтора будет как сейчас, — прохрипел он. — Достаточно светло, чтобы идти по следу. И потом, наверно, с четверть часа сумерек. При такой облачности быстро стемнеет.

— Ты не против еще немного побегать? — спросил я.

Мартен неожиданно улыбнулся.

— Если получится отыскать этих ублюдков сегодня, лучше сделать это сегодня. Я и так уже из-за них находился по этому забытому Богом лесу.

Я кивнул и достал из нашего жалкого костерка щепотку сырого пепла. Задумчиво растер пепел в пальцах, высыпал его на тряпочку и сунул тряпочку под плащ. Конечно, так себе грелка, но все же лучше, чем ничего.

— Ладно, — сказал я. — Темпи отведет нас туда, где лежат трупы, и мы попробуем отыскать следы, ведущие в их лагерь.

Я встал.

— Эй! — воскликнул Дедан, протянув руки. — А мы?

— А вы с Геспе останетесь здесь охранять лагерь.

Я вовремя прикусил язык, чтобы не добавить: «И смотрите, чтобы костер не погас снова!»

— Чего это? Пошли все вместе. Нынче же вечером с ними и разберемся!

Он встал.

— А если их там дюжина? — поинтересовался я своим лучшим уничижительным тоном.

Он замялся, но не отступился.

— Зато мы сможем застигнуть их врасплох!

— Если мы будем ломиться туда впятером, никого мы врасплох не застигнем! — с жаром возразил я.

— А чего тогда ты-то попрешься? — осведомился Дедан. — Могли бы пойти только Темпи с Мартеном!

— Я попрусь, потому что мне нужно лично выяснить, с чем мы имеем дело. И именно мне придется разрабатывать план, который позволит нам выжить!

— А чего это вообще такой желторотик, как ты, будет разрабатывать план?

— Свет уходит! — устало заметил Мартен.

— Слава Тейлу, наконец-то я слышу голос разума! — я посмотрел на Дедана. — Мы уходим. Вы остаетесь. Это приказ.

— Прика-аз? — переспросил Дедан, угрюмо и недоверчиво.

Мы еще раз грозно переглянулись, а потом я повернулся и нырнул в лес следом за Темпи. В небе рокотал гром. Над лесом пронесся ветер, разгоняя бесконечную унылую морось. Вместо нее полил настоящий ливень.

ГЛАВА 90

ДОСТОИН ПЕСНИ

Темпи приподнял сосновые лапы, которыми были завалены два трупа. Оба были аккуратно уложены на спину и выглядели так, будто просто спали. Я опустился на колени рядом с тем, что побольше, но прежде, чем я успел как следует взглядеться, на плечо мне легла рука. Я обернулся — Темпи покачал головой.

— Что такое? — спросил я. У нас оставалось меньше часа светлого времени. Отыскать разбойничий лагерь и не попасться им в лапы и без того будет нелегко. А делать это ночью, в грозу, — сущий кошмар.

— Не надо, — сказал он. **Твердо. Серьезно.** — Тревожить мертвых — это не летани.

— Но мне же надо знать, кто наши враги. Я могу узнать от них что-нибудь такое, что нам поможет.

Он поджал губы, жестом показал **неодобрение**.

— Магия?

Я покачал головой.

— Я только посмотрю.

Показал на глаза, потом постучал себя по виску.

— И подумаю.

Темпи кивнул. Но, когда я снова обернулся к трупам, он опять положил руку мне на плечо.

— Надо спрашивать. Это мои мертвые.

— Ты же уже согласился! — возразил я.

— Все равно, спрашивать — правильно.

Я перевел дух.

— Темпи, можно мне посмотреть на твоих мертвых?

Он торжественно кивнул.

Я посмотрел на Мартена — тот спрятался под соседним деревом и внимательно изучал свою тетиву.

— Ты не посмотришь, сумеешь ли отыскать их следы?

Мартен кивнул и оторвался от ствола.

— Я бы начал с той стороны, — добавил я, указывая на юг, между двух холмов.

— Не учи ученого! — буркнул Мартен и побрел прочь, вскинув на

плечо свой лук.

Темпи отошел на пару шагов, и я снова занялся трупами. Один был на самом деле куда крупнее Дедана, прямо бык, а не человек. Оба были старше, чем я думал, и на руках у них были мозоли, говорящие о том, что они много лет подряд имели дело с оружием. Нет, это тебе не беглые батраки с фермы. То были настоящие ветераны.

— Я нашел их след, — сказал Мартен, застав меня врасплох. Я не услышал его шагов за монотонным шумом дождя. — След ясный, как божий день. По нему и пьяный поп прошел бы.

В небе сверкнула молния, прогремел гром. Ливень хлынул с новой силой. Я нахмурился и плотнее закутался в промокший до нитки плащ лудильщика.

Мартен задрал голову, подставив лицо дождю.

— Наконец-то нам хоть какая-то польза от этой погоды! — сказал он. — Чем сильнее льет, тем легче нам будет подкрасться к лагерю и уйти незамеченными.

Он вытер руки о мокрую насквозь рубашку и пожал плечами.

— К тому же промокнуть сильнее, чем теперь, мы все равно не можем — сильнее некуда.

— Тоже верно, — сказал я и встал.

Темпи накрыл трупы ветками, и Мартен повел нас на юг.

* * *

Мартен опустился на колени, чтобы что-то разглядеть, и я воспользовался случаем, чтобы его нагнать.

— Нас преследуют, — сказал я, не давая себе труда понизить голос. Они были минимум в двадцати метрах позади, а дождь шумел в ветвях, как прибой, набегающий на берег.

Он кивнул и сделал вид, что показывает мне что-то на земле.

— Я думал, ты их не заметил.

Я улыбнулся и стер воду с лица мокрой ладонью.

— Ну, ты же не единственный зрячий среди нас! Как ты думаешь, сколько их?

— Двое, может быть, трое.

К нам подошел Темпи.

— Двое, — уверенно сообщил он.

— Я видел только одного, — признался я. — А далеко ли их лагерь?

— Понятия не имею. Возможно, за соседним холмом. А возможно, до него еще несколько километров. Других следов, кроме этих двух, пока не видно, и запаха дыма я не чувствую.

Он выпрямился и пошел дальше по следу, не оглядываясь назад.

Я отвел нависшую ветку, пока Темпи проходил мимо, и заметил позади нас движение, явно не имеющее отношения ни к ветру, ни к дождю.

— Давайте перевалим за холм и устроим им сюрприз!

— По-моему, это самое разумное, — согласился Мартен.

Сделав нам знак подождать, Мартен пригнулся и подобрался к макушке небольшого холмика. Я с трудом подавил желание оглянуться. Мартен выглянул за гребень холма и принялся осматриваться.

Поблизости полыхнула молния. Гром ударил, как в грудь кулаком. Я вздрогнул. Темпи не шелохнулся.

— Словно как я дома, — сказал он, еле заметно улыбаясь. Он даже не пытался смахнуть воду с лица.

Мартен махнул рукой, и мы стали подниматься на холм. Скрывшись из вида своих преследователей, я быстро огляделся.

— Идем по следу вон до той кривой ели, а потом возвращаемся назад, — указал я. — Темпи спрячется здесь. Мартен вон за тем поваленным стволом. А я за этим камнем. Мартен нападает первым. Смотри по ситуации, но я бы на твоем месте пропустил их до того треснутого пня. Постарайтесь одного захватить живым, но главное, чтобы никто из них не ушел и не поднял шуму.

— А ты что будешь делать? — спросил Мартен, пока мы прокладывали свежий след до кривой ели.

— Постараюсь не путаться под ногами. Вы с Темпи для такой работы приспособлены лучше, чем я. Но у меня тоже есть в запасе пара уловов, если до этого дойдет.

Мы подошли к дереву.

— Готовы?

Мартен, похоже, был слегка ошарашен тем, что я так раскомандовался, но оба кивнули и разбежались по местам.

Я заложил петлю и спрятался за большим валуном. С этой выгодной позиции мне были отлично видны грязные отпечатки наших ног поверх тех следов, по которым мы шли. Чуть дальше Темпи укрылся за массивным узловатым стволом дуба. Справа от него Мартен наложил стрелу, оттянул тетиву до плеча и застыл, точно статуя.

Я приготовил тряпицу со следами пепла и тонкую полоску железа. У меня сосало под ложечкой при мысли о том, зачем нас сюда отправили:

охотиться на людей и убивать их. Да, конечно, они изгои и убийцы, но все равно же люди! Я стал дышать глубже и постарался расслабиться.

Поверхность камня, к которой я припал щекой, была холодная и корявая. Я напрягал слух, но не мог ничего расслышать за ровным шумом дождя. Я с трудом сдерживал желание высунуться подальше, чтобы лучше видеть. Снова вспыхнула молния, я принялся считать секунды до грома, и тут в поле моего зрения появились две фигуры.

В груди у меня полыхнул пожар.

— Давай, Мартен, стреляй! — сказал я вслух.

Дедан стремительно развернулся и к тому времени, как я вышел из-за валуна, уже стоял ко мне лицом, выхватив меч. Геспе была сдержанней: она всего лишь до половины вытянула меч из ножен.

Я подошел к Дедану шагов на шесть. Над головой у нас прогремел гром — в тот самый миг, как я перехватил его взгляд. Он смотрел вызывающе, а я не пытался скрывать своего гнева. После долгой, мучительной паузы он отвернулся, сделав вид, что ему надо протереть глаза.

— Спрячь! — кивнул я на меч. Дедан поколебался секунду и повиновался. Только тогда я убрал в складки плаща свой нож, который сжимал в руке. — Будь на нашем месте разбойники, вы уже были бы мертвы.

Я обвел их взглядом.

— Возвращайтесь в лагерь.

Лицо Дедана исказилось злобой.

— Меня достало, что ты говоришь со мной словно с мальчишкой!

Он ткнул в меня пальцем.

— Я на свете-то подольше твоего живу! Я тоже не дурак!

Я прикусил язык — мне пришлось на ум сразу несколько резких ответов, но все они только ухудшили бы дело.

— Мне некогда с тобой спорить. Свет уходит, вы подвергаете нас опасности. Возвращайтесь в лагерь.

— С этим надо покончить сегодня же! — сказал Дедан. — Мы уже уложили двоих, там осталось самое большее пятеро или шестеро. В темноте, в разгар грозы, мы застанем их врасплох. Бац-хряц — и все. Завтра мы уже обедаем в Кроссоне.

— А если их там дюжина? А если их два десятка? А если они окопались на каком-нибудь хуторе? А если они отыщут наш лагерь, пока там никого нет? Там все наши припасы, вся еда и моя лютня! — и все это пропадет, а когда мы вернемся, нас будет ждать засада. И все это — только

потому, что вам не сидится на месте!

Лицо Дедана угрожающе побагровело, и я отвернулся.

— Возвращайтесь в лагерь. Вечером поговорим.

— Нет уж, черт побери! Я иду с вами, и ни черта ты мне не сделаешь!

Я скрипнул зубами. Хуже всего то, что это была правда. Я действительно ничего не мог сделать, чтобы заставить его подчиняться приказам. Единственное, что я мог, — это воздействовать на него с помощью восковой куклы, которую я заготовил заранее. А я понимал, что это будет худший выход из всех возможных. Мало того что после этого Дедан станет моим заклятым врагом — это наверняка настроит против меня и Геспе с Мартеном.

Я посмотрел на Геспе.

— Почему вы здесь?

Она бросила взгляд на Дедана.

— Он собирался идти один. Я решила, что нам лучше оставаться вместе. И мы все продумали. Лагеря никто не найдет. Мы перед уходом попрятали все вещи и потушили костер.

Я тяжело вздохнул и сунул в карман плаща бесполезную тряпицу с пеплом. Ну да, разумеется...

— Но я с ним согласна, — сказала она. — Надо попытаться закончить дело сегодня.

Я взглянул на Мартена.

Он посмотрел на меня виновато.

— Не стану врать: мне тоже хочется покончить с этим как можно быстрее, — сказал он, потом торопливо добавил: — Если только получится сделать это как следует.

Мартен добавил бы что-то еще, но тут у него перехватило горло, и он закашлялся.

Я посмотрел на Темпи. Темпи смотрел на меня.

Хуже всего то, что в глубине души я был согласен с Деданом. Я хотел с этим покончить. Я мечтал о теплой постели и нормальном ужине. Мне хотелось увести Мартена туда, где сухо. Мне хотелось вернуться в Северен и упиваться благодарностью Алверона. Хотелось разыскать Денну, извиниться и объяснить, почему я уехал, не сказав ни слова.

Надо быть глупцом, чтобы плыть против течения.

— Ну, хорошо.

Я посмотрел на Дедана.

— Если кто-то из твоих друзей при этом погибнет, виноват будешь ты.

Я видел, как в его глазах мелькнула неуверенность, мелькнула — и

исчезла. Дедан стиснул зубы. Он наговорил слишком много, и теперь гордость не позволяла ему отступить.

Я указал на него пальцем.

— Но впредь каждый из вас делает то, что говорю я. Я готов выслушать ваши предложения, но командовать буду я.

Я окинул взглядом свой отряд. Мартен с Темпи кивнули сразу, Геспе всего лишь секунду спустя. Дедан медленно наклонил голову.

Я посмотрел на него.

— Поклянись!

Глаза у него сузились.

— Если ты устроишь еще один подобный сюрприз, когда мы их атакуем, ты можешь погубить нас всех. Я тебе не доверяю. Я лучше все брошу и уйду, чем идти в бой с человеком, на которого я не могу положиться.

Снова воцарилось напряженное молчание, но прежде, чем пауза затянулась, вмешался Мартен:

— Брось, Дан! У парня голова-то варит. Эту засаду он спланировал секунды за четыре.

Он перешел на шутливый тон:

— К тому же он далеко не так плох, как этот ублюдок Бренве, а за те пляски на дроте нам платили куда хуже, чем теперь!

Дедан чуть заметно улыбнулся.

— Ну да, пожалуй, ты прав. Главное, чтоб сегодня все закончилось.

Я ни на миг не сомневался, что Дедан все равно сделает, как захочет, если сочтет нужным.

— Дай клятву, что будешь выполнять мои приказы!

Он пожал плечами и отвел взгляд.

— Ну ладно, клянусь!

Нет, этого мало.

— Именем своим поклянись!

Он стер с лица дождевые капли и непонимающе уставился на меня.

— Чего?

Я посмотрел ему в глаза и торжественно начал:

— Дедан, будешь ли ты сегодня вечером выполнять все, что я скажу, не задавая вопросов и не мешкая? Дедан, клянешься ли ты в этом своим именем?

Он немного помялся, потом расправил плечи.

— Да, я клянусь в этом своим именем!

Я подступил к нему ближе и шепнул: «Дедан». Одновременно с этим я

передал восковой кукле, которую держал в кармане, слабую вспышку жара. Этого было мало, чтобы причинить хоть какой-то вред, однако достаточно, чтобы Дедан почувствовал воздействие всего на миг.

Я увидел, как его глаза расширились, и улыбнулся ему улыбкой, достойной Таборлина Великого. Улыбка вышла таинственной, широкой, уверенной и более чем самодовольной. Эта улыбка сама по себе стоила целой истории.

— Теперь у меня есть твое имя, — негромко произнес я. — Я имею власть над тобой.

Какое у него стало лицо! Это искупило все его брюзжание. Я отступил на шаг, и улыбка исчезла, стремительно, как молния. Легко, как сброшенная маска. Пусть теперь гадает, какое из моих лиц истинное: зеленого юнца или мелькнувшего из-под него Таборлина?

Я отвернулся, не давая ему времени опомниться.

— Мартен пойдет вперед, на разведку. Мы с Темпи — следом за ним пять минут спустя. Это даст ему время выследить их часовых и вернуться, чтобы предупредить нас. А вы пойдете за нами еще через десять минут.

Я пристально взглянул на Дедана и показал ему две руки с растопыренными пальцами.

— Ровно через десять минут! Так будет дольше. Но зато безопаснее. Вопросы есть?

Никто ничего не сказал.

— Отлично. Мартен, сейчас твой выход. Если что-то пойдет не так, возвращайся.

— Вернусь, куда ж деваться, — сказал он и вскоре исчез из виду, затерявшись в размытой зелено-бурой пелене листвы, коры, камней и дождя.

* * *

Дождь все лил и лил. К тому времени, как мы с Темпи двинулись по следу, перебегая от укрытия к укрытию, начало смеркаться. Что ж, по крайней мере, можно было не опасаться наделать шуму: в небе то и дело грохотал гром.

Мартен без предупреждения вынырнул из кустов и отозвал нас к наклоненному клену, под которым было относительно сухо.

— Лагерь поблизости, — сказал он. — Там везде следы, и я видел свет их костра.

— Сколько их там?

Мартен покачал головой.

— Я так близко не подходил. Как увидел другие следы, так сразу и вернулся. Боялся, что вы собьетесь со следа и заблудитесь.

— Далеко отсюда?

— Минута осторожной ходьбы. Отсветы костра и отсюда видны, но сам лагерь за холмом.

Я обвел взглядом лица товарищей, освещенные тускнеющим светом. Оба они, похоже, нисколько не нервничали. Они-то были готовы к такой работе, приучены к ней. Мартен — следопыт и лучник. Темпи владеет легендарным искусством адемов.

Я бы, наверно, тоже чувствовал себя спокойно, если бы у меня была возможность заранее подготовить план, какую-нибудь симпатическую уловку, которая склонила бы чашу весов в нашу пользу. Но Дедан лишил меня такой возможности, настояв на том, чтобы мы атаковали разбойников сегодня же. У меня не было ничего, даже скверной связи с далеким костром.

Я запретил себе думать об этом, пока не ударился в панику.

— Ну что ж, идем, — сказал я, довольный ровным тоном своего голоса.

Мы крались вперед. Небо постепенно лишалось последних проблесков света. В серых сумерках Мартена с Темпи было почти не видно, это меня обнадеживало. Если уж я их вблизи почти не вижу, часовые издали и подавно не углядят.

Вскоре я увидел отблески костра, которые озаряли снизу сучья на вершинах деревьев. Пригнувшись, я крался следом за Мартеном и Темпи вверх по крутому склону, скользкому от дождя. Мне померещилось, что впереди что-то шевельнулось.

А потом сверкнула молния. В наступившей темноте она почти ослепила меня, но прежде я успел увидеть глинистый склон, залитый ярко-белым светом.

На гребне холма стоял высокий человек с натянутым луком. В паре метров выше меня пригнулся Темпи, который так и застыл, осторожно делая шаг. Еще выше стоял Мартен. Старый следопыт припал на одно колено и тоже натянул лук. Все это я увидел при свете молнии в одно мгновение, а потом ослеп. В следующий миг грянул гром, и я еще и оглох. Я рухнул наземь и покатился вниз. Мокрые листья и грязь липли к лицу.

Открыв глаза, я ничего не увидел, кроме голубых призраков молнии, пляшущих перед глазами. Все было тихо. Если часовой и успел поднять

крик, его заглушил раскат грома. Я лежал неподвижно, пока глаза не привыкли к темноте. Потом, затаив дыхание, принялся искать Темпи. Он стоял на холме, метрах в пяти надо мной, преклонив колени над темной фигурой. Часовой...

Я подошел к нему, пробираясь сквозь мокрый папоротник и грязные листья. Над нами снова сверкнула молния, на этот раз не так ярко, и я увидел, что из груди часового торчит наискосок древко Мартеновой стрелы. Оперение оборвалось и трепетало на ветру крохотным мокрым флажком.

— Убит, — сказал Темпи, когда мы с Мартеном подошли достаточно близко, чтобы его услышать.

Я ему не поверил. Даже глубокая рана в груди человека так быстро убить не может. Но, подойдя ближе, я увидел, куда вошла стрела. Она попала точно в сердце. Я с изумлением посмотрел на Мартена.

— Вот это выстрел! Он и впрямь достоин песни! — вполголоса сказал я.

Мартен только рукой махнул.

— Повезло!

Он перевел взгляд на вершину холма в паре метров над нами.

— Будем надеяться, что у меня еще остались стрелы, — сказал он и полез наверх.

Взбираясь следом за ним, я мельком заметил, что Темпи по-прежнему стоит на коленях над убитым. Он наклонился к нему вплотную, словно шептал что-то на ухо труп.

А потом я увидел лагерь, и невнятные мысли о странных обычаях адемов вылетели у меня из головы.

ГЛАВА 91

ПЛАМЯ, ГРОМ, СЛОМАННОЕ ДЕРЕВО

Холм, на который мы взобрались, выгибался широким полукругом, полумесяцем обнимая разбойничий лагерь. Таким образом, лагерь находился как бы на дне просторной неглубокой чаши. С места, где мы находились, мне было видно, что вдоль открытого края чаши вьется ручей.

В центре чаши подобно колонне вздымался ствол громадного дуба, укрывающего лагерь своими развесистыми ветвями. По обе стороны от ствола угрюмо горели два костра. Если бы не дождь, они полыхали бы ярко, как праздничные костры в деревне. А так они едва давали достаточно света, чтобы разглядеть лагерь.

И это была не какая-нибудь временная стоянка, а настоящий военный лагерь. Там стояли шесть армейских палаток, коротких и приземистых, предназначенных в основном для сна и хранения вещей. Седьмая же палатка представляла собой почти что шатер, прямоугольный, достаточно просторный, чтобы несколько мужчин могли стоять внутри, вытянувшись во весь рост.

У костров, на импровизированных скамейках, сидели, плотно сбившись в кучу, шестеро людей. Все они кутались в плащи, спасаясь от дождя, и у всех был жесткий взгляд и усталые лица опытных солдат.

Я нырнул обратно за гребень холма и с изумлением обнаружил, что совершенно не испытываю страха. Обернувшись к Мартену, я увидел, что глаза у него слегка безумные.

— Как ты думаешь, сколько их там? — спросил я.

Он задумчиво поморгал.

— Минимум двое на палатку. Если их главарь живет в большой палатке один, значит, всего тринадцать, и трех мы уже убили. Значит, десять. Десять — это минимум.

Он нервно облизнул губы.

— Но в такой палатке можно жить и по четверо, а в большой, кроме главаря, могут улечься еще пятеро. Тогда получается тридцать — минус три.

— Стало быть, в лучшем случае их двое на одного, — сказал я. — И как тебе это нравится?

Он бросил взгляд на гребень холма, потом снова посмотрел на меня.

— Двое на одного — это еще ничего. Мы застанем их врасплох, и позиция у нас удобная.

Он умолк и закашлялся, зажимая рот рукавом, потом сплюнул.

— Но их там, внизу, человек двадцать. Нутром чую.

— Дедана убедить сумеешь?

Мартен кивнул.

— Мне он поверит. Он и вполтину не такой осел, каким кажется большую часть времени.

— Хорошо...

Я ненадолго задумался. События развивались куда быстрее, чем я об этом рассказываю. Так что, несмотря на все, что произошло, Дедан и Геспе должны были подойти не раньше, чем минут через пять-шесть.

— Ступай скажи им возвращаться назад, — приказал я Мартену. — А потом приходи сюда, за нами с Темпи.

Мартен неуверенно посмотрел на меня.

— Ты точно не хочешь уйти прямо сейчас? Мы же не знаем, когда они сменяют стражу.

— Со мной останется Темпи. К тому же тебе на это потребуется всего пара минут. А я хочу попробовать получше их пересчитать.

Мартен торопливо удалился, а мы с Темпи снова выбрались на гребень холма. Через некоторое время он подвинулся ближе, прижавшись левым боком к моему правому боку.

Тут я обратил внимание на то, чего не заметил прежде. По всему лагерю были вкопаны внушительные деревянные столбы, как для забора.

— Столбы? — спросил я у Темпи и воткнул палец в землю, чтобы показать, что я имею в виду.

Он кивнул, показывая, что понял, и пожал плечами.

Может, коновязи, может, они на них одежду сушат. Я выкинул это из головы — у нас были более важные дела.

— Как ты думаешь, что нам делать?

Темпи долго молчал.

— Убить несколько. Уйти. Ждать. Другие приходить. Мы...

Он сделал характерную паузу — ему снова не хватало нужного слова.

— Прыгать за деревьями?

— Застанем их врасплох.

Он кивнуть.

— Застанем врасплох. Ждать. Охота отдыхать. Сказать маэру.

Я кивнул. Отнюдь не стремительная победа, на которую мы надеялись, но это было единственное разумное решение при таком количестве

противников. Когда вернется Мартен, мы втроем нанесем им первый удар. На нашей стороне будет преимущество внезапности, Мартен, пожалуй, сумеет подстрелить из лука троих-четверых, прежде чем нам придется обратиться в бегство. Вряд ли он сумеет убить наповал их всех, но даже раненые представляют для нас меньшую угрозу.

— А другие пути есть?

Долгая пауза.

— Все другие пути — не летани, — ответил он.

Я успел увидеть достаточно и осторожно соскользнул на пару метров вниз по склону, так чтобы меня не было видно. Меня передернуло от холода: дождь все лил и лил. Мне сделалось холоднее, чем пару минут назад, и я начал тревожиться, не подхватил ли я простуду, как Мартен. Только этого сейчас не хватало.

Я увидел приближающегося Мартена и собирался уже изложить наш план, когда увидел, что лицо у него перепуганное.

— Я не могу их найти! — отчаянно зашептал он. — Я вернулся по следам туда, где они должны были быть. Но их там нет! То ли они по своей воле отправились обратно — но этого они бы не сделали, — то ли они пошли следом за нами и в темноте взяли не тот след.

Я ощутил холод, не имеющий никакого отношения к продолжающемуся ливню.

— А по следам ты их найти не можешь?

— Кабы мог, уже бы нашел! Но в темноте все следы выглядят одинаково. Что же делать-то, а?

Он стиснул мою руку. Я по глазам видел, что он близок к панике.

— Они же осторожничают не станут! Они-то думают, что мы тут уже все разведали заранее. Что же нам делать?!

Я сунул руку в карман, где лежало изображение Дедана.

— Я могу их найти.

Но не успел я сделать и шагу, как на восточном конце лагеря поднялся шум. Секунду спустя раздались яростные вопли и многоэтажная брань.

— Это Дедан? — спросил я.

Мартен кивнул. За холмом слышалась суета. Мы настолько торопливо, насколько позволяла осторожность, выползли на гребень холма и посмотрели вниз.

Из приземистых палаток, точно шершни из гнезда, хлынули наружу люди. Теперь их было не меньше дюжины, и четверо из них — с натянутыми луками. Откуда ни возьмись, появились длинные дощатые щиты, которые поспешно прислоняли к столбам, возводя примитивные

стены высотой метра в полтора. В несколько секунд уязвимый, открытый со всех сторон лагерь превратился в настоящую крепость. Я насчитал минимум шестнадцать человек, но теперь отдельные части лагеря были полностью скрыты от глаз. К тому же сделалось темнее: импровизированные стены загородили от нас костры и отбрасывали вовне густые тени.

Мартен бранился не переставая, и я его понимал: от его лука теперь было мало толку. Он все же стремительно наложил стрелу на тетиву и уже хотел было выстрелить, но я удержал его руку.

— Постой.

Он нахмурился, потом кивнул, понимая, что на каждый его выстрел в ответ прилетит полдюжины стрел. И от Темпи теперь тоже толку было мало. Его утыкают стрелами задолго до того, как он подобрется к лагерю.

Единственным светлым моментом было то, что в нашу сторону никто не глядел. Все внимание было обращено на восток, откуда донесся крик часового и брань Дедана. Мы втроем могли бы уйти прежде, чем нас обнаружат, но это означало бросить на произвол судьбы Дедана и Геспе.

В такой момент искусный арканист мог бы склонить чашу весов и если не обеспечить нам преимущество, то, по крайней мере, позволить всем бежать. Но у меня не было ни огня, ни связи. Я был достаточно искусен, чтобы обойтись без того или другого, но, не имея ни того, ни этого, был практически беспомощен.

Дождь припустил еще сильнее. Рокотал гром. Разбойники скоро сообразят, что там всего лишь двое, ринутся за пределы лагеря и прикончат наших товарищей. Это был всего лишь вопрос времени. А если мы трое привлечем их внимание, с нами все равно расправятся...

Раздался негромкий слаженный гул, и в сторону восточного гребня холма устремился залп стрел. Мартен перестал браниться и затаил дыхание. Он посмотрел на меня.

— Что же делать-то, а? — настойчиво повторил он. Из лагеря что-то крикнули, и, когда ответа не последовало, в сторону восточного гребня устремился новый залп: лучники пристреливались.

— Что же делать-то, а? — повторил Мартен. — А вдруг их уже ранили?

«А вдруг их уже убили?» Я зажмурился и соскользнул ниже по склону, пытаюсь выиграть несколько секунд, чтобы как следует поразмыслить. Нога уперлась во что-то мягкое и тяжелое. Убитый часовой. Мне пришла в голову мрачная идея. Я перевел дух и погрузился в «каменное сердце». Глубоко погрузился. Глубже, чем когда бы то ни было. Все страхи ушли, я

больше не испытывал колебаний.

Я ухватил тело за запястье и поволок его к вершине холма. Мужик был тяжелый, но я этого почти не замечал.

— Мартен, можно воспользоваться твоим мертвым? — машинально спросил я. Я произнес это приятным баритоном, самым ровным тоном, какой я слышал в своей жизни.

Не дожидаясь ответа, я выглянул из-за холма и посмотрел на лагерь. Я увидел, как один из разбойников за стеной натягивает лук для нового выстрела. Я обнажил свой длинный и узкий нож доброй рамстонской стали и мысленно сосредоточился на образе лучника. Стиснул зубы и ударил мертвого часового ножом в почку. Нож вошел в тело медленно, как будто я тыкал не плоть, а тяжелую глину.

Раздавшийся вопль перекрыл раскат грома. Человек рухнул наземь, лук вылетел у него из рук. Другой наемник наклонился, чтобы посмотреть на товарища. Я переключил фокус и пырнул часового в другую почку, на этот раз обеими руками. Раздался второй вопль, еще пронзительнее первого. «Не столько вопль, сколько предсмертный вой», — отстраненно подумал я.

— Не стреляй пока, — спокойно предупредил я Мартена, не отводя глаз от лагеря. — Они еще не знают, где мы.

Я вытащил нож, переключил фокус и хладнокровно вонзил его часовому в глаз. Один из людей за деревянной стеной вскинулся, зажимая лицо руками, из-под пальцев хлестала кровь. Двое его товарищей вскочили, пытаясь утащить его обратно за щиты. Я взмахнул ножом, и один из них рухнул наземь, вскидывая руки к окровавленному лицу.

— Боже милосердный! — ахнул Мартен. — Боже мой, Боже мой!

Я приставил нож к горлу часового и окинул лагерь взглядом. Они быстро теряли боеспособность: их охватывала паника. Один из раненых продолжал визжать, тонко и пронзительно, его было слышно даже сквозь раскаты грома.

Я увидел, как один из лучников пристальным взглядом обшаривает гребень холма. Я провел ножом по горлу часового — ничего не произошло. Потом вид у лучника сделался озадаченный, он потрогал свое горло. Глаза у него расширились, он заорал. Он бросил свой лук и метнулся на противоположную сторону лагеря, потом обратно, явно пытаясь бежать, но не зная куда.

Однако потом он взял себя в руки и принялся упорно всматриваться в гребень холма вокруг всего лагеря. Падать он не собирался. Я нахмурился, упер нож в горло убитого часового и что было сил налег на него. Руки у

меня тряслись, однако же нож вошел в тело, только медленно, как будто я пытался разрезать глыбу льда. Лучник обеими руками ухватился за шею, по рукам заструилась кровь. Он зашатался, споткнулся и рухнул в один из костров. Он бешено заметался, разбрасывая горящие угли, что только усилило всеобщее смятение.

Я прикидывал, куда нанести следующий удар, когда сверкнула молния, ярко озарившая труп. Струи дождя смешались со струями крови, кровь была повсюду. Руки у меня потемнели от крови.

Не желая калечить ему руки, я перевалил тело на живот и принялся стаскивать с него сапоги. Потом снова переключил фокус и принялся резать толстые связки под лодыжками и под коленом. Это искалечило еще двоих человек. Однако нож двигался все медленнее, и руки у меня ныли от напряжения. Труп представлял собой превосходную связь, но единственный источник энергии, который имелся в моем распоряжении, были мои собственные силы. В таких условиях я чувствовал себя, словно режу ножом дерево, а не плоть.

Прошло никак не более двух минут с тех пор, как в лагере поднялась тревога. Я выплюнул воду и позволил своим трясущимся рукам и изможденному разуму немного отдохнуть. Я смотрел на разбойничий лагерь, наблюдая, как нарастают смятение и паника.

Из большой палатки у подножия дуба выбрался еще один человек. Он был одет иначе, чем остальные: на нем была блестящая кольчуга, доходившая почти до колен, и кольчужный капюшон на голове. Он выступил в этот хаос с элегантным бесстрашием, с первого взгляда оценив обстановку. Он принялся отдавать приказы — какие именно, мне было не слышно за шумом дождя и раскатами грома. Его люди успокоились, разошлись по местам, снова взялись за мечи и луки.

Я смотрел, как он шагает по лагерю, и что-то мне это напоминало, а что — непонятно. Он стоял на виду, не трудясь прятаться за спасительными щитами. Он взмахнул рукой, отдавая приказ, и что-то в этом движении показалось мне ужасно знакомым.

— Квоут! — прошипел Мартен. Я обернулся и увидел, что следопыт натянул лук до самого уха. — Я могу подстрелить главаря!

— Давай!

Пропела тетива, и стрела вонзилась главарю в ногу выше колена, пронзила кольчугу, ногу и вышла сквозь кольчугу с другой стороны. Краем глаза я видел, как Мартен плавным движением достал вторую стрелу и наложил ее на тетиву, но не успел он выстрелить, как главарь наклонился. Нет, не согнулся пополам от боли. Просто наклонил голову, чтобы

поглядеть на стрелу, что пронзила ему ногу.

Полюбовавшись на нее с секунду, он зажал стрелу в кулаке и обломил оперенный конец древка. Потом протянул руку назад и вытянул стрелу из ноги. Я застыл: он посмотрел прямо на нас и указал в нашу сторону рукой с зажатым в ней обломком стрелы. Отдал короткий приказ, кинул стрелу в костер и непринужденной походкой отправился на другой конец лагеря.

— Тейлу великий, осени меня крылами своими! — забормотал Мартен, уронив руку, державшую тетиву. — Оборони меня от демонов и тварей, что бродят в ночи!

И только «каменное сердце», в котором я пребывал, помешало мне отреагировать подобным же образом. Я снова посмотрел на лагерь — как раз вовремя, чтобы увидеть несколько оцетинившихся луков, направленных в нашу сторону. Я пригнулся и пнул очумевшего следопыта, сбив его с ног в тот момент, когда стрелы прогудели у нас над головой. Мартен упал, стрелы из его колчана рассыпались по грязному склону.

— Темпи! — окликнул я.

— Здесь, — откликнулся он слева. — Аэш. Нет стрела.

Над головой снова пропели стрелы, несколько из них вонзились в деревья. Скоро лучники пристреляются и начнут стрелять навесом, так что стрелы посыплются нам на головы. Мне в голову пришла мысль — спокойно, точно пузырь, всплывший на поверхность пруда.

— Темпи, принеси мне лук этого человека.

— Йа.

Я слышал, что Мартен что-то бормочет, тихо, упорно и невнятно. Поначалу я думал было, что его подстрелили, потом понял, что он молится.

— Оборони меня, Тейлу, от железа и гнева! — бубнил он. — Храни меня, Тейлу, от демонов полунощных!

Темпи сунул мне в руку лук. Я перевел дух и разделил свой разум надвое, потом натрое, потом начетверо. И в каждой частице своего разума я держал тетиву. Я заставил себя расслабиться и разделил свой разум еще раз, на пять частей. Попробовал еще раз — ничего не вышло. Усталый, мокрый, промерзший — я достиг предела своих сил. Тетивы пропели еще раз, и стрелы тяжким ливнем посыпались на землю вокруг нас. Я почувствовал, как что-то дернуло меня за руку возле плеча: одна из стрел оцарапала меня, прежде чем вонзиться в грязь. Плечо сначала защипало, потом обожгло болью.

Я задвинул боль подальше и стиснул зубы. Ничего, пяти должно хватить... Я легонько провел ножом по запястью, чтобы выступило немного крови, потом произнес нужные связывания и сильно резанул

ножом по тетиве.

Был жуткий миг, когда тетива сопротивлялась, но потом она все же лопнула. Лук дернулся у меня в руке, рванул раненую руку и упал на землю. Из-за холма послышались крики боли и ярости, и я понял, что хотя бы отчасти преуспел. Есть надежда, что лопнули все пять тетив, так что нам придется иметь дело всего с одним-двумя лучниками.

Но в тот самый миг, когда лук вылетел у меня из руки, я ощутил, как в меня проникает ледяной холод. Он пронизывал не только руки, но и все тело: живот, грудь, горло. Я знал, что силы одной моей руки будет недостаточно, чтобы порвать пять тетив за один раз. И я использовал тот единственный огонь, который доступен арканисту в любое время: жар собственной крови. Скоро меня охватит заклинательский озноб. Если я не найду способа согреться, меня ждет шок, потом переохлаждение, потом смерть.

Я выпал из «каменного сердца» и позволил частицам своего разума вновь собраться воедино. Голова у меня слегка пошла кругом. Продрогший, мокрый, с кружащейся головой, я выполз обратно на гребень холма. Дождь, хлещущий в лицо, казался холодным как лед.

Лучника я увидел только одного. Увы, он сохранил присутствие духа, и как только мое лицо показалось из-за холма, он плавно натянул лук и выстрелил.

Меня спас порыв ветра. Стрела ударилась о камень в полуметре от моей головы, брызнули желтые искры. В лицо мне хлестал дождь, в небе пауком растопырилась молния. Я нырнул обратно за холм и принялся яростно тыкать ножом труп часового.

Наконец нож угодил в пряжку и сломался. Задыхаясь, я отбросил его в сторону и очнулся. В ушах стояло унылое бормотание — Мартен все молился. Руки и ноги у меня сделались холодными как свинец, тяжелыми и неуклюжими.

А хуже всего, я чувствовал, как по телу мало-помалу распространяется холодное онемение, вызванное переохлаждением. Я обнаружил, что уже не дрожу, — это был дурной знак. Я промок насквозь, и поблизости не было огня, у которого я мог бы согреться.

Небо снова расколола молния. Меня осенило. Я расхохотался ужасным смехом.

Выглянув за холм, я с удовлетворением обнаружил, что лучников там не осталось. Однако главарь выкрикивал новые приказы, и я не сомневался, что они вот-вот найдут новые луки или заменят тетивы. Хуже того: они могут просто выйти из своего убежища и тупо задавить нас числом. Там

все еще было никак не меньше дюжины бойцов.

Мартен по-прежнему молился, лежа ничком.

— Тейлу, в пламени не сгоревший, храни меня среди пламени!

Я пнул его ногой.

— Вставай, черт бы тебя побрал, а не то нам всем конец!

Он перестал молиться и поднял голову. Я крикнул что-то невнятное и наклонился, чтобы поднять его на ноги за ворот рубахи. Сильно встряхнул его и свободной рукой сунул ему его собственный лук, не понимая, как он тут оказался.

Снова полыхнула молния, и я увидел то, что видел он. Мои руки были по локоть измазаны кровью часового. Струи дождя размыли ее, но не смыли до конца. В короткой, ослепительной вспышке света кровь выглядела черной.

Мартен машинально взял лук.

— Стреляй в дерево! — крикнул я, перекрывая гром. Мартен уставился на меня так, словно я сошел с ума. — Стреляй!

Должно быть, в моем лице было нечто такое, что его убедило. Однако стрелы у него рассыпались, и, наклонившись, чтобы найти стрелу, он снова завел свою молитву.

— Тейлу, Энканиса к колесу приковавший, не остави меня во тьме кромешной!

После долгих поисков он наконец отыскал стрелу и трясущимися руками принялся накладывать ее на тетиву, не переставая молиться. Я снова стал смотреть на лагерь. Главарь сумел восстановить порядок. Я видел, как его губы шевелятся, отдавая приказы, но не слышал ничего, кроме дрожащего голоса Мартена:

Тейлу, чей взор ясен и верен,
Воззри на меня!

Внезапно предводитель остановился и склонил голову набок. Он застыл неподвижно, как бы прислушиваясь. Мартен продолжал молиться:

Тейлу, свой собственный сын,
Воззри на меня!

Главарь быстро огляделся по сторонам, словно услышал нечто, что его

встревожило, и снова склонил голову набок.

— Он тебя слышит! — яростно зашептал я Мартену. — Стреляй! Он их к чему-то готовит!

Мартен прицелился в дерево в центре лагеря. Ветер хлестал его, а он все молился:

Тейлу, тот, что был Мендом, коим был ты,
Воззри на меня во имя Менда,
Во имя Периаль,
Во имя Ордаль,
Во имя Андана —
Воззри на меня!

Главарь разбойников запрокинул голову, словно искал что-то в небе. Что-то в этом движении показалось ужасно знакомым, однако мысли у меня путались: заклинательский озноб сжимал свои когти. Разбойничий главарь повернулся, устремился к своей палатке и исчез внутри.

— Стреляй в дерево! — заорал я.

Он выпустил стрелу, и я увидел, как она крепко вонзилась в ствол громадного дуба, что возвышался в центре разбойничьего лагеря. Я нащупал в грязи одну из рассыпавшихся Мартеновых стрел и расхохотался при мысли о том, что я затеял. Из этого могло ничего не выйти. Это могло меня убить. Всего одна ошибка. Плевать! Я все равно уже покойник, если не найду способа согреться и обсохнуть. Скоро наступит шок. Может быть, я уже в шоке.

Моя рука стиснула стрелу. Я разделил свой разум на шесть частей, выкрикнул связывание и вонзил стрелу в мокрую землю. «Что наверху, то и внизу!» — вскричал я: это была шутка, понятная лишь тому, кто учился в Университете.

Миновала секунда. Ветер улегся.

Все стало белым. Вспышка. Грохот. Я почувствовал, что падаю...

И все.

ГЛАВА 92

ТАБОРЛИН ВЕЛИКИЙ

Я очнулся. Мне было тепло и сухо. Было темно.

Знакомый голос задал вопрос. Мартен ответил:

— Это все он! Это он все сделал.

Вопрос.

— Ох, Дан, об этом я говорить не стану! Богом клянусь, не стану. Даже и думать об этом не хочется. Сам у него спрашивай, коли хочешь.

Вопрос.

— Ты бы понял, кабы сам видел. И тогда бы ты не захотел ничего знать. Не вставай ему поперек дороги! Я видел, каков он в гневе. Вот и все, что я тебе скажу. Не вставай ему поперек дороги!

Вопрос.

— Брось, Дан. Он убивал их, одного за другим. А потом малость спятил. Он... Нет, нет. Больше ничего говорить не стану. По-моему, он призвал молнию. Точно сам Господь.

«Точно Таборлин Великий», — подумал я. Улыбнулся и уснул.

ГЛАВА 93

ВСЕ МЫ НАЕМНИКИ

Я проспал четырнадцать часов и проснулся здоровеньким, как огурчик. Моих товарищей это, видимо, удивило: они-то обнаружили меня без сознания, холодным на ощупь и окровавленным. Они меня раздели, немного растерли мне руки и ноги, потом завернули в одеяла и положили в единственную уцелевшую разбойничью палатку. Остальные пять либо сгорели, либо были завалены, либо исчезли бесследно, когда огромная белая молния ударила в высокий дуб, стоявший в центре разбойничьего лагеря.

Следующий день выдался пасмурным, но, по счастью, без дождя. Для начала мы занялись своими ранами. Геспе попала в ногу стрела, когда они наткнулись на часового. Дедана рубанули вдоль плеча — надо сказать, ему еще повезло, учитывая, что он накинудся на часового с голыми руками. Когда я спросил его зачем, он ответил, мол, у него просто не было времени обнажить меч.

У Мартена на лбу была внушительная багровая шишка: то ли он приложился, когда я его повалил на землю, то ли потом, когда я волочил его на холм. Шишка была болезненной на ощупь, но Мартен уверял, что ему не раз случалось получать шишки похуже в кабацких драках.

Я же, оправившись от озноба, чувствовал себя превосходно. Я видел, что товарищи мои изумлены этим внезапным возвращением из самых врат смерти, и решил их не разочаровывать. Немного таинственности моей репутации не повредит.

Я перевязал рваную рану, оставленную стрелой, которая задела мне плечо, и обработал несколько ссадин и царапин, которые даже не помнил, как и где заработал. Кроме того, был еще длинный неглубокий порез на запястье, который я сам же и сделал, но с ним и возиться не стоило.

Темпи был невредим, невозмутим, непроницаем.

Управившись с ранами, мы занялись покойниками. Пока я валялся без сознания, остальные сволокли большую часть обгорелых, безжизненных тел на край поляны. На круг получилось так:

Один часовой, убитый Деданом.

Двое — те, что напали на Темпи в лесу.

Трое, которые выжили после удара молнии и попытались бежать.

Одного застрелил Мартен, еще двое были на счету Темпи.

Семнадцать обугленных, изломанных или как-либо еще поврежденных тел — последствия удара молнии. Из этих семнадцати восемь еще до молнии были мертвы либо смертельно ранены.

Нашлись следы еще одного часового, который наблюдал за происходящим с северо-восточного края холма. К тому времени, как мы их обнаружили, следы были уже суточной давности, и никто не испытывал ни малейшего желания за ним гоняться. Дедан заметил, что так оно, может, и лучше: пусть разнесет слухи об этом впечатляющем разгроме, чтобы те, кто подумывает зарабатывать на жизнь разбоем, передумали. В кои-то веки мы с ним были одного мнения.

Трупа главаря среди убитых не нашлось. Большую палатку, куда он шмыгнул, раздавило обломками ствола огромного дуба. Мы пока решили оставить его останки в покое — нам и без того было чем заняться.

Вместо того чтобы рыть двадцать три отдельные могилы или братскую могилу на двадцать три тела, мы сложили погребальный костер и подожгли его, хотя лес был еще сырой. Я пустил в ход свое искусство, чтобы костер горел долго и жарко.

Оставался еще один труп: тот часовой, которого убил Мартен и которым потом воспользовался я. Пока мои товарищи собирали дрова для погребального костра, я отправился на южный гребень холма и нашел его там: Темпи спрятал его под большой еловой лапой.

Я долго смотрел на тело, потом оттащил его на юг. Я отыскал укромное местечко под ивой и сложил над ним курган из камней. А потом забрался в кусты и как следует проблевался.

* * *

Молния? Ну да, молнию объяснить непросто. Гроза прямо над головой. Фульманическое связывание между двумя одинаковыми стрелами. Попытка заземлить дерево сильнее, чем любой громоотвод. Честно говоря, не знаю, моя ли заслуга в том, что молния ударила именно там и тогда. Но, если верить историям, я призвал молнию, и молния ударила.

Судя по тому, что рассказывали остальные, молния была не одна, а несколько, одна за другой. Дедан описывал это как «столп белого огня» и говорил, что земля содрогнулась так сильно, что он не устоял на ногах.

Как бы то ни было, от могучего дуба остался только горелый пенек высотой примерно с серовик. Вокруг валялись громадные обломки.

Деревья поменьше и кустарники тоже занялись, но их потушило дождем. Большая часть дощатых щитов, которые разбойники использовали в качестве укрепления, разлетелась в щепки размером не больше фаланги пальца либо сгорели до углей. От ствола разбежались полосы развороченной земли, и поляна выглядела так, словно ее перепахал какой-то сумасшедший пахарь или разодрал когтями некий гигантский зверь.

Несмотря на все это, мы в течение трех дней после победы оставались в разбойничьем лагере. Рядом был ручей с чистой водой, а то, что оставалось от разбойничьей провизии, было куда лучше нашей. Более того: после того как мы спасли некоторое количество досок и парусины, все мы смогли позволить себе роскошь разместиться в палатках или под навесами.

Теперь, когда работа была выполнена, напряжение в отряде спало. Дождь перестал, а нам больше не требовалось прятать свой костер, так что Мартен быстро пошел на поправку. Дедан и Геспе разговаривали друг с другом вежливо, и Дедан теперь нес в мой адрес вчетверо меньше глупостей, чем прежде.

Но, невзирая на облегчение, которое мы испытывали, выполнив работу, сказать, что теперь все было в порядке, было никак нельзя. Историй по вечерам больше никто не рассказывал, и Мартен старался держаться от меня как можно дальше. И я его не винил, принимая во внимание, чего он насмотрелся.

Поэтому я при первой же возможности тайком уничтожил изготовленные мной восковые куклы. Теперь они мне были ни к чему, и неизвестно, что могло произойти, если бы кто-то из моих спутников случайно обнаружил их у меня в сумке.

Темпи ни словом не обмолвился о том, что я сотворил с трупом разбойника, и по тому, как он себя вел, я сделал вывод, что он не ставит мне это в вину. Оглядываясь назад, я сознаю, как мало я тогда понимал адемов. Но в то время я заметил лишь, что Темпи теперь меньше времени проводит, помогая мне обучаться кетану, и больше времени посвящает обучению нашему языку и обсуждению запутанного понятия «летани».

На второй день мы сходили на прежнюю стоянку за своими вещами. Я испытал большое облегчение, получив назад свою лютню, и особенно обрадовался, увидев, что чудесный футляр, подарок Денны, остался сухим внутри, невзирая на бесконечный дождь.

И, поскольку прятаться было больше не от кого, я принялся играть. Целый день напролет я почти ничего не делал, только играл. Я почти месяц провел без музыки, и мне ее так не хватало — вы себе и представить не можете.

Поначалу я думал, что Темпи моя игра не нравится. Кроме того, что я прежде каким-то образом задел его своим пением, я видел, что он всегда уходит из лагеря, как только я берусь за лютню. Потом я начал замечать, что он наблюдает за мной, но всегда издали и стараясь не попадаться на глаза. И как только мне пришло в голову обратить на это внимание, я обнаружил, что он всегда слушает, как я играю, выпучив глаза, как сова, и замерев, как камень.

На третий день Геспе решила, что ее нога, пожалуй, способна выдержать небольшой переход. Пришлось решать, что мы берем с собой, а что оставляем.

Это оказалось не так сложно, как могло бы быть. Большая часть разбойничьего добра была уничтожена молнией, падающим деревом или просто размокла под дождем. Однако в разоренном лагере все-таки осталось чем поживиться.

Обыскать как следует палатку главаря нам прежде не удалось: ее придавило огромным сукон упавшего дуба. Упавший сук был крупнее иных деревьев, почти метровой толщины. Однако же на третий день мы наконец сумели перерубить его в нескольких местах и стащить его с останков палатки.

Мне не терпелось поближе взглянуть на труп главаря: было в этом человеке нечто смутно знакомое, что не давало мне покоя с тех самых пор, как он показался из палатки. Ну и, помимо всего прочего, я знал, что его кольчуга стоит никак не меньше дюжины талантов.

Однако главаря и след простыл. Над этим нам пришлось немало поломать голову. Мартен нашел только один след, ведущий прочь от лагеря, — след сбежавшего часового. Никто из нас не представлял, куда же делся главарь.

Для меня это была досадная загадка — очень мне хотелось взглянуть на него поближе. Дедан с Геспе полагали, что он просто-напросто сумел сбежать среди смятения, которое последовало за ударом молнии, — может быть, ушел по ручью, чтобы замести следы.

А вот Мартену, когда мы не нашли тела главаря, явно сделалось не по себе. Он бормотал что-то насчет демонов и наотрез отказывался приближаться к останкам палатки. Я лично думал, что он суеверный глупец, хотя, не стану отрицать, исчезновение тела и самого меня изрядно нервировало.

Внутри палатки обнаружился обеденный стол, койка, письменный стол и пара стульев, все разбитое в щепки и бесполезное. В обломках стола имелись какие-то бумаги — дорого бы я дал, чтобы их прочесть, но они

слишком много времени пролежали в сырости, и чернила все растеклись. Кроме того, там нашлась тяжелая шкатулка из твердого дерева, величиной чуть поменьше буханки. На крышке красовался эмалевый герб Алверонов, и сама шкатулка была крепко заперта на замок.

Геспе с Мартеном признались, что немного умеют открывать замки, и, поскольку мне было любопытно, что там внутри, я предоставил им возиться с замком при условии, что они не станут его ломать. Они по очереди долго корпели над шкатулкой, но у них ничего не вышло.

Минут через двадцать безуспешных стараний Мартен развел руками.

— Нет, никак не пойму, где тут секрет, — сказал он и распрямился, упираясь руками в поясицу.

— Ну, давайте, что ли, я попробую, — вызвался я. Я-то надеялся, что шкатулку откроет кто-нибудь из них. Умение взламывать замки — совсем не то искусство, которым стоит гордиться арканисту. Оно не соответствовало репутации, которую я надеялся себе создать.

— Да ну? — Геспе приподняла бровь. — Да ты и впрямь юный Таборлин!

Я вспомнил историю, которую рассказывал Мартен несколько дней назад.

— А то как же! — рассмеялся я, воскликнул «Эдро!» самым что ни на есть звучным голосом, достойным самого Таборлина Великого, и хлопнул ладонью по крышке.

Шкатулка раскрылась.

Я был удивлен не менее прочих, но лучше сумел это скрыть. Очевидно, вышло так, что кто-то из них сумел-таки отпереть замок, но крышка застряла. Может, дерево разбухло за то время, что шкатулка пролежала в сырости. А когда я ударил по крышке, она и открылась.

Но они-то этого не знали. Судя по их виду, можно было подумать, будто я у них на глазах произвел трансмутацию золота. Даже Темпи, и тот приподнял бровь.

— Молодец, Таборлин! — сказала Геспе так, словно не была уверена, не разыгрываю ли я их.

Я решил промолчать и сунул свой набор импровизированных отмычек обратно в карман плаща. Если уж я собираюсь стать арканистом, лучше стать знаменитым арканистом!

Напустив на себя торжественный и властный вид, я поднял крышку и заглянул внутрь. И первое, что я увидел, был сложенный в несколько раз лист плотной бумаги. Я достал его.

— Что это? — спросил Дедан.

Я показал лист им всем. Это была тщательно выполненная карта окрестностей, и на ней был подробно вычерчен не только изгиб тракта, но и расположение всех соседних хуторов и ручьев. На тракте были отмечены и надписаны Кроссон, Фенхилл и трактир «Пенни и грош».

— А это что? — спросил Дедан, ткнув толстым пальцем в неподписанный крестик в чаще леса, к югу от дороги.

— Думаю, это и есть этот самый лагерь, — сказал Мартен. — Вон и ручей рядом.

Я кивнул.

— Верно. Мы ближе к Кроссону, чем я думал. Можем двинуться отсюда прямо на юго-восток и выиграть больше дня пути.

Я взглянул на Мартена.

— Как тебе кажется?

— Сейчас. Дай погляжу.

Я протянул ему карту, он изучил ее.

— Похоже на то, — согласился он. — Я и не думал, что мы забрались так далеко на юг. Если пойти в ту сторону, мы выиграем больше тридцати километров.

— Хорошо бы! — сказала Геспе, потирая перевязанную ногу. — Если, конечно, кто-нибудь из вас, господа, соизволит меня донести.

Я снова занялся шкатулкой. Шкатулка была набита тугими матерчатыми свертками. Я взял один из них в руки и увидел блеск золота.

Я услышал ропот присутствующих. Заглянул в остальные свертки, маленькие, но тяжелые, — всюду были монеты, сплошь золотые. Я прикинул, что там должно быть больше двухсот роялов. Сам я роялов никогда в руках не держал, однако знал, что один роял стоит восемьдесят битов — почти столько же, сколько маэр выдал мне на весь поход. Неудивительно, что маэр так стремился положить конец грабегам своих сборщиков налогов.

Я прикинул в голове, переведя содержимое шкатулки в более привычную монету, — у меня вышло более пятисот серебряных талантов. Достаточно денег, чтобы купить приличный придорожный трактир или целую ферму со всем скотом и скарбом. На такие деньги можно приобрести скромный титул, должность при дворе, офицерский чин...

Я видел, что все остальные тоже производят подсчеты.

— Как насчет того, чтобы поделить хотя бы часть? — спросил Дедан без особой надежды.

Я колебался, потом сунул руку в шкатулку.

— Как по-вашему, по роялу на каждого будет справедливо?

Никто не ответил. Я развернул один из свертков. Дедан недоверчиво взглянул на меня.

— Ты что, шутишь?

Я протянул ему тяжелую монету.

— Я по этому поводу думаю так: менее щепетильные ребята, чем мы, могли бы и забыть сообщить Алверону о шкатулке. А то, пожалуй, и вовсе не вернулись бы к Алверону. Я думаю, по роялу на каждого — справедливое вознаграждение за честность.

Я перебросил Мартену и Геспе по сверкающей золотой монете.

— К тому же, — добавил я, бросая роял Темпи, — меня нанимали искать разбойничью шайку, а не ликвидировать небольшой военный лагерь.

Я взял один роял себе.

— Так что это — наш бонус за то, что мы сделали больше, чем было поручено.

Я сунул монету в карман и похлопал по нему.

— Алверону об этом знать не обязательно!

Дедан расхохотался и хлопнул меня по спине.

— А ты все-таки не настолько уж отличаешься от всех нас! — сказал он.

Я улыбнулся ему в ответ и захлопнул крышку шкатулки. Щелкнул замок.

Я не упомянул еще двух причин, по которым я это сделал. Во-первых, я таким образом фактически покупал их верность. Они не могли не понимать, как просто было бы схватить шкатулку и сделать ноги. Такая мысль и мне тоже приходила в голову. Пятисот талантов с лихвой хватило бы, чтобы оплатить мое обучение в Университете в течение ближайших десяти лет.

Однако теперь все они сделались существенно богаче, этого они отрицать не могли. Увесистая золотая монета поможет им не думать о тех деньгах, которые хранятся у меня. Хотя я все равно собирался на ночь класть шкатулку под подушку.

Кроме того, мне и самому пригодятся эти деньги. Как тот роял, который я открыто положил в карман, так и остальные три, которые я прибрал к рукам, пока передавал монеты остальным. Как я и говорил, Алверон об этом все равно не узнает, а четырех роялов хватит на целую четверть обучения в Университете.

После того как я спрятал шкатулку маэра на дне своего дорожного мешка, мы принялись решать, что возьмем с собой из разбойничьего добра.

Палатки бросили по той же самой причине, по какой не взяли их с собой в поход. Слишком уж они громоздкие. Мы захватили столько припасов, сколько могли унести, понимая, что чем больше возьмешь, тем меньше придется покупать.

Я решил взять себе один из разбойничьих мечей. Тратить деньги на меч я бы не стал, я все равно не умел им владеть, но раз уж можно добыть меч бесплатно...

Когда я перебирал разложенное оружие, подошел Темпи и принялся давать советы. После того как мы свели выбор до двух мечей, Темпи наконец высказал то, что было у него на уме:

— Ты не умеешь владеть меч.

Вопрос. Смущение.

У меня создалось впечатление, что ему неумение владеть мечом представляется чем-то постыдным. Все равно как не уметь пользоваться ножом и вилкой.

— Нет, — подумав, ответил я. — Но я надеялся, что ты меня научишь.

Темпи застыл в молчании. Я мог бы принять это за отказ, но я уже достаточно хорошо его знал. Такое поведение означало, что он размышляет.

В беседе адемов паузы являются ключевым моментом, так что я терпеливо ждал ответа. Мы простояли молча минуту. Две. Пять. Десять. Я изо всех сил старался сохранять молчание и неподвижность. Может, это все-таки и есть вежливый отказ?

Видите ли, я же считал себя ужасно осведомленным. Я был знаком с Темпи почти целый месяц, выучил целую тысячу слов адемовского языка и добрых пятьдесят жестов. Я уже знал, что адемы не стыдятся наготы, не стесняются прикосновений, и даже начинал постигать тайну, именуемую «летани».

О да, мне казалось, что я ужасно толковый парень. Если бы я на самом деле знал что-то об адемах, я бы ни за что не решился задать Темпи подобный вопрос.

— А ты научишь меня это?

Он указал на другой конец лагеря, где стоял мой футляр с лютней, прислоненный к дереву.

Этот вопрос застал меня врасплох. Я никогда еще не пробовал учить кого-то играть на лютне. Может быть, Темпи это понимает и имеет в виду, что и он тоже никогда никого не учил? Я знал, что он склонен изъясняться обиняками...

Справедливая сделка. Я кивнул.

— Попробую.

Темпи кивнул и указал на один из двух мечей.

— Возьми его. Но не сражаться.

С этими словами он повернулся и ушел. Тогда я приписал это его обычной краткости.

На разбор трофеев ушел целый день. Мартен собрал изрядный пук стрел и все тетивы, какие нашел. Потом, убедившись, что никто больше на них не претендует, забрал четыре боевых лука, которые уцелели после удара молнии. Сверток вышел неухватистый, но Мартен заявил, что в Кроссоне продаст это за хорошие деньги.

Дедан прихватил пару сапог и бронированный нагрудник, куда лучше его собственного. Кроме того, он взял себе колоду карт и игральные фишки слоновой кости.

Геспе взяла изящную пастушью свирель и запихала на дно своего мешка едва ли не дюжину ножей, в надежде потом их продать.

И даже Темпи нашел кое-что, что ему понравилось: точильный камень, латунную солонку и пару полотняных штанов, которые он утащил к ручью и выкрасил в привычный багрово-красный цвет.

Я взял меньше всех. Короткий ножичек взамен того, который сломал, и небольшую бритву с роговой рукояткой. Мне не так уж часто приходилось бриться, однако я приучился к этому, пока жил при дворе маэра. Я мог бы последовать примеру Геспе и тоже набрать несколько ножей, но мешок у меня и так уже вышел чересчур тяжелым из-за шкатулки маэра с деньгами.

Может быть, все это мародерство выглядит мерзко, но так уж устроен мир. Грабителей грабят самих, а судьба всех нас время от времени делает наемниками.

ГЛАВА 94

ПО КАМНЯМ И КОРНЯМ

Мы решились положиться на карту, которую нашли, и двинулись через лес точно на запад, в сторону Кроссона. Даже если мы промахнемся мимо городка, рано или поздно мы упремся в дорогу и избавим себя от необходимости делать крюк в несколько километров.

Из-за раненой ноги Геспе шли мы медленно и в первый день преодолели не более десяти-двенадцати километров. И во время одного из наших многочисленных привалов Темпи принялся всерьез обучать меня кетану.

Я по глупости полагал, будто он давно уже меня учит. На самом же деле он просто поправлял мои наиболее вопиющие ошибки, потому что они его раздражали. Это точно так же, как у меня чесались руки настроить чужую лютню, когда я слышал рядом с собой фальшиво звучащий инструмент.

Обучение выглядело совсем иначе. Мы начали кетан сначала, и Темпи принялся поправлять мои ошибки. Все мои ошибки. Он насчитал их восемнадцать в одном только первом движении, а в кетане движений больше сотни. Я быстро начал сомневаться, так ли мне нужно это обучение.

Кроме того, я начал обучать Темпи игре на лютне. Я на ходу играл разные ноты и говорил ему их названия, потом показал ему несколько аккордов. Надо же было с чего-то начинать.

Мы надеялись дойти до Кроссона к полудню следующего дня. Но часам к десяти утра мы забрели в жуткое вонючее болото, которое не было отмечено на карте.

Так начался поистине кошмарный день. На каждом шагу приходилось нащупывать, куда наступаешь, и ползли мы с черепашьей скоростью. Один раз Дедан шарахнулся, упал и принялся барахтаться, забрызгивая нас густой жижей. Он объяснил, что увидел комара длиной в собственный палец, с хоботком как женская шпилька для волос. Я предположил, что он видел капелюшку. Дедан посоветовал мне при первой же возможности совершить над собой ряд действий, весьма неприятных и негигиеничных.

К середине дня мы отчаялись выбраться на дорогу и сосредоточились на более неотложных нуждах, как то — отыскать пятачок сухой земли, где можно было бы устроить привал, не опасаясь утонуть. Но впереди были

все новые топи, бочаги и тучи назойливых комаров и кусачих мух.

Солнце начало садиться прежде, чем мы окончательно выбрались из болота, и воздух из жаркого и душного быстро сделался холодным и сырым. Мы брели, пока местность не начала понемногу подниматься вверх. И, хотя все устали и промокли, мы единодушно решили пройти еще немного вперед, чтобы уйти подальше от насекомых и вони гниющих растений.

Луна была полная, света, для того чтобы пробираться между стволами, она давала более чем достаточно. Несмотря на утомительный день, мы постепенно воспрянули духом. Геспе так устала, что оперлась на Дедана, и, когда грязный по уши наемник обнял ее за талию, она сказала ему, что давно от него так хорошо не пахло. Он ответил, что не смеет спорить со столь изысканной дамой.

Я напрягся, ожидая, что их болтовня вот-вот превратится в ядовитую перепалку. Но, шагая позади них, я увидел, как бережно он ее обнимает. А Геспе опиралась на него так ласково, что дело явно было не в ноге. Я покосился на Мартена — старый следопыт улыбнулся, сверкнув зубами в лунном свете.

Вскоре мы нашли чистый ручей и кое-как отмылись от вони и тины, постирнули одежду, переоделись в сухое. Я вытащил из мешка свой потрепанный плащ и закутался в него, тщетно надеясь, что он хотя бы отчасти защитит меня от вечерней прохлады.

Когда мы уже почти покончили с этим, выше по ручью послышалось слабое пение. Все насторожили уши, но журчание ручья мешало расслышать как следует.

Однако же где поют — там люди, а раз там люди — значит, близко Кроссон, а может, и «Пенни и грош», если болото завело нас дальше на юг. Да что там: пусть это даже какой-нибудь хутор, все лучше, чем еще одну ночь провести в чащобе!

И вот, невзирая на усталость и ноющие ноги, надежда на мягкую постель, горячий ужин и холодную выпивку придала нам сил собрать вещи и двинуться дальше.

Мы пошли вдоль ручья. Дедан с Геспе по-прежнему шагали под ручку. Пение то слышалось громче, то затихало. После дождей вода в ручье поднялась, и шум потока, бегущего по камням и корням, временами заглушал даже шорох наших собственных шагов.

Наконец ручей сделался широким и спокойным, подлесок поредел, и мы увидели просторную поляну.

Пение смолкло. Не видно было ни дороги, ни тракта, ни костра, ни

огонька. Только просторная поляна, ярко озаренная луной. Ручей разлился блестящим лесным озером. А у озера, на гладком валуне, сидела...

— Господь Тейлу, оборони меня от демонов полунощных! — охрипшим голосом пробормотал Мартен. Но его голос звучал скорее замороженно, чем испуганно. И глаз он не отвел.

— Но это же... — слабым голосом проговорил Дедан. — Это же...

«Я не верю в фейри!» — попытался было сказать я, но не сумел выдать ни звука.

Это была Фелуриан.

ГЛАВА 95

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Все мы на миг застыли. По озеру бежала мелкая зыбь, и ее отблески играли на прекрасном теле Фелуриан. Обнаженная в лунном свете, она пела:

каэ-ланион лухиал
ди мари фелануа
креата ту сиар
ту аларан ди
дирелла, амауен.
лоеси ан делан
ту ниа вор рухлан
Фелуриан тае.

Голос ее звучал странно. Он был тих и нежен, слишком тих, чтобы мы могли слышать его с другого конца поляны. Слишком слаб, чтобы мы слышали его за шумом бегущей воды и шелестящих листьев. И все-таки я его слышал. Ее слова были чисты и нежны, как пение далекой свирели. Они о чем-то напоминали, только я никак не мог вспомнить о чем.

Мелодия была та самая, которую пел Дедан, рассказывая историю. Я не понимал ни слова, кроме имени «Фелуриан» в последней строке. И тем не менее песня тянула меня к себе, необъяснимо и настойчиво. Как будто незримая рука проникла в мою грудь и пыталась вытащить меня на поляну, ухватив за сердце.

Я воспротивился. Я отвел взгляд и ухватился за ближайшее дерево.

Я слышал, как Мартен у меня за спиной бормочет.

— Нет, нет, нет! — бубнил он себе под нос, словно сам себя уговаривал. — Нет-нет-нет-нет-нет! Ни за что, ни за какие деньги!

Я оглянулся через плечо. Лихорадочный взгляд следопыта был устремлен вперед, на поляну, но он, казалось, был скорее напуган, чем возбужден. Темпи стоял, и на его лице, обычно бесстрастном, отчетливо отражалось изумление. Дедан напряженно застыл, лицо у него вытянулось, в то время как Геспе стреляла глазами то на него, то на поляну.

А Фелуриан запела снова. Ее пение было как обещание теплого очага в холодную ночь. Как улыбка юной девушки. Я помимо своей воли вспомнил Лози из «Пенни и гроша», ее рыжие кудряшки как языки пламени. Я вспомнил, как вздымалась ее упругая грудь и как ее рука коснулась моих волос.

Фелуриан пела, и меня тянуло туда. Влечение было сильным, но не настолько, чтобы я не мог удержаться. Я снова посмотрел на поляну и увидел ее, ее кожу, серебристо-белую под вечерними небесами. Она наклонилась, зачерпнула воды изящней любой танцовщицы.

Внезапно меня посетила ясная, отчетливая мысль. А чего я, собственно, боюсь? Сказок? Это же магия, подлинная магия. Более того — это магия пения. Если я упущу такую возможность, я себе этого никогда не прощу!

Я еще раз окинул взглядом своих спутников. Мартен заметно дрожал. Темпи потихоньку отступал назад. Дедан стиснул кулаки. Что же я, буду вести себя как они, суеверные и боязливые? Нет! Никогда. Я член арканума. Я мастер имен. Я из эдема руэ!

Я почувствовал, как в груди у меня поднимается безумный хохот.

— Встретимся через три дня в «Пенни и гроше»! — сказал я и шагнул на поляну.

Теперь притяжение Фелуриан ощущалось куда сильнее. Кожа ее сияла под луной. Длинные волосы окутывали ее, точно тень.

— Да пошло оно все! — буркнул у меня за спиной Дедан. — Если уж этот идет, тогда и я...

Послышалась короткая возня, что-то рухнуло наземь. Оглянувшись через плечо, я увидел, что Дедан валяется ничком в невысокой траве. Геспе упиралась коленом ему в поясницу, заломив руку за спину. Дедан слабо сопротивлялся и яростно бранился.

Темпи смотрел на них бесстрастно, словно судил борцовский поединок. Мартен бешено размахивал руками.

— Парень! — настойчиво шипел он. — Уходи оттуда! Парень, вернись!

Я снова обернулся к озеру. Фелуриан смотрела на меня. Даже отсюда, метров с тридцати, я видел ее глаза, темные, исполненные любопытства. Ее губы растянулись в широкой злобещей улыбке. Она расхохоталась. Смех был звонкий и радостный. Нечеловеческий смех.

А потом она бросилась бегом через поляну, проворная как воробей, грациозная как лань. Я устремился в погоню, и, несмотря на тяжелый мешок за плечами и меч на поясе, я мчался так стремительно, что мой плащ

развевался у меня за спиной точно знамя. Никогда прежде я так не бегал и никогда после тоже. Я бежал, как бегают дети, легко и быстро, ничуть не боясь упасть.

Фелуриан неслась впереди. Нырнула в кусты. Смутно припоминаю деревья — запах земли, серый монолит, освещенный луной... Ее смех. Она уворачивается, пляшет, манит вперед. Ждет, пока я подбегу так близко, что еще чуть-чуть — и дотянусь до нее, потом убегает прочь. Она сияет в лунном свете. Цепкие ветви, брызги, теплый ветер...

И я хватаю ее. Ее руки зарываются в мои волосы, привлекают меня поближе. Ее жадные губы. Ее язычок, застенчивый и проворный. Ее дыхание проникает ко мне в рот, ударяет в голову. Жаркие соски упираются мне в грудь. От нее пахнет клевером, мускусом, спелыми яблоками, попадавшими на землю...

Никаких колебаний. Никаких сомнений. Я точно знаю, что делать. Мои руки оплетают ее шею. Касаются ее лица. Зарываются в ее волосы. Скользят вдоль шелковистого бедра. Стискивают ее бока. Обвивают ее тонкую талию. Приподнимают ее. Укладывают на землю...

И она извивается подо мной, гибкая и томная. Медленно, со вздохами. Ее ноги охватывают меня. Спина выгибается. Жаркие пальцы вцепляются мне в плечи, в руки, хватаются за поясницу...

И она оказывается на мне верхом. Ее движения яростны и стремительны. Длинные волосы скользят по моей коже. Она запрокидывает голову, дрожит и трепещет, стонет и кричит на незнакомом языке. Острые ногти впиваются в гладкие мышцы у меня на груди...

И во всем этом музыка. В ее бессловесных столах, взлетающих и утихающих. В ее дыхании. В стуке моего сердца. Ее движения замедляются. Я стискиваю ее бедра в отчаянном контрапункте. Наш ритм как безмолвная песня. Как внезапный раскат грома. Как еле слышный рокот далекого барабана...

И вот все замирает. Я выгибаюсь всем телом. Я натянут как струна лютни. До дрожи. До боли. Меня перетянули, я вот-вот лопну...

ГЛАВА 96

САМО ПЛАМЯ

Я очнулся оттого, что нечто краем задело мое сознание. Я открыл глаза и увидел деревья, распростершие ветви на сумеречном небе. Я лежал на шелковых подушках, а в нескольких шагах от меня раскинулась во сне нагая Фелуриан.

Она выглядела гладкой и совершенной как статуя. Но она дышала во сне, и я укорил себя за это сравнение. Я знал, что в ней нет ничего общего с холодным камнем. Теплая, гибкая. Самый отполированный мрамор — наждак в сравнении с ней.

Моя рука потянулась было, чтобы коснуться ее, но я сдержался, не желая портить эту идеальную картину. Какая-то смутная мысль начинала тревожить меня, однако я отмахнулся от нее, как от назойливой мухи.

Губы Фелуриан раскрылись, она вздохнула, издав звук, похожий на воркование горлинки. Я вспомнил прикосновение этих губ. Мне мучительно захотелось еще, и я заставил себя отвернуться, чтобы не смотреть на эти уста, нежные, как лепесток.

Ее сомкнутые веки были разукрашены, подобно крыльям бабочки, лиловыми и черными завитками и бледно-золотистыми узорами, сливающимися с цветом ее кожи. Ее глаза слабо двигались во сне, и казалось, будто бабочка шевелит крылышками. Одно это зрелище, пожалуй, стоило той цены, которую платят все мужчины, чтобы его увидеть.

Я пожирал ее глазами, сознавая, что все слышанные мною песни и истории были ничто. Она была тем, о чем мечтает каждый мужчина. Где я ни побывал, сколько женщин ни повидал — лишь однажды я встретил ту, что могла сравниться с ней.

Что-то отчаянно зывало ко мне из глубины моего разума, но я был слишком заморожен движением ее глаз под веками и формой ее губ — она как будто готова была целовать меня даже во сне. И я раздраженно отмахнулся от назойливой мысли.

«Я должен был сойти с ума. Или умереть».

Эта мысль наконец-то прорвалась на поверхность сознания, и все волосы на моем теле внезапно встали дыбом. Это был миг полной, ослепительной ясности — я как будто всплыл на поверхность, хватая

воздух ртом, и поспешно зажмурился, стараясь погрузиться в «каменное сердце».

Ничего не вышло. Впервые в жизни это холодное молчаливое спокойствие мне не давалось. Стоявшая перед мысленным взором Фелуриан отвлекала меня. Сладостное дыхание. Податливая грудь. Нетерпеливые, отчаянные вздохи, вырывавшиеся из алчных, нежных, как лепестков, губ...

«Камень!» Я, не открывая глаз, закутался, точно в плащ, в спокойный рационализм «каменного сердца», прежде чем осмелился вновь подумать о ней.

Так. Что мне известно? Я вспомнил сотню историй о Фелуриан и принялся вычленять повторяющиеся мотивы. Фелуриан прекрасна. Она зачаровывает смертных мужчин. Они уходят в Фейе следом за ней и умирают в ее объятиях.

От чего они умирают? Догадаться нетрудно: от крайнего физического истощения. Сил я потратил действительно немало, и человек хилый или ведущий сидячий образ жизни мог бы такого и не выдержать. Теперь, когда я об этом задумался, я осознал, что чувствую себя как хорошо выжатая тряпка. Плечи болели, колени саднило, шея была разукрашена синяками любовных укусов от правого уха до самой груди, и...

Мое тело воспламенилось, и я поскорей удалился поглубже в «каменное сердце», пока пульс не замедлился и я не сумел выбросить — или хотя бы на время отложить — мысли о ней.

Я вспомнил четыре истории, в которых люди возвращались из Фейе живыми, но все они вернулись, будучи не в себе. В чем же выражалось их безумие? Навязчивые идеи, проблемы с осознанием действительности, иногда заканчивающиеся смертью от несчастного случая, наконец, угасание от тяжелой меланхолии. Трое из них умерли в течение оборота. В четвертой истории говорилось, что человек протянул почти полгода.

Однако что-то тут не сходилось. Несомненно, Фелуриан прелестна. Искусна в любви? Несомненно. Но до такой степени, чтобы прямо всякий мужчина умирал либо сходил с ума? Нет. Это просто невероятно.

Я не собираюсь преуменьшать значение опыта. Я ни на миг не сомневаюсь, что некогда это естественным образом сводило мужчин с ума. Однако я отчетливо сознавал, что сам я в здравом рассудке.

Некоторое время я размышлял о том, что, быть может, на самом деле сошел с ума, только не сознаю этого. Потом выдвинул гипотезу, что я всегда был безумен, признал, что эта версия вероятнее предыдущей, и выкинул обе мысли из головы.

Я лежал, по-прежнему не открывая глаз, и наслаждался тихой истомой, какой никогда прежде не испытывал. Посмаковав это непривычное состояние, я открыл глаза и приготовился к бегству.

Я окинул взглядом беседку, увешанную шелковыми занавесями и заваленную раскиданными подушками. Это были единственные украшения, которые признавала Фелуриан. Она лежала посреди всего этого: округлые бедра, стройные ноги, гибкие мускулы, переливающиеся под кожей.

Лежала и смотрела на меня.

Если она была прекрасна во сне, то после пробуждения сделалась вдвое прекраснее. Во сне она была как картина с изображением пламени. А сейчас это было само пламя.

Вам может показаться странным, что в тот момент я почувствовал страх. Может показаться странным, что, лежа на расстоянии протянутой руки от прекраснейшей женщины в мире, я внезапно остро ощутил, что я смертен.

Она улыбнулась, точно нож сквозь бархат, и потянулась, как кошка на солнышке.

Ее тело было создано, чтобы потягиваться. Изгиб спины и гладкий живот вытянулись и напряглись. Округлые полные груди приподнялись вслед за руками, и внезапно я почувствовал себя как олень во время гона. Мое тело откликнулось на нее, и по холодному бесстрастию «каменного сердца» словно шарахнули раскаленной кочергой. Я на миг утратил контроль над собой, и менее дисциплинированная часть моего рассудка тотчас принялась слагать песню о ней.

Я не мог распылять свое внимание, обуздывая непокорную часть себя. Поэтому я сосредоточился на том, чтобы оставаться в «каменном сердце», не обращая внимания ни на ее тело, ни на собственный разум, исподволь назойливо сочинявший рифмованные строки.

Это было не так-то просто. По правде говоря, по сравнению с этим обычные усилия симпатиста казались легче легкого. Если бы не навыки, полученные в Университете, я бы сделался жалким, сломленным существом, не способным думать ни о чем, кроме собственного пленения.

Фелуриан перестала потягиваться, постепенно расслабилась и взглянула на меня древними глазами. Я никогда не видел подобных глаз. Они были удивительного цвета...

Вечерний свет ее зениц...

...Такие, сумеречно-голубые.
Завораживающие глаза. Совсем...

И крылья бабочек-ресниц...

...Совсем без белка...

Ее уста алей зарниц...

(Стихи в переводе Вадима Ингвалла Барановского)

Я стиснул зубы, отсек от себя эту болтливую часть и запер ее в дальний угол собственного разума — пусть себе там щебечет.

Фелуриан склонила голову набок. Взгляд у нее был пристальный и лишенный выражения, как у птицы.

— Отчего ты так молчалив, мой пламенный? Или я угасила тебя?

Голос ее звучал странно. В нем вообще не было острых граней. Все сплошь гладкое, точно идеально отполированный кусок стекла. Но, несмотря на эту странную гладкость, от голоса Фелуриан по спине у меня пробежала дрожь. Я почувствовал себя котом, которого огладили до самого кончика хвоста.

Я ушел еще дальше в «каменное сердце», оно сомкнулось вокруг меня, прохладное и успокаивающее. Однако в то время как большая часть моего сознания была сосредоточена на самоконтроле, малая, безумная, поэтическая частица меня выбежала вперед и воскликнула:

— Ничуть не угасила! Я утолил свой жар в тебе, но все еще пылаю. Когда ты поводишь головой — это как песня. Как искра. Как дуновение, что наполняет меня и раздувает в пожар тот огонь, в чьем треске звучит твое имя!

Фелуриан просияла.

— О, поэт! И как я не поняла, что ты поэт, по тому, как двигалось твое тело!

Мягкий шелест ее голоса вновь застал меня врасплох. Нельзя сказать, что она говорила с придыханием, с хрипотцой, с жаром. Нет, ее голос был чужд столь примитивному и безвкусному соблазну. Однако, когда она говорила, я невольно представлял себе, как ее дыхание вырывается из груди, сквозь ее нежное горло, как шевелятся губы, зубы и язык, формируя звуки.

Она придвинулась ближе, привстав на коленях.

— Ты выглядел как поэт, прекрасный, пылкий и пламенный.

Голос ее был не громче вздоха. Она взяла мое лицо в ладони.

— Поэты нежнее. Они говорят приятные слова.

Я встречал лишь одного, чей голос был подобен голосу Фелуриан. Элодина. Редко, но случалось так, что его голос заполнял собой пространство, как будто сам мир слушал его.

Нельзя сказать, чтобы голос Фелуриан был звучен. Он не заполнял собой лесную прогалину. Ее голос был как затишье перед внезапной летней бурей. Мягкий как перышко. От этих звуков сердце у меня в груди прыгало как воробышек.

Благодаря этому голосу, когда она назвала меня поэтом, я не ощетинился и не заскрипел зубами. В ее устах это слово звучало как самый лучший комплимент, какой женщина может сделать мужчине. Такова была власть ее голоса.

Фелуриан провела пальцами по моим губам.

— Поэты целуются лучше всех, твои поцелуи — как пламя свечи.

Она коснулась рукой собственных губ, и глаза ее вспыхнули от воспоминаний.

Я взял ее руку и ласково сжал. Мои руки всегда выглядели изящными, но рядом с ее ручкой они казались грубыми и неуклюжими. Я сказал, дыша ей в ладонь:

— Твои поцелуи как солнечный луч у меня на губах.

Она опустила глаза, крылья бабочек запорхали передо мной. Я почувствовал, как моя безрассудная тяга к ней ослабевает, и начал понимать. То была магия, но не похожая ни на что из того, что я знал прежде. Не симпатия и не сигалдри. Фелуриан заставляла людей сходить с ума от желания так же, как я отдавал тепло своего тела. Это было частью ее природы, но она могла этим управлять.

Ее взгляд рассеянно блуждал по моей одежде и вещам, в беспорядке валяющимся на краю прогалины. Они выглядели на удивление неуместными среди всех этих шелков и мягких переливов цвета. Я увидел, что ее взгляд упал на мою лютню. Она замерла.

— О, мой пламенный — сладкий поэт! Он умеет петь?

Голос у нее дрожал, и я почувствовал, как напряглось ее тело в ожидании ответа. Она посмотрела на меня. Я улыбнулся.

Фелуриан бросилась туда и вернулась с моей лютней, точно ребенок с новой игрушкой. Взяв лютню в руки, я увидел, как глаза у нее расширились и... увлажнились?

Я посмотрел ей в глаза, и внезапно меня осенило: я осознал, что за жизнь она ведет. Ей уже тысяча лет, временами ей бывает одиноко. Если ей хочется общества, приходится соблазнять и заманивать кого-нибудь. И все ради чего? Чтобы побыть в компании всего один вечер? Или всего час? На сколько хватит обычного, среднего человека, прежде чем он сломается и сделается безвольным, как ластящийся пес? Ненадолго...

И кого она может встретить тут, в лесу? Крестьян да охотников? Какой ей интерес в них, поработанных страстью? На миг мне стало ее жаль. Я-то знаю, что такое одиночество.

Я достал лютню из футляра и принялся ее настраивать. Взял аккорд на пробу, подстроил еще. Что же мне сыграть для самой прекрасной женщины на свете?

На самом деле решить было нетрудно. Отец научил меня разбираться в слушателях. Я заиграл «Сестер Флин». Никогда не слышали? Это меня не удивляет. Это простенькая и веселая песенка про двух сестер, которые спорят о ценах на масло, попутно перемывая кости соседям.

Большинство людей предпочитает слушать истории о легендарных подвигах или романтическое что-нибудь. Но что можно спеть существу, которое само вошло в легенды? Что можно спеть женщине, которая на протяжении веков сама была предметом романтических воздыханий? Конечно, песни об обычных людях! По крайней мере, я так прикинул.

Когда я допел, она радостно захлопала в ладоши.

— Еще! Еще?

Она с надеждой улыбнулась и склонила головку набок, давая понять, что это была просьба. Глаза у нее сделались большие, алчащие и восторженные.

Я сыграл ей «Лярем и кувшин эля». Я сыграл ей «Кузнецовых дочек». Сыграл дурацкую песенку про попа, который гонялся за коровой, — я сочинил ее лет в десять и даже названия ей не дал.

Фелуриан хохотала и хлопала в ладоши. Испуганно зажимала рот, смущенно отводила взгляд. Чем больше я играл, тем больше она напоминала мне простоватую деревенскую молодку, которая впервые в жизни очутилась на ярмарке: полную неподдельной радости, сияющую невинным восторгом, с глазами, расширенными от изумления всему, что она видит вокруг.

И, конечно, совершенно очаровательную! Я изо всех сил сосредоточился на игре, чтобы не думать об этом.

После каждой песни она вознаграждала меня поцелуем, отчего мне было не так-то просто решить, что играть дальше. Не то чтобы я сильно

возражал. Я быстро понял, что эти поцелуи куда дороже монет.

Я сыграл ей «Лудильщика да дубильщика». И надо вам сказать, что вид Фелуриан, которая своим тихим, чарующим голосом подхватывала припев моей любимой застольной песни, — это нечто, что пребудет со мной вовеки, покуда я жив.

И все это время я чувствовал, что навеянные ею чары мало-помалу слабеют. Это давало мне простор для маневра. Я расслабился и позволил себе отчасти выйти из «каменного сердца». Бесстрастное спокойствие, возможно, полезное состояние ума, но выступлению оно мешает изрядно.

Я играл и пел несколько часов напролет и под конец вновь почувствовал себя самым собой. Я имею в виду, что я был способен смотреть на Фелуриан, не испытывая более бурных чувств, чем испытывал бы любой нормальный мужчина, глядя на самую прекрасную женщину в мире.

Я до сих пор помню, как она восседала обнаженной на подушках, и бабочки цвета сумерек порхали между нами. Конечно, я испытывал возбуждение — тут и покойник бы возбудился. Однако я снова был способен владеть своим разумом, и меня это радовало.

Когда я убрал лютню обратно в футляр, она разочарованно ахнула.

— Ты что, устал? — спросила она, чуть заметно улыбаясь. — Если бы я знала, я не стала бы утомлять тебя, мой сладкий поэт!

Я улыбнулся в ответ — своей лучшей смущенной улыбкой.

— Извини, но, кажется, уже поздно...

На самом деле небо все еще было того же лилового сумеречного оттенка, какой оно имело, когда я только что очнулся, но я все же стоял на своем.

— Мне пора идти, я должен встретиться с...

Мой разум онемел — так стремительно, словно мне отвесили мощную оплеуху. Я ощутил страсть, свирепую и неуголимую. Потребность овладеть ею, прижать ее тело к себе, вкусить дикую сладость ее уст...

Только благодаря арканическому обучению я сумел в тот момент сохранить себя. Но и то я удерживал себя буквально на кончиках пальцев.

Фелуриан восседала на подушках напротив меня, скрестив ноги, лицо ее было гневным и ужасным, глаза холодными и колючими, как далекие звезды. Размеренным, спокойным движением она смахнула с плеча бабочку, медленно взмахивающую крыльями. Этот простой жест был исполнен такой свинцовой ярости, что у меня скрутило живот, и я осознал простой факт.

От Фелуриан не уходят. Никто. Никогда. Она держит мужчин у себя,

пока их тело и разум не сломаются под гнетом любви. Она держит человека, пока он ей не надоест, а когда она отсылает его прочь, это сводит его с ума.

Я был бессилен. Я был новинкой. Я был игрушкой, любимой за то, что она новая. Возможно, пройдет немало времени, прежде чем она устанет от меня, но рано или поздно это случится. И, когда она наконец отпустит меня на волю, мой разум разлетится в клочья от тоски по ней.

ГЛАВА 97

КРОВЬ И ГОРЕЧЬ

Я сидел в шелках, теряя власть над собой, и чувствовал, как покрываюсь холодным потом. Я стиснул зубы и ощутил, как во мне разгорается слабый огонек гнева. В течение всей моей жизни мой разум был единственным, на что я всегда мог положиться, единственным, что всегда было моим и только моим.

Я чувствовал, как моя решимость тает по мере того, как мои естественные желания вытесняло что-то животное, неспособное думать дальше собственной похоти.

Та часть меня, что по-прежнему оставалась Квоутом, бесилась от злости, но я чувствовал, как мое тело откликается на ее присутствие. Точно в кошмарном сне, я чувствовал, как помимо своей воли ползу к ней через подушки. Моя рука нащупала ее стройную талию, и я наклонился и принялся страстно ее целовать.

Я мысленно взвыл. Я был побит и высечен, взят измором и ранен в спину. Однако мой разум остается моим, независимо от того, что стало с моим телом или миром вокруг. И я бросился на прутья незримой клетки, сплетенной из лунного света и желания.

И каким-то чудом я устоял и сумел оторваться от нее. Дыхание вырывалось у меня из груди, точно я спасался бегством.

Фелуриан откинулась на подушки, запрокинув голову мне навстречу. Ее губы были бледны и совершенны. Глаза полузакрытые и голодные.

Я заставил себя отвести взгляд от ее лица, однако передо мной не было ничего, на что можно было бы смотреть, не подвергая себя опасности. На ее шее, гладкой и нежной, часто-часто билась жилка. Одна грудь торчала вверх, полная и округлая, вторая отклонилась чуть в сторону, следуя изгибу тела. Грудь вздымалась и опадала в такт дыханию, слегка колыхалась, отбрасывая на кожу тени в свете свечей. За бледно-розовыми разомкнутыми губами блеснули безупречно-белые зубы...

Я закрыл глаза, но от этого почему-то сделалось только хуже. Ее тело дышало таким жаром — я как будто стоял вплотную к костру. Я ощущал под рукой ее мягкую кожу. Она шевельнулась подо мной, и ее грудь мягко коснулась моего тела. Я почувствовал шеей ее дыхание. Я содрогнулся и покрылся потом.

Я снова открыл глаза и увидел, что она на меня смотрит. Выражение ее лица было невинным, почти что обиженным, как будто она не могла понять причины отказа. Я лелеял свой маленький огонек гнева. Никто не смеет так обходиться со мной. Никто! Я отстранился. Между бровей у нее появилась небольшая морщинка — так, словно она была недовольна, или злилась, или сосредоточивалась.

Фелуриан протянула руку, чтобы коснуться моего лица, взгляд у нее был внимательный, словно она пыталась прочесть нечто, написанное в глубине моей души. Я попытался было отодвинуться, помня ее прикосновение, однако тело мое только содрогнулось. Капли пота дождем скатывались с моей кожи на шелковые подушки и гладкий живот подо мной.

Она мягко коснулась моей щеки. Я наклонился, чтобы поцеловать ее, — и что-то внутри меня лопнуло.

Как будто последние четыре года моей жизни унеслись прочь. Внезапно я вновь очутился на улицах Тарбеана. Трое мальчишек, крупнее меня, с сальными патлами и свиными глазками, выволокли меня из разбитого ящика, где я спал. Двое из них держали меня, придавив мои руки к земле. Я лежал в грязной луже, лужа была ужасно холодной. Было раннее утро, на небе еще горели звезды.

Один из них зажимал мне рот ладонью. Это не имело значения. Я уже много месяцев провел в городе. Я знал, что на помощь звать не стоит. В лучшем случае никто не придет. В худшем — кто-нибудь придет, и их станет еще больше.

Двое из них держали меня. Третий резал на мне одежду. Он порезал и меня тоже. Они рассказывали, что они сейчас станут со мной делать. Они противно дышали теплом мне в лицо и ржали.

Тогда, в Тарбеане, полуобнаженный и беспомощный, я почувствовал, как что-то поднялось внутри меня. Я откусил два пальца на руке, которая зажимала мне рот. Я услышал визг и брань — один из них отшатнулся. Я напрягся и забился, пытаюсь освободиться от того, который все еще держал меня. Я услышал, как треснула моя собственная рука, и его хватка ослабла. Я взвыл.

Я сбросил его с себя. Не прекращая завывать, я вскочил. Одежда висела на мне клочьями. Я сшиб одного из них наземь. Шаря по земле, я нащупал выбитый из мостовой булыжник и этим булыжником сломал ему ногу. До сих пор помню, как она хрустнула. Я дубасил, пока не перешиб ему обе руки, а потом проломил ему голову.

Подняв глаза, я увидел, что тот, который меня резал, исчез. Третий

привалился к стене, прижимая к груди окровавленную руку. Глаза у него были белые и безумные. Потом я услышал приближающиеся шаги, выронил камень и бросился бежать без оглядки...

И вот внезапно, много лет спустя, я вновь превратился в того озверевшего мальчонку. Я вздернул голову и мысленно зарычал. Нащупал что-то внутри себя — и ухватился за это нечто.

Внутри меня воцарилась напряженная тишина, молчание, которое наступает перед раскатом грома. Я ощутил, как воздух вокруг кристаллизуется.

Мне сделалось холодно. Я отстраненно собирал осколки себя и соединял их вместе. Я — Квоут, бродячий актер, эдема руэ по рождению. Я — Квоут, студент, ре'лар при Элодине. Я — Квоут, музыкант. Я — Квоут.

Я стоял над Фелуриан.

Я чувствовал себя так, словно всю жизнь провел в полусне и впервые проснулся по-настоящему. Все выглядело четким и резким, как будто мне дали новую пару глаз. Как будто мне и глаза были не нужны — словно я воспринимал мир напрямую, непосредственно разумом.

«Спящий разум! — слабо осознала какая-то часть меня. — Он больше не спит», — подумал я и улыбнулся.

Я взглянул на Фелуриан и в этот миг понял ее всю, с головы до пят. Она из фее. Ее не интересуют добро и зло. Она повинуетя лишь желаниям, во многом как ребенок. Ребенка не волнуют последствия. И летнюю грозу тоже. Фелуриан походила и на дитя, и на летнюю грозу, и все же не была ни тем, ни другим. Она была древней, невинной, могущественной и гордой.

Не так ли видит мир Элодин? Не об этой ли магии он говорил? Не тайны и не уловки, но магия Таборлина Великого. Она всегда была рядом, я лишь до сих пор не видел ее.

Это было прекрасно.

Я встретился взглядом с Фелуриан, и мир застыл, словно во сне. Я почувствовал себя так, словно меня затащило под воду и сдавило грудь, не давая сделать вдох. В этот краткий миг я был ошеломлен и беспомощен, как если бы меня ударило молнией.

А потом этот миг миновал, и мир вновь пришел в движение. Но теперь, глядя в сумеречные глаза Фелуриан, я знал ее гораздо глубже, а не просто с головы до пят. Я понимал ее до мозга костей. Ее глаза были как нотный стан, заполненный аккуратно выписанными нотами. Мой разум наполнился этой внезапно услышанной песней. Я взял дыхание и пропел четыре отчетливые ноты.

Фелуриан резко приподнялась. Она провела рукой перед глазами и произнесла слово, колющее, как битое стекло. В голове громовым раскатом взорвалась боль. В глазах начало темнеть. Я ощутил во рту вкус крови и горечи.

Потом мир вновь сделался отчетливым, я едва не упал, но успел взять себя в руки.

Фелуриан нахмурилась. Выпрямилась. Встала. С сосредоточенным лицом шагнула вперед.

Стоя, она оказалась не такой уж высокой и ужасной. Ее голова едва доставала мне до подбородка. Черные волосы ниспадали вниз копной тени, прямо как лезвие ножа, пока не касались ее выпуклых бедер. Она была хрупкой, бледной и совершенной. Никогда прежде не видел я столь милого лица и губ, созданных для того, чтобы их целовать. Она больше не хмурилась. И не улыбалась. Ее губы были мягкими и полураскрытыми.

Она сделала еще шаг. Всего лишь выдвинула ногу вперед, и все же это простое движение было подобно танцу, и ненарочитое колыхание ее бедер завораживало, как огонь. Один лишь свод ее босой стопы говорил о сладострастии больше, чем все, что я повидал за свою недолгую жизнь.

Еще шаг. Ее улыбка была широкой и яростной. Она была прекрасна, как луна. Ее могущество окутывало ее точно плащ. Воздух дрожал от него. Могущество простиралось за ней, точно широкие незримые крылья.

Теперь, когда она была так близко, что я мог бы коснуться ее, я ощущал, как гудит и трепещет в воздухе ее сила. Желание вздымалось вокруг меня, точно морские волны в бурю. Она воздела руку. Коснулась моей груди. Я содрогнулся.

Она встретилась со мной взглядом, и в сумраке ее глаз я вновь увидел четыре отчетливо выписанные строки песни.

Я пропел их вслух. Они вырвались из меня, точно вспугнутые птицы в небо.

И внезапно мой разум вновь очистился. Я перевел дух, не отпуская ее взгляда. Я снова запел, и на этот раз я был полон ярости. Я в голос выкрикнул четыре резкие ноты. Они были упруги, светлы и тверды, как железо. И, когда они прозвучали, я почувствовал, как ее сила дрогнула — и разлетелась вдребезги, не оставив в опустевшем воздухе ничего, кроме боли и гнева.

Фелуриан вскрикнула и села, так внезапно, будто у нее подкосились ноги. Она обняла колени и свернулась в комочек, глядя на меня огромными испуганными глазами.

Я огляделся и увидел ветер. Но не так, как мы видим дым или туман. Я

увидел сам ветер, вечно переменчивый. Он выглядел знакомым, как лицо забытого друга. Я расхохотался и раскинул руки, дивясь его изменчивой форме.

Потом я сложил руки горсточкой идохнул в образовавшееся пространство. Я произнес имя. Я взмахнул руками и сделал свое дыхание тоненьким, как паутинка. Дыхание взметнулось, окутало ее и вспыхнуло серебряным пламенем, которое плотно обьяло ее своим переменчивым именем.

Я держал ее над землей. Она смотрела на меня со страхом и недоверием, ее черные волосы плясали, как второе пламя внутри первого.

Тогда я понял, что могу ее убить. Это было бы так же легко, как бросить на ветер листок бумаги. Но мне сделалось дурно от одной мысли — это было все равно что оборвать крылышки бабочке. Убить ее означало уничтожить нечто чуждое и чудесное. Без Фелуриан мир стал бы беднее. Он бы меньше мне нравился. Это было все равно что разбить лютню Иллиена. Не только оборвать жизнь, но еще и сжечь библиотеку.

С другой стороны, на карту были поставлены моя жизнь и мой разум. Я полагал, что без Квоута мир тоже делается менее интересным.

Но убить ее я не мог. Не таким образом. Я не мог использовать свою новообретенную магию в качестве ножа вивисектора.

Я заговорил снова, и ветер опустил ее на подушки. Я сделал разрывающее движение, и серебряное пламя, некогда бывшее моим дыханием, сделалось тремя нотами оборванной песни и умчалось играть меж деревьев.

Я сел. Она откинулась на подушки. Несколько долгих минут мы смотрели друг на друга. Ее глаза вспыхивали то страхом, то опасением, то любопытством. Я видел в ее глазах отражение себя обнаженного среди подушек. Моя сила покоилась белой звездой у меня на челе.

А потом я почувствовал, что все угасает. Забывается. Я осознал, что имя ветра более не пребывает у меня на устах, и, оглядевшись, не увидел ничего, кроме пустого воздуха. Я пытался сохранять внешнее спокойствие, но, когда все это покинуло меня, я почувствовал себя лютней с перерезанными струнами. Сердце сжалось от такого ощущения потери, какого я не испытывал с тех пор, как погибли мои родители.

А в воздухе вокруг Фелуриан возникло слабое мерцание — обрывки ее силы возвращались к ней. Однако я не обратил на это внимания: я изо всех сил боролся, пытаясь удержать хотя бы часть того, что только что узнал. Но это было все равно что удерживать песок, убегающий сквозь пальцы. Если вы когда-нибудь видели во сне, что летаете, а потом, проснувшись, с

разочарованием понимали, что забыли, как это делается, тогда вы отчасти способны понять, что испытывал я.

Оно угасало постепенно, и вот, наконец, не осталось ничего. Я ощущал пустоту внутри, и мне было так больно, будто я только что узнал, что мои родные никогда меня не любили. Я сглотнул ком, вставший в горле.

Фелуриан смотрела на меня с любопытством. Я по-прежнему видел в ее глазах свое отражение. От звезды у меня на челе осталась лишь крошечная светящаяся точка. А потом начало угасать даже великолепное видение спящего разума. Я отчаянно озирался по сторонам и, не мигая, изо всех сил пытался запомнить все таким, как сейчас.

А потом все пропало. Я опустил голову, отчасти от горя, отчасти затем, чтобы спрятать слезы.

ГЛАВА 98

ПЕСНЬ О ФЕЛУРИАН

Прошло немало времени, прежде чем я взял себя в руки достаточно, чтобы поднять голову. В воздухе витала некая неуверенность, словно оба мы были юными любовниками, которые не знают, что положено делать дальше и какие роли им предстоит сыграть.

Я взял свою лютню и прижал ее к груди. Это было инстинктивное движение, все равно что схватиться за пораненную руку. По привычке взял какой-то аккорд, потом сделал его минорным — лютня как бы говорила: «Мне грустно!»

И, не думая и не поднимая глаз, я заиграл одну из песен, что сочинил в первые месяцы после смерти родителей. Она называлась «Сиж у воды, предаваясь воспоминаниям». Из-под моих пальцев в вечерний воздух стекала печаль. Прошло несколько минут, прежде чем я понял, что делаю, и еще несколько, прежде чем я перестал играть. Я умолк, не окончив песни. По правде говоря, я не знаю, есть ли у нее конец.

Мне сделалось лучше — нет, не хорошо, ни в коем случае, но лучше. Не так пусто. Музыка мне всегда помогала. Пока музыка была со мной, никакая ноша не казалась мне слишком тяжелой.

Я поднял голову и увидел на щеках Фелуриан слезы. Это заставило меня меньше стыдиться собственных слез.

К тому же я почувствовал, что хочу ее. Ноющая боль в груди приглушила это чувство, однако слабое дуновение желания напомнило мне о самой насущной моей заботе. Надо выжить. Надо бежать.

Фелуриан, казалось, приняла решение и поползла ко мне через подушки. Осторожно подползла поближе и остановилась в паре шагов, глядя на меня.

— А есть ли у моего нежного поэта имя?

Ее голос был так ласков, что я вздрогнул.

Я открыл было рот, чтобы ответить, потом остановился. Я подумал о луне, попавшейся на собственном имени, и о тысяче волшебных сказок, которые слышал ребенком. Если верить Элодину, имена — кости этого мира. Я колебался примерно полсекунды, потом решил: какого черта, я дал Фелуриан уже много больше, чем свое имя!

— Я — Квоут.

Звук моего имени как будто опустил меня на землю, снова сделал самим собой.

— Квоут...

Она повторила это так нежно, словно птичка пропела.

— Ты споешь мне еще своих сладких песен?

Она медленно потянулась, словно боясь обжечься, и осторожно опустила ладонь на мою руку.

— Ну, пожалуйста! Твои песни словно ласка, мой Квоут.

В ее устах мое имя звучало как зачин песни. Это было очаровательно! Однако мне стало не по себе от того, что она называет меня «своим Квоутом».

Я улыбнулся и кивнул. В основном потому, что ничего лучшего мне в голову не пришло. Я взял пару аккордов для настройки, потом задумался.

И заиграл «В лесных владеньях фее» — песню, в которой, помимо всего прочего, говорится и о самой Фелуриан. Так себе песня, на три аккорда и два десятка слов. Однако она произвела тот эффект, которого я добивался.

Услышав свое имя, Фелуриан просияла. В ней не было ни капли ложной скромности. Она знала, что она — прекраснейшая и искуснейшая. Она знала, что о ней слагают предания, знала свою репутацию. Никто из мужчин не в силах ей противостоять, не в силах пережить встречу с ней. К концу песни она уже гордо распрямилась.

Я закончил песню.

— Еще хочешь? — спросил я.

Она кивнула и радостно улыбнулась. Она восседала на подушках с прямой спиной — царственная, как королева.

Я завел вторую песню, такую же, как и первая. Она называлась «Владычица фее» или вроде того. Не знаю, кто ее сочинил, но автор имел отвратительную привычку вставлять в стих лишние слоги там, где ему их не хватало. Песня была не настолько плоха, чтобы в меня чем-нибудь швырнули в кабаке, но близко к тому.

Играя, я пристально наблюдал за Фелуриан. Она была польщена, однако я видел, что она мало-помалу начинает испытывать легкое недовольство. Как будто что-то ее раздражает, но она не может понять, что именно. Отлично!

Под конец я сыграл песню, написанную для царицы Серюль. Ручаюсь, что вы ее никогда не слышали, но наверняка вам доводилось слышать нечто подобное. Ее написал какой-нибудь менестрель-лизоблюд, надеявшийся добиться покровительства, и отец научил меня ей в качестве примера —

как не надо писать песни. Это был выдающийся образчик посредственности. Сразу было понятно, что автор либо безнадежно бездарен, либо никогда не встречал Серюль, либо просто не видел в ней ничего привлекательного.

Исполняя эту песню, я попросту заменил имя «Серюль» на «Фелуриан». И некоторые строчки попримечнее — на менее поэтические. Короче, песня вышла на редкость отвратительная, и к тому времени, как я ее допел, на лице у Фелуриан отражалось горькое разочарование.

Я долго сидел молча, словно бы в глубокой задумчивости. И когда я наконец заговорил, голос мой звучал приглушенно и неуверенно.

— Госпожа, можно, я напишу песню о тебе?

И я робко улыбнулся ей.

Ее улыбка была точно луна среди облаков. Она захлопала в ладоши и бросилась на меня игривым котенком, осыпая меня поцелуями. Только страх, что она сломает мне лютню, помешал мне как следует насладиться этим.

Фелуриан отстранилась и замерла. Я испробовал пару разных сочетаний аккордов, потом положил руки на гриф и посмотрел на нее.

— Я назову ее «Песнь о Фелуриан».

Она слегка зарделась и взглянула на меня из-под опущенных век, застенчиво и дерзко одновременно.

Оставляя в стороне бесстыдную похвальбу, я и в самом деле могу написать хорошую песню, когда захочу, а в последнее время, на службе у маэра, я изрядно отточил свое мастерство. Нет, я не лучший, но один из лучших. Дайте мне достаточно времени, достойную тему и серьезную мотивацию — и, смею утверждать, я могу написать песню ненамного хуже Иллиена. Хуже, но ненамного.

Я прикрыл глаза и принялся наигрывать нежную мелодию. Мои пальцы порхали над лютней. Я вплетал в песню музыку ветра в ветвях и шорох листвы.

Потом я заглянул в дальний уголок своего разума, туда, где безумная часть меня все это время слагала песнь о Фелуриан. Я заиграл тише и запел:

О взгляд полуночных зениц
И крылья бабочек-ресниц!
Под песню ветра меж ветвей
Каскад волос летел за ней,
О, госпожа! Фелуриан!

Красавица лесных полян!
Твое дыханье — ветерок,
Твоя коса — теней поток

(Стихи в переводе Вадима Ингвалла Барановского)

Когда я запел, Фелуриан застыла. К концу припева я даже не понимал, дышит она или нет. Несколько бабочек, которые разлетелись прежде, во время нашего поединка, снова запорхали вокруг. Одна из них села на руку Фелуриан, взмахнула крылышками раз, два, словно спрашивая, отчего это ее хозяйка вдруг стала так неподвижна. Я снова опустил взгляд на лютню, подбирая ноты, похожие на капли дождя, скользящие по листьям.

Средь пляшущих теней пустившись в пляс,
Она хозяйкой стала рук и глаз,
И помыслов моих в единый миг,
Сильнее чар, что ведомы из книг.
Фелуриан! О, госпожа,
Тобой не встреченных мне жаль,
В твоих лобзаниях — нектар,
О, счастье — обрести сей дар!

Я следил за ней краем глаза. Она сидела так, будто слушала меня всем телом. Глаза у нее были широко раскрыты. Она вскинула руку к губам, испугнув сидевшую на ней бабочку, а другую прижала к груди, которая медленно вздымалась и опускалась. Все было как я хотел, и все же я жалел об этом.

Я склонился над лютней, мои пальцы плясали по струнам. Я сплетал аккорды, точно ручей, бегущий по камням, как еле слышное дыхание возле уха. Потом я собрался с духом и запел:

А глубина ее очей —
Как синь безоблачных ночей...
В искусстве...

Я на миг запнулся, перестав играть, словно сомневался в чем-то.

Увидев, что Фелуриан наполовину пробудилась от своих грез, я продолжал:

В искусстве сладостных утех
Она усердна, и для тех,
Кого в объятья приняла,
Она приятна и мила.
Фелуриан! О, госпожа...

— Что-о?

Я ожидал, что она меня перебьет, однако в голосе ее было столько льда, что я невольно сбился, а несколько бабочек вспорхнули и закружились в воздухе. Я перевел дух, сделал самое невинное лицо, какое мог, и поднял глаза.

На ее лице отражалась целая буря гнева, она словно не верила своим ушам.

— Приятна и мила?!

Услышав ее тон, я побледнел. Ее голос по-прежнему был мягок и нежен, как далекая свирель. Но это ничего не значило. Отдаленный гром не терзает слуха, однако сердце у тебя содрогается. Вот и этот тихий голос действовал на меня как отдаленный гром.

— Приятна и мила?!!

— Но ведь правда же мне было очень приятно! — ответил я, надеясь ее умиротворить. Мой непонимающий вид был напускным лишь отчасти.

Она открыла рот, словно хотела что-то сказать, потом закрыла его. Глаза ее полыхали лютой яростью.

— Прости, — сказал я. — Я был глуп, не стоило мне и пытаться...

Выбранный мною тон был чем-то средним между голосом сломленного человека и наказанного ребенка. Я уронил руки, лежавшие на струнах.

Пламя ее гнева слегка улеглось, однако, когда она снова заговорила, голос ее звучал напряженно и грозно.

— Мое искусство всего лишь «приятно»?

Казалось, будто она с трудом заставила себя произнести последнее слово. Ее губы от возмущения стянулись в тонкую ниточку.

Я взорвался. Мой голос был как раскаты грома:

— А откуда мне знать, черт побери?! Можно подумать, я занимался этим прежде!

Она отшатнулась, изумленная таким напором, и ярости у нее

поубавилось.

— Что ты имеешь в виду? — смущенно спросила она.

— Это самое! — я неуклюже указал на себя, на нее, на подушки, на беседку, где мы сидели, как будто это все объясняло.

Ее гнев окончательно развеялся: я видел, что до нее начинает доходить.

— Так ты...

— Да, — я потупился, щеки у меня вспыхнули. — Я никогда еще не был с женщиной.

Потом я вскинул голову и уставился ей в глаза, как бы говоря: и только попробуй что-нибудь сказать по этому поводу!

Фелуриан немного посидела неподвижно, потом на губах у нее появилась лукавая улыбка.

— Ты рассказываешь мне сказки, мой Квоут.

Я почувствовал, что лицо у меня помрачнело. Нет, я не против, когда меня называют лжецом. Я и есть лжец. Я великолепно умею лгать. Но я терпеть не могу, когда меня называют лжецом, если я говорю чистую правду.

Чем бы ни было вызвано выражение моего лица, похоже, оно ее убедило.

— Но ты был как ласковая летняя гроза! — она стремительно взмахнула рукой. — Как танцор, только вышедший в круг!

Ее глаза озорно сверкнули.

Я это запомнил на будущее, для поднятия самооценки. И ответил слегка уязвленно:

— Ну, я ведь не совсем уж простофиля! Я читал про это в книгах...

Фелуриан захихикала, как ручеек.

— Ты учился этому по книжкам!

Она смотрела так, словно не могла решить, стоит ли принимать меня всерьез. Рассмеялась, умолкла, снова рассмеялась. Я не знал, обижаться или не стоит.

— Ну, ты тоже замечательная! — торопливо сказал я, понимая, что говорю как недавно пришедший гость, делающий хозяйке комплимент по поводу салата. — На самом деле я читал, что...

— Книжки? Книжки! Ты сравниваешь меня с книжками?!

Ее гнев обрушился на меня. Потом, не сделав паузы даже затем, чтобы перевести дух, Фелуриан снова расхохоталась, звонко и радостно. Ее смех звучал дико, точно тьяканье лисы, чисто и отчетливо, как птичья трель поутру. Нечеловеческий смех.

Я снова сделал невинное лицо.

— А разве так не всегда бывает?

Я заставлял себя оставаться внешне спокойным, хотя внутренне готовился к очередной вспышке гнева.

Она только выпрямилась.

— Я — Фелуриан!

Она не просто назвала себя. Она торжественно объявила это. Как будто подняла гордое знамя, реющее на ветру.

Я на миг поймал ее взгляд, потом вздохнул и опустил глаза к лютне.

— Прости меня за эту песню. Я не думал тебя оскорбить.

— Она была прекраснее заката! — возразила она так, будто вот-вот разрыдается. — Но... «приятна и мила»?!

Похоже, это уязвило ее до глубины души.

Я уложил лютню обратно в футляр.

— Прости. Исправить я ее не смогу, пока мне не с кем сравнивать...

Я вздохнул.

— Жалко, хорошая была песня. Люди бы ее пели тысячу лет и даже больше.

В моем голосе звучало неподдельное сожаление.

Фелуриан просияла, словно обрадовавшись этой идее, но потом ее глаза прищурились. Она взглянула на меня так, словно пыталась прочесть что-то, написанное на внутренней стороне моего черепа.

Она поняла. Она поняла, что я пытаюсь использовать неоконченную песню как выкуп. Невысказанная мысль была очевидна: если я не уйду отсюда, я не смогу закончить песню. Если ты меня не отпустишь, этих прекрасных слов, которые я сложил о тебе, никто никогда не услышит. Если мне не удастся вкусить плодов, которые могут предложить смертные женщины, я никогда не узнаю, как ты искусна на самом деле.

Мы с Фелуриан сидели среди подушек под вечно сумеречным небом и смотрели друг на друга. Она держала бабочку, моя рука покоилась на гладком боку лютни. Двое вооруженных до зубов рыцарей, встретившихся взглядом посреди кровавого поля брани, и то не могли бы смотреть друг на друга так пристально.

Фелуриан медленно произнесла, проверяя мою реакцию:

— А если ты уйдешь, ты закончишь ее?

Я попытался сделать удивленное лицо, но мне ее было не одурачить. Я кивнул.

— А ты вернешься ко мне, чтобы ее спеть?

Вот тут я удивился по-настоящему. Я не рассчитывал, что она об этом

попросит. Я понимал, что во второй раз мне от нее не уйти. Я заколебался, но лишь на краткий миг. Полбуханки лучше, чем ничего. Я кивнул.

— Обещаешь?

Я снова кивнул.

— С поцелуем обещаешь?

Она закрыла глаза и запрокинула голову, словно цветок, купающийся в солнечных лучах.

Жизнь слишком коротка, чтобы отказываться от подобных предложений. Я подвинулся к ней, привлек к себе ее нагое тело и принялся целовать ее так старательно, как только позволял мой скудный опыт. Похоже, ее это устраивало.

Когда я отстранился, она посмотрела на меня снизу вверх и вздохнула.

— Твои поцелуи — как снежинки у меня на губах.

Она опустилась на подушки, положив голову на руку. Ее свободная рука гладила меня по щеке.

Сказать, что она была очаровательна, значило бы ничего не сказать, так что я этого говорить не стану. Я осознал, что последние несколько минут она больше не пытается внушить мне желание — по крайней мере, своими сверхъестественными способами.

Она легонько коснулась губами моей ладони и отпустила мою руку. И осталась лежать неподвижно, внимательно глядя на меня.

Я был польщен. Я и по сей день знаю лишь один ответ на столь вежливо заданный вопрос. Я наклонился ее поцеловать. И она, смеясь, заключила меня в объятия.

ГЛАВА 99

МАГИЯ ДРУГОГО ВИДА

На тот момент своей жизни я заслужил себе определенную скромную репутацию.

Хотя нет, это не совсем правда. Вернее будет сказать, что я создал себе репутацию. Я сделал это целенаправленно. Я ее долго и заботливо выращивал.

Три четверти историй, которые ходили обо мне в Университете, были дурацкими слухами, которые я сам же и распускал. Я говорю на восьми языках. Я умею видеть в темноте. Когда мне было три дня от роду, мать подвесила меня в корзинке на рябине при свете полной луны. В ту ночь некая фея наложила на меня могущественное заклятье, которое хранит меня от всех бед. И оттого-то мои глаза из голубых сделались зелеными, как молодая листва.

Понимаете, я же знал, как рождаются легенды. Никто не верил, будто я и впрямь купил у демона в обмен на горсть своей собственной свежей крови алар прочнее рамстонской стали. Но ведь я и в самом деле был лучшим дуэлистом на занятиях у Элксы Дала. В удачный день я мог одолеть любых двоих соперников зараз.

И эта нить правды вплеталась в легенду, придавая ей прочность. Так что, даже если сам ты в это и не верил, ты всегда мог рассказать об этом подвыпившему наивному первогодку, просто чтобы посмотреть на его физиономию, так, для смеху. А если ты при этом сам залил за воротник пару-тройку стаканов, ты мог и призадуматься...

Так и расходились истории. И так разрасталась моя невеликая репутация — по крайней мере, в Университете.

А ведь были еще и правдивые истории. Часть моей репутации была честно заслужена. Я действительно вынес Фелу из огненного ада. Меня действительно высекли на глазах у толпы, и я не пролил ни капли крови. Я в самом деле призвал ветер и сломал руку Амброзу...

И все же я понимал, что моя репутация — это плащ, сотканный из паутины. Ерунда, детские сказки. Никаких демонов, берущих плату кровью, не существует. Не существует добрых фей, налагающих на младенцев благодетельные заклятия. И, что бы я из себя ни строил, я все равно знал, что я — не Таборлин Великий.

Вот о чем я подумал, пробудившись в объятиях Фелуриан. Некоторое время я тихо лежал на подушках, ее голова легко покоилась у меня на груди, нога была небрежно переброшена поперек моих ног. Глядя сквозь кроны деревьев на вечернее небо, я осознал, что не узнаю этих звезд. Они были ярче, чем звезды на небосводе у смертных, и созвездия тут были незнакомые.

И только тогда я осознал, что моя жизнь шагнула в новом направлении. До сих пор я лишь играл молодого Таборлина. Оплетал себя ложью, строил из себя героя из сказки.

Но теперь мне больше не было нужды притворяться. Я на самом деле совершил то, о чем рассказывают в легендах, нечто столь же странное и дивное, как любая история о самом Таборлине. Я проник в Фейе следом за Фелуриан, одолел ее волшебством, которого сам не мог объяснить, не говоря уже о том, чтобы им управлять.

Я чувствовал себя другим. Более солидным, что ли. Нет, не повзрослевшим. И не более мудрым. Но я теперь знал многое, чего не ведал прежде. Я знал, что Фейе существует на самом деле. Я знал, что магия фейе реальна. Что Фелуриан способна сломить дух мужчины поцелуем. Ее голос мог управлять мной, точно марионеткой за веревочки. Сколько всего я мог здесь узнать! Сколько странного, дарующего могущество. Тайного. Быть может, у меня не будет другого шанса это узнать...

Я бережно высвободился из объятий Фелуриан и спустился к соседнему озерцу. Поплескал водой себе в лицо, зачерпнул несколько горстей, чтобы напиться.

Я пошарил в траве, растущей у воды. Сорвал несколько листочков и принялся их жевать, обдумывая, как лучше заговорить об этом с Фелуриан. Мята освежила мое дыхание.

Когда я вернулся к беседке, Фелуриан стояла, расчесывая бледными пальцами длинные черные волосы.

Я вручил ей фиалку, темную, как ее глаза. Она улыбнулась мне и фиалку съела.

Я решил подойти к делу исподволь, чтобы она не обиделась.

— Я хотел спросить, — осторожно начал я, — не согласишься ли ты учить меня?

Она ласково коснулась моей щеки.

— Милый мой дурачок, — нежно произнесла она, — я ведь уже тебя учу!

Сердце у меня радостно подпрыгнуло — я и не рассчитывал, что все окажется так просто.

— И что же, готов ли я к следующему уроку? — спросил я.

Она улыбнулась еще шире и смерила меня взглядом, загадочно прижмурив глаза.

— А ты готов?

Я кивнул.

— Хорошо, что тебе так не терпится, — сказала Фелуриан. В ее свирельном голосе слышалась усмешка. — Ты умен и одарен от природы, но тебе многому надо научиться.

Она заглянула мне в глаза, ее точеное личико было очень серьезным.

— Я хочу, чтобы мне не пришлось стыдиться тебя, когда ты вернешься бродить среди смертных.

Фелуриан взяла меня за руку и увлекла в беседку.

— Сядь, — указала она.

Я сел на подушку. Моя голова оказалась на уровне ее гладкого живота. Ее пупок меня ужасно отвлекал.

Она глядела на меня сверху вниз, гордая и царственная, точно королева.

— Амоуен, — сказала она, небрежно взмахнув рукой, — это у нас зовется «пойманный олень». Нетрудный урок для начала, думаю, тебе понравится.

Фелуриан улыбнулась мне, глаза у нее были древние и всеведущие. И еще до того, как она опрокинула меня на подушки и принялась покусывать шею, я понял, что она не собирается учить меня магии. А если и собирается, то магии другого вида.

И, хотя я надеялся научиться совсем не этому, по правде говоря, я был не особенно разочарован. Обучение искусству любви у самой Фелуриан было куда занимательнее любого университетского курса.

Я говорю не о той буйной потной возне, которую большинство мужчин — и, увы, большинство женщин тоже — принимают за секс. Без пота и буйства тоже не обойдется, ко взаимному удовольствию, однако Фелуриан посвятила меня в иные, более изысканные глубины. Она говорила, что, если уж мне предстоит вернуться в мир, я не должен опозорить ее, представ перед всеми неопытным любовником, а потому она взяла на себя труд многому меня научить.

Вот лишь часть того, чему она меня учила, — ее собственными словами: скованное запястье. Вдох в сторону уха. Пожирание шеи. Рисование губ. Поцелуи — в горло, в пупок и, как называла это сама Фелуриан, в женский цветок. Поцелуй с дуновением. Поцелуй как перышко. Взирающий поцелуй. Много-много разных видов поцелуев.

Так много, что всех и не упомнишь. Ну, не без труда.

Потом еще «набрать воды из колодца». «Порхающая рука». «Птичья трель на заре». «Обогнуть луну». «Играющий плющ». «Загнанный заяц». Там одних названий хватило бы на целую книгу. Но, думаю, в моем рассказе не место таким вещам. Тем хуже для этого мира.

* * *

Я не собираюсь создавать у вас впечатление, будто все эти часы напролет мы только и делали, что резвились. Я был молод, а Фелуриан — бессмертна, однако же у всякого тела есть свой предел. Остальное время мы забавлялись по-другому. Купались, ели. Я играл для Фелуриан песни, она танцевала для меня.

Я обиняками расспрашивал Фелуриан о магии, не желая оскорбить ее тем, что выведываю ее тайны. Увы, от ее ответов проку было немного. Ее магия для нее была естественна, как дыхание. С тем же успехом можно было расспрашивать крестьянина, как он заставляет семена прорасти. В тех случаях, когда ее ответы не были безнадежно небрежны, они были неразрешимо загадочны.

И все же я не переставал расспрашивать, и она отвечала мне, как могла. И время от времени я чувствовал слабый проблеск понимания.

Однако большую часть времени мы рассказывали друг другу истории. Между нами было так мало общего, что нам нечем было поделиться друг с другом, кроме историй.

Вы можете подумать, будто мы с Фелуриан никак не могли быть на равных в этом деле. Она ведь древнее неба, а мне еще не исполнилось семнадцати.

Однако Фелуриан вовсе не была таким кладезем преданий, как можно было бы предположить. Могущественная и хитрая? Конечно. Энергичная и очаровательная? Еще бы. Но вот рассказчица она была так себе.

Я же был эдема руэ, а мы знаем все истории на свете!

Так что я рассказал ей «Призрака и гусятницу». Рассказал «Тэма и лопату лудильщика». Я рассказывал ей истории о дровосеках и дочерях вдовы и о находчивых сиротах.

А Фелуриан рассказывала мне за это истории о людях: «Рука и сердце жемчужины», «Про мальчика, который бродил посередине». У феи имеются свои легендарные персонажи: Мавин Человекоподобный, Алавин Вселикий. Как ни странно, Фелуриан никогда не слышала ни о Таборине

Великом, ни об Орене Велсайтере, но Иллиена она знала. Я гордился тем, что один из эдема руэ попал в истории, которые рассказывают друг другу феие.

Я не упустил из виду тот факт, что сама Фелуриан может быть источником информации об амир и чандрианах, которую я ищу. Насколько приятнее было бы узнать правду от нее, чем бесконечно рыться в древних книгах в пыльных библиотеках!

К несчастью, Фелуриан не смогла сообщить мне ничего из того, на что я надеялся. Она знала истории об амир, но истории эти были тысячелетней давности.

А когда я принялся расспрашивать об амир в более недавние времена, про церковных рыцарей, про киридов с кровавыми татуировками, она лишь рассмеялась.

— Люди никогда не были амир, — сказала она, с ходу отменяя эту идею. — Те, о ком ты говоришь, похожи на детей, вырядившихся в родительские одежды.

Хотя я мог ожидать подобной реакции от кого угодно, услышав это от Фелуриан, я был особенно обескуражен. И все же я был рад услышать, что я оказался прав и амир существовали задолго до того, как сделались рыцарями тейлинской церкви.

Поскольку с амир у меня ничего не вышло, я попытался перевести разговор на чандриан.

— Нет, — сказала она, глядя мне в глаза и вытянувшись в струнку, — о семерых я говорить не стану.

Ее нежный голос сейчас не был ни капризным, ни игривым. Ответ не оставлял места для обсуждения или новых расспросов.

Впервые за все время после нашего первоначального противостояния я ощутил струйку ледяного страха. Она была так хрупка и мила, так легко было забыть, что она такое на самом деле.

И все же я не мог так просто оставить эту тему. Ведь это и в самом деле был шанс, какой представляется раз в жизни. Если мне удастся убедить Фелуриан рассказать мне хотя бы часть того, что ей известно, я могу узнать то, чего не знает никто на свете!

Я улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой и набрал воздуха, собираясь заговорить, но не успел я вымолвить ни слова, как Фелуриан подалась ко мне и поцеловала прямо в губы. Губы у нее были теплые и бархатистые. Ее язычок коснулся моего языка, она игриво прикусила мою нижнюю губу.

Когда она отпустила меня, я остался запыхавшимся, с колотящимся

сердцем. Она смотрела на меня, ее темные глаза были полны нежности и ласки. Она провела ладонью по моему лицу, коснувшись моей щеки мягко, точно цветок.

— Милый мой, любимый, — сказала она, — если ты еще раз спросишь о семерых в этом месте, я прогоню тебя прочь. Неважно, как ты об этом спросишь, твердо или нежно, напрямую или исподволь. Если ты спросишь, я прогоню тебя прочь бичом из змей и колючей ежевики. Я буду гнать тебя, рыдающего и окровавленного, и не остановлюсь, пока ты не умрешь или не покинешь Фейе.

Говоря это, она не сводила с меня глаз. И, хотя я ни разу не потупился и не заметил перемены, теперь ее взгляд уже не был ласков и полон обожания. Ее глаза потемнели, как грозовые тучи, сделались жесткими, точно лед.

— Я не шучу, — продолжала она. — Клянусь в этом своим цветком и луной, вечно изменчивой. Клянусь в этом солью, и камнем, и небом. Клянусь в этом пением и смехом, клянусь звуком моего собственного имени.

Она поцеловала меня снова, нежно прижавшись губами к моим губам.

— Я поступлю, как сказала.

На том дело и кончилось. Я, может, и дурак, но все же не настолько.

* * *

Зато Фелуриан более чем охотно рассказывала о самом королевстве Фейе. Многие из ее историй затрагивали тонкую политику фейенских дворов: Тайн Маэль, Даэндан, Двора Дрока. Мне было нелегко следить за ходом повествования: я ведь ничего не знал о фракциях, которые были замешаны в событиях, не говоря уже о тонкой сети союзов, фальшивых заверений в дружбе, всем известных тайн и старых обид, связывавших воедино общество фейе.

Дело еще усложнялось тем, что Фелуриан считала само собой разумеющимся, что некоторые вещи мне известны. Ну, к примеру, если я возьмусь вам что-нибудь рассказывать, я же не стану вам объяснять, что ростовщиками бывают, как правило, сильдийцы или что модеганская династия — самый древний королевский род. Кто же этого не знает?

Вот и Фелуриан, рассказывая мне свои истории, опускала подобные детали. Например, кто же не знает, что Двор Дрока вмешался в берентальту между Маэль и домом Файн?

А почему это так важно? Ну как же, ведь это означает, что теперь те, что на дневной стороне, презирают членов Дрока. Что такое берентальта? Ну, танец такой. А отчего этот танец столь важен?

После череды подобных вопросов глаза у Фелуриан мало-помалу начинали сердито сужаться. Я быстро понял, что лучше молчать и слушать, ничего не понимая, чем пытаться выяснить все подробности, рискуя навлечь на себя ее раздражение.

И все же я многое узнал из этих историй: сотни мелких, разрозненных фактов о фее. Названия дворов, древних битв, имена известных личностей. Я узнал, что на тиана никогда нельзя глядеть обоими глазами сразу и что беладарам ни в коем случае нельзя дарить один плод цинны, это для них страшное оскорбление.

Вы можете подумать, что эти сотни фактов позволили мне что-то узнать о фее. Что я каким-то образом соединил их между собой, точно кусочки головоломки, и понял истинное положение вещей. Ведь сотни фактов — это, в конце концов, очень много...

Но нет. Тысяча — это вроде бы много, но звезд на небе больше, и они не складываются ни в карту, ни в картину. Все, что я знал наверняка, наслушавшись всех этих историй Фелуриан, — это что я не имею ни малейшего желания впутываться в дела фейенских дворов, будь то даже самый благожелательный из них. С моей-то удачливостью с меня случилось бы засвистеть, проходя под ивой, и тем самым смертельно оскорбить Божьего цирюльника или что-нибудь в этом духе.

И еще одно я усвоил из этих историй: фее не такие, как мы. Об этом так легко позабыть, ведь многие из них на вид ничем не отличаются от нас. Они говорят на нашем языке. У них два глаза, две руки, и губы улыбаются точно так же, как наши. Но все это — лишь видимость. Мы разные.

Я слышал, многие говорят, будто люди отличаются от фее, как собаки от волков. Это удобная аналогия, однако она неверна. Волков отличает от собак лишь малая частица крови. И те и другие воют по ночам. Если их ударить, оба огрызнутся.

Нет. Наш народ и их племя различны, как вода и спирт. В одинаковых стаканах они очень похожи. Оба жидкие. Оба прозрачные. Оба мокрые — более или менее. Но один горит, другая нет. И ни темперамент, ни время тут ни при чем. Эти жидкости ведут себя по-разному потому, что вода и спирт — совершенно, абсолютно разные вещи.

То же самое можно сказать и про людей и фее. Мы часто забываем это — и жестоко за это расплачиваемся.

ГЛАВА 100

ШАЭД

Наверно, мне следует объяснить некоторые особенности Фейе.

На первый взгляд ничего особенно странного в той лесной прогалине, где обитала Фелуриан, не было. В целом она выглядела как участок древней, нетронутой пущи. Если бы не незнакомые звезды над головой, я бы мог подумать, что по-прежнему нахожусь в каком-то уединенном уголке Эльда.

Однако это было не совсем так. С тех пор как я расстался со своими товарищами-наемниками, я успел уснуть и проснуться раз десять, не меньше. Несмотря на это, небо над беседкой Фелуриан по-прежнему оставалось густо-лиловым, как в летние сумерки, и меняться не думало.

Я мог лишь приблизительно догадываться, сколько времени я нахожусь в Фейе. А главное, я понятия не имел, как сейчас течет время в мире смертных. В историях много говорится о мальчиках, которые уснули в волшебном круге фей, а пробудились уже дряхлыми старцами. О девушках, которые заблудились в лесу и вернулись много лет спустя, ничуть не постарев и утверждая, будто прошло всего несколько минут.

Вполне могло оказаться, что каждый раз, как я засыпаю в объятиях Фелуриан, в мире проходят годы. Вернувшись, я мог обнаружить, что миновало сто лет — или что времени не прошло вовсе.

Я изо всех сил старался об этом не думать. Глупо тревожиться из-за того, что все равно от тебя не зависит.

Другое отличие королевства Фейе было куда тоньше, и описать его сложнее...

В медике я провел немало времени, ухаживая за пациентами, которые лежали без сознания. Это я к чему говорю: есть большая разница между пустой комнатой и комнатой, где кто-то спит. Спящий человек все равно присутствует. Он чувствует, что ты рядом, может быть, слабо и смутно, но чувствует.

Именно это ощущение я испытывал в Фейе. Оно было такое странное и незаметное, что долгое время я даже не обращал на него внимания. А потом, когда я наконец что-то обнаружил, мне потребовалось гораздо больше времени, чтобы понять, в чем разница.

Как будто я перешел из пустой комнаты в комнату, где кто-то спит.

Разумеется, если не считать того, что там никого не было. Мне казалось, будто все вокруг меня крепко спит: деревья, камни, журчащий ручеек, разлившийся озерцом на прогалине Фелуриан. Все это представлялось каким-то более вещественным, более явственным, чем я привык, как будто они чуть-чуть сознавали мое присутствие.

* * *

Мысль о том, что рано или поздно я покину Фейе целым и в здравом рассудке, была непривычна для Фелуриан, и я видел, что ее это тревожит. Не раз она посреди разговора, не имеющего к этому никакого отношения, внезапно меняла тему и требовала, чтобы я обещал — нет, точно обещал! — что вернусь к ней.

Я заверял ее в этом на все возможные лады, но, как бы то ни было, есть не так уж много способов сказать одно и то же. И, наверное, раз на тридцатый я сказал:

— Я позабочусь о том, чтобы уцелеть и вернуться к тебе.

Я увидел, как она переменялась в лице: сначала встревожилась, потом помрачнела, потом задумалась. Какой-то миг я опасался, что она все-таки решит оставить меня при себе в качестве своего ручного смертного, и принялся уже бранить себя за то, что не сбежал из Фейе, пока была возможность...

Но прежде, чем я успел обеспокоиться всерьез, Фелуриан склонила головку набок и как будто переменяла тему:

— Быть может, моему нежному и пламенному нужна куртка? Плащ?

— Да у меня есть, — сказал я, указывая на свои вещи, которые так и валялись разбросанными на краю беседки. И только теперь заметил, что потрепанного старого плаща лудильщика там не было. Там была моя одежда, мои башмаки, моя дорожная сумка, из которой по-прежнему выпирала шкатулка маэра. Но плащ и меч исчезли. То, что я не заметил их отсутствия, было неудивительно: я не трудился одеваться с тех пор, как впервые очнулся рядом с Фелуриан.

Она медленно смерила меня взглядом с сосредоточенным выражением лица. Ее взгляд задержался на моем колене, предплечье, руке выше локтя. И только когда она ухватила меня за плечо и развернула, чтобы осмотреть спину, я понял, что она разглядывает мои шрамы.

Фелуриан взяла меня за руку и провела пальцем по бледной линии, идущей вдоль запястья.

— Ты плохо умеешь заботиться о том, чтобы уцелеть, мой Квоут.
Я слегка обиделся, тем более что отчасти она была права.

— Ну, все же мне это неплохо удастся! — натянуто ответил я. —
Учитывая, что я то и дело влипаю в неприятности!

Фелуриан развернула мою кисть и внимательно осмотрела ладонь и пальцы.

— Ты не воин, — задумчиво произнесла она себе под нос, — однако ты весь искусан железом. Ты нежная пташка, которая не умеет летать. Ни лука. Ни ножа. Ни цепи.

Ее рука потянулась к моей ноге, задумчиво ощупала все мозоли и шрамы, нажитые за годы, проведенные на улицах Тарбеана.

— Ты много ходишь. Ты нашел меня в глуши ночью. Ты ведун. Ты отважен. И молод. И влипаешь в неприятности.

Она подняла глаза, посмотрела на меня, взгляд ее был пристальным.

— Быть может, моему сладкому поэту нужен шаэд?

— Что-что?

Она помолчала, словно обдумывая свои слова.

— Тень.

Я улыбнулся.

— Тень у меня тоже есть!

И обернулся, чтобы убедиться, что это так. Все-таки я находился в Фейе.

Фелуриан нахмурилась, покачала головой, недовольная тем, что я ничего не понял.

— Иному я дала бы щит, и он берег бы его от беды. Иного я одарила бы янтарем, или оплела бы ему ножны наговором, или свила бы ему венец, чтобы люди взирали на него с любовью.

Она торжественно покачала головой.

— Но не тебе. Ты из тех, кто ходит в ночи, кто следует за луной. Тебе нужна защита от железа, от холода, от ненависти. Тебе надо быть незаметным. Тебе надо быть легконогим. Тебе надо мягко ступать в ночи. Тебе надо быть проворным и бесстрашным.

Она кивнула, отвечая собственным словам.

— Это значит, что тебе надо сделать шаэд.

Она встала и зашагала к лесу.

— Идем, — сказала она.

Манера Фелуриан о чем-то просить требовала привычки. Я обнаружил, что как я ни креплюсь, намереваясь воспротивиться, а все равно поневоле делаю все, о чем она меня попросит.

Не то чтобы она говорила властно. Ее голос был слишком мягок и лишен острых углов, чтобы вынести вес приказа. Она не требовала и не манипулировала. Она говорила так, словно это само собой разумелось. Как будто она не могла представить себе мира, в котором тебе не хочется делать именно то, что она говорит.

А потому, когда Фелуриан сказала мне следовать за ней, я вскочил, точно марионетка, которую вздернули за веревочки. И вскоре уже шагал следом за ней сквозь тенистый сумрак древней пущи, гол как сокол.

Спохватившись, я едва не вернулся за своей одеждой, но потом решил последовать совету, который дал мне в детстве отец.

— Везде едят свинью по-своему, — говорил он. — Если хочешь ужиться, делай как все.

В разных местах разные правила приличия.

Так что я последовал за ней, голый и захваченный врасплох. Фелуриан шла довольно быстро, мох глушил звуки шагов наших босых ног.

Чем дальше мы шли, тем темнее становилось в лесу. Поначалу я думал, будто это просто ветви деревьев смыкаются у нас над головами. Но потом понял, в чем дело. Сумеречное небо над лесом постепенно темнело. Вот угас и последний фиолетовый отблеск, небо сделалось бархатно-черным, усыпанным незнакомыми звездами.

Фелуриан все шла и шла, я видел ее бледную кожу в свете звезд и силуэты деревьев вокруг, но более ничего. Чувствуя себя очень умным, я создал симпатическое связывание света и поднял руку над головой как факел. Я изрядно гордился этим: связывание, переводящее движение в свет, весьма сложная штука, если у тебя нет куска металла, который можно использовать для фокусировки.

Свет сделался ярче, и на миг я увидел все, что находилось вокруг. Темные стволы деревьев вздымались, точно массивные колонны, и уходили ввысь, насколько хватал глаз. Вокруг не было ни нависающих сучьев, ни подлеска, ни травы. Лишь темный мох под ногами и арки темных ветвей в вышине. Мне показалось, будто я очутился в огромном пустынном соборе, убранном угольно-черным бархатом.

— Сиар налиас! — бросила Фелуриан.

Я не понял слов, но догадался по ее тону, разорвал связывание, и на нас снова нахлынула тьма. В следующее мгновение Фелуриан бросилась на меня и повалила на землю, накрыв меня своим гибким обнаженным телом. Такое случалось и прежде, но на сей раз ощущения были не особо эротичные: я треснул затылком о торчащий из земли узловатый корень.

Это наполовину оглушило и на девять десятых ослепило меня. И тут

земля под нами слегка содрогнулась. Что-то огромное и почти бесшумное сотрясло воздух над нами и чуть в стороне от того места, где мы лежали.

Тело оседлавшей меня Фелуриан, распростертое поверх меня, было натянуто, точно струна арфы. Мышцы ее бедер дрожали от напряжения. Длинные волосы разметались поверх нас, укрыв нас, будто шелковой простыней. Ее груди вдавливались в мою грудь — она дышала часто, неглубоко и беззвучно.

Ее тело трепетало в такт ударам бешено колотящегося сердца, и я чувствовал, как шевелятся ее губы, касающиеся ямки у меня на горле. Фелуриан тише шепота твердила мягкое, лишенное острых граней слово. Я чувствовал, как оно прижимается к моей коже и как по воздуху от него расходятся молчаливые круги, точно от брошенного в воду камня по поверхности пруда.

Над нами что-то зашелестело, как будто кто-то заворачивал в огромный бархатный лоскут кусок битого стекла. Вот сейчас, когда я это сказал, я понимаю, что это звучит бессмысленно, но все равно это самое лучшее описание того звука. Мягкий шум, еле слышный звук целенаправленного движения. Не могу вам сказать, почему это привело меня на ум нечто острое и ужасное, но так оно и было. На лбу у меня выступил пот, и я внезапно ощутил приступ чистого, перехватывающего дыхание ужаса.

Фелуриан застыла совершенно, точно испуганная лань или кошка, собирающаяся броситься на добычу. Она тихо набрала воздуха в грудь и произнесла второе слово. Ее дыхание обожгло мне шею, а от этого еле слышного слова тело мое загудело, точно барабан от сильного удара.

Фелуриан чуть-чуть повернула голову, как бы прислушиваясь. От этого движения тысячи прядей ее волос, разбросанных по всей левой половине моего обнаженного тела, зашевелились, и по коже у меня побежали мурашки. Даже в когтях безымянного ужаса я содрогнулся и тихо ахнул помимо собственной воли.

В воздухе, прямо над нами, что-то зашевелилось.

Острые ногти левой руки Фелуриан сильно вонзились в мышцу моего плеча. Она распрямила ноги и медленно проскользнула своим обнаженным телом вдоль моего тела, так что ее лицо оказалось на уровне моего лица. Ее язык коснулся моих губ, и я, даже не задумавшись, запрокинул голову навстречу поцелую.

Ее губы встретились с моими, и она сделала медленный долгий вдох, вытянув из меня воздух. Голова у меня закружилась. А потом, не отпуская моих губ, Фелуриан сильно выдохнула в меня, наполнив мои легкие. Ее

дыхание было беззвучней бесшумного. Оно пахло жимолостью. Земля подомной дрогнула, и стало тихо. На одно бесконечное мгновение сердце у меня в груди перестало биться.

Тонкое напряжение в воздухе над нами исчезло.

Фелуриан оторвалась от моих губ, и мое сердце стукнуло снова, внезапно и сильно. Второй удар. Третий. Я сделал глубокий дрожащий вдох.

Только тогда Фелуриан расслабилась. Она лежала на мне, спокойная и гибкая, ее обнаженное тело струилось по мне, как вода. Ее голова уткнулась в изгиб моей шеи, и она сладко, удовлетворенно вздохнула.

Мгновение томности миновало, она расхохоталась, содрогаясь всем телом. Смех был дикий и радостный, точно она только что разыграла восхитительнейшую шутку. Она села, яростно поцеловала меня в губы, ущипнула за ухо, потом слезла с меня и подняла меня на ноги.

Я открыл было рот. Потом закрыл его, решив, что сейчас, пожалуй, не лучшее время задавать вопросы. Чтобы сойти за умного, надо, в числе прочего, знать, когда стоит промолчать.

И мы пошли дальше во тьме. В конце концов мои глаза привыкли к темноте, и я смотрел сквозь ветви над головой на звезды, более яркие и складывающиеся в другие созвездия, чем на небе смертных. Их света едва хватало, чтобы разглядеть землю под ногами и стволы вокруг. Стройная фигурка Фелуриан была как серебристая тень во мраке.

Мы все шли и шли, деревья становились все выше и гуще, мало-помалу застилая от нас бледный свет звезд. И вот сделалось по-настоящему темно. Фелуриан теперь сделалась всего лишь более светлым пятном во тьме впереди меня. Она остановилась прежде, чем я окончательно потерял ее из виду, и приложила ладони ко рту, словно собиралась кого-то позвать.

Я съежился при мысли о том, что громкий крик нарушит теплую тишину этого места. Но я ничего не услышал. Хотя нет. Не то чтобы ничего. Это было похоже на медленное, приглушенное мурлыканье. Не такое громкое и резкое, как кошачье. Это скорее походило на звук, какой можно слышать во время сильного снегопада, приглушенный шорох, такой тихий, что он словно заставляет тишину казаться еще тише.

Фелуриан повторила это несколько раз. Потом взяла меня за руку и повела дальше в темноту, где снова издала этот странный, почти неслышимый звук. После того как это повторилось трижды, вокруг стало так темно, что я больше вообще ее не видел.

После последней остановки Фелуриан подступила в темноте ко мне вплотную и прижалась всем телом. Она одарила меня долгим и крепким

поцелуем, и я уже думал было, что этот поцелуй перейдет во что-то более интимное, когда она отстранилась и мягко выдохнула мне в ухо:

— Тише! Они летят.

Несколько минут я тщетно напрягал зрение и слух. Потом вдали показалось что-то светящееся. Оно тут же исчезло, я уже подумал было, что мои глаза, истосковавшиеся по свету, шутят со мной шутки. Но тут я увидел новую вспышку. Еще две. Десять. Сотня бледных огоньков, тусклых как гнилушки, плясала меж деревьев, приближаясь к нам.

Мне доводилось слышать про болотные огоньки, но я никогда прежде их не видел. А учитывая, что мы находились в Фейе, я сомневался, что это нечто столь обыденное, как выброс болотного газа. Я вспомнил сотню историй о волшебных созданиях и задумался, кто же из них может испускать этаким тусклым, мечущийся свет. Томми-искорки? Болотные духи? Деннерлинги с фонариками, светящимися трупным светом?

И тут они окружили нас, застигнув меня врасплох. Огоньки оказались меньше, чем я думал, и куда ближе. Я снова услышал этот приглушенный шорох снегопада, на этот раз со всех сторон сразу. Я так и не мог понять, что же они такое, пока один из них не коснулся моей руки — легонько, как перышко. То были какие-то мотыльки. Мотыльки со светящимися пятнышками на крыльях.

Они сияли бледным серебристым светом, слишком слабым, чтобы что-то освещать. Однако сотни мотыльков, пляшущих среди древесных стволов, обрисовывали очертания того, что было вокруг. Некоторые из них усаживались на деревья или на землю. Несколько опустились на Фелуриан, и хотя я по-прежнему видел всего лишь несколько сантиметров ее бледной кожи, их движущийся свет все же помогал мне следовать за ней.

После этого мы шли довольно долго. Фелуриан вела меня вперед меж стволов древних деревьев. В какой-то момент я почувствовал под ногами мягкую траву вместо мха, потом рыхлую почву, как будто мы пересекали свежескошенное поле. Какое-то время мы шли извилистой дорожкой, вымощенной гладкими камнями, которая провела нас по арке высокого моста. И все это время мотыльки следовали за нами, позволяя мне лишь смутно догадываться о том, что нас окружает.

Наконец Фелуриан остановилась. К этому времени тьма была такой густой, что я буквально чувствовал ее на ощупь, словно окутавшее меня теплое одеяло. Судя по шуму ветра в кронах деревьев и по порханию мотыльков, мы стояли на открытом пространстве.

Звезд над головой не было. Если мы находились на поляне, то, видимо, деревья были такие огромные, что их ветви смыкались у нас над головой.

Но кто знает — мы вполне могли находиться и глубоко под землей. А возможно, небо в этой части Фейе было пустым и беззвездным. Эта мысль меня почему-то встревожила.

Тонкое ощущение того, что все вокруг спит, но бдит во сне, здесь сделалось еще сильнее. Если остальная часть Фейе казалась просто спящей, то здесь казалось, что все только что зашевелилось и вот-вот проснется. Это нервировало.

Фелуриан мягко уперлась ладонью мне в грудь, потом прижала палец к моим губам. Я смотрел, как она пошла прочь, негромко напевая обрывок песни, которую я для нее сочинил. Но даже этот лестный факт не мог отвлечь меня от мысли о том, что я нахожусь в самом сердце королевства Фейе в чем мать родила, слепой и понятия не имею, что происходит.

Группка мотыльков села на Фелуриан, на запястье, бедро, плечо и спину. Это давало мне смутное представление о том, что она делает. Если бы меня попросили угадать, чем она занимается, я сказал бы, что она что-то собирает с деревьев, под кустами или под камнями. Теплый ветерок пролетел через поляну, и его прикосновение к обнаженной коже странно меня обнадежило.

Минут через десять Фелуриан вернулась и поцеловала меня. В руках у нее было что-то мягкое и теплое.

Мы пошли назад тем же путем. Мотыльки постепенно утрачивали к нам интерес, так что находящееся вокруг различалось все более и более смутно. Наконец, после промежутка времени, показавшегося мне бесконечным, впереди, между стволами, забрезжил слабый свет. То был всего лишь тусклый свет звезд, но в тот момент он показался ярким, как занавесь из пылающих бриллиантов.

Я направился было в ту сторону, но Фелуриан остановила меня, ухватив за локоть. Не говоря ни слова, она усадила меня там, где первые, слабые лучи звездного света, проникшие сквозь кроны, падали на землю.

Она осторожно прошла между звездных лучей, избегая их так, точно они могли ее обжечь. Очутившись между ними, она опустилась на землю и села скрестив ноги, глядя на меня. Собранное она держала на коленях, но я не мог понять, что это — так, нечто темное и бесформенное.

Фелуриан протянула руку, взяла один из звездных лучей и притянула его к темной массе, которую держала на коленях.

Я бы, наверное, удивился куда сильнее, если бы Фелуриан не вела себя так небрежно и непринужденно. В тусклом свете я увидел, как ее руки сделали какое-то знакомое движение. В следующую секунду она снова протянула руку, почти рассеянно, и взяла щепотью другую тонкую прядь

звездного света.

Она притянула ее так же легко, как первую, и поступила с ней точно так же. И вновь это движение показалось мне знакомым, однако я никак не мог понять, что же это такое.

Фелуриан принялась что-то негромко мурлыкать себе под нос и потянулась за следующим лучом звездного света. Сделалось чуть светлее. То, что лежало у нее на коленях, выглядело как плотная темная ткань. Увидев это, я осознал, что мне это напоминает: моего отца за шитьем. Она что, шьет звездными лучами?

Шьет звездными лучами... И тут меня осенило. «Шаэд» значит тень. Она каким-то образом принесла с собой охапку тени и теперь сшивает ее звездными лучами. Она шила мне плащ из тени.

Абсурдно звучит, да? Мне это показалось абсурдным. Однако, невзирая на мое невежественное мнение, Фелуриан взяла еще одну прядь звездного света и поднесла ее к своим коленям. Я отбросил всякие сомнения. Только глупец не верит тому, что видит собственными глазами.

К тому же звезды надо мной были яркими и незнакомыми. Я сидел рядом со сказочным существом. Она тысячу лет оставалась юной и прекрасной. Она могла остановить поцелуем мое сердце и разговаривать с бабочками. Стоило ли теперь начинать сомневаться?

Через некоторое время я подсел поближе, чтобы лучше видеть. Она улыбнулась, когда я сел рядом, и торопливо чмокнула меня в щеку.

Я задал пару вопросов, но ее ответы были либо бессмысленны, либо безнадежно небрежны. Она понятия не имела ни о законах симпатии, ни о сигалдри, ни об аларе. Она просто не думала, будто есть нечто особенное в том, чтобы сидеть в лесу, держа на коленях охапку тени. Сначала я обиделся, потом мне сделалось ужасно завидно.

Я вспомнил, как нашел имя ветра в ее беседке. Я чувствовал себя так, словно впервые в жизни пробудился по-настоящему, истинное знание струилось в моей крови, точно лед.

Это воспоминание на миг обрадовало меня, а потом оборвалось, как недоигранный аккорд утраты. Мой спящий разум вновь погрузился в дремоту. Я снова переключил внимание на Фелуриан, стараясь понять.

Вскоре Фелуриан встала плавным движением и подняла на ноги меня. Весело напевая, она взяла меня под руку, и мы пошли обратно туда, откуда пришли, болтая по пути ни о чем. Темный шаэд она несла, небрежно перекинув его через руку.

А потом, когда на небе проступил первый слабый отсвет сумерек, она незримо повесила его на темные ветви ближайшего дерева.

— Иногда единственный способ — это заманивать понемногу, — сказала она. — Нежная тень боится света свечи. Как же твоему неоперившемуся шаэду не чувствовать того же?

ГЛАВА 101

ДОСТАТОЧНО БЛИЗКО, ЧТОБЫ ПРИКОСНУТЬСЯ

После похода за тенью я принялся более настойчиво расспрашивать Фелуриан о магии. Большинство ее ответов, увы, звучало все так же буднично. Как собирать тень? Да вот так — она показала рукой, словно взяла ломтик плода.

Другие ответы были практически непонятны — там было слишком много незнакомых слов из языка фейе. А когда она пыталась объяснить мне эти термины, наши разговоры безнадежно увязали в риторических хитросплетениях. Временами я чувствовал себя так, словно встретил второго Элодина, только более тихого и привлекательного.

И все же кое-что я узнал. То, что она делала с тенью, называется ведовство. Когда я спросил, что такое ведовство, она ответила, что это «искусство делать так, чтобы было». Это не то же самое, что чародейство, которое является «искусством делать так, чтобы казалось».

Кроме того, я узнал, что в Фейе не существует направлений в обычном смысле этого слова. Триметаллический компас здесь так же бесполезен, как жестяной гульфик. Севера не существует. А когда на небе царят вечные сумерки, нельзя увидеть, как солнце встает на востоке.

Но если пристально посмотреть на небо, станет видно, что часть горизонта чуточку светлее, а в противоположной стороне — чуточку темнее. И если идти туда, где светлее, со временем настанет день. А противоположный путь ведет в более темную ночь. И если идти в одном направлении достаточно долго, ты со временем пройдешь все сутки насквозь и вернешься туда, откуда вышел. Во всяком случае, теоретически.

Фелуриан называла эти два направления фейенского компаса Днем и Ночью. В другое время она называла их также Тьмой и Светом, Летом и Зимой или Вперед и Назад. Однажды она даже упомянула о них как о Хмурости и Улыбке, но, судя по тому, как она это сказала, она, скорее всего, пошутила.

Память у меня хорошая. Возможно, скорее благодаря этому я сделался тем, кто я есть. Это талант, на котором основано множество иных дарований.

Я могу лишь догадываться, чему я обязан такой памятью. Возможно, раннему сценическому обучению, играм, с помощью которых родители помогали мне заучивать реплики. Может быть, упражнениям для ума, которым учил меня Абенти, готовя в университет.

Но, как бы то ни было, память всегда хорошо мне служила. Иногда она работает куда лучше, чем мне бы того хотелось.

И при всем при том, когда я думаю о времени, проведенном в Фейе, мои воспоминания представляются на удивление обрывочными. Разговоры с Фелуриан прозрачны как стекло. Все ее уроки я помню так твердо, словно они записаны у меня на коже. Ее облик. Вкус ее губ. Как будто бы это было вчера.

А иных вещей я вспомнить просто не могу.

К примеру, я помню Фелуриан в лиловых сумерках. По ее коже бегали пятна тени от ветвей, придавая ей такой вид, будто она находится под водой. Я помню ее в мерцающем свете свечей, когда дразнящие тени скрывали больше, чем озаряли свечи. И в ярком янтарном сиянии ламп. Она купалась в нем, точно кошка, и кожа ее светилась теплым светом.

А вот самих ламп не помню. И свечей не помню. С ними же всегда столько возни, а я вот напрочь не помню, чтобы поправлял фитиль или вытирал сажу со стекла. Не помню, чтобы там пахло маслом, или дымом, или воском.

Помню, как ел. Плоды, хлеб, мед. Фелуриан ела цветы. Свежие орхидеи. Дикий триллиум. Сочный селас. Я и сам пробовал есть цветы. Мне больше всего понравились фиалки.

Это не значит, что она питалась одними цветами. Ей нравился и хлеб, и масло, и мед. Особенно она любила чернику. Было там и мясо. Не за каждой трапезой, но бывало. Дичь. Фазаны. Медвежати́на. Причем Фелуриан ела это все почти сырым.

И за едой она, надо сказать, не скромничала. И не аккуратничала. Мы ели руками, рвали зубами, а перемазавшись медом, соком или медвежьей кровью, шли умываться в озерце.

Как сейчас ее вижу: обнаженную, смеющуюся, с кровью, текущей по подбородку. Она была царственная, как королева, нетерпеливая, как дитя, гордая, как кошка. И все же она не походила ни на королеву, ни на дитя, ни на кошку. Нет, ничуть. Ни капельки.

Так это я к чему: я помню, как мы ели. А вот откуда еда бралась — не

помню. Может, кто-то ее приносил? Может, она ее сама добывала? Хоть убей, не вспомню. Мысль о слугах, нарушающих неприкосновенность ее сумеречной прогалины, представляется мне невозможной, но и мысль о том, чтобы Фелуриан сама пекла себе хлеб, — тоже.

С другой стороны, оленина — это я понимаю. Ничуть не сомневаюсь, что она способна была при желании загнать оленя и убить его голыми руками. Или, напротив, я могу вообразить робкую лань, которая в тишине выходит на сумеречную прогалину. Могу себе представить, как Фелуриан терпеливо сидит и ждет, пока лань подойдет достаточно близко, чтобы прикоснуться...

ГЛАВА 102

БЛУЖДАЮЩАЯ ЛУНА

Мы с Фелуриан спускались к озерцу, когда я обнаружил, что свет немного изменился. Подняв голову, я с изумлением обнаружил, что над деревьями показался бледный серпик луны.

Он был тонюсенький, и все же я узнал в нем ту самую луну, которую видел всю свою жизнь. Тут, в этом странном месте, для меня это было все равно что повстречать давно потерянного земляка на чужбине.

— Смотри! — воскликнул я. — Луна!

Фелуриан снисходительно улыбнулась.

— Ах ты, мой милый новорожденный ягненок! Взгляни! Вон там еще и облачко! Амоуен! Пляши же от радости!

Она расхохоталась.

Я смущенно покраснел.

— Ну, я просто не видел ее уже...

Я замялся, не имея способа отсчитывать время.

— Давно уже не видел. А потом, звезды у вас тут другие. Я думал, может, у вас и луна тоже другая...

Фелуриан ласково провела пальцами по моим волосам.

— Милый мой глупыш, луна везде одна. Мы ее и ждали. Она поможет нам упитать твой шаэд.

Она скользнула в воду, гладкая, как выдра. Когда она вынырнула, волосы растеклись у нее по плечам точно чернила.

Я сел на камень на берегу озерца и принялся болтать ногами. Вода была теплая, как в ванне.

— Но откуда же тут луна, — спросил я, — если это другое небо?

— А от нее тут только и есть, что тоненький краешек, — сказала Фелуриан, — большая ее часть по-прежнему у смертных.

— Но как? — спросил я.

Фелуриан перестала грести и перевернулась на спину, глядя в небо.

— О, луна, — с тоской произнесла она, — я умираю от жажды поцелуев, я хотела мужчину, зачем же ты привела мне лягушку?

Она тяжело вздохнула, и над сумеречным прудом разнеслось: «Квак? Квак? Квак?»

Я скользнул в воду. Быть может, я не столь ловок, как выдра, зато уж,

наверное, целуюсь получше!

Некоторое время спустя мы лежали на мелководе, на большом плоском камне, выглаженном водой.

— Спасибо, луна, — сказала Фелуриан, удовлетворенно глядя в небо, — спасибо за этого люда, нежного и сладострастного!

В озерце резвились светящиеся рыбки. Каждая не больше ладони, с полосками или пятнышками, лучащимися слабым светом. Я смотрел, как они выныривают из укрытий, куда они недавно попрятались, напуганные нашим барахтаньем. Там были рыбки, оранжевые, как тлеющие угли, желтые, как лютики, голубые, как полуденное небо.

Фелуриан соскользнула обратно в воду и потянула меня за ногу.

— Идем, мой целующийся лягушонок, — сказала она, — я покажу тебе, как устроена луна.

Я поплыл следом за ней, пока мы не оказались в воде по плечи. Любопытные рыбешки сплылись поближе, те, что похрабрее, принялись шмыгать между нами. Их движение обрисовывало скрытый под водой силуэт Фелуриан. Несмотря на то что я исследовал ее наготу во всех подробностях, я внезапно обнаружил, что заморожен ее незримым телом.

Рыбки подплывали все ближе. Одна коснулась меня, и я почувствовал, как меня слабо ущипнули за бок. Я вздрогнул, хотя укус рыбки был мягок, как осторожный тычок пальцем. Я смотрел, как все больше рыбок сплываются к нам, время от времени нас пощипывая.

— Вот, даже рыбкам нравится тебя целовать, — сказала Фелуриан и подступила ближе, прижимаясь ко мне мокрым телом.

— Им, наверное, нравится соль на моей коже, — сказал я, глядя на них.

Она раздраженно отпихнула меня.

— Может статься, им нравится лягушатина!

Не успел я найти достойного ответа, как она посерьезнела и, раскрыв ладонь, опустила ее в воду между нами.

— Луна везде одна, — сказала Фелуриан, — она ходит между вашим смертным небом и моим.

Она уперлась ладонью мне в грудь, потом отвела руку и прижала ладонь к себе.

— Она колеблется между мирами. Взад-вперед.

Она остановилась и нахмурилась, глядя на меня.

— Слушай внимательно!

— Да я слушаю! — соврал я.

— Нет, ты не слушаешь, ты смотришь на мои груди.

Это была правда. Ее груди заигрывали с поверхностью воды.

— Ну, на них стоит посмотреть, — сказал я. — Не смотреть на них было бы страшным оскорблением!

— Я говорю о важных вещах, о том, что тебе должно быть ведомо, дабы ты вернулся ко мне целым и невредимым!

Она испустила тяжкий вздох.

— Ну ладно, если я разрешу тебе ее потрогать, ты будешь меня слушать?

— Да!

Она взяла мою руку и положила в нее свою грудь.

— Сделай «волны в кувшинках»!

— «Волны в кувшинках» ты мне еще не показывала.

— Ну, значит, потом покажу.

Она опустила ладонь обратно в воду, потом тихонько вздохнула и закатила глаза.

— А-а, — простонала она, — о-о!

В конце концов рыбки снова выбрались из своих укрытий.

— О, мой невнимательный лягушонок! — ласково сказала Фелуриан. Она нырнула на дно озерца и вынырнула, держа в руке гладкий круглый камень.

— Внимательно внимай моим речам. Я родом фея, ты же смертный сам. И с небом смертного, и с небом фей луна навеки крепко соединена, — сказала она, сунула камень между нашими ладонями и сплела свои пальцы с моими, чтобы удержать его.

Фелуриан шагнула вперед и прижала камень к моей груди.

— Когда луна таким путем идет, — сказала она, крепче сжимая мои пальцы, — она не посетит мой небосвод, зато, цветком волшебным распусаясь, она ночами озаряет вас.

Она отступила назад, так что оба мы распрямили руки, не расцепляя пальцев. А потом подтянула камень к своей груди, подтащив за руку и меня.

— А так вздыхают грустно смертных девы, но при луне звучат мои напевы.

Я понимающе кивнул.

— Любовь и фею, и людей — она веселой странницей быть может названа?

Фелуриан покачала головой.

— О нет, не странницей. Скиталицей — быть может. Ведь путь ее не ей самой проложен.

— Я как-то раз слышал историю, — сказал я. — О человеке, который украл луну.

Лицо Фелуриан сделалось торжественным. Она расцепила пальцы и посмотрела на камень, что лежал у нее на ладони.

— И это был конец всему, — она вздохнула. — Пока он не украл луну, еще оставалась надежда на мир.

Я был ошеломлен тем, как она это сказала — как будто это всем известно.

— Как это? — тупо спросил я.

— Ну, похищение луны, — она озадаченно склонила голову набок. — Ты же сказал, что знаешь об этом.

— Я сказал, что слышал историю, — ответил я. — Но это была глупая история. Не из тех, в которых говорится о том, как все было на самом деле. Это была... в общем, одна из тех историй, какие рассказывают детям.

Она снова улыбнулась.

— Ты хотел сказать — история о феях? Можешь их так называть. Я про них знаю. Это все выдумки. Мы тоже иногда рассказываем чадам сказки про человеков.

— Но луна в самом деле была украдена? — спросил я. — Это не выдумки?

Фелуриан насупилась.

— Ну а я тебе что показывала! — воскликнула она, рассерженно шлепнув рукой по воде.

Я поймал себя на том, что сделал под водой адемовский жест извинение, прежде чем сообразил, что это вдвойне бессмысленно.

— Прости, — сказал я. — Но без этой истинной истории я ничего не понял. Умоляю, расскажи, как это было на самом деле!

— Это старая и печальная история... — она окинула меня долгим взглядом. — А что мне за это будет?

— «Затаившийся олень»! — предложил я.

— Ну, этот дар — дар и для тебя самого, — коварно улыбнулась она. — А еще?

— Я сделаю тебе «тысячу ладоней»! — предложил я и увидел, как ее лицо смягчилось. — И еще покажу тебе кое-что новое, я это сам придумал. Я назвал это «тростник на ветру».

Она скрестила руки на груди и отвернулась, старательно делая вид, что ей это безразлично.

— Ну, небось это ново только для тебя. А я-то уж наверное это знаю, только под другим названием.

— Быть может, — сказал я. — Но если ты не расскажешь мне эту историю, ты никогда не узнаешь, так это или нет.

— Ну что ж, ладно, — со вздохом снизошла она. — Но только потому, что «тысяча ладоней» у тебя очень хорошо получается!

Фелуриан на миг подняла глаза к серпику луны, потом сказала:

— Задолго до людских городов. До людей. До фейе. Были те, кто ходил с открытыми глазами. Они знали сокровенные имена всего на свете.

Она умолкла и посмотрела на меня.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Когда знаешь имя вещи, ты имеешь власть над ней, — ответил я.

— Нет! — возразила она. Меня поразило то, с каким упреком она это произнесла. — Власть не была дана! Они ведали сокровенную суть вещей. Но не власть. Когда плаваешь, ты не властвуешь над водой. Когда ешь яблоко, ты не властвуешь над яблоком.

Она пронзительно взглянула на меня.

— Понимаешь?

Я не понял. Но все равно кивнул, не желая ее раздражать и отвлекать от рассказа.

— Эти древние знатоки имен ходили по миру мягко. Они знали лису и знали зайца, знали и расстояние между ними.

Она глубоко и тяжело вздохнула.

— Потом явились те, что видели вещь и думали о том, как ее изменить. Вот они-то мыслили о власти. То были изменяющие мир, гордые мечтатели.

Она сделала примиряющий жест.

— И поначалу это были неплохо. Они творили чудеса...

Ее лицо озарилось воспоминаниями, пальцы восторженно стиснули мою руку.

— Некогда я сидела на стенах муреллы и ела плод с серебряного дерева. Плод сиял, и губы и глаза того, кто его отведал, становились видны в темноте!

— А Мурелла находилась в Фейе?

Фелуриан нахмурилась.

— Нет. Я же сказала. Это было прежде. Тогда небо было одно. Луна одна. Мир один, и в мире была мурелла. И плод. И я, я ела его, и глаза у меня сияли во тьме.

— Когда же это было?

Она слегка пожала плечами.

— Очень давно.

Очень давно. Так давно, что ни в одной из исторических книг, которые я видел или о которых хотя бы слышал, об этом не говорилось. В архивах хранились списки калуптенских хроник, которые восходили ко временам двухтысячелетней давности, но ни в одной из них не было и намека на то, о чем говорила Фелуриан.

— Извини, что перебил, — сказал я как можно вежливее и поклонился ей так низко, как только мог, чтобы не уйти под воду.

Она, смягчившись, продолжала:

— Тот плод был лишь началом. Первыми неуклюжими шагами младенца. Потом они зашагали все уверенней, все храбрей, все безоглядней. Древние мудрецы говорили: «Стойте!», однако творцы их не послушались. Тогда они повздорили, сразились, и творцов запретили. Они были против подобной власти.

Глаза у нее просияли.

— Но ах! — вздохнула она. — Чего они только не делали!

И это говорит мне женщина, ткущая плащ из тени. Я даже представить не мог, что же было способно ее так восхитить.

— И что же они делали?

Она развела руками, указывая на все вокруг.

— Деревья? — с восхищением переспросил я.

Она рассмеялась тому, как я это сказал.

— Да нет, Фейенское королевство, — она снова взмахнула руками. — Оно создано по их воле. Величайшие из них сшили его из цельного куска ткани. Место, где они могли делать все как захотят. И под конец трудов каждый из творцов создал по звезде, чтобы заполнить свое новое пустынное небо.

Фелуриан улыбнулась мне.

— Тогда-то и появились два мира. Два неба. Разные звезды.

Она показала мне гладкий камушек.

— Но луна по-прежнему была одна, гладкая и уютная на небосводе смертных.

Ее улыбка исчезла.

— Но один из творцов был могущественней остальных. Ему мало было создать звезду. Он направил свою волю за пределы мира и вырвал луну из ее дома.

Фелуриан подняла гладкий камушек к небу и старательно зажмурила один глаз. Она склонила голову набок, точно пыталась совместить очертания камушка с рогами растущей луны над нами.

— После этого пути назад не было. Древние мудрецы поняли, что

никакими уговорами творцов уже не остановишь.

Ее рука упала обратно в воду.

— Он украл луну, и так началась война.

— А кто это был? — спросил я.

Ее губы сложились в лукавую улыбочку. «Кто? Кто?» — проквакала она.

— Он принадлежал к одному из фейенских дворов? — мягко, но настойчиво переспросил я.

Фелуриан с усмешкой покачала головой.

— Нет. Я же сказала, это было до феие. Первый и величайший из всех творцов.

— Но кто он был?

Она покачала головой.

— Не стоит называть имен. И я не стану говорить о нем, хотя он заперт за дверьми из камня.

И прежде, чем я успел еще что-нибудь спросить, Фелуриан взяла меня за руку и снова вложила камень между нашими ладонями.

— Творец, создатель тьмы, изменчивое око, простер он длань, воздев ее высоко, луну, украв, не смог он удержать, и вечно ей меж двух миров блуждать.

Она взглянула на меня торжественно и серьезно — нечасто мне доводилось видеть такое выражение на ее милом лице.

— Вот на твои вопросы мой ответ, теперь же главный выслушай секрет. Он — всех важней, со всем вниманьем слушай.

Она опустила наши сомкнутые руки на поверхность воды.

— Раскрой пошире, лягушонок, уши!

Глаза Фелуриан казались черными в тусклом свете.

— Два мира те луну к себе манят, как мать с отцом дитя за ручки тянут: вперед, назад, оставить не хотят и отнимать не перестанут.

Она снова отступила на шаг, и мы разошлись так далеко, как только могли, не отпуская камня.

— Когда в небесах половинка луны, смотри, как далеко мы разведены.

Фелуриан потянулась ко мне свободной рукой, тщетно пытаясь ухватить меня через пустую воду.

— И как бы к телу ни стремилось тело, увы, для встречи время не припело.

Фелуриан шагнула вперед и прижала камень к моей груди.

— Когда ж у вас луна бока нальет, всех феие к миру вашему влечет. Ее сиянье фей и смертных сводит, и время для свидания приходит, и миновать

границу не труднее, чем в дом войти сквозь отпертые двери.

Она улыбнулась мне.

— Вот так и ты, в лесной глуши блуждая, обрел Фелуриан, того не ожидая.

Мысль о том, что полнолуние влечет в наш мир множество волшебных созданий, встревожила меня.

— Другие феие тоже так приходят?

Она пожала плечами и кивнула.

— Когда хотят и если путь находят. Дверей есть сотни — надо только знать, где можно в мир из мира проникать.

— Но как я мог об этом не слышать? Такого трудно было бы не знать: о феие, что танцуют и поют...

Она рассмеялась.

— Но ты ведь знал! И песню ты мою знал до того, как встретился со мной, когда я танцевала под луной.

Я нахмурился.

— И все же — мало видел я следов существ, что странствуют меж двух миров.

Фелуриан пожала плечами.

— О, феие часто хитры и лукавы, их легкий шаг не приминает травы. Иные шаэдом себя скрывают, иные чуждый облик принимают: то мула вьючного, то девы молодой.

Она посмотрела мне в глаза.

— Глаз отвести умеет здесь любой!

И снова взяла меня за руку.

— А те из фей, что духом потемней, игрушку любят делать из людей. Что защитит тебя от зла? Огонь, железо, зеркала, вяз и ясень, ножик медный и ведовство крестьянки бедной, что правила игры блюдет и хлеб за дверь для нас кладет. Но более всего страшится мой народ той части силы, что он оставляет, когда на земли смертные вступает.

— Ох, сколько же вам всем от нас хлопот! — усмехнулся я.

Фелуриан протянула руку, прижала палец к моим губам.

— Что ж, веселись, пока луна полна. Но знай: опасна черная луна.

Она шагнула прочь, потянула меня за собой, медленно кружась в воде.

— Недаром мудрый смертный бережется ночи, в которой лунный свет не льется.

Она повлекла мою руку к своей груди, уводя меня все глубже, не переставая кружиться.

— В такую ночь один неверный шаг вослед луне влечет тебя во мрак,

и в Фейе попадают человеки.

Она остановилась и сурово взглянула на меня.

— И остаются там, уже навеки.

Фелуриан сделала еще шаг назад, увлекая меня за собой.

— А в мире, где тебе неведом путь, нетрудно невзначай и утонуть!

Я сделал еще шаг в ее сторону — и потерял опору под ногами. Рука Фелуриан внезапно разжалась, и темные воды сомкнулись над моей головой. Я принялся отчаянно барахтаться, ничего не видя, захлебываясь, пытаюсь вырваться обратно на поверхность.

После нескольких долгих, жутких мгновений рука Фелуриан подхватила меня и выволокла на воздух, так легко, словно я весил не больше котенка. Она подтащила меня вплотную к себе. Ее темные глаза холодно блестели.

Когда она заговорила, ее голос звучал очень отчетливо:

— Запомни это ты хотя бы так. Знай: мудреца страшит безлунный мрак!

ГЛАВА 103

УРОКИ

Время шло. Фелуриан водила меня в сторону Дня, в чащу даже более древнюю и величественную, чем та, что окружала ее сумеречную прогалину. Мы там забирались на деревья, огромные, как горы. На верхних ветвях чувствовалось, что огромное дерево раскачивается на ветру, точно корабль на морских волнах. Там, где вокруг не было ничего, кроме бескрайнего синего неба и медленных колебаний дерева под нами, Фелуриан обучила меня «плющу на дубе».

Я пытался обучить Фелуриан игре в тэк, но обнаружил, что эта игра ей уже знакома. Она непринужденно обыграла меня, и при этом играла так мило, что Бредон разрыдался бы от счастья.

Я немного обучился языку фейе. Чуть-чуть. Самую малость.

По правде говоря, если уж быть до конца честным, следует признаться, что в своих попытках выучить язык фейе я потерпел самое позорное поражение. Фелуриан была не самым терпеливым наставником, а язык оказался невероятно сложным. Мое невежество оказалось столь удручающим, что Фелуриан в конце концов запретила мне пытаться разговаривать на этом языке в ее присутствии.

В общем и целом я сумел выучить несколько фраз и получил неплохой урок смирения. Полезные вещи.

Фелуриан научила меня нескольким фейенским песням. Запомнить их оказалось труднее, чем песни смертных: их мелодии были чересчур прихотливы и неуловимы. Когда я пытался сыграть их на лютне, струны вели себя как чужие, я путался и спотыкался, как деревенский мальчишка, отродясь не державший в руках лютни. Слова я зазубрил наизусть, понятия не имея, о чем там говорится.

И все это время мы продолжали работать над моим шаэдом. Точнее, работала над ним одна Фелуриан. А я задавал вопросы, смотрел, что она делает, и старался не чувствовать себя любопытным малышом, который путается под ногами на кухне. По мере того как мы притирались друг к другу, вопросы мои делались все настойчивей...

— Но как? — спросил я уже в десятый раз. — Свет ведь ничего не весит, он невеществен. Он ведет себя как волна. Теоретически ты не можешь взять его в руки...

Фелуриан управилась со звездным светом и теперь вплетала в шаэд свет луны. Она ответила, не отрываясь от работы:

— Как много ты думаешь, мой Квоут! Ты слишком умен, чтобы быть счастливым.

Это неприятно походило на то, что я мог бы услышать от Элодина. Но я решительно отмел этот уклончивый ответ.

— Теоретически ты не можешь...

Она ткнула меня локтем, и я увидел, что обе руки у нее заняты.

— Мой нежный и пламенный, — сказала она, — подай-ка мне его!

Она кивнула в сторону лунного луча, который пробился сквозь кроны и падал на землю рядом со мной.

Она говорила знакомым, ненавязчиво-властным тоном, и я, не задумываясь, взялся за лунный луч, как если бы то была свисающая лоза. На миг я ощутил его в пальцах, прохладный и эфемерный. Я замер, ошеломленный, и внезапно лунный луч вновь сделался обычным лучом. Я несколько раз провел сквозь него рукой — никакого эффекта.

Фелуриан улыбнулась, протянула руку и взяла луч так непринужденно, словно ничего естественней и быть не могло. Свободной рукой она погладила меня по щеке, а потом снова занялась своим рукоделием, вплетая прядь лунного света в складки тени.

ГЛАВА 104

КТАЭХ

После того как Фелуриан помогла мне осознать, на что я способен, я принялся активнее помогать в изготовлении шаэда. Фелуриан, похоже, была довольна моими успехами, однако сам я испытывал разочарование. Тут не было ни правил, которым можно следовать, ни фактов, которые следовало запоминать. А потому ни мой проворный ум, ни цепкая актерская память ничем помочь не могли, и мне все казалось, что продвигаюсь я ужасно медленно.

Наконец я уже мог прикасаться к своему шаэду, не страшась его повредить, и менять его форму в соответствии со своими желаниями. Набив руку, я научился превращать его из короткой пелерины в длинную мантию с капюшоном и во что угодно между тем и другим.

И все же нечестно было бы утверждать, что я якобы приложил руку к его изготовлению. Это Фелуриан собрала тени и переплела их луной, огнем и дневным светом. А мой основной вклад состоял в том, что я посоветовал сделать в нем побольше маленьких кармашков.

После того как мы принесли шаэд в самый дневной свет, я решил, что работа наша окончена. Мое предположение утвердилось после того, как мы провели немало времени, купаясь, распевая песни и всячески наслаждаясь обществом друг друга.

Однако каждый раз, как я заговаривал о шаэде, Фелуриан уклонялась от темы. Я был не против, поскольку отвлекала она меня всегда чем-нибудь весьма приятным. Однако у меня сложилось впечатление, что он еще отчасти не закончен.

Как-то раз мы пробудились в объятиях друг друга, около часа целовались, чтобы нагулять аппетит, потом сели завтракать плодами и вкусным белым хлебом с медовыми сотами и оливками.

Потом Фелуриан посерьезнела и попросила у меня кусок железа.

Эта просьба меня удивила. Некоторое время назад я решил было вернуться к некоторым из своих мирских привычек. Я взял свою маленькую бритву и побрился, глядясь в поверхность озерца, как в зеркало. Поначалу Фелуриан была как будто рада моим гладким щекам и подбородку, но, когда я потянулся ее поцеловать, она отпихнула меня на расстояние вытянутой руки и фыркнула, как бы желая прочистить нос. Она

сказала, что от меня несет железом, отправила меня в лес и велела не приходить, пока я не избавлюсь от этой жуткой горечи.

Так что я испытывал немалое любопытство, роясь в дорожном мешке в поисках куска сломанной железной пряжки. Я с опаской протянул его Фелуриан, как если бы давал острый нож ребенку.

— Зачем он тебе? — спросил я, стараясь не выказывать любопытства.

Фелуриан ничего не ответила. Она крепко сжала железку тремя пальцами, как будто то была змея, которая вот-вот вырвется и укусит. Губы у нее стянулись в ниточку, а глаза принялись светлеть и вместо привычного сумеречно-фиалкового цвета сделались синими, как глубокая вода.

— Может, я помогу? — вызвался я.

Она расхохоталась. Не тем звонким, переливчатым смехом, который я слышал так часто, а яростным, диким хохотом.

— Ты правда хочешь помочь? — спросила она. Рука, сжимавшая обломок железа, чуть заметно дрожала.

Я кивнул, немного напуганный.

— Тогда уйди!

Глаза ее менялись все сильнее, теперь они сделались голубовато-белыми.

— Сейчас мне не надо ни пламени, ни песен, ни вопросов.

Когда я не сдвинулся с места, она махнула рукой прочь.

— Ступай в лес. Далеко не уходи, но не тревожь меня столько времени, сколько нужно, чтобы четырежды слиться воедино.

И голос у нее тоже слегка изменился. Он был по-прежнему мягок, и все же в нем появилась какая-то ломкая резкость, которая меня тревожила.

Я уже собирался протестовать, но тут она бросила на меня такой ужасный взгляд, что я, не раздумывая, кинулся в лес.

Некоторое время я бесцельно блуждал, пытаюсь взять себя в руки. Это было нелегко: я был в чем мать родила, и меня только что прогнали прочь оттуда, где творилась серьезная магия, как мать прогоняет от кухонного очага назойливого малявку.

Тем не менее я понимал, что в течение некоторого времени на поляне лучше не появляться. А потому я обратился лицом в сторону Дня и отправился на разведку.

Не знаю, почему я в тот день забрел так далеко. Фелуриан же предупреждала меня, чтобы я держался поблизости, и я понимал, что это был разумный совет. Сотни сказок, слышанных мною в детстве, предупреждали о том, как опасно заблудиться в Фейе. Да ладно сказки — одних только историй, которых я наслушался от Фелуриан, должно было

хватить, чтобы не забредать далеко от ее сумеречной рощи.

Полагаю, отчасти виной тому мое природное любопытство. Но основная причина все же в моей уязвленной гордости. Гордость и глупость, они всегда ходят рука об руку.

Я шел вперед добрый час. Небо надо мной мало-помалу светлело, и наконец наступил настоящий день. Я отыскивал нечто вроде тропы, но никого живого не встречал, если не считать редких бабочек да проскакавшей сверху белки.

С каждым новым шагом меня все сильнее терзали скука и тревога одновременно. Но я же был в Фейе, в конце-то концов! Вокруг должны были твориться всякие чудеса. Где же стеклянные замки? Огненные фонтаны? Кровожадные троввы? Где босоногие старики, готовые поделиться мудрым советом?..

Деревья расступились, и передо мной распростерлись луга. Все места в Фейе, что показывала мне Фелуриан, были лесными. Очевидно, то был верный знак, что я забрел за пределы тех земель, где мне следовало находиться.

И тем не менее я шагал все дальше, с удовольствием подставляя кожу солнышку после того, как столько времени провел на сумрачной прогалине Фелуриан. Тропа, по которой я шел, похоже, вела к одинокому дереву, что стояло посреди луга. Я решил дойти до дерева, а потом уж повернуть обратно.

Однако сколько я ни шел, а дерево как будто ничуть не приближалось. Поначалу я счел это очередной причудой Фейе, но, по мере того как я упрямо шагал вперед, мне мало-помалу стало ясно, в чем причина. Дерево попросту было больше, чем я думал. Гораздо больше и гораздо дальше.

В конце концов оказалось, что тропа не ведет к дереву. Не доходя до него, она сворачивала в сторону, делая крюк не меньше километра. Я уже подумывал было повернуть назад, но тут мое внимание привлекло нечто цветное, мелькнувшее под деревом. После короткой борьбы любопытство одержало-таки верх, и я шагнул с тропы в высокую траву.

Подобных деревьев я никогда прежде не видел. Я медленно приблизился к нему. Оно напоминало огромную раскидистую иву, только листья пошире и более темные. У дерева была густая плакучая крона, усеянная бледными серовато-голубыми цветами.

Ветер налетел с другой стороны, и когда листва зашевелилась, я ощутил незнакомый сладкий аромат. Пахло дымом, пряностями, кожей и лимоном. Перед этим запахом невозможно было устоять. Нельзя сказать, чтобы он был аппетитный. Рот у меня не наполнился слюной, в животе не

забурчало. И тем не менее, если бы я увидел на столе нечто, что так пахло, будь то даже булыжник или деревяшка, мне тут же захотелось бы сунуть это в рот. Не от голода, а из чистого любопытства, как маленькие дети, которые тянут в рот что попало.

Когда я подошел ближе, зрелище ошеломило меня своей красотой: на фоне темной зелени бросались в глаза бабочки, перепархивающие с ветки на ветку, пьющие нектар из бледных цветков. То, что я поначалу принял за клумбу у корней дерева, оказалось сплошным ковром бабочек. У меня захватило дух, и я остановился, не доходя метров двадцати до границ кроны, чтобы не спугнуть насекомых.

Некоторые из бабочек, порхающие вокруг цветов, были лиловые с черным или синие с черным, такие же, как на прогалине Фелуриан. Другие были целиком ярко-зеленые, или желтые с серым, или серебристо-голубые. Но мое внимание привлекла одинокая крупная красная бабочка, малиново-алая с тонюсенькими золотыми прожилками. Крылья у нее были больше моей ладони. Она залетела поглубже в листву в поисках свежих цветов.

Внезапно ее крылышки беспомощно затрепыхались. Они оторвались и порознь слетели на землю, точно падающие осенние листья.

И только проводив их взглядом к подножию дерева, я понял, в чем дело. Там не было отдыхающих бабочек... земля была усеяна безжизненными крылышками. Тысячи и тысячи крылышек устилали траву в тени дерева подобно самоцветному одеялу.

— Красные бабочки оскорбляют мое эстетическое чувство, — холодно и сухо заявил голос с дерева.

Я отступил на шаг, взглядываясь в густой балдахин плакучих ветвей.

— Ну и манеры у тебя! — поддел меня сухой голос. — Даже не представился! Да еще и пялишься!

— Прошу прощения, сударь, — серьезно ответил я. Потом вспомнил цветы на дереве и поправился: — Сударыня. Но я никогда прежде не разговаривал с деревьями и оттого слегка растерялся.

— Да уж, оно и видно! Я тебе не дерево. Так же, как человек — не стул. Я — Ктаэх. Тебе повезло, что ты меня нашел. Многие позавидовали бы твоей удаче.

— Удаче? — переспросил я, пытаюсь разглядеть, кто же все-таки разговаривает со мной из ветвей. В памяти шевелился обрывок старой истории, кусок народной легенды, которую я прочел, пока искал сведения о чандрианах...

— Ты — оракул! — сказал я.

— Оракул? Оригинально. Не пытайся лепить на меня ярлыки. Я —

Ктаэх. Я есмь. Я вижу. Я знаю.

Пара переливчатых, синих с черным крылышек порознь опустилась на землю там, где только что была бабочка.

— Иногда я говорю.

— Мне казалось, тебя оскорбляют красные бабочки.

— А красных не осталось, — равнодушно пояснил голос. — Синие же смотрятся несколько слащаво.

В ветвях что-то мелькнуло, и еще одна пара сапфировых крылышек, медленно кружась, начала опускаться на землю.

— Ты же новый людь Фелуриан, да?

Я замялся, но сухой голос продолжал так, будто я ответил:

— Ну да, так и есть. От тебя несет железом. Самую малость. И все равно странно, как она это выносит.

Пауза. Что-то мелькнуло в ветвях. Слегка колыхнулся десяток листочков. Еще одна пара крылышек затрепыхалась и принялась опускаться на землю.

— Ну давай, — продолжал голос, который теперь доносился с другой стороны дерева, хотя обладателя его по-прежнему не видно было в листве. — Наверняка у любопытного мальчика найдется пара вопросов. Давай. Спрашивай. Твое молчание меня оскорбляет.

Я поколебался, потом сказал:

— Пожалуй, у меня и впрямь найдется пара вопросов.

— Ах-ха-а! — медленно и удовлетворенно протянул голос. — То-то же!

— Что ты можешь рассказать мне об амир?

— Пф-фш-ш! — в голосе послышалось раздражение. — В чем дело? Чего ты осторожничаешь? Зачем ходишь вокруг да около? Спрашивай про чандриан, и дело с концом!

Я застыл, ошеломленный и безмолвный.

— Удивлен? А что тебя удивляет? Боже, мальчик, ты же как прозрачный пруд! Сквозь тебя видно на три метра в глубину, а там всей и глубины-то не больше метра!

В ветвях снова мелькнуло, и сразу две пары крылышек закружились в воздухе — одна синяя, другая лиловая.

Мне померещилось, что в ветвях показалось нечто жилистое, однако оно тут же исчезло в бесконечном колыхании дерева.

— А лиловую за что? — спросил я, просто затем, чтобы что-нибудь спросить.

— А так, из вредности, — ответил голос. — Из зависти к ее

невинности и беззаботности. И вообще, они такие миленькие, мне это приелось. Так же, как и преднамеренное невежество.

Пауза.

— Ну так что, ты же хочешь спросить у меня про чандриан?

Мне ничего не оставалось, как кивнуть.

— Да тут, на самом деле, и рассказывать-то особо нечего, — легкомысленно сообщил голос. — Однако же тебе лучше называть их просто «Семеро». А то к слову «чандрианы» за все эти годы налипло столько побасенок. Прежде-то эти названия были взаимозаменяемыми, но в наше время, если сказать «чандрианы», всем сразу приходят на ум людоеды, грызни и бука. Ужасно глупо!

Последовала долгая пауза. Я стоял неподвижно, пока не сообразил, что существо ждет моей реакции.

— А дальше? — спросил я. Мой голос мне самому показался ужасно чужим.

— А тебе зачем? — мне померещилась игривая нотка.

— Потому что мне надо знать, — ответил я, пытаюсь придать своему голосу хоть немного твердости.

— Надо? — скептически переспросил Ктаэх. — С чего это вдруг? Возможно, университетские магистры знают ответы на вопросы, которые ты ищешь. Но тебе они не скажут, даже если ты спросишь, а ты не спросишь. Ты для этого слишком гордый. Слишком умный, чтобы просить помощи. Слишком заботишься о собственной репутации.

Я попытался ответить, но сумел выдавить только сухой хрип. Я сглотнул и начал заново:

— Ну, пожалуйста! Мне надо это знать. Они убили моих родителей.

— Ты что, собираешься убить чандриан? — голос звучал заворуженно, почти ошарашенно. — Взять, выследить их и убить, и все это в одиночку? Ничего себе! И как же ты собираешься это сделать? Хелиакс живет на свете целых пять тысяч лет. Пять тысяч лет, и ни секунды сна.

Впрочем, полагаю, тебе хватит ума отправиться искать амир. Даже такой гордец, как ты, способен понять, что без помощи не справиться. Возможно, орден и согласится тебе помочь. Беда в том, что отыскать их не проще, чем самих Семерых. Ай-яй-яй! Что же делать нашему отважному мальчугану?

— Расскажи!

Я хотел крикнуть это, но получилась униженная просьба.

— Думаю, это выводит из себя, — спокойно продолжал Ктаэх. — Те немногие, кто в чандриан верит, слишком запуганы, чтобы говорить об

этом, а все остальные только посмеются, если ты их об этом спросишь.

Последовал театральный вздох — как будто с нескольких сторон кроны сразу.

— Однако же такова цена, которой приходится расплачиваться за культуру.

— Какая цена? — спросил я.

— Самонадеянность, — ответил Ктаэх. — Ты уверен, будто знаешь все на свете. Ты смеялся над фейри, пока сам не встретил одну из них. Неудивительно, что твои культурные знакомые точно так же не верят в чандриан. Тебе придется оставить свои драгоценные закоулки далеко позади, прежде чем ты найдешь кого-то, кто воспримет это всерьез. Тебе не на что надеяться, пока ты не дойдешь до Штормвала.

Оно умолкло. Еще одна пара лиловых крылышек слетела на землю. Я сглотнул — в горле у меня пересохло, — стараясь придумать, что бы такое спросить, чтобы получить побольше сведений.

— Ты же понимаешь, немногие отнесутся всерьез к твоим поискам амир, — спокойно продолжал Ктаэх. — Однако маэр — человек весьма неординарный. Он уже подошел к ним вплотную, хотя и не догадывается об этом. Держись маэра, и он приведет тебя к их порогу.

Послышалось тоненькое сухое хихиканье.

— Клянусь кровью, колючкой и костью, жаль, что у вас, жалких тварей, не хватит ума оценить меня! Забудь что хочешь, но слова мои помни. В конце концов ты поймешь, в чем соль шуток. Я гарантирую это. Ты от души посмеешься, когда придет время.

— И все же, что ты можешь рассказать о чандрианах? — спросил я.

— Ну, раз уж ты так любезно интересуешься, тебе нужен Пепел. Помнишь Пепла? Белые волосы. Черные глаза. Знаешь, что он делал с твоей матерью? Страшные вещи. Однако она держалась молодцом. Лориана была прирожденной актрисой, извини за выражение. Куда лучшей актрисой, чем твой отец: он так стenal и молил...

У меня перед глазами вспыхнули картины того, о чем я столько лет пытался забыть. Мать, с мокрыми от крови волосами, с неестественно вывороченными руками, переломанными в запястьях, в локтях... Отец со вспоротым животом, оставивший кровавый след длиной в восемь метров. Он полз, чтобы умереть поближе к ней... Я попытался заговорить, но во рту пересохло.

— Почему? — прохрипел я.

— Почему? — откликнулся Ктаэх. — Какой хороший вопрос! Я знаю много-много ответов на него. Почему они так дурно обошлись с твоими

бедными родителями? Потому что им так хотелось, потому что у них было время и вдохновение, потому что у них были на то причины.

Почему они оставили тебя в живых? Потому что они растяпы, потому что тебе повезло, потому что что-то их спугнуло.

«Что же их спугнуло?» — тупо подумал я про себя. Но это было уже слишком. Воспоминания, то, что говорил этот голос... Мои губы безмолвно зашевелились, вопрошая...

— Что-что? — переспросил Ктаэх. — Ты снова хочешь спросить почему? Тебя интересует, почему я тебе говорю все это? Что в этом толку? А может, этот Пепел и со мной как-то раз сыграл дурную шутку. А может, мне забавно будет поглядеть, как щенок вроде тебя щелкает зубами возле его пяток. А может, твои связки тихо скрипят, когда ты стискиваешь кулаки, и для меня это звучит сладостной симфонией. О да, так и есть. Можешь быть уверен.

Почему ты не можешь отыскать этого Пепла? О-о, какой интересный вопрос. Всякий может подумать, что человек с угольно-черными глазами непременно привлечет внимание, даже если просто зайдет пропустить стаканчик. Как же так получилось, что тебе за все это время не удалось напасть на его след?

Я потряс головой, пытаюсь избавиться от запаха крови и паленых волос.

Ктаэх, похоже, воспринял это как ответ.

— Да, верно, полагаю, тебе не надо рассказывать, как он выглядит. Ты же его видел не далее как пару дней назад.

До меня наконец дошло. Главарь разбойников! Изящный человек в кольчуге! Пепел. Тот самый, что говорил со мной, когда я был ребенком. Человек с ужасной улыбкой и мечом как зимний лед.

— Жаль, жаль, что ему удалось уйти, — продолжал Ктаэх. — И все же, признайся, тебе изрядно повезло. Шанс повстречать его снова представляется раз в жизни. Жаль, что ты его упустил. Но ты не переживай, что не узнал его. Они хорошо наострились скрывать то, что способно их выдать. Так что это совсем не твоя вина. Ведь прошло так много времени. Годы! К тому же ты был занят: заискивал перед властью имущими, кувыркался в подушках с хорошенькой эльфийкой, удовлетворял свои основные инстинкты...

Три зеленые бабочки затрепыхались одновременно. Их крылышки, опадавшие на землю, выглядели как листья.

— Кстати, насчет инстинктов: а что скажет твоя Денна? Ой-ей-ей! Представь, если бы она увидела тебя здесь? Как вы с твоей эльфийкой

трахаетесь, будто кролики. Кстати, он ведь ее бьет. Покровитель-то ее. Нет, не все время, но частенько. Иногда — со зла, но в основном для него это просто забава. Как далеко он сможет зайти, прежде чем она расплатится? Прежде чем она решится уйти и придется снова заманивать ее обратно? Ничего из ряда вон выходящего, заметь себе. Никаких ожогов. Ничего такого, от чего остаются шрамы. Пока еще нет.

Вот пару дней назад он избил ее тростью. Это было нечто новенькое. У нее под одеждой теперь рубцы толщиной с твой большой палец. Она дрожит на полу, на губах у нее кровь, и знаешь, о чем она думает, прежде чем потерять сознание? О тебе. Она думает о тебе. Ты о ней тоже думал, подозреваю. В перерывах между купанием, земляникой и всем прочим.

Ктаэх издал звук, похожий на вздох.

— Бедная девочка, она так к нему привязана! Думает, будто ничего лучшего она и не достойна. Она не уйдет от него, даже если ты попросишь. Но ты и не попросишь. Ты же такой осторожный. Так боишься ее отпугнуть. Правильно боишься, между прочим. Она ведь привыкла спасаться бегством. Теперь вот и из Северена уехала, и сумеешь ли ты отыскать ее снова?

Жалко все-таки, что ты тогда ушел, не сказав ни слова. А ведь она только-только начала тебе доверять. До того, как ты разозлился. До того, как ты сбежал. Как и все прочие мужчины в ее жизни. Как и все прочие мужчины. Ты так ее хотел, говорил столько ласковых и нежных слов, а потом взял и ушел. И бросил ее одну. Хорошо еще, что она уже привыкла к этому. А то бы ты ее ужасно огорчил. Ты мог бы разбить сердце бедной девушки...

Это было уже слишком. Я повернулся и сломя голову побежал назад, туда, откуда пришел. Назад, в тихий полумрак прогалины Фелуриан. Прочь. Прочь. Прочь откуда!

И на бегу я слышал у себя за спиной голос Ктаэха. Этот сухой, ровный голос преследовал меня куда дольше, чем я считал возможным:

— Вернись. Вернись. Мне еще так много надо тебе сказать! Ну куда же ты? Вернись!

* * *

Прошло несколько часов, прежде чем я вернулся на прогалину Фелуриан. Даже не знаю, как я нашел дорогу. Я только помню, что внезапно увидел среди деревьев ее беседку. При виде этой беседки

безумный круговорот моих мыслей наконец-то замедлился, и я вновь обрел способность соображать.

Я спустился к озерцу, как следует напился, плеснул водой себе в лицо, чтобы прийти в себя и смыть следы слез. Немного поразмыслил, потом встал и направился к беседке. И только теперь обнаружил, что все бабочки куда-то делись. Обычно вокруг порхало хотя бы несколько штук, а теперь ни одной не осталось.

Фелуриан была там, но ее вид только сильнее выбил меня из колеи. Это был первый и единственный раз, когда она не выглядела безупречно прекрасной. Она лежала среди подушек, изможденная и усталая. Как будто я отсутствовал не несколько часов, а несколько дней и все это время она не спала и не ела.

Услышав мои шаги, она устало подняла голову.

— Готово, — сказала она. Но, когда она посмотрела на меня, глаза у нее расширились от изумления...

Я опустил взгляд и увидел, что я весь изодран колючками и окровавлен. Я был заляпан грязью, весь левый бок у меня был в травяной зелени. Должно быть, я упал, пока без памяти убегал прочь от Ктаэха.

Фелуриан резко села.

— Что с тобой стряслось?

Я рассеянно соскреб с локтя запекшуюся кровь.

— Я мог бы спросить о том же у тебя.

Мой голос звучал глухо и хрипло, как будто я сорвал его криком. Подняв глаза, я увидел, что она смотрит на меня с неподдельной озабоченностью.

— Я пошел в сторону Дня. И нашел на дереве какое-то существо. Оно называет себя Ктаэх.

Услышав это имя, Фелуриан замерла.

— Ктаэх? Ты говорил с ним?

Я кивнул.

— Ты задавал вопросы?

Но не успел я ответить, как она издала негромкий отчаянный возглас и ринулась ко мне. Она принялась ощупывать мое тело, словно проверяла, не ранен ли я. Через минуту она взяла мое лицо в ладони и заглянула мне в глаза так, словно боялась того, что может там увидеть.

— С тобой все в порядке?

Ее забота заставила меня слабо улыбнуться. Я хотел было заверить ее, что все отлично, но тут вспомнил то, что говорил Ктаэх. Вспомнил огонь и человека с черными как смоль глазами. Подумал о Денне, распростертой на

полу, с кровью на губах. На глаза навернулись слезы, и я захлебнулся рыданиями. Я отвернулся и потряс головой, плотно зажмурившись, не в силах вымолвить ни слова.

Она погладила меня по затылку и сказала:

— Все хорошо. Боль уйдет. Он тебя не укусил, глаза у тебя ясные, значит, все хорошо.

Я отстранился, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Глаза?

— Ктаэх говорит такие вещи, что это может сломать человеку голову. Но если бы это произошло с тобой, я бы увидела. Ты по-прежнему мой Квоут, мой нежный поэт.

Она подалась вперед с несвойственной ей нерешительностью и ласково поцеловала меня в лоб.

— Он лжет людям и сводит их с ума?

Фелуриан покачала головой.

— Ктаэх никогда не лжет. Он обладает даром прозрения, но говорит только то, что может ранить. Только деннерлинг станет разговаривать с Ктаэхом.

Она коснулась моей шеи, чтобы смягчить свои слова.

Я кивнул, понимая, что это правда. И разрыдался.

ГЛАВА 105

ИНТЕРЛЮДИЯ

НЕ ЛИШЕНЫ ПРИЯТНОСТИ

Квоут подал Хронисту знак, чтобы тот пока не писал.

— С тобой все в порядке, Баст? — он озабоченно взглянул на своего ученика. — У тебя такой вид, словно ты кусок железа проглотил.

Баст был явно потрясен. Его лицо стало бледным, почти восковым. И привычное веселое выражение сменилось ужасом.

— Реши, — прошелестел он голосом сухим, как палая листва, — ты мне никогда не рассказывал, что говорил с Ктаэхом!

— Мало ли о чем я тебе не рассказывал, Баст! — легкомысленно ответил Квоут. — Именно потому ты и находишь грязные подробности моей жизни столь захватывающими.

Баст усмехнулся и вздохнул с облегчением.

— Так, значит, этого не было! Я имею в виду, ты же с ним не разговаривал, да? Так просто, присочинил для красочности?

— Ну, знаешь ли, Баст! — Квоут явно обиделся. — Моя история и без того достаточно красочна, чтобы я еще что-то присочинял!

— Не ври! — внезапно рявкнул Баст — он аж подпрыгнул на стуле от ярости. — Не ври мне об этом! Не смей!

Он с размаху врезал ладонью по столу, опрокинул свою кружку, чернильница Хрониста упала и покатилась в сторону.

Хронист в мгновение ока схватил недописанный лист и ногами оттолкнулся от стола, чтобы спасти рукопись от брызг чернил и пива.

Баст подался вперед, тыча пальцем в Квоута, лицо у него побагровело.

— Мне плевать, из какого еще дерьма ты тут делаешь конфетку! Но на этот счет врать не смей, Реши! Только не мне!

Квоут указал в сторону Хрониста, который сидел, обеими руками сжимая спасенный листок.

— Баст, — сказал он, — это мой шанс честно и полностью поведать историю моей жизни. И все, что я говорю...

Баст зажмурился и замолотил кулаками по столу, точно капризный ребенок.

— Заткнись! Заткнись!!! Заткни-и-ись!!!

Он указал на Хрониста.

— Реши, мне трижды наплевать, что ты рассказываешь ему. Он все равно будет писать, что я скажу, а не то я сожру его сердце на рыночной площади!

Он снова указал на трактирщика и яростно потряс пальцем.

— Но мне ты расскажешь правду, и немедленно!

Квоут посмотрел на своего ученика, и его улыбка медленно растаяла.

— Баст, мы с тобой оба знаем, что я не против того, чтобы приукрасить хорошую байку. Но эта история — дело другое. Это мой шанс записать все как было. Это та правда, которая стоит за байками.

Черноволосый юноша сгорбился на стуле и закрыл глаза ладонью.

Квоут посмотрел на него озабоченно.

— С тобой все в порядке?

Баст потряс головой, по-прежнему прикрывая глаза.

— Баст, — мягко сказал Квоут, — у тебя рука в крови.

Он выдержал долгую паузу, потом спросил:

— Баст, в чем дело?

— Вот именно! — выпалил Баст пронзительным, истеричным тоном, раскинув руки. — Я, кажется, наконец-то понял, в чем дело!

И Баст разразился хохотом, но хохот его звучал натужно и неестественно и завершился чем-то похожим на рыдание. Баст задрал голову к потолку, глаза у него блестели. Он сморгнул, словно сдерживал слезы.

Квоут подался вперед и положил ему руку на плечо.

— Баст, прошу тебя...

— Ты просто столько всего знаешь! — сказал Баст. — Слишком много всего такого, чего тебе знать не положено. Про берентальту знаешь. Про белых сестер, про путь смеха. Как же ты можешь не знать про Ктаэха? Это же... это же чудовище!

Квоут приметно расслабился.

— Боже милосердный, Баст, и это все? Ты ж меня в пот вогнал. Мне доводилось встречаться с вещами похуже...

— Хуже Ктаэха ничего нет и быть не может! — выкрикнул Баст и снова грохнул стиснутым кулаком по столешнице. На этот раз послышался треск, как будто толстая доска не выдержала и проломилась. — Слушай, Реши, заткнись и слушай! Я серьезно.

Баст на миг опустил голову, тщательно подбирая слова.

— Ты знаешь, кто такие ситхе?

Квоут пожал плечами.

— Одна из фракций фейе. Могущественные, благонамеренные...

Баст взмахнул руками.

— Ничего ты о них не знаешь, раз зовешь их «благонамеренными»! Но да, если кто из фейе и трудится во имя блага, то это они. Их древнейшая и важнейшая задача — это не давать Ктаэху общаться ни с кем. Ни с кем!

— Никакой охраны я там не видел, — сказал Квоут тоном человека, успокаивающего испуганное животное.

Баст взъерошил волосы у себя на голове.

— Клянусь всей солью, что во мне, я не могу понять, как ты их миновал, Реши! Если кому-то удастся вступить в контакт с Ктаэхом, ситхе его убивают. Их боевые луки из рога бьют на километр. Они убивают и оставляют труп гнить. И если на труп опустится ворона, они убивают и ворону тоже!

Хронист тихо кашлянул и спросил:

— Но если то, что ты говоришь, правда, зачем тогда кому-то отправляться к Ктаэху?

Баст было собрался огрызнуться, но вместо этого только тяжело вздохнул.

— Честно говоря, — сказал он, — мой народ не отличается благоразумием. Любой ребенок среди фейе знает, что такое Ктаэх, и все равно всегда находится кто-то, кому неймется с ним поговорить. К нему идут за ответами на вопросы или за предсказанием будущего. А некоторые надеются добыть цветок...

— Цветок? — переспросил Квоут.

Баст снова изумленно уставился на него.

— Ну как же, ринна!

Не видя понимания в лице трактирщика, он горестно покачал головой.

— Реши, эти цветы — панацея. Они лечат любую болезнь. Исцеляют от любого яда. Живят любые раны.

Услышав это, Квоут вскинул брови.

— Ага! — сказал он, глядя на свои руки, сложенные на столе. — Да, понимаю. Теперь понятно, отчего многих туда тянет, даже если все знают, что ходить туда не стоит.

Трактирщик поднял голову.

— Но, должен признаться, я все-таки не вижу, в чем проблема, — сказал он виноватым тоном. — Я повидал немало чудовищ, Баст. Ктаэху до них далеко будет.

— Я просто неудачно выразился, Реши, — признался Баст. — Но я не могу придумать лучшего слова. Если бы я знал слово, обозначающее нечто ядовитое, гнусное и заразное, я бы его использовал.

Баст перевел дух и подался вперед.

— Реши, Ктаэх видит будущее. Не смутно и двусмысленно, как какие-нибудь провидцы. Он видит все будущее. Отчетливо. Во всех подробностях. Все, что может случиться в будущем, со всеми разветвлениями, начиная с текущего момента.

Квоут вскинул бровь.

— Ах вот как? В самом деле?

— В самом деле, — очень серьезно ответил Баст. — И при этом он представляет собой чистое, незамутненное зло. По большей части это не проблема, дерево-то он покинуть не может. Но если кто-нибудь является к нему сам...

Взгляд Квоута сделался отстраненным, и он кивнул в ответ на собственные мысли.

— Если он знает будущее во всех подробностях, — медленно произнес он, — он знает и то, как именно человек или фейе поведет себя, узнав то, что он ему скажет.

Баст кивнул.

— И он злой, Реши.

Квоут продолжал размышлять вслух:

— Это означает, что любой, на кого повлиял Ктаэх, становится стрелой, пущенной в будущее.

— Стрела, Реши, может поразить только одного, — черные глаза Баста были пусты и безнадежны. — А тот, на кого повлиял Ктаэх, — это чумной корабль, плывущий в гавань.

Баст указал на полуисписанный листок, который держал на коленях Хронист.

— Если бы ситхе знали, что этот текст существует, они не пожалели бы сил, чтобы его уничтожить. Они убили бы нас всех за то, что мы слышали, что сказал Ктаэх.

— Потому что все и всё, что уносит влияние Ктаэха прочь от дерева... — сказал Квоут, глядя на свои руки. Он долго сидел молча и задумчиво кивал. — Значит, юноша, ищущий счастья, приходит к Ктаэху и уносит оттуда цветок. Королевская дочка смертельно больна, и он приносит цветок, чтобы ее исцелить. Они влюбляются друг в друга, невзирая на то, что она помолвлена с принцем соседнего королевства...

Баст тупо смотрел на Квоута.

— В одну прекрасную лунную ночь они отваживаются бежать, — продолжал Квоут. — Однако юноша оступается и падает с крыши, и беглецов хватают. Принцессу выдают замуж против ее воли, и в первую

брачную ночь она убивает своего принца ударом кинжала. Принц умирает. Начинается война. Поля горят, почвы засаливаются. Голод. Чума...

— Это история Фастингсвейской войны, — тихо произнес Баст.

Квоут кивнул.

— Это одна из историй, что рассказывала мне Фелуриан. До сих пор я не понимал, при чем тут цветок. Про Ктаэха она не упоминала.

— Она бы и не стала про него упоминать, Реши. Это считается дурной приметой.

Баст покачал головой.

— Даже нет, не так. Это как плюнуть ядом кому-то в ухо. Так просто не делают.

К Хронисту отчасти вернулось присутствие духа, и он снова подвинулся к столу, не выпуская из рук драгоценный листок. Он нахмурился, глядя на столешницу, треснутую и залитую пивом и чернилами.

— Видно, у этого создания та еще репутация, — сказал он. — И все же мне не верится, что оно так уж опасно...

Баст посмотрел на Хрониста, словно не веря своим ушам.

— Железо и желчь! — негромко произнес он. — Ты что думаешь, я маленький, что ли? Ты думаешь, я не способен отличить истину от баек, что рассказывают в ночи у костра?

Хронист примирительно помахал рукой.

— Да нет, я вовсе не это хотел...

Баст, не сводя глаз с Хрониста, положил свою окровавленную ладонь плашмя на стол. Дерево заскрипело, треснутые доски с хрустом сомкнулись и стали на место. Баст поднял ладонь, потом хлопнул ею по столу, и темные ручейки чернил и пива внезапно скрутились и обернулись угольно-черной вороной. Ворона захлопала крыльями, сорвалась с места и сделала круг по залу.

Баст поймал ее обеими руками, небрежно разорвал птицу пополам и подбросил половинки в воздух, где они взорвались клубами кроваво-алого пламени.

Все это случилось не более чем за один вздох.

— Все, что тебе известно о фее, поместится в наперстке, — сказал Баст тусклым, ровным тоном, глядя на Хрониста совершенно безо всякого выражения на лице. — Как же ты смеешь сомневаться в моих словах? Ты ведь понятия не имеешь, кто я такой!

Хронист окаменел, но глаз не отвел.

— Клянусь своим языком и зубами, — твердо и решительно сказал

Баст. — Клянусь дверьми из камня. Трижды тысячу раз вам говорю — ни в моем, ни в вашем мире нет ничего опаснее Ктаэха.

— Не надо, Баст, — тихо ответил Квоут. — Я тебе верю.

Баст обернулся, посмотрел на Квоута и ссутулился у себя на стуле.

— Эх, Реши, лучше бы ты мне не верил!

Квоут криво улыбнулся.

— Значит, после того как ты встретился с Ктаэхом, любой твой выбор будет неверен.

Баст покачал головой. Лицо у него побледнело и вытянулось.

— Нет, Реши. Любой твой выбор приведет к катастрофе. Иакс говорил с Ктаэхом перед тем, как похитил луну, что привело к войне творения. Ланре говорил с Ктаэхом перед тем, как погубил Мир Тариниэль. Создание Безымянных. Скендины. Все это восходит к Ктаэху.

Лицо Квоута застыло.

— Что ж, по крайней мере, я очутился в интересной компании, а? — сухо сказал он.

— Мало того, Реши, — сказал Баст. — В наших пьесах, если на декорациях в отдалении изображено дерево Ктаэха, сразу становится ясно, что это будет самая жуткая трагедия. Его рисуют нарочно, чтобы зрители знали, чего ожидать. Чтобы они знали, что кончится все хуже некуда.

Квоут долго-долго смотрел на Баста.

— Ах, Баст, — тихо сказал он своему ученику. И улыбнулся, мягко и грустно. — Я же понимаю, что за историю я рассказываю. Это далеко не комедия.

Баст смотрел на него пустым, безнадежным взглядом.

— Но, Реши...

Он пошевелил губами, как бы пытаясь подобрать нужные слова, — и не сказал ничего.

Рыжий трактирщик обвел жестом пустой зал.

— Это же конец истории, Баст. И все мы это знаем, — Квоут говорил спокойным, скучным тоном, словно вчерашнюю погоду обсуждал. — Я прожил занятную жизнь, и эти воспоминания не лишены приятности. Но...

Квоут перевел дух и медленно выдохнул воздух.

— Но это отнюдь не приключенческий роман. Не легенда, где герои воскресают из мертвых. Не воодушевляющий эпос, призванный будоражить кровь. Нет. Все мы знаем, что это за история.

Мгновение казалось, будто он вот-вот скажет что-то еще, но вместо этого его взгляд рассеянно блуждал по пустынному трактиру. Лицо его было спокойно: ни гнева, ни горечи.

Баст стрельнул глазами в сторону Хрониста, но на этот раз в его взгляде не было пламени. Ни гнева. Ни ярости. Ни властного приказа. Глаза Баста были отчаянные, молящие.

— Но история не кончена, раз ты все еще здесь, — сказал Хронист. — Какая же это трагедия, ведь ты жив!

Баст с жаром закивал и снова уставился на Квоута.

Квоут посмотрел на них, потом улыбнулся и хмыкнул.

— Эх, — ласково сказал он, — какие ж вы оба еще молодые!

ГЛАВА 106

ВОЗВРАЩЕНИЕ

После встречи с Ктаэхом я еще долго не мог прийти в себя.

Я спал много, но беспокойно: мне то и дело снились кошмары. Некоторые из них были особенно яркие и незабываемые. В основном о матери, об отце, о моей трупке. Еще хуже были те, после которых я просыпался в слезах, не помня, что мне снилось, но с болью в груди и с пустотой в голове, похожей на кровавую дыру на месте выбитого зуба.

В первый раз, когда я так пробудился, Фелуриан сидела рядом и смотрела на меня. Лицо у нее было такое доброе и озабоченное, что я уж думал, что она вот-вот прошепчет что-то ласковое и погладит меня по голове, как делала Аури у меня в комнате несколько месяцев тому назад.

Но Фелуриан ничего такого не сделала.

— Ты в порядке? — спросила она.

Я не знал, что ответить. Голова шла кругом от воспоминаний, смятения и горя. Я не решился заговорить, чтобы не разрыдаться снова, и только покачал головой.

Фелуриан нагнулась, поцеловала меня в уголок губ, посмотрела долгим взглядом и снова села. Потом спустилась к озерцу и принесла мне напиток в ладонях.

В следующие дни Фелуриан не забрасывала меня вопросами и не пыталась вызвать на разговор. Время от времени она пыталась рассказывать мне истории, но я никак не мог на них сосредоточиться — они казались еще менее внятными, чем прежде. В некоторых местах я принимался неудержимо рыдать, хотя в самих историях ничего печального не было.

Один раз, проснувшись, я обнаружил, что она исчезла. Через несколько часов она вернулась и принесла странный зеленый плод больше моей головы. Застенчиво улыбнулась и протянула его мне, показав, как правильно чистить тонкую шкурку, чтобы добраться до оранжевой мякоти внутри. Мясистая, кисло-сладкая, она распадалась на спирально расположенные дольки.

Мы молча ели плод, пока от него не осталось ничего, кроме круглой, твердой, скользкой косточки. Косточка была темно-коричневая и такая большая, что не помещалась в мой кулак. Фелуриан не без

торжественности разбила косточку о камень и показала ее ядро, сухое, как каленый орех. Мы съели и его тоже. Вкус у ядра был насыщенный и острый, отдаленно напоминающий копченую лососину.

А внутри косточки было семечко, белое как кость, величиной с лесной орешек. Семечко Фелуриан отдала мне. Оно было сладкое, как конфета, и немного липкое, словно карамель.

Как-то раз она оставила меня одного на много часов и вернулась с двумя бурыми птичками, бережно неся по одной в каждой ладони. Птички были поменьше воробья, с удивительными глазами, зелеными, как листва. Она усадила их на подушки подле меня, свистнула, и птички запели. Не короткими трелями, как поют птицы, нет, то была настоящая песня. Четыре куплета и припев между ними. Поначалу они пели в унисон, потом на два голоса.

В другой раз, когда я проснулся, она напоила меня из кожаной чаши. Питье пахло фиалками и не имело никакого особенного вкуса, но после него во рту сделалось свежо, тепло и чисто, как будто я напился летнего солнышка.

Еще как-то раз она дала мне гладкий красный камушек, теплый на ощупь. Через несколько часов камушек проклюнулся, как яйцо, и из него вылупилось существо, похожее на крошечную белочку. Белочка сердито зацокала на меня и усакала.

Один раз я проснулся и увидел, что ее нет поблизости. Оглядевшись, я увидел, что она сидит у воды, обняв руками колени. Мне было почти не слышно, как она нежно и мелодично всхлипывает себе под нос.

Я засыпал и просыпался. Она дарила мне то кольцо, сплетенное из листика, то гроздь золотистых ягод, то цветок, который открывался и закрывался, когда до него дотронешься...

А как-то раз, когда я снова вскинулся со слезами на глазах и болью в груди, она протянула руку и накрыла мою ладонь своей. Этот жест был так робок, лицо ее было таким встревоженным, что можно было подумать, будто она никогда прежде не касалась мужчины. Словно она боялась, что я сломаюсь, или вспыхну огнем, или укушу ее. Ее прохладная ладошка на миг опустилась на мою руку, легко, точно мотылек. Она слегка стиснула мою руку и немного погодя отпустила ее.

Тогда мне это казалось странным. Но мой разум был слишком помрачен смятением и скорбью, и я плохо соображал. Только теперь, оглядываясь назад, я понимаю, в чем было дело. Она со всей неуклюжестью неопытной влюбленной пыталась утешить меня и понятия не имела, как это сделать.

Однако время лечит все. Сны мало-помалу отступили. Ко мне вернулся аппетит. В голове прояснилось достаточно, чтобы я смог поболтать с Фелуриан о том о сем. Вскоре после этого я оправился достаточно, чтобы начать заигрывать с ней. Когда это произошло, она явно испытала ощутимое облегчение, словно ей было не по себе, когда она общалась с тем, кто не стремился ее целовать.

И последним ко мне вернулось любопытство — самый верный знак, что я снова стал самим собой.

— А я ведь так и не спросил тебя, чем кончилось дело с шаэдом, — сказал я.

Она просияла.

— Шаэд готов!

В ее глазах сверкнула гордость. Она взяла за меня за руку и повела к краю беседки.

— С железом было нелегко, однако же все готово!

Она устремилась было вперед, потом остановилась.

— Сумеешь ли ты его отыскать?

Я, не спеша, внимательно огляделся по сторонам. Хотя Фелуриан уже объяснила мне, что искать, я далеко не сразу обнаружил едва заметный сгусток тьмы в тени ближайшего дерева. Я протянул руку и достал из укрытия свой шаэд.

Фелуриан кинулась ко мне, радостно хохоча, словно я только что выиграл в какую-то игру. Она повисла у меня на шее и расцеловала с неистовством целой дюжины детишек.

Прежде она ни разу не позволила мне примерить шаэд, и теперь, когда она накинула его на мои обнаженные плечи, я изумился. Он был почти невесомый и мягче самого роскошного бархата. Казалось, будто я накинул на плечи теплый ветерок, тот самый, что ласкал мою кожу на темной лесной поляне, куда Фелуриан водила меня собирать тень.

Я хотел было пойти к озерцу, посмотреться в него, чтобы узнать, как я выгляжу, но Фелуриан накинулась на меня. Повалив меня на землю, она оседлала меня, и шаэд раскинулся под нами, как толстое одеяло. Она собрала его края вокруг нас и принялась целовать меня в грудь и в шею. Горячий язык коснулся моей кожи.

— Теперь, — сказала она мне в ухо, — каждый раз, как твой шаэд будет обнимать тебя, ты станешь думать обо мне, и всякое его

прикосновение будет как мое прикосновение.

Она медленно двигалась на мне, прижимаясь ко мне всем своим обнаженным телом.

— И сколько бы женщин у тебя ни было, ты будешь помнить Фелуриан, и ты ко мне вернешься!

* * *

После этого я понял, что мое пребывание в Фейе подходит к концу. Слова Ктаэха застряли у меня в голове, как колючки, и непрерывно гнали меня назад, в мир. То, что я находился на расстоянии броска камнем от убийцы своих родителей и не понял этого, оставило у меня на губах привкус горечи, которого не могли смыть даже поцелуи Фелуриан. К тому же в голове у меня непрерывно крутилось то, что Ктаэх сказал о Денне.

И вот наконец я проснулся и понял, что время настало. Я встал, собрал свою дорожную сумку, оделся — впервые за целую вечность. Было как-то даже странно чувствовать на себе одежду. Сколько же времени меня не было? Я запустил пальцы в отросшую бороду, пожал плечами и отмахнулся от этого вопроса. Что толку гадать, все равно скоро узнаю!

Обернувшись, я увидел Фелуриан, которая с грустным лицом стояла в центре беседки. На миг мне подумалось, что она начнет просить, чтобы я не уходил, но нет, ничего подобного. Она подошла ко мне, окутала меня шаэдом, точно мать, одевающая ребенка, который собирается выйти на мороз. Казалось, даже бабочки, ее спутницы, и те приуныли.

Она несколько часов вела меня через лес, пока мы не пришли к паре высоких серовиков. Она накинула на меня капюшон шаэда и велела закрыть глаза. Потом немного поводила по кругу — и я ощутил, что воздух вокруг слегка изменился. Открыв глаза, я понял, что лес вокруг не тот, через который я шел за секунду до того. Странное напряжение в воздухе исчезло. Это был мир смертных.

Я обернулся к Фелуриан.

— Госпожа моя, — сказал я, — мне нечего дать тебе на память...

— Кроме обещания вернуться.

Ее голос был нежен как лилия, но в нем слышалось предостережение.

Я улыбнулся.

— Я хочу сказать, мне нечего тебе подарить, госпожа.

— Кроме воспоминаний...

Она подалась ближе.

Закрыв глаза, я простился с ней несколькими словами и множеством поцелуев.

И ушел. Мне хотелось бы сказать «даже не обернувшись», но это была бы неправда. Ее вид едва не разбил мне сердце. Она казалась такой крохотной рядом с огромными серыми камнями. Я едва не вернулся, чтобы поцеловать ее снова, всего один разок, на прощание.

Но я понимал, что если вернусь, то никогда уже не сумею уйти. И силой заставил себя пойти дальше.

Когда я обернулся во второй раз, она исчезла.

ГЛАВА 107

ПЛАМЯ

Когда я пришел в трактир «Пенни и грош», солнце давно уже село. Огромные окна трактира сияли светом ламп, у коновязи стояла дюжина лошадей, жующих овес из своих торб. Дверь была распахнута, на темную улицу падал косой квадрат света.

И все же что-то было не так. Не было слышно приятного гомона, который непременно несется по вечерам из любого переполненного трактира. Ни шепота. Ни шороха.

Я в тревоге подкрался ближе. Сразу все волшебные сказки, что я когда-либо слышал, пришли мне на ум. А вдруг меня не было много лет? А то и десятилетий?

Или причина куда более обыденна? Вдруг разбойников было больше, чем мы думали? Вдруг они вернулись, обнаружили, что лагерь разорен, явились сюда и напали на трактир?

Я подобрался к окну, заглянул внутрь и понял, в чем дело.

В трактире было человек сорок-пятьдесят. Они сидели за столами, на лавках, стояли вдоль стойки. И все затаив дыхание слушали того, кто сидел у очага.

Это был Мартен. Он от души хлебнул пива и продолжал:

— Я не мог отвести глаз. Да мне и не хотелось. Но тут Квоут вышел вперед, заслонил меня от нее, и на миг я избавился от ее чар. Я весь облился холодным потом, как будто на меня ведро воды опрокинули. Попытался было его оттащить, но он отпихнул меня и бегом к ней.

Лицо Мартена было изборождено скорбными морщинами.

— А чего ж она адема не забрала и верзилу вашего? — спросил человек с ястребиным лицом, который сидел поблизости, в углу возле очага. Он барабанил пальцами по потертому скриличному футляру. — Кабы вы ее и в самом деле видели, вы бы все за ней побежали!

Народ в зале загомонил в знак согласия.

На это отозвался Темпи, сидевший за соседним столом: его легко было заметить по кроваво-красной рубахе.

— Когда моя расти, я учусь владеть собой.

Он поднял руку и стиснул кулак, поясняя свою мысль:

— Больно. Голод. Жажда. Устал.

Он встряхивал кулаком после каждого слова, давая понять, что способен преодолеть все это.

— Женщины.

На его губах появилась еле заметная улыбка, и он снова тряхнул кулаком, но уже без прежней суровости. По залу пробежал смешок.

— Я скажу вот. Если бы Квоут не пошел, я бы мог.

Мартен кивнул.

— Ну а что касается нашего другого товарища...

Он кашлянул и указал на другой конец зала.

— Его Геспе уговорила остаться.

По залу снова прокатился смех. Пошарив глазами, я нашел, где сидели Дедан с Геспе. Отчаянно покрасневший Дедан пытался скрыть смущение. Геспе властно положила руку ему на колено и улыбалась потаенной, довольной улыбкой.

— На следующий день мы принялись его искать, — сказал Мартен, вернув себе внимание публики. — Мы пошли через лес по его следам. Метрах в восьмиста от озерца мы нашли его меч. Наверняка он его потерял в погоне за ней. Его плащ висел на ветке неподалеку оттуда.

Мартен показал ветхий плащ, который я купил у лудильщика. Плащ выглядел так, словно его собаки драли.

— Видно, плащ зацепился за ветку и Квоут избавился от него, только бы не потерять ее из виду.

Он рассеянно пощупал драные края.

— А ведь будь плащ попрочнее, он, может, сейчас был бы с нами...

Услышав эту реплику, я понял — мой выход! Я шагнул на порог и почувствовал, как все повернулись в мою сторону.

— Ничего, я добыл себе плащ получше, — сказал я. — Фелуриан соткала мне его своими руками. И мне тоже есть о чем рассказать. Да такое, что вы станете это рассказывать детям и детям своих детей.

На миг воцарилась тишина, а потом поднялся оглушительный гомон: все заговорили разом.

Мои товарищи уставились на меня, не веря своим глазам. Дедан оправился первым и несказанно меня удивил: он подошел ко мне и грубовато обнял одной рукой. Я только теперь заметил, что вторая рука у него висит на перевязи.

Я бросил на нее вопросительный взгляд.

— Что, вы попали в передрагу? — спросил я, пока вокруг бушевал хаос.

Дедан покачал головой.

— Это Геспе, — коротко ответил он. — Ей не понравилась мысль, что я рвану вдогонку за этой феей. Ну, и она... вроде как убедила меня остаться.

— Руку тебе сломала?

Я вспомнил свое прощальное воспоминание о том, как Геспе прижимала его к земле.

Верзила потупился.

— Есть малость. Она вроде как держала меня, а я выкручивался...

Он улыбнулся несколько смущенно.

— Так что, наверно, можно сказать, что мы сломали ее вдвоем.

Я хлопнул его по здоровому плечу и рассмеялся.

— Как мило! Ужасно трогательно.

Я бы сказал что-нибудь еще, но шум в зале стих. Все смотрели на нас — на меня.

Я посмотрел на собравшихся и вдруг растерялся. Ну как же им объяснить?..

Я вам уже говорил, что не знаю, сколько времени я провел в Феейе. Но много, очень много. Я прожил там так долго, что даже привык к его странностям. Я там прижился.

И теперь, когда я вернулся в мир смертных, я чувствовал себя странно в переполненном трактире. Мне было непривычно находиться под крышей, а не под открытым небом. Прочные деревянные скамьи и столы выглядели ужасно примитивными и грубыми. Свет ламп казался неестественно ярким и резким.

Я тысячу лет не общался ни с кем, кроме Фелуриан, и люди вокруг казались мне странными. Белки глаз меня пугали. От них пахло потом, лошадыми и горьким железом. Голоса у них были грубые и резкие. Движения неуклюжие и напряженные.

Но все это мелочи, самая суть не в этом. Я чувствовал себя не на месте в своей собственной шкуре. Меня крайне раздражала необходимость снова носить одежду, и больше всего мне хотелось вернуться к привычной наготы. Ноги чувствовали себя в башмаках, как в темнице. По пути в «Пенни и грош» я все время боролся с желанием разуться.

Глядя на лица вокруг, я увидел молодую женщину, не старше двадцати лет. У нее было милое личико и ясные голубые глаза. И идеальные губы для поцелуев. Я шагнул было в ее сторону, всерьез намереваясь обнять ее и...

Я внезапно остановился, уже потянувшись погладить ее по щеке, и голова у меня пошла кругом. Тут все было иначе. Мужчина, сидящий рядом

с женщиной, — наверняка ее муж. Это ведь важно, да? Этот факт казался мне очень смутным и малозначительным. Отчего я до сих пор не поцеловал эту женщину? Отчего я не хожу голым, не ем фиалок, не играю на лютне под открытым небом?

Я снова окинул взглядом комнату, и все вокруг показалось мне ужасно нелепым. Эти люди, которые сидят на лавках, закутанные в многослойные одежды, и едят ножом и вилкой... Я внезапно осознал, как это все бессмысленно и надуманно. Это было невероятно смешно. Они как будто играли в игру, даже не сознавая этого. Это было как шутка, которой я прежде не понимал.

И я расхохотался. Смеялся я не очень громко и не особенно долго, однако смех вышел пронзительный, дикий, полный непонятной радости. Это был нечеловеческий смех, и он прошел над толпой, как ветер над полем. Те, кто сидел достаточно близко, чтобы его услышать, заерзали, некоторые уставились на меня с любопытством, некоторые со страхом. Некоторые содрогнулись и отвернулись, не желая встречаться со мной взглядом.

Их реакция меня поразила, и я сделал над собой усилие, стараясь взять себя в руки. Я сделал глубокий вдох и закрыл глаза. Минутная дезориентация миновала, хотя башмаки на ногах по-прежнему казались чересчур тяжелыми и жесткими.

Когда я снова открыл глаза, то увидел, что на меня смотрит Геспе. Она явно чувствовала себя не в своей тарелке.

— Квоут, — осторожно сказала она, — ты выглядишь как-то... хорошо.

Я широко улыбнулся.

— Так и есть.

— А мы думали, ты... потерялся.

— Вы думали, я пропал, — мягко уточнил я, пробираясь к очагу, где стоял Мартен. — Умер в объятиях Фелуриан или блуждаю в лесу, безумный и сломленный похотью.

Я обвел их взглядом.

— Верно?

Я чувствовал, что на меня смотрит весь трактир, и решил выжать из ситуации все, что можно.

— Да бросьте вы, ведь я же Квоут! Я эдема руэ по рождению. Я учился в Университете и могу призвать молнию с небес на землю, как Таборлин Великий. Неужто вы и впрямь думали, будто Фелуриан меня погубит?

— Она бы тебя и погубила, — произнес грубый голос из угла возле

очага. — Если бы ты и в самом деле увидел хотя бы ее тень.

Я обернулся и увидел скрипача с ястребиным лицом.

— Прошу прощения, сударь?

— Тебе стоит просить прощения не у меня, а у всех присутствующих, — сказал он тоном, исходящим презрением. — Не знаю уж, чего ты надеешься этим добиться, но я ни на миг не верю, будто вы видели Фелуриан.

Я посмотрел ему в глаза.

— Я ее не только видел, приятель.

— Будь это правдой, ты бы сейчас был либо безумен, либо мертв. Готов признать, что ты, возможно, безумен, но чары фейри тут ни при чем.

Присутствующие захихикали.

— Ее уже лет двадцать никто не видел. Дивный народ покинул эти места, и ты никакой не Таборлин, что бы там ни болтали твои приятели. Подозреваю, ты просто хитроумный врун, который надеется таким образом сделать себе имя.

Его слова были неприятно близки к истине, и я видел, что многие в толпе смотрят на меня недоверчиво.

Но не успел я ничего сказать, как вмешался Дедан:

— А борода у него откуда, а? Три ночи тому назад, когда он убежал за ней следом, лицо у него было гладкое, как детская попка!

— Это вы так говорите, — возразил скрипач. — Я вообще собирался помалкивать, хотя не поверил и половине того, что вы тут рассказывали про разбойников и про то, как он призвал молнию. Но я думал про себя: их приятель, верно, погиб, и им хочется, чтобы люди помнили его как героя.

Он свысока взглянул на Дедана.

— Но это и впрямь зашло чересчур далеко. Врать насчет дивного народа попросту неразумно. И мне не нравится, когда являются какие-то чужаки и кружат моим друзьям голову дурацкими побасенками. Так что молчите уж лучше. Довольно с нас ваших разговоров.

С этими словами скрипач открыл потертый футляр, что лежал рядом с ним, и достал свой инструмент. Настроение публики к этому времени сделалось довольно враждебным, и многие поглядывали на меня с отвращением.

— Да послушайте же!.. — гневно выпалил Дедан. Геспе что-то ему сказала и попыталась усадить его обратно на место, но Дедан стряхнул ее руку. — Нет уж, я не позволю, чтобы меня звали вруном! Нас отправил сюда сам Алверон из-за этих разбойников. И мы свое дело сделали. Мы не ждем, что вы устроите парад в нашу честь, но будь я проклят, если позволю

вам называть себя вруном! Мы перебили этих ублюдков. А потом мы действительно видели Фелуриан. И вот он, Квоут, действительно убежал за ней следом.

Дедан обвел зал воинственным взглядом, отдельно задержавшись на скрипаче.

— Все это истинная правда, клянусь в этом своей здоровой правой рукой. И если кто-нибудь захочет утверждать, будто я вру, я готов с ним разобраться здесь и сейчас!

Скрипач взял смычок, посмотрел в глаза Дедану и извлек из скрипки визгливую ноту.

— Врешь!

Дедан чуть ли не одним прыжком пересек зал. Люди поспешно раздвигали стулья, чтобы освободить место для драки. Скрипач медленно поднялся на ноги. Он оказался выше, чем я думал, с короткими седыми волосами и сбитыми костяшками, которые говорили, что он знает толк в кулачном бою.

Мне удалось преградить путь Дедану и прошептать ему на ухо:

— Ты точно хочешь ввязываться в драку со сломанной рукой? Стоит ему ухватить тебя за нее, и ты заорешь и опозоришься прямо при Геспе.

Дедан слегка обмяк, и я аккуратно толкнул его обратно. Он ушел на свое место, хотя явно был не в восторге.

— Это что еще такое? — раздался женский голос у меня за спиной. — Коли хочешь драться, ступай на улицу и обратно не возвращайся. Я тебе не за то плачу, чтобы драться с постояльцами. Понял?

— Да ладно тебе, Пенни, — примирительно сказал скрипач. — Я всего-то и сделал, что показал зубы. Это он принял все чересчур близко к сердцу. Не станешь же ты винить меня за то, что я посмеялся над байками, которые они тут рассказывали!

Я обернулся и увидел, что скрипач оправдывается перед рассерженной теткой средних лет. Она была сантиметров на тридцать ниже его, и ей приходилось тянуться вверх, чтобы ткнуть его пальцем в грудь.

И тут рядом со мной кто-то воскликнул:

— Матерь Божия! Себ, ты это видал? Ты только погляди! Оно само шевелится!

— Да тебе с пьяных глаз мерещится. Должно быть, это от ветра.

— Да нет нынче никакого ветра. Оно само! Гляди, гляди!

Разумеется, речь шла о моем шаэде. Теперь уже несколько человек заметили, что он слегка развевается на ветру — на ветру, которого здесь не было. Мне казалось, что это довольно эффектно, но по их расширившимся

глазам я понял, что люди напуганы. Кое-кто поспешил отодвинуться от меня подальше.

Пенни устремила взгляд на мой колышущийся шаэд, подошла и встала напротив меня.

— Что это? — спросила она. В ее голосе слышался легкий страх.

— Да ничего такого, — беспечно ответил я, протягивая ей руку пощупать. — Это мой теневой плащ. Его соткала для меня Фелуриан.

Скрипач с отвращением фыркнул.

Пенни зыркнула на него и осторожно коснулась моего плаща.

— Мягонький... — пробормотала она и подняла взгляд на меня. Когда наши глаза встретились, она как будто удивилась, а потом воскликнула: — Да это же Лозин парнишка!

Не успел я спросить, что она имеет в виду, как женский голос переспросил:

— Что-что?

Я обернулся и увидел, что к нам идет рыжеволосая служанка. Та самая, которая так смутила меня при первом визите в «Пенни и грош».

Пенни кивнула в мою сторону.

— Это же твой огненный мальчик со свежим личиком, что был тут три оборота назад! Помнишь, ты еще мне его показывала? С бородой-то я его и не признала!

Лози встала напротив меня. Ярко-рыжие кудряшки разметались по бледным обнаженным плечам. Взгляд опасных зеленых глаз окинул мой плащ и медленно поднялся к моему лицу.

— Ну да, он самый, — сказала она Пенни. — Хоть и с бородой.

Она подошла на шаг ближе, почти прислонившись ко мне.

— Мальчики вечно отпускают бороду, надеются, что это сделает их мужчинами!

Сверкающие изумрудные глаза дерзко уставились в мои, как будто она ждала, что я снова покраснею и смешаюсь, как прежде.

Я подумал обо всем, чему научился в объятиях Фелуриан, и меня снова обуял тот странный, дикий смех. Я сдерживал его как мог, но он все равно бурлил во мне. Я встретился с ней глазами и улыбнулся.

Лози испуганно отшатнулась, ее бледная кожа густо залилась краской.

Пенни подхватила ее, чтобы та не упала.

— Господи, девочка, что случилось?

Лози оторвала взгляд от меня.

— Да посмотри же на него, Пенни, посмотри на него как следует! Он выглядит как фея! В глаза ему посмотри.

Пенни с любопытством заглянула мне в глаза, сама слегка покраснела и прикрылась обеими руками, точно я увидел ее обнаженной.

— Боже милостивый! — прошептала она. — Значит, это все правда. Да?

— Все до последнего слова, — ответил я.

— Как же ты от нее выбрался-то? — спросила Пенни.

— Ох, да брось ты, Пенни! — недоверчиво вскричал скрипач. — Неужто ты купишься на болтовню этого щенка?

Лози обернулась и с жаром ответила:

— Мужчина, который умеет обращаться с женщинами, смотрит иначе, чем другие, Бен Крейтон. Хотя тебе-то откуда знать! Когда он был тут пару оборотов назад, мне понравилось его личико, и я решила, что недурно было бы с ним поваляться. Но когда я попыталась его подцепить...

Она запнулась, явно не зная, как это сказать.

— Ага, помню! — сказал мужик, стоявший у стойки. — Вот смеху-то было! Я думал, он вот-вот описается. Он даже рот раскрыть боялся!

Скрипач пожал плечами.

— Ну, стало быть, с тех пор он нашел себе какую-нибудь крестьянскую дочку. Это еще не значит...

— Помолчи, Бен, — сказала Пенни тихо, но властно. — Он очень изменился, и тут дело не в бороде.

Она пристально вгляделась в мое лицо.

— Господи, девочка, ты была права! Он выглядит как фее.

Скрипач хотел было сказать что-то еще, но Пенни бросила на него пронзительный взгляд.

— Заткнись или убирайся вон! Мне тут нынче вечером драки не нужны.

Скрипач окинул взглядом трактир и понял, что ситуация изменилась не в его пользу. Он побагровел, насупился, схватил свою скрипку и стремительно удалился.

Лози снова подступила ко мне вплотную, откинула волосы назад.

— А что, она и впрямь так прекрасна, как о ней рассказывают?

Она гордо выпятила подбородок.

— Неужто красивей меня?

Я колебался и негромко ответил:

— Она — Фелуриан, прекраснейшая из всех.

Я протянул руку, коснулся ее шеи сбоку, там, где рыжие кудри начинали свое падение по спирали, потом наклонился и прошептал ей на ухо семь слов:

— И все же ей не доставало твоего пламени.

И она полюбила меня за эти семь слов, и гордость ее не пострадала.

Тут вмешалась Пенни:

— Но как же тебе удалось вырваться?

Я окинул взглядом трактир и почувствовал, что всеобщее внимание сосредоточилось на мне. Дикий смех, хохот феие по-прежнему бушевал во мне. Я лениво улыбнулся. Мой шаэд взметнулся у меня за спиной.

И я вышел на середину зала, сел к очагу и рассказал им историю.

Точнее, я рассказал им сказку. Расскажи я им все как было, они бы не поверили. Фелуриан отпустила меня, потому что я взял в заложники песню? Это просто не укладывалось в традиционный сюжет.

Поэтому то, что я им рассказал, было куда ближе к истории, которую они ожидали услышать. В этой истории я погнался за Фелуриан, и она привела меня в Феие. Наши тела сплетались на сумеречной прогалине. А потом, пока мы отдыхали, я играл ей музыку столь веселую, что она хохотала, и музыку столь мрачную, что она ахала, и музыку столь нежную, что она плакала.

Однако когда я попытался покинуть Феие, она не захотела меня отпускать. Слишком уж ей пришлось по душе мое... искусство.

Ладно, не стану скромничать. Я весьма прозрачно намекнул, что Фелуриан была без ума от меня как любовника. Не стану оправдываться, просто скажу, что я был молодым человеком шестнадцати лет, страшно гордился своими новообретенными умениями и был не прочь прихвастнуть.

Я рассказал им, как Фелуриан пыталась удержать меня в Феие, и о нашей магической битве. Тут я немного позаимствовал у Таборлина Великого. Там фигурировали пламя и молнии.

Под конец я одолел Фелуриан, но пощадил ее жизнь. В благодарность она соткала мне волшебный плащ, научила меня тайной магии и подарила серебряный лист как знак своего расположения. Лист я, конечно, выдумал из головы. Однако мне нужно было три дара, иначе правильной истории бы не вышло.

В общем и целом история получилась хорошая. Ну а если она была не совсем правдивой... что ж, она была правдивой хотя бы отчасти. В свое оправдание могу сказать, что, если бы я полностью отрекся от истины, история вышла бы куда лучше. Ложь всегда проще и, как правило, выглядит логичнее.

Лози не сводила с меня глаз, пока я рассказывал, и, похоже, восприняла всю историю как вызов достоинствам смертных женщин. Как

только рассказ был окончен, она присвоила меня и увела в свою комнатуху под самой крышей трактира.

В ту ночь я почти не спал, и Лози была куда ближе Фелуриан к тому, чтобы меня погубить. Она оказалась восхитительной любовницей, ничем не хуже самой Фелуриан.

Но как же это может быть? — спросите вы. Как может хоть кто-то из смертных женщин сравниться с самой Фелуриан?

Вам будет проще понять, если объяснить это в музыкальных терминах. Иногда человек наслаждается симфонией. А иной раз ему больше по вкусу простецкая джига. В любви то же самое. Для мягких подушек на сумеречной прогалине больше подходит одна любовь. А для простыней на узкой трактирной кровати — другая. Каждая женщина как инструмент, она только и ждет, чтобы ее изучили, полюбили, настроили и сыграли на ней как следует, чтобы получилась ее собственная подлинная музыка.

Кто-нибудь, может, обидится на такое сравнение, если не понимает, как артист относится к музыке. Такой человек может подумать, будто я унижаю женщин. Он сочтет меня грубым, бессердечным, неотесанным.

Но такие люди не понимают ни любви, ни музыки, ни меня.

ГЛАВА 108

ЛОВКИЙ

Мы задержались на несколько дней в «Пенни и гроше», пока нам были там рады. Жили и столовались мы бесплатно. Чем меньше разбойников, тем безопасней дороги и тем больше постояльцев, к тому же Пенни понимала, что наше присутствие привлечет в трактир куда больше народу, чем скрипач, которого можно послушать в любой вечер.

Мы от души воспользовались ее гостеприимством, наслаждаясь горячей едой и мягкими постелями. Всем нам требовалось время, чтобы прийти в себя. У Геспе еще не зажила простреленная нога, у Дедана — сломанная рука. Мои собственные мелкие ссадины, оставшиеся после битвы с разбойниками, давным-давно зажили, но я разжился новыми, в основном сильно исцарапанной спиной.

Я учил Темпи основам игры на лютне, а он снова принялся учить меня сражаться. Обучение состояло из коротких, немногословных обсуждений летани и долгих напряженных занятий кетаном.

Кроме того, я сложил наконец песню о своей встрече с Фелуриан. Поначалу я называл ее «Сочиненное в сумерках» — не самое удачное название, сами понимаете. По счастью, оно не прижилось, и в наше время большинство людей знают ее под названием «Недопетая песня».

Не лучшая моя работа, зато легко запоминающаяся. Посетителям трактира она, похоже, пришлась по душе, а когда я услышал, как Лози насвистывает ее, разнося напитки, я понял, что она распространится стремительно, как пожар в угольном пласте.

Поскольку народ требовал все новых историй, я поделился еще несколькими интересными событиями из своей жизни. Я рассказал, как мне удалось добиться, чтобы меня приняли в Университет, хотя мне едва исполнилось пятнадцать. И как меня всего три дня спустя приняли в арканум. И как я призвал имя ветра, разгневавшись на Амброза, который сломал мне лютню.

К несчастью, на третий вечер подлинные истории у меня кончились. А поскольку публика требовала продолжения, я просто позаимствовал историю про Иллиена и вставил вместо его имени свое, заодно позаимствовав еще несколько эпизодов из Таборлина.

Гордиться тут нечем. В свое оправдание могу только сказать, что я был

изрядно выпивши. К тому же в публике было немало хорошеньких женщин. В глазах восторженной девушки есть нечто завораживающее. На какие только безумства они не толкают глупого юнца — ну, и я не был исключением из правила.

Тем временем Дедан с Геспе обитали в своем маленьком отдельном мирке, какой поначалу всегда создают для себя влюбленные. До чего же приятно было на них смотреть! Дедан сделался мягче и спокойнее. Лицо Геспе утратило большую часть привычной жесткости. Они много времени проводили у себя в комнате. Отсыпались, не иначе.

Мартен отчаянно флиртовал с Пенни, купался в выпивке и вообще веселился за троих.

Через три дня мы ушли из «Пенни и гроша», не дожидаясь, пока наше присутствие надоест. Лично я был только рад уйти. Тренировки с Темпи, с одной стороны, и внимание Лози — с другой едва не утомили меня.

* * *

Обратно в Северен мы возвращались не торопясь. Отчасти из-за раненой ноги Геспе, отчасти же из-за того, что мы понимали, что подходит время расставания. А мы, несмотря на все наши разногласия, изрядно сдружились, и расставаться в таких случаях всегда нелегко.

Вести о наших приключениях обгоняли нас в пути. Так что, когда мы останавливались на ночлег, для нас всегда были готовы и ужин, и постели, хотя и не задаром.

На третий день после ухода из «Пенни и гроша» мы повстречались с небольшой труппой бродячих актеров. То не были эдема руэ, и выглядели они довольно жалко. Их было всего четверо: мужчина постарше, двое парней немного за двадцать и мальчишка лет восьми-девяти. Они как раз собирали свою скрипучую тележку, когда мы остановились рядом, чтобы дать ноге Геспе передохнуть.

— Привет, актеры! — окликнул я.

Они нервно оглянулись, увидели у меня за плечом лютню и успокоились.

— Привет и тебе, бард!

Я рассмеялся и пожал им руки.

— Да какой я бард, так, певец!

— Ну, все равно привет, — улыбнулся старший. — Куда путь держите?

— С севера на юг. А вы куда?

Они еще больше успокоились, поняв, что мне с ними не по пути.

— С востока на запад.

— И как у вас дела?

Он пожал плечами.

— Ни шатко ни валко. Но, говорят, в двух днях пути отсюда живет некая госпожа Чокер. И рассказывают, что никто из тех, кто умеет хоть чуть-чуть пикировать на скрипке или показывать представления, не уходит от нее с пустыми руками. Так что и мы надеемся заработать пару пенни.

— С медведем-то лучше было, — заметил один из парней помоложе. — За то, чтобы посмотреть медвежью травлю, люди платили щедро.

— Он у нас заболел от собачьих укусов, — пояснил второй. — Заболел и помер с год тому назад.

— Жалко, — сказал я. — Медведя добыть не так-то просто.

Они молча кивнули.

— А у меня для вас есть новая песня. Что вы мне за нее дадите?

Актер посмотрел на меня с опаской.

— Ну, если она для тебя новая, это не значит, что она новая для нас, — заметил он. — К тому же «новая песня» не обязательно значит «хорошая», если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Что ж, суди сам, — сказал я и достал из футляра лютню. Я нарочно написал песню так, чтобы ее было легко запомнить и нетрудно спеть, и все равно мне пришлось повторить ее дважды, прежде чем он перенял все от первого до последнего слова. Я же говорю, это были не эдема руэ.

— Да, песня неплоха, — нехотя признал он. — Про Фелуриан все любят послушать. Однако ума не приложу, чем бы мы могли с тобой расплатиться.

— А я сочинил новый куплет к «Лудильщику да дубильщику»! — звонко заявил мальчишка.

Остальные зашикали на него, но я улыбнулся.

— Что ж, давай послушаем!

Мальчишка напыжился и запел тонким голоском:

Мылась девушка с берегом рядом,
От мужчин в камышах схоронясь,
Я смутил ее пристальным взглядом,
Обозвала она меня гадом
И сначала все мыть принялась.

(Стихи в переводе Вадима Ингвалла Барановского)

Я расхохотался.

— Славно, славно! — похвалил я его. — А как тебе такой вариант?

Мылась девушка с берегом рядом,
Я ж глазел, в камышах затаюсь,
А она мне сказала, что надо
От такого нахального взгляда
Смыть еще раз налипшую грязь.

Мальчишка поразмыслил.

— Мне мое больше нравится, — сказал он после недолгих раздумий.

Я похлопал его по спине.

— И правильно, настоящий мужчина держится своего слова!

Я обернулся к предводителю маленькой труппы.

— А как насчет слухов?

Он призадумался.

— К северу отсюда, в Эльде, шалют разбойники.

Я кивнул.

— Теперь с ними покончено, по крайней мере, мне так говорили.

Он поразмыслил еще.

— Я слышал, что Алверон женится на женщине из рода Лэклессов.

— А я знаю стишок про Лэклессов! — снова влез мальчишка и принялся декламировать:

Чтоб Лэклессову дверь открыть,
Надо семь вещей раздобыть...

— Цыц! — Старший отвесил парнишке легкую затрещину и виновато посмотрел на меня. — У малого цепкий слух, но вежливости ни грамма.

— На самом деле, — сказал я, — я бы послушал.

Он пожал плечами и отпустил мальчишку. Тот зыркнул на него исподлобья и начал снова:

Чтоб Лэклессову дверь открыть,
Надо семь вещей раздобыть:

Ненадеванное кольцо
Да несдержанное словцо,
Нужен точный урочный час
И безогненная свеча,
Кровь несущий с собой сынок
И затвор, удержать поток,
Да то, что держат всего тесней, —
И будет то, что придет во сне.

— Ну, один из этих загадочных стишков, — виновато сказал отец. — Бог весть, где он их берет, однако же он соображает достаточно, чтобы не повторять всякие гадости.

— А где ты это слышал? — спросил я.

Мальчишка поразмыслил, потом пожал плечами и почесался под коленкой.

— Не знаю. Ребята пели.

— Ну, нам пора в путь, — сказал старший, взглянув на небо. Я порылся в кошельке и протянул ему серебряный нобль.

— Это за что? — осведомился он, с подозрением глядя на монету.

— Это вам на нового медведя, — сказал я. — У меня тоже бывали тяжелые времена, но теперь я при деньгах.

Они удалились, рассыпаясь в благодарностях. Бедолаги. Ни одна уважающая себя труппа эдема руэ ни за что не опустилась бы до медвежьей травли. Это не имеет отношения к искусству, этим нельзя гордиться.

Однако же трудно винить их за то, что в жилах у них не текла кровь эдема руэ, а нам, актерам, следует заботиться друг о друге. Кто ж о нас еще позаботится?

* * *

По пути мы с Темпи обсуждали летани, а по вечерам занимались кетаном. Это давалось мне все легче, и иногда я успевал дойти даже до «хватания дождя», прежде чем Темпи ловил меня на какой-нибудь мизерной ошибке и заставлял начать все сначала.

Мы с ним отыскивали довольно уединенное местечко возле трактира, где остановились на ночлег. Дедан, Геспе и Мартен сидели внутри и пили. Я старательно повторял кетан, а Темпи тем временем сидел, прислонившись

спиной к дереву, и упорно повторял базовые упражнения для пальцев, которым я его научил. Снова и снова. Снова и снова.

Я как раз закончил «вращение рук», когда уловил краем глаза какое-то движение. Я не стал останавливаться: Темпи приучил меня ни на что не отвлекаться, когда я выполняю кетан. Если бы я обернулся посмотреть, пришлось бы начинать все сначала.

Двигаясь мучительно медленно, я начал «обратный танец». Однако, как только я поставил ногу на землю, я тут же почувствовал, что у меня что-то не так с равновесием. Я ждал, что Темпи меня окликнет, но Темпи молчал.

Я прервал кетан, обернулся и увидел, что в нашу сторону грациозной и хищной походкой направляется группа из четырех адемских наемников. Темпи уже поднялся и шел им навстречу. Моя лютня была убрана в футляр и стояла прислоненной к дереву.

Вскоре все пятеро уже собрались тесной группой, почти соприкасаясь плечами. Они сошлись так тесно, что я не слышал ни слова из того, о чем они говорили, и даже рук их не видел. Но по развороту плеч Темпи я догадывался, что он чувствует себя неловко и виновато.

Я понимал, что окликнуть сейчас Темпи было бы невежливо, и потому подошел поближе сам. Однако не успел я подойти достаточно близко, чтобы услышать разговор, как один из незнакомых наемников вытянул руку и оттолкнул меня. Его распрямленные пальцы крепко уперлись в центр моей груди.

Я, не раздумывая, выполнил «укрощение льва»: ухватил его за большой палец и выкрутил кисть прочь от себя. Он высвободился без каких-либо видимых усилий и попытался опрокинуть меня «брошенным камнем». Я сделал «обратный танец» — с равновесием на этот раз у меня все было в порядке, — однако другая его рука тут же ударила меня в висок, ровно настолько, чтобы оглушить на мгновение, — мне даже больно не было.

Однако моя гордость была задета. Точно так же бил меня Темпи, в знак молчаливого упрека за неправильное исполнение кетана.

— Ловкий, — негромко сказала наемница по-атурански. Только услышав ее голос, я сообразил, что это женщина. Не то чтобы она выглядела особенно мужиковато, просто она слишком походила на Темпи: те же светлые волосы с легкой рыжиной, светло-серые глаза, безмятежное выражение лица, кроваво-красные одежды. Она была на несколько дюймов выше Темпи, и плечи у нее были шире, чем у него. Но, хотя она была худа как хлыст, под облегающими одеждами наемника были заметны изгибы

бедер и груди.

Приглядевшись внимательнее, я без труда обнаружил, что трое из четверых наемников — женщины. У той, широкоплечей, что стояла напротив меня, был узкий шрам поперек брови и еще один — возле челюсти. Такие же бледные серебристые шрамы, как те, что у Темпи на руках и на груди. И хотя ничего жуткого в этих шрамах не было, они все же придавали ее суровому лицу некое мрачноватое выражение.

Она сказала «ловкий». На первый взгляд это была похвала, однако надо мной достаточно часто насмехались в жизни, чтобы я мог узнать насмешку, независимо от языка, на котором она звучит.

Хуже того: ее правая рука скользнула прочь и легла на поясницу, ладонью наружу. Даже я, со своими зачаточными познаниями в жестовом языке адемов, понял, что это значит. Ее рука оказалась как можно дальше от рукояти меча. Одновременно с этим она повернулась ко мне боком и отвела взгляд. Я не просто был объявлен безопасным — это было унижительное пренебрежение.

Я постарался сохранить спокойное лицо, подозревая, что любая гримаса только еще сильнее ухудшит ее представление обо мне.

Темпи указал назад, туда, откуда я пришел.

— Ступай, — сказал он. **Серьезно. Официально.**

Я нехотя повиновался, не желая устраивать сцен.

Адемы стояли тесной группой четверть часа, пока я занимался кетаном. До меня не долетало ни единого звука, но было очевидно, что идет спор. Они делали резкие, сердитые жесты, и ноги стояли в агрессивной стойке.

Наконец четверо незнакомых адемов удалились в сторону дороги. А Темпи вернулся туда, где я боролся с «волнующейся пшеницей».

— Слишком размашисто.

Раздражение. Он стукнул меня по задней ноге и толкнул в плечо, чтобы показать, что стойка у меня неустойчивая.

Я подвинул ногу и попробовал еще раз.

— Кто это был, Темпи?

— Адемы, — коротко ответил он и уселся обратно под дерево.

— Ты их знаешь?

— Да.

Темпи огляделся по сторонам и достал из футляра мою лютню. Когда руки у него, были заняты, он делался нем вдвойне. Я снова вернулся к упражнениям, понимая, что пытаться вытягивать из него ответы — все равно что зубы рвать.

Миновало два часа, солнце начало опускаться за деревья на западе.

— Завтра я уйду, — сказал он. Поскольку обе руки у него по-прежнему были заняты лютней, о том, в каком он настроении, я мог только догадываться.

— Куда?

— Хаэрт. Шехин.

— Это города?

— Хаэрт — город. Шехин — мой учитель.

Я задумался над тем, в чем может быть дело.

— У тебя неприятности из-за того, что ты меня учишь?

Он положил лютню обратно в футляр, закрыл крышку.

— Может быть.

Да.

— Это запрещено?

— Очень запрещено, — сказал он.

Темпи встал и приступил к кетану. Я принялся повторять за ним, и оба мы на некоторое время умолкли.

— Большие неприятности? — спросил я наконец.

— Очень большие неприятности, — сказал он, и я услышал в его голосе непривычный отголосок эмоций: то была тревога. — Может быть, это было неразумно.

Мы двигались одновременно, медленно, как заходящее солнце.

Я думал о том, что сказал Ктаэх. В нашем разговоре проскользнул один-единственный обрывок информации, которая могла оказаться полезной. «Ты смеялся над фейри, пока сам не встретил одну из них. Неудивительно, что твои просвещенные знакомые точно так же не верят в чандриан. Тебе придется оставить дорогие твоему сердцу места далеко позади, прежде чем ты найдешь кого-то, кто воспримет это всерьез. Тебе не на что надеяться, пока ты не дойдешь до Штормвала».

А Фелуриан сказала, что Ктаэх всегда говорит правду...

— Можно мне с тобой? — спросил я.

— Со мной? — переспросил Темпи. Его руки выписывали изящный круг, рассчитанный на то, чтобы сломать плечо или предплечье.

— Отправиться с тобой. Туда. В Хаэрт.

— Да.

— Это может избавить тебя от неприятностей?

— Да.

— Я пойду.

— Я благодарю тебя.

ГЛАВА 109

ВАРВАРЫ И БЕЗУМЦЫ

По правде говоря, больше всего мне хотелось вернуться в Северен — снова спать в удобной кровати, воспользоваться благоволением маэра, пока оно не поостыло, отыскать Денну и наладить отношения с ней...

Однако Темпи попал в беду из-за того, что взялся меня учить. Я не мог просто взять и сбежать и бросить его на произвол судьбы. А главное, Ктаэх же мне сказал, что Денны в Северене уже нет. Впрочем, я это и так знал, безо всяких пророчествующих фейри. Я отсутствовал целый месяц, а Денна не из тех, кто любит засиживаться на одном месте.

Итак, на следующее утро наш отряд разделился. Дедан, Геспе и Мартен отправлялись на юг, в Северен, чтобы доложить обо всем маэру и получить свою плату. А мы с Темпи уходили на северо-восток, к Штормвалу и Адеме.

— Ты точно не хочешь, чтобы я отнес ему шкатулку? — в пятый раз переспросил Дедан.

— Нет, я обещал маэру, что если найду какие-то деньги, то верну ему их лично, — соврал я. — Однако я прошу тебя отнести ему вот это.

Я протянул верзиле-наемнику письмо, написанное накануне вечером.

— Тут объясняется, почему мне пришлось назначить тебя командиром отряда.

Я усмехнулся.

— Может, тебе еще и сверху чего накинут!

Дедан напыжился и взял письмо.

Стоявший неподалеку Мартен неопределенно крикнул, что вполне могло сойти за кашель.

* * *

По дороге мне удалось вытянуть из Темпи отдельные подробности. В конце концов я выяснил, что человеку его социального положения требуется получить разрешение, прежде чем заводить собственных учеников.

Дело усложнялось тем, что я был чужак. Варвар. Взявшись обучать

такого, как я, Темпи, похоже, не просто нарушил обычай. Он нарушил доверие своего наставника и своего народа.

— И что же, будет что-то вроде суда? — спросил я.

Темпи покачал головой.

— Суда не будет. Шехин станет задавать вопросы. Я скажу: «Я увидел в Квоуте хорошее железо, ждущеековки. Он принадлежит летани. Ему нужна летани, чтобы вести его».

Темпи кивнул в мою сторону.

— Шехин станет спрашивать тебя про летани, чтобы посмотреть, правильно ли я увидел. Шехин решит, правда ли ты железо, достойноековки.

Его рука описала круг, делая жест, означающий «мне не по себе».

— А если нет, что тогда будет? — спросил я.

— Тебе? — **Неуверенность**. — А мне? Меня отрубят.

— Отрубят? — переспросил я, надеясь, что неправильно его понял.

Он поднял руку и пошевелил пальцами.

— Адем.

Стиснул кулак, взмахнул им.

— Адевре.

Потом раскрыл ладонь и указал на мизинец.

— Темпи.

Коснулся остальных пальцев.

— Друг. Брат. Мать.

Указал на большой палец:

— Шехин.

Потом сделал вид, что отрезал мизинец и выбросил его прочь.

— Отрубят.

Значит, не убьют, а отправят в изгнание. Я вздохнул было с облегчением, но тут я взглянул в светлые глаза Темпи. Всего на мгновение его безупречная маска безмятежности приоткрылась, и я увидел под ней истину. Смерть — менее жестокое наказание, чем это. Темпи был в ужасе. Я никогда еще не видел человека в таком страхе.

* * *

Мы сошлись на том, что будет лучше всего, если на время путешествия в Хаэрт я полностью предам себя в руки Темпи. У меня было примерно пятнадцать дней, чтобы довести до совершенства то, что я уже

знал. Вся надежда была на то, чтобы произвести хорошее впечатление, когда я встречусь с начальством Темпи.

Перед началом похода Темпи велел мне снять шаэд. Я нехотя повиновался. Свернутый шаэд оказался на удивление компактным, он легко поместился в моей дорожной сумке.

Темп, который задал мой командир, оказался изматывающим. Начали мы оба с танцевальной разминки, которую я прежде наблюдал неоднократно. Затем, вместо быстрого шага, каким мы ходили обычно, мы в течение часа бежали бегом. Потом выполнили кетан, причем Темпи то и дело поправлял мои бесчисленные ошибки. Потом прошли шагом еще полтора километра.

Наконец мы сели и принялись беседовать о летани. Тот факт, что говорили мы по-адемски, дела отнюдь не упрощал, но мы договорились, что мне требуется полное погружение в язык, чтобы к тому времени, как мы придем в Хаэрт, я мог говорить как культурный человек.

— В чем цель летани? — спрашивал Темпи.

— Указать путь, которым надлежит следовать? — отвечал я.

— Нет, — сурово возразил Темпи. — Летани — не путь.

— Так в чем же цель летани, Темпи?

— Направлять нас в наших поступках. Следуя летани, ты поступаешь верно.

— Но разве это не путь?

— Нет. Летани — то, что помогает выбрать путь.

А потом мы начали все сначала. Час бега, потом кетан, пройти еще полтора километра, побеседовать о летани. На весь цикл уходило примерно два часа, и после того, как короткая беседа завершалась, мы начинали снова.

В какой-то момент в беседе о летани я принялся делать жест «преуменьшение». Но Темпи остановил мою руку.

— Когда говоришь о летани, не надо так делать.

Он стремительно показал левой рукой **возбуждение, отрицание** и еще несколько жестов, которых я не узнал.

— Почему?

Темпи немного поразмыслил.

— Когда говоришь о летани, это должно идти не отсюда, — он коснулся моей головы. — И не отсюда, — он коснулся моей груди напротив сердца и провел пальцами до левой руки. — Подлинное знание летани живет глубже. Вот тут, — он ткнул меня в живот, пониже пупка. — Говорить надо отсюда, не думая.

Я мало-помалу начал понимать неписанные правила наших бесед. Они были предназначены не только для того, чтобы обучить меня летани, — предполагалось, что они должны показать, насколько глубоко укоренилось во мне понимание летани.

А это означало, что на вопросы следует отвечать быстро, без тех размеренных пауз, которые обычно свойственны беседе эдемов. Ответ должен быть не продуманным, а искренним. И если ты действительно постиг летани, по твоим ответам это станет очевидно.

Бег. Кетан. Ходьба. Беседа. Мы повторили этот цикл трижды, прежде чем устроили перерыв на обед. Шесть часов. Я был весь мокрый и думал, что сейчас умру. Поев и отдохнув в течение часа, мы снова отправились в путь и повторили цикл еще трижды, прежде чем остановились на ночлег.

Мы разбили лагерь у дороги. Я в полусне сжевал свой ужин, расстелил одеяло и закутался в шаэд. В этом изнеможении он показался мне мягким и теплым, как пуховое покрывало.

Посреди ночи Темпи меня растряс. Какая-то глубинная животная часть моего сознания его возненавидела, однако, едва пробудившись, я понял, что это было необходимо. Тело затекло и болело, однако медленные, привычные движения кетана помогли расслабить напряженные мускулы. Он заставил меня сделать растяжку, напиться воды, и остаток ночи я проспал как камень.

На второй день было хуже. Лютня, даже плотно привязанная к моей спине, превратилась в тяжкий груз. Меч, которым я даже не владел, бил меня по бедру. Дорожная сумка сделалась тяжелой как жернов, и я пожалел, что не отдал Дедану маэрову шкатулку. Мышцы были застывшие и непослушные, на бегу дыхание жгло мне горло.

Те моменты, когда мы с Темпи беседовали о летани, были единственным подлинным отдыхом, но они были ужасно коротки. Голова шла кругом от усталости, приходилось сосредотачиваться изо всех сил, чтобы привести мысли в порядок и попытаться дать нужный ответ. И все равно мои ответы его только раздражали. Время от времени он качал головой, объясняя, как я не прав.

Наконец я сдался и перестал пытаться отвечать правильно. Я так устал, что мне уже было все равно, я прекратил приводить в порядок свои непослушные мысли и просто наслаждался возможностью несколько минут посидеть неподвижно. По большей части, я был слишком утомлен, чтобы запомнить, что я там говорил, но, как ни странно, эти ответы Темпи понравились больше. Это было счастье. Когда мои ответы его устраивали, беседы длились дольше, и я мог подольше отдохнуть.

На третий день я почувствовал себя значительно лучше. Мышцы уже не болели так сильно. Дышать стало легче. Голова сделалась прозрачной и невесомой, как листок, гонимый ветром. В этом состоянии ума ответы на вопросы Темпи слетали с языка легко и непринужденно, как песня.

Бег. Кетан. Ходьба. Беседа. Три цикла. А потом я рухнул, выполняя кетан на обочине дороги.

Темпи пристально наблюдал за мной и подхватил меня прежде, чем я коснулся земли. Несколько минут мир кружился и плыл, а потом я осознал, что лежу под деревом у дороги. Должно быть, это Темпи меня туда отнес.

Он подал мне мех с водой.

— Пей.

О воде даже думать не хотелось, однако я все же отпил глоток.

— Извини, Темпи.

Он покачал головой.

— Ты далеко зашел, прежде чем свалился. Ты не жаловался. Ты доказал, что твой дух сильнее твоего тела. Это хорошо. Когда дух управляет телом, это летани. Но и знать пределы собственных возможностей — это тоже летани. Лучше остановиться, когда нужно, чем бежать, пока не упадешь.

— Если только летани не требует упасть, — сказал я, не задумываясь. Голова по-прежнему казалась невесомой, как листок на ветру.

Он улыбнулся, что бывало редко.

— Да. Ты начинаешь понимать.

Я улыбнулся в ответ.

— Как ты хорошо говоришь по-атурански!

Темпи поморгал. **Озабоченность.**

— Мы говорим не на твоём языке, а на моем.

— Но я же не умею... — начал было я, но тут услышал себя со стороны. «Сцеопа тейас...» Голова у меня на миг пошла кругом.

— Выпей еще, — сказал Темпи, и, хотя он полностью контролировал свое лицо и голос, я все же видел, что он встревожен.

Я отхлебнул еще, чтобы его успокоить. А потом мое тело вдруг как будто поняло, что нуждается в воде: мне ужасно захотелось пить, и я сделал несколько больших глотков, но остановился, чтобы не выпить слишком много и не довести дело до спазмов в желудке. Темпи кивнул, **одобрение.**

— Так что, я хорошо говорю? — спросил я, чтобы отвлечься от жажды.

— Для ребенка — хорошо. Для варвара — очень хорошо.

— И только-то? Я что, слова путаю?

— Ты слишком много соприкасаешься глазами.

Он расширил глаза и уставился ими в мои, не мигая.

— Кроме того, слова у тебя правильные, но простые.

— Ну, так научи меня другим.

Он покачал головой. **Серьезно.**

— Ты и так уже знаешь слишком много слов.

— Слишком много? Темпи, да я же очень мало слов знаю.

— Дело не в словах, а в их употреблении. У адемов говорить — это целое искусство. Есть люди, способные сказать многое одной фразой. Вот Шехин как раз из таких. Они что-то скажут на одном дыхании, а другие поймут только через год.

Мягкий упрек.

— А ты слишком часто говоришь больше, чем нужно. Не следует говорить по-адемски так, как ты поешь по-атурански. Сотня слов только затем, чтобы восхвалить женщину. Это слишком много. Мы говорим короче.

— То есть, если я встретил женщину, мне следует просто сказать «Как ты прекрасна!», и все?

Темпи покачал головой.

— Нет. Скажи просто: «Прекрасная», и пусть уж женщина сама решает, что ты имел в виду.

— Но разве это не...

Я не знал слов, означающих «расплывчатый» и «неопределенный», и мне пришлось начать заново:

— Но ведь это приводит к недопониманию, нет?

— Это приучает к вдумчивости, — твердо ответил Темпи. — Это деликатность. Когда говоришь, все время следует беспокоиться. Не слишком ли много ты говоришь.

Он покачал головой. **Неодобрение.**

— Это...

Он запнулся, подбирая слово.

— Грубо?

Отрицание. Бессилие.

— Я прихожу в Северен, и там есть люди, от которых воняет. И есть люди, которые не воняют. И те и другие — люди, но те, от которых не воняет, — люди достойные.

Он постучал меня по груди двумя пальцами.

— Ты — не козопас. Ты учишься летани. Ты мой ученик. Тебе следует говорить, как человеку достойному.

— Но как насчет точности? Представь, что вы строите мост. Вам нужно многое обсудить. И все это должно быть сказано четко и недвусмысленно.

— Разумеется! — ответил Темпи. **Согласие.** — Иногда да. Но в большинстве случаев, в важных делах, деликатность нужнее. И чем короче, тем лучше.

Темпи стиснул мое плечо, поднял голову и ненадолго встретился со мной взглядом. Для него это была большая редкость. Он улыбнулся чуть заметной, спокойной улыбкой. И сказал:

— Горжусь.

* * *

Остаток дня я приходил в себя. Мы проходили несколько километров, выполняли кетан, беседовали о летани и снова пускались в путь. В тот вечер мы заночевали в придорожном трактире. Я жрал за троих и рухнул в кровать прежде, чем солнце закатилось за горизонт.

На следующий день мы снова вернулись к прежним циклам, но выполнили всего два до полудня и два после. Мое тело ныло и горело, но я уже не впадал в бред от переутомления. К счастью, путем небольших мысленных усилий я мог снова возвращаться в то странное прозрачное состояние ума, в котором я накануне отвечал на вопросы Темпи.

В следующие два дня я привык называть это непривычное состояние «листок на ветру».

Оно представлялось мне дальним родственником «каменного сердца», ментального упражнения, которому я научился уже давно. При этом сходства между ними было очень немного. «Каменное сердце» имело практический смысл: оно позволяло избавиться от эмоций и сосредоточиться. Это помогало разделять свой разум на отдельные части или поддерживать столь необходимый алар.

А «листок на ветру» представлялся мне практически бесполезным. Конечно, было очень приятно опустошить свой разум до полной прозрачности и предоставить ему возможность беспрепятственно перепархивать от одного к другому. Но, если не считать того, что это позволяло мне извлекать из воздуха ответы на вопросы Темпи, никакой практической ценности в этом, по всей видимости, не было. То был интеллектуальный эквивалент карточных фокусов.

На восьмой день пути мое тело наконец перестало непрерывно ныть.

Именно тогда Темпи добавил нечто новенькое. Завершив кетан, мы переходили к поединку. Это было трудно, поскольку именно тогда я чувствовал себя наиболее усталым. Однако после поединка мы всегда садились, отдыхали и беседовали о летани.

— Ты почему улыбался сегодня во время поединка? — спрашивал Темпи.

— Потому что мне было хорошо.

— Тебе понравилось сражаться?

— Да.

Темпи продемонстрировал неудовольствие.

— Это несвойственно летани.

Я секунду поразмыслил над своим следующим вопросом.

— Но разве не следует получать удовольствие от битвы?

— Нет. Удовольствие следует получать от правильных поступков и следования летани.

— А если летани потребует сражаться? Разве я не могу получать от этого удовольствие?

— Нет. Ты должен получать удовольствие от того, что следуешь летани. Если ты сражаешься хорошо, тебе следует получать удовольствие от хорошо выполненной работы. Но сама по себе необходимость сражаться не должна вызывать ничего, кроме чувства долга и грусти. Только варвары и безумцы получают удовольствие от битвы. Всякий, кто любит бой ради боя, отрекся от летани.

* * *

На одиннадцатый день Темпи показал мне, как ввести в кетан меч. Первое, что я узнал, — это то, как быстро меч наливается свинцовой тяжестью, когда держишь его в вытянутой руке.

Теперь, когда добавились поединки и упражнения с мечом, каждый цикл занимал почти два с половиной часа. И тем не менее мы каждый день твердо выдерживали график. Три цикла до полудня, три после. Всего пятнадцать часов. Я чувствовал, как мое тело закаляется, становится жилистым и проворным, как у Темпи.

И так мы бежали вперед, я обучался, а Хаэрт становился все ближе и ближе.

ГЛАВА 110

КРАСОТА И ВЕТКА

Встретившиеся на пути городки мы стремительно оставляли позади, останавливаясь лишь затем, чтобы купить еды и набрать воды. Вся местность вокруг слилась в одно расплывчатое пятно. Мой разум был сосредоточен на кетане, на летани и на языке, которому я учился.

Дорога становилась уже: мы шли через предгорья Штормвала. Земля сделалась неровной и каменистой, дорога принялась вилить из стороны в сторону, обходя закрытые долины, утесы и каменные осыпи. Воздух переменился: сделалось прохладней, чем обычно бывает летом.

Наше путешествие длилось пятнадцать дней. По моим прикидкам, за это время мы миновали почти пятьсот километров.

Хаэрт был первым адемским городом, который я увидел в своей жизни. На мой неискушенный взгляд, он и на город-то был не похож. Никакой тебе центральной улицы, застроенной домами и лавками. Те здания, что я видел, были разбросаны там и сям, выглядели странно и были выстроены так, чтобы как можно лучше сливаться с естественным ландшафтом, как будто они норовили укрыться от глаз.

Я не знал, что здесь часто бушуют сильные бури, которые и дали хребту его название. Внезапные порывы ветра разносили все торчащее и угловатое, и квадратные бревенчатые дома, какие строили внизу, здесь бы просто не устояли.

Поэтому адемы строились разумно, пряча свои дома от непогоды. Хижины встраивались в горные склоны или лепились к подветренным склонам утесов. Некоторые зарывались в землю. Другие высекались в каменных стенах гор. Некоторые вообще были еле видны, пока не подойдешь вплотную.

Исключением была группа невысоких каменных строений, стоящих вплотную друг к другу, на некотором расстоянии от дороги.

Мы остановились у самого большого из них. Темпи обернулся ко мне, нервно теребя кожаные ремни, которые притягивали к рукам рукава его алой рубахи наемника.

— Я пойду вперед. Шехин захочет побеседовать со мной отдельно. Это может занять некоторое время.

Тревога. Сожаление.

— А ты жди здесь. Возможно, это будет долго.

Язык его тела сказал мне больше, чем его слова. «Я не могу привести тебя туда, ты же варвар».

— Я подожду, — заверил я.

Он кивнул и вошел, оглянувшись на меня прежде, чем затворить за собой дверь.

Я огляделся по сторонам. Вокруг люди мирно занимались своими делами: женщина несла корзину, парнишка вел козу на веревке. Дома были сложены из того же неотесанного камня, что и окрестные горы, и совершенно сливались с фоном. Небо было затянуто облаками, что добавляло еще один оттенок серого.

И над всем этим дул ветер, со свистом огибая углы и рисуя узоры на траве. Я мимоходом подумал, не закутаться ли в шаэд, но решил не делать этого. Воздух тут был разреженной и холодней. Но все-таки стояло лето, и солнце грело как следует.

Тут было на удивление спокойно. Не было шума и вони, свойственных большим городам. Не цокали копыта по мостовой. Торговцы с тележками не расхваливали свои товары. Я вполне мог представить, как в таком месте растут люди, подобные Темпи: вбирают в себя этот покой, пока он не наполнит их до краев, и потом уносят его с собой, куда бы они ни шли.

Поскольку смотреть было особо не на что, я обернулся к ближайшему зданию. Оно было сложено из неровных кусков камня, подобранных друг к другу на манер головоломки. Вглядевшись пристальней, я был озадачен отсутствием цемента. Я постучал по камню костяшкой пальца, гадая, уж не цельный ли это кусок камня, нарочно отделанный таким образом, чтобы казалось, будто он сложен из отдельных камней.

Позади чей-то голос спросил по-адемски:

— И что ты думаешь о нашей стене?

Обернувшись, я увидел немолодую женщину со светло-серыми глазами, характерными для адемов. Лицо ее было бесстрастно, однако черты выглядели добрыми, материнскими. На ней был желтый шерстяной колпак, натянутый на уши. Колпак был грубой вязки, и торчащие из-под него рыжеватые волосы начинали седеть. После долгого путешествия в обществе Темпи странно было видеть адема без меча и обтягивающей красной одежды наемника. Женщина была одета в свободную белую рубаху и холщовые штаны.

— Не правда ли, наша стена — завораживающее зрелище? — спросила она, сделав рукой жесты «мягкая усмешка» и «любопытство». — И что ты о ней думаешь?

— По-моему, она прекрасна, — ответил я по-адемски, на мгновение взглянув ей в глаза и тут же отведя взгляд в сторону.

Ее рука склонилась в незнакомом жесте.

— Прекрасна?

Я чуть заметно пожал плечами.

— Простым, функциональным вещам присуща своя, особая красота.

— Может быть, ты неправильно выбрал слово, — сказала она.

Сдержанное извинение. — Красота — это цветок, женщина, драгоценный камень. Быть может, ты хотел сказать «полезна». Стена полезна.

— Полезна, но в то же время и прекрасна.

— Быть может, вещь обретает красоту, когда ее используют.

— Быть может, вещь используют в зависимости от того, насколько она красива, — возразил я, гадая, что это: адемский аналог светской беседы? Если да, то, конечно, это лучше, чем унылые сплетни при дворе маэра.

— А как насчет моей шапки? — спросила она, коснувшись своего колпака. — Она тоже прекрасна, потому что ее используют?

Колпак был связан из толстой домашней пряжи и выкрашен в яркий цвет. Он был слегка перекошен, и стежки местами были неровные.

— Ну, она, кажется, очень теплая, — уклончиво ответил я.

Она сделала жест «легкая усмешка», и в глазах ее промелькнул смешок.

— Так и есть, — сказала она. — И для меня это прекрасная шапка, потому что ее связала мне дочь моей дочери.

— А-а, тогда она и впрямь прекрасная.

Согласие.

Женщина сделала жест, означающий улыбку. Руку она держала немного под другим углом, чем Темпи, и я счел это за теплую материнскую улыбку. Сохраняя невозмутимое выражение лица, я сделал **улыбку** в ответ, изо всех сил стараясь, чтобы мой жест выглядел одновременно теплым и любезным.

— Ты хорошо говоришь для варвара, — сказала она и стиснула мои руки дружеским жестом. — У нас редко бывают гости, особенно такие учтивые. Идем со мной, я покажу тебе красоту, и мы с тобой поговорим о том, какая в ней может быть польза.

Я опустил глаза. **Сожаление.**

— Не могу. Я жду.

— Того, кто внутри?

Я кивнул.

— Ну, если он ушел туда, подозреваю, ждать тебе придется долго. И

он, скорее, будет доволен, если ты пойдешь со мной. Пожалуй, я буду все-таки позанятней стенки.

Старуха вскинула руку, привлекая внимание парнишки. Он подбежал и выжидательно уставился на нее, мимоходом бросив взгляд на мои волосы.

Она сделала несколько жестов, обращаясь к мальчику, но я понял только **тихо**.

— Скажи тем, кто внутри, что я взяла этого человека прогуляться, чтобы он не стоял один на ветру. Скоро я его верну.

Она ткнула пальцем в мой футляр с лютней, в дорожную сумку и в меч у меня на боку.

— Отдай их мальчику, он отнесет их внутрь.

И, не дожидаясь моего ответа, потащила сумку у меня с плеча. Я не сумел придумать, как аккуратно отвязаться от нее, не показавшись чудовищно неучтивым. Все культуры разные, но одно верно для любой из них: нет лучшего способа оскорбить местных, чем отказаться от предложенного гостеприимства.

Парнишка утащил мои пожитки, а старуха взяла меня за руку и повела прочь. Я не без удовольствия повиновался ей. Мы шли молча, пока перед нами внезапно не открылась глубокая долина. Долина была зеленая, по дну бежал поток, а склоны защищали ее от непрерывно дующего ветра.

— Что ты скажешь на это? — спросила она, указывая на скрытую долину.

— Она похожа на Адемре.

Старуха ласково похлопала меня по руке.

— Ты обладаешь даром говорить, не говоря. Среди таких, как ты, это редкость.

Она принялась спускаться в долину, опираясь на мою руку и осторожно ступая по узкой каменистой тропе, вьющейся вниз по склону. Неподалеку я заметил юношу с отарой овец. Он помахал нам, но не окликнул.

Мы спустились на дно долины, где катился по камням белопенный поток. Поток образовывал прозрачные заводи, и в воде мелькали рыбки.

— Ты назовешь это прекрасным? — спросила она, когда мы вдоволь налюбовались пейзажем.

— Да.

— Почему?

Неуверенность.

— Наверно, потому, что все движется...

— А камни не двигались вовсе, однако ты и их назвал красивыми.

Вопрос.

— Камню от природы не свойственно двигаться. Быть может, красота в том, чтобы двигаться соответственно своей природе.

Она кивнула, как если бы ответ ей понравился. Мы продолжали смотреть на воду.

— Ты слышал о латанте? — спросила она.

— Нет, — **сожаление**. — Но, может быть, я просто не знаю этого слова.

Она повернулась, и мы пошли по дну долины, пока не вышли в более просторное место, которое имело ухоженный вид, как в саду. В центре возвышалось дерево, подобных которому я прежде не встречал.

Мы остановились на краю лужайки.

— Это меч-дерево, — сказала она и сделала незнакомый жест: коснулась щеки тыльной стороной кисти. — Латанта. Скажи, прекрасно ли оно?

Я мельком взглянул на нее. **Любопытство**.

— Я предпочел бы взглянуть на него поближе.

— Это не дозволено.

Подчеркнуто.

Я кивнул и принялся вглядываться в дерево, насколько мог на таком расстоянии. У него были высокие раскидистые сучья, как у дуба, но листья были широкие, плоские и на ветру описывали странные круги.

— Да, — ответил я некоторое время спустя.

— Почему тебе потребовалось так много времени, чтобы это решить?

— Я обдумывал причину, отчего оно прекрасно, — признался я.

— И?

— Я мог бы сказать, что оно одновременно движается и не движется согласно своей природе и это делает его прекрасным. Но я думаю, что дело не в этом.

— А в чем?

Я долго смотрел на дерево.

— Не знаю. А как по-твоему, в чем причина?

— Оно просто есть, — сказала она. — Этого довольно.

Я кивнул, чувствуя себя довольно глупо из-за своих тщательно продуманных ответов.

— Тебе известно о кетане? — вдруг спросила она.

Я уже отчасти имел представление, как это важно для адемов. Поэтому я замялся, не желая отвечать прямо. Однако и лгать мне тоже не хотелось.

— Может быть.

Извинение.

Она кивнула.

— Ты осторожен.

— Да. Ты Шехин?

Шехин кивнула.

— Когда ты заподозрил, что я — это я?

— Когда ты спросила про кетан, — ответил я. — А когда ты заподозрила, что мне известно больше, чем следует знать варвару?

— Когда увидела, как ты ставишь ноги.

Снова пауза.

— Шехин, а почему ты не ходишь в красном, как остальные наемники?

Она сделала пару незнакомых жестов.

— Твой наставник не сказал тебе, почему они ходят в красном?

— Мне не пришлось в голову спросить, — сказал я, не желая давать понять, будто Темпи пренебрег моим обучением.

— Тогда я спрашиваю у тебя.

Я немного поразмыслил.

— Чтобы враги не увидели их крови?

Одобрение.

— А почему тогда я хожу в белом?

От единственного ответа, который пришел мне в голову, сделалось не по себе.

— Потому что ты не проливаешь крови?

Она слегка кивнула.

— И еще потому, что, если враг прольет мою кровь, вид моей крови будет его законной наградой.

Меня охватила тревога, но я изо всех сил старался продемонстрировать подобающую адепскую сдержанность. После приличествующей случаю вежливой паузы я спросил:

— Что будет с Темпи?

— Это еще предстоит выяснить.

Она сделала жест, близкий к **раздражению**, потом спросила:

— Отчего ты не беспокоишься о себе?

— Я больше беспокоюсь о Темпи.

Меч-дерево выписывало сложные узоры на ветру. Это выглядело почти завораживающе.

— Далеко ли ты продвинулся в своем обучении? — спросила Шехин.

— Я изучал кетан в течение месяца.

Она развернулась ко мне лицом и вскинула руки.

— Ты готов?

Я невольно подумал, что она на пятнадцать сантиметров ниже меня и годится мне в бабушки. Да и эта кривая желтая шапка не давала ей выглядеть особенно устрашающей.

— Может быть, — ответил я и тоже вскинул руки.

Шехин медленно принялась наступать, делая «руки-ножи». Я ответил «хватанием дождя». Потом сделал «карабкающееся железо» и «стремительное проникновение», но до нее так и не дотянулся. Она слегка ускорила свои движения, сделала «перемену дыхания» и одновременно «выпад вперед». Первую я остановил «водяным веером», а вот второй перехватить не успел. Она коснулась моего бока ниже ребер, потом виска — мягко, как будто прижимала палец к чужим губам.

И что я ни пробовал, ей все было нипочем. Я выполнил «метание молнии», но она просто отступила в сторону, даже заблокировать не потрудилась. Раз или два я ощутил прикосновение ткани — мне удалось-таки коснуться ее белой рубахи, — но это было все. Это было все равно что пытаться нанести удар куску болтающейся веревки.

Я стиснул зубы и выполнил «волнующуюся пшеницу», «выжимание сидра» и «мать в ручье», плавно переходя от одного к другому в вихре ударов.

Как она двигалась! Я никогда не видел ничего подобного. Дело не в том, что она была стремительна, — она была стремительна, но суть не в этом. Шехин двигалась идеально. Она не делала двух шагов там, где достаточно одного. Не сдвигалась на десять сантиметров, если было достаточно восьми. Она двигалась, как некое сказочное создание, более плавно и изящно, чем танцующая Фелуриан.

Надеясь застать ее врасплох и показать себя, я принялся двигаться настолько стремительно, насколько смел. Я выполнил «танцующую деву», «ловлю воробьев», «пятнадцать волков»...

Шехин сделала один-единственный шаг, идеальный шаг.

— Отчего ты плачешь? — спросила Шехин, выполняя «падающую цаплю». — Тебе стыдно? Тебе страшно?

Я поморгал, чтобы очистить глаза. Голос у меня сделался хриплым от усталости и обуревавших меня чувств.

— Ты прекрасна, Шехин! В тебе есть все сразу: и камни стены, и вода потока, и колыхание дерева.

Шехин моргнула, и в этот миг ее удивления я вдруг обнаружил, что крепко держу ее за плечо и руку. Я выполнил «взметнувшийся гром», но

Шехин не упала — она стояла прочно и неподвижно, как скала.

Она почти машинально освободилась «укрощением льва» и выполнила «волнующуюся пшеницу». Я отлетел на пару метров и рухнул на землю.

Я тут же вскочил на ноги, нимало не пострадав. Бросок был аккуратный, почва мягкая, а Темпи научил меня падать, не причиняя себе вреда. Но прежде, чем я снова ринулся в атаку, Шехин жестом остановила меня.

— Темпи учил тебя и не учил одновременно, — сказала она с непроницаемым лицом. Я снова заставил себя отвести глаза. Очень трудно отвыкнуть от вьевшихся за всю жизнь привычек. — Это и плохо, и хорошо одновременно. Идем.

Она повернулась и пошла в сторону дерева.

Дерево оказалось больше, чем я думал. Ветки поменьше бешено раскачивались на ветру, описывая сложные кривые.

Шехин подобрала упавший лист и протянула его мне. Лист был широкий и плоский, с небольшою тарелку, и на удивление тяжелый. Я почувствовал боль и обнаружил у себя на пальце длинный узкий порез.

Осмотрев край листа, я увидел, что он жесткий и острый, как осока. И впрямь меч-дерево! Я задрал голову и посмотрел на колышущиеся листья. Любого, кто подойдет к дереву в сильный ветер, порежет на ленточки.

Шехин спросила:

— Если бы тебе было надо напасть на это дерево, что бы ты стал делать? Стал бы ты бить по корням? Нет. Слишком прочные. Стал бы ты бить по листьям? Нет. Слишком быстрые. Что же остается?

— Ветки.

— Ветки.

Согласие. Она обернулась ко мне.

— Вот чему Темпи тебя не научил. Он поступил бы дурно, научив тебя этому. Однако из-за этого ты пострадал.

— Не понимаю.

Она жестом приказала мне начать кетан. Я машинально встал в стойку «ловля воробьев».

— Стоп.

Я застыл в стойке.

— Если я на тебя нападу, куда я ударю? Сюда, в корень?

Она толкнула мою ногу — нога стояла прочно.

— Сюда, в лист?

Она толкнула мою вскинутую ладонь, без труда отвела ее, но больше ничего не добилась.

— Вот сюда. В ветку.

Она мягко толкнула меня в плечо и без труда сдвинула меня с места.

— И сюда.

Она надавила мне на бедро, развернув меня.

— Видишь? Надо найти место, куда направить силу, иначе потратишь ее впустую. Тратить силу впустую — это не летани.

— Да, Шехин.

Она вскинула руки, встала в позицию, в которой я застал ее врасплох, посередине «падающей цапли».

— Выполни «взметнувшийся гром». Где у меня корень?

Я указал на упертую в землю стопу.

— А лист?

Я указал на кисти.

— Нет. Отсюда досюда — все листья, — она указала на руку от кисти до плеча и продемонстрировала, как ей ничего не стоит нанести удар ладонью, локтем или плечом. — Где ветка?

Я надолго задумался, потом указал на колено.

Она ничем не выдала себя, но я все-таки ощутил ее удивление.

— И?

Я указал на противоположный бок под мышкой и на плечо.

— Покажи.

Я подошел к ней вплотную, поставил ногу рядом с ее коленом и выполнил «взметнувшийся гром», отшвырнув ее в сторону. Я сам удивился, как мало сил для этого потребовалось.

Однако Шехин не взлетела в воздух и не покатила по земле. Вместо этого она ухватила меня за предплечье. Я ощутил рывок, потерял равновесие и сместился на шаг в сторону. Вместо того чтобы упасть, Шехин использовала захват в качестве рычага, так что ее ноги оказались внизу. Она сделала один идеальный шаг и снова восстановила равновесие.

Шехин посмотрела мне прямо в глаза долгим, задумчивым взглядом, потом повернулась и пошла прочь, сделав мне знак следовать за собой.

ГЛАВА 111

ЛЖЕЦ И ВОР

Мы с Шехин вернулись к группке каменных строений и увидели Темпи: он стоял снаружи, нервно переминаясь с ноги на ногу. Это подтвердило мои подозрения. Он не посылал Шехин испытать меня. Она сама меня нашла.

Когда мы подошли достаточно близко, Темпи протянул правой рукой свой меч, держа его острием вниз. Левой рукой он сделал жест «глубокого уважения».

— Шехин, — сказал он, — я...

Шехин сделала ему знак следовать за собой и вошла в приземистое каменное строение. Она махнула рукой мальчику.

— Приведи Карсерет!

Мальчик убежал.

Я показал Темпи жест «любопытство».

Он даже не взглянул на меня. **Очень серьезно. Внимание!** Мне не очень-то понравилось, что это были те самые жесты, которые Темпи использовал на дороге у Кроссона, когда думал, что нас ждет засада. Я заметил, что руки у него слегка дрожат.

Шехин привела нас к открытой двери, где к нам присоединилась женщина в алой одежде наемника. Я узнал тонкие шрамы у нее на лбу и на щеке. Это была Карсерет, та наемница, которую мы встретили по пути в Северен, та самая, что оттолкнула меня.

Шехин дала обоим наемникам знак войти, а меня остановила жестом.

— Жди тут. То, что сделал Темпи, — нехорошо. Я выслушаю. А потом решу, что с вами делать.

Я кивнул, и она затворила за собой дверь.

* * *

Я ждал час, ждал два. Я напрягал слух, но за дверью ничего слышно не было. Мимо меня по коридору прошло несколько человек: двое в наемничьем красном, еще один в сером домотканом. Каждый мимоходом взглянул на мои волосы, но никто не пялился.

Вместо того чтобы улыбнуться и кивнуть, как принято у варваров, я сохранял каменное лицо, отвечал на незаметные приветственные жесты и старался не встречаться глазами.

Третий час был на исходе, когда дверь распахнулась и Шехин жестом позвала меня внутрь.

Это была хорошо освещенная комната со стенами из тесаного камня. Величиной она была с просторный номер в гостинице, но выглядела еще просторнее благодаря тому, что мебели в ней практически не было. У одной стены стояла железная печурка, от которой веяло мягким теплом, и еще там было четыре стула, расставленных друг напротив друга. На трех стульях сидели Темпи, Шехин и Карсерет. Повинуясь жесту Шехин, я занял четвертый.

— Сколько человек ты убил? — спросила Шехин. Теперь она разговаривала совсем другим тоном. Властно. Безапелляционно. Таким тоном говорил Темпи, когда мы беседовали о летани.

— Много, — не раздумывая, ответил я. Может, временами я и туго соображаю, но всегда вижу, когда меня испытывают.

— Много — это сколько?

Это не было уточнение. Это был новый вопрос.

— Когда убиваешь людей, один — уже много.

Она слегка кивнула.

— Ты убивал людей не по летани?

— Быть может.

— Почему ты не отвечаешь ни «да», ни «нет»?

— Потому что летани не всегда очевидна для меня.

— Почему?

— Потому что летани не всегда очевидна.

— Что делает летани очевидной?

Я замялся, хотя и знал, что это неправильно.

— Слова наставника.

— Можно ли обучить летани?

Я хотел было сделать жест «неуверенность», потом вспомнил, что жесты сейчас неуместны.

— Быть может, — сказал я. — Я не могу.

Темпи слегка заерзал на стуле. Все шло не так... Не зная, что еще делать, я сделал глубокий вдох, расслабился и мягко погрузился в «листок на ветру».

— Кому ведома летани?

— Листу, гонимому ветром, — ответил я, хотя, честно говоря, не знаю,

что я имел в виду.

— Откуда берется летани?

— Оттуда же, откуда смех.

Шехин слегка поколебалась, потом спросила:

— Как следовать летани?

— Как следовать за луной?

Время, проведенное с Темпи, приучило меня оценивать разные виды пауз, прерывающие беседу. В языке адемов молчание говорит не меньше слов. Бывают паузы многозначительные. Вежливые. Растерянные. Бывает пауза, которая подразумевает недосказанное, извиняющаяся пауза, пауза, которая подчеркивает сказанное прежде...

Эта пауза была внезапной дырой в разговоре. Пустота дыхания, задержанного на вдохе. Я почувствовал, что сказал либо что-то очень умное, либо что-то совсем дурацкое.

Шехин пошевелилась на стуле, и торжественная атмосфера развеялась. Я почувствовал, что мы переходим к следующему этапу, и вышел из состояния «листка на ветру».

Шехин обернулась и взглянула на Карсерет.

— Что скажешь?

Карсерет все это время сидела как статуя, неподвижно, не меняя выражения лица.

— Я скажу то же, что и прежде. Темпи нетинад нас всех. Его следует отрубить. Затем и придуманы законы. Пренебречь законом — значит уничтожить его.

— Слепо следовать закону означает быть рабом! — тут же возразил Темпи.

Шехин сделала жест «суровый упрек», и Темпи залился краской.

— А что касается этого, — Карсерет указала на меня.

Пренебрежение. — Он не принадлежит Адеме. В лучшем случае он глупец. В худшем — лжец и вор.

— А что он сказал сегодня? — спросила Шехин.

— Собака может гавкнуть три раза, не считая.

Шехин обернулась к Темпи.

— Заговорив вне очереди, ты отказался от своей очереди говорить.

Темпи снова покраснел, губы у него побелели от усилия держать себя в руках.

Шехин глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

— Кетан и летани — вот что делает нас Адеме, — сказала она. — Варвар кетаном владеть не может.

Темпи с Карсерет встрепенулись, но она вскинула руку.

— В то же время уничтожить того, кто постиг летани, — неправильно. Летани не уничтожает самое себя.

Слово «уничтожить» она произнесла как ни в чем не бывало. Я понадеялся, что, должно быть, неправильно понял адемское слово.

Шехин продолжала:

— Найдутся такие, кто скажет: «С этого довольно. Не учите его летани, кто ведает летани, превзойдет все остальное».

Шехин сурово взглянула на Карсерет.

— Но я не из тех, кто скажет так. Я думаю, что мир станет лучше, если в нем будет больше тех, кому знакома летани. Летани дает силу, но дает и мудрость правильно распоряжаться силой.

Повисла долгая пауза. У меня скрутило живот, но я старался сохранять спокойный вид.

— Я думаю, — сказала наконец Шехин, — что, возможно, Темпи не сделал ошибки.

Казалось бы, это еще не была прямая поддержка, но по тому, как внезапно напряглась спина Карсерет, и по тому, как Темпи выдохнул воздух — медленно, с облегчением, — я предположил, что это тот самый ответ, на который мы надеялись.

— Я отдам его Вашет, — сказала Шехин.

Темпи замер. Карсерет сделала жест «одобрение», широкий, как ухмылка безумца.

Темпи спросил напряженным тоном:

— Ты отдашь его Кувалде?

Его рука замелькала. **Почтение. Отрицание. Почтение.**

Шехин поднялась на ноги, дав знак, что разговору конец.

— Кто может быть лучше? Кувалда покажет, действительно ли он — железо, достойноековки.

С этими словами Шехин отвела Темпи в сторону и перебросилась с ним несколькими словами. Ее руки слегка касались его рук. Говорила она слишком тихо даже для моих чутких ушей опытного шпиона.

Я вежливо стоял рядом со своим стулом. Темпи, похоже, вполне утратил боевое настроение, и в его жестах то и дело повторялись **согласие и почтение**.

Карсерет тоже держалась в стороне от них и пялилась на меня. Лицо у нее было каменное, но глаза злые. Она сделала несколько жестов, так, чтобы те двое не видели. Единственный, который я понял, было **отвращение**, но насчет значения прочих я более или менее догадался.

В ответ я сделал другой жест, совсем не адемовский. По тому, как сузились у нее глаза, я заподозрил, что она меня тоже поняла.

Трижды раздался пронзительный звон колокола. Мгновением позже Темпи поцеловал Шехин руки, поцеловал ее в лоб и в губы. Потом повернулся и сделал мне знак следовать за собой.

Мы вместе вышли в просторный зал с низким потолком, где было полно народу и пахло едой. Это была столовая. Там стояли длинные столы и темные деревянные скамьи, гладкие от старости.

Я следовал за Темпи, накладывая себе еду на большую деревянную тарелку. Только теперь я осознал, что жутко проголодался.

Невзирая на мои ожидания, эта столовая оказалась совсем не похожа на университетскую. Во-первых, тут было куда тише, во-вторых, кормили куда лучше. Тут давали свежее молоко и нежирное нежное мясо — судя по всему, козье. Еще подавали твердый острый сыр, мягкий сливочный творог и два вида хлеба, теплого, только из печи. И еще яблоки и клубнику. На всех столах свободно стояли солонки, и всякий мог брать соли, сколько пожелает.

Непривычно было находиться в зале, полном разговаривающих адемов. Говорили они так тихо, что я не различал слов, только руки мелькали. Я понимал самое большее один жест из десяти, и все же странно было видеть все эти мелькающие вокруг эмоции: **усмешка, гнев, смущение, отрицание, отвращение**. Я гадал, что из этого относится ко мне, пришлому варвару.

Женщин было куда больше, чем я ожидал, и довольно много детей. Там было несколько человек в знакомой кроваво-красной одежде наемника, но куда больше одевались в простую серую холстину, которую я видел, гуляя с Шехин. В толпе мелькнула белая рубаха, и я с удивлением обнаружил, что это сама Шехин ужинает локоть к локтю со всеми остальными.

Открыто на меня никто не смотрел, и все же на меня поглядывали. Больше всего всех занимали мои волосы, оно и понятно. В зале было полсотни белобрых голов, несколько голов потемнее и несколько совсем белых или седых от старости. Я среди них как одинокая пылающая свеча.

Я пытался втянуть Темпи в разговор, но он разговаривать не желал и полностью сосредоточился на еде. На тарелку он себе положил куда меньше, чем я, и съел только часть того, что взял.

Поскольку я не отвлекался на разговоры, я быстро управился с ужином. Когда моя тарелка опустела, Темпи бросил делать вид, что ест, и повел меня прочь. Выходя из столовой, я чувствовал, что десятки глаз

уперлись мне в спину.

Он провел меня несколькими коридорами, и наконец мы остановились перед одной дверью. Темпи отворил ее, там обнаружилась маленькая комнатка с окном и кроватью. В комнатке были моя лютня и дорожная сумка. Меча не было.

— У тебя будет другой наставник, — сказал Темпи. — Старайся как можно лучше. Веди себя культурно. От твоего наставника много зависит.

Сожаление.

— Меня ты больше не увидишь.

Он явно был в тревоге, но я не мог придумать, что бы такое сказать, чтобы его успокоить. Вместо этого я просто обнял его в утешение, и он, похоже, остался этим доволен. Потом он повернулся и вышел, не сказав более ни слова.

Оставшись один, я разделся и лег. Тут уместно было бы сказать, что я долго ворочался в постели, тревожась о том, что мне предстоит. Но, по правде говоря, я сильно устал и спал, как счастливый младенец на материнской груди.

ГЛАВА 112

КУВАЛДА

Я сидел в крошечном парке: всего две гладкие каменные скамьи, несколько деревьев и тропинка в высокой траве. Пересечь его можно было за минуту. Утесы с двух сторон загораживали его от ветра. Не то чтобы полностью. В Хаэрте, по-моему, не было ни единого места, где можно было бы полностью укрыться от ветра.

Первое, на что я обратил внимание, увидев Вашет, это то, что она не носила меч на поясе. Она носила его за спиной, как я свою лютню. Ходила она с ненавязчивой, но солидной уверенностью, как будто знала, что ей полагается шествовать, но ей было лень.

Она отличалась все тем же худощавым телосложением, которое я привык считать общим признаком адемов наряду с бледной, сливочной кожей и светлыми глазами. Волосы у нее были чуть светлее, чем у Темпи, и носила она их собранными в хвост. Когда она подошла ближе, я увидел, что нос у нее сломан, и, хотя он не был кривым, легкая неровность все же смотрелась странно на этом лице, в остальном вполне правильном.

Вашет улыбнулась мне широкой улыбкой, показав белые зубы.

— Ну что, — сказала она на безупречном атуранском, — теперь ты мой!

— Ты говоришь по-атурански? — тупо удивился я.

— Да мы почти все на нем говорим, — сказала она. Вокруг рта и в уголках ее глаз виднелись тонкие морщинки, так что я прикинул, что она, видимо, лет на десять меня постарше. — Трудно пробиться там, где ты не знаешь языка. Дела вести невозможно.

Я наконец спохватился. **Учтивость. Почтение.**

— Я правильно понимаю, что ты — Вашет?

Ее губы снова растянулись в улыбке. Вашет размашисто повторила мой жест, так преувеличенно, что я поневоле почувствовал насмешку.

— Да. Я буду твоим наставником.

— А как же Шехин? Я думал, что наставник тут она.

Вашет приподняла одну бровь — экстравагантное выражение лица, на адемовском лице оно выглядело просто пугающе.

— В целом это так и есть. Но с практической точки зрения Шехин — слишком важная персона, чтобы тратить время на таких, как ты.

Я сделал жест «вежливо».

— Мне и с Темпи было неплохо, — сказал я.

— Ну, если бы наша цель была в том, чтобы тебе было неплохо, тогда конечно, — сказала она. — Однако Темпи — скорее парусник, чем наставник.

Я слегка разозлился.

— Он мой друг, знаешь ли!

Глаза у нее сузились.

— Ну, раз ты его друг, ты, должно быть, не замечаешь его недостатков. Он опытный боец, но и только. Он еле говорит на вашем языке, мало знает о реальном мире и, откровенно говоря, не особенно умен.

— Извини, — сказал я. **Сожаление.** — Я не хотел тебя задеть.

— Не демонстрируй мне смирение, если не испытываешь его, — сказала она, по-прежнему сердито щурясь. — Даже когда ты надеваешь маску на лицо, глаза твои все равно остаются прозрачными окнами.

— Извини, — сказал я, уже искренне. **Извинение.** — Я надеялся произвести хорошее первое впечатление.

— Зачем? — спросила она.

— Мне хотелось, чтобы ты думала обо мне хорошо.

— Мне хотелось бы иметь причины думать о тебе хорошо.

Я решил сменить курс, надеясь вывести разговор в более тихую гавань.

— Темпи назвал тебя «Кувалдой». Почему?

— Меня так зовут. Вашет. Кувалда. Глина. Вращающееся Колесо.

Она произнесла свое имя тремя разными способами, каждый раз другим тоном.

— Я та, кто придает форму, заостряет и уничтожает.

— А почему глина?

— Потому что я и глина тоже, — сказала Вашет. — Только то, что само податливо, может учить других.

Я ощутил нарастающее возбуждение.

— Нужно признаться, — сказал я, — мне будет приятно иметь возможность говорить со своим наставником на одном языке. У меня есть тысяча вопросов, которые я не мог задать, потому что знал, что Темпи не поймет. А если и поймет, то я не пойму его ответов.

Вашет кивнула и села на одну из скамей.

— Умение общаться — это тоже свойство наставника, — сказала она. — Теперь ступай, отыщи длинную палку и принеси ее мне. И начнем урок.

Я отправился к деревьям. Ее просьба звучала как часть ритуала, так что мне не хотелось притащить ей первый попавшийся гнилой сучок, который валяется под ногами. В конце концов я нашел иву и отломил гибкую ветку длиннее моей руки и толщиной с мой мизинец.

Я вернулся к Вашет, сидящей на скамье. Я протянул ей ивовую ветку, она достала из-за плеча свой меч и принялась очищать ветку от торчащих сучков.

— Ты сказала: «Только то, что само податливо, может учить других», — объяснил я. — Вот я и подумал, эта ветка как раз подойдет.

— Для сегодняшнего урока сгодится, — сказала она, счищая последние полоски коры. В руках у нее остался тонкий белый прут. Вашет вытерла меч о рубаху, спрятала его в ножны и встала.

Держа в руке ивовый прут, Вашет взмахнула им пару раз. Прут негромко посвистывал, рассекая воздух. «Вжик-вжик!»

Теперь, когда Вашет оказалась ближе, я обратил внимание, что, хотя она и носит знакомую красную наемничью одежду, ее рубаха и штаны, в отличие от одежды Темпи и многих других, не стянуты кожаными ремнями. Вместо ремней она носила полосы кроваво-красного шелка.

Она посмотрела мне в глаза.

— Сейчас я тебя ударю, — серьезно сказала она. — Стой смирно.

Вашет принялась медленно обходить меня по кругу, по-прежнему помахивая ивовым прутом. «Вжик-вжик!» Она очутилась у меня за спиной, и не видеть ее было еще хуже. «Вжик-вжик!» Она замахала быстрее, звук изменился. «Вжжих-вжжих!» Я не поморщился.

Она обошла вокруг меня еще раз, зашла мне за спину и дважды меня ударила. По разу по каждой руке чуть пониже плеча. «Вжжих!» «Вжжих!» Поначалу ощущение было такое, будто она просто меня хлопнула, а потом боль распустилась по всей руке, обжигая огнем.

Затем, прежде чем я успел среагировать, она вытянула меня поперек спины так сильно, что аж в зубы отдалось. Если прут не сломался, то только потому, что он был из гибкой зеленой ивы.

Я не вскрикнул, но лишь оттого, что Вашет ударила меня на выдохе. У меня перехватило дыхание, я ахнул и втянул воздух так стремительно, что поперхнулся и закашлялся. Моя спина вопила от боли, как будто ее подпалили.

Вашет подошла ко мне спереди и посмотрела на меня все так же серьезно.

— Вот тебе твой урок, — сказала она. — Я не думаю о тебе хорошо. Ты варвар. Ты не умен. Тебе тут не рады. Ты не здешний. Ты похитил наши

тайны. Твое присутствие здесь мешает и сулит осложнения, которые школе совсем ни к чему.

Вашет оглядела конец ивового прута и снова посмотрела на меня.

— Встретимся здесь снова, через час после обеда. Принеси другую палку, я постараюсь преподать тебе этот урок еще раз.

Она пристально взглянула на меня.

— Если палка, которую ты принесешь, мне не понравится, я выберу другую сама. Потом мы займемся тем же самым после ужина. И на следующий день. Это единственное, чему я собираюсь тебя учить. Когда ты этому выучишься, ты уйдешь из Хаэрта и никогда сюда не вернешься.

Она холодно смотрела на меня.

— Ты понял?

— А что...

Она взмахнула рукой, и кончик прута хлестнул меня по щеке. На этот раз это было на вдохе, и я пронзительно, испуганно взвизгнул.

Вашет смотрела на меня. Никогда не думал, что такая простая вещь, как взгляд глаза в глаза, может быть настолько устрашающим. Но ее светло-серые глаза были жесткими как лед.

— Отвечай: «Да, Вашет. Я понял».

Я зыркнул на нее глазами.

— Да, Вашет. Я понял.

Правая сторона верхней губы у меня распухла и шевелилась с трудом.

Она взглядела в мое лицо, как будто пыталась что-то решить, потом пожала плечами и отшвырнула прут в сторону.

И только тогда я рискнул заговорить снова:

— А что будет с Темпи, если я уйду?

— Когда ты уйдешь, — поправила она, сделав ударение на первом слове. — Те немногие, кто в этом сомневался, поймут, что он поступил дурно, взявшись тебя учить. И вдвойне дурно, приведя тебя сюда.

— А что с ним сделают, когда... — Я осекся и начал сначала: — А что с ним сделают, если я уйду?

Она пожала плечами и отвернулась.

— Это уж не мне решать, — сказала она и ушла прочь.

Я потрогал щеку и губу и посмотрел на руку. Крови не было, однако я чувствовал, как на коже у меня набухает багровый рубец, отчетливый, как клеймо.

Не зная, что еще мне делать, я вернулся в школу обедать. Придя в столовую, я огляделся по сторонам, но Темпи среди наемников, одетых в алое, не было. Меня это обрадовало. Мне, конечно, было бы приятно оказаться в обществе друга, и все же мне невыносимо было думать, что он может узнать, насколько плохо все обернулось. Мне ему даже и говорить ничего не придется. Отметина у меня на лице говорила сама за себя, и всем присутствующим все было ясно.

Я сохранял непроницаемое лицо и смотрел в пол, продвигаясь вдоль прилавка и накладывая себе еду. Потом выбрал пустое место за столом, не желая никому навязывать свое общество.

Я был один большую часть своей жизни. И все же я редко чувствовал себя таким одиноким, как в тот момент. У меня был единственный близкий человек на шестьсот километров в округе, и тому велели держаться от меня подальше. Я был незнаком с местной культурой, едва знал их язык, и горящие огнем спина и лицо непрерывно напоминали мне, насколько я тут лишний.

Однако кормили тут и впрямь хорошо. Курица на вертеле, поджаристые стручки коровьего гороха, ломоть сладкого кекса с патокой. В Университете я редко мог позволить себе такую хорошую еду, а у маэра кормили хорошо, но мне вечно все доставалось простывшим. Сейчас я был не особенно голоден, однако я достаточно наголодался за свою жизнь, чтобы мне было просто отказаться от дармового обеда.

Я краем глаза заметил движение: кто-то сел за стол напротив меня. На душе у меня слегка полегчало. Ну, хоть кому-то хватает храбрости общаться с варваром! Нашелся-таки человек, достаточно добрый, чтобы меня подбодрить, или хотя бы достаточно любопытный, чтобы поболтать со мной...

Подняв голову, я увидел худое, разукрашенное шрамами лицо Карсерет. Она поставила свою большую деревянную тарелку напротив меня.

— Ну что, как тебе наш город? — негромко спросила она, опустив левую руку на поверхность стола. Сейчас, когда мы сидели, ее жесты изменились, однако я распознал **любопытство и вежливость**. Со стороны любому бы показалось, будто мы мило беседуем. — Как тебе твоя новая наставница? Она того же мнения, что и я. Тебе тут не место.

Я прожевал кусок курицы и механически проглотил, не поднимая глаз.

Озабоченность.

— Я слышала, как ты вскрикнул, — тихо продолжала она. Теперь она говорила медленнее, как будто с ребенком. Я не знал, то ли она хочет меня

оскорбить, то ли просто старается, чтобы я все понял. — Прямо как птичка!

Я отхлебнул теплого козьего молока и утер губы. От движения руки моя рубашка сдвинулась относительно рубца на спине. Боль была такая, будто меня ужалила сотня ос сразу.

— Что это было, крик страсти? — осведомилась она, делая жест, которого я не распознал. — Быть может, Вашет тебя обняла? А на щеке у тебя не иначе как след от поцелуя?

Я откусил кекс. Кекс что-то был совсем не такой сладкий, как мне казалось.

Карсерет тоже откусила кекс.

— У нас тут все бьются об заклад, когда ты уберешься, — продолжала она медленно и вполголоса, так чтобы слышал только я. — Я поставила два таланта на то, что ты и двух дней не протянешь. Если ты сбежишь ночью, как я надеюсь, я выиграю деньги. Ну а если я не права и ты останешься подольше, я выиграю твои синяки и ссадины и возможность послушать твои вопли.

Настойчивая просьба.

— Оставайся!

Я поднял взгляд на нее.

— Ты говоришь, как собака лает, — сказал я. — Без цели. Без смысла.

Я говорил достаточно тихо, чтобы быть вежливым. Однако не настолько тихо, чтобы мой голос не долетел до ушей всех, кто сидел поблизости. Уж я-то умею говорить тихо так, чтобы слышали все, кому следует. Это мы, руэ, изобрели театральный шепот.

Я увидел, как она побагровела. На лбу и челюсти отчетливо проступили бледные шрамы.

Я опустил глаза и продолжал есть, само воплощение безмятежного спокойствия. Оскорбить человека другой культуры не так-то просто. Однако я тщательно выбрал слова, основываясь на том, что говорил Темпи. Если она как-то отреагирует, это только докажет, что я был прав.

Я не спеша и методично доел свой обед, воображая исходящие от нее жаркие волны гнева. Хотя бы эту маленькую битву я выиграть мог. Конечно, это была пустая победа. Но иногда приходится брать, что дают.

* * *

Когда Вашет вернулась в маленький парк, я уже сидел и ждал на одной из каменных скамеек.

Она остановилась напротив и тяжело вздохнула.

— Миленько! Экий ты непонятливый, — сказала она на своем превосходном атуранском. — Ну что ж, ступай за палкой. Посмотрим, может, на этот раз мне удастся объяснить получше.

— Палку я уже принес, — сказал я. Я сунул руку под скамью и достал деревянный тренировочный меч, который позаимствовал в школе.

Это было старое, промасленное дерево, отполированное бесчисленными руками, твердое и тяжелое, как железный брусок. Если бы она огрела меня этим по плечам так, как ивовым прутом, она переломала бы мне кости. Если бы она ударила меня по лицу, она своротила бы мне челюсть.

Я положил меч на скамью рядом с собой. Дерево даже не стукнуло о камень. Оно было таким твердым, что зазвенело как колокол.

Положив тренировочный меч, я принялся стягивать рубашку через голову, шипя сквозь зубы, когда ткань терлась о свежий рубец на спине.

— Ты что, надеешься растрогать меня, предложив мне свое нежное юное тело? — осведомилась Вашет. — Ты, конечно, хорош собой, но не настолько.

Я аккуратно положил рубашку на скамью.

— Я просто подумал, что стоит кое-что тебе показать.

И повернулся к ней спиной.

— Ну, тебя пороли кнутом, — сказала она. — Не могу сказать, что меня это удивляет. Я и так знала, что ты вор.

— Это не за воровство, — сказал я. — Это в Университете. Меня обвинили в проступке и приговорили к порке. Когда такое случается, большинство студентов просто бросают Университет и уходят учиться куда-нибудь в другое место. А я решил остаться. Подумаешь, всего-то три удара.

Я ждал, по-прежнему глядя в другую сторону. И она таки проглотила наживку.

— Тут куда больше шрамов, чем от трех ударов.

— Некоторое время спустя, — сказал я, — меня обвинили в другом проступке. На этот раз я получил шесть ударов. И все равно остался.

Я обернулся к ней лицом.

— Остался потому, что не было другого места, где я мог научиться тому, чему хотел. И побоями меня было не прогнать.

Я взял со скамьи тяжелый деревянный меч.

— Я подумал, что честность требует тебе об этом сказать. Угрозой боли меня не отпугнуть. Я не брошу Темпи после того, как он на меня

положился. И еще я многому хочу научиться, и научить этому могут только здесь.

Я протянул ей твердую темную деревяшку.

— Если ты хочешь заставить меня уйти, синяками тут не отделаешься.

Я отступил на шаг, вытянул руки по швам и закрыл глаза.

ГЛАВА 113

ВАРВАРСКИЙ ЯЗЫК

Мне хотелось бы сказать, что я так и не открыл глаз, но это была бы неправда. Я услышал хруст песка под ногами Вашет и невольно открыл глаза.

Но я не подсматривал, нет. Это было бы ребячеством. Я просто открыл глаза и посмотрел на нее. Она смотрела мне в глаза куда дольше, чем Темпи за целый оборот. Светло-серые глаза выглядели очень жесткими на миловидном лице. И сломанный нос уже не казался неуместным. Это было грозное предупреждение миру.

Ветер свистел вокруг. Мои обнаженные руки покрылись мурашками.

Вашет обреченно вздохнула, пожала плечами, перехватила деревяшку за рукоять. Взяла ее обеими руками, задумчиво прикинула на вес. Потом вскинула ее и замахнулась.

Но удара не нанесла.

— Отлично! — с раздражением сказала она, махнув рукой. — Ах ты, мелкий тощий засранец! Отлично! Дерьмо луковое. Надевай рубаху. Мне на тебя смотреть холодно.

Я без сил опустился на скамью.

— Слава богу! — сказал я. И принялся натягивать рубашку. Это давалось мне нелегко: руки у меня тряслись. И не от холода.

Вашет это заметила.

— Так я и знала! — торжествующе воскликнула она, указывая на меня пальцем. — Ты стоял так, будто тебя вот-вот повесят. Я так и знала, что ты готов сбежать как кролик!

Она разочарованно топнула ногой.

— Эх, надо было все-таки тебе врезать!

— Я рад, что ты этого не сделала, — сказал я. Я ухитрился-таки натянуть рубашку, потом обнаружил, что надел ее наизнанку, но решил оставить так, чем снова стягивать через саднящую спину.

— Где я прокололась? — осведомилась она.

— Нигде, — ответил я. — Представление было разыграно мастерски.

— Тогда откуда ты знал, что я не собираюсь проломить тебе череп?

— Вычислил логически, — ответил я. — Если бы Шехин действительно хотела меня прогнать, она бы просто велела мне собирать

вещички. Если бы она хотела моей смерти, она бы и это могла устроить.

Я вытер вспотевшие ладони о штаны.

— Это означало, что ты всерьез собираешься быть моей наставницей. Значит, существовало только три логичных варианта.

Я загнул палец.

— Это была ритуальная инициация.

Второй палец.

— Это была проверка на решимость...

— Или я в самом деле пыталась тебя выжить, — закончила Вашет, усаживаясь на скамейку напротив. — А что, если я говорила правду и действительно избивала бы тебя всерьез?

Я пожал плечами.

— По крайней мере, я бы в этом убедился. Но мне казалось маловероятным, что Шехин избрала бы наставницу, которая так поступит. Если бы она просто хотела меня сломить, она могла бы предоставить это Карсерет.

Я склонил голову набок.

— Мне просто интересно, что это все-таки было? Инициация или проверка на решимость? Все ли через это проходят?

Она покачала головой.

— Проверка на решимость. Мне надо было тебя испытать. Я не собиралась тратить время на обучение труса, боящегося пары тумачков. Кроме того, мне нужно было убедиться в твердости твоих намерений.

Я кивнул.

— Это мне казалось наиболее вероятным. И я решил избавить себя от нескольких лишних дней в рубцах и форсировать события.

Вашет смерила меня взглядом. На ее лице отчетливо читалось любопытство.

— Надо признаться, еще никто из учеников не предлагал мне жестоко его избить, чтобы доказать, что он достоин моего времени.

— Да ладно, что там! — небрежно сказал я. — Я как-то раз с крыши спрыгнул!

* * *

Мы провели час, болтая о том о сем, мало-помалу растворяя существовавшее между нами напряжение. Она спросила, за что же меня высекли, и я коротко изложил ей эту историю, радуясь случаю объясниться.

Мне не хотелось, чтобы она считала меня преступником.

Потом Вашет пристальнее осмотрела мои шрамы.

— Тот, кто тебя лечил, и впрямь разбирался в медицине! — с восхищением сказала она. — Очень чистая работа. Не хуже любой, что мне доводилось видеть.

— Я передам им твои похвалы, — сказал я.

Ее рука мягко прошла вдоль края воспаленного рубца, идущего поперек всей спины.

— Кстати, извини.

— Надо сказать, это куда больнее, чем кнут. Это я тебе сообщаю бесплатно.

— Через пару дней сойдет, — сказала она. — Впрочем, это не значит, что сегодня тебе не придется спать на животе.

Она помогла мне расправить рубашку, потом снова пересела на противоположную скамью.

Поколебавшись, я все-таки спросил:

— Ты только не обижайся, Вашет... Но ты не такая, как другие адемы, которых я встречал. Хотя я, конечно, не так уж много их встречал...

— Да ты просто соскучился по привычным жестам, — сказала она.

— И это тоже, — сказал я. — Но ты выглядишь более... выразительной, чем прочие адемы, которых я видел.

Я указал на лицо.

Вашет пожала плечами.

— Там, откуда я родом, мы с детства говорим на вашем языке. К тому же я провела четыре года телохранителем и капитаном у одного поэта из Малых королевств, который по совместительству был королем. Так что на атуранском я говорю, наверное, лучше всех в Хаэрте. Включая тебя.

На последнее я не обратил внимания.

— Так ты не местная?

Она покачала головой.

— Я из Феанта, это дальше на север. Мы там более... космополитичные. В Хаэрте только одна школа, и все на ней завязано. К тому же меч-дерево — один из старинных путей. Довольно формальный. А я выросла, следуя путем радости.

— А что, есть и другие школы?

Вашет кивнула.

— Это одна из многих школ, следующих латанте, пути меч-дерева. И одна из старейших после Аэте и Аратана. Есть и другие пути, наверно, десятка три. Но некоторые из них очень маленькие, их кетан преподают

всего одна-две школы.

— Так у тебя поэтому меч другой? — спросил я. — Ты пришла с ним из другой школы?

Вашет пристально взглянула на меня.

— Что тебе известно о моем мече?

— Ты доставала его, чтобы ошкурить ивовый прут, — сказал я. — У Темпи меч хороший, но твой — другой. Рукоять потертая, но клинок выглядит как новенький.

Она с любопытством взглянула на меня.

— Я вижу, ты смотришь на мир в оба, а?

Я пожал плечами.

— Строго говоря, это не мой меч, — сказала Вашет. — Его мне только дали на хранение. Это меч древний, и клинок — самая древняя его часть. Его вручила мне сама Шехин.

— Так ты за этим пришла в эту школу?

Вашет покачала головой.

— Нет. Шехин вручила мне меч гораздо позднее.

Она подняла руку и любовно погладила рукоять.

— Нет. Я пришла сюда потому, что, хотя латанта довольно формальный путь, мечом они владеют в совершенстве. На пути радости я научилась всему, чему могла. Три другие школы мне отказали, прежде чем Шехин согласилась меня принять. Она — женщина умная и поняла, что учить меня имеет смысл.

— Подозреваю, нам обоим повезло, что она так широко мыслит, — сказал я.

— Тебе повезло больше моего, — сказала Вашет. — Разные пути изрядно соперничают друг с другом. Когда я присоединилась к латанте, для Шехин это было лишним поводом для гордости.

— Да, — сказал я, — должно быть, нелегко это: прийти сюда и чувствовать себя всем чужой...

Вашет пожала плечами, ее меч приподнялся и опустился у нее за спиной.

— Поначалу да, — призналась она. — Но тут умеют ценить талант, а у меня его хоть отбавляй. Среди тех, кто учится пути радости, я считалась довольно скованной и медлительной. А здесь я — одна из самых необузданных!

Она усмехнулась.

— Это приятно, все равно как надеть новую одежду.

— А на пути радости тоже учат летани? — спросил я.

Вашет расхохоталась.

— По этому поводу идут серьезные дебаты. Коротко говоря — да. Все адемы до некоторой степени учатся летани. Те, кто принадлежит к школам, — тем более. Но при этом летани допускает весьма широкие толкования. Некоторые школы крепко держатся того, что другие презирают.

Она задумчиво взглянула на меня.

— Правда ли, будто ты сказал, что летани исходит из того же места, что и смех?

Я кивнул.

— Хороший ответ, — сказала она. — Моя наставница на пути радости когда-то сказала мне именно это.

Вашет нахмурилась.

— Когда я это сказала, ты сделался задумчив. Почему?

— Я бы сказал, — ответил я, — но мне не хочется, чтобы ты думала обо мне хуже.

— Я буду думать о тебе хуже, если ты будешь что-то скрывать от своей наставницы, — серьезно сказала она. — Между нами должно быть полное доверие.

Я вздохнул.

— Я очень рад, что тебе нравится мой ответ. Но, честно говоря, я не знаю, что это значит.

— А я и не спрашивала у тебя, что это значит, — легко ответила она.

— Но это же просто бессмыслица какая-то, — сказал я. — Я знаю, все вы придаете очень большое значение летани, но на самом деле я ее не понимаю. Я просто нашел способ делать вид, будто понимаю.

Вашет снисходительно улыбнулась.

— Нельзя сделать вид, будто понимаешь летани, — уверенно ответила она. — Это все равно что плавание. Любому, кто на тебя смотрит, очевидно, умеешь ты плавать или нет.

— Ну, сделать вид, будто умеешь плавать, как раз нетрудно, — заметил я. — Можно просто загребать руками, идя по дну реки.

Она с любопытством взглянула на меня.

— Ну ладно. И как же ты ухитрился нас провести?

Я объяснил ей про «листок на ветру». Как я научился приводить свои мысли в легкое, пустотелое, парящее состояние, в котором я легко отвечаю на все их вопросы.

— О, так ты украл ответы у себя самого! — сказала она с напускной серьезностью. — Ты очень хитро нас одурачил, вытянув ответы из собственной души.

— Да ты не понимаешь! — рассердился я. — Я же понятия не имею, что такое на самом деле эта летани! Это не путь, но помогает избрать путь. Это самая простая дорога, но увидеть ее непросто. Честно говоря, вы все похожи на пьяных картографов!

Едва сказав это, я тут же об этом пожалел, но Вашет только рассмеялась.

— Есть немало пьяных, которые весьма сведущи в летани, — сказала она. — О некоторых из них слагают легенды!

Видя, что я все еще взволнован, она успокаивающе махнула рукой.

— Я и сама не понимаю летани — не так, чтобы объяснить ее кому-то другому. Обучение летани — искусство, которым я не владею. Если Темпи удалось привить тебе летани, это весомый аргумент в его пользу.

Вашет с серьезным видом подалась вперед.

— Одна из проблем состоит в вашем языке, — сказала она. — Атуранский язык очень определенный. В нем все говорится точно и прямо. А наш язык богат двойными смыслами, так что нам-то проще принять существование вещей, которые нельзя объяснить словами. И летани — важнейшая из них.

— А можешь привести пример других таких вещей, кроме летани? — спросил я. — Только, пожалуйста, не говори «синее», а то я с ума сойду прямо тут, на скамейке.

Она немного поразмыслила.

— Ну, скажем, любовь. Ты же знаешь, что такое любовь, но попробуй дать ей точное определение!

— Любовь — концепция тонкая, — признал я. — Она неуловима, как справедливость, однако дать ей определение все-таки можно.

Ее глаза насмешливо заискрились.

— Ну что ж, давай, мой хитроумный ученик! Расскажи мне, что такое любовь.

Я ненадолго задумался, потом задумался надолго.

Вашет ухмыльнулась.

— Ты понимаешь, как легко мне будет найти слабые места в любом определении, которое ты дашь.

— Любовь — это готовность сделать ради кого-то что угодно, — сказал я. — Даже за счет ущерба для себя.

— Чем, в таком случае, любовь отличается от долга или верности? — спросила она.

— Она еще связана с физическим влечением, — сказал я.

— Даже материнская любовь? — спросила Вашет.

— А, ну тогда с очень сильной привязанностью! — поправился я.

— А что именно ты называешь «привязанностью»? — спросила она с убийственным спокойствием.

— Ну-у... — Я запнулся, ломая голову, как описать любовь, не прибегая к другим, не менее абстрактным терминам.

— Такова уж природа любви, — сказала Вашет. — Попытка ее описать сведет женщину с ума. Потому-то поэты постоянно о ней что-то пишут. Если бы кто-то сумел описать на бумаге всю любовь, как она есть, прочим пришлось бы отложить перо. Однако это невозможно.

Она подняла палец.

— Но лишь глупец берется утверждать, будто любви не существует. Когда ты видишь, как двое юных смотрят друг на друга влажными глазами, это она и есть. Такая осязаемая, хоть на хлеб ее мажь. Когда ты видишь мать с ребенком, ты видишь любовь. Когда ты чувствуешь, как она ворочается у тебя в брюхе, ты знаешь, что это. Даже если не можешь выразить это словами.

Вашет сделала торжествующий жест.

— Вот такова и летани! Но, поскольку летани больше любви, ее и описать сложнее. Именно за этим мы задаем вопросы. Это все равно что расспрашивать девушку о парне, который ей нравится. Она, может быть, не скажет ни слова о любви, однако из ее ответов станет ясно, есть в ее сердце любовь или нет.

— Но как могут мои ответы продемонстрировать знание летани, когда я на самом деле не знаю, что это такое? — спросил я.

— Ты явно понимаешь летани, — сказала она. — Она укоренена глубоко в твоей душе. Так глубоко, что тебе самому не видно. Иногда с любовью бывает так же.

Вашет постучала меня по лбу.

— А что касается этого твоего «листка на ветру»... Я слышала, что другие пути практикуют нечто подобное. В атуранском нет слова, которым можно это назвать, ну, либо я его не знаю. Это как кетан для разума. Тренировка для мыслей.

Она махнула рукой.

— Как бы то ни было, это не обман. Это способ открыть то, что кроется в темных глубинах твоего разума. И тот факт, что ты обнаружил его в себе, весьма примечателен.

Я кивнул.

— Склоняюсь перед твоей мудростью, Вашет.

— Ты склоняешься перед тем фактом, что я, бесспорно, права.

Она хлопнула в ладоши.

— Ну ладно! Мне нужно многому тебя научить. Однако, поскольку твои рубцы до сих пор болят, давай пока обойдемся без кетана. Лучше покажи, как ты знаешь адемский. Я хочу слышать, как ты уродуешь мое прекрасное наречие своим варварским языком.

* * *

За следующие несколько часов я довольно много узнал об адемском языке. Очень приятно было иметь возможность задавать подробные вопросы и получать четкие, конкретные ответы. После того как я целый месяц объяснялся жестами и рисовал на земле, учиться у Вашет было так просто, что даже нечестно.

С другой стороны, Вашет дала понять, что язык жестов в моем исполнении выглядит до неприличия коряво. Мысль донести я мог, но выглядело это в лучшем случае как детский лепет. А в худшем походило на бред сумасшедшего.

— Сейчас ты говоришь примерно так.

Она вскочила на ноги, взмахнула обеими руками над головой и указала на себя обоими большими пальцами.

— Моя хотеть хорошо сражаться!

Она расплылась в идиотской ухмылке.

— Мечом!

Она ударила себя в грудь обоими кулаками и подпрыгнула, как возбужденный ребенок.

— Да ладно, — смущенно сказал я, — не может быть, чтобы все было настолько плохо!

— Ну, почти, — серьезно ответила Вашет, снова опускаясь на скамейку. — Был бы ты моим сыном, я бы тебя из дома не выпускала. А поскольку ты мой ученик, это терпимо лишь потому, что ты варвар. Считай, что Темпи притащил домой собаку, которая умеет свистеть. И тот факт, что ты иногда берешь неверную ноту, значения уже не имеет.

Вашет сделала вид, что собирается встать.

— Мне следовало об этом сказать, но, если тебя устраивает речь как у слабоумного, ты только скажи, и тогда мы займемся чем-нибудь другим...

Я заверил ее, что хочу учиться.

— Во-первых, ты говоришь слишком много и слишком громко, — сказала она. — Суть адем — это покой и тишина. И это отражается в

нашем языке. Во-вторых, с жестами следует быть намного аккуратнее. Всею свое место и свое время. Они меняют значение конкретных слов и мыслей. Они не всегда подкрепляют то, что ты говоришь, порой они, наоборот, намеренно противоречат поверхностному смыслу слов.

Она быстро сделала семь-восемь разных жестов. Все эти жесты означали «улыбку», но все они были немного разные.

— Кроме того, тебе следует научиться понимать тонкие оттенки смысла. Разницу между тонким и стройным, как говаривал мой поэт-король. Сейчас у тебя одна улыбка на все случаи жизни, а от этого человек поневоле выглядит идиотом.

Мы работали в течение нескольких часов, и Вашет дала мне понять то, на что Темпи мог только намекать. Атуранский подобен широкому и мелкому пруду: в нем множество слов, все очень конкретные и точные. А адемский — как глубокий колодец. Слов в нем меньше, но каждое — очень многозначное. Хорошо построенная фраза на атуранском — как прямая линия, ведущая куда-то. Хорошо построенная фраза на адемском подобна паутине, у каждой нити — свое значение, часть чего-то большего и более сложного.

* * *

Ужинать в столовую я явился в куда лучшем настроении, чем прежде. Рубцы по-прежнему саднили, но, ощутив щеку, я обнаружил, что опухоль на щеке сильно опала. Я по-прежнему сидел один, но уже не глядел в стол, как прежде. Вместо этого я наблюдал за руками окружающих, стараясь распознать тончайшие оттенки разницы между **возбуждением** и **интересом**, **отрицанием** и **отказом**.

После ужина Вашет принесла баночку мази и щедро намазала мне спину и руки и несколько меньше — лицо. Поначалу мазь щипала, потом жглась, потом жжение сменилось ровным жаром. Только когда боль в спине отпустила, я осознал, как напряжено было все мое тело.

— Ну вот, — сказала Вашет, закрывая баночку крышкой. — Как оно?

— Я готов тебя расцеловать! — с благодарностью сказал я.

— Это можно, — ответила Вашет. — Но губа у тебя по-прежнему опухшая, так что выйдет наверняка неловко. Вместо этого покажи-ка мне лучше свой кетан.

Я не делал растяжку, но, не желая отмазываться, встал в стойку «открытые руки» и начал медленно выполнять комплекс.

Как я уже упоминал, Темпи обычно останавливал меня каждый раз, когда я делал хотя бы малейшую ошибку в кетане. Так что теперь, когда я дошел до двенадцатого элемента, а меня ни разу не прервали, я изрядно возгордился. Но тут я неправильно поставил ногу в «собирающей бабушке». И, когда Вашет ничего не сказала, я понял, что она просто смотрит и пока ничего не говорит. Я вспотел и не останавливался, пока, десять минут спустя, не выполнил кетан до конца.

Когда я закончил, Вашет стояла, поглаживая подбородок.

— Ну-у, — протянула она, — конечно, могло быть и хуже...

Я почувствовал было проблеск гордости, но тут она добавила:

— Например, ты мог оказаться безногим.

Потом она обошла меня по кругу, меряя меня взглядом. Потыкала меня в грудь и в живот. Помяла мое плечо и ягодицу. Я чувствовал себя молочным поросенком на базаре.

Наконец она взялась за мои руки, повернула их одной, другой стороной... Похоже, она была приятно удивлена.

— А до того, как Темпи взялся тебя учить, ты никогда не воевал? — спросила она.

Я покачал головой.

— Кисти у тебя хорошие, — сказала она, проводя пальцами вдоль моих предплечий и прощупывая мускулы. — У половины из вас, варваров, руки хилые и слабые от безделья. А у второй половины руки сильные и жесткие от рубки дров или пахоты.

Она снова развернула мои кисти другой стороной.

— А у тебя руки сильные, ловкие и запястья подвижные.

Она вопросительно посмотрела на меня.

— Ты чем на жизнь зарабатываешь?

— Я студент в Университете, и там я работаю с тонкими инструментами, с металлом и камнем, — объяснил я. — А еще я музыкант. Я играю на лютне.

Вашет как будто встревожилась, но потом расхохоталась. Она отпустила мои руки и горестно покачала головой.

— Еще и музыкант вдобавок! — сказала она. — Просто великолепно. Кто-нибудь еще об этом знает?

— А какая разница? — спросил я. — Я своего ремесла не стыжусь!

— Да нет, — сказала она. — Не стыдишься, конечно. Отчасти в этом-то и проблема.

Она тяжело вздохнула и медленно выпустила воздух.

— Ладно. Чем раньше ты об этом узнаешь, тем лучше. В конечном

счете, это избавит нас от многих неприятностей.

Она посмотрела мне в глаза.

— Ты — шлюха.

Я поморгал.

— Прошу прощения?

— Послушай минутку. Ты же не тупой. Ты, должно быть, заметил, что существуют колоссальные культурные различия между нашей страной и той, где ты вырос...

— Содружеством, — сказал я. — Да, ты права. Культурная пропасть между Темпи и мной была колоссальной по сравнению с другими наемниками из Винтаса.

Вашет кивнула.

— Отчасти это потому, что у Темпи мозгов меньше, чем сисек, — сказала она. — К тому же во внешнем мире он неопытен, как свежеслушавшийся цыпленок.

Она махнула рукой.

— В общем, помимо всего этого, ты прав. Различия колоссальны.

— Я заметил, — сказал я. — Например, у вас, похоже, нет табу на обнаженное тело. Либо дело в этом, либо Темпи немного эксгибиционист.

— Интересно, как ты об этом узнал? — хихикнула она. — Но ты прав. Тебе это может показаться странным, но мы действительно не особо боимся обнаженного тела.

Вашет призадумалась, потом, похоже, приняла какое-то решение.

— Вот. Проще будет тебе показать. Смотри.

Я увидел, как ее лицо обрело знакомую адемскую бесстрастность, сделавшись пустым, как чистый лист бумаги. Одновременно с этим ее голос утратил практически все интонации, сделавшись ровным, лишенным эмоций.

— Скажешь, что я имею в виду, — сказала она.

Вашет подступила вплотную, избегая смотреть мне в глаза. Ее рука говорила: **уважение**.

— Ты сражаешься как тигр.

Лицо у нее было каменное, голос ровный и спокойный. Одной рукой она стиснула мое плечо, а второй пожала мне локоть.

— Это похвала, — сказал я.

Вашет кивнула и отступила назад. Она преобразилась. Лицо оживилось. Она улыбнулась, заглянула мне в глаза и подступила поближе.

— Ты сражаешься как тигр! — воскликнула она. Ее голос был полон восторга. Одну руку она положила мне на плечо, второй обхватила мою

руку повыше локтя и стиснула мой бицепс.

Я внезапно смутился оттого, что мы оказались так близко друг к другу.

— Это сексуальные заигрывания, — сказал я.

Вашет вновь отступила и кивнула.

— Ваш народ воспринимает некоторые вещи как сугубо интимные. Обнаженную кожу. Телесный контакт. Близость тел. Любовные игры. Для адем во всем этом нет ничего особенного.

Она посмотрела мне в глаза.

— Ты хоть раз слышал, чтобы кто-нибудь из нас кричал? Повышал голос? Или говорил достаточно громко, когда нас кто-то может подслушать?

Я немного подумал и покачал головой.

— Это потому, что для нас разговор — дело частное. Интимное. И выражение лица тоже. И это...

Она коснулась своего горла.

— Тепло, создаваемое голосом. Эмоции, которые это выражает. Все это — очень личное.

— И ничто не выражает эмоции сильнее музыки, — вдруг понял я. Это была слишком непривычная мысль, с ней требовалось свыкнуться.

Вашет кивнула с важным видом.

— Семья может петь вместе, если они близки друг другу. Мать может петь своему ребенку. Женщина может петь своему мужчине.

Говоря это, Вашет слегка порозовела.

— Но только если они очень сильно влюблены и совсем-совсем одни. А ты? — она указала на меня. — Ты — музыкант! Ты поешь перед полным залом народу. Для всех сразу. И ради чего? За несколько пенни? За бесплатный обед?

Она сурово взглянула на меня.

— И ты поешь снова и снова. Каждую ночь. Кому угодно!

Вашет горестно покачала головой. Ее слегка передернуло, ее левая рука машинально сделала несколько грубых жестов: **ужас, отвращение, упрек**. Видеть сразу два способа выражения эмоций было довольно устрашающе.

Я представил, как стою на сцене «Эолиана» голым, а потом пробиваюсь сквозь толпу, по очереди прижимаясь к каждому из присутствующих. К молодым и старым. Толстым и тощим. Богатому аристократу и безденежному мещанину... Мысль мне не понравилась.

— Но ведь «игра на лютне» — это тридцать восьмой элемент кетана! — возразил я, сам понимая, что хватаюсь за соломинку.

Вашет пожала плечами.

— А двенадцатый — «спящий медведь». Но тут у нас не встретишь ни медведей, ни львов, ни лютен. Некоторые названия дают понять суть. А названия кетана предназначены для того, чтобы скрывать истину, чтобы можно было говорить об этом, не пуская тайны на ветер.

— Понятно... — сказал я наконец. — Но ведь многие из ваших побывали во внешнем мире. Ты сама отлично говоришь по-атурански, и в голосе твоём много тепла. Ты-то должна понимать, что в пении ничего дурного нет.

— Ну, ты тоже побывал во внешнем мире, — спокойно ответила она. — И ты-то должен понимать, что нет ничего дурного в том, чтобы совокупляться с троими мужиками по очереди на краю очага в многолюдном трактире.

Она пристально посмотрела мне в глаза.

— На камне, пожалуй, жестковато будет... — возразил я.

Она захихикала.

— Ну ладно, так и быть, подстелем одеяло. И как ты назовешь такую женщину?

Спроси она меня об этом два оборота назад, когда я только вернулся из Фейе, я бы ее, наверно, не понял. Поживи я с Фелуриан чуть подольше, вполне возможно, что я не нашел бы ничего странного в том, чтобы заниматься любовью на краю очага. Но я уже успел снова пожить в смертном мире...

«Шлюхой», — подумал я про себя. К тому же дешевой и бесстыжей шлюхой. Я был рад, что не стал никому говорить о желании Темпи научиться играть на лютне. Как он, должно быть, стыдился своего невинного порыва! Я подумал о том, как юный Темпи мечтал учиться музыке, но никому об этом не говорил, потому что понимал: это непристойно. У меня аж слезы на глаза навернулись.

Должно быть, мои чувства отчасти отражались на моем лице, потому что Вашет мягко пожала мне руку.

— Я знаю, вам трудно это понять. Тем труднее, что вы даже никогда не пытались представить, что можно думать иначе.

Осторожность.

Я попытался разобраться со всем, что отсюда следовало.

— Но как же до вас доходят новости? — спросил я. — У вас же нету бродячих актеров, что странствуют из города в город, как же вы поддерживаете связь с внешним миром?

Вашет самодовольно усмехнулась и повела рукой, указывая на горы,

выметенные ветрами.

— Как тебе кажется, сильно ли это место заботится о том, что происходит в мире?

Она опустила руку.

— Впрочем, все не так плохо, как ты думаешь. Торговцев-коробейников у нас привечают больше, чем во многих других краях. А уж лудильщиков — тем паче. Да мы и сами немало странствуем. Те, кто носит алое, уходят и возвращаются, принося с собой вести.

Она ободряюще положила руку мне на плечо.

— И временами сюда все же забредают певцы или музыканты. Но они не играют перед всем городом. Они приходят в гости к какой-нибудь одной семье. И то они выступают не иначе как за ширмой, чтобы их не было видно. Адемского музыканта всегда можно узнать по высокой ширме, которую они таскают за спиной.

Она слегка поджала губы.

— Но даже на них у нас смотрят косо. Ремесло это полезное, но непочтенное.

Я немного успокоился. От одной мысли о стране, где не приемлют артистов, мне сделалось нехорошо, почти дурно. Но место со странными обычаями я понять мог. Подстраиваться под вкусы публики нам, эдема руэ, так же привычно, как менять костюмы.

Вашет продолжала:

— Так уж у нас принято, и тебе стоит смириться с этим, чем раньше, тем лучше. Я это говорю как женщина, которая много постранствовала. Я восемь лет провела среди варваров. Я даже слушала музыку с посторонними людьми!

Она сказала это с гордостью, вызываясь вскинув голову.

— Да-да, и не раз!

— А петь на людях тебе не доводилось? — спросил я.

Лицо Вашет окаменело.

— Задавать такие вопросы невежливо, — напряженно ответила она. — И друзей ты здесь таким образом не наживешь.

— Да нет, — поспешно сказал я, — я просто хотел сказать, что, если бы ты попробовала, ты бы, возможно, обнаружила, что ничего постыдного тут нет. Наоборот, это приносит людям радость.

Вашет сурово взглянула на меня и твердо сделала жесты «отказ» и «окончательно и бесповоротно».

— Квоут, я много путешествовала и много повидала. Многие здешние адемы неплохо ориентируются во внешнем мире. Мы знаем про

музыкантов. И, откровенно говоря, многие из нас питают тайное, постыдное влечение к ним. Точно так же, как ваши люди в восторге от искусных модеганских куртизанок.

Она жестко взглянула на меня.

— Но при этом я бы не хотела, чтобы моя дочь привела домой музыканта, если ты понимаешь, что я имею в виду. Точно так же, как никто не станет думать лучше о Темпи, если станет известно, что он поделился кетаном с таким, как ты. Держи это при себе. Тебя и так ждет достаточно трудностей без того, чтобы все Адевре знало, что ты еще и музыкант вдобавок.

ГЛАВА 114

ОДНА-ЕДИНСТВЕННАЯ ОСТРАЯ СТРЕЛА

Я нехотя послушался совета Вашет. И, хотя руки так и чесались, в тот вечер я не стал доставать лютню и оглашать музыкой свой укромный уголок школы. Более того, я задвинул футляр с лютней подальше под кровать, чтобы слухи не разнеслись по школе от одного ее вида.

В течение нескольких дней я только и делал, что учился у Вашет. В столовой я сидел один и ни с кем заговаривать не пытался, потому что внезапно начал стесняться своего языка. Карсерет держалась на расстоянии, но все время присутствовала и следила за мной неподвижным злым змеиным взглядом.

Я пользовался тем, что Вашет великолепно владела атуранским, и задавал тысячи вопросов, которые были слишком сложными для Темпи.

Я выжидал три дня, прежде чем задать ей вопрос, который медленно тлел во мне с тех пор, как я достиг подножий Штормвала. С моей точки зрения, это демонстрировало небывалую выдержку.

— Вашет, — спросил я, — а у вашего народа есть предания о чандрианах?

Она посмотрела на меня. Ее лицо, обычно выразительное, внезапно сделалось бесстрастным.

— И какое отношение это имеет к твоему языку жестов?

Ее рука изобразила несколько вариантов жеста, обозначающего неодобрение и упрек.

— Никакого, — сказал я.

— Тогда, значит, это имеет отношение к твоему умению сражаться? — спросила она.

— Нет, — признал я. — Но...

— Так, стало быть, это как-то связано с кетаном? — сказала Вашет. — Или с летани? А быть может, это касается некоего тонкого оттенка значения в адемском языке?

— Мне просто интересно.

Вашет вздохнула.

— Нельзя ли попросить тебя сосредоточить свои интересы на более насущных вещах? — осведомилась она и показала **раздражение, суровый**

упрек.

Я поспешно сменил тему. Вашет была для меня не только наставницей, но и единственной собеседницей. Мне меньше всего хотелось ее разозлить или создать у нее впечатление, будто я уделяю мало внимания ее урокам.

Но, если не считать этого единственного разочарования, Вашет была блестящим источником информации. На мои бесконечные вопросы она отвечала быстро и понятно. В результате я невольно чувствовал, будто мои навыки речи и боевых искусств развиваются со скоростью ветра.

Вашет моего энтузиазма не разделяла и не стеснялась сообщать мне об этом. Весьма красноречиво. На двух языках.

* * *

Мы с Вашет находились в потаенной долине, где росло меч-дерево. Около часа мы отрабатывали удары и блоки руками и теперь сидели в высокой траве и переводили дух.

Точнее, дух переводил я. Вашет ничуть не запыхалась. Работать со мной было для нее пустяком, и не бывало еще такого, чтобы она не сумела наказать меня за медлительность, лениво протянув руку мимо всех моих блоков, чтобы отвесить мне легкую затрещину.

— Вашет, — сказал я, набираясь храбрости спросить о том, что тревожило меня уже некоторое время, — а можно задать один вопрос, может быть, несколько дерзкий?

— Я предпочитаю дерзких учеников, — сказала она. — И я надеялась, что мы уже миновали ту стадию, когда стоило беспокоиться о таких вещах.

— А в чем смысл всего вот этого? — я указал на нас с нею.

— Смысл «всего вот этого», — передразнила она, — в том, чтобы научить тебя сражаться несколько лучше, чем малыш, напившийся вина своей матери.

В тот день ее светлые волосы были заплетены в две коротких косы, заброшенных за плечи. Это придавало ей странно девичий вид и отнюдь не прибавило мне самоуважения, поскольку за последний час она раз за разом швыряла меня наземь, вынуждала просить пощады и щедро отвешивала мне бесчисленные тумачи и пинки, увесистые, но милосердно сдерживаемые.

А один раз она, хохоча, непринужденно заступила мне за спину и крепко шлепнула по заднице, так, словно она была развязным пьяницей в

кабаке, а я — служанкой в открытом корсаже.

— Но зачем? — спросил я. — С какой целью ты меня учишь? Если Темпи поступил дурно, взявшись меня учить, зачем же учить меня дальше?

Вашет одобрительно кивнула.

— Я все думала, много ли времени тебе потребуется, чтобы додуматься до этого вопроса, — сказала она. — Тебе следовало бы его задать одним из первых.

— Мне говорили, что я задаю слишком много вопросов, — сказал я. — И здесь я старался вести себя несколько осмотрительнее.

Вашет подалась вперед, внезапно став очень деловитой.

— Ты знаешь то, чего тебе знать не следует. Шехин не против того, чтобы ты знал летани, хотя другие считают иначе. Однако, что касается нашего кетана, существует соглашение. Это не для варваров. Это только для адемов, и только для тех, кто идет путем меч-дерева.

— Шехин рассудила так, — продолжала Вашет. — Если ты станешь частью школы, ты станешь частью Адеме. Если ты часть Адеме, значит, ты уже не варвар. А если ты уже не варвар, значит, тебе можно все это знать.

Некая логика в этом была, хотя и весьма изощренная.

— А это значит, что и Темпи не поступил дурно, взявшись меня учить.

Она кивнула.

— Именно. Получится, что он не приволок домой непрошеного щенка, а вернул в стадо заблудившегося ягненка.

— А обязательно надо быть либо ягненком, либо щенком? — вздохнул я. — Как-то это унижительно.

— Ты дерешься как щенок, — сказала она. — Восторженно и неуклюже.

— Но ведь я уже часть школы, разве нет? — спросил я. — Ведь ты учишь меня, в конце концов.

Вашет покачала головой.

— Ты живешь в школе и ешь нашу еду, но это еще не делает тебя учеником. Многие дети изучают кетан в надежде вступить в школу и когда-нибудь облачиться в алое. Они живут и учатся вместе с нами. Они в школе, но не часть школы, если ты понимаешь, о чем я.

— Мне кажется странным, что столь многие хотят быть наемниками, — сказал я как можно мягче.

— Ну, ты-то вон как рвался! — сказала она довольно резко.

— Я рвался учиться, — сказал я, — а не вести жизнь наемника. Ты только не обижайся...

Вашет покрутила головой, разминая шею.

— Это все твой язык, он тебе мешает. В варварских землях наемники принадлежат к низшему слою общества. Неважно, насколько человек туп или бестолков, он всегда может взять дубинку и заработать полпенни в день, сопровождая караван. Верно?

— Ну, этот образ жизни привлекает грубых людей, — сказал я.

— Мы не такие наемники. Нам платят деньги, но мы выбираем, за какую работу браться, за какую нет.

Она помолчала.

— Если ты сражаешься ради своего кошелька, ты наемник. А как называется, когда ты сражаешься из долга перед родиной?

— Солдат.

— А ради закона?

— Констебль либо пристав.

— А ради собственной репутации?

Тут мне пришлось призадуматься.

— Ну... может быть, дуэлянт?

— А если ради блага людей?

— Амир, — ответил я, не раздумывая.

Она склонила голову набок.

— Интересный выбор!

Вашет протянула руку, гордо демонстрируя свой алый рукав.

— Нам, адемам, платят за то, что мы охраняем, преследуем, защищаем. Мы сражаемся за свою родину, свою школу и свою репутацию. И за летани. С летани. В рамках летани. По-адемски тот, кто носит алое, зовется кетхан.

Она посмотрела на меня.

— И этим очень гордятся.

— То есть стать наемником означает занять очень высокое положение в обществе адемов, — сказал я.

Она кивнула.

— Но варвары не знают этого слова и не поняли бы его, даже если бы знали. Так что приходится обходиться словом «наемник».

Вашет вырвала из земли два длинных пучка травы и принялась вить из них веревку.

— Вот почему Шехин нелегко было принять решение. Ей следовало уравновесить то, что правильно, и то, как будет лучше для ее школы, при этом принимая во внимание благо всего пути меч-дерева. И, вместо того чтобы принять опрометчивое решение, она ведет игру, требующую

терпения. Лично я думаю, она надеется, что проблема разрешится сама собой.

— Это каким же образом? — спросил я.

— Ты мог сбежать, — коротко ответила она. — Многие думали, что ты так и поступишь. Если бы я решила, что учить тебя не стоит, это тоже избавило бы ее от необходимости выбора. А то еще ты мог бы погибнуть или стать калекой в процессе обучения.

Я уставился на нее.

Она пожала плечами.

— Бывают же несчастные случаи. Нечасто, но бывают. И будь твоей наставницей Карсерет...

Я поморщился.

— Но как же официально стать частью школы? Надо пройти какие-нибудь испытания?

Она покачала головой.

— Для начала за тебя кто-нибудь должен поручиться, сказать, что ты достоин вступить в школу.

— Темпи? — спросил я.

— Кто-то, чье мнение имеет вес, — уточнила она.

— То есть ты, — медленно произнес я.

Вашет ухмыльнулась, потеряла крыло своего сломанного носа, потом указала на меня.

— Надо же, со второй попытки! Да, если ты когда-нибудь достигнешь такого уровня, чтобы мне не пришлось тебя стыдиться, я поручусь за тебя и ты сможешь пройти испытание.

Она продолжала сплетать стебли травы. Ее руки монотонно двигались, выплетая сложный узор. Я никогда прежде не видел, чтобы кто-то из адем вертел что-то в руках во время разговора. Ну да, конечно: им же надо, чтобы одна рука все время была свободна для жестов.

— Если ты выдержишь испытание, ты перестанешь быть варваром. Темпи будет оправдан, и все, довольные, разойдутся по домам. Разумеется, за исключением тех, кто останется недоволен.

— А если не выдержу? — спросил я. — Или ты решишь, что я недостойн его пройти?

— Ну, тогда все будет гораздо сложнее...

Она поднялась на ноги.

— Пошли, Шехин хотела с тобой поговорить. Невежливо заставлять ее ждать.

Вашет привела меня обратно к приземистым каменным строениям. Увидев их впервые, я вообразил, будто они и есть город. Теперь я знал, что это школа. Группка зданий представляла собой крошечный Университет, только тут не было строгого, раз навсегда заведенного распорядка, к которому я привык.

И системы официальных рангов здесь тоже не было. С теми, кто носил алое, обращались почтительно, а Шехин явно была тут главной. В остальном же у меня сложилось лишь смутное представление о какой-то неписаной иерархии. Темпи тут явно стоял довольно низко и не пользовался особым уважением. А Вашет была достаточно важной и почитаемой персоной.

Когда мы пришли, Шехин выполняла кетан. Я молча смотрел, как она движется — со скоростью меда, растекающегося по столу. Выполнять кетан чем медленней, тем труднее, однако Шехин делала все безукоризненно.

Ей потребовалось полчаса, чтобы закончить комплекс, потом она отворила окно. Порыв ветра принес в комнату сладкий аромат летней травы и шум листвы.

Шехин села. Дышала она ровно, хотя ее кожа была влажной от пота.

— Говорил ли тебе Темпи о девяноста девяти рассказах? — спросила она без всякого вступления. — Об Аэте, о том, откуда взялись адемы?

Я покачал головой.

— Это хорошо, — сказала Шехин. — Ему неуместно рассказывать такие вещи, и он не сумел бы сделать это как следует.

Она взглянула на Вашет.

— Как продвигается язык?

— Для языка — довольно быстро, — ответила та. **Однако...**

— Хорошо, — сказала Шехин, перейдя на четкий атуранский с легким акцентом. — Тогда я расскажу об этом так, чтобы меньше приходилось останавливаться и оставить меньше места недопониманию.

Я изо всех сил постарался правильно сделать жест «почтительная благодарность».

— Это случилось много-много лет назад, — торжественно начала Шехин. — До того, как появилась эта школа. До того, как возник путь меч-дерева. До того, как адемы впервые слышали о летани. Это история о том, как все это возникло.

В первой школе адемов учили не мечу. Как это ни удивительно, основал ее мужчина по имени Аэте, который стремился в совершенстве овладеть луком и стрелами.

Шехин прервала свою повесть и пустилась в объяснения:

— Тебе следует знать, что в те времена луком пользовались очень многие. Искусство стрельбы из лука ценилось высоко. Мы были пастухами, и нас часто донимали недруги, и лук был лучшим способом себя защитить, какой мы знали.

Она откинулась на спинку стула и продолжала:

— Аэте не собирался создавать школу. В те времена не было школ. Он просто стремился улучшить свое мастерство. Он направил на это всю свою волю и в конце концов научился сбивать яблоко с дерева на расстоянии тридцати метров. Он принялся упражняться еще и научился гасить стрелой горящую свечу. Вскоре единственной мишенью, которая была ему не по силам, сделался кусок шелка, свободно развевающийся на ветру. Аэте упорствовал до тех пор, пока не научился предугадывать любой порыв ветра, и, овладев этим умением, он отныне бил без промаха.

Слухи о его даровании расходились все дальше, и к нему стали приходить люди. Среди них была молодая женщина по имени Рете. Поначалу Аэте сомневался, хватит ли ей сил натягивать лук. Однако вскоре она уже считалась лучшей его ученицей.

Как я уже сказала, это было много лет назад и за много километров отсюда. В те дни у адемов не было руководящей нами летани, и оттого времена были грубые и кровавые. В те дни нередко случалось, что адемы убивали адемов из гордости, или в ссоре, или затем, чтобы показать свое мастерство.

Поскольку Аэте был величайшим из лучников, многие бросали ему вызов. Но трудно ли попасть в человека тому, кто способен прострелить шелковый платок, реющий на ветру? Аэте убивал их легко, как колосья скашивал. На поединок он брал с собой только одну стрелу и говорил, что если ему не хватит одной стрелы, то и поделом ему, пусть убивают.

Аэте мужал, и слава его росла. Он пустил корни и основал первую из адемских школ. Шли годы, он воспитал немало адемов, смертоносных, как кинжалы. Сделалось известно, что, если дать ученикам Аэте три стрелы и три монеты, трое твоих худших врагов никогда более тебя не потревожат.

И вот школа стала богата, знаменита и горда. И Аэте тоже.

И тут-то к нему явилась Рете. Рете, лучшая его ученица. Рете, что стояла ближе всего к его уху и к его сердцу.

Рете заговорила с Аэте, и они не сошлись во мнениях. Потом они

заспорили. Потом принялись кричать так громко, что вся школа слышала это сквозь толстые каменные стены.

И под конец Рете вызвала Аэте на поединок. Аэте согласился, и всем стало известно, что отныне победитель останется главой школы.

Поскольку вызванным был Аэте, он первым выбирал себе место. Он решил встать посреди рощи молодых раскачивающихся деревьев, которые прикрывали его как бы движущимся щитом. В другое время он не стал бы прибегать к подобным предосторожностям, однако Рете была лучшей его ученицей и ветер читать умела не хуже его. Он взял с собой свой роговой лук и одну-единственную острую стрелу.

Потом выбрала себе место Рете. Она взошла на вершину высокого холма, так что ее было отчетливо видно на фоне чистого неба. Она не взяла ни лука, ни стрелы. Взойдя на вершину, она спокойно села на землю. Это, пожалуй, было самым странным, ибо все знали, что Аэте иногда стрелял противнику в ногу вместо того, чтобы его убить.

Увидел Аэте, как поступила его ученица, и исполнился гнева. Взял Аэте свою единственную стрелу и наложил ее на лук. Натянул Аэте тетиву до самого уха. Эту тетиву сделала для него Рете, она сплела ее из собственных волос, длинных и прочных.

Шехин посмотрела мне в глаза.

— Исполненный гнева, выпустил Аэте свою стрелу. И поразила она Рете, точно молния. Вот сюда.

Она указала двумя пальцами на внутренний изгиб своей левой груди.

— Рете осталась сидеть. Стрела торчала у нее из груди. Вытянула Рете из-под рубашки длинную ленту белого шелка. Вырвала она из оперения стрелы белое перо, омочила его в своей крови и написала четыре строки.

Потом подняла Рете руку с лентой и принялась ждать. Ветер налетел с одной стороны, потом с другой. Рете отпустила ленту, и шелк поплыл по воздуху, поднимаясь и опускаясь в потоках ветра. Лента, извиваясь, проплыла между деревьями и сама собой крепко прижалась к груди Аэте.

На ней было написано:

Аэте, близ моего сердца,
Без суеты — лента.
Без долга — ветер.
Без крови — победа.

Я услышал какой-то слабый звук, обернулся и увидел, что Вашет тихо плачет. Голова ее была опущена, и слезы катились по лицу и падали на

рубашку, оставляя на ней темно-красные пятна.

Шехин продолжала:

— Только прочтя эти строки, постиг Аэте великую мудрость, которой владела его ученица. Устремился он к Рете, чтобы исцелить ее раны, однако наконечник стрелы засел слишком близко к сердцу и вынуть его было нельзя.

Рете прожила всего три дня. Убитый горем Аэте ухаживал за нею. Он передал ей власть над школой и ловил каждое ее слово, а наконечник стрелы тем временем продвигался все ближе к сердцу.

За эти три дня Рете продиктовала девяносто девять рассказов, и Аэте все их записал. Эти рассказы положили начало нашему пониманию летани. Они суть корень всего Адевре.

Вечером третьего дня Рете завершила диктовать девяносто девятую историю Аэте, который теперь считал себя учеником своей ученицы. Когда Аэте кончил писать, Рете сказала ему: «Есть еще один рассказ, последний, важнее всех прочих, но его я поведаю, когда проснусь».

Тут Рете закрыла глаза и уснула. И умерла во сне.

После этого Аэте прожил еще сорок лет, и говорят, что он никого более не убивал. В последующие годы он не раз говаривал: «Я победил в том единственном поединке, который проиграл».

Он по-прежнему руководил школой и воспитывал из своих учеников мастеров стрельбы из лука. Но теперь он учил их быть мудрыми. Он рассказывал им девяносто девять рассказов, и так летани впервые стала известна всему Адевре. И так мы и стали тем, что мы есть.

Последовала длительная пауза.

— Благодарю тебя, Шехин, — я снова старательно изобразил жест «почтительная благодарность». — Я бы очень хотел услышать эти девяносто девять историй.

— Это не для варваров, — сказала она. Моя просьба, похоже, ее не задела: она ответила жестом средним между «укоризной» и «сожалением». И сменила тему: — Как продвигается твой кетан?

— Я стремлюсь к совершенствованию, Шехин.

Она обернулась к Вашет.

— В самом деле?

— Стремится-то он стремится... — сказала Вашет. Ее глаза все еще были красны от слез. **Кривая усмешка.** — Впрочем, и улучшения тоже наблюдаются.

Шехин кивнула. **Сдержанное одобрение.**

— Некоторые из нас будут сражаться завтра. Возможно, стоит

привести его посмотреть...

Вашет сделала изящное движение, которое заставило меня осознать, как мало я еще знаю о тонкостях языка жестов: **любезная благодарность и покорное согласие.**

* * *

— Тебе должно быть лестно! — весело бросила Вашет. — Личная беседа с Шехин, да еще и приглашение на ее бой...

Мы возвращались в закрытую долину, где обычно отрабатывали кетан и спарринг.

В голове у меня, однако, засела пара навязчивых невеселых мыслей. Я размышлял о тайнах и о том, как люди стремятся их сохранить. Интересно, что сделал бы Килвин, если бы я привел в артную постороннего и показал ему сигалдри крови, кости и волос?

При одной мысли о том, как разгневался бы могучий артефактор, меня пробирала дрожь. Я представлял, какие неприятности ждали бы меня. Об этом недвусмысленно говорилось в законах Университета. Но что бы он сделал с человеком, которого я всему этому научил?

Вашет хлопнула меня по груди тыльной стороной кисти, чтобы привлечь мое внимание.

— Я говорю, тебе лестно должно быть, — повторила она.

— Я польщен, — ответил я.

Она взяла меня за плечо и развернула лицом к себе.

— Ты чего вдруг такой задумчивый сделался?

— А что сделают с Темпи, если все это кончится плохо? — напрямик спросил я.

Веселье словно сдуло с лица Вашет.

— Запретят носить алое, отнимут у него меч, его имя и вырубят из латанты.

Она вздохнула.

— Вряд ли какая-то еще школа примет его к себе после такого. Практически это означает изгнание за пределы Адемре.

— Но мне изгнание не страшно, — сказал я. — Если меня выставят обратно в мир, это только усугубит проблему, верно?

Вашет ничего не ответила.

— Когда все это начиналось, — сказал я, — ты подбивала меня бежать. Допустим, я бы сбежал — далеко бы мне удалось уйти?

Повисло долгое молчание. Я все понял. Однако она все же сказала это вслух:

— Нет.

Я оценил то, что она сказала мне правду.

— И какая же кара меня бы постигла? — спросил я. — Заточение? — я покачал головой. — Нет. Держать меня тут годами не имеет смысла.

Я посмотрел на нее.

— Так что же?

— Карать тебя нам ни к чему, — сказала она. — В конце концов, ты же варвар. Ты не знал, что делаешь что-то недозволенное. Наша главная забота — помешать тебе обучить других тому, что ты похитил, не дать тебе воспользоваться узанным.

На мой вопрос она так и не ответила. Я не сводил с нее глаз.

— Некоторые говорят, что лучше всего было бы тебя убить, — откровенно сказала она. — Но большинство полагает, что убийство противоречит летани. Шехин — одна из них. Я тоже.

Я слегка успокоился: ну, и на том спасибо.

— И, я так понимаю, если я дам клятву, это никого не убедит?

Она сочувственно улыбнулась.

— То, что ты пришел сюда вместе с Темпи, уже многое говорит в твою пользу. И то, что ты остался, когда я пыталась тебя выжить, — тоже. Однако в таком деле клятвы варвара мало что значат.

— И что же тогда? — спросил я, примерно представляя ответ и заранее зная, что он мне не понравится.

Она тяжело вздохнула.

— Мы могли бы помешать тебе учить других, вырезав тебе язык или выколов глаза, — откровенно ответила она. — Чтобы помешать тебе использовать кетан, можно было бы тебя искалечить. Скажем, перерезать связки на лодыжке или сломать колено толчковой ноги.

Она пожала плечами.

— Однако человек и с поврежденной ногой может остаться неплохим бойцом. Так что может оказаться более эффективным удалить тебе два крайних пальца на правой руке. Это было бы...

Вашет говорила все это своим обычным невозмутимым тоном. Думаю, она хотела, чтобы это звучало ободряюще и успокаивающе. Но это произвело противоположный эффект. Я не мог думать ни о чем, кроме того, что она возьмет и отрежет мне пальцы так же спокойно, как ломтик яблока. За пределами поля зрения все сделалось белым, картинка, представшая перед мысленным взором, была такой отчетливой, что у меня скрутило

живот. Я подумал было, что сейчас меня стошнит.

Потом головокружение и тошнота миновали. Придя в себя, я обнаружил, что Вашет закончила говорить и теперь смотрит на меня.

Я не успел ничего сказать, как она махнула рукой.

— Я смотрю, толку от тебя сегодня больше не добьешься. Ступай, занимайся до завтра, чем хочешь. Приводи свои мысли в порядок или отрабатывай кетан. Сходи посмотреть на меч-дерево. Завтра продолжим.

* * *

Некоторое время я бесцельно бродил, стараясь не думать о том, как мне отрежут пальцы. А потом я перевалил через холм и наткнулся — буквально наткнулся — на голую адемскую парочку в роще.

Когда я вышел на них из-за деревьев, они не стали лихорадочно хвататься за свою одежду, и я, вместо того чтобы попытаться извиниться на своем неуклюжем языке, еще и плохо соображая, просто повернулся и ушел прочь. Лицо у меня горело от стыда.

Я пытался отрабатывать кетан, но никак не мог сосредоточиться. Пошел посмотреть на меч-дерево, и на какое-то время его грациозно колышущиеся ветви меня успокоили. Но потом я отвлекся, и перед моим мысленным взором снова предстала Вашет, отрезающая мне пальцы.

Я услышал три пронзительных удара колокола и отправился ужинать. Я стоял в очереди, сам не свой от усилия не думать о том, как мне искалечат руки, и тут обнаружил, что стоящие рядом адемы удивленно уставились на меня. Девочка лет десяти уставилась на меня с нескрываемым изумлением, а мужчина в красной одежде наемника смотрел так, будто я у него на глазах вытер задницу ломтем хлеба, а потом его съел.

Только тогда я сообразил, что напеваю себе под нос. Не то чтобы громко, но достаточно громко, чтобы стоящие рядом слышали. Вряд ли я напевал давно, потому что я поймал себя только на шестой строчке: «Беги из города, лудильщик».

Я умолк, потупился, взял себе еды и минут десять пытался заставить себя есть. Проглотил несколько кусков, и все. В конце концов я сдался и ушел к себе в комнату.

Я лежал в постели, перебирая возможные варианты выхода. Далеко ли я успею уйти? Сумею ли я найти убежище где-то поблизости? Получится ли украсть коня? А видел ли я лошадей тут, в Хаэрте?

Я достал лютню и немного поупражнялся брать аккорды. Мои ловкие

пальцы, все пятеро, проворно бегали по длинному грифу лютни. Однако правая рука так и чесалась извлечь наконец звуки из струн. Это было так же глупо и неприятно, как пытаться целоваться одной губой, и вскоре я бросил это занятие.

Наконец я достал свой шаэд и закутался в него. Шаэд был теплый и уютный. Я как можно глубже надвинул на голову капюшон и принялся думать о том темном уголке Фейе, где Фелуриан собирала эти тени.

Потом подумал об Университете, о Виле и Симе. Об Аури, Деви и Феле. В Университете меня никогда особо не любили, и круг моих друзей был не так уж велик. Но на самом деле я просто позабыл, каково это — действительно быть одному.

Потом я принялся думать о своей семье. О чандрианах, о Пепле. О его текучей грации. О мече, который он держал в руке легко, как осколок зимнего льда. Я думал о том, как я его убью.

Я думал о Денне и о том, что сказал мне Ктаэх. О ее покровителе и о том, что я наговорил ей во время ссоры. О том, как она однажды поскользнулась на улице и я подхватил ее, ощутив сквозь одежду плавный изгиб тела выше бедра. Я думал о форме ее губ, о звуке ее голоса, о запахе ее волос.

И, наконец, я мягко перешагнул порог сна.

ГЛАВА 115

БУРЯ И СКАЛА

На следующее утро я проснулся с четким сознанием истины. Мой единственный выход из этой ситуации был через школу. Мне нужно показать себя. А значит, мне требуется освоить все, чему способна научить меня Вашет, и как можно быстрее.

А потому я поднялся в бледных предрассветных сумерках. И, когда Вашет вышла из своего каменного домика, я уже ждал ее. Нельзя сказать, что я сверкал глазами и держал хвост трубой, поскольку сон мой был полон дурных видений, однако я был готов заниматься.

* * *

Теперь я понимаю, что я, должно быть, создал у вас неверное представление о Хаэрте.

Хаэрт явно не был процветающей столицей. Он и городом-то мог считаться весьма условно. Так, поселочек.

Я говорю это не в уничижительном смысле. Большую часть своего детства я провел, путешествуя с трупой от одного маленького городка к другому. Мир наполовину состоит из крошечных общин, выросших вокруг какого-нибудь рынка на перекрестке дорог, ямы с хорошей гончарной глиной или на берегу речки, достаточно быстрой, чтобы вертеть мельничное колесо.

Иногда такие городки процветают. Иногда там плодородная почва и хороший климат. Некоторые живут благодаря товарам, которые через них возят. В таких местах зажиточность бросается в глаза. Дома просторные и содержатся в порядке. Народ дружелюбный и щедрый. Детишки упитанные и веселые. Там можно купить всякие излишества: перец, корицу, шоколад. В местном трактире подают кофе и хорошее вино, там играет музыка.

Бывают и другие городки. Городки, где земля скудная и истощенная. Городки, где мельница сгорела, а глина в яме иссякла много лет назад. Домишки там тесные и ветхие. Народ тощий и подозрительный, и богатство меряется мелкой, практичной меркой. Телегу дров купили. Второго поросенка завели. Закрыли пять банок черники.

На первый взгляд Хаэрт принадлежал именно к таким паршивым городишкам. Крошечные домики, сухая каменная кладка, там и сям — одинокая коза в загоне...

В большинстве стран Содружества — да, пожалуй, и во всех четырех краях цивилизации — семья, которая ютится в тесной хижине, довольствуясь всего несколькими предметами мебели, считается бедной. Почти нищей.

Но, хотя большинство виденных мною жилищ адемов были относительно тесными, они выглядели совсем не так, как хижины в захудалом атуранском городке, слепленные из земли и бревен, обмазанных глиной.

Дома адемов были сложены из прочного камня, подогнанного на редкость умело. В стенах не было трещин, которые могли бы впустить внутрь нестихающий ветер. Крыши не текли. Двери висели ровно — никаких потрескавшихся кожаных петель. Ни одного окна, затянутого промасленной овечьей кожей или просто закрытого деревянной ставней. Всюду стекло, вставленное плотно, что в твоей банкирской усадьбе.

За все время, что я провел в Хаэрте, я не видел ни одного открытого очага. Не поймите меня неправильно: сидеть у очага гораздо лучше, чем замерзнуть насмерть. Однако большинство таких очагов, сложенных из валунов или дешевого кирпича, коптят и отапливают небо. Они наполняют дом сажей, а легкие — дымом.

Вместо открытых очагов в каждом адемовском доме стояла железная печь. Печка, весящая сотни килограммов. Печка, изготовленная из литого чугуна, которую можно натопить так, что она раскалится докрасна. Такая печь живет веками и стоит больше, чем крестьянин зарабатывает за целый год тяжелого труда. Некоторые печи были маленькие, предназначенные для того, чтобы отапливать дом и готовить на плите. Но видел я и печи побольше, с духовкой, в которой можно было печь хлеб. Одно такое сокровище впили в приземистый каменный домишко всего из трех комнат.

Коврики у них на полу были самые простые, но из толстой, мягкой, хорошо окрашенной шерсти. И полы под ними были не земляные, а деревянные, гладко отполированные. Освещались дома не какими-нибудь коптилками или лучинами. Всюду горели восковые свечи или лампы, в которых жгли качественное светлое масло. А как-то раз я увидел в дальнем окошке ровный красноватый свет симпатической лампы.

Именно последнее заставило меня осознать истину. Это не была горстка отчаявшихся людей, бьющихся за жизнь на голых горных склонах.

Они не перебивались со дня на день, питаясь капустной похлебкой и в страхе ожидая прихода зимы. Это было преуспевающее и процветающее общество.

Более того. Невзирая на отсутствие сверкающих пиршественных залов и роскошных одежд, невзирая на отсутствие слуг и лепнины, каждый из этих домиков представлял собой небольшую дворянскую усадьбу. Все эти семьи были богаты, хотя богатство это использовалось скромно и практично.

* * *

— А ты как думал? — расхохоталась Вашет. — Что малая часть из нас, сумев заслужить алые одежды, тотчас убегает прочь и живет в безумной роскоши, а наши семьи тем временем пьют воду после мытья и мрут от цинги?

— По правде говоря, я об этом вообще не думал, — ответил я, озираясь по сторонам. Вашет начала учить меня мечу. Мы занимались этим уже два часа, и все это время она мне объясняла, какие существуют способы его держать. Как будто это младенец, а не кусок стали.

Теперь, когда я знал, что искать, я видел десятки адемских хижин, умело вписанных в ландшафт. Массивные деревянные двери были врезаны в утесы. Другие хижины вообще выглядели как нагромождения валунов. У некоторых на крышах росла трава, их можно было опознать только по торчащим наружу печным трубам. На одной из таких крыш паслась брюхатая коза, и вымя у нее болталось, когда она вытягивала шею, чтобы сорвать пучок травы.

— Ты посмотри, какая тут земля, — сказала она, медленно обводя рукой вокруг себя. — Пахать плохо — почвы слишком мало, сплошные скалы, — лошадей разводить нельзя. Для хлебов лето слишком влажное, для плодов — слишком суровый климат. В некоторых горах добывают железо, уголь, золото. Но не здесь. Зимой снегу наметает выше головы. По весне бури с ног сшибают.

Она снова посмотрела на меня.

— Эта земля — наша, потому что больше она никому не нужна.

Она пожала плечами.

— Или, точнее, потому она и стала нашей.

Вашет поправила меч на плече, задумчиво смерила меня взглядом.

— Садись и слушай, — торжественно приказала она. — Я поведаю

тебе историю давно минувших дней.

Я сел на траву, Вашет устроилась на ближайшем камне.

— Давным-давно, — начала она, — адемы лишились своих законных земель. Отчего именно — мы уже не помним. Некто или нечто отобрало наши земли, или погубило их, или заставило нас бежать в страхе. Мы были обречены на бесконечные скитания. Весь народ превратился в нищих бродяг. Мы находили себе место, останавливались, давали отдых своим стадам. Но те, кто жил поблизости, изгоняли нас прочь.

В те дни адемы были свирепы. Не будь мы свирепы, никто из нас не дожил бы до нынешних времен. Но мы были малочисленны, и потому нас все время гнали прочь. И вот, наконец, мы отыскали эти края, скудные и ветреные, не нужные никому на свете. И мы пустили корни в эти камни и сделали их своими.

Взгляд Вашет блуждал по пейзажу.

— Однако эта земля мало что могла нам дать: пастбища для нашего скота, скалы да бесконечный ветер. Мы не могли найти способ продавать миру ветер, поэтому мы принялись торговать своей свирепостью. Так мы и жили и мало-помалу отточили себя, сделавшись тем, что мы есть ныне. Теперь мы не просто свирепые, но грозные и гордые. Неудержимые как ветер и могучие как скала.

Я немного подождал, чтобы убедиться, что она договорила.

— Я тоже из народа скитальцев, — сказал я. — Это наш образ жизни. Мы живем везде и нигде.

Она пожала плечами, улыбнулась.

— Имей в виду, это легенда. И довольно старая. Понимай ее как хочешь.

— Я люблю легенды, — сказал я.

— Легенда — она как орех, — сказала Вашет. — Дурак проглотит ее целиком и подавится. Или выкинет его, решив, что он несъедобен.

Она улыбнулась.

— А мудрая женщина отыщет способ расколоть скорлупу и съесть ядро.

Я поднялся на ноги и подошел к ней. Я поцеловал ей руки, поцеловал ее в лоб, поцеловал ее в губы.

— Вашет, — сказал я, — я рад, что Шехин отдала меня тебе.

— Глупый мальчишка!

Она отвела взгляд, но я увидел, что щеки у нее порозовели.

— Идем. Нам пора. Не стоит упускать случай посмотреть, как сражается сама Шехин.

Вашет привела меня на никак не помеченный участок луга, где козы выщипали густую траву до самой земли. Поблизости уже стояли и ждали еще несколько адемов. Некоторые принесли с собой маленькие табуретки или прикатали чурбаки, чтобы на них сидеть. Вашет села прямо на землю. Я присоединился к ней.

Мало-помалу собиралась толпа. Там было всего человек тридцать, но это было самое большое собрание адемов, которое я видел за пределами столовой. Люди собирались по двое, по трое, переходили от одной беседы к другой. Группы человек в пять образовывались редко и быстро рассеивались.

Хотя на расстоянии броска камнем от меня велось не менее десятка разговоров одновременно, до меня не доносилось ничего, кроме невнятного бормотания. Беседующие стояли не дальше вытянутой руки друг от друга, и ветер в траве создавал больше шума, чем их голоса.

Но тон каждого разговора я мог определить со своего места. Два месяца назад это сборище показалось бы мне странно молчаливым. Сборище нервно подергивающихся, лишенных эмоций, почти немых людей. Но теперь я сразу видел, что вон те две женщины — наставница и ученица, по тому, на каком расстоянии они стояли, и по тому, что руки младшей женщины выражали почтение. Трое мужчин в красных рубахах — друзья, они непринужденно болтают и перешучиваются. Вон те мужчина и женщина ссорятся. Она злится. Он пытается объясниться.

Я внезапно поразился: как я вообще мог думать, будто эти люди — дерганные и беспокойные? Каждое движение явно было целенаправленным. Каждый неприметный шаг выражал перемену отношения. Каждый жест был многозначительным.

Мы с Вашет сидели рядом и разговаривали вполголоса, продолжая нашу беседу на атуранском. Она объясняла, что у каждой школы существует договор с сильдийскими ростовщиками. Это означало, что разбросанные по всему свету наемники могут отдавать причитающуюся школе долю своих заработков везде, где ходит сильдийская монета, то есть в любом уголке цивилизованного мира. Эти деньги затем зачисляются на соответствующий счет, так, чтобы школа могла ими пользоваться.

— И сколько же денег наемник отправляет школе? — любопытствовал я.

— Восемьдесят процентов, — ответила она.

— Восемь? — переспросил я, показывая ей восемь пальцев. Я был уверен, что ослышался.

— Восемьдесят, — твердо повторила Вашет. — Это стандартный процент, хотя многие гордятся тем, что отдают больше. То же самое касалось бы и тебя, — небрежно заметила она, — если бы у тебя был хотя бы малейший шанс облачиться в алое.

Видя мое изумление, она пояснила:

— Это не так уж много, если задуматься как следует. Школа годами кормит и одевает тебя. Тебе дают жилье. Тебе выдают меч, тебя учат. А за все эти вложения наемник поддерживает школу. А школа поддерживает деревню. А в деревне растут дети, которые надеются в один прекрасный день тоже облачиться в алое.

Она описала пальцем круг.

— И таким образом процветает все Адевре.

Вашет сурово взглянула на меня.

— Теперь, когда ты это знаешь, ты, должно быть, начинаешь понимать, что именно ты украл? — сказала она. — Не просто секрет, а основной предмет экспорта адемов. Ты похитил ключ к выживанию всего города.

Да, это серьезно. Теперь я лучше понимал, отчего так разгневалась Карсерет.

В толпе мелькнула белая рубаха и грубо связанная желтая шапка Шехин. Разговоры прекратились, все принялись собираться в большой круг.

Очевидно, сегодня предстояло сражаться не только Шехин. Первыми дрались два мальчика на несколько лет моложе меня. Ни один из них красного не носил. Они осторожно покружили друг против друга, потом осыпали друг друга градом ударов.

Все произошло слишком стремительно, так что мне было не уследить. Я успел заметить только с полдюжины недооформленных и разрозненных элементов кетана. Бой кончился тем, что один мальчик захватил запястье и плечо другого «спящим медведем». И только когда я увидел, как мальчик вывернул противнику руку и уронил его на землю, я опознал тот прием, который использовал Темпи в кабацкой драке в Кроссоне.

Мальчики разошлись, и двое наемников в красных рубахах — видимо, наставники — подошли поговорить с ними.

Вашет подалась ко мне.

— Ну, что думаешь?

— Они очень быстрые... — сказал я.

Она взглянула на меня.

— Но?

— При этом какие-то бестолковые, — сказал я, стараясь говорить потише. — Поначалу нет, но потом, после того как начали...

Я указал на одного из мальчиков.

— Вот он слишком близко ставит ноги. А второй все время наклоняется вперед, рискуя потерять равновесие. Потому и попался на «спящего медведя».

Вашет кивнула, довольная ответом.

— Они дерутся как щенки. Они молоды и к тому же мальчишки. Они гневливы и нетерпеливы. У женщин меньше проблем с этим. Отчасти поэтому из нас выходят лучшие бойцы.

Я был более чем удивлен, услышав это.

— Женщины — лучшие бойцы? — осторожно переспросил я, не желая ей противоречить.

— Как правило — да, — сказала она так, словно это само собой разумеется. — Конечно, бывают исключения, но в целом женщины лучше.

— Но мужчины же сильнее, — сказал я. — И выше. И руки у них длиннее.

Она обернулась и с легкой усмешкой посмотрела на меня.

— То есть ты сильнее и выше, чем я?

Я улыбнулся.

— Очевидно, нет. Но признайся же, что в целом мужчины крупнее и сильнее.

Вашет пожала плечами.

— Это имело бы значение, если бы боевые искусства были тем же самым, что рубка дров или косьба. Это все равно что сказать, будто меч тем лучше, чем он длиннее и тяжелее. Глупости. Может, для каких-нибудь головорезов это и так. Но после того, как ты облачился в алое, главное — понимать, когда следует вступать в бой. Мужчины полны гнева, и потому у них с этим проблемы. У женщин этих проблем меньше.

Я открыл было рот, потом вспомнил Дедана и промолчал.

На нас упала тень. Я поднял голову и увидел высокого мужчину в алом, вежливо остановившегося на некотором расстоянии. Он поднес руку к рукояти меча. **Приглашение.**

Вашет ответила жестом. **Мягкое сожаление и отказ.**

Я проводил его взглядом.

— А о тебе не станут думать хуже, потому что ты отказалась вступать в бой?

Вашет пренебрежительно фыркнула.

— Он и не хотел вступать в бой, — сказала она. — Для него это было бы унижение, для меня — пустая трата времени. Он просто хотел показать, что достаточно отважен, чтобы сразиться со мной.

Она вздохнула и многозначительно взглянула на меня.

— Вот подобные-то глупости и уводят мужчин прочь от летани.

В следующем поединке участвовали двое краснорубашечных наемников. Разница бросалась в глаза. Все выглядело куда чище и четче. Мальчишки суетились как воробьи, барахтающиеся в пыли, а следующие бои выглядели изысканными, как танец.

Многие поединки велись без оружия. Они длились до тех пор, пока один из соперников не сдастся или не будет явно оглушен ударом.

Один бой кончился сразу же: мужчина разбил сопернице нос до крови. Вашет на это закатила глаза, хотя я не мог понять, кем она недовольна: женщиной, за то, что та позволила себя ударить, или мужчиной, который причинил боль женщине.

Еще несколько поединков велись на деревянных мечях. Эти обычно завершались быстрее: даже легкое касание засчитывалось как победа.

— А в этом кто выиграл? — спросил я. Обменявшись несколькими оглушительными ударами и блоками, обе женщины нанесли друг другу удар одновременно.

— Никто, — нахмурилась она.

— Так отчего же они не сразятся снова, если это ничья? — спросил я.

Вашет хмуро взглянула на меня.

— Строго говоря, это не была ничья. Дрен умерла бы через несколько минут, ей пробили легкое. А Ласрел — через несколько дней, после того как рана в животе загноится.

— Так, значит, выиграла Ласрел?

Вашет взглянула на меня с уничтожающим презрением и вернулась к созерцанию следующей схватки.

Высокий адем, который вызывал Вашет на бой, сошелся с женщиной, тонкой, как хлыст. Как ни странно, он был вооружен деревянным мечом, в то время как она дралась голыми руками. Он с трудом одолел ее, получив предварительно два увесистых удара в ребра.

— И кто тут победил? — спросила у меня Вашет.

Я видел, что она не ждет очевидного ответа.

— Ну, какая же это победа? — сказал я. — У нее даже меча не было.

— Она достигла третьего камня и куда более сильный боец, чем он. Это был единственный способ уравнивать силы — ну, разве что он привел бы

товарища, чтобы сражаться вдвоем, — указала Вашет. — Итак, я спрашиваю снова: кто победил?

— Он выиграл схватку, — сказал я. — Но завтра у него будут впечатляющие синяки. К тому же он как-то опрометчиво размахивал мечом.

Вашет развернулась ко мне.

— Так кто же победил?

Я немного поразмыслил и решил:

— Никто.

Она кивнула. **Торжественное одобрение.** Этот жест меня очень порадовал: ведь все, кто сидел напротив, могли это видеть.

И вот, наконец, в круг вышла сама Шехин. Она сняла свою кривую желтую шапку, и ее сидящие волосы развевались на ветру. Увидев ее среди других адемов, я осознал, какая же она маленькая. Она держалась так уверенно, что мне казалось, будто она выше ростом, а на самом деле она едва доходила до плеча некоторым из адемов, что были повыше.

Она держала в руках прямой деревянный меч. Без особых украшений, однако у него имелось подобие клинка и рукояти. Многие другие тренировочные мечи, которые я видел, представляли собой всего лишь отшлифованные палки. Ее белая рубаха и штаны были туго притянуты к телу тонкими белыми веревками.

Вместе с Шехин в круг вступила женщина намного моложе ее. Она была примерно на дюйм ниже Шехин. К тому же она была более хрупкого сложения. Из-за маленького личика и узких плеч она казалась почти девочкой. Однако высокая грудь и полные бедра, проступавшие под обтягивающей одеждой наемника, говорили о том, что она отнюдь не ребенок.

Ее деревянный меч тоже был резным. Он был слегка изогнут, в отличие от большинства остальных, виденных мною. Ее светлые волосы были заплетены в длинную тонкую косу, доходившую до самой поясницы.

Обе женщины вскинули мечи и принялись кружить друг напротив друга.

Младшая была восхитительна. Она нанесла удар столь стремительно, что я еле уловил глазом движение руки, а клинка и подавно не увидел. Но Шехин небрежно отвела удар «поземкой» и отступила на полшага. Прежде чем Шехин успела ответить собственной атакой, молодая метнулась прочь, взмахнув длинной косой.

— Кто это? — спросил я.

— Пенте! — восхищенно ответила Вашет. — Вот бешеная, а? Прямо

как одна из древних!

Пенте вновь сошлась с Шехин, сделала ложный выпад и ринулась вперед, припав к земле — низко, немыслимо низко. Оставшуюся сзади ногу она вынесла в сторону, чтобы удержать равновесие, даже не касаясь ею земли. Правая рука устремилась вперед, колено опорной ноги согнулось так, что ее тело очутилось ниже уровня моей головы, хотя я сидел на земле, скрестив ноги.

И все это сложное движение Пенте совершила стремительней, чем вы бы щелкнули пальцами. Острие ее меча проскользнуло под блоком Шехин и устремилось к ее колену.

— Что это? — спросил я вполголоса, даже не рассчитывая на ответ. — Ты мне такого никогда не показывала!

Но это я сказал просто от удивления. Мое тело и за сотню лет такому бы не выучилось.

Однако Шехин каким-то чудом уклонилась от атаки. Нет, она не отскочила, не увернулась. Она была стремительна, но не в этом суть того, как она двигалась. Ее движения были плавными и безупречными. К тому времени, как меч Пенте устремился к ее колену, она уже готова была уклониться. Острие меча Пенте остановилось, должно быть, в нескольких сантиметрах от ее колена. И все-таки оно ее не коснулось. Шехин сдвинулась ровно настолько, насколько это было необходимо, и не более того.

На этот раз Шехин сумела перейти в наступление: она шагнула вперед и нанесла удар «воробей бьет коршуна». Пенте откатилась вбок, на миг коснулась травы и тут же оттолкнулась от земли — точнее, подбросила себя вверх, коснувшись земли одной только левой ладонью. Ее тело взвилось стальной пружиной, выгнулось дугой, ее меч дважды устремился вперед, вынудив Шехин отступить.

Пенте была полна страсти и ярости. Шехин была спокойна и уравновешенна. Пенте была буря. Шехин — скала. Пенте была тигрицей, а Шехин — птицей. Пенте плясала и бешено металась из стороны в сторону. Шехин развернулась и сделала всего один безупречный шаг.

Пенте рубила, вилась, вертелась и наносила один удар за другим, один за другим...

И вдруг они замерли. Острие деревянного меча Пенте упиралось в белую рубашу Шехин.

Я ахнул, хотя и недостаточно громко, чтобы привлечь чье-то внимание. Только теперь я заметил, что сердце у меня отчаянно колотится. Я весь вспотел.

Шехин опустила меч, выразила **раздражение, восхищение** и еще какие-то жесты, которых я не узнал. Она едва заметно поморщилась и сильно потерла ребра, по которым пришелся удар Пенте. Так, как обычно трешь лодыжку, ударившись ею о стул.

Я в ужасе обернулся к Вашет.

— И что, она теперь новая глава школы? — спросил я.

Вашет озадаченно уставилась на меня.

Я указал в круг, где стояли и беседовали две женщины.

— Ну, эта Пенте. Она же одолела Шехин...

Некоторое время Вашет непонимающе глядела на меня, а потом расхохоталась, весело и заливисто.

— Шехин же старая! — сказала она. — Она уже бабушка! Конечно, нельзя рассчитывать, что она все время будет брать верх над такими проворными и юными, как Пенте, полными огня и свежего ветра!

— А-а... — протянул я. — Понятно. Я-то думал...

Вашет была достаточно любезна, чтобы не рассмеяться мне в лицо еще раз.

— Шехин глава школы не потому, что никто не может ее одолеть. Вот еще, дурацкая идея! Представляешь, какой хаос бы воцарился, если бы все то и дело менялось в зависимости от того, кому повезло в очередном поединке?

Она покачала головой.

— Шехин здесь главная потому, что она — великолепная наставница, и потому, что она обладает глубоким пониманием летани. Она главная потому, что хорошо разбирается в том, как устроен мир, и потому, что умеет справляться со сложными проблемами.

Она многозначительно ткнула меня в грудь двумя пальцами.

Потом махнула рукой.

— Нет, конечно, она еще и великолепный боец к тому же. Мы бы не приняли предводительницу, которая не умеет сражаться. В кетане Шехин не знает себе равных. Но предводитель — это не мускулы. Это разум.

Я поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, что Шехин идет в нашу сторону. Одна из веревок, что стягивали ее рукав, развязалась во время поединка, и ткань полоскалась на ветру, точно распушенный парус. Она снова натянула свою желтую шапку и сделала нам обоим **формальное приветствие**.

Потом Шехин обернулась ко мне.

— Тогда, в самом конце, — спросила она, — почему я пропустила удар?

Любопытство.

Я принялся судорожно вспоминать последние мгновения поединка, пытаюсь представить их мысленно.

Я попытался со всеми тонкостями, которым учила меня Вашет, изобразить жест «почтительная неуверенность».

— Ты чуть-чуть не так поставила ногу, — сказал я. — Левую пятку.

Шехин кивнула.

— Хорошо.

Она продемонстрировала **удовлетворенное одобрение** — достаточно широко, чтобы все, кто на нас смотрел, это заметили. И, разумеется, заметили все.

У меня голова пошла кругом от похвалы, но я признавал, что на меня смотрят, и потому сохранял на лице подобающую бесстрастность, пока Шехин не удалилась вместе с Пенте.

Я наклонился к Вашет.

— Нравится мне эта ее шапочка! — сказал я.

Вашет покачала головой и вздохнула.

— Идем.

Она толкнула меня плечом в плечо и поднялась на ноги.

— Давай-ка уйдем отсюда, пока ты не испортил хорошее впечатление, которое произвел сегодня.

* * *

В тот вечер за ужином я сидел на своем обычном месте, на краю стола у стены, дальше всего от раздачи. Поскольку желающих садиться ближе трех метров от меня не находилось, не было смысла занимать место, где людям удобно сидеть.

Я все еще пребывал в хорошем настроении, поэтому даже не удивился, заметив краем глаза, как напротив усаживается кто-то в красном. Ага, снова Карсерет. Один или два раза в день она непременно подходила ко мне сказать пару ласковых. Что-то она припозднилась сегодня.

Но, подняв глаза, я изумился. Напротив сидела Вашет. Она кивнула, бесстрастно глядя в мое ошеломленное лицо. Потом я взял себя в руки, кивнул в ответ, и некоторое время мы ели в дружеском молчании. Поев, мы некоторое время приятно поболтали вполголоса о разных пустяках.

Столовую мы покинули вместе, и, выйдя на свежий воздух, я снова перешел на атуранский, чтобы как следует выразить то, о чем думал уже

несколько часов.

— Вашет, — сказал я, — думаю, мне неплохо было бы сразиться с кем-то, чей боевой опыт более или менее сопоставим с моим собственным.

Вашет рассмеялась и покачала головой.

— Это все равно что уложить в одну постель двух девственников. Энтузиазм, страсть и невежество — нехорошее сочетание. Кому-то непременно придется худо.

— Ну, не такой уж я девственник в боевых искусствах! — возразил я. — С тобой мне, конечно, не сравниться, но ты ведь сама говорила, что кетан мне дается на удивление хорошо.

— Я говорила, что кетан тебе дается на удивление хорошо, принимая во внимание, как недавно ты занимаешься, — поправила она. — Меньше двух месяцев. Это вообще не срок.

— Я чувствую себя совершенно беспомощным, — признался я. — Если я наношу тебе удар, то лишь потому, что ты мне позволила это сделать. Это все не настоящее. Только то, что ты мне даешь. Сам я ничего добиться не могу.

— Если ты наносишь мне удар или делаешь бросок, то только потому, что сам этого добился, — сказала она. — Даже если я тебе это позволяю. Но я тебя понимаю. В честном бою есть своя прелесть.

Я начал было говорить что-то еще, но она зажала мне рот.

— Я же сказала, что я тебя понимаю! Не стоит продолжать бой, когда ты уже победил.

Не отпуская руки от моего рта, она задумчиво постучала пальцем.

— Ну, хорошо. Ты пока занимайся, а я подыщу кого-нибудь, кто тебе по плечу.

ГЛАВА 116

РОСТ

Я уже практически прижился в Хаэрте. Я неплохо продвинулся в языке, и мне стало не так одиноко теперь, когда я мог переброситься парой фраз с другими. Вашет иногда обедала или ужинала со мной, помогая мне не чувствовать себя таким уж изгоем.

В то утро мы упражнялись на мечах, а это означает, что день начался под девизом «Не бей лежачего». Вашет все еще демонстрировала мне, как меч вводится в кетан, и спарринговали мы редко. Через несколько часов занятий мы перешли к адемскому языку, а потом снова взяли за мечи.

После обеда мы перешли к спаррингам без оружия. Я невольно проникся уверенностью, что уж тут-то я продвигаюсь неплохо. Через полчаса Вашет не только стала дышать чаще, но даже немножко вспотела. Разумеется, я по-прежнему не мог быть для нее серьезным соперником, но теперь, после многих дней унижительной небрежности с ее стороны, ей наконец-то приходилось прилагать хоть какие-то усилия, чтобы опередить меня.

И вот мы продолжали бороться. Тут я обратил внимание, что... Как бы это сказать помягче? Что она чудесно пахнет. Не духами, не цветами, не чем-то подобным. Она пахла свежим потом, промасленным металлом и мятой травой — это после того, как я бросил ее на землю некоторое время назад. Очень приятный был запах. Она...

Нет, наверно, помягче не получится. Я хочу сказать, что она пахла сексом. Не в том смысле, что она занималась сексом, — нет, она была как будто создана из него. Когда мы сближались и она делала захват, этот ее запах, да еще ее тело, прижавшееся к моему... На миг мне показалось, будто кто-то сдвинул переключатель у меня в голове. И я мог думать только о том, чтобы поцеловать ее в губы, впиться в нежную кожу на шее, сорвать с нее одежду и слизнуть этот пот...

Разумеется, ничего такого я не сделал. Но в тот момент мне хотелось только этого. Даже вспоминать теперь неудобно. Но я не стану оправдываться, замечу только, что я был в самом расцвете молодых лет, крепкий, здоровый юноша. А она была весьма привлекательной женщиной, хоть и старше меня на десять лет.

Добавьте сюда тот простой факт, что я только что покинул любящие

объятия Фелуриан и перешел в жадные руки Лозины, а оттуда отправился вместе с Темпи в долгое, изматывающее, сопряженное с изнурительными тренировками путешествие в Хаэрт. Это означает, что я целых три оборота попеременно уматывался, тревожился, пребывал в смятении или в ужасе.

И вот наконец-то меня отпустило. Вашет была толковой наставницей и заботилась о том, чтобы я как следует отдыхал и расслаблялся. Я стал более уверенным в своих возможностях, и мне сделалось более или менее уютно рядом с ней.

Принимая во внимание все вышесказанное, неудивительно, что я испытал такое чувство.

Однако в то же время я был встревожен и смущен, как свойственно только очень молодым мужчинам. Я поспешно отступил от Вашет, залился краской и забубнил извинения. Я попытался скрыть свое очевидное возбуждение и тем самым только привлек к нему внимание.

Вашет взглянула на мои руки, которыми я тщетно прикрывался.

— Ну ладно, предположим, что это комплимент, а не новый оригинальный боевой прием.

Если бы люди могли умирать от стыда, я бы точно умер.

— Ты предпочтешь разобраться с этим самостоятельно? — непринужденно спросила Вашет. — Или тебе нужна помощь?

— Прошу прощения? — глупо переспросил я.

— Ну, смотри, — она указала на мои руки. — Даже если ты, допустим, сумеешь заставить себя об этом не думать, все равно это выведет тебя из равновесия.

Она издала приглушенный, гортанный смешок.

— Тебе нужно что-то с этим сделать, прежде чем продолжать занятия. Можешь управиться с этим сам, а можем найти с тобой лужайку помягче и проверить, кто из нас выдохнется первым.

Она говорила так небрежно, что я решил, будто неправильно ее понял. Но потом она многозначительно ухмыльнулась, и я осознал, что понял все совершенно правильно.

— Там, откуда я родом, учителя с учениками никогда не... — промямлил я, пытаюсь придумать, как повежливей выпутаться из этой ситуации.

Вашет закатила глаза. Это выражение на адемском лице выглядело странно.

— Может, ваши учителя еще и никогда не борются с учениками? И не разговаривают? И не едят вместе?

— Но это же... — сказал я. — Ну, это...

Она вздохнула.

— Квоут, запомни раз и навсегда. Ты из варварского общества. Большая часть того, что внушили тебе еще в детстве, — чушь и глупости. И в первую очередь — все эти странные обычаи, которые вы, варвары, понагородили вокруг любовной игры.

— Вашет, — сказал я, — я...

Она только рукой махнула.

— Что бы ты ни собирался сказать, наверняка я это уже слышала от своего поэта-короля. А день не бесконечен. Последний раз спрашиваю: секса хочешь?

Я беспомощно пожал плечами, понимая, что отрицать это бессмысленно.

— Со мной секса хочешь?

Я до сих пор чувствовал ее запах. В тот момент мне этого хотелось больше всего на свете.

— Заразы никакой нет? — совершенно серьезно спросила она.

Я кивнул, слишком выбитый из равновесия, чтобы возмутиться чрезмерно интимному вопросу.

— Вот и отлично. Если я правильно помню, тут неподалеку есть чудная моховая ложбинка, защищенная от ветра.

И она направилась вверх по склону ближайшего холма, на ходу расстегивая пряжку ремня, на котором висели ее заплечные ножны.

— Пошли, что ли?

Память ей не изменила. Два дерева сплетали ветви над толстым ковром мягкого мха у подножия небольшого утеса, защищенного от ветра удобно разросшимися кустами.

Мне сразу сделалось очевидно, что Вашет отнюдь не намерена весь день лениво проваляться в тенечке. Сказать, что она вела себя деловито, было бы несправедливо — Вашет для этого всегда была слишком смешлива. Однако ходить вокруг да около она не собиралась.

Она, не чинясь и не заигрывая со мной, сбросила свои алые наемничьи одежды, выставив напоказ несколько шрамов и жесткое, худощавое, оплетенное мышцами тело. Это не значит, что она при этом не была округлой и мягкой там, где надо. Она поддела меня — чего, мол, уставился, голый женщины никогда не видел? На самом деле я просто никогда еще не видел женщины, стоящей голый на солнце.

Когда я недостаточно быстро, с ее точки зрения, разделся, Вашет принялась подтрунивать над моей застенчивостью. Она подступила вплотную, раздела меня, как куру общипала, и поцеловала в губы,

прильнув ко мне всем своим теплым телом.

— Никогда еще не целовался с женщиной, которая с меня ростом, — задумчиво заметил я, когда мы остановились перевести дух. — Совершенно новое ощущение.

— Вот видишь, я и тут остаюсь твоей наставницей! — сказала она. — Вот тебе твой следующий урок: лежат все женщины одинакового роста. Разумеется, с мужчинами все иначе. У них слишком многое зависит от настроения и природных способностей.

Вашет взяла меня за руку и уложила нас обоих в мягкий мох.

— Ну вот, — сказала она. — Так я и думала. Теперь ты выше меня. Так тебе проще?

Да, так было проще.

* * *

Я был заранее готов к тому, что после того, как мы с Вашет вернемся из кустов, наши отношения усложнятся, и был удивлен, когда ничего такого не случилось. Она не стала заигрывать со мной — я бы не знал, как на это реагировать. И не видела необходимости обходиться со мной как-то особенно нежно. В пятый раз, как ей удалось застичнуть меня врасплох, применить «взметнувшийся гром» и грубо швырнуть меня на землю, это стало очевидно.

В целом она вела себя так, словно ничего особенного не произошло. Это могло означать одно из двух: либо ничего особенного не произошло, либо произошло нечто из ряда вон выходящее и теперь она старательно делает вид, что ничего не случилось.

А это могло означать либо что все замечательно, либо что все очень плохо.

Позднее, ужиная в одиночестве, я мысленно перебирал все, что мне известно об адемах. У них не существует запретов на наготу. Они не считают телесную близость чем-то особенно интимным. До, после и во время нашего «свидания» Вашет держалась совершенно непринужденно.

Я вспомнил ту обнаженную парочку, на которую наткнулся несколько дней назад. Они были застигнуты врасплох, но нимало не стыдились.

Очевидно, здесь к сексу относятся иначе. Однако я не знал ничего о том, что именно тут иначе. А следовательно, понятия не имел, как себя правильно вести. Ну а это означало, что то, что я делаю, не менее опасно, чем ходить вслепую. Нет, даже не ходить, а бегать.

Обычно, если у меня возникали вопросы касательно адемской культуры, я обращался с ними к Вашет. Она была моим пробным камнем. Но этот разговор слишком легко мог пойти не туда, а между тем ее благоволение было единственным, что мешало мне лишиться пальцев.

Закончив ужинать, я пришел к выводу, что лучше всего будет положиться на Вашет. В конце концов, она же моя наставница.

ГЛАВА 117

ВАРВАРСКАЯ ХИТРОСТЬ

Дни шли быстро, как всегда бывает, когда они заполнены до отказа. Вашет продолжала меня обучать, а я изо всех сил старался быть толковым и внимательным учеником.

Мое обучение время от времени перемежалось новыми любовными встречами. Я никогда не предлагал это первым, однако Вашет замечала, когда я делался рассеян, и проворно утаскивала меня в кусты. «Прочистить твою дурную варварскую башку», — как она выражалась.

До и после я по-прежнему тревожился из-за этих свиданий. Однако во время них я забывал все тревоги. Да и Вашет это, похоже, нравилось.

Она, похоже, нисколько не интересовалась всем тем, что я узнал от Фелуриан. «Плющ на дубе» ее не заинтересовал, «тысяча ладоней» ей понравилась, однако у нее не доставало на это терпения, так что все обычно заканчивалось где-нибудь на семьдесят пятой ладони. В общем и целом, как только мы успевали перевести дух, Вашет деловито подвязывала свои красные наемничьи одежды и напоминала мне, что если я не научусь тянуть носок на себя, то так всегда и буду наносить удары не сильнее шестилетнего ребенка.

* * *

Далеко не все свое время я проводил в занятиях с Вашет. Когда она была занята, она поручала мне упражняться в кетане, размышлять о летани или смотреть на поединки других учащихся.

Иногда, после обеда или по вечерам, Вашет попросту отправляла меня погулять. Так что я как следует изучил город и убедился, что Хаэрт куда обширней, чем казалось мне поначалу. Просто здешние дома и лавки не жались друг к другу. Они были разбросаны по нескольким квадратным километрам скалистых склонов.

Бани я отыскал довольно быстро. Я хочу сказать, что меня направила туда Вашет, поручившая мне смыть с себя варварскую вонь.

Бани были чудесные. Просторное каменное здание, выстроенное над чем-то вроде природного горячего источника или же великолепно

устроенного водопровода. Там были большие помещения с водой и тесные комнатки, заполненные паром. Комнаты с глубокими бассейнами, где можно было отмокнуть, и комнаты с большими медными ваннами, где можно было отмыться. Один бассейн был даже настолько велик, что в нем можно было плавать.

В здании было полно адемов, которые мылись все вместе, невзирая на возраст, пол и степень обнаженности. Это шокировало меня куда меньше, чем могло бы шокировать за месяц до того, однако к этому нужно было еще привыкнуть.

Поначалу трудно было не пялиться на груди обнаженных женщин. Потом, попривыкнув, я обнаружил, что не могу не пялиться на шрамы, которыми были покрыты тела наемников. Определить, кто из них носит алое, было нетрудно, даже когда все вокруг были голые.

Я обнаружил, что, чем бороться с собой, мне проще ходить в баню рано утром или поздно вечером, когда там почти никого не было. Ходить туда в неурочные часы было совсем не сложно: двери не запирались. Бани были открыты в любое время для всех желающих. Мыло, свечи и полотенца лежали свободно. Вашет сказала мне, что бани содержит школа.

Кузницу я нашел по звону железа. Работавший там мужчина оказался на удивление разговорчив. Он с удовольствием показывал мне свои инструменты и говорил, как они называются по-адемски.

Приглядевшись внимательнее, я выяснил, что над дверьми лавок имеются вывески. Резные или расписные дощечки, на которых было изображено то, что продается внутри: хлеб, травы, клепки для бочек... Надписей на вывесках не было, оно и к лучшему: читать по-адемски я все равно не умел.

Я зашел в аптеку, где меня отнюдь не приветствовали, и к портному, который принял меня весьма тепло. Я потратил часть украденных трех роялов на пару новых комплектов одежды — по той, что была на мне, сделалось очень уж заметно, сколько километров я в ней отмерил. Я купил рубахи и штаны неброских цветов, как тут носили, надеясь, что это поможет мне лучше вписаться в общество.

Кроме того, я проводил часы, глядя на меч-дерево. Поначалу я делал это по приказу Вашет, но вскоре обнаружил, что меня тянет туда, когда у меня появляется свободное время. Колыхание его ветвей гипнотизировало и успокаивало. Временами казалось, будто ветви выводят на небе письмена, выписывая имя ветра.

Вашет, верная своему слову, отыскала мне достойного соперника.

— Ее зовут Целеана, — сказала мне Вашет за завтраком. — Ваша первая встреча состоится у меч-дерева в полдень. Утро можешь потратить на то, чтобы подготовиться так, как считаешь наилучшим.

Ну, наконец-то! Возможность проявить себя! Возможность посостязаться с человеком, чьи навыки равны моим! Настоящий поединок!

Разумеется, я прибежал к меч-дереву заранее и, увидев их издали, сначала испугался: мне показалось было, что маленькая фигурка рядом с Вашет — это Пенте, та самая женщина, что одолела Шехин.

Потом я понял, что это никак не может быть Пенте. Фигурка, шагавшая рядом с Вашет, была маленькой, но на ветру становилось заметно, что она прямая и худенькая, без тех изгибов, что у Пенте. А главное, фигурка была одета в ярко-рыжую рубаху, а не в алые одежды наемницы.

Я подавил укол разочарования, хотя и понимал, что это глупо. Вашет ведь говорила, что нашла мне соперницу по плечу. Очевидно, это не мог быть человек, уже носящий алое.

Они подошли ближе, и мое возбуждение сникло.

Это была девчонка. Нет, не девушка лет, скажем, четырнадцати. Это была маленькая девочка, лет десяти, не больше, тощенькая, как прутик, и такая маленькая, что ее голова едва доходила мне до груди. Серые глаза казались огромными на детском личике.

Я почувствовал себя униженным. Издать протестующий возглас мне помешал только тот факт, что я знал: Вашет сочтет это жутким хамством.

— Целеана, это Квоут! — сказала Вашет по-адемски.

Девочка оценивающе смерила меня взглядом, потом машинально сделала полшага в мою сторону. Это был комплимент. Она сочла меня достаточно опасным и подошла поближе, чтобы при необходимости иметь возможность нанести удар. Она подошла чуть ближе, чем подошел бы взрослый, потому что была меньше ростом.

Я сделал жест «вежливое приветствие».

Целеана ответила на мой жест. Возможно, это все мое воображение, однако мне показалось, что наклон ее рук демонстрировал **вежливое приветствие на равных**.

Если Вашет это и заметила, она ничего не сказала.

— Я хочу, чтобы вы сошлись в поединке.

Целеана еще раз смерила меня взглядом. Ее узкое личико ничего не выражало, как и у всех адемов. Ветер взметнул ее волосы, и я заметил у нее на лбу полузаживший порез, тянущийся от брови к линии роста волос.

— Зачем? — спокойно спросила девочка. Не похоже было, что она боится. Вопрос был задан так, словно она просто не понимала, для чего ей со мной бороться.

— Потому что вы оба можете кое-чему научить друг друга, — сказала Вашет. — И потому, что я так велю.

Вашет сделала мне знак «внимание».

— Целеана чрезвычайно искусна в исполнении кетана. У нее за плечами многолетний опыт, и она без труда справляется с любыми двумя девочками своего роста.

Она дважды хлопнула Целеану по плечу — **предупреждение**.

— Квоут же в кетане новичок, ему еще многому предстоит научиться. Однако он сильнее тебя, выше, и конечности у него длиннее. Кроме того, на его стороне варварская хитрость.

Я взглянул на Вашет, пытаюсь понять, то ли она издевается надо мной, то ли нет.

— Кроме того, — продолжала Вашет, обращаясь к Целеане, — скорее всего, ты, когда вырастешь, будешь того же роста, что и твоя мать, так что тебе следует набирать опыт поединков с теми, кто крупнее тебя.

Внимание.

— Ну и, наконец, он еще только учится говорить на нашем языке, и ты не станешь смеяться над ним из-за этого.

Девочка кивнула. Я обратил внимание, что Вашет не сказала, что надо мной нельзя смеяться по другим причинам.

Вашет расправила плечи и заговорила официальным тоном:

— Не делать ничего с намерением искалечить партнера.

Она принялась загибать пальцы, перечисляя правила, которые она мне изложила, когда мы впервые занялись спаррингами:

— Бить жестко, но не жестоко. В голову и шею бить аккуратно, в глаза не бить вообще. Вы оба отвечаете за безопасность партнера. Если кто-то из вас проведет удачный болевой прием, не пытайтесь вырваться. Признайте это честно и считайте это концом спарринга.

— Я все это знаю, — сказала Целеана. **Раздражение.**

— Повторить не помешает, — сказала Вашет. **Суровый упрек.** — Проиграть бой — простительно. А выходить из себя — нет. Потому я и привела сюда тебя, а не какого-нибудь мальчишку. Я была не права?

Целеана потупилась. **Виновата, сожалею. Смушение и согласие.**

Вашет обратилась к нам обоим:

— Причинить партнеру вред по небрежности противоречит летани.

Я не представлял, как избиение десятилетней девочки вообще согласуется с летани, но понимал, что говорить об этом лучше не надо.

И Вашет оставила нас один на один и направилась к каменной скамье, стоявшей метрах в пятнадцати от нас, на которой сидела еще одна женщина в красной наемничьей одежде. Целеана сделала вслед Вашет какой-то замысловатый жест, которого я не понял.

Потом девочка развернулась ко мне лицом и смерила меня взглядом.

— Ты первый варвар, с которым мне придется сражаться, — сказала она после длительного молчания. — Вы что, все такие красные?

Она поднесла руку к волосам, поясняя, что она имеет в виду.

Я покачал головой.

— Нас таких мало.

Она поколебалась, потом протянула руку.

— Можно потрогать?

Я едва не улыбнулся, но вовремя опомнился. Я слегка опустил голову и наклонился, чтобы она могла дотянуться до моих волос.

Целеана провела рукой по моим волосам, потеревла прядь между большим и указательным пальцами.

— Мягкие! — она коротко рассмеялась. — А на вид как металлические.

Она отпустила мои волосы и отступила назад на приличное расстояние. Сделала жест «вежливая благодарность», потом вскинула руки.

— Ты готов?

Я неуверенно кивнул и тоже вскинул руки.

Готов я не был. Целеана ринулась вперед, застигнув меня врасплох. Ее кулачок нанес удар четко мне в пах. Я чисто инстинктивно пригнулся, так что удар пришелся не в пах, а в живот.

По счастью, к этому времени я уже научился держать удар, и после месяца напряженных тренировок мой живот превратился в сплошную стенку мышц. И все же ощущение было такое, словно в меня кинули камнем. Я понял, что к обеду там будет синяк.

Я выпрямился и нанес пробный удар ногой. Я хотел проверить, насколько она пуглива, и надеялся заставить ее отступить, чтобы восстановить равновесие и воспользоваться своим преимуществом в росте.

Оказалось, что Целеана была совсем не пуглива. Она не отступила, а вместо этого скользнула вдоль моей ноги и нанесла удар в мощное сплетение мышц над коленом.

Из-за этого я невольно пошатнулся, возвращая ногу, и потерял равновесие при этом, Целеана оказалась достаточно близко, чтобы при желании прыгнуть на меня. Она сцепила руки, встала в стойку и атаковала «волнующейся пшеницей». Я отлетел назад.

Трава была густая, так что ушибся я не сильно. Я перекатился, чтобы выиграть расстояние, и вскочил на ноги. Целеана догнала меня и выполнила «метание молнии». Она была проворна, но ноги у меня были длиннее, так что мне удавалось отступить или заблокировать все ее удары. Она сделала ложный удар ногой, и я купился, что дало ей возможность нанести мне удар в то же место над коленом, что и в прошлый раз.

Было больно, но на этот раз я не пошатнулся, а отступил вбок и назад. Она преследовала меня, неумолимо и пылко. И в спешке раскрылась для удара.

Но, несмотря на все свои ушибы и падение, я все же не мог заставить себя ударить такую малышку. Я представлял, насколько сильно я могу ударить Темпи или Вашет. Но Целеана была такая хрупкая! А вдруг я ей больно сделаю? Вашет же говорила, что мы отвечаем за безопасность партнера!

Поэтому я перехватил ее «карабкающимся железом». Моя левая рука промахнулась, но длинные сильные пальцы правой обхватили ее тонкое запястье. Это не был настоящий захват, но теперь все зависело только от силы, и я не мог не победить. За запястье я ее уже держу, остается только ухватить за плечо, и я перейду к «спящему медведю», прежде чем...

Целеана выполнила «укрощение льва». Но не в той версии, которую я учил. Она использовала обе руки, нанесла удар и вывернулась так проворно, что я остался с ноющей пустой рукой, прежде чем сообразил, что к чему. А потом она ухватила меня за запястье и потянула, одновременно плавным движением пнув меня в лодыжку. Я наклонился, согнулся, и она швырнула меня на землю плашмя.

Это приземление мягким не было, я с размаху врезался в траву. Не то чтобы меня это ошеломило, но это было неважно: Целеана протянула руку и постучала меня по затылку. Давая понять, что при желании могла бы без труда меня оглушить.

Я перевернулся и сел. В нескольких местах у меня болело, и это не считая уязвленной гордости. Впрочем, гордость моя была уязвлена не так сильно. Время, проведенное с Темпи и Вашет, научило меня ценить мастерство, а Целеана и в самом деле мастерски владела кетаном.

— Никогда не встречал «укрощение льва» в таком варианте, — сказал я.

Целеана усмехнулась. Улыбка была совсем незаметная, но белые зубы все же мелькнули. В мире бесстрастных адемов это было как солнце, выглянувшее из-за туч.

— Это мой вариант, — сказала она. **Очень гордо.** — Я сама придумала. Я не настолько сильна, чтобы применять обычное «укрощение льва» против своей матери или человека твоего роста.

— Покажешь? — спросил я.

Целеана поколебалась, потом кивнула и шагнула вперед, протягивая руку.

— Схвати меня за запястье.

Я схватил, сильно, но не жестко.

Она проделала это еще раз, как фокус. Стремительный взмах обеих рук — и я остался с ноющей пустой рукой.

Я протянул руку еще раз. **Улыбка.**

— У меня глаз медлительный, варварский. Можно повторить это еще раз, чтобы я мог научиться?

Целеана отступила на шаг и пожала плечами. **Безразличие.**

— Разве я тебе наставница? Для чего мне делиться чем-то с варваром, который не может даже ударить меня в поединке?

Она выпятила подбородок и отвернулась к раскачивающемуся меч-дереву, однако глаза ее игриво метнулись в мою сторону.

Я хмыкнул, поднялся на ноги и снова вскинул руки.

Она рассмеялась и обернулась ко мне.

— Давай!

На этот раз я был готов и понимал, на что способна Целеана. Она отнюдь не хрупкий цветочек. Она проворна, бесстрашна и агрессивна.

Поэтому я ринулся в атаку, используя преимущество своих длинных рук и ног. Нанес удар «танцующей девой», но она увернулась. Нет. Вернее сказать, она ускользнула прочь, ни на миг не потеряв равновесия. Ее ноги плавно раздвигали высокую траву.

Потом она вдруг переменила направление, поймав меня на полушаге и слегка сбив с дороги. Сделала ложный выпад в пах, легонько толкнула «вращающимся жерновом». Я пошатнулся, однако устоял на ногах.

Я попытался восстановить равновесие, но она снова коснулась меня «вращающимся жерновом», потом еще и еще раз. Каждый раз она сдвигала меня всего на несколько сантиметров, однако из-за этого я беспомощно спотыкался и все отступал назад, и, наконец, она поставила мне подножку и опрокинула меня навзничь.

Не успел я коснуться земли, как она ухватила меня за запястье и

вскоре крепко опутала мою руку «плющом на дубе». И я уткнулся лицом в траву, ощущая неприятное давление на плечо и запястье.

Секунду я подумывал было попытаться освободиться, но только секунду. Я был сильнее ее, но весь смысл таких приемов, как «плющ на дубе» или «спящий медведь», состоит в нажиме на уязвимые части тела. На то, чтобы сломать ветку, много сил не нужно.

— Сдаюсь, — сказал я. На адемском это звучит короче: «Вех!» Это очень легко крикнуть, даже когда ты запыхался, устал или тебе больно. В последнее время я очень привык к этому слову.

Целеана отпустила меня и отступила, глядя, как я сажусь.

— На самом деле ты не очень-то хорош, — сказала она с грубой откровенностью.

— Я просто не привык бить девчонок, — сказал я.

— Ну а как же ты мог к этому привыкнуть? — рассмеялась она. — Чтобы к чему-то привыкнуть, нужно делать это много раз, снова и снова. А ты небось ни разу в жизни не ударил женщину!

Целеана протянула мне руку. Я принял ее, надеясь, что это выглядит достаточно любезно, и она помогла мне подняться на ноги.

— Я хочу сказать, что там, откуда я родом, не принято драться с женщинами.

— Не понимаю, — сказала она. — У вас что же, мужчинам не позволяют драться вместе с женщинами?

— Я хочу сказать, что наши женщины по большей части вообще не дерутся.

Целеана покрутила запястьем, сжимая и разжимая руку так, словно на ладони у нее налипла грязь и она рассеянно пытается ее стряхнуть. Это был жестовый эквивалент **озадаченности**, можно сказать, что она непонимающе нахмурилась.

— А как же они отрабатывают свой кетан, если не тренируются? — спросила она.

— Там, откуда я родом, женщины не владеют кетаном.

Она сощурилась, потом сверкнула глазами.

— А-а, ты хочешь сказать, что они владеют секретным кетаном, — сказала она, употребив атуранское слово «секрет». Лицо у нее оставалось неподвижным, но она дрожала всем телом от возбуждения. — Кетан, который известен только им, который мужчинам видеть не дозволено!

Целеана указала на скамью, где сидели наши наставницы, не обращая на нас внимания.

— У Вашет есть такой! Я много раз просила ее показать, но она не

хочет.

— Вашет знает другой кетан? — спросил я.

Целеана кивнула.

— Она же обучалась на пути радости, прежде чем прийти к нам.

Она оглянулась на Вашет, и лицо у нее стало сосредоточенным, как будто она надеялась выведать тайну женщины одним усилием воли.

— Когда-нибудь я отправлюсь туда и тоже научусь этому. Я побываю всюду и выучу все кетаны, что только есть на свете. Я узнаю тайные приемы ленты, и цепи, и волнующегося пруда. Узнаю пути радости, и страсти, и самоограничения. Я буду знать все.

Целеана говорила все это не детским капризным тоном, как девочка, мечтающая съесть пирог целиком. И не хвастливо, как будто это был план, который она сама придумала и считает необычайно умным.

Целеана сказала это спокойно и уверенно. Как будто объясняла, кто она такая. И не мне. Она говорила это себе самой.

Она обернулась и взглянула на меня.

— И в ваших землях тоже побываю, — сказала она. **Абсолютная уверенность.** — И выучу варварский кетан, который ваши женщины держат в секрете от вас.

— Ты будешь разочарована, — ответил я. — Я не оговорился. Я знаю, что значит «секретный». Но я хотел сказать, что там, откуда я родом, многие женщины вообще не сражаются.

Целеана снова озадаченно покрутила запястьем, и я понял, что придется объяснять.

— Там, откуда я родом, большинство женщин проводит всю жизнь, ни разу не взяв в руки меча. Большинство из них растут, не умея нанести удар кулаком или ребром ладони. Они не ведают никакого кетана. Они вообще не сражаются.

Последние два слова я подчеркнул жестом «усиленное отрицание».

Похоже, до нее наконец дошло. Я отчасти ожидал, что она ужаснется, но она просто осталась стоять неподвижно, уронив руки, словно не зная, что и думать. Как будто я объяснил ей, что там, откуда я родом, женщины живут без головы.

— Не сражаются? — недоверчиво переспросила она. — Ни с мужчинами, ни друг с другом, вообще ни с кем?

Я кивнул.

Она надолго умолкла. Лоб у нее нахмурился, я видел, как она пытается освоиться с этой мыслью. **Растерянность. Смятение.**

— Но чем же они занимаются? — спросила она наконец.

Я подумал о женщинах, с которыми был знаком: Мола, Фела, Деви...

— Да много чем, — сказал я, пытаюсь придумать, как объяснить то, для чего я не знал слов. — Делают картины из камней. Покупают и продают деньги. Пишут в книгах.

Целеана, похоже, поуспокоилась, слыша все это, — как будто до этого ей казалось, что иноземные женщины, лишённые кетана, просто лежат без движения там и сям, точно бескостные трупы.

— Лечат больных и исцеляют раны. Играют... — я едва не сказал «играют музыку и поют песни», но вовремя спохватился. — Играют в игры, сеют зерно и пекут хлеб.

Целеана надолго задумалась.

— Я бы предпочла заниматься всем этим и ещё сражаться, — решительно сказала она.

— Некоторые женщины сражаются, но многие считают, что это противоречит летани.

Я использовал выражение «противоречит летани», потому что не знал, как сказать по-адемовски «недостойное поведение».

Целеана сделала **глубокое презрение** и **укоризну**. Я даже удивился, насколько сильнее задела меня эти жесты, когда их сделала девочка в ярко-желтой рубашке, чем те же самые жесты, исходящие от Темпи или Вашет.

— Летани везде одна и та же, — твердо сказала она. — Она не то что ветер, который дует то с одной, то с другой стороны.

— Летани — как вода, — ответил я, не раздумывая. — Сама по себе она всюду одна и та же, однако она меняется, приспосабливаясь к разным местам. Она и река, она же и дождь.

Девочка уставилась на меня. Взгляд не был свирепым, но в исполнении одной из адемов эффект был тот самый.

— Да кто ты такой, чтобы говорить, на что летани похожа, а на что нет?

— А ты кто такая?

Целеана поглядела на меня, между ее светлыми бровками на миг пролегла задумчивая складка. Потом она радостно рассмеялась и вскинула руки.

— Я — Целеана! — объявила она. — Моя мать достигла третьего камня. Я — прирожденная адем, и я та, кто повергнет тебя наземь!

И так она и поступила.

ГЛАВА 118

ЦЕЛЬ

Мы с Вашет сражались, бродя по предгорьям Адевре.

Проведя здесь столько времени, я почти не обращал внимания на ветер. Он сделался частью пейзажа, так же как неровная почва под ногами. Иногда он был слабым и всего лишь рисовал узоры на траве или задувал мне волосы в глаза. В другие дни он был таким сильным, что отстающая от тела ткань моей одежды трещала и хлопала. Он налетал без предупреждения с самой неожиданной стороны и толкал сильно, как ладонь, упертая между лопаток.

— Почему мы тратим столько времени на борьбу без оружия? — спросил я у Вашет, «собирая клевер».

— Потому что ты плохо ею владеешь, — ответила Вашет, блокируя мой удар «водяным веером». — Потому что мне стыдно за тебя всякий раз, когда мы боремся. И потому, что ты три раза из четырех проигрываешь ребенку вдвое ниже тебя ростом.

— Но на мечях-то я сражаюсь еще хуже, — возразил я, обходя ее и высматривая слабое место.

— Это верно, — согласилась она. — Потому я и не разрешаю тебе сходить ни с кем, кроме меня. Ты слишком буйный. Еще покалечишь кого-нибудь.

Я улыбнулся.

— А я думал, в этом весь смысл!

Вашет нахмурилась, потом небрежно протянула руки, ухватила меня за плечо и запястье и скрутила меня «спящим медведем». Ее правая рука завернула мое запястье выше головы, выкрутив мою руку под неестественным углом, а левая сильно надавила мне на плечо. Я поневоле согнулся в три погибели, глядя в землю.

— Вех, — смиренно сказал я.

Однако Вашет не выпустила меня. Она продолжала выкручивать мне руку, и давление на плечо усилилось. Мелкие косточки моего запястья заболели.

— Вех! — сказал я чуть громче, думая, что она не услышала. Но она продолжала удерживать меня, все сильнее выкручивая запястье. — Вашет!

Я попытался обернуться, чтобы взглянуть на нее, но из этой позиции

мне было видно только ее ногу.

— Если весь смысл в том, чтобы кого-нибудь покалечить, — спросила она, — зачем мне тебя отпускать?

— Да я не это хотел...

Вашет надавила сильнее, и я заткнулся.

— В чем цель «спящего медведя»? — спокойно спросила она.

— Обезвредить противника, — сказал я.

— Хорошо.

И Вашет принялась давить вниз с медленной, неумолимой силой движущегося ледника. Тупая боль из запястья распространилась в плечо.

— Скоро твое плечо вывернется из сустава. Связки растянутся и перестанут удерживать кости. Мышцы порвутся, и рука повиснет вдоль бока, как мокрая тряпка. Как ты считаешь, это будет соответствовать цели «спящего медведя»?

Я принялся вырываться, повинуюсь чисто животному инстинкту. Однако жгучая боль от этого сделалась только сильнее, и я замер. За время обучения мне уже не раз приходилось оказываться в безвыходном положении. И каждый раз я был беспомощен, но впервые за все время я чувствовал себя по-настоящему беспомощным.

— Цель «спящего медведя» — это контроль, — спокойно сказала Вашет. — Сейчас ты в моей власти, и я могу сделать с тобой, что захочу. Могу передвинуть тебя, могу тебя искалечить, могу отпустить.

— Я бы предпочел последнее, — сказал я, надеясь, что в моем голосе слышится надежда, а не отчаяние.

Она помолчала, потом спросила, все так же спокойно:

— В чем цель «спящего медведя»?

— В контроле.

Я почувствовал, как ее руки отпустили меня, и выпрямился, медленно ворочая плечом, чтобы унять боль.

Вашет сердито хмурилась.

— Весь смысл — в контроле. И прежде всего ты должен научиться контролировать себя. Потом ты сможешь контролировать обстоятельства. И уже потом ты научишься контролировать того, кто вышел против тебя. Это летани.

* * *

Проведя в Хаэрте большую часть месяца, я невольно начал

чувствовать, что все идет хорошо. Вашет признала, что я мало-помалу овладеваю языком, и поздравила меня с тем, что моя речь стала звучать как речь ребенка, а не как речь слабоумного.

Я по-прежнему встречался с Целеаной на лужайке неподалеку от меч-дерева. Я с нетерпением ждал этих поединков, несмотря на то что она каждый раз весело и безжалостно разносила меня в пух и прах. Прошло три дня, прежде чем мне наконец удалось одолеть ее.

Вот любопытный стишок, его стоит добавить к длинной истории моей жизни, не правда ли?

Я вам спою о тяжких испытаньях,
О Квоута Бескровного деяньях,
Как он, отважный, ловкий, сильный, меткий,
Сражался с девочкой-десятилеткой,
Свалил ее ударом мощным наземь —
И сердце в нем наполнилось экстазом!

(Стихи в переводе Вадима Ингвалла Барановского)

Наверное, это звучит ужасно, но я гордился. И не без причины. Целеана сама первая поздравила меня, когда это произошло. Она, похоже, изрядно удивилась, что мне это удалось. А потом, в длинной тени меч-дерева, показала мне в награду свой «двуручный» вариант «укрощения льва» и лукаво улыбнулась, что мне изрядно польстило.

В тот день мы рано завершили положенное число поединков. Я пошел и сел на лежавший поблизости камень, обтесанный в форме удобного кресла. Я осторожно потирал множество мелких ушибов, доставшихся мне в схватке, и собирался сидеть и смотреть на меч-дерево, пока за мной не вернется Вашет.

Целеана, однако, была не из тех, кому по душе сидеть и ждать. Она подбежала к меч-дереву, остановилась всего в паре метров от самых длинных колышущихся сучьев и принялась танцевать на ветру, под круглыми, острыми как бритва, листьями, которые описывали безумные круги.

А потом пригнулась и нырнула под крону, в самую гущу бешено вращающихся листьев.

Я был так ошеломлен, что даже не вскрикнул, но успел приподняться, прежде чем услышал ее смех. Я смотрел, как она шныряет, подпрыгивает и

вертится, уклоняясь от пляшущих на ветру листьев, словно играя в салочки. Пробежав полпути до ствола, она остановилась. Втянула голову в плечи, взмахнула рукой и резким ударом отвела в сторону лист, который иначе бы ее порезал.

Нет. То был не просто удар. Она использовала «поземку». И принялась пробираться все ближе к стволу, изгибаясь, уклоняясь и ставя блоки. Сначала она использовала прием «дева расчесывает волосы», потом «обратный танец».

Потом она шарахнулась вбок, оставив кетан, пригнувшись, прошмыгнула в просвет между листьями, добежала до ствола и хлопнула по нему ладонью.

И снова очутилась среди листьев. Она сделала «выжимание сидра», пригнулась, развернулась и бросилась бежать, пока не выскочила за пределы кроны. Ребенок из Содружества издал бы торжествующий вопль — она этого не сделала, но высоко подпрыгнула, победно раскинув руки. И, все еще хохоча, прошла колесом.

Затаив дыхание, я смотрел, как Целеана повторяет эту игру снова и снова, вбегая под пляшущую листву дерева и выбегая из нее. Ей не всякий раз удавалось добежать до ствола. Дважды она, уворачиваясь от листьев, выскочила назад, не дойдя до цели, и мне даже издали было видно, что она злится. Один раз она поскользнулась, и ей пришлось отползти назад.

Однако она четырежды добежала до ствола и обратно, отмечая каждую победу вскинутыми руками, торжествующим хохотом и безупречно исполненным колесом.

Остановилась она, только когда вернулась Вашет. Я издали смотрел, как Вашет бросилась к девочке и принялась сурово ее распекать. Мне не было слышно, что она говорит, но язык жестов сказал мне достаточно. Целеана потупилась и переминалась с ноги на ногу. Вашет погрозила ей пальцем и отвесила легкую затрецину. Всем детям иногда так достается. Не смей лазить в соседский сад! Не пугай овец Бентонов! Не играй в салочки среди тысяч вращающихся ножей священного дерева твоего народа!

ГЛАВА 119

РУКИ

Как только Вашет решила, что мой язык стал достаточно сносным, она устроила мне возможность поговорить с некоторыми жителями Хаэрта.

Я познакомился с болтливым стариком, который прятал шелковую нить и непрерывно тараторил, рассказывая странные, бессмысленные, полубредовые истории — историю о мальчике, который надел башмаки на голову, чтобы помешать убить кошку, еще одну историю, в которой какое-то семейство поклялось съесть по камешку целую гору. Я никак не мог понять, к чему он все это рассказывает, однако вежливо слушал, попивая сладкое пиво, которым он меня угощал.

Я познакомился с сестрами-близнецами, которые делали свечи и показывали мне па незнакомых танцев. Я провел вечер с дровосеком, который часами говорил только о колке дров.

Поначалу я думал, что все это какие-то важные персоны. Я думал, что Вашет нарочно демонстрирует им меня, чтобы показать, каким я сделался культурным.

И только проведя утро с Двупалым, я наконец сообразил, что Вашет посылает меня к этим людям в надежде, что я чему-нибудь научусь.

Двупалого на самом деле звали иначе. Я просто привык думать о нем как о Двупалом. Он был поваром в школе, и я видел его во время каждой трапезы. Левая рука у него была цела, а правая жестоко искалечена, остались только большой и указательный пальцы.

Вашет отправила меня к нему утром, и мы вместе готовили обед и болтали. Звали его Наден. Он рассказал мне, что провел десять лет среди варваров. Более того, он привез в школу более двухсот тридцати серебряных талантов, прежде чем покалечился и не смог больше сражаться. О последнем факте он упомянул несколько раз, я так понял, что для него это было предметом особой гордости.

Прозвонили колокола, в столовую потянулся народ. Наден принялся разливать сваренную нами похлебку, горячую и наваристую, с кусками говядины и морковки. Я нарезал теплый белый хлеб для тех, кто хотел хлеба. Я обменивался кивками и, время от времени, вежливыми жестами с теми, кто стоял в очереди. Я старался как можно меньше смотреть в глаза и старался убедить себя, что то, что сегодня люди почти не берут хлеба,

чистая случайность.

Карсерет продемонстрировала свои чувства так, чтобы видели все. Достояла до головы очереди, сделала преувеличенный жест **глубочайшего отвращения** и ушла прочь, бросив свою деревянную тарелку.

Потом мы с Наденом принялись мыть посуду.

— Вашет говорит, у тебя плохо с фехтованием, — сказал он без какого-либо вступления. — Она говорит, ты слишком боишься за свои руки и от этого держишься неуверенно.

Жесткий упрек.

Я застыл от неожиданности, стараясь не смотреть на его искаленную руку, и кивнул, не решаясь ответить вслух.

Он поднял голову от железного котла, который скоблил, и показал мне свою руку. Он явно сделал это нарочно, и лицо у него было жесткое. Тут я посмотрел на руку, отворачиваться было бы невежливо. На руке оставались только большой и указательный пальцы — достаточно, чтобы что-нибудь брать, но любая тонкая работа ему теперь была заказана. Половина кисти представляла собой сплошной корявый шрам.

Я заставил себя остаться невозмутимым, хотя это было непросто. В каком-то смысле я смотрел в лицо своему наихудшему страху. Я остро ощутил, что мои собственные руки целы и невредимы, и с трудом подавил порыв сжать их в кулак или спрятать руки за спину.

— Минуло уже десять лет с тех пор, как эта рука держала меч, — сказал Наден. **Гордость и гнев. Сожаление.** — Я много думал о той битве, в которой лишился пальцев. Ведь мой противник даже не был искусным воином. Всего лишь какой-то варвар, ему бы лопату держать, а не меч.

Он пошевелил двумя пальцами. В каком-то смысле ему повезло. В Хаэрте были и другие адемы, у которых недоставало всей кисти, или глаза, или руки по локоть, или ноги по колено...

— Я много об этом думал. Как бы я мог спасти свою руку. Я думал о договоре, по которому я брался защищать барона, чьи земли были охвачены мятежом. Я думал: а что, если бы я не подписал того договора? Я думал: а что, если бы я лишился левой руки? Я бы не смог говорить, зато по-прежнему мог бы владеть мечом...

Он уронил руку.

— Но владеть мечом мало. Настоящему наемнику нужны обе руки. Одной рукой не сделаешь ни «любовник прыгает в окно», ни «спящего медведя»...

Он пожал плечами.

— Оглядываться назад — это роскошь. Это можно делать до

бесконечности, но все это бесполезно. Я носил алое с гордостью. Я принес школе двести тридцать талантов. Я достиг второго камня, со временем достиг бы и третьего.

Наден снова поднял свою искаленную руку.

— Но я бы ничего этого не достиг, если бы жил в страхе лишиться руки. Если бы я ежился и уворачивался, меня никогда бы не приняли в Латанту. Я бы никогда не дошел до второго камня. Я остался бы цел, но стал бы меньше, чем я есть.

Он отвернулся и снова принялся скоблить котлы. Я, помедлив, присоединился к нему.

— Тяжело тебе? — спросил я вполголоса — просто не смог удержаться.

Наден долго не отвечал.

— Когда это только случилось, я про себя думал, что не так уж оно и плохо. Некоторые получают увечья пострашнее. Некоторые гибнут. Мне повезло больше.

Он набрал воздуха в грудь и медленно выдохнул.

— Я старался думать, что все не так плохо. Стану жить дальше. Но нет. Жизнь останавливается. Ты многое теряешь. Ты теряешь все.

Потом добавил:

— Во сне у меня всегда две руки.

Мы вместе домыли посуду, сохраняя общее молчание. Иногда молчание — единственное, что ты можешь предложить.

* * *

Целеана тоже меня кое-чему научила. А именно: бывают противники, которые не колеблясь ударят мужчину ногой, кулаком или локтем прямо по гениталиям.

Нет, не так сильно, чтобы искалечить. Она дралась с пеленок и в совершенстве владела контролем, который так ценила Вашет. Но это означало, что Целеана точно знала, насколько сильно следует ударить, чтобы я зашатался и скорчился, сделав ее победу совершенно бесспорной.

И вот я сидел на травке, мир вокруг был серым, меня подташнивало. Выведя меня из строя, Целеана сочувственно похлопала меня по плечу и весело ускакала. Небось опять пошла плясать между качающихся ветвей меч-дерева.

— Ты неплохо держался до самого конца, — сказала Вашет, усевшись

на траву напротив меня.

Я ничего не ответил. Я, как ребенок, играющий в прятки, искренне надеялся, что, если зажмуриться и сидеть совершенно неподвижно, боль меня не отыщет.

— Да брось ты, я видела, как она тебя пнула, — снисходительно сказала Вашет. — Удар был не такой уж сильный.

Я услышал, как она вздохнула.

— Нет, если тебе надо, чтобы кто-то посмотрел и удостоверился, что твои сокровища целы...

Я хихикнул. Зря я это сделал. Немыслимая боль, свернувшаяся в паху, распрямилась и отдалась вниз, в колено, и вверх, в пупок. Снова накатила тошнота, и я открыл глаза, чтобы справиться с головокружением.

— Она скоро это перерастет, — сказала Вашет.

— Надеюсь... — прошипел я сквозь стиснутые зубы. — Гнусная привычка!

— Я не это имею в виду, — сказала Вашет. — Я хочу сказать, что она подрастет. И можно надеяться, что она будет распределять свое внимание по всему телу равномернее. Сейчас она слишком часто атакует в пах. Это делает ее предсказуемой, так ей слишком легко противостоять.

Она многозначительно взглянула на меня.

— Любому, у кого есть хоть капля мозгов.

Я снова закрыл глаза.

— Вашет, не надо меня учить прямо сейчас, а? — взмолился я. — А то я вот-вот верну вчерашний завтрак!

Она поднялась на ноги.

— Значит, это самое подходящее время для учебы. Встань! Ты должен научиться сражаться, будучи раненым. Это бесценный навык, и Целеана дала тебе случай в нем поупражняться. Ты должен быть ей за это благодарен.

Понимая, что спорить бесполезно, я поднялся на ноги и заковылял за своим тренировочным мечом.

Вашет поймала меня за плечо.

— Нет. Без оружия!

Я вздохнул.

— Вашет, а это обязательно?

Она вскинула бровь.

— Что «обязательно»?

— Обязательно сосредоточиваться на борьбе без оружия? — спросил я. — В фехтовании я отстаю все сильнее и сильнее.

— Кто из нас наставник, ты или я? — спросила она. — Кто ты такой, чтобы судить, что лучше?

— Я — тот, кому предстоит пользоваться этими навыками в миру, — заметил я. — А в миру я предпочту сражаться мечом, а не кулаками.

Вашет опустила руки, лицо у нее сделалось непроницаемым.

— Это почему же?

— Потому что у других людей есть мечи, — сказал я. — А если уж я вступлю в бой, то предпочту победить.

— А побеждать, значит, проще с мечом? — спросила она.

Внешнее спокойствие Вашет могло бы предостеречь меня, что наша беседа вступила на тонкий лед, но тошнотворная боль, разливавшаяся из паха, мешала мне сосредоточиться. Хотя, честно говоря, даже если бы меня ничто не отвлекало, я бы, возможно, и так ничего не заметил. Я привык доверять Вашет, слишком привык, чтобы остерегаться по-настоящему.

— Ну конечно, — сказал я. — А то зачем же люди мечи носят?

— Хороший вопрос, — сказала Вашет. — Зачем люди носят мечи?

— Ну а зачем люди вообще что-то носят? Чтобы ими пользоваться, конечно.

Вашет взглянула на меня с неприкрытым отвращением.

— А зачем мы тогда возимся с твоим языком, а? — сердито спросила она, ухватила меня за челюсть, стиснула щеки и заставила раскрыть рот, словно я был строптивым пациентом из медики, отказывающимся принять лекарство. — Зачем тебе язык, раз достаточно меча? Скажи, зачем?

Я попытался было вырваться, но она была сильнее. Я попытался ее оттолкнуть, но она отмахнулась от моих машущих рук, словно я был ребенком.

Вашет отпустила мое лицо, но ухватила меня за запястье и подняла вверх мою руку.

— Для чего тебе вообще руки? Почему бы не носить вместо них ножи?

Она отпустила мое запястье и сильно ударила меня по лицу ладонью.

Если я скажу, что она отвесила мне пощечину, у вас сложится неверное представление. Это была не театральная оплеуха, из тех, какие можно видеть на сцене. И не обиженный хлесткий шлепок, который придворная дама отвешивает гладкой щеке слишком близкого знакомого аристократа. И даже не куда более увесистая, отработанная пощечина, какой служанка в трактире обороняется от приставаний назойливого пьянчуги.

Нет. Это вообще была не пощечина. Пощечину дают пальцами или ладошкой. Это больно, обидно или неожиданно. Вашет ударила меня раскрытой ладонью, однако она вложила в удар всю силу своей руки. Руки,

плеча и сложного механизма вращающегося корпуса, бедер, сильных ног, крепко упирающихся в землю, и самой земли под ногами. Как будто весь мир разом ударил меня этой ладонью, и если я не остался калекой, то лишь потому, что Вашет даже в ярости полностью сохраняла контроль над собой.

Поскольку Вашет сохраняла контроль над собой, она не своротила мне челюсть, и я не потерял сознание. Но зубы у меня клацнули, и в ушах зазвенело. Глаза у меня закатились, коленки подогнулись. Я бы упал, если бы Вашет не ухватила меня за плечо.

— Ты что думаешь, я обучаю тебя тайнам меча, чтобы ты мог потом ими пользоваться? — осведомилась она. Я смутно сознавал, что она кричит. Я впервые в жизни слышал, чтобы кто-то из адемов повысил голос. — Ты думаешь, мы тут ради этого занимаемся?

Я, ошеломленный, болтался у нее в руке. Она ударила меня снова. На этот раз удар пришелся больше по носу. Боль была невероятная, как будто мне вогнали кусок льда прямо в мозг. От этой боли головокружение прошло начисто, так что, когда она ударила меня в третий раз, я был в полном сознании.

Вашет немного придержала меня, пока мир вокруг кружился, потом отпустила. Я сделал один неверный шаг и рухнул наземь, как марионетка с обрезанными веревочками. Я был в сознании, но совершенно оглушен.

Мне потребовалось немало времени, чтобы собраться. Когда я наконец набрался сил, чтобы сесть, тело казалось вялым и непослушным, как будто меня разобрали на части и соединили вновь как попало.

К тому времени, как я наконец достаточно пришел в себя, чтобы оглядеться, я был один.

ГЛАВА 120

ЛЮБЕЗНОСТЬ

Два часа спустя я сидел один в столовой. Голова болела, пол-лица опухло и горело огнем. В какой-то момент я прикусил язык, так что есть было больно и все имело привкус крови. Настроение у меня было именно такое, как вы можете себе вообразить, только хуже.

Когда на скамью напротив уселся кто-то в красном, мне было страшно поднять глаза. Плохо, если это Карсерет. Но если это Вашет, было бы куда хуже. Я нарочно дождался, пока столовая почти опустела, прежде чем прийти обедать, — надеялся разминуться с ними обеими.

Однако, подняв глаза, я увидел, что это Пенте, свирепая молодая женщина, которая одолела саму Шехин.

— Привет! — сказала она по-атурански с легким акцентом.

Я ответил жестом — **вежливое формальное приветствие**. Учítывая, какой неудачный выдался день, я счел, что лучше вести себя как можно осторожнее. Из высказываний Вашет я сделал вывод, что Пенте — довольно высокопоставленная особа, одна из уважаемых членов школы.

При этом она была довольно молода. Быть может, она так выглядела благодаря хрупкой фигурке и личику сердечком, но на вид ей было ненамного больше двадцати.

— Можно, мы будем говорить на твоём языке? — спросила она по-атурански. — Окажи мне любезность. Мне нужно поупражняться.

— С удовольствием, — ответил я по-атурански. — Ты очень хорошо говоришь. Мне даже завидно. Когда я говорю по-адемски, я чувствую себя неуклюжим медведем в тяжёлых сапожищах.

Пенте застенчиво улыбнулась, потом прикрыла рот ладошкой и слегка покраснела.

— Это правильно, улыбаться?

— И правильно, и вежливо. Такая улыбка означает небольшое веселье. Она тут как раз кстати, потому что моя шутка была не слишком удачной.

Пенте убрала руку от лица и снова застенчиво улыбнулась. Она была прелестна, как первоцвет. У меня полегчало на сердце от её вида.

— В других обстоятельствах, — сказал я, — я бы улыбнулся в ответ. Но, боюсь, здесь окружающие сочтут это невежливым.

— О, пожалуйста! — сказала она и сделала несколько жестов,

достаточно широких, чтобы их видели все. **Дерзкое предложение.**
Заискивание. Дружеское приветствие. — Надо же мне практиковаться.

Я улыбнулся, хотя далеко не так широко, как обычно. Отчасти из осторожности, отчасти потому, что лицо болело.

— Я испытываю тревожность по поводу своей улыбки.

Она сделала было жест, но остановилась. Выражение ее лица переменилось, глаза слегка сузились, как будто она рассердилась.

— Это? — спросил я, жестом выразив «легкую озабоченность».

Она кивнула.

— А как это показывают лицом?

— Вот так, — я слегка сдвинул брови. — Или, поскольку ты женщина, можно еще так, — я слегка надул губы. — Я, поскольку я мужчина, сделал бы вот так, — я поджал губы.

Пенте растерянно смотрела на меня. **Ошеломлена.**

— А что, у мужчин и женщин это различается? — спросила она, и в ее тоне послышалось недоверие.

— Только иногда, — успокоил я. — И то в мелочах.

— Все так сложно! — пожаловалась она с ноткой отчаяния в голосе. — У себя в семье ты всегда знаешь, что означает малейшее движение лица. Растешь и смотришь. Ты знаешь все, что в них есть. Друзья, с которыми ты была с малолетства, пока еще не отучилась скалиться всем подряд. С ними легко. Но это...

Она покачала головой.

— Ну как можно запомнить, когда следует показывать зубы, а когда нет? А как часто положено встречаться глазами?

— Понимаю, — сказал я. — На своем языке я говорю очень хорошо. Я могу выразить самые сложные мысли. Но здесь это все бесполезно.

Я вздохнул.

— Очень трудно сохранять лицо все время неподвижным. Такое ощущение, будто я постоянно задерживаю дыхание.

— Не все время, — возразила она. — У нас не все время лица неподвижные. Когда ты с...

Она осеклась, потом поспешно продемонстрировала **извинение**.

— У меня здесь нет достаточно близких людей, — сказал я.
Сдержанное сожаление. — Я надеялся, что сумел сблизиться с Вашет, но, боюсь, сегодня я все испортил.

Пенте кивнула.

— Я видела.

Она протянула руку и провела пальцем по моей опухшей щеке. Палец

был прохладный.

— Наверное, ты разгневал ее очень.

— Да я и сам понял, до сих пор в ушах звенит, — сказал я.

Пенте покачала головой.

— Нет. Следы.

На этот раз она показала на свое собственное лицо.

— Кто-то другой мог сделать это по ошибке, но Вашет не оставила бы следов, если бы не хотела, чтобы все это видели.

Сердце у меня упало. Я невольно схватился за лицо. Да, конечно. Это было не просто наказание. Это было сообщение всему Адевре.

— Ну я и дурак! — тихо сказал я. — До сих пор я об этом даже не догадывался.

Несколько минут мы ели молча, потом я спросил:

— Почему ты сегодня пришла и села рядом со мной?

— Я сегодня увидела тебя и подумала, что много слышала, как о тебе говорят. Но я ничего не знаю о тебе лично.

Она помолчала.

— А что обо мне говорят? — спросил я, чуть заметно усмехнувшись.

Она коснулась уголка моего рта кончиками пальцев.

— Это что? — спросила она. — Неровная улыбка?

Я в качестве объяснения ответил жестом «мягкая насмешка».

— Но надо мной, а не над тобой. Я догадываюсь, что обо мне говорят.

— Ну, говорят не только плохое, — мягко сказала она.

Пенте подняла голову и встретила со мной взглядом. Глаза у нее были огромные, серые, чуть более темные, чем у других. Они были такие ясные и прозрачные, что, когда она улыбнулась, у меня заныло сердце. Я почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы, и поспешно отвернулся в смущении.

— Ой! — тихо воскликнула она и поспешно показала «огорченное извинение». — Нет-нет. Я неправильно улыбнулась и посмотрела в глаза! Я имела в виду вот это.

Дружеское ободрение.

— Ты совершенно правильно улыбнулась, — сказал я, не поднимая глаз и отчаянно моргая, чтобы избавиться от слез. — Просто это такая нежданная любезность в день, когда я этого совершенно не заслужил. Ты первая, кто заговорил со мной по собственному желанию. И лицо у тебя такое нежное, что это целительно для сердца.

Я выразил левой рукой **благодарность**, радуясь, что мне не надо встречаться с нею глазами, чтобы продемонстрировать свои чувства.

Она протянула левую руку через стол и поймала мою. Развернула мою руку ладонью кверху и незаметно сжала ее — **сочувствие**.

Я поднял глаза и улыбнулся ей, надеясь, что улыбка вышла ободряющая.

Она повторила ее, почти точно, потом снова зажала рот.

— Я все еще испытываю тревожность из-за своей улыбки.

— Не стоит. У тебя чудесные губы, тебе идет улыбаться.

Пенте снова посмотрела на меня, ее глаза на миг встретились с моими и снова метнулись прочь.

— Правда?

Я кивнул.

— На своем языке про такие губы я бы сложил...

Я осекся и слегка вспотел, сообразив, что чуть не сказал «песню».

— Стихи? — предположила она.

— Да, — поспешно сказал я. — У тебя улыбка, достойная поэмы.

— Ну, так сложи, — сказала она. — На моем языке.

— Нет уж, — отказался я. — Это будет медвежья поэма. Слишком неуклюжая для тебя.

Это, похоже, ее только раззадорило. Глаза у нее загорелись.

— Давай, давай! Ничего, если она будет неуклюжей — мне тогда будет не так неловко из-за моих собственных огрехов.

— Ну, смотри, — пригрозил я, — тогда и ты тоже сложи стихи! На моем языке.

Я рассчитывал, что это ее отпугнет, но она, после мгновенного замешательства, кивнула.

Я вспомнил все адемыские стихи, которые когда-либо слышал: несколько строчек из историй старого шелкопрядильщика да стихотворение из легенды о лучниках, которую рассказывала Шехин. Негусто.

Я думал о словах, которые знал, о том, как они звучат. Мне остро не доставало моей лютни. В конце концов, за этим и нужна музыка. Слова не всегда способны выразить все, что нам нужно. И там, где подводят слова, выручает музыка.

Наконец я нервно поднял взгляд, радуясь, что народу в столовой осталось немного. Я подался в ее сторону и сказал:

Пенте, дважды вооруженная,
Без меча в руке —
Ее уста раскрываются, как цветок,
И вырезают сердце за десять шагов.

Она снова улыбнулась, и оказалось, что я был прав. Ее улыбка пронзила мне сердце. Улыбка Фелуриан была прекрасной, но древней и всеведущей. А улыбка Пенте сверкала, как новенький пенни. Она прохладной водой пролилась на мое иссохшее, усталое сердце.

Нежная улыбка молодой женщины. Нет ничего лучше в мире. Она дороже соли. Без нее что-то в нас ломается и умирает. Я в этом уверен. Такая простая вещь. А какая странная. Странная и удивительная.

Пенте на мгновение прикрыла глаза, губы у нее безмолвно зашевелились, подбирая слова для ее стихотворения.

Потом она открыла глаза и сказала по-атурански:

Огненный, как факел,
Квоут говорит.
Он грозился сапогами,
Но его медведь танцует.

Я улыбнулся так широко, что лицо заболело.

— Чудесно! — искренне ответил я. — Мне еще никогда не посвящали стихов.

* * *

После разговора с Пенте мне стало заметно лучше. Я не был уверен, флиртовали мы с ней или нет, но это было неважно. Мне было достаточно того, что в Хаэрте есть хотя бы один человек, который не хочет моей смерти.

Я отправился к дому Вашет, как обычно, после трапезы. Отчасти я надеялся, что она встретит меня как обычно, ехидной улыбочкой, а утреннее неприятное происшествие будет забыто без слов. Отчасти же я боялся, что она вообще откажется со мной разговаривать.

Поднявшись на холм, я увидел, что она сидит на деревянной лавочке у дверей. Она прислонилась к грубой каменной стене дома, словно просто нежилась на послеполуденном солнышке. Я глубоко вздохнул с облегчением. Напряжение отпустило меня.

Но, подойдя ближе, я увидел ее лицо. Она не улыбалась. И не сидела с

непроницаемой адемовской маской. Она смотрела на меня, угрюмая, как висельник.

Подойдя достаточно близко, я заговорил.

— Вашет, — искренне сказал я, — я...

Вашет, не вставая, вскинула руку, и я умолк мгновенно, как будто она ударила меня по губам.

— Любые извинения сейчас не имеют смысла, — сказала она ровным и холодным, как сланец, тоном. — Ничему из того, что ты сейчас скажешь, доверять нельзя. Ты знаешь, что я всерьез и неподдельно разгневана, и потому охвачен страхом.

А это означает, что я не могу верить ни одному твоему слову, потому что все они порождены страхом. Ты хитер, обаятелен и лжив. Я знаю, что ты способен менять мир своими речами. Поэтому я не стану слушать.

Она переменяла положение на лавочке и продолжала:

— Я с самого начала увидела в тебе кротость. Это редкость в человеке столь юном, и во многом я именно поэтому сочла тебя достойным обучения. Но чем дальше, тем больше я вижу нечто другое. Иное лицо, далеко не кроткое. Я отметала все это как проблески ложного света, полагая, что это юношеское хвастовство или странные шутки варвара.

Но сегодня, когда ты это сказал, до меня дошло, что кротость была маской. И это второе, еле видимое лицо, эта темная и безжалостная тварь и есть твое истинное лицо, прячущееся под нею.

Вашет окинула меня долгим взглядом.

— В тебе есть нечто пугающее. Шехин заметила это в твоих разговорах. Это не недостаток летани. Но это лишь усиливает мою тревогу. Это означает, что в тебе есть нечто более глубинное, чем летани. Нечто, чего летани исцелить не в силах.

Она посмотрела мне в глаза.

— Если это так, я была не права, взявшись тебя учить. Если ты настолько хитер, что сумел столько времени скрывать от меня свое истинное лицо, значит, ты опасен, и не только для школы. Если это так, значит, Карсерет права и тебя следует убить как можно скорее, ради безопасности всех, кто в этом замешан.

Вашет поднялась на ноги, медленно, как будто она смертельно устала.

— Вот о чем я думала сегодня. И я буду думать об этом сегодня ночью, еще много часов подряд. А завтра приму решение. Воспользуйся этим временем, чтобы привести свои мысли в порядок и подготовиться, как сочтешь наилучшим.

И она, не встречаясь со мной взглядом, повернулась и ушла в дом,

бесшумно затворив за собой дверь.

* * *

Некоторое время я просто блуждал без цели. Сходил посмотреть на меч-дерево, надеясь встретить там Целеану, но ее нигде не было видно. А само по себе созерцание дерева меня ничем не утешило. Не в тот день.

Поэтому я пошел в бани и уныло поплескался в воде. Потом, в одном из зеркал, развешанных в комнатах поменьше, увидел свое лицо, впервые с тех пор, как Вашет меня избила. Половина лица у меня опухла и побагровела, ушибы на виске и вдоль челюсти начали желтеть и синеть. Под глазом наливался здоровенный фингал.

Глядя на себя в зеркало, я ощутил, как где-то у меня в животе вспыхнул приглушенный гнев. Я решил, что с меня хватит. Я устал беспомощно дожидаться, пока другие решают за меня, что со мной делать. Я играл в их игры, выучил их язык, держался безукоризненно вежливо, и за все это со мной обходятся как с собакой. Меня избили, осмеяли, грозятся смертью и чем похуже. Довольно!

И я пустился не спеша обходить Хаэрт. Побывал у сестер-близнецов, у разговорчивого кузнеца, у портного, у которого я покупал одежду. Я дружески болтал, тянул время, задавал вопросы, делая вид, будто я совсем не похож на человека, которого несколько часов назад избили до потери сознания.

Времени на подготовку ушло немало. Я пропустил ужин, и небо уже темнело к тому времени, как я вернулся в школу. Я отправился напрямик в свою комнату и закрыл за собой дверь.

Я выложил на кровать содержимое своих карманов — частично купленное, частично украденное. Две хороших, мягких восковых свечи. Длинный осколок ломкой стали от плохо выкованного меча. Моток кроваво-красной нити. Закупоренная бутылочка воды из бань.

Я крепко стиснул бутылочку в кулаке. Многие даже не догадываются, сколько тепла способна вобрать в себя вода. Именно поэтому она так долго не закипает. Несмотря на то что до обжигающе-горячего бассейна, откуда я ее набрал, было не меньше километра, бутылочка, которую я держал в руке, была лучшим подспорьем для симпатиста, чем раскаленный уголь. В этой воде был огонь.

Я не без сожаления подумал о Пенте. Потом взял свечку и принялся вертеть ее в руках, разогревая теплом своего тела, разминая воск и начиная

лепить из него куклу.

Я сидел у себя в комнате, думал черные думы, на небе угасал последний свет. Я окинул взглядом приготовленные мною инструменты и нутром осознал, что иногда положение становится таким запутанным, что словами уже ничего не исправишь. Какой еще выход у меня оставался теперь, когда слова мне не помогли?

И что у нас вообще остается, когда словами не поможешь?

ГЛАВА 121

КОГДА СЛОВАМИ НЕ ПОМОЖЕШЬ

Когда я подходил к дому Вашет, была уже глубокая ночь, однако в окне мерцала свеча. Я не сомневался, что с нее станется убить или искалечить меня ради блага всего Адевре, однако Вашет ни за что не поступила бы опрометчиво. Она должна была сначала как следует поразмыслить.

Я с пустыми руками тихонько постучался в дверь. Она открыла почти сразу. Она по-прежнему была в своей красной наемничьей одежде, однако сняла большую часть шелковых лент, которые притягивали ее к телу. Глаза у нее были усталые.

Увидев на пороге меня, она стиснула губы, и я понял, что, если сказать хоть слово, она откажется слушать. Поэтому я сделал жест «мольба» и отступил назад, в темноту, куда не попадал свет свечи. К тому времени я уже достаточно хорошо ее знал, чтобы быть уверенным, что ей станет любопытно. Когда я отступил назад, глаза у нее подозрительно сузились, однако, поколебавшись немного, она последовала за мной. Меча она не взяла.

Ночь была ясная, и серпик луны освещал нам путь. Я направился в горы, прочь от школы, от разбросанных по склонам домов и лавок Хаэрта.

Мы прошли километра полтора, пока не пришли в место, которое я выбрал. Небольшая рощица и нагромождение скал заглушат любой шум, который мог бы донестись до спящего города.

Сквозь деревья падал косой лунный свет, отбрасывая черные тени на маленькую полянку среди камней. Там стояли две маленькие деревянные скамейки. Я осторожно взял Вашет за руку и заставил ее сесть.

Медленно двигаясь, я потянулся в глубокую тень с подветренной стороны от ближайшего дерева и достал свой шаэд. Я аккуратно развесил его на низко склонившейся ветке, так что он оказался между нами, как черная занавеска.

Потом сел на другую скамейку, наклонился и принялся расстегивать пряжки на футляре своей лютни. Каждый раз, как одна из них расстегивалась, лютня внутри отзывалась знакомым музыкальным гулом, словно ей не терпелось вырваться на волю.

Я достал ее и негромко заиграл.

Я запихнул в отверстие в корпусе кусок ткани, чтобы приглушить звук,

иначе бы он разносился эхом над скалистыми горами. И обмотал струны красными нитками. Отчасти затем, чтобы они звучали не так звонко, отчасти в безумной надежде, что это принесет мне удачу.

Начал я с песни «В деревенской кузнице». Петь не стал, опасаясь, что Вашет оскорбится, если я зайду настолько далеко. Но эта песня и без слов звучит как рыдания. Эта музыка говорит об опустевшем доме, о холодной постели, о потерянной любви.

Потом я, не останавливаясь, заиграл «Верную Виолетту», потом «Ветер в сторону дома». Последнюю песню особенно любила моя мать, и когда я ее заиграл, то подумал о ней и заплакал.

Потом я сыграл песню, которая живет в самом центре меня. Ту музыку без слов, что бродит в тайных глубинах моего сердца. Я играл медленно и тщательно, звуки глухо лились в темную тишину ночи. Мне хотелось бы сказать, что это песня радостная, нежная и солнечная, но это не так.

И, наконец, я умолк. Кончики пальцев у меня ныли и горели. Я уже целый месяц не играл толком, и профессиональные мозоли у меня сошли.

Подняв голову, я увидел, что Вашет отдернула мой шаэд и смотрит на меня. Луна висела у нее за спиной, и ее лица я не видел.

— Вот почему у меня не ножи вместо рук, Вашет, — тихо сказал я. — В этом — моя суть.

ГЛАВА 122

ПРОЩАНИЕ

На следующее утро я проснулся рано, быстро поел и вернулся к себе, прежде чем большинство обитателей школы заворочались в своих постелях.

Я вскинул на плечи свою лютню и дорожный мешок. Закутался в свой шаэд, предварительно убедившись, что все необходимое разложено по карманам: и красный шнурок, и восковая кукла, и ломкое железо, и пузырек с водой. Потом я накинул на голову капюшон шаэда, вышел из школы и направился к дому Вашет.

Вашет отворила дверь перед тем, как я стукнул в нее третий раз. Она была без рубашки и стояла в дверях с голой грудью. Она окинула меня пристальным взглядом, обратила внимание на плащ, на мешок и на лютню.

— Все утро ко мне гости, — сказала она. — Входи. Ветер нынче холодный.

Я вошел в дом и споткнулся о порог, так что мне пришлось опереться на плечо Вашет. Моя рука неуклюже запуталась у нее в волосах.

Вашет тряхнула головой и затворила за мной дверь. Нимало не стесняясь того, что стоит передо мной полуголая, она закинула обе руки за голову и принялась заплетать половину своих распущенных волос в короткую тугую косичку.

— Нынче утром, едва показалось солнце, ко мне в дверь постучалась Пенте, — мимоходом сказала она. — Она знала, что я зла на тебя. И хотя она понятия не имела, что ты наделал, она за тебя заступилась.

Придерживая косичку одной рукой, Вашет взяла кусок красного шнурка и завязала ее.

— Потом, не успела я закрыть дверь, меня навестила Карсерет. Она поздравила меня с тем, что я наконец-то наградила тебя по заслугам.

Она потянулась назад и принялась проворно заплетать вторую косичку — пальцы у нее так и порхали.

— Обе меня разозлили. Не их это дело — говорить мне про моего ученика.

Вашет завязала вторую косичку.

— И я подумала про себя: а чье мнение я ставлю выше?

Она взглянула на меня, давая понять, что вопрос адресован мне.

— Свое собственное, — сказал я.

Вашет широко улыбнулась.

— Ты совершенно прав. Однако Пенте тоже не совсем дура. А Карсерет может гневаться как мужчина, когда на нее найдет.

Она взяла длинный отрез темного шелка и обвила его вокруг своего торса, перекинув его через плечи и обмотав свои нагие груди так, что они оказались притянуты к грудной клетке. Потом подоткнула конец ткани, и она каким-то образом оказалась надежно завязана. Я уже несколько раз видел, как Вашет это проделывает, но так до сих пор и не понял, как устроена эта повязка.

— И что же ты решила? — спросил я.

Она натянула через голову свою кроваво-красную рубаху.

— Ты по-прежнему загадка для меня, — сказала Вашет. — Кроткий и опасный, хитрый и бестолковый.

Голова Вашет вынырнула из ворота, и она серьезно посмотрела на меня.

— Но ломать голову из-за того, что ты не в силах ее решить, значит отречься от летани. Я не из таких.

— Я рад, — сказал я. — Мне не хотелось бы уходить из Хаэрта.

Вашет вскинула бровь.

— Да кто ж тебя отпустит?

Она указала на футляр с лютней, висящий у меня на плече.

— Оставь это здесь, а то разговоры пойдут. И мешок тоже оставь. Потом отнесешь их к себе в комнату.

Она задумчиво посмотрела на меня.

— А плащ захвати с собой. Я тебе покажу, как сражаться в плаще. Такие штуки тоже могут оказаться полезны, если только ты умеешь не запутаться в них.

* * *

И я вернулся к занятиям так, словно ничего и не случилось. Почти ничего. Вашет показала мне, как сражаться, не путаясь в плаще. Как его можно использовать, чтобы спрятать оружие или обезоружить неосторожного противника. Она сказала, что у меня отличный плащ, очень прочный и ноский, но как будто не заметила в нем ничего необычного.

Дни шли за днями. Я по-прежнему спарринговал с Целеаной и наконец-то научился защищать свое драгоценное мужское достоинство от

всех возможных посягательств. Постепенно я сделался достаточно опытен, чтобы мы почти сравнялись в счете, так что я побеждал ненамного реже, чем проигрывал.

Иногда я даже разговаривал за трапезой с Пенте. Мне было приятно, что тут есть еще один человек, который мне иногда улыбается.

И все же мне сделалось не по себе в Хаэрте. Я был слишком близок к катастрофе. Говоря с Вашет, я теперь дважды обдумывал каждое слово. А некоторые слова — и трижды.

И, хотя Вашет с виду вновь была прежней, ехидной и улыбчивой, время от времени я ловил ее на том, что она следит за мной мрачным пристальным взглядом.

Со временем напряжение между нами мало-помалу рассеивалось, исчезая так же медленно, как синяки у меня на лице. Мне хочется думать, что в конце концов оно бы растаяло совсем. Но нам не дали на это времени.

* * *

Это случилось как гром среди ясного неба.

Вашет отворила мне на стук. Но, вместо того чтобы выйти наружу, она осталась стоять на пороге.

— Завтра у тебя испытание, — сказала она.

В первую секунду я не понял, о чем она говорит. Я настолько сосредоточился на фехтовании, на спаррингах с Целеаной, на языке, на летани, что почти забыл, для чего это все.

Я было вспыхнул воодушевлением, но в следующий момент в животе возник ледяной ком.

— Завтра? — тупо переспросил я.

Она кивнула и слабо улыбнулась, глядя на меня.

Ее сдержанная реакция меня отнюдь не ободрила.

— Так скоро?

— Шехин думает, что так будет лучше. Если ждать еще месяц, может раньше времени выпасть снег, это помешает тебе спокойно уйти своей дорогой.

Я колебался и все-таки сказал:

— Ты что-то недоговариваешь, Вашет.

Она снова слабо улыбнулась и пожала плечами.

— Тут ты прав, хотя Шехин считает, что ждать неразумно. Ты обаятелен на свой, варварский лад. Чем дольше ты здесь живешь, тем

больше людей начнут хорошо к тебе относиться.

Я ощутил, как лед проник в мое нутро еще глубже.

— И, если меня придется искалечить, будет лучше, если это будет сделано до того, как многие догадаются, что я — человек, а не какой-то безликий варвар, — резко сказал я — далеко не так резко, как мне хотелось бы.

Вашет отвела взгляд, потом кивнула.

— Ты, наверно, не слышал об этом... Третьего дня Пенте подбила глаз Карсерет, они поссорились из-за тебя. И Целеана тоже к тебе привязалась, она рассказывает о тебе другим детям. Они подсматривают из-за деревьев, как ты занимаешься.

Она помолчала.

— И не только дети.

За прошедшее время я узнал достаточно, чтобы правильно понять сделанную Вашет паузу. Внезапно и ее сдержанность, и ее молчание стали куда понятнее.

— Шехин должна заботиться об интересах школы, — сказала Вашет. — Ей следует принимать решения в соответствии с тем, что правильно. Она не может позволить себе менять решения только из-за того, что некоторые из нас к тебе привязались. В то же время, если она примет верное решение, а многие из школы останутся этим недовольны, это тоже нехорошо.

Она снова пожала плечами.

— Вот так.

— А я готов?

Вашет долго не отвечала.

— Это непростой вопрос, — сказала она наконец. — Быть принятым в школу — это вопрос не только мастерства. Это проверка на годность. Если кто-то из нас потерпит неудачу, мы можем попытаться еще раз. Темпи проходил испытание четырежды, прежде чем его приняли. У тебя будет только один шанс.

Она посмотрела мне в глаза.

— И готов ты или нет, но время настало.

ГЛАВА 123

ЛИСТОК НА ВЕТРУ

На следующее утро Вашет пришла за мной, когда я заканчивал завтракать.

— Идем, — сказала она. — Карсерет всю ночь молилась, чтобы налетела буря, но пока что ветер просто порывистый.

Я не понял, к чему она это сказала, но спрашивать мне не хотелось. Я отдал свою деревянную тарелку, обернулся и увидел Пенте. На скуле у нее желтел продолговатый синяк.

Пенте ничего не сказала, просто стиснула мои руки, открыто демонстрируя поддержку. И крепко меня обняла. Я удивился, обнаружив, что она мне по грудь. Я и забыл, какая она маленькая. В столовой было даже тише обычного. Никто на меня не пялился, но смотрели все.

Вашет привела меня в крохотный парк, где мы встретились впервые, и приступила к обычной разминке. Привычные движения успокоили меня, тревога притупилась и ушла вглубь. Когда мы закончили разминку, Вашет повела меня в тайную долину, где росло меч-дерево. Меня это не удивило. Где же еще проводить испытания?

По лужайке вокруг дерева было рассеяно человек десять. Многие были одеты в красные наемничьи одежды, но я увидел троих в светлых нарядах. Я так понял, что это важные члены общины, а может, наемники, ушедшие на покой, но по-прежнему поддерживающие отношения со школой.

Вашет указала на дерево. Поначалу я подумал, будто она хочет привлечь мое внимание к его движению. День, как она и говорила, выдался довольно ветреный, и ветви бешено раскачивались в пустынном небе. Потом я различил на фоне ствола блеск металла. Приглядевшись, я увидел там меч, привязанный к стволу.

Я вспомнил, как Целеана плясала среди острых листьев, чтобы добежать до ствола и хлопнуть по нему ладонью. Ну конечно!

— У подножия дерева лежит несколько предметов, — сказала Вашет. — Испытание состоит в том, что ты должен подойти, выбрать один из них и принести его обратно.

— Так это испытание? — осведомился я. Это прозвучало несколько резко, чем мне хотелось. — Что же ты мне не сказала?

— А что же ты не спросил? — сухо отпарировала она. Потом мягко коснулась моей руки. — Я бы тебе сказала. Со временем. Но я понимала, что, если скажу об этом слишком рано, ты непременно попробуешь его пройти — и поранишься.

— Ну, слава богу, это мы приберегли на сегодня! — сказал я, потом вздохнул. **Извинение помимо воли.** — А что будет, если я туда пойду и меня порежет на ленточки?

— Ну, обычно без порезов не обходится, — сказала Вашет и, оттянув ворот рубахи, продемонстрировала пару знакомых бледных и тонких шрамов у себя на плече. — Весь вопрос в том, сильно ли тебя порежет, где именно и как ты себя будешь при этом вести.

Она повела плечом, сдвинув рубаху на место.

— Порезы обычно бывают неглубокие, главное, береги лицо и шею. Места, где сосуды и связки лежат ближе всего к поверхности тела. Порез на груди или предплечье заживет быстро. А вот отрезанное ухо — едва ли.

Я посмотрел на дерево. Налетел новый порыв ветра, и оно бешено замахало ветвями.

— А что мешает подползти туда на четвереньках?

— Гордость, — сказала она, ловя мой взгляд. — Хочешь ли ты прослыть тем, кто во время испытания ползал на четвереньках?

Я кивнул. Для меня это было особенно важно. Я был варвар, мне вдвойне следовало показать себя.

Я снова посмотрел на дерево. От границы машущих ветвей до ствола было метров десять. Я подумал о шрамах, которые видел на теле Темпи, на лице Карсерет...

— Значит, это проверка на выдержку, — сказал я. — Проверка на гордость.

— И на многое другое, — сказала Вашет. — Очень многое значит твое поведение. Можно, конечно, закрыть лицо руками и броситься вперед. В конце концов, прямой путь самый короткий. Но что это о тебе говорит? Кто ты, бык, что атакует, не разбирая дороги? Животное, лишенное ловкости и находчивости?

Она нахмурилась и покачала головой.

— От своего ученика я жду большего.

Я сощурился, пытаюсь разглядеть, какие другие предметы разложены вокруг дерева.

— Я так понимаю, спрашивать, какой выбор считается правильным, не положено?

— Правильных выборов много. А неправильных намного больше.

Каждому — свое. О многом говорит тот предмет, который ты принесешь с собой. И то, как ты будешь держаться.

Она пожала плечами.

— Шехин примет во внимание все это, прежде чем решить, принимать ли тебя в школу.

— А если решать будет Шехин, что тут делают все остальные?

Вашет заставила себя улыбнуться, и я увидел, что в глубине ее глаза таится тревога.

— Шехин не представляет собой всю школу.

Она указала на адемов, стоящих вдалеке вокруг меч-дерева.

— А тем более не она одна представляет собой весь путь Латанты.

Я огляделся и увидел, что эти несколько человек, которые были не в красном, одеты не просто в светлое, а в белое. То были главы других школ. Они явились сюда, чтобы посмотреть, как варвар пройдет испытание.

— Так всегда бывает? — спросил я.

Вашет покачала головой.

— Я могла бы сделать вид, что ничего не знаю. Но, подозреваю, это Карсерет всех известила.

— И они могут заставить Шехин изменить решение? — спросил я.

Вашет покачала головой.

— Нет. Это ее школа, ей и решать. Никто не станет оспаривать ее права.

Ее рука, висевшая вдоль бока, сделала жест. «Однако...»

— Ну ладно... — сказал я.

Вашет взяла мою руку обеими своими, стиснула ее и отпустила.

Я пошел к меч-дереву. На миг ветер поулегся, и густая крона плакучих ветвей напомнила мне дерево, где я встретил Ктаэха. Мысль была неутешительная.

Я смотрел на крутящиеся листья, стараясь не думать о том, какие они острые. Как они вонзятся в мою плоть. Как они вопьются в тонкую кожу кистей и рассекут нежные связки...

От границ кроны до безопасного ствола было никак не более десяти метров. Если подумать, не так уж и далеко...

Я вспомнил Целеану, стремительно шныряющую меж листьев. Как она прыгала и отбивала машущие ветви. Если она это может, стало быть, могу и я...

Но, стоило мне подумать об этом, я понял, что это неправда. Целеана тут играла всю свою жизнь. Она была тоненькая, как прутик, проворная, как кузнечик, и вдвое меньше меня ростом. По сравнению с ней я был

громадным медведем.

По ту сторону дерева стояли еще несколько наемников-адемов. Среди них виднелись еще две грозные белые рубахи. Я чувствовал, что их взгляды устремлены на меня, и, как ни странно, меня это радовало.

Когда ты один, так просто испугаться. Проще простого сосредоточиться на том, что таится во тьме, в конце лестницы, ведущей в подвал. Проще простого уделить слишком много внимания вещам бесполезным: например, тому, что войти в вихрь вращающихся ножей — чистое безумие. Когда ты один, проще простого вспотеть, удариться в панику, потерять голову...

Но я был не один. И на меня смотрели не только Вашет и Шехин. Кроме них, там было еще два десятков наемников и глав других школ. Это была публика. Я вышел на подмости. А я нигде в мире не чувствовал себя так уверенно, как на сцене.

Я стоял там, куда немного не доставали самые длинные ветви, и ждал, когда они хоть на миг замрут. Я надеялся, что их беспорядочное движение на секунду откроет мне путь, по которому можно будет устремиться вперед, отбрасывая все листья, что подлетят слишком близко. Можно использовать «водяной веер», чтобы не дать им задеть лицо...

Я стоял у границы кроны и следил, ожидая, пока откроется путь, пытаюсь предугадать их движение. Вид качающихся ветвей убаюкивал меня, как бывало столько раз прежде. Это было красиво: сплошь круги и дуги...

Пока я стоял и смотрел, замороженный качающимися ветвями, мой разум сам собой перешел в парящую, прозрачную пустоту «листка на ветру». Я осознал, что качание дерева на самом деле вовсе не случайно. На самом деле оно — узор, сотканный из бесконечно меняющихся узоров.

И тогда, когда мой разум раскрылся и опустел, я увидел, как предомной распростерся ветер. Это было как морозные узоры, растущие на гладкой поверхности оконного стекла. Только ничего не было. А в следующий момент я уже видел имя ветра, отчетливо, как собственное запястье.

Некоторое время я стоял и смотрел, дивясь ему. Я чувствовал его очертания у себя на языке и знал, что, если захочу, могу поднять бурю. А могу заставить его уняться, и ветви меч-дерева опустятся и поникнут.

Но это казалось неправильным. Вместо этого я просто раскрыл глаза навстречу ветру, следя, где он выбирает свой путь среди ветвей. И где он собирается колыхнуть листья.

И тогда я шагнул под крону, так же спокойно, как вы могли бы шагнуть

на порог собственного дома. Я сделал два шага, остановился, когда пара листьев расщелила воздух перед моим лицом. Шагнул вбок и вперед, когда ветер взмахнул еще одной веткой в пространстве у меня за спиной.

Я шел сквозь пляшущие ветви меч-дерева. Не бежал, не отмахивался от них руками. Я ступал аккуратно и размеренно. Я осознал, что именно так движется Шехин, когда сражается. Не быстро, хотя временами она бывает быстрой. Она движется безупречно и всегда оказывается там, где надо.

Я сам не заметил, как очутился на черном круге земли, опоясывающем толстый ствол меч-дерева. Вращающиеся листья сюда не достигали. Оказавшись на время в безопасности, я расслабился и сосредоточился на тех предметах, что ждали меня здесь.

Меч, который я увидел с края лужайки, был привязан к стволу белым шелковым шнуром, обмотанным вокруг дерева. Меч был наполовину вынут из ножен, и я видел, что клинок подобен клинку Вашет. Металл был странного, блестящего серого цвета, без отметин и пятен.

Рядом с деревом, на столике, лежала знакомая красная рубаша, аккуратно сложенная вдвое. Стрела со снежно-белым оперением, отполированный деревянный цилиндр из тех, в каких хранят свитки.

Мое внимание привлёк яркий блеск, я обернулся и увидел на черной земле у корней дерева массивный золотой слиток. Правда, что ли, золото? Я наклонился, потрогал его. Слиток был холодный на ощупь и такой тяжелый, что я не мог оторвать его от земли одной рукой. Сколько же он весит? Килограммов десять? Пятнадцать? Этого золота хватило бы мне, чтобы учиться в Университете до конца дней своих, и неважно, какую плату с меня потребуют...

Медленно обходя вокруг ствола меч-дерева, я увидел развевающийся шелковый лоскут, свисающий с нижней ветки. Там был еще один меч, попроще, висевший на том же белом шнуре. Три голубых цветка, перевязанных голубой ленточкой. Потускневший винтиевский полупенни. Длинный, плоский точильный камень, темный от масла.

Обогнув дерево, я увидел свой футляр с лютней, небрежно прислоненный к стволу.

Увидев ее здесь, я понял, что кто-то проник ко мне в комнату и вытащил ее из-под кровати. Меня внезапно обуял ужасный гнев. Тем более что я знал, как адемы относятся к музыкантам. Это означало, что им известно: я не просто варвар, я дешевая, пошлая шлюха. Ее положили тут нарочно, чтобы меня задеть!

Я уже призывал имя ветра в пылу ужасного гнева, в Имре, когда

Амброз разбил мою лютню. Я призывал его в ужасе и ярости, чтобы защититься от Фелуриан. Но на этот раз я познал его не в пылу какого-либо сильного чувства. Я постиг его мягко, как протягивают руку, желая поймать плывущее по воздуху семя чертополоха.

И потому, когда я увидел свою лютню, прилив жарких эмоций вышиб меня из состояния «листка на ветру» как воробья, подбитого камнем. Имя ветра разлетелось в клочья, оставив меня пустым и ослепшим. Я огляделся вокруг, посмотрел на бешено пляшущие листья — и не увидел никакого узора, лишь тысячи лезвий, кромсающих воздух на ветру.

Я завершил свой медленный обход дерева. В животе у меня туго свилась тревога. Благодаря присутствию лютни мне сделалось ясно одно. Любой из этих предметов мог оказаться ловушкой, нарочно устроенной для меня.

Вашет говорила, что испытание не только в том, что именно я принесу назад от дерева. Но и в том, как я это сделаю и что я стану делать с этой вещью после. Если я возьму тяжелый золотой слиток и отдам его Шехин, покажет ли это, что я готов приносить школе деньги? Или это будет означать, что я готов жадно вцепиться во что-то тяжелое и неудобное, даже если это подвергнет меня опасности?

И то же самое касалось любой из этих вещей. Если взять красную рубаху, это можно истолковать как благородное стремление к праву ее носить либо как надменную уверенность, что я достоин вступить в их ряды. Тем более это касалось древнего меча, который там висел. Я не сомневался, что адемы дорожат им не меньше, чем ребенком.

Я во второй раз медленно обошел вокруг ствола, делая вид, будто обдумываю свой выбор, хотя на самом деле просто тянул время. Я вторично нервно окинул взглядом все предметы. Вот книжечка с медной застежкой. Вот моток серой шерстяной пряжи. Вот круглый гладкий камушек на чистой белой тряпочке.

Осмотрев их все, я осознал, что, какой бы выбор я ни сделал, он может быть истолкован несколькими разными способами. Моих знаний об адемской культуре было недостаточно, чтобы решить, что именно может означать выбранный мною предмет.

Да если бы даже и знал, без имени ветра, которое проведет меня назад сквозь крону, меня все равно порежет на ленточки, когда я попытаюсь уйти. Может, меня и не покалечит, но все равно сделается ясно, что я неуклюжий варвар, а не один из них.

Я снова посмотрел на золотой слиток. Если выбрать его, по крайней мере, его вес может послужить предлогом того, что я буду неловок на

обратном пути. Быть может, мне все-таки удастся сохранить лицо...

Я нервно обошел вокруг дерева в третий раз. Я чувствовал, что ветер крепчает, что ветви шумят и раскачиваются еще свирепее, чем прежде. Ветер сушил пот, выступивший на моем теле, мне сделалось холодно, я начал дрожать.

И в этот тревожный момент внезапно напомнило о себе нечто иное, а именно — мой мочевого пузырь. Моему организму было плевать на торжественность момента, я чувствовал настоятельную необходимость облегчиться.

И вот, значит, в вихре ножей, в разгар испытания, которое в то же время было судом надо мной, мне пришлось в голову помочиться на ствол священного меч-дерева на глазах у двух дюжин гордых и грозных наемников.

Мысль была такая жуткая и неподобающая, что я поневоле расхохотался. И когда я разразился смехом, напряжение, от которого у меня сводило живот и мышцы спины, немедленно спало. Что бы я там ни выбрал, все будет лучше, чем помочиться на латанту!

И в этот момент, избавившись и от жаркого гнева, и от липкого страха, я посмотрел на колышущиеся вокруг листья. Прежде, когда имя ветра оставляло меня, оно всегда исчезало, как сон по пробуждении, невозвратно, как эхо или умолкший вздох.

На этот раз все было иначе. Я провел часы, наблюдая узоры этих колышущихся листьев. Я посмотрел сквозь ветви дерева и подумал о Целеане, о том, как она прыгала и вертелась, бегала и смеялась.

И оно вернулось ко мне как имя старого друга, которое просто на миг выскользнуло из памяти. Я смотрел сквозь ветви и видел ветер. Я кротко произнес его длинное имя, и ветер сделался кроток. Я выдохнул его, точно шепот, и впервые с тех пор, как я пришел в Хаэрт, ветер улегся и полностью стих.

В краю бесконечного ветра это выглядело так, будто мир вдруг затаил дыхание. Нескончаемая пляска меч-дерева замедлилась и остановилась, как будто оно отдыхало, как будто оно решило меня выпустить.

Я шагнул прочь от ствола и медленно пошел к Шехин, не взяв с собой ничего. На ходу я поднял левую руку и провел раскрытой ладонью по бритвенно-острому краю неподвижного листа.

Я остановился напротив Шехин, на расстоянии, которого требовала вежливость. Я стоял, и лицо мое было бесстрастной маской. Я стоял в абсолютном молчании, совершенно неподвижно.

Я протянул свою левую руку, вверх окровавленной ладонью, и сжал ее

в кулак. Этот жест означал **согласие**. Крови было больше, чем я ожидал, она выдавилась меж пальцев и заструилась вниз по руке.

После длительной паузы Шехин кивнула. Я расслабился, и только тогда ветер вернулся вновь.

ГЛАВА 124

ОБ ИМЕНАХ

— Ты, — сказала Вашет, шагая со мной по холмам, — хвастливый самодовольный показушный ублюдок, ты это знаешь?

Я слегка склонил голову и изящно сделал жест «смирненное согласие».

Она отвесила мне оплеуху.

— Хватит уже лицедействовать, ты, задница! Ты можешь одурачить их, но не меня.

Вашет прижала руку к груди, изображая говорливую кумушку.

— А вы слышали, что Квоут принес назад от меч-дерева? То, чего варвару не постичь: безмолвие и бездействие. Сердце Адевре! А что он предложил Шехин? Готовность отдать свою кровь ради школы!

Она посмотрела на меня, на лице у нее отражалось отвращение и смех одновременно.

— Нет, серьезно, ты как будто сошел со страниц книги сказок!

Я продемонстрировал **вежливое польщенное скромное преданное согласие**.

Вашет больно щелкнула меня по уху.

— Ой! — вскрикнул я и рассмеялся. — Ну, ладно. Но кто бы еще обвинял меня в лицедействе! Да весь ваш народ — один сплошной театральный жест. Это спокойствие. Эти кроваво-алые одежды. Этот сокровенный язык. Эти тайны и секреты. Такое впечатление, будто ваша жизнь — одно большое представление.

Я посмотрел ей в глаза и добавил:

— Во всех смыслах!

— Ну, на Шехин ты впечатление произвел, — сказала она. — А это главное. И ты сделал это таким образом, что главы прочих школ тоже особо ворчать не смогут. А это не менее важно.

Мы наконец пришли туда, куда собирались: в невысокое строение из трех комнат, примыкающее к козьему загону, обнесенному щепленными жердями.

— Здесь живет тот, кто залечит тебе руку, — сказала она.

— А как насчет аптекаря? — спросил я.

— Наша аптекарша — близкая подруга матери Карсерет, — объяснила Вашет. — Я бы не отправила тебя к ней лечить руки, хоть мне золотом

заплати.

Она кивнула на дом.

— И вообще, Даэльн — именно тот, к кому пошла бы я сама, если бы мне требовался лекарь.

Она постучалась в дверь.

— Может, тебя и приняли в школу, но не забывай: я по-прежнему твоя наставница. Так что о чем бы ни шла речь — мне лучше знать.

* * *

Мне туго перевязали руку, и некоторое время спустя мы с Вашет сидели вместе с Шехин. Мы находились в комнате, где я прежде никогда не бывал, — менее просторной, чем те комнаты, где мы обсуждали летани. Там стоял маленький захламленный письменный стол, цветы в вазе и несколько удобных, мягких кресел. На одной стене было изображение: три летящие птицы на фоне заката, — не нарисованное, а выложенное тысячами ярких глазурированных плиточек. Я подозревал, что это нечто вроде кабинета Шехин.

— Как рука? — спросила Шехин.

— Нормально, — сказал я. — Порез неглубокий. А Даэльн шьет такими мелкими стежочками, что я подобного и не видывал. Замечательный лекарь.

Она кивнула. **Одобрение.**

Я поднял левую руку, забинтованную чистым белым полотном.

— Самое сложное — это не шевелить ею в течение четырех дней. Я уже чувствую себя так, словно порезал язык, а не руку.

Шехин чуть заметно улыбнулась в ответ — меня это удивило. Это выражение лица выглядело как серьезный комплимент.

— Ты хорошо выступил сегодня. Кругом только и разговоров, что об этом.

— Я полагаю, у тех, кто это видел, есть более важные темы для разговоров, — скромно ответил я.

Недоверчивая усмешка.

— Быть может, это и так, зато те, кто наблюдал за тобой тайком, наверняка расскажут о том, что видели. Я могу ошибаться, но, думаю, одна только Целеана успела поведать об этом сотне человек, не меньше. К завтрашнему дню все будут думать, что у тебя земля дрожит под ногами, как будто ты не кто иной, как сам Аэте, вернувшийся нас навестить.

Я не мог придумать, что на это сказать, поэтому промолчал. Для меня это было редкостью. Но, как я уже говорил, я успел многому научиться.

— Я ждала этого дня, чтобы кое о чем с тобой поговорить, — сказала Шехин. **Осторожное любопытство.** — Когда Темпи тебя сюда привел, он многое мне рассказал о проведенном с тобой времени. О том, как вы искали разбойников.

Я кивнул.

— Правда ли, что ты использовал магию крови, чтобы убить нескольких человек, а потом призвал молнию, чтобы погубить остальных?

Услышав это, Вашет вскинула глаза и обвела нас взглядом. Я так привык говорить с нею по-атурански, что мне было странно видеть, как ее лицо обретает невозмутимое адемовское бесстрашие. И все же я видел, что она изумлена. Она не знала.

Я хотел было как-то оправдаться, потом решил этого не делать.

— Да.

— Значит, ты могуществен.

Я никогда прежде не думал об этом с такой точки зрения.

— Ну да, я обладаю кое-какой силой. Но есть и более могущественной меня.

— Так ты за этим искал кетан? Чтобы обрести силу?

— Нет. Я ищу из любопытства. Я ищу знания.

— Знание — тоже сила своего рода, — заметила Шехин, а потом как бы сменила тему: — Темпи мне говорил, что среди разбойников был ринта, он был их предводителем.

— Ринта? — почтительно переспросил я.

— Ринта — это плохо. Человек, который более чем человек, но менее чем человек.

— Демон? — уточнил я, машинально используя атуранское слово.

— Нет, не демон, — сказала Шехин, непринужденно перейдя на атуранский. — Демонов не бывает. Это ваши священники рассказывают сказки про демонов, чтобы вас запугивать.

Она коротко взглянула мне в глаза, вежливо прожестикировала **честно, извинение, серьезно и важно.**

— Но в мире много плохих существ. Древних тварей в человеческом обличье. И среди них есть несколько, хуже всех остальных. Они свободно бродят по миру и творят ужасные вещи.

Во мне пробудилась надежда.

— Я еще слышал, что их зовут чандрианами, — сказал я.

Шехин кивнула.

— Я это тоже слышала. Но слово «ринта» подходит лучше.

Шехин окинула меня долгим взглядом и снова перешла на адемский.

— Судя по тому, что Темпи рассказывал о твоей реакции, ты уже встречался с таким существом прежде.

— Да.

— И ты хочешь повстречаться с ним снова?

— Да.

Я сказал это так уверенно, что сам удивился.

— У тебя есть цель?

— Да.

— Какая?

— Убить его.

— Убить такую тварь непросто.

Я кивнул.

— Ты собираешься использовать для этого то, чему тебя учил Темпи?

— Ради этой цели я использую все.

Я машинально хотел было сделать жест «абсолютно», но перевязанная рука помешала. Я сердито посмотрел на нее.

— Это хорошо, — сказала Шехин. — Твоего кетана для этого недостаточно. Он плох для такого взрослого человека, как ты. Для варвара — хорош. Для человека, который учился так мало, хорош, но в целом все равно плох.

Я изо всех сил постарался не выдать личной заинтересованности, в то же время жалея, что не могу показать рукой, насколько важен для меня этот вопрос.

— Шехин, я очень сильно хочу знать об этих ринтах как можно больше.

Шехин долго молчала.

— Я подумаю об этом, — сказала она наконец, сделав жест, который я истолковал как «содрогание». — О подобных вещах не стоит говорить походя.

Я, сохраняя бесстрастную мину, постарался сделать перевязанной рукой жест «глубокое почтительное желание».

— Спасибо, что согласилась подумать об этом, Шехин. Все, что ты можешь о них сказать, для меня дороже золота.

Вашет продемонстрировала **сильный дискомфорт**, потом **вежливое желание и перемену**. Пару оборотов назад я бы ничего не понял, но теперь я увидел, что она желает переменить предмет беседы.

Поэтому я прикусил язык и оставил эту тему. К тому времени я уже

достаточно знал об адемах, чтобы понять: для того чтобы узнать побольше, лучше не настаивать. У себя в Содружестве я бы настоял на своем и не мытьем, так катаньем вытянул бы из собеседника все, что тот знает. Тут это не подействовало бы. Здесь могли сработать только безмолвие и бездействие. Требуется терпение. Пусть Шехин вернется к этой теме, когда сама сочтет нужным.

— Как я уже говорила, — продолжала Шехин. **Признание помимо воли**, — твой кетан плох. Но если ты будешь заниматься как следует в течение года, ты станешь равен Темпи.

— Ты мне льстишь.

— Не льщу. Я говорю тебе о твоих слабостях. Ты быстро учишься. Это ведет к опрометчивости, а опрометчивость противоречит летани. Вашет не единственная среди нас, кто считает, что в твоём духе есть нечто внушающее тревогу.

Шехин устремила на меня долгий взгляд. Она смотрела на меня дольше минуты. Потом красноречиво пожала плечами и взглянула на Вашет, одарив младшую женщину подобием улыбки.

— И все же, — **странная мысль**, — если я когда и встречала человека без единой тени на сердце, то разве что дитя, еще не научившееся говорить.

Она встала с кресла и обеими руками одернула свою рубаху.

— Идемте. Пойдем добудем тебе имя.

* * *

Шехин повела нас вверх по крутому каменистому склону горы.

С тех пор как мы вышли из школы, никто из нас не произнес ни слова. Я не знал, что сейчас будет, но спрашивать казалось неудобно. Это выглядело неподобающим, как если бы жених выпалил «Ну а что дальше-то?» в разгар собственной свадьбы.

Мы поднялись на поросший травой уступ, где росло наклонившееся дерево, крепко цеплявшееся за голый обрыв. Рядом с деревом была массивная деревянная дверь — один из скрытых домов адемов.

Шехин постучалась и сама отворила дверь. Внутри было совсем не как в пещере. Каменные стены были выглажены, пол выстелен полированными досками. Помещение оказалось куда просторнее, чем я думал: с высоким потолком и шестью дверьми, ведущими дальше в глубь утеса.

За низеньким столиком сидела женщина и что-то переписывала из одной книги в другую. Волосы у нее были белые, лицо морщинистое, как

прошлогоднее яблоко. Мне пришло в голову, что за все время, проведенное мною в Хаэрте, это первый встреченный мною человек, который читает или пишет.

Старуха кивком приветствовала Шехин, потом обернулась к Вашет, и вокруг ее глаз разбежались морщинки. **Радость.**

— Вашет! — сказала она. — А я и не знала, что ты вернулась.

— Мы пришли за именем, Магуин, — сказала Шехин. **Вежливая формальная просьба.**

— За именем? — озадаченно переспросила Магуин. Она обвела глазами Шехин и Вашет, потом устремила взгляд на меня, стоявшего позади них, на мои огненно-рыжие волосы, на перевязанную руку...

— А-а! — сказала она, внезапно сделавшись серьезной.

Магуин закрыла свои книги и поднялась на ноги. Спина у нее была сторбленная, и передвигалась она мелкими, шаркающими шажками. Она жестом подозвала меня поближе и медленно обошла вокруг, тщательно рассматривая меня с головы до ног. В лицо мне она старалась не смотреть, зато пристально разглядела мою перевязанную руку, перевернула ее, посмотрела на ладонь и на пальцы.

— Я бы хотела услышать твой голос, — сказала она, не отрывая глаз от моей ладони.

— Как тебе угодно, достопочтенная создательница имен, — сказал я.

Магуин взглянула на Шехин.

— Он надо мной издевается?

— Не думаю.

Магуин снова обошла вокруг меня, провела руками по плечам, по рукам, по затылку. Запустила пальцы мне в волосы, потом остановилась напротив и посмотрела мне прямо в глаза.

Глаза у нее были как у Элодина. Нет, не в мелочах. У Элодина глаза были зеленые, пронзительные и насмешливые, у Магуин — привычного адемовского серого цвета, слегка слезящиеся и красноватые. Нет, сходство было в том, как она на меня смотрела. Кроме Элодина, я больше не встречал людей, которые умели смотреть так, словно ты — книга, которую они небрежно листают.

Когда Магуин впервые заглянула мне в глаза, я почувствовал себя так, словно из меня высосали весь воздух. На кратчайший миг я подумал, что ее может оттолкнуть то, что она увидит, однако, вероятно, это была всего лишь моя тревожность. В последнее время я слишком часто бывал на грани катастрофы, и, несмотря на то что мое недавнее испытание прошло удачно, где-то в глубине души я все еще ждал, когда прилетит второй сапог.

— Маэдре, — сказала она, по-прежнему не отводя взгляда. Отвернулась и направилась к своей книге.

— Маэдре? — переспросила Вашет. В ее голосе слышался чуть заметный намек на смятение. Она бы, возможно, сказала что-то еще, но Шехин замахнулась и отвесила ей затрещину.

Это было точно то же самое движение, которым Вашет тысячу раз осаживала меня за последний месяц. Я не выдержал. Я расхохотался.

Вашет и Шехин грозно уставились на меня. Действительно грозно.

Магуин обернулась и посмотрела на меня. Она, похоже, не рассердилась.

— Ты смеешься над именем, которое я тебе дала?

— Ни в коем случае, Магуин! — сказал я, старательно изобразив перевязанной рукой жест «почтение». — Имена чрезвычайно важны.

Она по-прежнему не сводила с меня глаз.

— А что может варвар знать об именах?

— Кое-что может, — сказал я, снова пытаясь что-то изобразить перевязанной рукой. Без этого я не мог придавать своим словам тонкие оттенки значения. — В своей далекой стране я изучал подобные вещи. Я знаю больше многих, хотя этого все еще мало.

Магуин долго смотрела на меня.

— Тогда тебе известно, что не следует никому называть свое новое имя, — сказала она. — Это очень личное, и делиться им опасно.

Я кивнул.

Магуин, похоже, удовлетворилась этим. Она опустилась в кресло и раскрыла книгу.

— Вашет, кроличек мой, заходила бы ты ко мне почаще!

Ласковый, любовный укор.

— Ладно, бабушка, — сказала Вашет.

— Спасибо тебе, Магуин, — сказала Шехин. **Почтительная благодарность.**

Старуха рассеянно кивнула, и Шехин повела нас прочь из пещеры.

* * *

Позднее, тем же вечером, я вернулся к дому Вашет. Она сидела на лавочке у входа и смотрела на небо и на заходящее солнце.

Она похлопала по лавочке рядом с собой, и я сел.

— Ну что, каково это — не быть больше варваром? — спросила она.

— Да в общем-то все то же самое, — сказал я. — Только чуть пьянее.

После ужина Пенте затащила меня к себе домой, там устроили нечто вроде вечеринки. Хотя лучше назвать это собранием: там ведь не было ни музыки, ни танцев. И все-таки я был польщен тем, что Пенте потрудились отыскать еще пять адемов, которые были не прочь отметить мое принятие в школу.

Я с удовольствием обнаружил, что все адемовское бесстрашие развеивается после нескольких кружек выпивки: вскоре мы уже все щерились, точно варвары. Это помогло мне расслабиться, тем более что мое собственное плохое владение языком теперь можно было списывать на перевязанную руку.

— Сегодня днем, — осторожно сказал я, — Шехин говорила, что знает историю о ринтах.

Вашет обернулась и посмотрела на меня. Лицо у нее было непроницаемым. **Колебание.**

— Я искал нечто подобное по всему миру, — сказал я. — Мало на свете вещей, которые я ценю выше.

Полная откровенность.

— И я тревожусь, что не сумел как следует дать это понять Шехин.

Вопрос. Настойчивая просьба.

Вашет посмотрела на меня, словно ожидая продолжения. Потом жестом показала: **нежелание.**

— Я скажу ей об этом, — пообещала она. **Заверение. Кончено.**

Я кивнул и оставил эту тему.

Мы с Вашет некоторое время сидели в дружеском молчании, пока солнце медленно опускалось за горизонт. Она перевела дух и глубоко вздохнула. Я осознал, что мы еще никогда не сидели вот так, за исключением тех случаев, когда дожидались, пока я отдышусь или приду в себя после падения. До сих пор каждая минута, которую мы проводили вместе, так или иначе была посвящена моему обучению.

— Сегодня вечером, — произнес я наконец, — Пенте мне сказала, что у меня прекрасный гнев и она хотела бы, чтобы я им с нею поделился.

Вашет хихикнула.

— Ей не потребовалось много времени!

Она понимающе взглянула на меня.

— И что было?

Я немного покраснел.

— Э-э... Она... напомнила мне, что адемы не считают телесный контакт чем-то особенно интимным.

Ухмылка Вашет стала почти что похотливой.

— И что она, накинута на тебя?

— Ну, почти, — сказал я. — Я все-таки стал попроворней, чем месяц назад.

— О, вряд ли ты достаточно проворен, чтобы сбежать от Пенте, — сказала Вашет. — Она ведь хотела только любовных игр. Ничего дурного тут нет.

— Ну, я и решил у тебя спросить, — медленно произнес я. — Узнать, точно ли тут нет ничего дурного.

Вашет приподняла бровь, одновременно показав **легкую озадаченность**.

— Пенте, конечно, миленькая, — осторожно сказал я. — Но все-таки мы с тобой... Ну...

Я попытался найти подходящее выражение.

— ...Были близки.

На лице Вашет отразилось осознание, и она расхохоталась.

— Ты имеешь в виду, что мы занимались сексом? Близость между наставником и учеником куда теснее этой!

— Ага, — сказал я, успокоившись. — Что-то в этом духе я и подозревал. Но все-таки хорошо знать наверняка.

Вашет покачала головой.

— Я и забыла, как это у вас, варваров, — сказала она. Ее голос был полон ласковой снисходительности. — Прошло так много лет с тех пор, как мне пришлось это объяснять моему поэту-королю!

— Так ты, значит, не обиделась бы, если бы я... — я сделал перевязанной рукой неопределенный жест.

— Ты молод и энергичен, — сказала она. — Для тебя это естественно. На что мне обижаться? Или я хозяйка твоему сексу, чтобы беспокоиться, с кем ты им занимаешься?

Вашет остановилась, как будто ей что-то внезапно пришло в голову. Она обернулась и посмотрела на меня.

— А тебя что, обижает, что я все это время занималась сексом с другими?

Она пристально вгляделась в мое лицо.

— Я вижу, ты изумлен.

— Изумлен, — признался я. Потом покопался в себе и с удивлением обнаружил, что не знаю, как именно я к этому отношусь.

— Я чувствую, что должен был бы обидеться, — сказал я наконец. — Но, по-моему, я не обижен.

Вашет одобрительно кивнула.

— Хороший знак. Это говорит о том, что ты становишься культурным человеком. Это еще одно убеждение, в котором тебя воспитали. Оно как старая рубашка, из которой ты вырос. А теперь, приглядевшись, ты видишь, что она и с самого начала была некрасива.

Я немного поколебался и спросил:

— Мне просто интересно, а сколько мужчин у тебя было с тех пор, как мы вместе?

Вашет этот вопрос, похоже, удивил. Она поджала губы, долго смотрела в небо, потом пожала плечами.

— Со сколькими людьми я с тех пор разговаривала? Или спарринговала? Сколько раз я ела, сколько раз выполняла кетан? Ну кто это считает?

— И что, большинство адемов думают так же? — спросил я, радуясь случаю задать наконец эти вопросы. — Что секс — не интимное дело?

— Интимное, конечно! — сказала Вашет. — Все, что связывает двоих людей, — дело интимное. Но мы секса не чураемся. Мы его не стыдимся. Мы не считаем важным присвоить себе чей-то секс, как скряга присваивает золото.

Она покачала головой.

— Вот этой странностью мышления вы, варвары, отличаетесь от нас более, чем всем прочим.

— Ну а как же тогда романтика? — с легким негодованием осведомился я. — Как же любовь?

Тут Вашет снова расхохоталась, громко, раскатисто. Ей явно было ужасно смешно. Наверное, ее смех слышала половина Хаэрта, и он откликнулся эхом в дальних горах.

— Эти мне варвары! — воскликнула она, утирая слезы с глаз. — Я и забыла, какие вы отсталые! Мой поэт-король был точно такой же. Бедняга долго мучился, прежде чем наконец понял: пенис и сердце — совершенно разные вещи!

ГЛАВА 125

ЦЕЗУРА

На следующее утро я проснулся немного похмельным. Не то чтобы я так уж сильно напился накануне, однако мое тело отвыкло от таких вещей, и в это утро за каждую кружку пришлось расплачиваться втройне. Я дополз до бань, плюхнулся в самый горячий бассейн, какой мог выдержать, потом, насколько сумел, смыл с себя смутное ощущение собственной нечистоты.

Я направлялся в столовую, и тут меня встретили в коридоре Вашет и Шехин. Вашет сделала мне знак следовать за ней, и я пошел следом. Я сейчас не был готов ни к занятиям, ни к торжественным беседам, но отказаться было невыносимо.

Мы покружили по коридорам и в конце концов вышли на улицу где-то в центре школы. Мы пересекли двор и подошли к небольшому квадратному зданию, которое Шехин отперла маленьким железным ключом: первая запертая дверь, которую я встретил во всем Хаэрте.

Мы вошли в маленькую прихожую без окон. Вашет затворила наружную дверь, и в комнате сделалось темно, хоть глаз выколи. Непрестанный свист ветра тоже стих. Шехин отворила внутреннюю дверь. Нас встретил теплый свет полудюжины свечей. Поначалу мне показалось странным, что свечи оставили гореть в пустой комнате...

А потом я увидел, что висит на стенах. В сиянии свечей блестели мечи, десятки мечей, все стены были увешаны ими. Все мечи были обнажены, ножны висели под ними отдельно.

Там не было никаких ритуальных украшений вроде тех, что можно видеть в тейлинской церкви. Ни покровов, ни росписей. Только сами мечи. И все же было очевидно, что этому месту придают большое значение. В воздухе висело напряжение, какое ощущаешь в архивах или на старом кладбище.

Шехин обернулась к Вашет.

— Выбирай.

Вашет это, похоже, изумило, почти ошеломило. Она начала было делать какой-то жест, но Шехин вскинула руку прежде, чем Вашет успела возразить.

— Он твой ученик, — сказала Шехин. **Отказ.** — Ты привела его в школу. Тебе и выбирать.

Вашет перевела взгляд с Шехин на меня, потом на десятки сверкающих мечей. Все они были изящные и грозные, и каждый чем-то отличался от остальных. Некоторые были кривые, другие длиннее или массивнее прочих. По некоторым было заметно, что ими долго и много пользовались, в то время как другие выглядели как меч Вашет: потерянная рукоять и гладкие клинки тускло-серого металла.

Вашет медленно подошла к стене, что по правую руку. Сняла со стены меч, прикинула его на руке, повесила на место. Потом сняла другой, подержала и протянула мне.

Я взял меч. Он был легонький и тоненький, как шепот.

— «Дева расчесывает волосы», — сказала Вашет.

Я повиновался, несколько смущаясь, поскольку на меня смотрела Шехин. Но не успел я завершить разворот, как Вашет покачала головой. Забрала у меня меч и вернула его на стену.

Минуту спустя она протянула мне второй. Вдоль клинка у него шел полустертый узор, похожий на ветку плюща. По просьбе Вашет я выполнил «падающую цаплю». Я взмахнул мечом и нанес удар сверху вниз. Вашет вопросительно приподняла бровь.

Я покачал головой.

— Острые для меня слишком тяжелое.

Вашет это, похоже, не особенно удивило, и она вернула на стену и этот меч тоже.

И так далее и тому подобное. Вашет брала мечи один за другим. Большую часть из них она отвергала, не сказав ни слова. Еще три она вручила мне, попросила исполнить разные элементы кетана и вернула их на стену, даже не спросив моего мнения.

Перейдя ко второй стене, Вашет стала двигаться медленнее. Она дала мне меч, слегка искривленный, как у Пенте. У меня захватило дух: я увидел, что клинок такой же безупречный и отполированный, как у Вашет. Я бережно взял меч — но нет, рукоять не годилась под мою руку. Когда я его вернул, на лице Вашет отразилось заметное облегчение.

Продвигаясь вдоль стены, Вашет время от времени украдкой бросала взгляд на Шехин. В такие моменты она была совсем не похожа на мою уверенную, раскованную наставницу — куда больше она походила на юную девушку, отчаянно надеющуюся получить совет. Шехин оставалась невозмутимой.

В конце концов Вашет подошла к третьей стене, и дело пошло еще медленней. Теперь она брала в руки почти каждый меч, подолгу медлила и вешала его на место.

И вот она медленно опустила руку на еще один меч с тускло-серым клинком. Она сняла его со стены, стиснула рукоять — и как будто постарела лет на десять.

Стараясь не смотреть на Шехин, Вашет протянула мне меч. Гарда этого меча была слегка вытянута и выгнута наружу, немного защищая руку. Ничего общего с гардой, полностью закрывающей кисть. Такая объемная гарда сделала бы половину кетана бесполезным. Однако все же эта гарда давала пальцам дополнительную защиту. Мне это понравилось.

Теплая рукоять легла в ладонь удобно, как гриф лютни.

Не дожидаясь просьбы Вашет, я сделал «деву, расчесывающую волосы». Это было все равно что потянуться после долгого и крепкого сна. Я перешел к «двенадцати камушкам» и на кратчайший миг почувствовал себя таким же грациозным, как Пенте во время поединка. Сделал «падающую цаплю» — это было просто и приятно, как поцелуй.

Вашет протянула руку, чтобы забрать у меня меч. Мне не хотелось с ним расставаться, но все же я его отдал. Я понимал, что это самое неподходящее место и время, чтобы устраивать скандал.

С мечом в руках Вашет повернулась к Шехин.

— Это меч для него, — сказала она. И впервые за все время, что я знал свою наставницу, мне показалось, будто места для шуток в ней не осталось. Ее голос звучал предельно сухо.

Шехин кивнула.

— Согласна. Ты молодец, что его нашла.

Вашет явно испытала прямо-таки осязаемое облегчение, но ее лицо по-прежнему выглядело несколько напряженным.

— Что ж, быть может, это оправдывает его имя, — сказала она. И протянула меч Шехин.

Шехин жестом ответила — «отказ».

— Нет. Твой ученик. Твой выбор. Твоя ответственность.

Вашет сняла со стены ножны и вложила в них меч. Потом повернулась и протянула меч мне.

— Он зовется Цезере.

— Цезура? — переспросил я, изумленный этим названием. «Цезура» — этим словом Сим называл паузу в строке древневинтийского стиха. Неужели мне вручают меч поэта?

— Цезере, — повторила она вполголоса, как если бы то было имя Бога. Она отступила назад, и я снова ощутил в ладонях тяжесть меча.

Чувствуя, что от меня чего-то ждут, я вынул его из ножен. В слабом

звоне металла и шорохе кожи послышалось произнесенное шепотом имя — «Цезере». В моей руке он лежал легко, как пушинка. Клинок был безупречен. Я убрал его обратно в ножны, и звук на этот раз был другой. Он звучал как пауза в строке. «Цезура».

Шехин отворила внутреннюю дверь, и мы удалились так же, как вошли. Безмолвно и почтительно.

* * *

Остаток дня оказался совершенно не вдохновляющим. Вашет с упрямой серьезной настойчивостью учила меня ухаживать за мечом — как его чистить и смазывать, как разбирать и собирать, как носить ножны на плече или на боку, как подстроить отдельные хваты и движения кетана под увеличенную гарду.

Меч был не мой. Меч принадлежал школе. Адевре. Я должен был вернуть его, когда не смогу больше сражаться.

В другое время я бы не стерпел, чтобы мне по несколько раз талдычили одно и то же, но сейчас я спокойно предоставил Вашет право твердить свое. Ничего, пусть повторяется — это было самое меньшее, что я мог для нее сделать. Она явно нервничала и пыталась бороться с мыслями.

Когда она пошла на пятнадцатый круг, я спросил, что мне делать, если меч сломается. Не рукоять и не гарда, а сам клинок. Принести его назад?

Вашет уставилась на меня в смятении, граничащем с ужасом. На вопрос она ничего не ответила, и я постарался больше вопросов пока не задавать.

* * *

После обеда Вашет снова отвела меня в пещеру Магуин. Настроение моей наставницы, похоже, немного улучшилось, но все равно она пока была не похожа на себя прежнюю, веселую и общительную.

— Магуин поведает тебе историю Цезере, — сказала она. — Тебе следует заучить ее наизусть.

— Историю? — переспросил я.

Вашет пожала плечами.

— По-адемски это называется «этас». История твоего меча. Кто его носил. Что совершили эти люди. Такие вещи следует знать.

Мы дошли до конца тропы и очутились перед дверьми Магуин. Вашет серьезно посмотрела на меня.

— Старайся вести себя как можно лучше и будь очень вежлив.

— Хорошо, — сказал я.

— Магуин — важная особа, внимательно слушай все, что она скажет.

— Хорошо, — сказал я.

Вашет постучалась в дверь и проводила меня внутрь.

Магуин сидела за тем же столом, что и в прошлый раз. Может, и книга, которую она переписывала, была та же самая. Увидев Вашет, она улыбнулась, потом заметила меня, и ее лицо приняло привычное бесстрастное выражение.

— Здравствуй, Магуин, — сказала Вашет. **Чрезвычайно вежливая просьба.** — Ему нужен этас его меча.

— А какой меч ты ему нашла? — спросила Магуин и сморщилась еще сильнее, пытаясь разглядеть.

— Цезере, — сказала Вашет.

Магуин рассмеялась — чуть ли не захохотала. Она сползла со своего кресла.

— Не могу сказать, что меня это удивляет! — сказала она и скрылась за дверью, ведущей в глубь скалы.

Вашет ушла, а я остался стоять, чувствуя себя довольно неловко, как в одном из этих кошмарных снов, когда стоишь на сцене и не помнишь, что говорить, и даже какую роль играешь.

Магуин вернулась с толстой книгой, переплетенной в коричневую кожу. Она махнула мне, и мы уселись в кресла друг напротив друга. У нее кресло было мягкое, кожаное. Мое — нет. Я сидел, держа на коленях Цезуру. Отчасти потому, что это казалось уместным, отчасти потому, что мне нравилось держать его под рукой.

Магуин распахнула книгу, держа ее на коленях. Заскрипел переплет. Она немного полистала страницы и наконец нашла то место, которое искала.

— «Первым был Шаэл, — прочла она. — Он выковал меня в пламени с неведомой целью. Он поносил меня и бросил».

Магуин подняла голову: жестикулировать она не могла, обе руки у нее были заняты тяжелой книгой.

— Ну? — осведомилась она.

— А что мне надлежит делать? — вежливо осведомился я. Жестикулировать я тоже не мог из-за перевязанной руки. Так мы оба и сидели, полунемые.

— Ну же, повторяй! — раздраженно сказала она. — Ты должен заучить это все наизусть.

— «Первым был Шаэл, — повторил я. — Он выковал меня в пламени с неведомой целью. Он поносил меня и бросил».

Она кивнула и продолжала читать:

— «Следующей была Этайн...»

Я повторил и это тоже. Это длилось около получаса. Один владелец за другим. Имя за именем. Принесенные клятвы, убитые враги.

Поначалу все эти имена и названия меня завораживали. Потом, по мере того как список все тянулся и тянулся, он начал меня угнетать, поскольку почти каждый пункт завершался смертью владельца. И далеко не мирной. Некоторые пали на войне, некоторые в поединке. Некоторые просто были «убиты таким-то» или «зарублены такой-то» без уточнения обстоятельств. Я услышал уже три десятка имен, но так и не дождался ничего похожего на «Мирно скончался во сне, окруженный упитанными внуками».

А потом список перестал быть угнетающим и сделался попросту нудным.

— Следующей была Финол, чей взор был ясен и светел, — старательно повторял я. — Возлюбленная Дульсена. Она своими руками убила двух дарунов, а потом пала от рук моркунов при Дроссен Торе.

Я кашлянул, пока Магуин не перешла к следующему отрывку — Извини, а можно спросить? — сказал я. — Сколько всего людей носили Цезуру за эти годы?

— Цезере! — резко поправила она. — Не вздумай коверкать его имя. Оно означает «ломать», «ловить» и «лететь».

Я опустил глаза на меч в ножнах, что покоился у меня на коленях. Я ощущал его тяжесть, холод металла под пальцами. Над краем ножен виднелась узенькая полоска гладкого сероватого металла.

Как бы так сказать, чтобы вы поняли? «Цезере» — хорошее имя. Узкое, блестящее и грозное. Оно подходило этому мечу как перчатка к руке.

Но оно не было идеальным. Имя этого меча было «Цезура». Зияющий разрыв в идеальной строке. Прервавшееся дыхание. Гладкий, стремительный, острый, смертельный. Оно было не перчаткой, но кожей. Даже более того. Оно было костями, мышцами, движением. Всем тем, что представляет собой рука. И Цезура был мечом. Это было и имя, и вещь сама по себе.

Не могу сказать, откуда я это знал. Но я это знал.

К тому же, если уж я собирался быть именователем, отчего бы тогда,

черт возьми, мне самому не выбрать имя собственного меча?

Я поднял голову и посмотрел на Магуин.

— Это хорошее имя, — вежливо согласился я, решив держать свое мнение при себе, пока не уберусь из Адевре подальше. — Я только хотел узнать, сколько всего владельцев у него было. Мне же следует знать и это тоже.

Магуин недовольно взглянула на меня: очевидно, она поняла, что я уступаю ей как ребенку. Однако она перевернула несколько страниц книги. Потом еще несколько.

— Двести тридцать шесть, — сказала она. — Ты будешь двести тридцать седьмым.

И вернулась к началу списка.

— Что ж, начнем сначала.

Она перевела дух и прочла:

— «Первым был Шаэл. Он выковал меня в пламени с неведомой целью. Он поносил меня и бросил».

Я с трудом подавил вздох. Даже с моей актерской привычкой заучивать наизусть длинные роли потребуется немало долгих утомительных дней, чтобы выучить все это наизусть.

А потом я осознал, что это означает на самом деле. Если каждый хозяин владел Цезурой хотя бы лет десять и меч не лежал без дела больше пары дней, значит, Цезуре, по самым скромным подсчетам, более двух тысяч лет...

* * *

В следующий раз меня удивили три часа спустя, когда я попытался отпроситься поужинать. Когда я встал, Магуин объяснила, что мне предстоит оставаться с ней, пока я не заучу всю историю Цезуры наизусть. Еду нам кто-нибудь будет приносить, и тут есть комната, где я могу спать.

«Первым был Шаэл...»

ГЛАВА 126

ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ

Следующие трое суток я провел с Магуин. Это было не так уж плохо, особенно учитывая, что моя левая рука все еще не зажила, так что я не мог толком ни говорить, ни сражаться.

Хотелось бы думать, что я справился довольно неплохо. Мне проще было бы запомнить наизусть целую пьесу, чем вот это. Пьеса собирается вместе, как головоломка. Диалоги цепляются друг за друга. Сюжет придает ей форму.

А то, что я заучивал с Магуин, представляло собой лишь длинный ряд незнакомых имен и бессвязных событий. Список покупок, притворяющийся историей.

И все-таки я его заучил. Вечером третьего дня я наконец-то прочитал это Магуин наизусть без запинки. Сложнее всего было не начать петь. Музыка переносит слова за много километров, проникает в сердца и в воспоминания. И удерживать в памяти историю Цезуры сделалось значительно легче, когда я принялся про себя перелагать ее на мелодию старинной винтийской баллады.

На следующее утро Магуин потребовала, чтобы я повторил все сначала. После того как я рассказал все два раза подряд, она написала записку Шехин, запечатала ее воском и выпроводила меня из своей пещеры.

* * *

— А мы-то думали, Магуин с тобой еще несколько дней провозится, — сказала Шехин, прочитав записку. — Вашет отправилась в Феант и вернется не раньше, чем дня через два.

Это означало, что я заучил этас вдвое быстрее, чем они рассчитывали. Я изрядно возгордился.

Шехин взглянула на мою левую руку и слегка нахмурилась.

— Когда тебе сняли повязки? — спросила она.

— Я не сразу тебя нашел, — сказал я. — И сходил к Даэльну. Он сказал, что рука отлично зажила.

Я покрутил левой рукой, только что освободившейся от повязки, и сделал жест «радостное облегчение».

— Кожа почти не стянута, и он меня заверил, что даже то, что есть, скоро пройдет, если я буду как следует лечиться.

Я посмотрел на Шехин, ожидая увидеть какой-нибудь одобрительный или удовлетворенный жест. Но она продемонстрировала **раздраженное негодование**.

— Я что-то сделал не так? — спросил я. **Смущенное сожаление. Извинение.**

Шехин указала на мою руку.

— Это был удобный предлог отложить твоё каменное испытание, — сказала она. **Раздражение и покорность судьбе.** — А теперь придется провести его сегодня, несмотря на то что Вашет нет.

Я ощутил, как знакомая тревога снова леденит мне душу, как будто черная птица вонзила свои когти глубоко в мышцы шеи и плеч. Я-то думал, что нудная зубрежка была последним испытанием, а оказывается, второй сапог еще не прилетел. И что это за каменное испытание такое? Все это мне не нравилось.

— Возвращайся сюда после полуденной трапезы, — сказала Шехин. **Разрешение уйти.** — Ступай. Мне до тех пор многое нужно подготовить.

Я отправился разыскивать Пенте. Теперь, когда Вашет не было, она осталась единственной, кого я знал достаточно хорошо, чтобы расспросить о предстоящем испытании.

Но Пенте не было ни дома, ни в школе, ни в банях. Наконец я сдался, сделал растяжку и принялся повторять кетан, сначала с Цезурой, потом без. Потом пошел в бани и хорошенько отмылся после трех дней ничегонеделания.

Когда я вернулся после обеда, Шехин ждала меня со своим мечом, вырезанным из дерева. Взглянув на мои пустые руки, она сделала негодующий жест.

— А где же твой тренировочный меч?

— У меня в комнате, — сказал я. — Я же не знал, что он понадобится.

— Так сбегай за ним, — сказала она. — А потом жди меня у каменного холма.

— Шехин, — сказал я. **Настойчивая мольба.** — Я же не знаю, где это! Я вообще не знаю ничего о каменном испытании.

Удивление.

— Так Вашет тебе ничего не говорила?

Недоверие.

Я покачал головой. **Искреннее извинение.**

— Мы были слишком заняты другими вещами.

Раздражение.

— Все довольно просто, — объяснила она. — Ты прочтешь этас Цезере всем собравшимся. А потом начнешь подниматься на холм. У первого камня ты сразишься с членом школы, дошедшим до первого камня. Если ты победишь, ты продолжишь подниматься и сразишься с кем-нибудь из второго камня.

Шехин взглянула на меня.

— В твоём случае это чистая формальность. Иногда в школу поступают ученики выдающихся способностей. Вашет была одной из них, и она с первого же испытания дошла до второго камня. — **Грубая прямота.** — Ты не из таких. Ты все еще плохо владеешь кетаном, и тебе не стоит рассчитывать миновать даже первый камень. Каменный холм находится к востоку от бань.

И она махнула мне рукой: **бегом!**

* * *

К тому времени, как я пришел, у подножия каменного холма собралась целая толпа, больше ста человек. Серой домотканой одежды и тканей скромных цветов тут было куда больше, чем алых одежд наемников, и приглушенный ропот толпы слышался издали.

Сам холм не был ни особенно высоким, ни особенно крутым. Однако тропа, ведущая к вершине, петляла из стороны в сторону. На каждом повороте имелась широкая, ровная площадка с массивной серой каменной глыбой. Четыре поворота, четыре камня, четыре наемника в алых рубахах. И на вершине холма возвышался высокий серовик, знакомый, как старый друг. Рядом стояла маленькая фигурка в ослепительно-белых одеждах.

Когда я подошел ближе, ветер донес до меня запах: запах жареных каштанов. И только тогда я успокоился. Это просто торжественная церемония. В словах «каменное испытание» слышалось нечто угрожающее, но я очень сомневался, что со мной сделают нечто ужасное на глазах у многочисленной публики, лузгающей жареные орешки.

Я вошел в толпу и направился к холму. Я видел, что рядом с серовиком стоит Шехин. У третьего камня я увидел знакомое лицо сердечком и длинную косу Пенте.

Пока я шел к подножию холма, толпа незаметно расступалась. Краем

глаза я увидел, как ко мне протискивается кто-то в кроваво-алом. Я встревожился, оглянулся и увидел, что это не кто иной, как Темпи! Он устремился ко мне, сделав широкий жест «восторженное приветствие».

Я подавил порыв улыбнуться и вскричать «Темпи!» и сделал вместо этого жест «радостное возбуждение».

Он остановился прямо напротив меня и шутливо встряхнул меня за плечо, словно хотел поздравить. Но взгляд у него был напряженный. Его рука, спрятанная у самой груди, показала **обман**, так, чтобы никто, кроме меня, этого не видел.

— Слушай, — торопливо сказал он вполголоса, — тебе не победить в этом бою!

— Да не тревожься, — **подбадривание**. — Шехин тоже так думает, но, может, я вас еще удивлю!

Темпи стиснул мое плечо до боли.

— Да послушай же! — прошипел он. — Ты посмотри, кто у первого камня!

Я посмотрел ему за спину. Это была Карсерет. И глаза у нее были как ножи.

— Она в ярости, — зашептал Темпи, делая напоказ жест «теплая привязанность». — Мало того что тебя приняли в школу, ты еще и получил меч ее матери!

Эта новость вышибла из меня дух. В голове у меня пронеслась последняя часть этаса.

— Ларель была матерью Карсерет? — спросил я.

Темпи правой рукой ласково погладил меня по голове.

— Да. Она вне себя от гнева. Я боюсь, что она с радостью искалечит тебя, даже если ее за это выгонят из школы.

Я серьезно кивнул.

— Она будет стараться тебя обезоружить. Берегись этого. Избегай захватов. Если она возьмет тебя «спящим медведем» или «вращением рук», сдавайся. Кричи, если надо. Если ты замешкаешься или попытаешься вырваться, она сломает тебе руку или выдернет ее из плеча. Я слышал, как она сказала это своей сестре не далее как час назад.

Внезапно Темпи отступил назад и сделал жест «глубокое почтение».

Я почувствовал, как кто-то дотронулся до моей руки, обернулся и увидел морщинистое лицо Магуин.

— Идем, — сказала она тихо и властно. — Пора.

Я пошел следом за ней. Вся толпа приветствовала ее разными почтительными жестами. Магуин привела меня к началу тропы. Там

лежала серая каменная глыба, высотой чуть повыше колена, такая же, как на поворотах тропы.

Старуха показала, что мне следует встать на глыбу. Я окинул взглядом толпу адемов, и меня охватила небывалая боязнь сцены.

Я слегка наклонился и шепотом обратился к Магуин.

— Можно ли мне повысить голос, когда я буду читать этас? — нервно осведомился я. — Я никого не хочу задеть, но, если я буду говорить тихо, те, кто стоит в задних рядах, ничего не услышат.

Магуин улыбнулась мне — впервые за все время. Ее морщинистое лицо внезапно сделалось добрым и ласковым. Она похлопала меня по руке.

— Тут никто не обидится, если ты станешь говорить громко, — сказала она, жестом добавив **во всем нужна мера**. — Говори!

Я отстегнул Цезере и протянул его ей. Магуин жестом приказала мне подняться на камень.

Я читал этас. Магуин следила за мной. Я не сомневался в своей памяти, однако это все же нервировало. А что будет, если я пропущу кого-нибудь из владельцев или имя перепутаю?

Мне потребовалось немногим менее часа. Адемская публика слушала меня в пугающем молчании. Когда я закончил, Магуин подала мне руку и помогла спуститься с камня, точно я был дамой, выходящей из кареты. И указала вверх, на холм.

Я вытер потную руку, стиснул деревянную рукоять тренировочного меча и начал подниматься по тропе. Красные одежды Карсерет были туго примотаны к ее длинным рукам и широким плечам. Кожаные ремни, которыми она пользовалась, были шире и толще, чем у Темпи. И цвета они были более яркого. Нарочно она, что ли, их выкрасила для сегодняшнего дня? Подойдя ближе, я увидел у нее под глазом тускнеющий синяк.

Увидев, что я смотрю на нее, Карсерет медленным, плавным движением отбросила в сторону свой деревянный меч. И сделала жест «презрение», такой широкий, что его наверняка было видно даже на грошовых местах в самых задних рядах толпы.

Толпа загомонила. Я остановился, не зная, что делать. Поразмыслив, я положил свой собственный тренировочный меч рядом с тропой и пошел дальше.

Карсерет ждала меня в центре ровного, поросшего травой круга метров десяти в диаметре. Земля под ногами была мягкая, и в других обстоятельствах я не стал бы опасаться бросков. В других обстоятельствах. Вашет объясняла мне, что бросить на землю и швырнуть — это разные вещи. Во время культурного спарринга ты бросаешь человека на землю. А

в настоящем бою ты швыряешь его об землю, с целью искалечить или убить.

Не подходя слишком близко, я принял привычную борцовскую стойку. Вскинул руки, присогнул колени и с трудом подавил желание приподняться на цыпочках: я знал, что так буду чувствовать себя более проворным, но мне станет сложнее сохранять равновесие. Сделал глубокий вдох, выравнивая дыхание, и начал приближаться к ней.

Карсерет приняла ту же стойку и, как только я приблизился к ней на расстояние удара, сделала ложный выпад в мою сторону. Всего лишь слегка дернула рукой и плечом, но я был так взвинчен, что принял это за чистую монету и отскочил на безопасное расстояние, точно испуганный кролик.

Карсерет опустила руки и выпрямилась, оставив борцовскую стойку. Она сделала широкий жест «насмешка», потом «приглашение». И обеими руками поманила меня к себе. Снизу, из толпы, донеслись смешки.

Как ни унижительно выглядело ее поведение, я был только рад воспользоваться случаем застигнуть ее врасплох. Я бросился вперед и осторожно попытался сделать «руки-ножи». Слишком осторожно: она отступила назад, ей даже не пришлось поднимать руки.

Я понимал, что как боец я ей не ровня. Значит, оставалось надеяться лишь на то, чтобы сыграть на ее взбудораженных чувствах. Если я сумею ее разозлить, она, возможно, начнет совершать ошибки. Если она будет совершать ошибки, я, возможно, сумею победить.

— Первым был Шаэл! — сказал я и улыбнулся широкой, самой что ни на есть варварской улыбкой.

Карсерет подступила на полшага ближе.

— Сейчас я переломлю твои красивенькие ручонки! — прошипела она на чистейшем атуранском. Сказав это, она сделала в мою сторону свирепый хватающий жест.

Она пыталась меня напугать, заставить отшатнуться и потерять равновесие. И, честно говоря, мне захотелось так и поступить, столько яду было в ее голосе.

Но я был готов. Я преодолел рефлекторное желание уклониться. И при этом на миг застыл, не отступая и не наступая.

Разумеется, на это-то Карсерет и рассчитывала на самом деле: на мгновенное колебание, пока я борюсь с желанием сбежать. Она единственным легким шагом подступила ко мне вплотную и схватила меня за запястье. Рука у нее была как железный наручник.

Я, не задумываясь, применил оригинальную двуручную версию «уacroщения льва», что показала мне Целеана. Идеальный вариант для

девочки, борющейся со взрослым мужчиной или для музыканта, пытающегося вырваться из рук адемовской наемницы, которая намного сильнее его.

Я сумел освободить руку, а незнакомый прием заметно выбил Карсерет из колеи. Я воспользовался этим и проворно нанес удар «посевом ячменя», резко хлестнув костяшками пальцев по внутренней стороне бицепса.

Удар вышел не особенно сильный — дистанция была слишком короткой. Но, если бы мне удалось попасть в нерв, рука у нее бы онемела. Это не только ослабило бы ее левую сторону, но еще и усложнило бы выполнение всех элементов кетана, требующих двух рук. А это значительное преимущество.

Поскольку мы по-прежнему оставались на короткой дистанции, я сразу вслед за «посевом ячменя» выполнил «вращающийся жернов»: коротко и сильно толкнул Карсерет, чтобы она потеряла равновесие. Мне удалось упереться в Карсерет обеими руками и даже сдвинуть ее сантиметров на десять, однако равновесия она отнюдь не потеряла.

И тут я увидел ее взгляд. Я-то думал, она и прежде на меня злилась, но это все было ничто. А вот теперь я сумел по-настоящему ее ударить. И не один раз, но дважды. Варвар, приступивший к учебе меньше двух месяцев тому назад, дважды сумел ударить ее, да еще на глазах у всей школы!

Я просто не возьмусь описать, как она выглядела. А даже если бы и взялся, на вас это не произвело бы должного впечатления: ее лицо по-прежнему было почти совершенно бесстрастно. Вместо этого скажу вам одно. Я еще никогда в жизни не видел человека в подобном гневе. Амброз. Хемме. Денна, песню которой я раскритиковал, маэр, которому я бросил вызов. Все они были как бледные свечи по сравнению с пламенем кузнечного горна, что бушевало в глазах Карсерет.

Но даже в пылу самой буйной ярости Карсерет по-прежнему сохраняла полный контроль над собой. Она не стала бешено размахивать руками или орать на меня. Она держала все слова при себе, пережигая их, как топливо.

Я не мог победить в этом бою. Но мои руки, приученные сотнями часов тренировок, двигались автоматически, стремясь воспользоваться преимуществом, которое давала мне короткая дистанция. Я шагнул вперед и попытался схватить ее за руку, чтобы сделать «взметнувшийся гром». Она взмахнула руками, отбивая атаку, и ударила ногой, делая «лодочника у причала».

Думаю, она не рассчитывала попасть. Более опытный противник

непременно бы уклонился или заблокировал удар. Но я слегка оступился, потерял равновесие и замешкался. Поэтому ее стопа уперлась мне в живот и толкнула меня.

«Лодочник у причала» — это не резкий удар, рассчитанный на то, чтобы ломать кости. Это толчок, предназначенный для того, чтобы заставить противника потерять равновесие. А поскольку я уже и так потерял равновесие, меня он сбил с ног. Я с размаху рухнул на спину, откатился и остался лежать, неловко разбросав конечности.

Ну, и конечно, кто-то скажет, что я сильно ушибся и слишком растерялся, чтобы подняться на ноги и продолжать бой. А кто-то скажет, что хотя мое падение и выглядело зрелищно, однако ушибся я не так уж сильно и что мне случалось вставать на ноги и после более тяжелых ударов.

Лично я думаю, что грань между растерянностью и хитростью порой бывает довольно тонкой. Ну а насколько тонкой, я, пожалуй, предоставлю решать вам.

ГЛАВА 127

ГНЕВ

— Чем же ты думал? — осведомился Темпи. **Разочарование. Резкий упрек.** — Каким дураком надо быть, чтобы бросить меч?

— Она же первая его бросила! — возразил я.

— Да, только затем, чтобы тебя обдурить! — сказал Темпи. — Это была ловушка.

Я пристегивал ножны Цезуры так, чтобы рукоять оказалась у меня за плечом. После того как я проиграл бой, никаких особых церемоний не проводилось. Магуин просто вернула мне меч, улыбнулась и похлопала меня по руке, как бы утешая.

Я посмотрел вниз, на медленно рассасывающуюся толпу, и ответил Темпи **вежливым недоверием.**

— Что же, я должен был оставить при себе меч, когда она была безоружна?

— Да! — **полное согласие.** — Она же впятеро более сильный боец, чем ты! Если бы ты оставил меч, у тебя, может, и был бы шанс.

— Темпи прав, — раздался у меня за спиной голос Шехин. — Летани требует знать своего врага. Если уж бой неизбежен, разумный боец пользуется любым преимуществом.

Я обернулся и увидел, как она спускается по тропе. Рядом с ней шла Пенте.

Я сделал жест «вежливая уверенность».

— Если бы я оставил меч и победил, Карсерет оказалась бы в дураках, а ко мне люди стали бы испытывать неприязнь за то, что я получил ранг, которого не заслуживал. А если бы я оставил меч и проиграл, это было бы унижительно. Так или иначе, это отразилось бы на мне дурно.

Я обвел глазами Шехин и Темпи.

— Я прав или ошибаюсь?

— Ты не ошибаешься, — сказала Шехин. — Но и Темпи не ошибается.

— Всегда следует стремиться к победе, — сказал Темпи. **Твердо.**

Шехин обернулась к нему.

— Главное — успех, — сказала она. — Для того чтобы преуспеть, победа нужна не всегда.

Темпи жестом изъясил «почтительное несогласие» и открыл было рот,

чтобы что-то ответить, но Пенте перебила его:

— Квоут, ты не поранился во время падения?

— Не особенно, — сказал я, осторожно поведя плечами. — Так, наверно, несколько синяков.

— А у тебя есть, что к ним приложить?

Я покачал головой.

Пенте шагнула вперед и взяла меня под руку.

— У меня дома все есть. Пусть эти двое стоят и рассуждают о летани. Нужно же кому-то позаботиться о твоих ушибах!

Она держала меня под руку левой рукой, и оттого ее слова получились странно безэмоциональными.

— Да, конечно, — сказала Шехин, помедлив, и Темпи поспешно выразил **согласие**. Однако Пенте уже решительно вела меня вниз.

Мы прошли метров триста. Пенте легонько придерживала меня за руку.

Наконец она заговорила на атуранском, со свойственным ей слабым акцентом:

— Ты действительно так сильно ушибся, что тебе требуется мазь?

— Вообще-то нет, — признался я.

— Я так и думала, — сказала она. — Но после того, как я проиграла бой, мне обычно не нравится, когда мне объясняют, как именно я его проиграла.

И она улыбнулась мне чуть заметной, заговорщицкой улыбкой.

Я улыбнулся в ответ.

Мы шли дальше. Пенте все держала меня под руку, незаметно направляя нас — сначала через рощу, потом вверх по крутой тропе, высеченной в склоне небольшого утеса. И вот наконец мы пришли в уединенную лощину, выстеленную ковром цветущих в траве макоцветов. Их распушенные кроваво-алые лепестки были почти того же цвета, что наемничьи одежды Пенте.

— Вашет мне говорила, что у вас, варваров, с сексом связаны какие-то странные ритуалы, — сказала Пенте. — Она мне говорила, что, если я хочу с тобой переспать, надо тебя привести к каким-нибудь цветам.

Она широким жестом указала на лощину.

— Вот это лучшие, какие можно найти в эту пору.

И выжидательно посмотрела на меня.

— Ага, — сказал я. — Я думаю, Вашет решила подшутить над тобой. А может, надо мной.

Пенте нахмурилась, и я поспешно продолжил:

— Но у варваров действительно множество ритуалов, предшествующих сексу. У нас там все несколько сложнее.

Пенте ответила **угрюмым раздражением**.

— Меня это не удивляет, — сказала она. — Про варваров рассказывают много всякого. Отчасти ради наставления, чтобы я могла себя правильно вести там, у вас.

Однако, кривая усмешка.

— Но поскольку я там еще не бывала, иногда мне нарочно рассказывают небылицы, чтобы меня подразнить.

— И что же такого рассказывают? — спросил я, вспоминая все, что слышал об адемах и летани до того, как повстречался с Темпи.

Она пожала плечами, выразила **легкое смущение**.

— Да глупости всякие. Говорят, у варваров все мужчины громадные!

Она показала нечто намного выше себя, за два метра ростом.

— Наден рассказывал, что бывал в городе, где варвары варили похлебку из земли. Говорят, варвары никогда не моются. Говорят, варвары пьют свою собственную мочу, потому что верят, будто это позволит им прожить подольше.

Она потрясла головой, рассмеялась и сделала жест «смешно и ужасно».

— То есть вы, значит, мочи не пьете? — медленно переспросил я.

Пенте поперхнулась собственным смехом и уставилась на меня. Ее лицо и руки выражали сложную смесь извинений, смущения, отвращения и недоверия. Смещение эмоций было таким гротескным, что я невольно расхохотался. Она поняла, что я шучу, и заметно успокоилась.

— Да, понимаю, — сказал я. — У нас тоже рассказывают подобные истории об адемах.

Глаза у нее вспыхнули.

— Ой, расскажи! Я же тебе рассказала. Иначе нечестно!

Я вспомнил, как отреагировал Темпи, когда я рассказал ему про костер из слов и про летани, и решил поделиться чем-нибудь другим.

— Говорят, что те, кто облачается в алое, никогда не занимаются сексом. Говорят, вы сберегаете эти силы и влагаєте их в свой кетан. Потому-то вы и становитесь такими могучими бойцами.

Пенте хохотала до упаду.

— Ну, будь это так, я бы никогда не дошла до третьего камня! — сказала она. **Кривая усмешка.** — Если бы я сражалась только благодаря воздержанию, бывали бы дни, когда бы я и кулак стиснуть не сумела!

Когда я это услышал, пульс у меня несколько участился.

— Но тем не менее, — продолжала она, — я понимаю, откуда взялась эта байка. Они, верно, думают, что мы не занимаемся сексом, потому что никто из адемов не ляжет с варваром.

— А-а, — сказал я, несколько разочарованный. — Зачем же ты тогда привела меня к цветам?

— Но ты же теперь принадлежишь Адевре, — непринужденно ответила она. — Думаю, теперь с тобой многие захотят сблизиться. Ты хорош собой, и всякой любопытно, каков твой гнев.

Пенте помолчала и многозначительно взглянула вниз.

— Или ты чем болен?

Я залился краской.

— Что? Нет! Нет, конечно!

— Ты уверен?

— Да я в медике учился! — сказал я довольно натянуто. — Это величайшая медицинская школа в мире. Я знаю все о заразных болезнях, о том, как их распознать и как от них лечить.

Пенте смерила меня скептическим взглядом.

— Да я не про тебя лично. Но все же знают, что варвары очень часто цепляют всякую заразу во время секса.

Я покачал головой.

— Это просто очередные дурацкие басни. Уверяю тебя, варвары болеют не чаще адемов. На самом деле, думаю, что и реже.

Она покачала головой. Взгляд у нее был серьезный.

— Нет. Тут ты ошибаешься. Вот как ты думаешь: из сотни варваров сколько больны такими болезнями?

Эту статистику я отлично знал по медике.

— Из каждой сотни? Человек пять. Разумеется, среди тех, кто работает в борделях или посещает подобные заведения, больных больше.

На лице Пенте отразилось неприкрытое отвращение. Она содрогнулась.

— А из сотни адемов — ни одного! — твердо сказала она. **Абсолютно.**

— Да ладно тебе! — я поднял руку и сложил пальцы в кружок. — Ни одного?

— Ни одного! — повторила она с мрачной убежденностью. — Этим можно заразиться только от варвара, и всех, кто отправляется в странствия, об этом предупреждают.

— Ну а если ты заразишься от другого адема, который был недостаточно осторожен во время странствий? — спросил я.

Сердцевидное личико Пенте помрачнело, ноздри у нее раздулись.

— От одного из своих? — **Сильный гнев.** — Если я заражусь от кого-то из Адемре, я буду в ярости! Я стану вопить о том, что он сотворил, с вершины утеса! Я устрою ему такую мучительную жизнь, как сломанная кость!

Она изобразила **отвращение**, отряхнув подол рубахи первым движением из адемского языка жестов, которое я узнал от Темпи.

— А потом я отправлюсь в долгий путь за горы, в Таль, чтобы меня там вылечили. Даже если это путешествие займет целых два года и не принесет денег школе. И никто обо мне за это плохо не подумает.

Я кивнул про себя. Это было логично. При их отношении к сексу, если бы они вели себя иначе, болезнь стремительно передалась бы всему населению.

Я заметил, что Пенте смотрит на меня выжидающе.

— Спасибо за цветы, — сказал я.

Она кивнула и подступила ближе, глядя на меня. Глаза ее возбужденно светились. Она улыбнулась своей робкой улыбкой, потом стала снова серьезной.

— Ну что, довольно этого или ваши варварские ритуалы требуют чего-нибудь еще?

Я провел ладонью по гладкой коже ее шеи, зарылся пальцами в длинную косу, коснулся затылка. Она зажмурила глаза и запрокинула лицо мне навстречу.

— Цветы чудесные. Этого более чем достаточно, — сказал я и наклонился, чтобы поцеловать ее.

* * *

— Я была права, — сказала Пенте с удовлетворенным вздохом, лежа со мной обнаженной среди цветов. — У тебя прекрасный гнев.

Я лежал навзничь, ее маленькая фигурка свернулась калачиком под моей рукой, сердцевидное личико покоилось у меня на груди.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я. — По-моему, «гнев» неудачное слово.

— Я имею в виду «ваэвин», — ответила она адемским словом. — Разве это не оно?

— Я не знаю этого слова, — сознался я.

— По-моему, «гнев» — самое подходящее слово, — сказала она. — Я разговаривала с Вашет на вашем языке, и она меня не поправляла.

— Что же ты имеешь в виду, говоря о гневе? — спросил я. — Я точно никакого гнева не чувствую.

Пенте приподняла голову с моей груди и улыбнулась мне лениво и удовлетворенно.

— Ну конечно, — сказала она. — Я же твой гнев забрала. Как же ты можешь его чувствовать?

— А-а... То есть ты гневаешься? — спросил я, в полной уверенности, что чего-то не понимаю.

Пенте расхохоталась и замотала головой. Она расплела свою длинную косу, и ее медово-золотистые волосы ниспадали, обрамляя лицо. От этого она выглядела незнакомкой. Ну, и, наверно, еще оттого, что на ней не было красных наемничьих одежд.

— Да нет, это не такой гнев, другой! Я рада, что получила его.

— Все равно не понимаю, — сказал я. — Должно быть, это нечто, чего варвары не знают. Объясни мне это так, как если бы я был ребенком.

Она посмотрела на меня серьезным взглядом, потом перекаtilась на живот, чтобы удобнее было смотреть мне в лицо.

— Этот гнев — не чувство. Это...

Она запнулась и очень мило нахмурилась.

— Это желание. Созидание. Жажда жизни.

Пенте огляделась по сторонам и указала на траву вокруг нас.

— Гнев — это то, что заставляет траву прорываться сквозь землю навстречу солнцу, — сказала она. — Во всем живом есть гнев. Это пламя, которое внушает желание двигаться и расти, делать и созидать.

Она склонила голову набок.

— Это понятно?

— Кажется, да, — сказал я. — А женщины получают гнев от мужчин во время секса?

Она улыбнулась и кивнула.

— Вот почему после этого мужчина чувствует себя усталым. Он отдает часть себя. Он падает. Он засыпает.

Она посмотрела вниз.

— Ну, хотя бы часть его засыпает.

— Ненадолго, — заметил я.

— Это потому, что у тебя хороший гнев, сильный, — гордо сказала она. — Как я и говорила. Я это знаю, потому что забрала часть его. Я вижу, что там есть еще.

— Ну да, есть, — признал я. — Но для чего женщинам гнев?

— Мы его используем, — коротко ответила Пенте. — Вот почему

после этого женщина не всегда засыпает, как мужчина. Наоборот, она чувствует себя бодрее. Ей хочется двигаться. Часто ей хочется еще того, что дало ей гнев.

Она опустила голову к моей груди и игриво куснула меня, прижимаясь ко мне обнаженным телом.

Это отвлекало, но отвлекало приятно.

— То есть своего гнева у женщин нет?

Она снова расхохоталась.

— Да нет! Гнев есть во всем. Но женщинам есть куда девать свой гнев. А у мужчин гнева больше, чем они могут пустить в дело, так много, что им это не на пользу.

— Но как может быть слишком много желания жить, расти и творить? — спросил я. — Казалось бы, чем больше — тем лучше!

Пенте покачала головой, откинула волосы за спину.

— Нет. Это как еда. Один обед — хорошо. Два обеда ничем не лучше.

Она снова нахмурилась.

— Нет. Скорее, это как вино. Одна чаша вина — хорошо, две иногда еще лучше, но десять...

Она кивнула с серьезным видом.

— Да, это очень похоже на гнев. Если мужчина переполнен гневом, для него это все равно что отраву. Он хочет слишком много. Хочет всего сразу. Он делается странным и дурным на голову, он склонен к насилию.

Она кивнула про себя.

— Да. Я думаю, именно поэтому «гнев» — подходящее слово. Мужчину, который носит весь свой гнев в себе, видно сразу. Гнев скисает у него внутри. Он обращается против себя самого и подталкивает его скорее к разрушению, чем к созиданию.

— Да, я знаю подобных мужчин, — сказал я. — Но и женщин тоже.

— Гнев есть во всем, — повторила она, пожав плечами. — В камне его немного по сравнению с распускающимся деревом. С людьми то же самое. В некоторых больше, в некоторых меньше. Некоторые используют его с умом. Некоторые нет.

Она широко улыбнулась мне.

— Во мне его много, вот почему я так люблю секс и так неукротима в бою.

Она снова цапнула меня за грудь, уже не так игриво, и принялась подбираться к шее.

— Но если ты во время секса берешь гнев у мужчины, — сказал я, пытаюсь сосредоточиться, — не значит ли это, что чем больше ты

занимаешься сексом, тем больше тебе хочется?

— А это как вода, необходимая для того, чтобы запустить насос, — жаркодохнула она мне в ухо. — Ну, полно болтать: я заберу его весь, даже если у нас уйдет на это целый день и часть ночи!

* * *

В конце мы перебрались с той лужайки в бани, а оттуда в дом Пенте — две уютные комнатки, выстроенные вплотную к утесу. Взошедшая луна некоторое время наблюдала за нами в окно, хотя, думаю, ничего нового для себя она не увидела.

— Ну что, хватит с тебя? — задыхаясь, спросил я. Мы лежали рядом в ее роскошной, просторной кровати, наши вспотевшие тела мало-помалу обсыхали. — Если ты возьмешь у меня еще немного гнева, у меня его не останется даже на то, чтобы говорить и дышать!

Моя рука лежала на ее плоском животе. Кожа у Пенте была мягкая и нежная, но, когда она рассмеялась, я почувствовал, как под кожей напряглись мускулы, твердые, как стальные листы.

— Хватит пока что, — сказала она. В ее голосе отчетливо слышалось утомление. — Вашет огорчится, если я оставлю тебя пустым, как плод с выжатым соком.

Несмотря на долгий и трудный день, спать мне почему-то не хотелось, мысли были ясными и четкими. Мне вспомнилось то, что она говорила прежде.

— Ты упоминала, что женщинам есть куда девать свой гнев. А что может женщина сделать с гневом такого, что недоступно мужчине?

— Мы учим, — ответила она. — Мы даем имена. Мы следим за ходом дней и заботимся о том, чтобы все шло гладко. Мы сажаем растения. Мы делаем детей.

Она пожала плечами.

— Много всего!

— Но ведь и мужчина может делать все это, — возразил я.

Пенте хихикнула.

— Ошибаешься! — сказала она, поглаживая мой подбородок. — Мужчина растит только бороду. А дети — совсем другое дело, вы тут ни при чем.

— Ну, мы их не вынашиваем, — сказал я несколько обиженно. — Но все-таки и мы тоже участвуем в том, чтобы их делать!

Пенте взглянула на меня и улыбнулась, как будто я удачно пошутил. Потом ее улыбка исчезла, Пенте приподнялась на локте и пристально уставилась на меня.

— Ты что, серьезно?

Когда она увидела мое озадаченное лицо, глаза у нее расширились от изумления, и она села в кровати.

— Ой! — сказала она. — Так ты правда веришь в мужчин-матерей?

Она захихикала, зажимая себе рот обеими руками.

— А я-то не верила!

Она опустила левую руку, открыв возбужденную ухмылку, и сделала жест «изумленное восхищение».

Я чувствовал, что следует разозлиться, но никак не мог набраться сил для этого. Может быть, то, что она говорила насчет мужчин, отдающих свой гнев, отчасти было правдой.

— Что такое «мужчины-матери»? — спросил я.

— Ты правда не шутишь? — спросила она, все еще прикрываясь одной рукой. — Ты действительно веришь, будто мужчина помещает ребенка в женщину?

— Ну-у... да, — сказал я, испытывая некоторую неловкость. — Некоторым образом. Чтобы зачать ребенка, нужны мужчина и женщина. Мать и отец.

— У вас даже слово специальное есть! — восторженно воскликнула она. — Да, мне это тоже рассказывали. Вместе с байками про похлебку из грязи. Но я никогда не думала, что это правда!

Тут я тоже сел, начиная испытывать некоторую озабоченность.

— Но ведь ты же знаешь, откуда берутся дети, да? — спросил я, сделав жест «искренняя серьезность». — Собственно, именно от того, чем мы занимались большую часть дня, они и заводятся.

Она уставилась на меня в ошеломленном молчании, а потом разразилась неудержимым хохотом. Несколько раз она пыталась что-то сказать, но вновь захлебывалась смехом, едва взглянув на мою физиономию.

Пенте схватилась за живот и принялась тыкать его, изображая озадаченность.

— И где же мой ребенок, а? — она посмотрела на свой плоский живот. — Может, я как-то неправильно занималась сексом все эти годы?

Когда она смеялась, мышцы у нее на животе напрягались, образуя узор, похожий на черепаший панцирь.

— Если ты прав, у меня должно было родиться детей сто, не — меньше. А может, и пять сотен!

— Это случается не каждый раз, когда люди занимаются сексом, — сказал я. — Женщина созревает для того, чтобы зачать ребенка, только в определенное время.

— А ты уже это делал? — осведомилась она, глядя на меня с напускной серьезностью, хотя уголки ее губ расплывались в улыбке. — Ты уже зачинал ребенка с женщиной?

— Я старался, чтобы этого не случилось, — сказал я. — Есть такая травка, она зовется сильфиум. Я жую ее каждый день, и это не дает мне зачать ребенка.

Пенте покачала головой.

— Опять эти ваши варварские ритуалы, связанные с сексом! — сказала она. — А что, оттого, что водишь мужчину к цветам, в ваших краях тоже заводятся дети?

Я решил зайти с другой стороны.

— Но, если мужчины ни при чем, чем ты объяснишь, что младенцы похожи на своих отцов?

— Младенцы похожи на сердитых старичков, — сказала Пенте. — Все лысые и с такими... — она запнулась и коснулась своей щеки. — Со складками на лице. Может быть, детей делают только старые мужчины?

Она ухмыльнулась.

— Ну а как же кошки? — спросил я. — Вот ты видела когда-нибудь котят? Если белая кошка и черный кот занимаются сексом, котята получатся черные и белые. Или черно-белые.

— Всегда? — спросила она.

— Не всегда, — признал я. — Но в большинстве случаев.

— А если родится рыжий котенок? — спросила она.

И прежде чем я успел обдумать ответ, она отмахнулась.

— Котята тут ни при чем, — сказала она. — Мы же не животные. У нас не бывает гона. Мы не несем яиц. Мы не откладываем коконы, у нас нет ни плодов, ни семян. Мы не собаки, не лягушки и не деревья.

Пенте серьезно посмотрела на меня.

— Это все ложный ход мысли. С тем же успехом можно сказать, что два камня порождают ребенка, когда бьются друг о друга до тех пор, пока кусок не отколется. Вот и люди порождают детей подобным же образом.

Я начал злиться, но она была права. Я прибег к ложному аргументу аналогии. Это была плохая логика.

Наш разговор развивался в этом ключе еще некоторое время. Я спросил у нее, слышала ли она, чтобы женщина забеременела, не занимаясь перед этим сексом в течение нескольких месяцев. Она сказала,

что не знает ни одной женщины, которая бы по доброй воле три месяца обходилась без секса, за исключением тех, кто странствует среди варваров, или очень болен, или очень стар.

Наконец Пенте махнула мне, чтобы я замолчал, и жестом выразила изнеможение.

— Ну разве ты сам не слышишь своих оправданий? Дети заводятся от секса, но не всегда. Дети похожи на своих мужчин-матерей, но не всегда. Сексом нужно заниматься в определенное время, но не всегда. Есть растения, благодаря которым это становится более вероятным или менее вероятным.

Она покачала головой.

— Ты же должен понимать, что твои доводы дырявые, как сеть. Ты то и дело вплетаешь в них новые нити, надеясь, что так она будет лучше держать воду. Но оттого, что ты надеешься, оно правдой не станет.

Видя, что я нахмурился, она взяла меня за руку и сделала жест «утешение», как прежде в столовой. Теперь она уже не улыбалась.

— Я вижу, ты действительно так думаешь. Я могу понять, отчего варварским мужчинам хочется в это верить. Для вас было бы утешением думать, будто вы настолько важны. Но это просто неправда, вот и все.

Пенте смотрела на меня с выражением, похожим на жалость.

— Иногда женщина созревает. Это естественный процесс, мужчины тут ни при чем. Вот почему большинство женщин созревает по осени, как плоды. Вот почему большинство женщин созревает тут, в Хаэрте, — тут лучше рожать детей.

Я попытался придумать еще какой-нибудь убедительный аргумент, но в голову ничего не приходило. Я чувствовал себя беспомощным.

Видя мое лицо, Пенте стиснула мою руку и сделала жест «уступка».

— Ну, может быть, у варварских женщин все иначе, — сказала она.

— Да ты это просто так говоришь, чтобы меня утешить, — угрюмо сказал я и невольно широко зевнул.

— Ну да, — призналась она. Потом ласково поцеловала меня и надела мне на плечи, укладывая на кровать.

Я лег, она снова угнездилась у меня на руке и положила голову мне на плечо.

— Трудно, наверное, быть мужчиной, — тихо сказала она. — Женщина-то знает, что она — часть мира. Мы полны жизни. Женщина — и цветок, и плод. Мы движемся сквозь время, как часть наших детей. А мужчина...

Она повернула голову и взглянула на меня снизу вверх, нежно и

жалостливо.

— Вы — бесплодная ветвь. И вы знаете, что, когда вы умрете, ничего важного после вас не останется.

Пенте любовно погладила меня по груди.

— Наверно, потому-то в вас так много гнева. Может, его в вас и не больше, чем в женщинах. Может быть, он просто ищет выход. Может быть, он стремится оставить по себе след. Он ломится в мир. Толкает вас на необдуманные поступки. Заставляет ссориться. Злиться. Вы рисуете, строите, сражаетесь, сочиняете истории, которые больше истины...

Она удовлетворенно вздохнула и опустила голову мне на плечо, удобно устроившись на сгибе моей руки.

— Мне неприятно тебе это говорить. Ты хороший мужчина и к тому же красивый. Но все равно всего лишь мужчина. Тебе нечего дать миру, кроме своего гнева.

ГЛАВА 128

СЕКРЕТЫ И ТАЙНЫ

В тот день мне предстояло остаться либо уйти. Я сидел с Вашет на зеленом холме и смотрел, как солнце встает в облаках на востоке.

— Цезере означает «лететь», «ловить», «ломать», — негромко говорила Вашет, повторяясь уже в сотый раз. — Ты должен помнить все руки, которые его держали. Множество рук, и все они следовали летани. Никогда не используй его не так, как должно.

— Хорошо, не буду, — в сотый раз пообещал я. Потом, поколебавшись, спросил о том, что меня волновало: — Слушай, Вашет, но ведь ты использовала свой меч, чтобы обстругать ивовый прут, которым ты меня била. Я видел, как ты подпирала им окно, чтобы не закрывалось. Ты подравниваешь им ногти.

Вашет непонимающе посмотрела на меня.

— И что?

— Разве так должно? — спросил я.

Она склонила голову набок, потом рассмеялась.

— А, ты имеешь в виду, что мне следует им пользоваться только в бою?

Я жестом ответил — «это же очевидно».

— Меч острый, — сказала она. — Это оружие. Инструмент. Он всегда при мне. Почему мне не должно его использовать?

— Ну... неуважительно как-то, — объяснил я.

— Уважение к вещи проявляется в том, что ты используешь ее с толком, — сказала Вашет. — Может быть, пройдет еще много лет, прежде чем я вернусь в варварские земли и буду сражаться. Что же плохого в том, что мой меч пока будет рубить щепу на растопку и морковку на суп?

Взгляд у нее сделался серьезным.

— Всю жизнь носить при себе меч, зная, что это только для убийства...

Она потрясла головой.

— Как же это должно влиять на душу человека? Должно быть, это ужасно!

Вашет вернулась в Хаэрт накануне вечером и очень расстроилась, что пропустила мое каменное испытание. Она сказала, я правильно сделал, что

оставил меч, когда Карсерет бросила свой, и что она мною гордится.

Вчера Шехин официально пригласила меня остаться в школе и продолжать обучение. Теоретически я уже и так заслужил это право, но все понимали, что это не более чем политический ход. Ее предложение было весьма лестным, и я понимал, что, по всей вероятности, подобной возможности мне никогда не представится.

Мы смотрели, как мальчик гонит стадо коз по склону горы.

— Вашет, а правда, что у адемов не существует понятия отцовства?

Вашет спокойно кивнула, потом спохватилась.

— Только не говори, что ты с кем-то это обсуждал в мое отсутствие! Это поставит в неловкое положение нас обоих.

— Только с Пенте, — сказал я. — Она уверяет, что не слышала ничего смешнее за последние десять месяцев.

— Это и впрямь довольно забавно, — сказала Вашет, и уголки ее рта чуть заметно шевельнулись.

— Так это правда? — спросил я. — И даже ты в это веришь? Ведь ты же...

Вашет вскинула руку, и я умолк.

— Тише, тише, — сказала она. — Насчет своих мужчин-матерей можешь думать что хочешь. Мне все равно.

И она мягко улыбнулась, вспоминая.

— Вот мой поэт-король вообще верил, будто женщина — не более чем почва, в которую мужчина сажает младенца.

Вашет насмешливо фыркнула или, кажется, засмеялась, — было непонятно.

— Он был так уверен, что прав! И ничто было не способно заставить его усомниться. Я уже много лет назад решила, что спорить о таких вещах с варварами — пустая и утомительная трата времени.

Она пожала плечами.

— Можешь думать что хочешь про рождение детей. Можешь верить в демонов. Можешь молиться козлу. Пока меня это не трогает, чего мне волноваться-то?

Я некоторое время обдумывал эту мысль.

— По-своему это мудро, — сказал я.

Она кивнула.

— Но мужчина либо участвует в зачатии ребенка, либо нет, — заметил я. — Мнений на этот счет может быть несколько, но истина-то только одна.

Вашет лениво улыбнулась.

— И если бы меня интересовала истина, меня бы это беспокоило.

Она широко зевнула и потянулась, как довольная кошка.

— Я же предпочту сосредоточиться на радости своего сердца, на процветании школы и на понимании летани. А уж тогда, если у меня останется свободное время, я, так и быть, посвящу его поискам истины.

Мы еще некоторое время в молчании созерцали восход. Мне подумалось, что, когда Вашет не пытается вбить мне в голову кетан и адемский язык, чем быстрее, тем лучше, — она совсем другой человек.

— При всем при том, — добавила Вашет, — если тебе так уж дороги ваши варварские поверья насчет мужского материнства, тебе бы об этом помалкивать. В лучшем случае тебя подымут на смех. А большинство просто сочтет, что ты идиот, раз упорствуешь в подобных заблуждениях.

Я кивнул. Некоторое время спустя я решил наконец задать вопрос, который вынашивал уже несколько дней:

— Магуин назвала меня «Маэдре». Что это значит?

— Это твое имя, — сказала она. — Никому его не называй.

— Оно тайное? — спросил я.

Она кивнула.

— Это то, что должно оставаться известным только тебе, твоим учителям и Магуин. Если его узнают другие, это опасно.

— Чем это опасно?

Вашет посмотрела на меня как на полоумного.

— Если знаешь имя, значит, имеешь власть. Не знаешь, что ли?

— Но ведь я же знаю твое имя, имя Шехин, имя Темпи. Что тут опасного?

Она махнула рукой.

— Да нет, не эти имена. Сокровенные имена. «Темпи» — не то имя, что дала ему Магуин. Так же, как и твое имя — не «Квоут». Сокровенные имена имеют смысл.

Я уже знал, что значит имя «Вашет».

— А что значит имя «Темпи»?

— «Темпи» значит «Железка». «Темпа» — это железо, и это означает «ковать железо» и «гневный». Это имя дала ему Шехин много лет назад. Очень беспокойный был ученик.

— По-атурански «температура» означает «жар», — заметил я, обрадовавшись совпадению. — А в жару калят железо, чтобы превратить его в сталь!

Вашет пожала плечами — на нее это особого впечатления не произвело.

— Ну да, с именами такое бывает. Темпи — малое имя, и то в нем

содержится довольно много. Вот почему тебе не следует говорить о своем имени, даже со мной.

— Но я же недостаточно знаю ваш язык, чтобы понять, что оно означает! — возразил я. — Должен же человек знать, что значит его имя!

Вашет поколебалась, потом сдалась:

— Оно означает «пламя», «гром» и «сломанное дерево».

Поразмыслив, я решил, что мне это нравится.

— А когда Магуин мне его дала, ты, кажется, была удивлена. Почему?

— Высказывать свое мнение по поводу чужого имени неприлично.

Решительный отказ. Ее жест был таким резким, что смотреть было больно. Она поднялась на ноги и отряхнула руки о штаны.

— Идем, тебе пора дать ответ Шехин.

* * *

Когда мы вошли в комнату Шехин, она жестом пригласила нас сесть. Потом села сама, удивив меня тем, что чуть-чуть улыбнулась. Этот дружеский жест польстил мне чрезвычайно.

— Ну что, решил? — спросила она.

Я кивнул.

— Благодарю, Шехин, но я не могу остаться. Мне нужно вернуться в Северен и поговорить с маэром. Темпи выполнил свои обязательства, когда дорога стала безопасна, но я обязан вернуться и объяснить, что произошло.

Я думал еще и о Денне, но о ней я упоминать не стал.

Шехин сделала изящный жест, сочетающий **одобрение** и **сожаление**.

— Выполнять свой долг соответствует летани.

Она серьезно взглянула на меня.

— Помни, у тебя есть меч и имя, но ты не можешь наниматься на службу, как если бы облачился в алое.

— Вашет мне все объяснила, — сказал я. **Уверение.** — Я позабочусь о том, чтобы мой меч вернули в Хаэрт, если меня убьют. Я не стану обучать кетану и носить алое. — **Сдержанное внимательное любопытство.** — Но дозволено ли мне говорить людям, что я учился сражаться у вас?

Ограниченное согласие.

— Можешь говорить, что учился у нас. Но не что ты один из нас.

— Разумеется! — сказал я. — И не что я равен вам.

Шехин ответила **радостным удовлетворением**. Потом сделала другой жест, чуть заметное **смущенное признание**.

— Это не то чтобы дар, — сказала она. — Ты будешь лучшим бойцом, чем большинство варваров. Если ты станешь сражаться и побеждать, варвары станут думать: «Квоут лишь немного поучился искусству адемов и все равно сделался так грозен! На что же способны они сами?»

Однако.

— А если ты сразишься и потерпишь поражение, они станут думать: «Он ведь изучил лишь часть того, что известно адемам!»

Глаза старухи чуть заметно сверкнули, и она продемонстрировала **усмешку**.

— Так или иначе, нашей репутации это пойдет на пользу. Так ты послужишь Адевре.

Я кивнул. **Готовность и принятие.**

— Моей репутации это тоже не повредит, — сказал я. **Преуменьшение.**

Разговор ненадолго прервался, потом Шехин сделала жест «торжественно и важно».

— Как-то раз, когда мы с тобой говорили, ты спрашивал меня о ринтах. Помнишь? — сказала Шехин. Я краем глаза увидел, как Вашет неловко заерзала в своем кресле.

Я с воодушевлением кивнул.

— Я вспомнила одну историю о них. Хочешь ли ты ее услышать?

Я ответил **самым горячим интересом**.

— Это история древняя, древняя, как само Адевре. Ее всегда пересказывали слово в слово. Готов ли ты ее выслушать?

Чрезвычайно официально. Судя по ее тону, это была часть некоего ритуала.

Я снова кивнул. **Искренняя мольба.**

— Здесь, как и во всем, есть свои правила. Я расскажу эту историю только один раз. После этого тебе нельзя будет о ней говорить. После этого тебе нельзя будет задавать вопросы.

Шехин обвела взглядом нас с Вашет. **Глубокая серьезность.**

— Об этом можно будет говорить не ранее, чем ты проспишь тысячу ночей. Вопросы можно будет задавать не ранее, чем пройдя тысячу километров. Теперь, когда ты знаешь все это, желаешь ли ты услышать ее?

Я кивнул в третий раз, испытывая нарастающее возбуждение.

Шехин заговорила чрезвычайно торжественно:

— Было некогда великое царство, населенное великим народом. То было не Адевре. Они были тем, чем было Адевре до того, как мы стали самими собой.

В те же времена они были самими собой, прекрасными и могучими женами и мужами. Они пели песни силы и сражались не хуже Адевре.

Было у них великое государство. Имя того государства ныне забыто. Оно и не имеет значения, ибо государство то пало, и с тех пор земля раскололась и небеса изменились.

В государстве том было семь городов и один. Имена семи городов забыты, ибо их постигло предательство и время уничтожило их. И один город тоже был уничтожен, но имя его сохранилось. Он звался Тариниэль.

У государства был враг — у любой силы есть враги. Однако враг был не настолько могуч, чтобы его повергнуть. И сколько враг ни дергал, ни тянул, государство стояло прочно. Имя врага известно, но оно подождет.

Поскольку враг не мог одолеть государство силой, он копошился, точно червь в яблоке. Враг противоречил летани. Он отравил еще семерых, настроил их против государства, и они забыли летани. Шестеро из них предали города, что им доверились. Шесть городов пали, и имена их забыты.

Один же вспомнил летани и не предал города. Тот город не пал. Один из них вспомнил летани, и у государства осталась надежда. На один непадший город. Но даже самое имя того города забыто, погребено во времени.

Семь же имен известны. Имя одного и шестерых, что следуют за ним. Семь имен пережили падение государства, и расколовшуюся землю, и изменившиеся небеса. Семь имен сохранились в долгих странствиях Адевре. Семь имен известны, имена семерых предателей. Помни их и знай по их семи знакам:

Цифус синим пламя творит,
Стеркус в рабстве у железа.
Ферул хладен и глазом черен,
Уснеа всюду несет разложение.
Даценти в сером вечно молчит.
Бледная Алента порчу приносит.
И последний, семи владыка:
Жуткий. Мрачный. Бессонный. Трезвый.
Алаксель носит иго тьмы.

ГЛАВА 129

ИНТЕРЛЮДИЯ

РАСКАТЫ ШЕПОТА

— Реши! Нет! — вскрикнул Баст. Лицо у него было ошеломленным. — Прекрати!

Он вскинул руки, словно желая зажать трактирщику рот.

— Не говори таких вещей!

Квоут безрадостно улыбнулся.

— Скажи, Баст, кто вообще научил тебя науке об именах?

Баст покачал головой.

— Не ты, Реши. Есть вещи, которые в Фейе знает любое дитя. И о них не стоит говорить вслух. Никогда.

— И почему же? — осведомился Квоут самым что ни на есть менторским тоном.

— Потому что есть в мире такое, что знает, когда его называют по имени! — Баст сглотнул. — И может определить, где именно о нем говорят.

Квоут тяжело вздохнул.

— От того, чтобы один раз произнести имя вслух, особого вреда не будет, Баст.

Он откинулся на спинку стула.

— Как ты думаешь, откуда у адемов взялись традиции, связанные именно с этой историей? Рассказать только раз и не задавать никаких вопросов?

Баст задумчиво опустил глаза. Квоут улыбнулся натянутой улыбкой.

— Именно! Пытаться отыскать того, кто один раз назвал твое имя, — все равно что выследить человека в лесу по одному-единственному отпечатку ноги.

Хронист спросил осторожно, словно не хотел перебивать:

— А что, неужели такое действительно возможно? На самом деле?

Квоут угрюмо кивнул.

— Думаю, именно так они и отыскивали мою труппу, когда я был мальчишкой.

Хронист нервно огляделся по сторонам, потом нахмурился и явно сделал над собой усилие, чтобы перестать озираться. В результате он замер на стуле, выглядя ничуть не менее нервным, чем прежде.

— Это что же, значит, они и сюда явиться могут? Ты уж точно немало о них говорил...

Квоут только рукой махнул.

— Да нет. Тут главное — имена. Истинные имена. Сокровенные. А их я избегал именно по этой причине. Мой отец очень заботился о подробностях. Он годами расспрашивал и раскапывал старые истории про чандриан. Подозреваю, он наткнулся на некоторые из их древних имен и вплел их в свою песню...

Хронист, казалось, понял разницу.

— И репетировал ее снова и снова.

Трактирщик задумчиво улыбнулся.

— Не переставая, если я хоть чуть-чуть его знал. Не сомневаюсь, что они с моей матерью делали все, чтобы в песне не осталось ни единой занозы, прежде чем они споют ее на публике. Они были перфекционисты.

Он устало вздохнул.

— Должно быть, для чандриан это было все равно как если бы кто-то то и дело мигал им маячком. Думаю, единственное, что спасало моих родителей так долго, — это то, что мы постоянно находились в пути.

Баст вмешался снова:

— Вот почему не следует говорить таких вещей, Реши!

Квоут нахмурился.

— Баст, я с тех пор уже проспал тысячу ночей и отмерил не одну тысячу километров. Один раз произнести их можно. В наши дни, когда сам ад вырвался на волю, люди куда чаще вспоминают древние предания, уж поверь мне. И если чандрианы прислушиваются к своим именам, не сомневаюсь, они слышат раскаты шепота от Аруэха до Окружного моря.

Судя по лицу Баста, его это не особо успокоило.

— А кроме того, — сказал Квоут, устало вздохнув, — хорошо, если они будут записаны. Может, кому-нибудь со временем и пригодится.

— И все-таки, Реши, ты бы поосторожней...

— Я все последние годы только и делал, что осторожничал, Баст! — воскликнул Квоут. Его раздражение наконец прорвалось наружу. — И что, сильно мне это помогло? К тому же если то, что ты говорил про Ктаэха, правда, значит, все кончится слезами, что бы я ни делал. Так это или нет?

Баст открыл рот, потом закрыл его, явно не зная, что сказать. Потом бросил взгляд в сторону Хрониста, умоляя о поддержке.

Заметив это, Квоут тоже обернулся и посмотрел на Хрониста, с любопытством приподняв бровь.

— Я лично понятия не имею, — сказал Хронист, опустил глаза,

открыл свой портфель и достал испачканную чернилами тряпочку. — Вы оба видели вершину моих талантов именователя: «Железо». А это провал, как ни посмотри. Магистр имен объявил, что обучать меня — только впустую тратить время.

— Звучит знакомо, — пробормотал Квоут.

Хронист пожал плечами.

— Ну, лично я поверил ему на слово.

— А чем он это мотивировал, не припомнишь?

— У него было много конкретных претензий: я знаю слишком много слов. Я никогда не был голоден. Я чересчур мягок...

Руки Хрониста деловито оттирали кончик пера.

— Я счел, что он ясно сформулировал свою позицию, когда сказал: «Кто бы мог подумать, что в таком хилом книжном черве-хранисте, как вы, имеется железо?»

Квоут сочувственно усмехнулся.

— Что, так и сказал?

Хронист пожал плечами.

— Вообще-то он назвал меня говнюком. Я просто не хотел оскорблять слух нашего юного друга, — он кивнул на Баста. — Судя по всему, у него выдался нелегкий день.

Теперь Квоут улыбался во весь рот.

— Жалко все-таки, что мы учились в Университете в разное время!

Хронист еще разок протер перо мягкой тряпочкой и принялся разглядывать его в тускнеющем свете из трактирного окна.

— На самом деле нет, — сказал он. — Я бы вам не понравился. Я и в самом деле был хилым говнюком. При этом избалованным. И самодовольным.

— А что, с тех пор что-то изменилось? — спросил Квоут.

Хронист пренебрежительно фыркнул носом.

— Не особенно. Смотря кого спросить. Но хотелось бы думать, что глаза у меня чуточку раскрылись.

Он аккуратно вставил перо обратно в ручку.

— И как же именно это вышло? — спросил Квоут.

Хронист посмотрел через стол, похоже удивившись вопросу.

— Как именно? — переспросил он. — Вообще-то я тут не затем, чтобы рассказывать историю.

Он убрал тряпочку обратно в портфель.

— Короче, я разобиделся и оставил Университет в поисках более тучных пастбищ. И это было лучшее, что я сделал в своей жизни. За месяц

в дороге я узнал больше, чем за три года в аудиториях.

Квоут кивнул.

— Вот и Теккам тоже сказал: «Не стоит называть отважным того, кто ни разу не прошел сотни километров. Если хочешь постичь, кто ты на самом деле, ступай и иди, пока вокруг не останется тех, кто знает тебя по имени. Путешествие — великий уравниватель, великий учитель, горький, как лекарство, и твердый как зеркало. Долгий путь позволит тебе узнать о себе больше, чем сотня лет спокойного созерцания».

ГЛАВА 130

ВИНО И ВОДА

На то, чтобы проститься со всеми в Хаэрте, ушел целый день. Я пообедал с Вашет и Темпи и позволил им надавать мне куда больше советов, чем мне было нужно или хотелось. Целеана немного поплакала и сказала, что навестит меня, когда наконец облачится в алое. Мы устроили еще один, последний спарринг — и, подозреваю, она нарочно дала мне выиграть.

И, наконец, я провел с Пенте приятный вечер, который превратился в приятную ночь, которая затянулась далеко за полночь. Однако в предрассветных сумерках мне все же удалось урвать несколько часов сна.

Я вырос среди руэ и оттого не устаю удивляться, как стремительно человек ухитряется пустить корни. Я провел в Хаэрте меньше двух месяцев, а расставаться все равно было тяжело.

И все же я был рад снова оказаться в дороге, на пути к Алверону и Денне. Пришла пора получить награду за хорошо выполненную работу и принести искренние, хотя и запоздалые извинения.

* * *

Пять дней спустя я шагал по одному из тех длинных безлюдных участков дороги, которые можно найти только в предгорьях восточного Винтаса. Я находился, как говаривал мой отец, на краю географии.

За весь день я встретил всего одного или двух путников и ни единого трактира. Мысль о том, чтобы заночевать под открытым небом, меня особо не тревожила, однако я уже пару дней питался тем, что было у меня в карманах, и горячий ужин мне бы не помешал.

Уже почти стемнело, и я перестал уже надеяться набить живот чем-нибудь существенным, как вдруг заметил впереди струйку белого дыма, тянущуюся в сумеречное небо. Поначалу я решил, что это хутор. Потом до меня донеслась еле слышная музыка, и надежды на постель и ужин только с огня у меня сразу прибавилось.

Однако за поворотом дороги меня ждал сюрприз куда лучше любого придорожного трактира. Сквозь деревья я увидел полыхающий костер

между двумя мучительно знакомыми фургонами. Вокруг костра, удобно устроившись, сидели и болтали люди. Один бренчал на лютне, другой рассеянно постукивал о колено небольшим тамбуринчиком. Другие натягивали между двух деревьев палатку, женщина постарше раскладывала над огнем треногу.

Бродячие артисты! Более того: я заметил на стенке одного из фургонов знакомые знаки. Для меня они сияли ярче огня. Это означало, что они — настоящие артисты. Мои родичи, эдема руэ.

Когда я выступил из-за деревьев, один из мужчин поднял тревогу, и на меня наставили сразу три меча. Внезапная тишина, которой сменились музыка и болтовня, была изрядно пугающей.

Красивый чернобородый мужчина с серебряной серьгой в ухе медленно шагнул вперед, не отводя от моих глаз острия своего меча.

— Отто! — рявкнул он в сторону леса за моей спиной. — Если ты там дрыхнешь, я тебе кишки выпущу, клянусь молоком моей матушки! Кто ты такой, черт побери?

Последнее было адресовано мне. Но не успел я ответить, как из леса откликнулись:

— Да тут я, Аллег, как ты и... А это кто такой? Во имя Господне, как он пробрался мимо?

Когда на меня направили мечи, я поднял руки. Хорошая привычка делать так, когда на тебя направляют что-то острое. Тем не менее я улыбнулся, когда сказал:

— Извини, что потревожил, Аллег.

— Не трудись извиняться, — холодно ответил он. — У тебя остался один выдох на то, чтобы объяснить, почему ты шастаешь вокруг нашего лагеря.

Говорить было незачем: я вместо этого развернулся так, чтобы все сидящие у костра могли видеть у меня за спиной футляр с лютней.

Отношение Аллега тут же изменилось. Он успокоился, спрятал меч. Прочие последовали его примеру. Он улыбнулся и со смехом подошел ко мне.

Я тоже рассмеялся.

— Одна семья!

— Одна семья!

Он пожал мне руку, повернулся к костру и крикнул:

— Эй, ведите себя прилично! У нас нынче гости!

Раздался негромкий хор приветствий, и все вернулись к своим занятиям, прерванным моим появлением.

Из-за деревьев появился плотный мужик с мечом.

— Аллег, пропади я пропадом, если он прошел мимо меня! Он небось из...

— Он из наших, — аккуратно перебил Аллег.

— А-а! — ответил Отто, явно застигнутый врасплох. Он взглянул на мою лютню. — Ну, тогда добро пожаловать!

— На самом деле я не прошел мимо тебя, — соврал я. В темноте я был почти невидим в своем шаэде. Но это была не его вина, и я не хотел, чтобы у него были из-за меня неприятности. — Я просто услышал музыку и зашел кругом. Я принял вас за другую труппу и хотел застать их врасплох.

Отто многозначительно глянул на Аллега, повернулся и потопал обратно в лес.

Аллег обнял меня за плечи.

— Могу я предложить тебе выпить?

— Водички, если найдется...

— У нашего костра гостей водой не поят! — запротестовал он. — Твоих губ коснется только наше лучшее вино!

— Вода эдема руэ слаще вина для тех, кто был долго в пути! — улыбнулся я.

— Что ж, тогда ты получишь и воды, и вина, чего захочешь.

Он провел меня к одному из фургонов, где стоял бочонок с водой.

Следуя традиции, более древней, чем само время, я осушил ковш воды, а вторым ковшом умыл руки и лицо. Утершись рукавом рубашки, я с улыбкой посмотрел на него.

— Приятно вернуться домой!

Он хлопнул меня по спине.

— Идем! Давай я познакомлю тебя с другими родичами.

Первыми были двое мужчин лет двадцати, оба заросшие лохматыми бородами.

— Френ и Джош — наши лучшие певцы. Ну, не считая меня, конечно!

Я пожал им руки.

Следом он подвел меня к тем двоим, что играли у костра.

— Гаскин играет на лютне, Ларен — на свирели и тамбурине.

Они улыбнулись мне. Ларен стукнул большим пальцем по тамбурину, и тот отозвался мягким «бум-м!».

— Это Тим, — Аллег указал на другую сторону костра, где сидел высокий угрюмый мужчина, смазывавший меч. — С Отто ты уже знаком. Они берегут нас от опасностей в пути.

Тим ненадолго приподнял голову и кивнул.

— Это Анна, — Аллег махнул рукой в сторону немолодой женщины с изможденным лицом и седыми волосами, собранными в пучок. — Она нас кормит-поит и вообще всем нам вместо матери.

Анна продолжала резать морковку, не обращая на нас внимания.

— И отнюдь не последняя — милая наша Кита, владеющая ключом от всех наших сердец!

У Киты был жесткий взгляд и губы, сжатые в ниточку, однако, когда я поцеловал ей руку, ее лицо немного смягчилось.

— Вот и все! — Аллег улыбнулся и отвесил легкий поклон. — А тебя как звать?

— Квоут.

— Добро пожаловать, Квоут! Отдыхай, будь как дома. Можем ли мы что-нибудь для тебя сделать?

— Может, нальете вина, о котором ты говорил прежде? — улыбнулся я.

Он хлопнул себя по лбу.

— Ну конечно! Или тебе лучше эля?

Я кивнул, и он принес мне кружку эля.

— Отличный эль! — сказал я, пригубив его, и уселся на ближайший удобный пенёк.

Аллег приподнял воображаемую шляпу.

— Спасибо! Нам повезло его стырить пару дней назад, когда мы проезжали через Левиншир. Как обходилась с тобой дорога в последнее время?

Я потянулся и вздохнул.

— Недурно для одинокого менестреля.

Я пожал плечами.

— Я пользуюсь любым удобным случаем. Одиночке приходится быть осторожным.

Аллег кивнул с понимающим видом.

— Чем нас больше, тем безопаснее! — согласился он, потом кивнул на мою лютню: — Сделай милость, сыграй что-нибудь, пока Анна готовит нам ужин!

— Да пожалуйста! — сказал я, ставя кружку на землю. — А что вам сыграть?

— «Беги из города, лудильщик» знаешь?

— Эту-то? Скажешь тоже!

Я достал из футляра лютню и заиграл. К тому времени, как я дошел до припева, все присутствующие бросили свои дела и стали слушать. Даже

Отто показался из-за деревьев: он бросил свой пост и подошел поближе к костру.

Когда я закончил играть, все разразились восторженными аплодисментами.

— Вижу, умеешь! — рассмеялся Аллег. Потом он призадумался и потер губы пальцем. — А не хочешь ли ты ненадолго присоединиться к нам? — спросил он, поразмыслив. — Еще один музыкант нам бы не помешал!

Я призадумался.

— А вы куда движетесь?

— На восток.

— Мне в Северен надо, — сказал я.

Аллег пожал плечами.

— Можем и в Северен, — сказал он. — Если ты не против дать крюка.

— Я так давно не был среди своих... — признался я, окинув взглядом привычные фигуры вокруг костра.

— Один — нехорошее число для эдема руэ, когда ты в дороге, — многозначительно сказал Аллег, поглаживая черную бороду.

Я вздохнул.

— Спроси меня об этом еще раз, утром.

Он хлопнул меня по колену и ухмыльнулся.

— Хорошо! Значит, у нас есть целая ночь, чтобы тебя убедить!

Я убрал лютню и удалился, сославшись на зов природы. Вернувшись, я опустился на колени рядом с Анной, сидевшей возле костра.

— Что вы нам готовите, матушка?

— Похлебку, — отрывисто бросила она.

Я улыбнулся.

— А с чем?

Анна сощурилась.

— С бараниной! — сказала она, как бы говоря: только попробуй возразить!

— Ох, давненько я баранины не ел, матушка! Можно попробовать?

— Обождешь, как и все прочие, — отрезала она.

— Ну, чуть-чуть-то можно? — взмолился я, одарив ее самой своей обаятельной улыбкой.

Старуха набрала было воздуха, потом с шумом выдохнула.

— Ладно, — буркнула она. — Но смотри, если живот скрутит, я буду не виновата!

Я рассмеялся.

— Да, матушка, вы будете не виноваты.

Я потянулся за длинным деревянным половником, зачерпнул, подул, попробовал.

— Ох, матушка! — воскликнул я. — Я целый год ничего вкуснее не пробовал!

— Хм, — сказала она, с подозрением вглядываясь в меня.

— Честное слово, матушка! — искренне сказал я. — Как по мне, тот, кому не понравится эта чудная похлебка, он и не руэ вовсе!

Анна повернулась и снова принялась мешать похлебку. Меня она взмахом руки прогнала прочь, однако выражение ее лица смягчилось.

Я подошел к бочонку с элем, чтобы налить себе еще стаканчик, и вернулся на свой пенек. Гаскин подался ко мне.

— Ты сыграл нам песню. Может, ты и сам не прочь что-нибудь послушать?

— Как насчет «Ловкого флейтиста»? — спросил я.

Он нахмурил лоб.

— Не помню такой песни.

— Ну, про хитрого руэ, который одурачил мужика.

Гаскин покачал головой.

— Боюсь, что не знаю.

Я наклонился за лютней.

— Дай спою! Такую песню нам всем надо знать.

— Выбери что-нибудь другое! — запротестовал Ларен. — Дай я что-нибудь сыграю. Ты же нам уже играл сегодня.

Я улыбнулся ему.

— Я и забыл, что ты флейтист. Тебе понравится! — заверил я его. — Там тоже про флейтиста. К тому же вы будете кормить мое брюхо, а я накормлю ваши уши!

И прежде, чем они успели возразить что-нибудь еще, я заиграл, легко и проворно.

Они хохотали не умолкая. С самого начала, где флейтист убивает мужика, и до самого конца, где он соблазняет жену и дочку убитого. Последние две строчки, в которых селяне убивают флейтиста, я опустил.

Когда я допел, Ларен утер глаза.

— Ха! Да, Квоут, ты прав. Такую песню надо знать. К тому же...

Он бросил взгляд на Киту, сидевшую у костра напротив.

— К тому же эта песня честная. Бабы и впрямь не могут устоять перед флейтистом!

Кита насмешливо фыркнула и закатила глаза.

Мы болтали о том о сем, пока Анна не объявила, что похлебка готова. Все накинулись на еду, прерываясь только затем, чтобы похвалить стряпню.

— Нет, Анна, признайся, — спросил Аллег, умяв вторую миску, — ты ведь прихватила тайком малость перчику, когда мы были в Левиншире?

Анна самодовольно усмехнулась.

— У всех у нас свои секреты, дорогуша, — сказала она. — Не дави на даму.

Я спросил у Аллега:

— А как у вас дела идут в последнее время?

— Недурно! — ответил он с набитым ртом. — Вот три дня тому назад, в Левиншире, все прошло как нельзя лучше.

Он подмигнул.

— Потом сам увидишь.

— Рад это слышать!

— На самом деле, — он заговорщицки подался вперед, — все идет настолько хорошо, что я чувствую в себе прилив неслыханной щедрости. Я готов тебе предложить все, что угодно! Вообще все! Проси что хочешь, и оно твое.

Он подался еще ближе и театральным шепотом произнес:

— Я хочу, чтобы ты знал: это беззастенчивая попытка тебя подкупить, чтобы ты остался с нами. Твой чудный голос поможет нам набить кошелек!

— Не говоря уже о песнях, которым он может нас научить! — вставил Гаскин.

Аллег делано нахмурился.

— Эй, парень, не помогай ему торговаться! У меня такое чувство, что нам и без того нелегко придется.

Я немного поразмыслил.

— Пожалуй, я мог бы и остаться...

Я не договорил и умолк.

Аллег понимающе улыбнулся:

— Но?..

— Но я потребую три вещи.

— Хм, три вещи? — он смерил меня взглядом. — Прямо как в сказке!

— Ну, мне кажется, так будет справедливо, — сказал я.

Он нехотя кивнул.

— Пожалуй, что да. И сколько же времени ты с нами останешься?

— Пока никто не будет возражать против моего ухода.

— У кого-то есть с этим проблемы? — Аллег окинул взглядом свою труппу.

— А если он потребует один из фургонов? — спросил Тим. Его голос меня поразил: он был резкий и хриплый, как будто два кирпича друг о друга трутся.

— Неважно, он же поедет с нами, — отпарировал Аллег. — Все равно они принадлежат нам всем. А поскольку он не может уйти, пока мы не согласимся...

Никто не возражал. Мы с Аллегом ударили по рукам, труппа разразилась радостными возгласами.

Кита подняла стакан.

— За Квоута и его песни! — сказала она. — У меня такое чувство, что он стоит того, во что он нам обойдется.

Все выпили, и я поднял свою кружку.

— Клянусь молоком моей матери, никто из вас впредь не заключит лучшей сделки, чем та, которую вы заключили со мной нынче вечером!

Это вызвало новые приветственные вопли, все снова выпили.

Аллег утер губы и посмотрел мне в глаза.

— Ну и что же ты потребуешь первым?

Я опустил голову.

— На самом деле, ничего особенного. У меня нет своей палатки. Если мне придется путешествовать с родичами...

— Ни слова более! — Аллег взмахнул деревянной кружкой, точно король, одаряющий подданного. — Ты получишь мою собственную палатку, пол которой устлан мехами и одеялами в две пяди толщиной!

Он махнул через костер, туда, где сидели Френ и Джош.

— Поставьте ему палатку!

— Да ладно, зачем? — запротестовал я. — Я и сам управлюсь!

— Цыц, им только на пользу! Это позволяет им чувствовать себя полезными. Да, кстати...

Он махнул Тиму.

— Приведи их, ладно?

Тим встал, держась за живот.

— Минутку, сейчас. Сейчас вернусь...

Он повернулся и направился в лес.

— Что-то мне нехорошо.

— Вот что бывает, когда жрешь как из корыта! — крикнул ему вслед Отто. Он обернулся к нам. — Рано или поздно он поймет, что не может лопать больше меня и не маяться при этом животом.

— Ладно, Тим там дерево разукрашивает, пойду-ка я за ними схожу, — сказал Ларен с плохо скрываемым нетерпением.

— Нет уж, на страже нынче я, — сказал Отто. — Я сам!

— Я сама схожу! — раздраженно сказала Кита. Она взглядом заставила обоих плюхнуться на место и ушла за фургон слева от меня.

Из второго фургона вылезли Джош и Френ с палаткой, веревками и кольями.

— Где тебе больше нравится? — спросил Джош.

— Это не тот вопрос, который часто приходится задавать мужчине, а, Джош? — хмыкнул Френ, ткнув приятеля в бок.

— Я обычно храплю, — предупредил я. — Так что, наверно, стоит поставить ее чуть поодаль. Вон там, между двумя деревьями, в самый раз будет, — показал я.

— Ну, в смысле с мужчинами вопросов обычно не возникает, верно, Джош? — продолжал Френ. Они отошли в сторону и принялись натягивать палатку.

Кита вернулась через минуту и привела с собой пару хорошеньких девушек. У одной было худощавое тело и лицо и прямые черные волосы, подстриженные коротко, под мальчишку. Вторая была попышнее, с золотистыми кудряшками. У обеих на лице застыло безнадежное выражение. На вид и той, и другой было лет шестнадцать.

— Познакомься, это Крин и Элли! — сказала Кита, указывая на девушек.

Аллег улыбнулся.

— Это один из тех подарков, которыми поделился с нами щедрый Левиншир! Сегодня ночью одна из них будет греть тебе постель. Это мой тебе подарок как новому члену семьи!

Он откровенно окинул девушек взглядом.

— Которая тебе больше нравится?

Я обвел их взглядом.

— Это трудный выбор. Дайте подумать.

Кита усадила их у костра и сунула каждой в руки по миске похлебки. Золотоволосая девушка, Элли, съела несколько ложек, как деревянная, а потом застыла, как игрушка, у которой кончился завод. Глаза у нее были такими, словно она видела нечто, чего никто из нас не видел. Крин же гневно смотрела в огонь. Она сидела напряженно, держа миску на коленях.

— Девочки, — укоризненно сказал Аллег, — как же вы не понимаете, что все пойдет на лад, как только вы станете покладистей?

Элли медленно проглотила еще ложку и снова замерла. Крин все смотрела в огонь, напряженно и зло.

Анна, сидевшая у костра, ткнула их своим деревянным половником.

— Лопайте!

Реакция была та же, что и прежде. Одна проглоченная ложка. И яростное сопротивление. Анна, насупившись, подошла поближе, крепко ухватила черноволосую девушку за подбородок, а второй рукой потянулась за миской с похлебкой.

— Не надо! — попросил я. — Они сами поедят, когда достаточно проголодаются.

Аллег с любопытством посмотрел на меня.

— Я знаю, о чем говорю. Лучше дайте им что-нибудь попить.

Старуха какое-то время колебалась, но потом пожала плечами и отпустила подбородок Крин.

— Ну и ладно. Мне все равно надоело кормить ее силком. От нее одни хлопоты.

Кита фыркнула в знак согласия.

— Эта сучка бросилась на меня, когда я ее развязала, чтобы дать ей помыться, — сказала она и откинула волосы, чтобы показать царапины на щеке. — Чуть глаз мне не выцарапала, черт бы ее взял.

— И чуть не сбежала к тому же, — хмуро сказала Анна. — Пришлось на ночь подливать ей сонного зелья.

Она с отвращением махнула рукой.

— Пусть голодает, коли хочет!

Ларен вернулся к костру с двумя кружками, сунул их в безвольные руки девушек.

— Вода? — спросил я.

— Эль, — ответил он. — Так для них лучше, если уж они не едят.

Я хотел возразить, но сдержался. Элли принялась пить с тем же отсутствующим видом, как и ела. Крин перевела взгляд с костра на кружку, потом на меня. Я ощутил почти осязаемый толчок: она была так похожа на Денну! Не отводя глаз от меня, она стала пить. Жесткий взгляд был непроницаем, было непонятно, что происходило у нее в голове.

— Усадите их со мной! — сказал я. — Мне так проще будет решить.

Кита подвела их ко мне. Элли была покорна, Крин напряжена.

— С этой поосторожней, — сказала Кита, кивнув на черноволосую. — Царапается!

Вернулся Тим. Тим выглядел бледновато. Он сел к костру. Отто ткнул его в бок.

— Еще похлебочки хошь? — ехидно спросил он.

— Отвали! — слабо прохрипел Тим.

— Хлебни эля, полегчает, — посоветовал я.

Он кивнул: похоже, ему хотелось найти хоть что-нибудь, что может помочь. Кита налила ему новую кружку.

Девушки к этому времени уже сидели по обе стороны от меня, глядя в костер. Вблизи я разглядел то, чего прежде не заметил. На затылке у Крин багровел синяк. Запястья блондинки просто намяло веревками, а у Крин запястья были растерты и исцарапаны. Однако пахли они чистым. Волосы у них были расчесаны, одежда свежестыранная. Кита за ними ухаживала.

Кроме того, вблизи они были куда более хорошенькие. Я приобнял обеих за плечи. Крин дернулась, потом застыла. Элли никак не отреагировала.

Из леса раздался голос Френа:

— Готово! Лампу тебе зажечь?

— Да, пожалуйста! — отозвался я. Потом обвел девушек взглядом и посмотрел на Аллега.

— Не знаю, которую выбрать, — честно признался я. — Возьму, пожалуй, обеих!

Аллег недоверчиво рассмеялся. Потом, видя, что я не шучу, запротестовал:

— Да ты что, брось! Это несправедливо по отношению к нам. К тому же ты все равно не сможешь...

Я откровенно взглянул на него.

— Ну-у, — замялся он, — даже если и сможешь, все равно...

— Это вторая вещь, которую я требую, — торжественно произнес я. — Обеих этих девушек.

Отто издал протестующий возглас, ему эхом отозвались Гаскин и Ларен.

Я примирительно улыбнулся им.

— Только на эту ночь!

Френ и Джош вернулись от моей палатки.

— Скажи спасибо, Отто, что он тебя не потребовал! — сказал Френ толстяку. — Вот Джош выбрал бы тебя, а, Джош?

— Захлопни дырку, Френ! — возмутился Отто. — А то мне тоже как-то нехорошо!

Я встал, закинул на плечо лютню. И повел двух очаровательных девушек, золотоволосую и черноволосую, к своей палатке.

ГЛАВА 131

ЧЕРНАЯ В ЛУННОМ СВЕТЕ

Френ с Джошем отлично потрудились. Палатка оказалась достаточно высокой, чтобы в центре можно было стоять, но сейчас, когда там находились я и две девушки, в ней все равно оказалось тесновато. Я мягко толкнул златовласку Элли на постель, устланную толстыми одеялами.

— Садись, — мягко сказал я.

Видя, что она не реагирует, я взял ее за плечи и усадил. Она позволяла двигать себя как угодно, но ее голубые глаза были расширены и пусты. Я осмотрел ее голову в поисках ран. Ран я не обнаружил и понял, что она просто в глубоком шоке.

Я порылся в дорожном мешке, высыпал в чашку немного толченого листа, добавил воды из своего меха. Сунул чашку в руки Элли, она машинально взяла.

— Выпей, — подбодрил ее я, пытаюсь воспроизвести тон, которым иногда говорила Фелуриан, добиваясь моего безоговорочного подчинения.

Может, это подействовало, а может, она просто хотела пить. Как бы то ни было, Элли осушила чашку до дна. Взгляд у нее остался таким же отсутствующим, как и прежде.

Я отсыпал в чашку еще немного толченого листа, наполнил чашку водой и протянул питье черноволосой девушке.

Мы стояли так несколько минут, я с протянутой рукой, она с руками, опущенными вдоль боков. Наконец она моргнула, ее взгляд сфокусировался на мне.

— Что ты ей дал?

— Толченую велию, — тихо ответил я. — Это противоядие. В похлебке была отравка.

Судя по ее взгляду, она мне не поверила.

— Я похлебки не ела.

— В эле тоже была отравка. Ты пила, я видел.

— Это хорошо, — сказала она. — Я хочу умереть.

Я тяжело вздохнул.

— Она тебя не убьет. Тебе просто станет плохо. Тебя стошнит, и ты пару дней будешь мучиться от судорог.

Я снова протянул ей чашку.

— А тебе не все равно, убьют они меня или нет? — монотонным голосом спросила она. — Не убьют сейчас — убьют потом. Я бы лучше умерла, чем...

Она стиснула зубы и не договорила.

— Это не они тебя отравили. Это я их отравил, но и тебе немного досталось. Мне очень жаль, но это питье облегчит твои страдания.

Взгляд Крин слегка дрогнул и снова сделался жестким, как сталь. Она взглянула на чашку, потом устремила глаза на меня.

— Если оно безвредное, выпей сам!

— Не могу, — объяснил я. — Оно меня усыпит, а мне многое нужно сделать нынче ночью.

Крин метнула взгляд на меховое ложе, раскинутое на полу палатки.

Я улыбнулся самой что ни на есть мягкой и грустной улыбкой.

— Нет, не в этом смысле.

Она по-прежнему не шелохнулась. Мы долго стояли так. Из леса слышались сдавленные звуки — кого-то тошнило. Я вздохнул и опустил чашку. Посмотрев на постель, я увидел, что Элли уже свернулась калачиком и уснула. Ее лицо выглядело почти спокойным.

Я глубоко вздохнул и снова посмотрел на Крин.

— У тебя нет причин мне доверять, — сказал я, глядя ей прямо в глаза. — После всего, что с вами случилось. Но я надеюсь, что ты мне все же доверишься.

И снова протянул ей чашку.

Она, не моргнув, встретила мой взгляд и протянула руку за чашкой, осушила ее одним глотком, слегка поперхнулась и села. Глаза у нее оставались жесткие, как мрамор. Она смотрела в стенку палатки. Я тоже сел, чуть в стороне от нее.

Пятнадцать минут спустя она уснула. Я укрыл их одеялом и посмотрел в их лица. Во сне они были даже красивее прежнего. Я протянул руку, чтобы смахнуть прядь волос со щеки Крин. К моему удивлению, она открыла глаза и посмотрела на меня — не холодным мраморным взглядом, как прежде, но темными глазами юной Денны.

Я застыл, не отводя руки от ее щеки. Секунду мы смотрели друг на друга. Потом ее глаза снова закрылись. То ли снадобье подействовало, то ли ее собственная воля подчинилась сну.

Я сел у входа в палатку и положил на колени Цезуру. Гнев полыхал во мне огнем, и вид двух спящих девушек был как ветер, раздувающий угли. Я стиснул зубы и заставил себя думать о том, что здесь произошло, разжигая пламя все сильнее, наполняя себя его жаром. Я глубоко дышал, готовясь к

тому, что мне предстояло.

* * *

Ждал я три часа, прислушиваясь к звукам лагеря. До меня долетали приглушенные звуки беседы: общий тон фраз, но не отдельные слова. Беседа затихала, смешиваясь с проклятиями и звуками блевания. Я глубоко и медленно дышал, как учила меня Вашет, расслаблялся, медленно считал вдохи и выдохи.

Потом я открыл глаза, посмотрел на звезды и решил, что пора. Я медленно встал, распрямился, старательно потянулся. В небе висел широкий серп луны, и вокруг было очень светло.

Я медленно пошел к костру. Костер прогорел до тусклых углей, которые почти не освещали пространства между двумя фургонами. Там, привалясь своей огромной тушей к колесу, сидел Отто. Пахло блевотиной.

— Квоут, это ты? — невнятно спросил он.

— Да, — я по-прежнему шел в его сторону.

— Эта сука, Анна, баранину недоварила! — простенал он. — Как бог свят, меня еще никогда в жизни так не тошнило!

Он взглянул на меня.

— Ты-то в порядке?

Цезура коротко сверкнул в лучах луны и рассек ему глотку. Отто вскинулся на одно колено, потом рухнул набок, схватился за шею, руки у него почернели. Я оставил его истекать кровью, черной в лунном свете, не способного даже вскрикнуть, умирающего, но не мертвого.

Я бросил кусок железа в угли костра и направился к другим палаткам.

Ларен застал меня врасплох, когда я огибал фургон. Он изумленно вскрикнул, увидев, как я выхожу из-за угла с мечом в руках. Однако я сделал его медлительным, и он едва успел поднять руки, как Цезура вонзился ему в грудь. Ларен с придушенным воплем рухнул навзничь, корчась на земле.

Из-за отравления никто из них не спал особенно крепко, так что на крик Ларена все высыпали из фургонов и палаток, спотыкаясь и дико озираясь по сторонам. Из открытого сзади ближайшего ко мне фургона выпрыгнули две фигуры — видимо, Джош и Френ. Одного я ударил в глаз прежде, чем он коснулся земли, второму выпустил кишки.

Это увидели все, и вот теперь поднялся настоящий вой. Большинство, пошатываясь, бросились в лес, некоторые падали на бегу. Но высокая

фигура Тима кинулась на меня. Тяжелый меч, который он точил весь вечер, сверкнул серебром в лунном свете.

Но я был готов. Я стиснул в руке второй длинный и хрупкий осколок мечевого железа и пробормотал связывание. А потом, как раз когда Тим подбежал на расстояние удара, я переломил осколок в пальцах. Его меч разлетелся на куски со звоном разбитого колокола, и обломки потерялись в темной траве.

Тим был опытнее меня, сильнее, и руки у него были длиннее. Даже отравленный и с обломком меча в руках, он неплохо показал себя. У меня ушло почти полминуты, прежде чем я обошел его блок «любовником, прыгающим в окно» и перерубил ему руку в запястье.

Он рухнул на колени, хрипло ревя и держась за обрубок. Я нанес ему удар в грудь и бросился в лес. Бой занял немного времени, но у меня на счету была каждая секунда, потому что прочие уже рассеялись по лесу.

Я устремился в ту сторону, где в последний раз видел одну из темных фигур. Я был неосмотрителен, и потому, когда Аллег бросился на меня из тени дерева, он застиг меня врасплох. Меча у него не было, только короткий ножик, который сверкнул в лунном свете, когда он кинулся на меня. Но убить человека можно и ножом. Он пырнул меня в живот, пока мы катались по земле. Я ударился головой о корень и почувствовал вкус крови.

На ноги я поднялся прежде его и перерезал ему поджилки на ноге. Я пырнул его в живот и оставил лежать на земле и браниться, а сам бросился в погоню. Я знал, что скоро боль настигнет меня и после этого я, наверно, проживу недолго.

* * *

Это была долгая ночь, и я не стану утомлять вас дальнейшими подробностями. Я отыскал в лесу их всех. Анна сломала себе ногу во время безоглядного бегства, а Тим сумел уйти чуть ли не на километр, несмотря на отрубленную руку и рану в груди. Они кричали, бранились, молили о пощаде, когда я преследовал их, однако ничто из того, что они говорили, не могло меня умиротворить.

Это была жуткая ночь, но я отыскал их всех. В этом не было ни чести, ни славы. Однако тут была своего рода справедливость, кровь за кровь. Наконец я принес их тела обратно.

Когда я вернулся к своей палатке, небо уже начинало приобретать привычный голубой оттенок. В нескольких сантиметрах ниже пупка горела острая жгучая полоса боли, и, судя по тому, как там неприятно тянуло при каждом движении, рубаха пропиталась кровью и присохла к ране. Я изо всех сил старался не обращать внимания на все это, зная, что все равно ничего не смогу для себя сделать с трясущимися руками и в отсутствие нормального освещения. Придется дожидаться рассвета, чтобы посмотреть, насколько серьезно я ранен.

Я пытался не думать о том, что знал со времени работы в медике. Любое глубокое ранение кишок — долгий и мучительный путь к могиле. Опытный медик с нужными инструментами еще мог бы что-то сделать, но я был далек от мест цивилизации. Все равно что кусок луны пожелать.

Я вытер свой меч, уселся в мокрую траву у палатки и принялся думать.

ГЛАВА 132

РАЗОРВАННЫЙ КРУГ

К тому времени, как солнце наконец показалось над деревьями и начало выжигать росу с травы, я трудился уже больше часа. Я отыскал плоский камень и использовал его в качестве импровизированной наковальни, чтобы перековать запасную подкову. Над костром булькал котелок с овсяной кашей.

Я как раз заканчивал возиться с подковой, когда краем глаза увидел движение. Из-за фургона выглядывала Крин. Видимо, я разбудил ее звоном молотка по наковальне.

— О господи! — она ошеломленно зажала рот и сделала пару шагов в мою сторону. — Ты их убил.

— Да, — коротко ответил я. Мой голос звучал как мертвый.

Крин окинула взглядом мое тело и уставилась на порванную, окровавленную рубаху.

— Ты... — голос у нее пресекался, она сглотнула. — Ты в порядке?

Я молча кивнул. Когда я наконец набрался храбрости осмотреть свою рану, то обнаружил, что плащ Фелуриан спас мне жизнь. Нож Аллега, вместо того чтобы выпустить мне кишки, всего лишь оставил длинный неглубокий порез. Ну, и рубаху хорошую испортил. Из-за этого я не особенно переживал, учитывая все обстоятельства.

Я осмотрел подкову, потом мокрым кожаным ремнем туго привязал ее к концу длинной и прямой ветки. Снял с костра котелок с кашей и сунул подкову в угли.

Крин, похоже, отчасти оправилась от шока и медленно подошла поближе, рассматривая ряд трупов по ту сторону костра. Я ничего с ними делать не стал, только выложил рядком. Зрелище было неаппетитное. Тела были в крови, зияли раны. Крин смотрела так, будто боялась, что они вот-вот снова встанут.

— Что ты делаешь? — спросила она наконец.

В ответ я вынул раскалившуюся подкову из углей костра и поднес к ближайшему трупу. То был Тим. Я прижал раскаленное железо к тыльной стороне оставшейся кисти. Кожа зашипела, задымилась, прилипла к металлу. Секунду спустя я отвел подкову, оставив на бледной коже черный ожог. Разорванный круг. Я отошел к костру и снова принялся калить

подкову.

Крин застыла как вкопанная, слишком ошеломленная, чтобы как-то реагировать. Хотя, наверно, в такой ситуации и нельзя нормально реагировать. Но она не завизжала и не пустилась бежать, как я ожидал, только посмотрела на разорванный круг и снова спросила:

— Что ты делаешь?

Когда я наконец заговорил, мой голос казался чужим мне самому.

— Все эдема руэ — одна семья, — объяснил я. — Единый круг. Неважно, что некоторые из нас не знакомы друг с другом, все равно мы все семья, все мы близкие. Иначе нам нельзя, мы ведь чужие везде, куда ни приходим. Мы рассеяны по свету, люди нас ненавидят.

У нас есть свои законы. Правила, по которым мы живем. Когда один из нас делает нечто непростительное и непоправимое, если он подвергает опасности честь эдема руэ, его убивают и клеймят разорванным кругом, чтобы показать, что он больше не один из нас. Это бывает редко. Редко возникает нужда.

Я вынул железо из огня и подошел к следующему труп. Отто. Я прижал подкову к его запястью, вслушиваясь в шипение.

— Это были не эдема руэ. Но они притворялись нами. Они делали такое, чего ни один эдема бы не сделал, и я забочусь о том, чтобы мир знал: они не из нашей семьи. Руэ не делают того, что творили эти люди.

— А как же фургоны? — возразила она. — Как же инструменты?

— Это были не эдема руэ, — твердо повторил я. — Возможно, это были даже не настоящие актеры, просто шайка воров, которые перебили труп руэ и попытались выдать себя за них.

Крин посмотрела на трупы, потом снова на меня.

— Так ты их убил за то, что они притворялись эдема руэ?

— За то, что они притворялись руэ? Нет.

Я снова положил железо в костер.

— Вот за то, что перебили труп руэ и украли их фургоны, — да. За то, что они сделали с вами, — да.

— Но если это не руэ... — Крин взглянула на ярко раскрашенные фургоны. — То кто?

— Самому любопытно, — сказал я. Я снова вытащил из огня разорванный круг, подошел к Аллегу и вдавил железо в его кисть.

Фальшивый актер дернулся, взвыл и очнулся.

— Он не мертвый! — взвизгнула Крин.

Я уже успел осмотреть его рану.

— Мертвый, мертвый, — холодно сказал я. — Просто пока еще

шевелится.

Я обернулся и посмотрел ему в глаза.

— Ну, Аллег? Как же вам удалось раздобыть два фургона эдема руэ?

— Эдемский ублюдок! — выругался он невнятно, но вызывающе.

— Так и есть, — ответил я. — А вот вы — не руэ. Так как же вы узнали знаки и обычаи моей семьи?

— Как ты догадался? — спросил он. — Мы же знали нужные слова и как руки пожимать. И про воду и вино, и про песни перед ужином. Откуда ты узнал?

— Так вы думали, будто сумеете одурачить меня? — сказал я, чувствуя, как гнев свернулся во мне тугой пружиной. — Это же моя семья! Неужто бы я не догадался? Руэ не делают того, что сделали вы! Руэ не воруют, не похищают девушек.

Аллег тряхнул головой и насмешливо осклабился.

— Как же, все знают, что вы это делаете!

Я взорвался.

— Все думают, будто они это знают! Все путают слухи с правдой! Руэ такого не делают!

Я яростно взмахнул руками.

— Люди верят в это только из-за таких, как вы!

Мой гнев разгорался все жарче, я обнаружил, что ору.

— А теперь ты расскажешь мне то, что я хочу знать, или Боженька расплатится, услышав, что я с тобой сделал!

Аллег побледнел, ему пришлось сглотнуть, прежде чем он сумел заговорить:

— Там были старик с женой и еще пара актеров. Я полгода путешествовал с ними охранником. И наконец они приняли меня к себе...

Он выдохся и слегка охнул, пытаясь перевести дух.

Он сказал достаточно.

— Значит, ты их убил.

Аллег яростно затряс головой.

— Нет... на нас напали в дороге.

Он слабым жестом указал на остальные трупы.

— Нас застали врасплох. Прочих актеров перебили, а меня... я просто потерял сознание.

Я окинул взглядом ряд трупов и снова почувствовал вспышку ярости, хотя уже и так все знал. Никак иначе эти люди два фургона эдема руэ со всеми знаками раздобыть не могли.

Аллег снова заговорил.

— Я им показал... потом... как выдавать себя за труппу.

Он сглотнул, морщась от боли.

— Хорошее житье!

Я с отвращением отвернулся. Ведь он в каком-то смысле был одним из нас. Приемным сыном нашей семьи. Оттого, что я это узнал, все стало в десять раз хуже. Я снова сунул подкову в угли костра и, пока она калилась, посмотрел на девушку. Сейчас, когда она смотрела на Аллега, глаза у нее стали как кремь.

Я не был уверен, правильно ли поступаю, но все же протянул ей клеймо. Лицо у нее окаменело, и она его взяла.

Аллег, похоже, не понимал, что сейчас произойдет, пока она не прижала каленое железо к его груди. Он взвыл и выгнулся, но у него не хватало сил отползти, а Крин нажимала крепко. Видя, как он слабо сопротивляется, она поморщилась, и на глаза у нее навернулись злые слезы.

Миновала долгая минута, прежде чем Крин отвела железо и отступила назад, тихо плача. Я ее не трогал.

Аллег посмотрел на нее снизу вверх и через силу заговорил:

— Эх, девка, а недурно мы с тобой развлеклись, а?

Она перестала плакать и посмотрела на него.

— Зря ты...

Я сильно пнул его в бок, прежде чем он успел сказать что-нибудь еще. Он застыл от немой боли и плюнул в меня кровью. Я пнул еще раз, он обмяк.

Не зная, что еще делать, я взял клеймо и принялся калить его снова.

Последовало долгое молчание.

— Элли еще спит? — спросил я.

Крин кивнула.

— Как ты думаешь, ей станет легче, если она это увидит?

Она задумалась, утирая лицо ладонью.

— Не думаю, — сказала она наконец. — Думаю, прямо сейчас она вообще этого не увидит. Она повредила умом.

— Вы обе из Левиншира? — спросил я, чтобы оттеснить молчание подальше.

— Моя семья живет на ферме к северу от Левиншира, — ответила Крин. — А Элли — дочка мэра.

— Когда эти явились к вам в городок? — спросил я, вдавливая клеймо в очередную руку. В воздух поднялась густая сладковатая вонь горелой плоти.

— А сейчас какой день?

Я мысленно посчитал дни.

— Повержение.

— В город они приехали в теден... — она запнулась. — Пять дней назад? — недоверчиво переспросила она. — Мы были так рады, что есть возможность посмотреть пьесу, узнать новости. Музыку послушать...

Она потупилась.

— Они раскинули лагерь на восточной окраине города. Я пришла к ним погадать, а они мне сказали, чтобы я возвращалась вечером. Они казались такими дружелюбными, такими замечательными...

Крин посмотрела на фургоны.

— Когда я пришла, они все сидели вокруг костра. Они пели мне песни. Старуха налила мне чаю. Я даже не подумала... ну, в смысле... она была совсем как моя бабушка.

Она бросила взгляд на труп старухи и снова отвернулась.

— А дальше ничего не помню. Я очнулась в темноте, в одном из этих фургонов. Я была связана, и...

Голос у нее слегка сорвался, она рассеянно потерла запястья. И оглянулась на палатку.

— Элли, наверно, тоже так пригласили.

Я закончил клеймить их руки. Я собирался заклеить и лица тоже, но железо калилось медленно, и меня уже тошнило от этой работы. Я всю ночь не спал, и гнев, который так жарко пылал прежде, вспыхнув в последний раз, угас окончательно. Мне сделалось холодно и тоскливо.

Я указал на котелок с кашей, который снял с костра.

— Есть хочешь?

— Хочу, — сказала она, потом бросила взгляд на трупы. — Нет, не хочу.

— Я тоже. Ступай, буди Элли, поедem к вам домой.

Крин побежала в палатку. Когда она скрылась в палатке, я обернулся к ряду трупов.

— Никто не возражает, если я уйду из трупы? — спросил я.

Никто не возражал. И я ушел.

ГЛАВА 133

СНЫ

У меня ушел час на то, чтобы загнать фургоны в самую гущу леса и спрятать их там. Я ликвидировал знаки эдема руэ и выпряг лошадей. Седло нашлось только одно, так что на двух других лошадей я навьючил припасы и прочее движимое имущество, какое нашел.

Когда я вернулся с лошадьми, Крин с Элли уже ждали меня. Точнее, ждала одна Крин. Элли просто стояла рядом с отсутствующим лицом и пустыми глазами.

— Верхов ездить умеешь? — спросил я Крин.

Она кивнула, и я вручил ей повод оседланной лошади. Она вставила ногу в стремя, остановилась, покачала головой и медленно поставила ногу на землю.

— Я пешком пойду.

— Как думаешь, Элли удержится в седле?

Крин оглянулась на блондинку. Одна из лошадей с любопытством ткнула ее мордой — та никак не отреагировала.

— Возможно. Но, думаю, ей от этого будет плохо. После...

Я понимающе кивнул.

— Значит, пойдем пешком все вместе.

* * *

— Что лежит в сердце летани? — спросил я у Вашет.

— Успех и правое дело.

— А что важнее, успех или правота?

— Это одно и то же. Если поступать хорошо, успех придет.

— Но ведь иные могут преуспеть, поступая дурно, — заметил я.

— Дурные поступки никогда не ведут к успеху, — твердо сказала Вашет. — Если человек поступает дурно и преуспевает, это не путь. Без летани не бывает истинного успеха.

— Сударь! — окликнули меня. — Сударь!

Мой взгляд сфокусировался на Крин. Волосы у нее растрепались на

ветру, юное лицо выглядело усталым. Она робко смотрела на меня.

— Сударь, уже темнеет...

Я огляделся и увидел, что с востока наползают сумерки. Я смертельно устал и задремал на ходу после того, как мы в середине дня устроили привал, чтобы пообедать.

— Крин, зови меня просто Квоут. Спасибо, что дернула меня. А то я задумался.

Крин набрала хворосту и развела костер. Я расседлал лошадей, накормил и почистил их. Я потратил несколько минут на то, чтобы поставить палатку. Обычно я не обременял себя такими вещами, но на лошадях место было, а я подозревал, что девушки не привыкли ночевать под открытым небом.

Управившись с палаткой, я сообразил, что захватил всего одно запасное одеяло. А ночь обещала быть холодной, если я в этом что-нибудь смыслю.

— Ужин готов! — окликнула Крин. Я забросил в палатку оба одеяла, свое и запасное, и вернулся к костру. Она неплохо использовала то, что было. Картофельный суп с грудинкой и поджаренным хлебом. Еще на углях пеклась зеленая летняя тыковка.

Меня тревожила Элли. Она весь день вела себя одинаково: безучастно шагала вперед, не говоря ни слова и не отвечая, когда я или Крин обращались к ней. Она провожала взглядом то, что видела, но мысли в ее глазах не было. Мы с Крин на собственном горьком опыте убедились, что, если ее предоставить самой себе, она либо остановится, либо свернет с дороги, если что-нибудь привлечет ее внимание.

Когда я сел, Крин вручила мне миску и ложку.

— Вкусно пахнет! — похвалил я.

Она слабо улыбнулась и налила вторую миску, для себя. Принялась было наливать третью, потом остановилась, сообразив, что Элли сама есть не может.

— Элли, хочешь супу? — спросил я как ни в чем не бывало. — Пахнет вкусно!

Она тупо сидела у костра, глядя в никуда.

— А моего супу хочешь? — спросил я, словно это было самым естественным делом на свете. Я подсел поближе и подул на ложку, чтобы остудить суп. — Давай-ка, ешь!

Элли съела суп механически и слегка повернула голову в мою сторону, за ложкой. В ее глазах отражались пляшущие языки пламени. Глаза были как окна опустевшего дома.

Я подул на вторую ложку и протянул ее белокурой девушке. Рот она открыла, только когда ложка ткнулась ей в губы. Я вытянул шею, пытаюсь разглядеть что-нибудь за пляшущими бликами огня, отчаянно надеясь увидеть хоть что-нибудь. Что угодно.

— А дома тебя небось зовут просто Эл, да? — спросил я тоном дружеской болтовни. Я посмотрел на Крин. — Как уменьшительное от Элли?

Крин беспомощно пожала плечами.

— Мы с ней особо не дружили. Просто Элли Энвотер. Дочка мэра.

— Путь мы сегодня прошли неблизкий, — продолжал я тем же непринужденным тоном. — Как твои ноги, Крин?

Крин смотрела на меня своими серьезными темными глазами.

— Натерла немного.

— И я тоже. Жду не дождусь, чтобы скинуть башмаки. Эл, а ты как, ноги не натерла?

Ответа не было. Я скормил ей еще ложку.

— И еще день был довольно жаркий. А вот ночью прохладно будет. Как раз самое оно спать в такую погоду. Правда, хорошо, да, Эл?

Ответа не было. Крин по-прежнему смотрела на меня через костер. Я сам отхлебнул супу.

— Правда, очень вкусно, Крин, — честно сказал я и снова обернулся к безучастной девушке. — Знаешь, Эл, хорошо, что у нас есть Крин, чтобы готовить. А то все, что готовлю я, на вкус выходит совсем как конский навоз.

Крин по ту сторону костра прыснула с полным ртом супу. Результат был предсказуем. Мне показалось, что в глазах Эл тоже что-то блеснуло.

— Вот если бы у меня были конские яблоки, я бы мог испечь на десерт конский яблочный пирог, — предложил я. — Могу прямо сегодня сделать, если хотите...

Я не договорил, превращая фразу в вопрос.

Эл чуть заметно нахмурилась, ее лоб прорезала небольшая складочка.

— Да, наверно, ты права, — сказал я. — Не очень вкусно получится. Может, вместо этого съешь еще супу?

Чуть заметный кивок. Я положил ей в рот еще ложку.

— Только малость пересолено. Ты, наверно, пить хочешь?

Снова кивок. Я протянул ей мех с водой, она поднесла его к губам. Пила она долго, наверно, целую минуту. Она, наверно, умирала от жажды после сегодняшнего долгого перехода. Завтра надо будет тщательней следить, чтобы она пила почаще.

— А ты хочешь водички, Крин?

— Да, пожалуйста, — сказала Крин, не сводя глаз с лица Эл.

Эл механически протянула Крин мех с водой прямо через костер. Наплечный ремень волочился по углям. Крин поспешно подхватила его, потом запоздало добавила:

— Спасибо, Эл!

Я поддерживал эту неторопливую беседу в течение всего ужина. Под конец Эл как следует наелась, и, хотя ее взгляд прояснился, казалось, будто она смотрит на мир сквозь матовое стекло: и видит, и не видит. Но все-таки хоть какое-то улучшение.

Когда она съела две миски супу и полкаравая хлеба, глаза у нее начали закрываться.

— Что, Эл, спать хочешь? — спросил я.

Она кивнула, уже увереннее.

— Отнести тебя в палатку?

Тут она резко раскрыла глаза и решительно замотала головой.

— Ну, может, Крин поможет тебе улечься спать, если ты ее попросишь.

Эл обернулась и посмотрела в сторону Крин. Ее губы слабо зашевелились. Крин взглянула на меня, я кивнул.

— Ну, пойдем баиньки, — сказала Крин, совершенно как старшая сестра. Она подошла, взяла Эл за руку, помогла ей подняться на ноги. Когда они ушли в палатку, я доел суп и сжевал кусок хлеба, который слишком сильно подгорел и для девушек уже не годился.

Вскоре Крин вернулась к костру.

— Спит? — спросил я.

— Уснула, еще не коснувшись подушки. Как ты думаешь, она оправится?

Элли была в глубоком шоке. Ее разум переступил порог безумия, чтобы защититься от того, что с ней творилось.

— Вероятно, это всего лишь вопрос времени, — устало сказал я, надеясь, что это правда. — Молодые быстро выздоравливают.

Я невесело хмыкнул: девочка-то небось была всего на год моложе меня. Но в тот вечер мне каждый прожитый год казался за два, а некоторые и за три.

Несмотря на то что меня будто в свинец одели, я заставил себя подняться на ноги и помочь Крин помыть посуду. Я ощущал ее растущее напряжение, пока мы заканчивали прибираться и переставляли лошадей на новое место, на свежую травку. Напряжение сделалось еще сильнее, когда мы подошли к палатке. Я наклонился, открыл ей вход.

— А я, пожалуй, у костра переночую.

Ее облегчение было почти осязаемым.

— Ты уверен?

Я кивнул. Она юркнула внутрь, и я опустил полог. Из-за него почти сразу высунулась голова Крин: она протягивала мне одеяло.

Я покачал головой:

— Они вам понадобятся оба. Ночь будет холодная.

Я закутался в шаэд и лег прямо у входа в палатку. Мне не хотелось, чтобы Эл посреди ночи выбралась наружу и потерялась или покалечилась.

— А ты не замерзнешь?

— Да нет, нормально!

Я так устал, что готов был уснуть верхом на скачущей лошади. Более того — под копытами скачущей лошади.

Крин убралась в палатку. Вскоре я услышал, как она шуршит одеялами. И все стихло.

Я вспомнил изумленный взгляд Отто, когда я перерезал ему глотку. Услышал, как Аллег слабо сопротивляется и бранит меня, пока я волоку его назад к фургонам. Вспомнил кровь. Ощущение крови на руках. Густой и липкой.

Я еще никогда никого так не убивал. Хладнокровно, лицом к лицу. Я вспомнил, какой теплой была их кровь. И как орала Кита, когда я гнался за ней по лесу. «Если бы не их, то меня! — истерично визжала она. — У меня не было выбора! Если бы не их, то меня!»

Я долго лежал без сна. А когда наконец уснул, сны были еще хуже.

ГЛАВА 134

ПУТЬ В ЛЕВИНШИР

На следующий день мы прошли мало: нам с Крин приходилось вести трех лошадей, да еще и Эл в придачу. По счастью, лошадки были добронравные, как почти все лошади, воспитанные эдема руэ. Если бы они были такие же непредсказуемые, как бедная дочка мэра, мы бы, наверно, вообще не добрались до Левиншира.

Но все равно с лошадьми было едва ли не больше возни, чем они того стоили. Особенно с упитанным чалым: он так и норовил свернуть в подлесок, чтобы попасться. Мне уже трижды приходилось выволакивать его из кустов, и мы были злы друг на друга. Я прозвал его Шилом по очевидным причинам.

Когда мне пришлось вытаскивать его на дорогу в четвертый раз, я начал всерьез подумывать о том, чтобы отпустить его на волю и избавиться от хлопот. Разумеется, я этого не сделал. Хорошая лошадь — все равно что деньги в кармане. И доехать обратно, в Северен, верхом будет быстрее, чем идти пешком всю дорогу.

На ходу мы с Крин, как могли, старались занимать Эл разговором. Это, похоже, немного помогало. К полудню, когда мы устроили привал, она как будто уже осознавала происходящее. Почти.

Когда мы собирались снова отправиться в путь после обеда, мне в голову пришла идея. Я подвел к Эл серую в яблоках кобылу. Золотые кудри Эл сбились в один сплошной колтун, и она пыталась расчесать их пятерней, а ее взгляд рассеянно блуждал по сторонам, как будто она не вполне понимала, где находится.

— Эл!

Она обернулась и посмотрела на меня.

— Ты знакома с Серой? — я указал на кобылу.

Она слабо, растерянно кивнула.

— Мне нужно, чтобы ты помогла ее вести. Ты когда-нибудь водила лошадей под уздцы?

Кивок.

— Ей надо, чтобы кто-нибудь о ней заботился. Ты это можешь?

Серая поглядела на меня большим глазом, словно давая понять, что она нуждается в том, чтобы ее вели, не больше, чем я в колесах, чтобы

ходить. Однако потом она опустила голову и по-матерински ткнула Эл носом. Девушка почти машинально подняла руку, чтобы ее погладить, потом взяла у меня повод.

— Думаешь, стоит это делать? — спросила Крин, когда я вернулся навьючивать остальных лошадей.

— Серая добрая, как ягненок.

— То, что Эл безмозглая, как овца, еще не делает их хорошей парой, — язвительно заметила Крин.

Я слегка улыбнулся в ответ.

— Ну, мы за ними последим часок-другой. Не сработает, так не сработает. Но иногда лучшая помощь, которую можно оказать человеку, — это дать ему возможность помочь кому-то другому.

* * *

Поскольку спал я плохо, сегодня я чувствовал себя вдвое более усталым. Живот болел, и я чувствовал себя каким-то ободраным, как будто с меня наждаком сняли два верхних слоя кожи. Я испытывал большое искушение подремать в седле, но не мог заставить себя ехать верхом, пока девушки идут пешком.

Так я и брел, ведя под уздцы свою лошадь и клюя носом. Однако сегодня я никак не мог погрузиться в уютную полудремоту, к которой обычно прибегал на ходу. Меня мучили мысли об Аллеге. Я гадал, жив ли он.

Со времен учебы в медике я знал, что такие раны в живот, как та, что я ему нанес, смертельны. Знал я и то, что смерть эта долгая. Долгая и мучительная. При надлежащем уходе он мог бы прожить еще целый оборот. Но даже и один, в глуши, он умрет от такой раны только через несколько дней.

Неприятных дней. По мере распространения заражения у него начнется горячка и бред. При каждом движении рана будет раскрываться снова. Встать он не сможет: у него перерезаны поджилки. Значит, если он захочет двигаться, ему придется перемещаться ползком. Сейчас его, наверное, уже терзают голод и жажда.

Но от жажды он не умрет. Нет. Я оставил рядом с ним целый мех воды. Я положил его там перед уходом. Не по доброте душевной. Не ради того, чтобы сделать его последние часы более сносными. Я оставил его, потому что знал, что с водой он проживет дольше и страдать будет сильнее.

Этот оставленный мною мех был самым ужасным поступком, который я когда-либо совершал, и теперь, когда мой гнев перегорел и улегся, я жалел об этом. Насколько дольше он проживет из-за этого? На день? На два? Не больше, чем дня на два, это точно. Я старался не думать о том, какими будут эти два дня.

Но даже когда я прогонял из головы мысли об Аллеге, на меня набрасывались иные демоны. Я вспоминал эпизоды той ночи, все, что говорили фальшивые актеры, пока я их убивал. Те звуки, с которыми мой меч вонзался в их тела. Запах горелой кожи, когда я их клеймил. Я убил двух женщин. Что подумала бы о моих деяниях Вашет? Что подумали бы другие?

Измученный тревогой и недосыпом, я весь день снова и снова возвращался все к тем же мыслям. Лагерь я разбил по привычке, разговор с Эл поддерживал чистым усилием воли. Время спать наступило прежде, чем я был готов к этому. Я снова улегся, закутавшись в шаэд, перед палаткой девушек. Я мельком замечал, что Крин начала смотреть на меня с той же озабоченностью, с какой смотрела все эти два дня на Эл.

Прежде чем уснуть, я целый час пролежал с раскрытыми глазами, гадая, как там Аллег.

А когда я уснул, мне снилось, как я их убиваю. Во сне я бродил по лесу мрачной смертью, не ведая колебаний.

Но на этот раз все было иначе. Я убил Отто, и его кровь брызнула мне на руки, как раскаленный жир со сковороды. Потом я убил Ларена, и Джоша, и Тима. Они стонали и вопили, корчась на земле. Их раны были ужасны, и отвернуться я не мог.

А потом лица изменились. Я убивал Терена, бородатого бывшего наемника из моей труппы. Потом я убил Трипа. Потом я с обнаженным мечом гонялся по лесу за Шанди. Шанди кричала и плакала от страха. Когда я наконец ее догнал, она вцепилась в меня, сбила с ног и уткнулась лицом мне в грудь, всхлипывая и умолая: «Нет, нет, нет! Нет, нет, нет!»

Я пробудился. Я лежал на спине, охваченный ужасом, не понимая, где кончается мой сон и начинается явь. Несколько секунд спустя я понял, в чем дело. Эл выползла из палатки и свернулась клубком, прижавшись ко мне. Она уткнулась лицом мне в грудь, ее рука отчаянно цеплялась за мой локоть.

— Нет, нет! — всхлипывала она. — Нет, нет, нет, нет, нет!

Потом голос у нее пресекся, но тело содрогалось от беспомощных рыданий. Моя рубашка промокла от жарких слез. Она расцарапала мне руку до крови.

Я принялся бормотать что-то утешающее и гладить ее по голове. Много времени спустя она затихла и в конце концов погрузилась в тяжелое забытие, по-прежнему крепко цепляясь за меня.

Я лежал совершенно неподвижно, боясь разбудить ее неосторожным движением. Зубы у меня были стиснуты. Я думал об Аллеге, Отто и остальных. Я вспоминал кровь, вопли, запах горелой кожи. Я вспоминал все это и мечтал о том, чтобы сделать с ними что-нибудь похуже.

Больше мне кошмары не снились. Временами я думаю об Аллеге — и улыбаюсь.

* * *

На следующий день мы добрались до Левиншира. Эл пришла в себя, но по-прежнему оставалась молчаливой и отстраненной. Однако теперь дело пошло быстрее, особенно после того, как девушки решили, что достаточно оправились и могут по очереди ехать верхом на Серой.

Прежде чем устроить полуденный привал, мы миновали девять километров, и девушки мало-помалу начали приходить в возбуждение, узнавая знакомые места. Холмы на горизонте. Кривое дерево у дороги.

Но по мере того как мы приближались к Левинширу, они становились все тише.

— Он вон за тем холмом, — сказала Крин, слезая с кобылы. — Садись теперь ты, Эл.

Эл посмотрела на нее, на меня, на свои ноги. Она покачала головой.

Я посмотрел на них.

— С вами все в порядке?

— Папа меня убьет...

Крин говорила почти шепотом, на ее лице отражался неподдельный страх.

— Сегодня твой папа будет одним из счастливейших людей на свете, — сказал я. Потом решил, что лучше быть честным. — Может, он, конечно, и рассердится тоже. Но только потому, что последние восемь дней он не находил себе места от страха.

Крин это, похоже, слегка успокоило, но Эл разрыдалась. Крин обвила ее руками и зашептала что-то ласковое.

— Никто на мне не женится! — всхлипывала Эл. — Я же должна была выйти замуж за Джейсона Уотерсона, помогать ему держать лавку. А теперь он на мне не женится! И никто не женится!

Я посмотрел на Крин и увидел в ее влажных глазах тот же страх. Но у Крин глаза были злые, в то время как в глазах Эл застыло отчаяние.

— Мужчина, который так считает, — просто дурак! — сказал я, вложив в свой голос всю убежденность, какую сумел найти в себе. — А вы слишком умные и красивые, чтобы выходить замуж за дураков.

Эл это как будто немного утешило. Она уставилась на меня, как будто искала что-то, во что можно верить.

— Нет, правда, — сказал я. — Все, что случилось, — не ваша вина. Постарайтесь этого не забывать в следующие несколько дней.

— Ненавижу их!!! — бросила Эл, изумив меня этой внезапной вспышкой ярости. — Ненавижу мужиков!!!

Она стиснула поводья Серой так, что костяшки побелели. Лицо у нее исказилось, превратившись в гневную маску. Крин обняла Эл, но, когда она посмотрела на меня, я увидел, что в ее темных глазах молчаливо отражается то же чувство.

— Ты, конечно, имеешь право их ненавидеть, — сказал я, испытывая такую ярость и беспомощность, как никогда в жизни. — Но ведь и я тоже мужик. Мы не все одинаковые.

Мы немного посидели там, меньше чем в километре от городка. Попили водички, перекусили, чтобы успокоиться. А потом я повел их домой.

ГЛАВА 135

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Левиншир был городок небольшой. Там жило сотни две народу — сотни три, если считать с соседними фермами. Когда мы приехали, было время обеда, и проселочная дорога, делящая городок пополам, была тиха и пустынна. Эл сказала мне, что ее дом на том конце городка. Я надеялся провести туда девушек так, чтобы их никто не заметил. Они были измученные и усталые. Последнее, что им было нужно, — это толпа судачащих соседей.

Но увы, не сложилось. Мы дошли до середины дороги, когда в одном окошке что-то мелькнуло. Женский голос вскричал: «Эл!», и через десять секунд из всех дверей хлынули люди.

Проворней всего оказались женщины, и не прошло и минуты, как девушек плотным кольцом окружили десяток теток, гомонящих, плачущих и обнимающихся. Девушки, похоже, не возражали. Может, оно и к лучшему. Теплый прием должен помочь им оправиться.

Мужчины держались в стороне, понимая, что в таком деле от них толку мало. Большинство из них глазели с порога или с крыльца. Человек шесть-восемь вышли на улицу и, не торопясь, наблюдали за развитием событий. Это были люди осторожные, крестьяне и друзья крестьян. Они знали по имени всех, кто живет на десять километров в округе. В таких городках, как Левиншир, чужих нет — я исключение.

Никто из мужчин не был близким родственником девушек. А даже если и был, они понимали, что в течение ближайшего часа, а может, и ближайшего дня к ним не подберешься. Так что они предоставили все своим женам и сестрам. Поскольку больше им заняться было нечем, они мимоходом окинули взглядом лошадей и воззрились на меня.

Я поманил к себе мальчонку лет десяти:

— Ступай, скажи мэру, что его дочка вернулась. Бегом!

Мальчишка сорвался с места, подняв облако дорожной пыли, замелькали босые пятки.

Мужчины медленно стягивались поближе ко мне: недавние события вдесятеро усилили их природное недоверие к чужим. Парнишка лет двенадцати был не так осторожен, как прочие, и подошел ко мне вплотную, разглядывая мой меч и мой плащ.

— Тебя как звать? — спросил я.

— Пит.

— Пит, ты верхом ездить умеешь?

Малый обиделся.

— А то!

— Где ферма Уокеров, знаешь?

Он кивнул.

— Туда, на север, в трех километрах по дороге на мельницу.

Я шагнул в сторону и вручил ему поводья чалого.

— Поезжай, скажи, что их дочка вернулась. И отдай коня, пусть на нем сюда и приедут.

Он очутился в седле прежде, чем я успел предложить подсадить. Я не отпускал поводья, пока не подтянул стремяна: убьется еще по дороге.

— Если смотаешься туда и обратно, не свернув шею ни себе, ни моей лошади, получишь пенни, — сказал я.

— Два пенни! — потребовал он.

Я расхохотался. Он развернул коня и умчался.

Мужчины тем временем подтянулись ближе, окружив меня неплотным кольцом.

Высокий лысеющий мужик с хмурой рожей и седеющей бородой, похоже, взял на себя роль главного.

— А ты кто такой? — осведомился он. Его тон говорил яснее слов: «А ты что за перец?»

— Квоут, — любезно ответил я. — А ты?

— По-моему, это не твое дело, — проворчал он. — Зачем пожаловал?

«Какого черта ты сюда приперся, да еще с нашими девками?»

— Мать Божия, Сет, — сказал ему мужик постарше. — Тебе Бог ума дал меньше, чем собаке. Не стоит так говорить с...

— А ты поперек меня не влазь, Бенджамин! — ошетинился хмурый. — Что мы, права не имеем знать, кто он таков?

Он повернулся ко мне и вышел на несколько шагов вперед всех прочих.

— Ты — из тех ублюдков-комедиантов, что тут давеча проезжали?

Я покачал головой, стараясь выглядеть безобидным.

— Нет.

— А по-моему, да! По-моему, ты как раз сильно смахиваешь на этих эдема руэ! Зыришь по-ихнему.

Стоящие вокруг мужики вытянули шеи, чтобы заглянуть мне в лицо.

— Господи, Сет! — снова вмешался старик. — Среди них не было ни

одного рыжего. Такую шевелюру, да не запомнить! Не из ихних он.

— И зачем бы мне привозить их обратно, если бы я был одним из тех, кто их увез? — заметил я.

Мужик помрачнел еще сильнее и снова принялся наступать на меня.

— Что, малый, умничать вздумал? Может, думаешь, мы тут дурные все? Решил, что если привезешь их взад, то получишь награду и погони за вами больше не будет?

Он теперь стоял почти на расстоянии вытянутой руки, и рожа у него была свирепая.

Я огляделся и увидел тот же гнев на лицах всех прочих мужчин, что стояли вокруг. Это был тот гнев, что мало-помалу накапливается в сердцах добрых людей, жаждущих справедливости и не способных ее обрести, а оттого рвущихся отомстить первому, кто попадется под руку.

Я попытался придумать способ разрядить ситуацию, но прежде, чем я нашелся, услышал у себя за спиной резкий возглас Крин:

— Сет! А ну отойди от него!

Сет замялся. Он уже тянул ко мне руки.

— Ну...

Крин уже шла на него. Группка женщин расступилась, пропуская ее, но по-прежнему стояла тесно.

— Он же нас спас, Сет! — заорала она. — Ты, тупой дерьмояд, спас он нас, понял?! А вы все где были, черт вас возьми? Почему вы не попытались нас выручить?

Сет отступил от меня. На его лице боролись гнев и стыд. Гнев взял верх.

— Мы попытались! — рявкнул он. — Под Билом убили коня, ему раздавило ногу. Джима пырнули ножом в руку, старый Каппер до сих пор в себя не пришел, так его отколошматили. Они нас едва не убили!

Я снова огляделся по сторонам и увидел гнев на лицах мужчин. Теперь я видел его подлинную причину. Бессилие, которое они ощущали, не в силах защитить свой городок от бесчинств фальшивой труппы. Они не смогли отстоять дочерей своих друзей и соседей, и им было стыдно.

— Плохо, значит, пытались! — с жаром бросила Крин. Глаза у нее горели. — А вот он сумел нас спасти, потому что он настоящий мужчина! Не то что вы, которые бросили нас умирать!

Молодой человек слева от меня, крестьянин лет семнадцати, не сдержал гнева.

— Ничего бы этого не случилось, кабы ты не бегала за ними, как эдемская шлюха!

Я сломал ему руку прежде, чем сообразил, что делаю. Он с воплем рухнул на землю.

Я взял его за шкуру и поставил на ноги.

— Как твое имя? — рявкнул я ему в лицо.

— Рука, рука! — заохал он. Глаза у него начали закатываться.

Я потрянул его, как тряпичную куклу.

— Имя!

— Джейсон! — выпалил он. — Матерь Божия, рука...

Я взял его свободной рукой за подбородок и развернул его лицом в сторону Крин и Эл.

— Джейсон, — тихо прошипел я ему на ухо, — я хочу, чтобы ты посмотрел на этих девушек. Посмотрел и подумал о том, в каком аду они жили все эти дни, связанные по рукам и ногам в фургоне. Я хочу, чтобы ты спросил себя, что хуже: оказаться со сломанной рукой или чтобы тебя похитили чужаки, которые насилуют тебя по четыре раза за ночь?

Потом я развернул его лицом к себе и заговорил так тихо, что это был даже и не шепот:

— А когда ты об этом подумаешь, помолись, чтобы Бог тебе простил то, что ты сейчас сказал. И если ты будешь молиться искренне, Тейлу сделает так, чтобы твоя рука зажила и вновь стала цела и невредима.

Глаза у него были испуганные, на мокром месте.

— И после этого, если ты только позволишь себе подумать недоброе про любую из них, рука твоя заболит, как будто в кость ткнули каленым железом. А если ты скажешь недоброе слово, у тебя начнется лихорадка и костная гниль, и руку придется отрезать, чтобы спасти тебе жизнь.

Я усилил хватку, видя, как глаза у него расширились.

— А если ты что-нибудь сделаешь кому-то из них, об этом узнаю я. И я вернусь сюда, и убью тебя, и повешу твой труп на дереве.

Теперь по щекам у него катились слезы, хотя от чего именно — от стыда, от страха или от боли, — сказать трудно.

— А теперь поди и извинись перед ней за свои слова.

Я отпустил его, убедившись, что он твердо стоит на ногах, и указал ему в сторону Крин и Эл. Женщины окружили девушек, как будто защитным коконом.

Парень осторожно держался за сломанную руку.

— Я был не прав, что сказал это, Элли, — всхлипнул он. Он выглядел куда более несчастным и полным раскаяния, чем, я предполагал, можно быть даже со сломанной рукой. — Это какой-то демон говорил через меня. Но я правда с ума сходил, клянусь! Все мы тут с ума сходили от

беспокойства. И мы правда пытались вас выручить, но их там было много, они напали на нас на дороге, и нам пришлось тащить домой Била, а то бы он помер из-за ноги.

Имя парнишки вдруг показалось мне знакомым. Джейсон? Уж не сломал ли я руку жениху Эл? Виноватым я себя при этом отчего-то не чувствовал. На самом деле для него так лучше.

Оглядевшись по сторонам, я увидел, как гнев с лиц исчезает, как будто я только что одним махом смел все запасы гнева, что были в городе. Вместо этого они смотрели на Джейсона в некотором смущении, как будто парнишка извинялся за них за всех.

Тут я увидел крупного, пышущего здоровьем мужчину, который бежал по улице вместе с еще десятком местных. По выражению его лица я угадал, что это был отец Эл, мэр городка. Он протолкался через толпу женщин, подхватил дочку на руки и закружил.

В городках вроде этого бывает два вида мэров. Один — это лысеющие упитанные дядьки в годах, которые умеют наживать деньгу и ломают руки, когда случается что-то непредвиденное. Второй — это высокие, широкоплечие мужчины, чьи семьи мало-помалу разбогатели в результате того, что они пахали как проклятые на протяжении двадцати поколений. Отец Эл был как раз этого сорта.

Он подошел ко мне, одной рукой обнимая дочурку за плечи.

— Я так понимаю, это вас надо благодарить за то, что вы вернули наших девочек?

Он потянулся пожать мне руку, и я увидел, что предплечье у него перевязано. Однако рукопожатие у него было крепкое, несмотря на рану. Он улыбнулся самой открытой улыбкой, какую я видел с тех пор, как расстался с Симмоном в Университете.

— Как ваша рука? — спросил я, не сознавая, как это прозвучит. Его улыбка слегка поувяла, и я поспешно добавил: — Я немного учился на лекаря. И знаю, что такие раны могут быть весьма коварными, когда их лечат не дома.

«И когда живешь в деревне, где ртуть считают за лекарство», — подумал я про себя.

Он снова расплылся в улыбке и пошевелил пальцами.

— Двигается плоховато, а так ничего. В мясо попало, и то слегка. Они нас врасплох застали. Я одного было ухватил, а он меня ткнул и удрал. Как же вам-то удалось отбить девочек у этих безбожных ублюдков руэ?

— Это не были эдема руэ, — сказал я. Голос мой звучал более напряженно, чем мне хотелось бы. — Это даже не были настоящие актеры.

Его лицо снова начало вытягиваться.

— Вы что имеете в виду?

— Это не были эдема руэ. Мы не делаем того, что сделали они.

— Послушайте, — напрямик сказал мэр, понемногу начиная злиться, — уж мне ли не знать, что они делают, а чего не делают! Они сюда явились такими милыми и славными, поиграли, попели, заработали пару пенни. А потом принялись куролесить. А когда мы велели им убираться, они забрали мою дочку!

Произнося последние слова, он только что пламенем не пыхал.

— Мы? — слабо переспросил кто-то у меня за спиной. — Джим, он сказал «мы»!

Сет вылез из-за спины мэра и, насупившись, снова уставился на меня.

— Говорил я вам, что он выглядит как они! — торжествующе провозгласил он. — Уж я-то их знаю! Их всегда по глазам видно.

— А ну, постой, — медленно произнес мэр, словно не веря своим ушам. — Так ты, говоришь, из этих?

Лицо его сделалось угрожающим.

Прежде чем я успел объясниться, Эл повисла на его здоровой руке.

— Ой, папочка, не зли его! — поспешно сказала она, словно пытаясь его оттащить подальше от меня. — Не говори ничего такого, что бы его рассердило! Он не с ними. Он меня назад привез, он меня спас!

Мэр, похоже, слегка смягчился, однако от его радушия не осталось и следа.

— А ну, объясни! — угрюмо сказал он.

Я вздохнул про себя, осознав, какую кашу я заварил.

— Это были не актеры и уж точно не эдема руэ. Это были разбойники, они убили моих родичей и украли их фургоны. Они только притворялись актерами.

— Зачем кому-то притворяться эдема руэ? — спросил мэр, как будто сама эта мысль не укладывалась у него в голове.

— Да затем, чтобы делать то, что сделали они! — бросил я. — Вы пустили их к себе в город, а они злоупотребили вашим доверием! Эдема руэ никогда бы так не поступили.

— Ты не ответил на мой вопрос, — сказал он. — Как ты отбил девочек?

— Я с ними разобрался, — коротко ответил я.

— Он их убил, — сказала Крин достаточно громко, чтобы слышали все. — Он убил их всех.

Я чувствовал, что все смотрят на меня. Половина из них думала:

«Всех? Он убил семерых мужиков?» Вторая половина думала: «С ними было две женщины, он убил и их тоже?»

— Ну ладно...

Мэр долго смотрел на меня сверху вниз.

— Хорошо, — промолвил он, как будто только что принял решение. — Это хорошо. Это сделало мир лучше.

Я почувствовал, как все слегка расслабились.

— Это их лошади, — я указал на двух лошадей с нашими вьюками. — Теперь они принадлежат девушкам. Километрах в шестидесяти к востоку вы найдете фургоны. Крин может показать, где они спрятаны. Они тоже принадлежат девушкам.

— В Темсфорде за них дадут неплохие деньги... — задумчиво проговорил мэр.

— Вместе с инструментами и одеждой можно выручить кругленькую сумму, — согласился я. — Если поделить на двоих, выйдет приличное приданое, — твердо добавил я.

Он встретился со мной взглядом, медленно кивнул в знак того, что понял.

— Ну да.

— А как насчет того, что у нас награбили? — возмутился крепкий мужик в фартуке. — Они вломились ко мне и сперли два бочонка моего лучшего эля!

— У тебя дочки есть? — спокойно спросил я. Судя по пришибленному выражению, которое внезапно появилось на его лице, дочки были. Я посмотрел ему в глаза. — Тогда, думаю, ты дешево отделался.

Мэр наконец обратил внимание на Джейсона, держащегося за сломанную руку.

— Что с тобой такое?

Джейсон потупился, и Сет ответил вместо него:

— Да наговорил всякого, чего не следовало.

Мэр огляделся по сторонам и увидел, что добиться более внятного ответа на вопрос можно будет только под пыткой. Он пожал плечами и оставил эту тему.

— Хочешь, шину наложу? — по-свойски предложил я.

— Нет! — воскликнул Джейсон, потом поспешно сдал назад: — Я лучше к Бабуле схожу.

Я бросил взгляд на мэра.

— К Бабуле?

Мэр тепло улыбнулся.

— Бабуля нас всех штопает, когда мы разобьем коленку.
— А Бил тоже у нее? — спросил я. — Тот человек, кому раздавило ногу?

Он кивнул.

— Она с него еще целый оборот глаз не спустит, если я ее хоть чуть-чуть знаю.

— Давай провожу, — сказал я вспотевшему парнишке, который бережно баюкал руку. — Хочу поглядеть на ее работу.

* * *

Здесь, вдали от всякой цивилизации, я ожидал, что «Бабуля» окажется сторбленной старушонкой, пользующей своих пациентов пиявками и царской водкой.

Увидев ее дом изнутри, я изменил свое мнение. Стены были увешаны пучками сушеных трав, на полках стояли пузырьки с тщательно наклеенными ярлыками. На небольшом столе лежали три тяжелых кожаных фолианта. Один из них был открыт, и я признал в нем «Героборику». На полях виднелись рукописные пометки, некоторые статьи были исправлены или вычеркнуты полностью.

Бабуля оказалась совсем не такой старой, как я думал, хотя седых волос у нее хватало. И сторбленной она не была — по правде говоря, она оказалась выше меня, с широкими плечами и круглым улыбчивым лицом.

Она повесила над огнем медный котелок, что-то мурлыча себе под нос. Потом достала ножницы, усадила Джейсона, аккуратно ощупала его руку. Бледный и вспотевший, парнишка непрерывно тараторил, пока она методично резала на нем рубаху. Не прошло и нескольких минут, как он безо всяких расспросов подробно, хотя и не по порядку выложил ей всю историю возвращения Эл и Крин.

— Какой аккуратный, чистый перелом, — заметила она наконец, перебив его. — Как это ты ухитрился?

Джейсон дико стрельнул глазами в мою сторону и тут же отвернулся.

— Да так, ничо, — быстро ответил он. Потом осознал, что на вопрос-то он не ответил. — Ну, то есть...

— Это я ее сломал, — сказал я. — Я подумал, что мне как минимум следует проводить его и посмотреть, не смогу ли я помочь ее выправить.

Бабуля взглянула на меня.

— А ты уже имел дело с такими вещами?

— Я учился медицине в Университете, — ответил я.

Она пожала плечами.

— Ну, тогда ты, наверно, сумеешь поддержать шину, пока я буду бинтовать. У меня тут есть девочка-помощница, но она удрала на улицу, когда услышала шум.

Джейсон нервно косился на меня, пока я крепко прижимал к его руке деревянные рейки, но Бабуле потребовалось меньше трех минут, чтобы наложить шину со скучающим и привычным видом. Наблюдая за ее работой, я пришел к выводу, что она стоит больше, чем половина студентов, которых я знал по медике.

Когда мы управились, она посмотрела на Джейсона сверху вниз и сказала:

— Повезло тебе, ничего вправлять не пришлось. Береги руку, ничего ею не делай в течение месяца, заживет и будет как новенькая.

Джейсон удалился как можно поспешнее, а Бабуля, после некоторых уговоров, разрешила мне осмотреть Била, который лежал у нее в задней комнате.

Если у Джейсона перелом был чистый и аккуратный, то у Била — настолько неряшливый, насколько вообще таким может быть перелом. Обе кости голени были сломаны в нескольких местах. Под повязками было не видно, но нога жутко опухла. Выше повязок кожа посинела, покрылась пятнами и натянулась, как туго набитая колбаса.

Бил был бледен, но бодр, и было похоже, что нога у него уцелеет. Много ли от нее будет проку — вопрос другой. Может, он всего лишь охромеет, но за то, что он сможет снова бегать, я бы не поручился.

— Ну что это за люди такие, убить человеку лошадь, а? — негодуя говорил он. Его лицо блестело от пота. — Кто ж так делает-то?

Лошадь, разумеется, была его собственная. А городок был не из тех, где у людей имеются лишние лошади. Бил был молодой мужик, недавно женился, у него была своя маленькая ферма, и, возможно, он больше никогда не сможет ходить — все только потому, что пытался сделать то, что следовало. Больно было об этом думать.

Бабуля дала ему две ложки какого-то лекарства из коричневого пузырька, и глаза у него закрылись. Она выпроводила меня из комнаты, вышла сама и затворила дверь.

— Перелом открытый? — спросил я, как только дверь закрылась.

Она кивнула и поставила пузырек на полку.

— А чем вы пользуетесь для того, чтобы избежать заражения крови?

— Это в смысле чтобы рана не загнила? — переспросила она. —

Бараньей колючкой.

— В самом деле? — спросил я. — А не марантой?

— Марантой! — фыркнула она, подбросила дров в очаг и сняла с него закипающий котелок. — Ты хоть раз пробовал убереечь рану от загнивания марантой?

— Нет, — признался я.

— Ну, тогда имей в виду, а то еще загубишь кого-нибудь.

Она достала пару деревянных чашек.

— От маранты никакого проку нет. Есть ее можно, коли хочешь, и все.

— Однако мазь из маранты и бессамера считается идеальным средством...

— Бессамер — еще туда-сюда, — признала она. — Но баранья колючка лучше. Я бы, конечно, предпочла красный клинок, но не всегда под рукой есть то, что хотелось бы. Я использую мазь из матушкиного листа и бараньей колючки, и, как видишь, он себя неплохо чувствует. Маранту просто нетрудно добыть, и она растирается в однородную кашицу, но никаких особых целебных свойств не имеет.

Она покачала головой.

— Маранта и камфара. Маранта и бессамер. Маранта и соляная лоза. Маранта ни от чего не лечит. Она просто хороший наполнитель для действенных лекарственных средств.

Я открыл было рот, чтобы возразить, потом огляделся, посмотрел на стены, на исчерканный экземпляр «Героборики»... И закрыл рог.

Бабуля налила горячей воды из котелка в обе чашки.

— Присядь, посиди, — сказала она. — А то у тебя такой вид, будто ты на последнем издыхании.

Я с вождением поглядел на стул.

— Да нет, мне, наверно, надо вернуться... — сказал я.

— Ну уж чайку-то ты выпить можешь! — сказала она, взяв меня за руку и решительно усадив на стул. — И перекусить по-быстрому. Ты бледен, как высушенная кость, а у меня тут завалялся кусочек сладкого пудинга, и съесть его некому.

Я попытался вспомнить, обедал ли я сегодня. Девушек кормил, это я помнил...

— Да нет, я не хочу причинять вам лишних хлопот, — сказал я. — Я уж и так задал вам лишней работы.

— А, этому парнишке давно пора было что-нибудь сломать! — небрежно заметила она. — А то язык у него такой, что прямо беда.

Она протянула мне деревянную чашку.

— На-ка, пей, а я тебе пудинга положу.

Над чашкой поднимался на удивление душистый пар.

— Что это? — спросил я.

— Шиповник. И бренди яблочное — сама гнала!

Она широко улыбнулась, вокруг глаз разбежались лучики морщинок.

— Если хочешь, могу еще и маранты положить!

Я улыбнулся и отхлебнул. Теплое питье разошлось в груди, и я немного расслабился. Даже странно: до этого я и не замечал, насколько был напряжен.

Бабуля немного повозилась, поставила на стол две тарелки и села на соседний стул.

— Так ты их правда убил? — спросила она напрямик. Это было не обвинение. Просто вопрос.

Я кивнул.

— Наверно, лучше бы ты этого никому не говорил, — сказала она. — Шум поднимется. Захотят устроить разбирательство, придется звать выездного судью из Темсфорда...

— Я и не говорил, — ответил я. — Это все Крин.

— А-а, — сказала она.

Разговор временно иссяк. Я допил последний глоток, но, когда хотел поставить чашку на стол, руки у меня так тряслись, что чашка громко стукнула о стол, словно нетерпеливый гость, ломящийся в двери.

Бабуля спокойно прихлебывала свой чай.

— Не хочется мне об этом говорить, — сказал я наконец. — Это было нехорошее дело.

— Многие с тобой не согласятся, — мягко ответила она. — Думаю, ты сделал то, что следовало.

От этих слов у меня вдруг жестоко защемило в глазах, как будто я вот-вот разрыдаюсь.

— Я в этом не так уверен, — сказал я. Мой голос казался каким-то чужим. Руки у меня затряслись еще сильнее.

Бабулю это, похоже, не удивило.

— А ты уже дня два, как не отдыхал толком, верно?

Ее тон ясно давал понять, что это не вопрос.

— Я такого навидалась. Ты трудился не покладая рук. Заботился о девушках. Недосыпал. Наверно, и не ел толком.

Она подвинула мне тарелку.

— Ты кушай пудинг, кушай. Когда поешь, будет лучше.

Я стал есть пудинг. Не доев, я расплакался, давась, как будто еда

застряла у меня в глотке.

Бабуля налила мне еще чаю, плеснула туда немного бренди.

— На-ка, выпей, — повторила она.

Я отхлебнул чаю. Я не собирался ничего говорить, но все равно заговорил помимо своей воли.

— Наверно, со мной что-то не так, — тихо сказал я. — Нормальный человек не может делать такого, что я делаю. Нормальный человек не стал бы убивать людей так, как я.

— Может быть, — согласилась она, прихлебывая чай. — Но что бы ты сделал, если бы я тебе сказала, что нога у Била сделалась зеленоватой под повязками и от нее идет сладковатый запах?

Я испуганно вскинул голову.

— У него гангрена?!

Она покачала головой.

— Нет. Я же говорила, с ним все хорошо. Но все-таки: если вдруг?

— Придется отрезать ногу, — сказал я.

Бабуля серьезно кивнула.

— Верно. И чем быстрее, тем лучше. Сегодня же. Не тянуть, не надеяться на то, что он, может быть, сам собой как-нибудь оклемается. Это ничем не поможет, только убьет его.

Она отхлебнула еще и взглянула на меня поверх чашки, как бы спрашивая, так или нет.

Я кивнул. Я знал, что это правда.

— Ты немного разбираешься в медицине, — сказала она. — Ты знаешь, что настоящее врачевание часто требует делать тяжкий выбор.

Она посмотрела на меня прямо и жестко.

— Мы не такие, как все прочие люди. Иногда приходится прижигать человека каленым железом, чтобы остановить кровь. Иногда приходится погубить младенца, чтобы спасти мать. Это тяжело, и благодарности ждать не приходится. Но именно нам приходится делать выбор.

Она еще раз не спеша отхлебнула чаю.

— В первые несколько раз — труднее всего. Тебя трясет, ты не можешь спать. Но такова цена, которую приходится платить за то, что делаешь то, что должно.

— Там и женщины были... — сказал я прерывающимся голосом.

Глаза Бабули сверкнули.

— А они заслужили это вдвое больше остальных! — сказала она, и такая свирепая ярость вспыхнула вдруг на этом добром лице, что я был застигнут врасплох. По спине у меня мурашки поползли от страха. —

Мужчина, который мог так поступить с девушкой, — все равно что бешеный пес. Он даже и не человек, просто зверь, которого нужно пристрелить. Но женщина, которая ему в этом помогает... Она гораздо хуже. Она-то понимает, что делает. Понимает, что это значит.

Бабуля аккуратно поставила чашку на стол. Ее лицо снова сделалось спокойным.

— Если нога загнила, ее надо отрезать!

Она решительно рубанула воздух ладонью, потом взяла свой кусок пудинга и принялась его есть руками.

— А некоторых людей надо убивать. Только и всего.

* * *

К тому времени, как я взял себя в руки и вышел на улицу, толпа посреди городка разрослась. Местный кабатчик выкатил на крыльцо бочонок, и в воздухе сладко пахло пивом.

Родители Крин прискакали в городок верхом на чалом. Пит тоже был тут, бегом прибежал. Он предъявил мне свою шею, целую и невредимую, и потребовал свои законные два пенни.

Родители Крин тепло поблагодарили меня. Они, похоже, были добрые люди. По большей части люди добрые, когда у них есть такая возможность. Я ухватил чалого под уздцы и, используя его в качестве передвижной стенки, укрылся за ним, чтобы более или менее незаметно перекинуться парой слов с Крин.

Ее темные глаза слегка покраснели, но она радостно улыбалась.

— Постарайся взять себе Леди-Призрак, — сказал я, кивнув на одну из лошадок. — Она твоя!

Мэрова-то дочка в любом случае приданое получит неплохое, так что я постарался нагрузить на лошадь Крин наиболее ценные вещи и большую часть денег фальшивых актеров в придачу.

Мы встретились взглядом. Ее лицо стало серьезным, и она снова напомнила мне юную Денну.

— Ты уходишь, — сказала она.

Да, пожалуй, мне было пора. Она не пыталась уговорить меня остаться. Вместо этого она неожиданно обняла меня. Поцеловала меня в щеку и шепнула на ухо:

— Спасибо тебе!

Мы разомкнули объятия, понимая, что приличия большего не

дозволяют.

— Смотри не продавай себя по дешевке, не вздумай выйти замуж за какого-нибудь дурака! — сказал я, чувствуя, что надо что-нибудь сказать.

— И тебе того же! — ответила она. Ее темные глаза насмешливо блеснули.

Я взял под уздцы Серую и подвел ее к мэру, который стоял в сторонке, по-хозяйски оглядывая толпу. Он кивнул мне.

Я набрался духу.

— А констебль ваш тут?

Он вскинул бровь, потом пожал плечами и указал на толпу.

— Да вон он. Только он был в изрядном подпитии еще до того, как ты привез домой наших девочек. Не знаю, много ли тебе теперь будет от него толку.

— Ну, в общем... — неуверенно начал я. — Я так понимаю, теперь вам полагается посадить меня под замок, пока вы не сообщите выездному в Темсфорде?

Я кивнул на небольшое каменное строение в центре городка.

Мэр искоса взглянул на меня и слегка нахмурился.

— А тебе охота сидеть под замком?

— Не особенно, — признался я.

— Ну, так и ступай себе, куда хочешь, — сказал он.

— Выездной будет недоволен, когда узнает, — сказал я. — Не хотелось бы никого подводить под железный закон за то, что я сделал. За пособничество в побеге убийцы и повесить могут.

Верзила-мэр смерил меня взглядом. Его глаза задержались на моем мече, на моих поношенных сапогах. Я чувствовал, что он не упустил того факта, что на мне нет ни одной серьезной раны, хотя я недавно убил полдюжины вооруженных людей.

— И ты, значит, допустишь, чтобы тебя посадили под замок? — спросил он. — Вот прямо так запросто?

Я пожал плечами.

Он снова нахмурился, потом покачал головой, словно не мог меня понять.

— Ишь ты, какой кроткий, ни дать ни взять — ягненок! — удивленно произнес он. — Нет уж. Не стану я тебя сажать. Ничего ты не сделал, кроме того, что следовало.

— Я тому парнишке руку сломал, — напомнил я.

— Хм! — мрачно проворчал он. — А я и забыл!

Он сунул руку в карман, достал полпенни и вручил мне.

— Премного обязан.

Я расхохотался и сунул монетку в карман.

— Я вот чего думаю, — сказал он. — Пойду-ка я, попробую отыскать констебля. И объясню ему, что тебя надо посадить под замок. Ну а если ты тем временем смоешься под шумок, так мы тут будем ни при чем, верно же?

— Это будет небрежение в соблюдении закона, — сказал я. — Возможно, он получит за это несколько ударов плетью или лишится должности.

— Ну, до этого не дойдет! — сказал мэр. — А если даже и так, он все равно будет рад. Моя Элли ему племянница.

Он окинул взглядом толпу на улице.

— Ну что, хватит тебе пятнадцати минут, чтобы смыться под шумок?

— Если вам все равно, — попросил я, — не могли бы вы сказать, что я исчез таинственным и загадочным образом, как только вы повернулись ко мне спиной?

Он расхохотался.

— Почему бы и нет? Так что, тебе нужно больше пятнадцати минут, для пущей таинственности?

— Десяти за глаза хватит, — сказал я, снимая с чалого свой футляр с лютней и дорожный мешок и вручая поводья мэру. — Окажите мне услугу: позаботьтесь о нем до тех пор, пока Бил не встанет на ноги.

— Ты что же, своего коня отдаешь? — спросил он.

— Бил-то своего лишился, — ответил я, пожав плечами. — А мы, руэ, привычные ходить пешком. Конь-то мне вроде как и ни к чему, — сказал я, несколько покривив душой.

Верзила взял коня под уздцы и смерил меня долгим взглядом, словно не знал, что обо мне думать.

— Что мы можем для тебя сделать? — спросил он наконец.

— Не забывайте, что девочек похитили разбойники, — сказал я и повернулся, чтобы уйти. — А эдема руэ привез их назад.

ГЛАВА 136

ИНТЕРЛЮДИЯ

БЛИЗОСТЬ К ЗАБВЕНИЮ

Квоут поднял руку, останавливая Хрониста.

— Давайте передохнем, а?

Он окинул взглядом темный трактир.

— А то я сам несколько увлекся рассказом. А мне надо кое-что сделать, пока совсем не стемнело.

Трактирщик скованно поднялся на ноги и потянулся, зажег свечу от очага и принялся обходить трактир, одну за другой зажигая лампы, мало-помалу разгоняя тьму.

— Я и сам был полностью поглощен рассказом, — сказал Хронист, вставая и потягиваясь. — Который час?

— Поздно уже, — сказал Баст. — Я есть хочу.

Хронист выглянул на улицу через темное окно.

— Я-то думал, что к этому времени хотя бы несколько человек явятся поужинать. На обед собралась довольно внушительная толпа.

Квоут кивнул.

— Мои постоянные посетители давно бы пришли, если бы не похороны Шепа.

— А-а... — Хронист отвел взгляд. — Я и забыл. Что же получается: из-за меня вы оба туда не пошли?

Квоут зажег последнюю лампу за стойкой и задул свечу.

— Да нет, — сказал он. — Мы с Бастом не здешние. А местные — народ практичный. Они понимают, что у меня дела, уж какие ни на есть.

— К тому же ты не ладишь с отцом Леоденом, — добавил Баст.

— Да, и я не лажу с местным священником, — согласился Квоут. — А вот тебе следовало бы появиться, Баст. Если ты не придешь, это будет выглядеть странно.

Глаза Баста нервно забегали.

— Реши, я не хочу уходить!

Квоут тепло улыбнулся ему.

— Надо, Баст. Шеп был хороший человек, ступай, выпей на помин души. На самом деле...

Он наклонился, пошарил под стойкой и вытащил бутылку.

— На вот. Бутылка хорошего старого бренда. Ничего лучшего в здешних краях и требовать нельзя! Ступай, распей ее с остальными.

Он со стуком поставил бутылку на стойку.

Баст невольно шагнул вперед. На его лице боролись противоречивые чувства.

— Но, Реши, я...

— Там девушки пляшут, Баст, — сказал Квоут тихо и проникновенно. — Хорошенькие. Кто-то пикирует на скрипке, и они просто радуются жизни. Юбки взлетают в такт музыке. Все хохочут и слегка пьяны. Щечки покраснелись, так и просят поцелуя...

Он толкнул тяжелую коричневую бутылку, и та скользнула по стойке к его ученику.

— Ты будешь моим посланцем в городке. Может, я и застрял у себя в трактире, но ты можешь сходить и извиниться за меня.

Баст ухватил бутылку за горлышко.

— Я только чуток выпью, — сказал он голосом, хриплым от решимости. — И спляшу разок. И чмокну Кэти Миллер. Ну, и, может, еще вдову Криль. И все!

Он посмотрел Квоуту в глаза.

— Я только на полчаса!

Квоут тепло улыбнулся.

— У меня тут дела, Баст. Надо ужин готовить, и пусть у нашего приятеля пока рука отдохнет.

Баст хмыльнулся и взял бутылку.

— Тогда спляшу два раза!

Он рванул к двери, и, когда ее распахнул, вокруг него закружился ветер, растрепав ему волосы.

— Пожрать мне оставьте! — крикнул он через плечо.

И хлопнул дверью.

Хронист с любопытством взглянул на трактирщика.

Квоут слегка пожал плечами.

— Он слишком глубоко погрузился в мою повесть. Он ведь ничего не способен чувствовать наполовину. Пусть сбегает, развеется, это даст ему возможность взглянуть на все со стороны. К тому же мне и правда надо приготовить ужин, пусть даже на троих.

Писец достал из своего кожаного портфеля запачканную тряпицу и с отвращением уставился на нее.

— Ничего, если я попрошу у тебя чистую тряпочку? — спросил он.

Квоут кивнул и достал из-под стойки чистую льняную тряпицу.

— Больше ничего не надо?

Хронист встал и подошел к стойке.

— Если у тебя имеется крепкий алкоголь, то хорошо бы... — сказал он немного смущенно. — Мне неохота просить, но когда меня ограбили...

Квоут только рукой махнул.

— Брось, не дури, — сказал он. — Надо было еще вчера спросить, не нужно ли тебе чего.

Он вышел из-за стойки и направился к лестнице в подвал.

— Я так понимаю, древесный спирт подойдет лучше всего?

Хронист кивнул, и Квоут скрылся в подвале. Писец взял отглаженную тряпочку и принялся рассеянно мять ее в руках. Потом его взгляд упал на меч, висящий высоко на стене за стойкой. Серебристо-серый металл клинка на черном дереве подставки бросался в глаза.

Квоут поднялся по лестнице и принес прозрачную бутылочку.

— Может, еще чего надо? У меня тут неплохой запас бумаги и чернил имеется.

— Завтра, может, и пригодится, — сказал Хронист. — А то свою бумагу я почти всю извел. Ну а чернил сегодня вечером еще натолку.

— Не трудись, — небрежно сказал Квоут. — У меня есть несколько бутылок хороших чернил из Аруэха.

— Настоящих чернил из Аруэха? — изумленно переспросил Хронист.

Квоут широко улыбнулся и кивнул.

— Это невероятно любезно с твоей стороны, — сказал Хронист, немного расслабившись. — Должен признаться, мне совсем не улыбалось провести нынче вечером целый час за растиранием чернил.

Он взял прозрачную бутылочку и тряпку и остановился.

— Ты не против, если я задам тебе один вопрос? Ну, как бы не для публикации?

Квоут ухмыльнулся уголком рта.

— Ну, раз не для публикации, то давай.

— Я невольно обратил внимание, что твое описание Цезуры... э-э... — Хронист замялся. — Ну, в общем, не вполне соответствует данному конкретному мечу.

Он бросил взгляд на меч за стойкой.

— Гарда не такая, как ты описывал...

Квоут широко улыбнулся.

— А ты чертовски проницателен, верно?

— Нет, я вовсе не имел в виду, что... — поспешно сказал Хронист, заметно смутившись.

Квоут расхохотался — зычно, весело, от души. Его хохот раскатился по залу, и на миг трактир показался не таким уж пустым.

— Да нет. Ты абсолютно прав!

Он обернулся и посмотрел на меч.

— Это не... как там назвал его мальчик нынче утром?

Его взгляд на миг сделался отстраненным, потом он снова улыбнулся:

— Кайзера, «убийца поэтов».

— Мне просто стало любопытно, — виновато сказал Хронист.

— А мне, значит, положено было обидеться, что ты обратил на это внимание? — Квоут снова расхохотался. — Что за интерес рассказывать историю, если тебя не слушают?

Он нетерпеливо потер руки.

— Так, ладно. Готовим ужин. Что ты предпочтешь? Холодное или горячее? Суп или жаркое? Пудинг мне тоже неплохо удастся.

Договорились сделать что-нибудь попроще, чтобы не растапливать заново плиту на кухне. Квоут деловито сновал по трактиру, собирая все необходимое. Мурлыча себе под нос, он добыл из погреба холодную баранину и полголовки твердого, острого сыра.

— Баст будет приятно удивлен, — ухмыльнулся Квоут Хронисту, достав из кладовки банку маринованных оливок. — Он не знает, что у нас это есть, а то давно бы уже слопал.

Он развязал фартук и стащил его через голову.

— А в огороде, кажется, еще висит несколько помидоров.

Через несколько минут Квоут вернулся с узлом, свернутым из фартука. Его обрызгало дождем, волосы были растрепаны. На лице его сияла мальчишеская улыбка, и сейчас он очень мало походил на рассудительного, неспешного трактирщика.

— Погода все никак не решит, стоит ли устраивать бурю, — сказал он, расстелил фартук на стойке и аккуратно достал помидоры. — Но если она все-таки решится, ночью будет фургоны валять!

Он снова что-то рассеянно замурлыкал, нарезая и раскладывая еду на большом деревянном блюде.

Дверь «Путеводного камня» распахнулась, лампы замигали от внезапного порыва ветра. Ввалились двое солдат. Они ежились на ветру, мечи торчали позади них, как хвосты. Короткие бело-голубые военные плащи были испещрены дождевыми каплями.

Солдаты сбросили с плеч свою тяжелую поклажу, и тот, что пониже, навалился плечом на дверь, борясь с ветром.

— Зубы Господни! — сказал тот, что повыше, одергивая одежду. — В

такую ночь плохо спать под открытым небом.

Солдат был лыс, с густой черной бородой, плоской, как лопата. Он взглянул на Квоута.

— Эй, малый! — жизнерадостно бросил он. — То-то мы обрадовались, увидев свет в окнах! Сбегай-ка за хозяином, а? Надо перекинуться с ним парой слов.

Квоут взял со стойки свой фартук и нырнул в него.

— Я за него, — сказал он и откашлялся, завязывая тесемки. Потом пригладил ладонями растрепавшиеся волосы.

Бородач уставился на него, потом пожал плечами.

— Ну ладно. Как тут насчет обеда?

Трактирщик указал на пустынный зал.

— Я было решил, что котел на огонь ставить нет смысла, — сказал он. — Вот, чем богаты, тем и рады.

Солдаты подошли к стойке. Белокурый провел руками по своим кудрям, смахивая капли дождя.

— Городишко ваш будто вымер, что твоя стоячая канава, — сказал он. — Ни огонька кругом, кроме как у вас.

— Страда, целый день все в поле работали, — сказал трактирщик. — А сейчас на одном из хуторов поминки. Мы четверо сейчас едва ли не единственные люди во всем городке.

Он потер руки.

— Ну что, господа, не угодно ли вам будет выпить, чтобы согреться?

Он достал бутылку вина и поставил ее на стойку со смачным, заманчивым стуком.

— Да вишь, беда какая, — сказал белокурый солдат, смущенно улыбнувшись, — выпить-то я бы не прочь, да мы с приятелем только что взяли королевскую монету.

Он полез в карман и достал блестящую золотую монету.

— И больше никаких денег у меня при себе нет. У вас ведь небось не найдется сдачи с целого рояля, а?

— И у меня та же история, — буркнул бородатый. — У меня таких деньжищ отродясь не бывало, а иди-ка разменяй. В большинстве городков, где мы побывали, и полпенни разменять не берутся.

Он усмехнулся собственной шутке.

— Ну, тут я, пожалуй, сумею вам помочь, — беспечно ответил трактирщик.

Солдаты переглянулись. Белокурый кивнул.

— Ну, хорошо.

Белокурый сунул монету обратно в карман.

— Вот какое дело. По правде говоря, мы тут ночевать вовсе не собираемся.

Он взял со стойки кусок сыру и принялся жевать.

— И платить ни за что тоже не будем.

— Ага, — сказал трактирщик. — Понятно.

— Ну а раз у тебя есть достаточно денег, чтобы разменять два золотых рояла, то мы и их заберем! — с воодушевлением добавил бородатый.

Белокурый успокаивающе поднял руки.

— Но ничего дурного мы тебе не хотим. Мы люди не злые. Давай сюда свой кошель, и мы пойдем своей дорогой. Никого не тронем, ничего не поломаем. Конечно, тебе будет обидно, — он вскинул бровь, глядя на трактирщика. — Но быть обиженным куда лучше, чем убитым. Верно ведь?

Бородатый взглянул на Хрониста, сидящего у очага.

— А тебя это вообще не касается, — угрюмо сказал он, шевеля бородой. — Твоего нам ничего не надо. Просто сиди, где сидишь, и не возникай.

Хронист бросил взгляд на человека за стойкой, но трактирщик не сводил глаз с солдат.

Белокурый откусил еще сыру, блуждая взглядом по трактиру.

— Ты гляди, молодой парень, а недурно устроился! Когда мы уйдем, ты свое отобьешь. А если вздумаешь кобениться, мы тебе вышибем все зубы, трактир разнесем, и все равно ты останешься без кошелька.

Он бросил на стойку огрызок сыра и хлопнул в ладоши.

— Ну чего, будем вести себя культурно?

— Да, это звучит разумно, — сказал Квоут и вышел из-за стойки. Он двигался медленно и осторожно, как подходят к норовистой лошади. — Тем более что я и впрямь не варвар.

Квоут сунул руку в карман и достал кошелек. И протянул его одной рукой.

Белокурый солдат подошел к нему, небрежно, вразвалочку. Взял кошелек, одобрительно взвесил его на руке. Обернулся к своему другу, улыбнулся.

— Вот видишь, я же говорил...

Квоут плавно шагнул вперед и резко ударил солдата в челюсть. Тот пошатнулся и упал на одно колено. Кошелек взмыл в воздух и, звякнув, увесисто плюхнулся на пол.

Не успел солдат и головой тряхнуть, как Квоут подступил ближе и

спокойно пнул его ногой в плечо. Не тем резким ударом, от которого ломаются кости, а увесистым пинком, от которого мужик отлетел в сторону. Он растянулся на полу, неуклюже раскинув руки и ноги.

Второй солдат обошел своего дружка, широко ухмыляясь себе в бороду. Он был выше Квоута, и его кулачищи выглядели как сплошные узлы шрамов и костяшек.

— Ну, ла-адно, балбес! — протянул он с мрачным удовлетворением. — Щас ты у меня получишь!

Он замахнулся кулаком, но Квоут отступил в сторону и нанес солдату удар ногой чуть повыше колена. Бородач изумленно крикнул и слегка пошатнулся. Квоут подступил вплотную, ухватил бородастого за плечо, стиснул ему запястье и выкрутил руку под самым неестественным углом.

Верзила поневоле согнулся в три погибели, кривясь от боли. А потом резко выдернул руку из захвата. Квоут не успел опомниться, как солдат ударил его локтем в висок.

Трактирщик отшатнулся, пытаясь выиграть расстояние и время, чтобы прийти в себя. Однако солдат наступал, стиснув кулаки, и только и ждал, когда тот раскроется.

Не успел Квоут восстановить равновесие, как солдат шагнул к нему и сильно ударил кулаком в живот. Трактирщик болезненно ахнул, и, когда он начал сгибаться, солдат вторым кулаком ударил его в лицо, так что голова Квоута дернулась вбок и сам он едва не упал.

Квоут сумел удержаться на ногах, ухватившись за соседний столик. Моргая, он ударил кулаком наугад, чтобы заставить бородача держаться на расстоянии. Однако солдат просто отвел удар в сторону и стиснул запястье трактирщика здоровенной лапищей, так же легко, как отец хватает на улице расшалившегося ребенка.

По скуле у Квоута струилась кровь. Он попытался высвободить руку. Полуоглушенный, он сделал стремительное движение обеими руками, потом повторил его, рассчитывая освободиться. Взгляд у него был расфокусированный, мутный от растерянности. Он посмотрел на свою руку и повторил прием еще раз, но его кисти просто бессильно скользнули по узловатому кулаку солдата.

Бородач посмотрел на остолебеневшего трактирщика сверху вниз с насмешливым любопытством, потом замахнулся и отвесил ему увесистую затрещину.

— А ты малый не промах, — сказал он. — Ты даже сумел меня ударить!

Позади них медленно поднимался на ноги белокурый.

— Этот ублюдок меня со спины ударил!

Здоровяк дернул трактирщика за руку, так что тот вынужден был сделать шаг вперед.

— А ну-ка, извинись, балбес!

Трактирщик растерянно поморгал, открыл было рот, словно хотел что-то сказать, потом пошатнулся. Или, скорее, сделал вид, что пошатнулся. Падая, трактирщик резко ударил каблуком в подъем ноги солдата. Одновременно с этим он головой боднул бородача в нос.

Но верзила только рассмеялся, уклонился в сторону и дернул трактирщика за руку, заставив его снова потерять равновесие.

— Нечего, нечего! — насмешливо бросил он и тыльной стороной ладони хлестнул Квоута по щеке.

Трактирщик вскрикнул и зажал ладонью нос, из которого хлынула кровь. Солдат ухмыльнулся и тем временем сильно ударил трактирщика коленом в пах.

Квоут сложился пополам, беззвучно ахнул, потом издал несколько сдавленных звуков, как будто его тошнило.

Солдат все так же небрежно отпустил руку Квоута и взял со стойки бутылку с вином. Он ухватил бутылку за горлышко как дубинку. Ударившись о голову трактирщика, она издала глухой, почти металлический звон.

Квоут мешком рухнул на пол.

Здоровяк с любопытством поглядел на бутылку с вином и поставил ее обратно на стойку. Потом наклонился, ухватил трактирщика за грудки и выволок обмякшее тело на свободное место на полу. Он потыкал лежащего без сознания человека ногой, пока тот не начал вяло шевелиться.

— Я же тебе говорил, парень, что ты у меня получишь? — буркнул солдат и сильно ударил Квоута ногой в бок.

Белокурый подошел поближе, потирая скулу.

— Чо, больно умный, да? — сказал он и сплюнул на пол. Потом замахнулся ногой и тоже пнул лежащего. Трактирщик только зашипел сквозь зубы.

— Эй, ты! — бородатый ткнул толстым пальцем в Хрониста. — Ног-то у меня две! Хочешь, и тебе тоже врежу с ноги? Костяшки я уже рассадил. Если ты лишишься пары зубов, меня это не волнует!

Хронист огляделся и, похоже, неподдельно изумился, обнаружив, что вскочил на ноги. Он медленно опустился на стул.

Белокурый солдат, прихрамывая, подошел и поднял кошелек. Бородатый здоровяк по-прежнему стоял над Квоутом.

— Я так понимаю, ты решил, что попробовать стоит? — сказал он скорчившемуся на полу трактирщику, пиная его снова. — Дурак набитый! Заплывший жиром трактирщик против двоих людей короля?

Он покачал головой и сплюнул.

— Да кем ты себя, вообще, считаешь?

Лежащий на полу Квоут принялся издавать тихие, ритмичные звуки, сухие, негромкие звуки, царапавшие углы комнаты. Квоут на миг умолк, тяжело, мучительно набрал воздуха в грудь.

Бородатый солдат нахмурился и пнул его еще раз.

— Слышь, балбес, я тебя спрашиваю!

Трактирщик снова издал тот же звук, громче прежнего. И только теперь сделалось ясно, что он смеется. Каждый негромкий, отрывистый смешок звучал так, будто он выкашливал кусок битого стекла. И все-таки это был смех, смех, полный угрюмого веселья, как будто рыжий услышал шутку, понятную ему одному.

Это длилось довольно долго. Бородатый солдат пожал плечами и снова занес ногу.

Хронист кашлянул, и эти двое обернулись к нему.

— Ради того, чтобы все было культурно, — сказал он, — думаю, стоит упомянуть, что трактирщик отправил своего помощника с каким-то поручением. И он скоро должен вернуться...

Бородатый хлопнул своего напарника по груди тыльной стороной кисти.

— И то верно. Пошли отсюда!

— Минуточку, — сказал белокурый. Он торопливо подошел к стойке и схватил бутылку с вином.

— Ну, все, пошли!

Бородатый ухмыльнулся и зашел за стойку, нарочно наступив на лежащего трактирщика, вместо того чтобы переступить через него, схватил первую попавшуюся бутылку, опрокинул десяток других. Бутылки попадали и раскатились между двумя огромными бочками, высокая бутылка сапфирово-синего стекла медленно опрокинулась на пол и разлетелась вдребезги.

Не прошло и минуты, как прищельцы подхватили свои мешки и скрылись за дверью.

Хронист бросился к Квоуту, распростертому на деревянном полу. Рыжий уже пытался сесть.

— Надо же, какая незадача! — сказал Квоут. Он потрогал окровавленное лицо, посмотрел на свои пальцы. И снова захихикал

колючим, безрадостным смехом. — Я на миг забыл, кто я такой.

— Ты в порядке? — спросил Хронист.

Квоут задумчиво ощупал свою голову.

— Наверное, пару швов наложить придется.

— Чем я могу помочь? — спросил Хронист, переминаясь с ноги на ногу.

— Не суетись, а? — Квоут неуклюже поднялся на ноги и рухнул на один из высоких табуретов у стойки. — Если хочешь, можешь стакан воды принести. И, наверно, мокрую тряпку.

Хронист кинулся на кухню. Послышалась отчаянная возня, что-то попадало на пол.

Квоут закрыл глаза и тяжело привалился к стойке.

* * *

— А чего у вас дверь нараспашку? — осведомился Баст, переступив порог. — На улице холодрыга такая, что твои ведьмины сиськи...

Он ошеломленно застыл.

— Реши! Что случилось? Что?.. Я... Что случилось?!

— А-а, Баст! — сказал Квоут. — Закрой дверь, а?

Баст бросился к нему, лицо у него окаменело. Квоут сидел на табурете у стойки, с опухшим и окровавленным лицом. Рядом стоял Хронист, неуклюже промокая голову трактирщика влажным полотенцем.

— Мне, наверно, придется попросить тебя наложить несколько швов, Баст, — сказал Квоут. — Если тебе не трудно.

— Реши, — повторил Баст, — что случилось?

— Да мы с Деваном тут малость повздорили, — ответил Квоут, кивая на писца, — насчет правильного употребления сослагательного наклонения. Ну, и под конец разошлись.

Хронист посмотрел на Баста, побледнел и поспешно отступил на несколько шагов.

— Он шутит, шутит! — торопливо сказал он, вскинув руки. — Это были солдаты!

Квоут мучительно захихикал себе под нос. На зубах у него показалась кровь.

Баст окинул взглядом пустой трактир.

— Что ты с ними сделал?

— Да ничего особенного, Баст, — сказал трактирщик. — Теперь они,

наверно, уже за несколько километров отсюда.

— С ними было что-то не так, да, Реши? — спросил Баст. — Как с тем, вчерашним?

— Да нет, Баст, просто солдаты, — сказал Квоут. — Просто двое людей короля.

Баст посерел.

— Как?! — спросил он. — Реши, почему ты допустил, чтобы они это сделали?

Квоут посмотрел на Баста, словно не веря своим ушам. Коротко, горько рассмеялся, умолк, поморщился, втянул воздух сквозь зубы.

— Ну, это были такие славные, добродетельные юноши, — насмешливо сказал он. — Я и подумал: отчего бы не предоставить этим славным парням меня ограбить и вдобавок избить до кровавых соплей?

На лице Баста отразилось смятение.

— Но ты же...

Квоут утер кровь, которая угрожала залить ему глаза, и посмотрел на Баста так, словно тот был глупейшим созданием на свете.

— Ну? — осведомился он. — И что ты хочешь услышать?

— Двое солдат, Реши?

— Да! — рявкнул Квоут. — И даже не двое! Очевидно, одного головореза с увесистыми кулаками достаточно, чтобы избить меня до полусмерти!

Он яростно уставился на Баста, вскинул руки.

— Ну, что еще нужно, чтобы ты заткнулся? Тебе рассказать все как было? Ты хочешь знать подробности?

Баст даже отступил на шаг. Он побледнел еще сильнее, лицо у него сделалось испуганное.

Квоут тяжело уронил руки.

— Брось ждаться, что я окажусь тем, чем не являюсь, — тяжело дыша, сказал он и, ссутулившись, потер глаза, размазывая кровь по лицу. Он устало уронил голову. — Матерь Божия, ну почему бы тебе не оставить меня в покое?

Баст замер неподвижно, как испугнутый олень, глаза у него расширились.

Тишина заполнила комнату, густая и горькая, как клубы дыма.

Квоут медленно перевел дух. Это был единственный звук в трактире.

— Извини, Баст, — сказал он, не поднимая глаз. — Просто мне сейчас немножко больно. И боль взяла надо мной верх. погоди минутку, сейчас я с этим разберусь.

По-прежнему не поднимая глаз, Квоут зажмурился и сделал несколько медленных, неглубоких вдохов. Когда он поднял голову, лицо его было опечаленным.

— Прости меня, Баст, — сказал он. — Я не хотел на тебя орать.

Щеки Баста чуть-чуть порозовели, он повел напряженно застывшими плечами и нервно улыбнулся.

Квоут взял у Хрониста мокрое полотенце и снова стер кровь с глаза.

— Извини, что перебил, Баст. Так о чем ты собирался меня спросить?

Баст поколебался, потом сказал:

— Реши, ведь не прошло и трех дней, как ты убил пятерых скрелингов.

Он указал на дверь.

— Что такое какой-то головорез по сравнению с этим?

— Для скрелингов я довольно тщательно выбрал время и место, Баст, — сказал Квоут. — К тому же нельзя сказать, что я ушел оттуда целым и невредимым.

Хронист удивленно вскинул голову.

— Так ты был ранен? — спросил он. — А я и не знал. Со стороны было не видно...

Рот Квоута скривился в улыбочке.

— От старых привычек избавиться нелегко, — сказал он. — Надо же поддерживать репутацию. К тому же героям полагается получать раны только в достаточно драматических обстоятельствах. Если бы ты узнал, что после драки Баст извел на меня метра три шовного материала, это бы изрядно подпортило сюжет.

Лицо Баста просияло, как небо на восходе.

— Ой, да, конечно! — воскликнул он хриплым от облегчения голосом. — Я и забыл, что ты еще не оправился после битвы со скрелем! Я так и знал, что тут все не так просто.

Квоут опустил глаза и устало сник всем телом.

— Баст... — начал он.

— Я знал, Реши, я знал! — с напором повторил Баст. — Конечно же, какой-то головорез не мог одолеть тебя просто так!

Квоут неглубоко вздохнул и резко выдохнул.

— Да, Баст, наверняка дело в этом, — покладисто сказал он. — Думаю, будь я в форме, я без труда уложил бы обоих.

Лицо Баста снова сделалось неуверенным. Он обернулся к Хронисту.

— Но как же ты допустил, чтобы это случилось?! — осведомился он.

— Он не виноват, Баст, — рассеянно сказал Квоут. — Это я затеял

драку...

Он сунул несколько пальцев в рот, осторожно пощупал. Когда он вынул пальцы изо рта, они были ярко окрашены кровью.

— Наверное, этот зуб уже не спасти... — задумчиво сказал он.

— Нет, Реши! — свирепо сказал Баст. — Зуб ты не потеряешь!

Квоут слегка шевельнул плечами, словно старался ими пожать, не двигаясь сильнее необходимого.

— Баст, ну какое это имеет значение с точки зрения вечности?

Он прижал к голове полотенце, взглянул на него.

— И, наверно, швы тоже накладывать не надо.

Он выпрямился на табурете.

— Давайте поужинаем и вернемся к нашей истории.

Он взглянул на Хрониста, приподняв бровь.

— Если ты, конечно, все еще хочешь продолжать.

Хронист непонимающе уставился на него.

— Реши, — озабоченно сказал Баст, — тебе плохо!

Он потянулся к нему.

— Дай зрачки посмотрю!

— Да нет у меня никакого сотрясения, Баст! — раздраженно ответил Квоут. — У меня сломано четыре ребра, звенит в ушах и зуб шатается. И несколько мелких ссадин под волосами, которые выглядят серьезнее, чем на самом деле. Из носа кровь идет, но он не сломан. И завтра я буду разукрашен синяками, что твой гобелен.

Квоут снова слабо пожал плечами.

— Ничего, бывало и хуже. К тому же они напомнили мне о том, что я едва не забыл. Наверно, стоило бы их поблагодарить за это.

Он задумчиво пощупал свою челюсть, повозил языком во рту.

— Хотя не могу сказать, что я им особенно благодарен.

— Реши, швы наложить надо! — сказал Баст. — И дай я что-нибудь сделаю с этим зубом.

Квоут слез с табурета.

— Да нет, просто несколько дней буду жевать другой стороной.

Баст взял Квоута за руку. Глаза у него потемнели и сделались жесткими.

— Реши, сядь.

Это была отнюдь не просьба. Его голос сделался низким и резким, как далекий раскат грома.

— Сядь! Ну?!

Квоут сел.

Хронист одобрительно кивнул и обернулся к Басту.

— Чем я могу помочь?

— Не путайся под ногами! — резко бросил Баст. — И не давай ему вставать, пока меня не будет.

Он устремился наверх.

Ненадолго воцарилась тишина.

— Сослагательное наклонение, значит... — сказал Хронист.

— Совершенно бесполезная штука, — сказал Квоут. — Это в лучшем случае. Бессмысленное усложнение языка. Меня это оскорбляет.

— Ну, брось! — возразил Хронист, судя по всему, несколько задетый. — Сослагательное наклонение есть душа предположения. В умелых руках...

Он осекся: в комнату ворвался Баст, гневно хмурясь, с деревянной шкатулкой в руках.

— Воды принеси! — властно сказал он Хронисту. — Из бочки с дождевой водой, а не из насоса. Еще мне нужно молоко с ледника, немного подогретого меду и широкая миска. А потом убери весь этот бардак и не путайся под ногами.

Баст промыл ссадину на голове Квоута, потом вдел собственный волос в костяную иглу и наложил на кожу трактирщика четыре тугих шва, ровных, как у портнихи.

— Открой рот! — приказал Баст, заглянул внутрь, нахмурился, потрогал пальцем один из коренных зубов и кивнул.

Он протянул Квоуту стакан с водой.

— Прополощи рот, Реши. Сделай это пару раз, воду выплюни обратно в стакан.

Квоут повиновался. Выплюнутая вода была красна как вино.

Хронист вернулся с бутылкой молока. Баст понюхал его, потом плеснул немного в широкую глиняную миску. Добавил туда большую ложку меда, хорошенько размешал. Наконец он окунул палец в стакан с кровавой водой, вытащил его и уронил в миску одну каплю.

Баст еще раз все хорошенько размешал и протянул миску Квоуту.

— Отхлебни этого, — велел он. — Смотри не глотай. Держи во рту, пока я не скажу.

Квоут с любопытством наклонил миску и отхлебнул молока.

Баст тоже отхлебнул из миски. Потом надолго зажмурился. Лицо у него сделалось очень сосредоточенным. Потом открыл глаза, поднес миску ко рту Квоута и ткнул в нее пальцем.

Квоут выплюнул свой глоток молока. Он был абсолютно,

безукоризненно белым.

Баст поднес миску ко рту и выплюнул молоко. Оно было пенисто-розовым.

Глаза у Квоута расширились.

— Баст, — сказал он, — зря ты...

Баст резко отмахнулся. Глаза у него по-прежнему были жесткими.

— Я не спрашивал твоего мнения, Реши.

Трактирщик отвел взгляд. Ему было не по себе.

— Это куда больше, чем от тебя требуется, Баст.

Черноволосый юноша подался вперед и мягко коснулся щеки своего наставника. На миг он стал усталым, смертельно усталым. Баст медленно покачал головой, глядя на него насмешливо и горько.

— Дурак ты, Реши, — сказал он.

Он отвел руку, и усталость исчезла. Баст указал на Хрониста, ожидавшего за стойкой.

— Тащи жратву!

Указал на Квоута.

— Давай, рассказывай дальше!

Квоут развернулся на пятке, подошел к креслу, что стояло у очага, и воссел на него, словно на трон. Дважды резко хлопнул в ладоши.

— Ну, развлекайте меня! — сказал он, широко, безумно улыбаясь. И даже издалека, от стойки, обоим было видно, что на зубах у него кровь.

ГЛАВА 137

ВОПРОСЫ

Хотя мэр Левиншира, похоже, одобрил то, как я обошелся с фальшивыми актерами, я понимал, что на самом деле не все так просто. Согласно железному закону, я был виновен по меньшей мере в трех вопиющих преступлениях, каждого из которых было достаточно, чтобы меня повесить.

Увы, мое имя и внешность были известны всему Левинширу, и я опасался, что слухи об этих событиях обгонят меня в дороге. Если это случится, вполне может оказаться, что в одном из городков по пути местные констебли пожелают исполнить свой долг и посадят меня под замок до тех пор, пока не прибудет странствующий судья, дабы решить мою участь.

Так что я торопился как можно быстрее попасть в Северен. Два дня я быстро шел пешком, потом сел в почтовую карету, идущую на юг. Слухи разлетаются стремительно, но их все-таки можно опередить, если ты готов путешествовать быстро и спать мало.

Через три дня тряской езды я прибыл в Северен. Почтовая карета въехала в город через восточные ворота, и я впервые увидел ту железную клетку, о которой рассказывал Бредон. Зрелище побелевших костей меня отнюдь не успокоило. Маэр уморил человека в клетке за обычный разбой. Что же он сотворит с тем, кто убил на дороге девять странствующих актеров?

Я испытывал огромное искушение отправиться прямиком в «Четыре свечи», надеясь найти там Денну, несмотря на то что говорил мне Ктаэх. Но я был покрыт многодневной пылью и потом. Прежде чем с кем-то встречаться, мне требовалось принять ванну и почистить одежду.

Очутившись во дворце маэра, я тут же отправил кольцо и записку Стейпсу, зная, что это самый быстрый способ встретиться и поговорить наедине с маэром. После этого я поспешно отправился к себе, хотя для этого мне пришлось неучтиво растолкать некоторое количество придворных. Я едва успел бросить свой дорожный мешок и отправить посыльных за горячей водой, как в дверях появился Стейпс.

— Наш юный господин Квоут! — просиял он и потряс мою руку. — Как хорошо, что вы вернулись! Господь и владычица, я так за вас

переживал!

Его восторг заставил меня устало улыбнуться.

— И я тоже рад, что вернулся, Стейпс. Много ли я пропустил?

— Много ли вы пропустили? — рассмеялся он. — Ну, например, свадьбу.

— Свадьбу? — переспросил я, но понял ответ сразу, как задал вопрос. — Маэр женился?

Стейпс радостно закивал.

— О да, и свадьба была великолепная! Очень жаль, что вас не было, учитывая обстоятельства.

Он многозначительно взглянул на меня, но больше ничего не сказал. Стейпс всегда был весьма сдержан.

— Я вижу, они не стали терять времени, а?

— Со времени помолвки миновало два месяца, — сказал Стейпс с легкой укоризной. — Вполне достаточно для соблюдения приличий.

Я увидел, что он немного расслабился и подмигнул мне.

— Это не значит, что они не спешили.

Я усмехнулся. В дверях появились мальчишки-посыльные с ведрами, от которых валил пар. Плеск воды, которой наполняли ванну, показался мне нежной музыкой.

Дворецкий проводил их взглядом, потом подался ближе и сказал, понизив голос:

— Вам будет приятно знать, что и с другим неразрешенным делом тоже разобрались как следует.

Я непонимающе посмотрел на него, пытаясь вспомнить, что именно он может иметь в виду. Со времени моего ухода произошло столько всего...

Стейпс увидел мое замешательство.

— Кавдикус, — сказал он и горько поморщился, произнося это имя. — Дагон привез его всего через два дня после вашего ухода. Он окопался километрах в пятнадцати от города.

— Так близко? — удивился я.

Стейпс мрачно кивнул.

— Засел на каком-то хуторе, как барсук в норе. Он убил четверых личных телохранителей маэра, а Дагону это стоило глаза. Им удалось схватить его только после того, как они подожгли дом.

— И что было потом? — спросил я. — Суда, конечно, устраивать не стали.

— С ним разобрались, — повторил Стейпс. — Как следует.

Последнее он произнес веско, мрачно и неотвратно. Его глаза,

обычно добрые, сузились от ненависти. Сейчас этот круглолицый человечек очень мало походил на бакалейщика.

Я вспомнил, как Алверон спокойно распорядился: «Отрубите ему большие пальцы на руках». Учитывая то, что мне было известно о вспыльчивости и решительности Алверона, скорее всего, Кавдикуса больше никто никогда не увидит.

— А удалось ли маэру выяснить, зачем?

Я говорил вполголоса и все же больше ничего вслух не сказал, понимая, что Стейпс не одобрит, если я упомяну об отравлении вслух.

— Мне не пристало это обсуждать, — уклончиво ответил Стейпс. Его голос звучал слегка оскорбленно, как будто мне следовало понимать, что ему подобных вопросов задавать не стоит.

Я оставил эту тему, понимая, что больше ничего из Стейпса не вытянешь.

— Окажите мне услугу: передайте маэру от меня одну вещь, — сказал я и подошел к своему потрепанному дорожному мешку. Я порылся в нем и достал шкатулку маэра, лежавшую на самом дне.

Я протянул шкатулку Стейпсу.

— Я точно не знаю, что там, — сказал я. — Но на крышке — его герб. И она тяжелая. Надеюсь, там часть похищенных налогов.

Я улыбнулся.

— Скажите ему, что это свадебный подарок.

Стейпс взял шкатулку и улыбнулся.

— Я уверен, что он будет рад.

Появилось еще трое посыльных, но только двое пробежали мимо нас с ведрами. Третий подошел к Стейпсу и передал ему записку. Из соседней комнаты снова раздался плеск, и все трое мальчишек удалились, украдкой взглянув на меня.

Стейпс пробежал глазами записку и взглянул на меня.

— Маэр выражает надежду, что вам будет удобно встретиться с ним в саду после пятого колокола, — сказал он.

«В саду» означало вежливую беседу. Если бы маэр хотел поговорить всерьез, он вызвал бы меня к себе или пришел бы сам тем потайным ходом, что соединял его покои с моими.

Я посмотрел на часы на стене. Это не были симпатические часы, к которым я привык в Университете. Это были гармонические часы с маятником и все такое. Великолепный механизм, но далеко не столь точный. Стрелки показывали без четверти пять.

— Стейпс, эти часы не спешат? — с надеждой спросил я. Пятнадцати

минут мне едва хватит на то, чтобы скинуть дорожную одежду и влезть в какой-нибудь достаточно приличный придворный костюм. Но, учитывая наросшие на мне слои грязи и застарелого пота, это так же бессмысленно, как перевязывать шелковой ленточкой свеженькую коровью лепешку.

Стейпс посмотрел мне через плечо, потом сверился с небольшими пружинными часами, которые носил в кармане.

— Похоже, они, наоборот, отстают минут на пять.

Я потер лицо, прикидывая, что можно сделать. Я не просто запылился в пути. Я был грязный. Я долго шагал под летним солнцем, потом несколько дней трясся в жаркой и душной почтовой карете. Маэр не из тех, кто судит исключительно по внешности, однако же он дорожит приличиями. Я не смогу произвести на него хорошего впечатления, если явлюсь к нему грязным и вонючим.

Перед моим мысленным взором непрошенной явилась железная клетка для казни, и я решил, что не могу рисковать и произвести дурное впечатление. Тем более с теми новостями, которые я привез.

— Стейпс, я буду готов не раньше, чем через час. Если ему угодно, я могу встретиться с ним после шестого колокола.

Лицо Стейпса оскорбленно окаменело. В чем дело, было ясно. Маэру Алверону не назначают другое время для встречи. Он зовет. Ты приходишь. Так устроен мир.

— Стейпс, — сказал я как можно мягче. — Посмотрите на меня. Понюхайте меня! За последний оборот я миновал четыре с половиной сотни километров. И я не собираюсь выходить в сад в дорожной пыли, воняя, как варвар.

Стейпс поджал губы.

— Я передам ему, что вы заняты.

Внесли еще несколько ведер.

— Скажите ему все как есть, Стейпс, — сказал я, принимаясь расстегивать рубашку. — Он поймет, я уверен.

* * *

Отмывшись, причесавшись и одевшись как подобает, я послал маэру свое золотое кольцо и карточку с запиской: «Личная беседа, как только вам будет угодно».

Через час посыльный вернулся с запиской от маэра: «Ждите вызова».

Я стал ждать. Я отправил посыльного принести ужин и ждал потом

весь вечер. Следующий день миновал, не принеся новых вестей. И, поскольку я не знал, когда именно придет вызов от Алверона, я вновь оказался заперт в своих комнатах в ожидании его кольца.

Я был только рад возможности отоспаться и во второй раз принять ванну. Однако я был озабочен тем, что меня догонят новости из Левиншира. И то, что я не мог побывать в Северене-Нижнем и поискать Денну, меня тоже крайне раздражало.

Это был такой молчаливый укор, более чем обычный при дворе. Мысль маэра была ясна: «Ты приходишь, когда я прикажу. Либо на моих условиях, либо никак».

Это было ребячество, на какое способны только аристократы. Однако делать было нечего. Поэтому я послал серебряное кольцо Бредону. Он пришел как раз вовремя, чтобы разделить мой ужин, и поделился со мной сплетнями за все то время, что я отсутствовал. Придворные слухи могут быть ужасно нудными, но Бредон снял для меня самые сливки.

Большая часть этих сплетен вертелась вокруг головокружительного романа маэра с наследницей Лэклессов. Они, очевидно, были без ума друг от друга. Многие подозревали, что там уже и ребенок на подходе. Королевский суд в Ренере тоже трудился без устали. Принц-регент Алаитис погиб на дуэли, отчего в большей части южного фаррела воцарился хаос: разные дворяне спешили воспользоваться смертью столь высокопоставленного придворного.

Были и другие слухи. Люди маэра расправились с разбойничьей шайкой, засевшей в глухом уголке Эльда. Разбойники, по всей видимости, подстерегали сборщиков налогов. На севере появились недовольные: местному населению пришлось пережить второй визит сборщиков маэра. Но, по крайней мере, дороги теперь снова безопасны и виновные мертвы.

Бредон упомянул также любопытный слух о некоем молодом человеке, который побывал у Фелуриан и вернулся назад более или менее живым и здоровым, хотя и слегка тронутым феей. Это уж были не придворные сплетни. Такое чаще услышишь в трактире. Плебейские слухи, до которых высокородные господа, как правило, не снисходят. Когда Бредон это говорил, его темные совиные глаза весело поблескивали.

Я согласился, что подобные побасенки и впрямь чересчур низменны и недостойны внимания таких важных персон, как мы. Мой плащ? Да, чудесный плащ, не правда ли? Где мне его пошили? Право же, не припомню. Где-то в дальних краях. Кстати, я тут недавно слышал занятную песенку, как раз про Фелуриан. Не желаете ли послушать?

Ну и, разумеется, мы сыграли в тэк. Несмотря на то что я давненько не

садился за доску, Бредон сказал, что я стал играть куда лучше. Похоже, я наконец-то начал учиться играть красиво.

* * *

Нет нужды говорить, что, когда Алверон вызвал меня в следующий раз, я явился немедленно. Я испытывал искушение опоздать на несколько минут, однако же устоял, понимая, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Когда я пришел, маэр прогуливался в саду в одиночестве. Он держался уверенно и прямо — казалось, он отродясь не испытывал нужды опираться на мою руку или на трость.

— А, Квоут! — он радушно улыбнулся. — Рад, что вы нашли время со мной повидаться.

— Я всегда с удовольствием, ваша светлость.

— Пройдемся? — предложил он. — В это время дня с южного моста открывается чудесный вид.

Я пристроился рядом с ним, и мы принялись петлять между ухоженных шпалер.

— Не могу не отметить, что вы при оружии, — сказал маэр. В его голосе звучало суровое неодобрение.

Моя рука машинально потянулась к Цезуре. Я теперь носил его у бедра, а не за плечом.

— А что, что-то не так, ваша светлость? Я так понял, что в Винтасе всякий имеет право носить оружие.

— Это противоречит приличиям, — он сделал ударение на последнем слове.

— Я так понимаю, что при королевском дворе в Ренере ни один дворянин не смеет показаться без меча...

— Как вы ни красноречивы, вы все же не дворянин, — холодно заметил Алверон, — попрошу об этом не забывать.

Я ничего не ответил.

— К тому же это варварский обычай и рано или поздно доведет короля до беды. И какие бы обычаи ни существовали в Ренере, в моем городе, в моем доме, в моем саду не являйтесь ко мне с оружием.

Он жестко посмотрел на меня.

— Прошу прощения, если оскорбил вас, ваша светлость.

Я остановился и отвесил ему поклон, куда более искренний, чем прежде.

Эта демонстрация повиновения его, похоже, умиротворила. Он улыбнулся и положил руку мне на плечо.

— Это все ни к чему. Взгляните лучше на скорбенник. Он уже скоро начнет краснеть...

Мы бродили около часа, мило болтая о разных пустяках. Я был безукоризненно вежлив, и настроение Алверона, похоже, начало улучшаться. Что ж, если для того, чтобы добиться его расположения, требуется угождать его самолюбию, то это невысокая цена за его покровительство.

— Надо сказать, что супружеская жизнь вашей светлости к лицу.

— Благодарю, — он милостиво кивнул. — Я нахожу, что она мне весьма нравится.

— А здоровье ваше по-прежнему в порядке? — спросил я, несколько выходя за границы светской беседы.

— Все превосходно, — ответил он. — Очевидно, тоже благодаря семейной жизни.

Он многозначительно взглянул на меня, давая понять, что дальнейшие расспросы будут неуместны, по крайней мере, не в таком людном месте, как тут.

Мы продолжали прогулку, кивая встречным аристократам. Маэр болтал о том о сем, о придворных сплетнях. Я старательно подыгрывал, исполняя назначенную мне роль. Но на самом деле мне требовалось покончить с этим и всерьез поговорить наедине.

Однако я понимал, что Алверона торопить невозможно. Наши разговоры следовали определенному ритуалу. И если я его нарушу, я только рассержу Алверона. Так что я выжидал, нюхал цветочки и делал вид, что меня ужасно занимают дворцовые слухи.

Четверть часа спустя в беседе наступила характерная пауза. Теперь должен завязаться спор. А потом мы можем удалиться в какое-нибудь уединенное место и поговорить о действительно важных вещах.

— Я всегда полагал, — сказал наконец Алверон, задавая тему для спора, — что у каждого человека есть вопрос, представляющий собой самую суть того, кем он является.

— Что вы имеете в виду, ваша светлость?

— Я считаю, что у каждого есть вопрос, который им движет. Вопрос, который не дает ему спать по ночам. Вопрос, который он точит, как собака старую кость. И если понять, в чем вопрос человека, это приближает к пониманию самого человека.

Он искоса взглянул на меня, слегка улыбнулся.

— Ну, я так думаю.

Я немного поразмыслил.

— Пожалуй, я соглашусь с вами, ваша светлость.

Услышав это, Алверон вскинул бровь.

— Вот так сразу? — он, кажется, был слегка разочарован. — А я-то думал, вы хоть что-нибудь возразите!

Я покачал головой, радуясь удобному случаю задать свою собственную тему.

— Меня уже несколько лет занимает один вопрос, и, думаю, я буду точить его еще несколько лет. Так что то, что вы говорите, представляется мне вполне верным.

— Да ну? — оживившись, переспросил он. — И какой же?

Я подумал было, не сказать ли ему правду. О поисках чандриан, о гибели моей труппы... Но нет, это было невозможно. Тайна по-прежнему сидела у меня в сердце, тяжкая, как гладкий булыжник. Это было слишком личное, чтобы рассказывать о нем такому проницательному человеку, как маэр. К тому же это выдало бы мое происхождение из эдема руэ, а я не хотел, чтобы об этом стало известно при дворе маэра. Маэр знал, что я не дворянин, но не подозревал, что я настолько низкого происхождения.

— Должно быть, это весомый вопрос, раз вы столько времени его взвешиваете! — сострил Алверон, видя, что я замялся. — Нет, расскажите, я настаиваю! На самом деле, предлагаю вам сделку: вопрос за вопрос. Быть может, мы поможем друг другу найти ответ.

На лучшее поощрение и надеяться не приходилось! Я еще чуть-чуть поразмыслил, тщательно подбирая слова.

— Где находятся амир?

— Кроваворукие амир... — задумчиво произнес про себя Алверон. И искоса взглянул на меня. — Я так понимаю, вас интересует не то, где покоятся их тела?

— Нет, ваша светлость, — серьезно ответил я.

Его лицо сделалось задумчивым.

— Интересно...

Я вздохнул с облегчением. Отчасти я ожидал, что он легковесно отмахнется и скажет, что амир не существует уже много веков. Но вместо этого он ответил:

— Знаете, я ведь много занимался амир, когда был моложе.

— В самом деле, ваша светлость? — переспросил я, удивляясь, как же мне повезло.

Он взглянул на меня, и чуть заметная улыбка коснулась его губ.

— Не так уж это удивительно. Мальчиком я хотел быть одним из амир. Он выглядел несколько смущенным.

— Ведь не все истории о них мрачные, знаете ли. Они совершали великие деяния. Они делали тяжкий выбор, на который не решался никто, кроме них. Такое пугает людей, но я полагаю, что они были великими поборниками добра.

— Я и сам всегда так думал, — признался я. — Интересно, а какая была ваша любимая история?

— Про Атрейона, — ответил Алверон немного мечтательно. — Сколько лет я об этом не вспоминал... А ведь я, пожалуй, мог бы наизусть пересказать все восемь клятв Атрейона.

Он тряхнул головой и посмотрел на меня.

— А у вас?

— История Атрейона для меня, пожалуй, чересчур кровавая, — сознался я.

Алверона это, похоже, насмешило.

— Ну, недаром же их прозвали «кроваворуками»! — сказал он. — Татуировки киридов вряд ли были чисто декоративными.

— Это правда, — согласился я. — И все же я предпочитаю сэра Савиена.

— Ах, ну да, — кивнул он. — Вы же романтик.

Некоторое время мы шагали молча. Свернули за угол, миновали фонтан.

— Ребенком я был от них без ума, — сказал Алверон наконец, словно бы смущаясь. — Люди, за которыми стояла вся мощь церкви. И это во времена, когда за церковью стояла вся мощь Атура!

Он улыбнулся.

— Отважные, жестокие, не державшие ответа ни перед кем, кроме самих себя и Господа Бога.

— И других амир, — добавил я.

— И в конечном счете понтифика, — закончил он. — Полагаю, вы читали указ о роспуске ордена?

— Да.

Мы вышли к небольшому горбтому мостику из дерева и камня, остановились на середине моста и стали смотреть на воду и лебедей, медленно плывущих против течения.

— А знаете, что я обнаружил в юности? — сказал маэр.

Я покачал головой.

— Когда я перерос детские сказки об амир, я начал задумываться о

некоторых вещах. Сколько всего было амир? Сколько из них были дворянами? Сколько всадников они могли выставить в бою?

Он слегка обернулся, проверяя мою реакцию.

— Я тогда жил в Фелтоне. У них там есть древний атуранский мендарий, в котором хранятся церковные архивы всего северного фаррела. Я рылся в их книгах целых два дня. И знаете, что я обнаружил?

— Ничего, — сказал я. — Вы ничего не нашли.

Алверон обернулся и посмотрел на меня. На его лице отражалось старательно сдерживаемое изумление.

— Я обнаружил то же самое в Университете, — сказал я. — Казалось, будто кто-то изъяс сведения об амир из тамошних архивов. Не все, разумеется. Но подлинно надежных свидетельств там практически нет.

В умных серых глазах маэра оживали его собственные выводы.

— И кто же мог такое сделать? — осведомился он.

— У кого на это может быть больше причин, чем у самих амир? — сказал я. — А это означает, что они по-прежнему где-то существуют.

— И отсюда ваш вопрос, — Алверон пошел дальше, но уже медленнее. — Где находятся амир?

Мы миновали мостик и пошли по дорожке вдоль пруда. На лице маэра отражалась глубокая задумчивость.

— Хотите верьте, хотите нет, но та же самая мысль посетила меня после моих изысканий в мендарии, — сказал он мне. — Я подумал, что, возможно, амир сумели избежать суда. Ушли в подполье. Я подумал, что, возможно, амир существуют даже сейчас, много веков спустя, втайне действуя ради благой цели.

В груди у меня забурлило возбуждение.

— И что же вы выяснили? — жадно спросил я.

— Выяснил? — Алверон, похоже, был удивлен. — Ничего. В тот год умер мой отец, и я сделался маэром. Я отбросил все это, как мальчишеские забавы.

Он посмотрел на воду, на плавно скользящих лебедей.

— Однако если вы обнаружили то же самое на другом конце мира...

Он умолк.

— И пришел к тем же выводам, ваша светлость.

Алверон медленно кивнул.

— Меня тревожит существование столь серьезной тайны.

Он окинул взглядом сад и стены своей усадьбы.

— Да еще в моих собственных землях. Мне это не нравится.

Он снова обернулся ко мне, взгляд у него был пронзительный и ясный.

— Как вы предлагаете их разыскивать?

Я печально улыбнулся.

— Как вы уже заметили, ваша светлость, как я ни красноречив, как я ни образован, все равно я не аристократ и никогда им не буду. У меня нет ни связей, ни возможностей, чтобы исследовать этот вопрос так тщательно, как мне бы того хотелось. Однако с вашим именем, отворяющим двери, я мог бы исследовать многие частные библиотеки. Я получил бы доступ в архивы, к записям, слишком частным или слишком далеко запрятанным, чтобы их подчистить...

Алверон кивал, не сводя с меня глаз.

— Думаю, что я вас понял. Лично я бы дорого дал, чтобы узнать правду об этом деле.

До нас донесся смех и шаги приближающихся аристократов. Он отвел взгляд.

— Да, теперь благодаря вам у меня будет о чем подумать, — сказал он, понизив голос. — Обсудим это позднее, наедине.

— Когда вам будет удобно встретиться, ваша светлость?

Алверон посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом.

— Приходите в мои покои сегодня вечером. И, поскольку я не могу дать вам ответ, разрешите мне вместо этого предложить вам мой собственный вопрос.

— Вопросы я ценю не меньше ответов, ваша светлость.

ГЛАВА 138

ЗАПИСКИ

До встречи с маэром оставалось почти пять часов, так что я наконец мог выбраться в Северен-Нижний по своим делам. С конного лифта небо казалось таким ясным и голубым, что слезы наворачивались. И в таком-то настроении я и направился в трактир «Четыре свечи».

Народу в трактире было немного. Неудивительно, что трактирщик заметил, как я направляюсь к лестнице, ведущей наверх.

— Твоя стой! — крикнул он на ломаном атуранском. — Платить! Комната только для платить!

Не желая скандала, я подошел к стойке. Трактирщик был тощий, засаленный дядька с густым ленайтским акцентом. Я улыбнулся ему.

— Я просто зашел навестить знакомую. Даму из третьего номера. Длинные черные волосы.

Я жестом показал длину волос.

— Она еще здесь?

— А-а! — сказал он, понимающе взглянув на меня. — Девушка. Динай имя?

Я кивнул, зная, что Денна меняет имена так же часто, как иные женщины прически.

Засаленный дядька снова кивнул.

— Да. Красивый черный глаза? Она уехать долго.

Сердце у меня упало, невзирая на тот факт, что я и не думал надеяться, будто она окажется здесь столько времени спустя.

— А вы не знаете, куда она могла уехать?

Он издал короткий лающий смешок.

— Нет. Вы и другие волки за ней приходите, нюхать. Моя знать — моя бы вам продавать, много денег заработать. Но нет, понятия не иметь.

— Может, она мне записку оставила? — спросил я без особой надежды. Во дворце Алверона для меня ни писем, ни записок не было. — Она могла рассчитывать, что я буду искать ее здесь.

— Вот как? — насмешливо сказал он, потом как будто что-то припомнил. — Моя думать, быть записка. Может быть. Моя читать мало. Ваша ее хотеть? — он улыбнулся.

Я кивнул, слегка воспрянув духом.

— Она уехать, не платить за комната, — сказал он. — Семнадцать с половиной пенни.

Я достал серебряный кругль и показал ему. Трактирщик потянулся за монетой, но я положил ее на стол и придавил двумя пальцами.

Он юркнул в кладовку и исчез там минут на пять, не меньше. Наконец он вернулся, сжимая в руке туго сложенную бумагу.

— Моя найти! — торжествующе сказал он, помахав бумажкой в мою сторону. — Тут бумага мало надо, только печь разжигать.

Я взглянул на листок и еще сильнее воспрянул духом. Он был сложен точно так же, как то письмо, которое я поручил лудильщику. Если она переняла эту уловку, значит, она, видимо, прочла мое письмо и оставила эту записку для меня. Есть надежда, что в записке говорится, куда она уехала. И как ее найти. Я подвинул монету трактирщику и взял записку.

Очутившись на улице, я поспешно шмыгнул в нишу дверного проема, зная, что большего уединения на многолюдной улице все равно не найти. Я бережно надорвал записку, развернул, подвинулся ближе к свету. Там говорилось:

«Денна!

Мне пришлось уехать из города по поручению моего покровителя. Меня не будет довольно долго, может быть, несколько оборотов. Поручение мне дали внезапно, и отказаться было нельзя, иначе бы я непременно нашел случай повидать тебя перед отъездом.

Я сожалею о многом из того, что наговорил тебе во время нашей последней встречи, и очень хотел бы извиниться перед тобой лично.

Я отыщу тебя, когда вернусь.

Искренне твой,

Квоут».

* * *

Когда колокол пробил восемь, я отправился к маэру, оставив Цезуру у себя в комнатах. Без него я чувствовал себя странно, будто голый. Удивительно, как быстро привыкаешь к подобным вещам.

Стейпс проводил меня в гостиную маэра, и Алверон послал слугу сказать Мелуан, чтобы она присоединилась к нам, если ей угодно. Я мимоходом подумал: а что будет, если она не захочет прийти? Он и ее накажет тремя днями молчаливого укора?

Алверон уселся на диван и задумчиво посмотрел на меня.

— До меня доходили кое-какие слухи касательно ваших недавних странствий, — сказал он. — Некие фантастические рассказы, которым я верить не склонен. Быть может, вам угодно будет объяснить, что произошло на самом деле?

Сначала я удивился, как это до него так быстро дошли известия о моих приключениях под Левинширом. Потом сообразил, что он хочет знать подробности нашей охоты на разбойников в Эльде. Я про себя вздохнул с облегчением.

— Я так понимаю, Дедан встретился с вами без особого труда? — спросил я.

Алверон кивнул.

— Мне очень жаль, что пришлось отправить его вместо себя, ваша светлость. Ему недостает такта.

Он пожал плечами.

— Ничего страшного не случилось. К тому времени, как он явился ко мне, нужда в секретности миновала.

— Так он доставил мое письмо?

— Ах да, письмо! — Алверон достал его из ближайшего ящика. — Я счел его чем-то вроде странной шутки.

— Простите, ваша светлость?

Он посмотрел на меня в упор, потом опустил глаза на письмо.

— «Двадцать семь человек, — зачитал он вслух. — Судя по их действиям и облику — опытные наемники... Хорошо обустроенный лагерь с примитивными укреплениями».

Он снова поднял взгляд.

— И вы рассчитывали, будто я поверю, что это правда? Вы не могли впятером управиться с таким количеством разбойников.

— Мы застали их врасплох, ваша светлость, — сказал я с самодовольной скромностью.

Лицо у маэра вытянулось.

— Ну, довольно. Оставим этот провинциальный юмор. На мой взгляд, он изрядно отдает дурным вкусом. Просто расскажите мне все, как было на самом деле, и покончим с этим.

— Я и рассказал все, как было на самом деле, ваша светлость. Если бы

я знал, что вы потребуете доказательств, я позволил бы Дедану доставить вам мешок отрубленных пальцев. У меня ушел целый час на то, чтобы отговорить его от этой идеи.

Это не вызвало у маэра того отторжения, на которое я рассчитывал.

— Возможно, вы напрасно его отговорили, — сказал он.

Ситуация переставала выглядеть забавной.

— Ваша светлость, если бы я хотел вам солгать, я бы придумал что-нибудь более убедительное.

Я предоставил ему немного поразмыслить над этим.

— Кроме того, если вам нужны лишь доказательства, возьмите и отправьте кого-нибудь проверить это. Трупы мы сожгли, но черепа по-прежнему лежат, где лежали. Я отмечу на карте место, где находится лагерь.

Маэр зашел с другого конца:

— А как насчет второй части истории? Их главарь. Человек, который не обратил внимания на простреленную ногу. Тот, который ушел к себе в палатку и «исчез»?

— Это правда, ваша светлость.

Алверон долго не сводил с меня глаз, потом вздохнул.

— Тогда я вам верю, — сказал он. — Тем не менее это странные и горькие вести, — пробормотал он себе под нос.

— Это действительно так, ваша светлость.

Он взглянул на меня странно, будто что-то прикидывал.

— И что вы об этом думаете?

Но не успел я ответить, как из внешних комнат послышался женский голос. Алверон просветлел лицом и сел прямее. Я спрятал улыбку.

— Мелуан идет! — сказал Алверон. — И, если не ошибаюсь, у нее к вам тот вопрос, о котором я говорил прежде.

Он лукаво улыбнулся.

— Думаю, он вам понравится: вещь и впрямь загадочная.

ГЛАВА 139

ЛАРЧИК БЕЗ ЗАМКА

Стейпс ввел Мелуан в комнату, мы с Алвероном встали. Она была одета в серое с сиреневым, и ее вьющиеся каштановые волосы были зачесаны назад, открывая стройную шею.

Следом за Мелуан двое пажей тащили деревянный сундук. Маэр взял жену под руку, в то время как Стейпс жестом велел пажам поставить сундук рядом с ее креслом. Затем дворецкий Алверона выпроводил пажей и заговорщицки подмигнул мне перед тем, как затворить за собой дверь.

Я остался стоять, развернулся к Мелуан и отвесил ей поклон.

— Рад случаю встретиться с вами снова... госпожа моя?

Я сделал из обращения вопрос, потому что не знал, как к ней обращаться. Прежде земли Лэклессов были графством, но это до бескровного мятежа, когда они еще владели Тинуэ. А ее брак с Алвероном еще сильнее усложнил дело: я не был уверен, существует ли женский вариант титула маэрсона.

Мелуан небрежно махнула рукой, давая понять, что это неважно.

— Между нами вполне достаточно будет и «сударыни», по крайней мере, когда мы не на людях. Я не нуждаюсь в церемониях с тем, кому я стольким обязана.

Она взяла за руку Алверона.

— Пожалуйста, садитесь, если вам угодно.

Я поклонился еще раз и сел, разглядывая сундук с напускным равнодушием. Сундук был величиной с большой барабан, из хорошо подогнанных березовых дощечек, окованных медью.

Я знал, что для начала полагается завязать вежливую светскую беседу, пока кто-нибудь из них не соизволит заговорить о сундуке. Однако любопытство взяло надо мной верх.

— Мне говорили, что вы принесете с собой вопрос. Должно быть, он весьма весомый, раз вы его так тщательно храните, — я кивнул на сундук.

Мелуан взглянула на Алверона и рассмеялась, как будто он удачно пошутил.

— Мой супруг предупреждал, что вы не из тех, кто согласится надолго оставить загадку в покое!

Я улыбнулся чуточку виновато.

— Такова уж моя натура, сударыня.

— Ну что ж, не стану заставлять вас бороться с собственной натурой! — улыбнулась она. — Не будете ли вы так любезны поставить его напротив меня?

Я сумел поднять сундук, не надорвавшись, но будь я поэтом, если он весил меньше пяти пудов.

Мелуан подалась вперед, склонившись над сундуком.

— Леранд рассказал мне о том, какую роль вы сыграли, соединив наши судьбы. Примите мою благодарность. Я считаю, что я перед вами в долгу.

Ее темно-карие глаза смотрели чрезвычайно серьезно.

— Однако я полагаю, что долг мой во многом уплачен тем, что я собираюсь вам показать. Я могу на пальцах пересчитать людей, которые это видели. И, невзирая на то, что я перед вами в долгу, мне бы и в голову не пришло вам это показывать, не поклявшись мне мой супруг, что я могу рассчитывать на ваше молчание.

Она многозначительно взглянула на меня.

— Клянусь своей рукой, я никому не скажу о том, что видел, — заверил я ее, стараясь не выказывать своего энтузиазма.

Мелуан кивнула. И, вместо того чтобы достать ключ, как я думал, она надела обеими руками на боковые стенки сундука, слегка сдвинув две дощечки. Что-то щелкнуло, и крышка слегка приподнялась.

«Ларчик без замка», — подумал я про себя.

Под крышкой обнаружился второй сундучок, поменьше и более плоский. Он был размером с хлебницу, и в плоской латунной пластине замка была замочная скважина, имевшая форму не замочной скважины, а круга. Мелуан что-то сняла с цепочки, висящей у нее на шее.

— Можно посмотреть? — спросил я.

Мелуан, похоже, удивилась.

— Прошу прощения?

— Этот ключ. Можно посмотреть на секундочку?

— Милость Господня! — вскричал Алверон. — Мы же еще не дошли до самого интересного! Я предлагаю вам тайну века, а вы устали на обертку!

Мелуан протянула мне ключ, и я осмотрел его, быстро, но пристально.

— Я люблю раскрывать тайны слой за слоем, — объяснил я.

— Как луковицу? — фыркнул он.

— Как цветок! — возразил я и протянул ключ обратно Мелуан. — Благодарю вас.

Мелуан вставила ключ в замок и отперла внутренний ларчик, снова надела цепочку на шею, спрятала ее под одежду, оправила одежду и прическу, вернув себе безукоризненный внешний вид. Мне показалось, что на это ушло не меньше часа.

Наконец она протянула руку и что-то вынула из ларчика обеими руками. Держа это за поднятой крышкой, так чтобы мне было не видно, она посмотрела на меня и глубоко вздохнула.

— Это было... — начала она.

— Просто покажите ему, дорогая, — мягко перебил Алверон. — Мне любопытно знать, что он сам об этом подумает.

Он хмыкнул.

— К тому же боюсь, если мы заставим юношу ждать еще дольше, с ним сделается припадок.

Мелуан благоговейно вручила мне кусок темного дерева размером с толстую книгу. Я принял его обеими руками.

Ларец был неестественно тяжел для своих размеров, дерево на ощупь оказалось гладким, как полированный камень. Проведя по нему руками, я обнаружил, что стенки покрыты резьбой. Не настолько выпуклой, чтобы ее было видно глазом: мои пальцы еле чувствовали узор из неровностей. Погладив верх ларца, я обнаружил на нем такой же узор.

— Вы были правы, — тихо сказала Мелуан. — Он как ребенок со среднезимним подарком.

— А, вы еще не видели самого интересного, — ответил Алверон. — Погодите, пока он возьмется за дело. У юноши разум как кувалда.

— Как же он открывается? — спросил я. Я повернул ларец в руках и почувствовал, как внутри что-то сдвинулось. На ларце не было заметно ни петель, ни крышки, ни даже щели в том месте, где должна была открываться крышка. Он выглядел совершенно как сплошной кусок темного тяжелого дерева. Но я знал, что это должен быть ларец. Я это чувствовал! Он требовал, чтобы его открыли.

— Это нам неизвестно, — сказала Мелуан. Она хотела добавить что-то еще, но муж мягко остановил ее.

— А что внутри? — я снова наклонил ларец и почувствовал, как сместилось его содержимое.

— Это нам неизвестно, — повторила она.

Материал ларца был интересен сам по себе. Дерево, достаточно черное, чтобы быть роу, но при этом оно отливало темно-красным. Кроме того, эта древесина, похоже, была душистой. Она слабо пахла... непонятно чем. Знакомый запах, но я его никак не мог узнать. Я наклонился вплотную

к ларцу и втянул в себя этот запах. Что-то вроде лимона... Безумно знакомый аромат.

— А что это за дерево?

Их молчание было достаточно красноречиво.

Я поднял голову и встретился с ними взглядом.

— Я смотрю, тут у вас и опереться практически не на что, а?

Я улыбнулся, чтобы смягчить свои слова, а то вдруг оскорбятся.

Алверон подался вперед.

— Согласитесь, — сказал он с плохо скрываемым возбуждением, — это замечательный вопрос! Вы уже прежде продемонстрировали мне свою смекалку.

Его глаза сверкнули серым.

— И что она вам подсказывает на этот раз?

— Это фамильное достояние, — небрежно сказал я. — Очень древнее...

— И насколько оно древнее, как вам кажется? — жадно перебил Алверон.

— Около трех тысяч лет, — сказал я. — Плюс-минус...

Мелуан застыла в изумлении.

— Я так понимаю, мои догадки близки к вашим?

Она безмолвно кивнула.

— Резьба, несомненно, стерлась за долгие годы использования...

— Резьба? — переспросил Алверон, подавшись вперед.

— Еле заметная, — сказал я, закрыв глаза. — Но я чувствую ее на ощупь.

— Я ничего подобного не почувствовал.

— Я тоже, — сказала Мелуан. Ее это, похоже, несколько задело.

— У меня чрезвычайно чувствительные руки, — честно сказал я. — Это необходимо для моей работы.

— Для магии? — спросила она. В ее голосе слышался старательно скрываемый оттенок детского благоговения.

— И для музыки тоже, — сказал я. — Вы позволите?

Она кивнула. Я взял ее руку в свою и приложил ее к крышке ларца.

— Вот. Чувствуете?

Она сосредоточенно нахмурила лоб.

— Может быть, чуть-чуть...

Она отвела руку.

— Вы уверены, что это резьба?

— Она слишком правильная, чтобы появиться случайно. Как такое

может быть, что вы не заметили этого прежде? Неужели в ваших семейных летописях об этом ничего не говорится?

Мелуан была ошеломлена.

— Никому бы и в голову не пришло записывать что-то связанное с Ларцом Лоэкласов! Разве я не говорила, что это тайна из тайн?

— Покажите-ка, — сказал Алверон. Я положил его пальцы на рисунок. Он нахмурился.

— Ничего не чувствую. Должно быть, пальцы у меня слишком старые... Может, это надпись?

Я покачал головой.

— Это орнамент вроде арабесок. Но он не повторяется, он меняется... Тут меня осенило.

— Должно быть, это иллийское узелковое письмо!

— Вы можете его прочесть? — спросил Алверон.

Я провел пальцами по ларцу.

— Я недостаточно знаю иллийский, чтобы прочесть самый простой узел, даже держа в руках веревку.

Я покачал головой.

— Кроме того, за три тысячи лет узелки наверняка изменились. Но я знаю нескольких людей в Университете, которые, возможно, могли бы это перевести.

Алверон взглянул на Мелуан, но та твердо покачала головой.

— С чужими я об этом говорить не стану.

Маэр, похоже, был разочарован ответом, но настаивать не стал. Вместо этого он снова обернулся ко мне.

— Позвольте задать вам ваши же собственные вопросы. Что это за дерево?

— Оно протянуло три тысячи лет, — принялся я рассуждать вслух. — Оно пустое внутри и тем не менее тяжелое. Значит, это должно быть медленно растущее дерево, хорнвуд или реннел. А его цвет и вес заставляют думать, что в нем содержится много металла, как в роу. Может быть, железа и меди...

Я пожал плечами.

— Это все, на что я способен.

— Что там внутри?

Я надолго задумался, прежде чем ответить.

— Нечто поменьше солонки... — начал я. Мелуан улыбнулась, но Алверон чуть заметно нахмурился, и я поспешно продолжал: — Оно металлическое, судя по тому, как смещается вес, когда я наклоняю ларец.

Я зажмурился и стал вслушиваться в приглушенный стук содержимого, перекатывающегося внутри ларца.

— Нет. Судя по весу, оно стеклянное либо каменное.

— Драгоценность, — сказал Алверон.

Я открыл глаза.

— Не обязательно. Теперь эта вещь, конечно, драгоценна благодаря своей древности и тому, что она столько времени хранилась в семье. Кроме того, она ценна тем, что с ней связана тайна. Но была ли она драгоценной изначально? — я пожал плечами. — Кто знает?

— Но под замок прячут обычно драгоценности, — заметил Алверон.

— Вот именно! — я поднял ларец, демонстрируя его гладкую поверхность. — А на этом ларце нет замка. На самом деле, возможно, его заперли таким образом нарочно. Возможно, там нечто опасное.

— Отчего вы так думаете? — с любопытством спросил Алверон.

— Но для чего столько хлопот? — возразила Мелуан. — Зачем хранить нечто опасное? Если вещь опасна, ее уничтожают.

И сама же ответила на свой вопрос, едва задав его:

— Разве что она не только опасна, но и драгоценна...

— Возможно, она слишком полезна, чтобы ее уничтожать, — предположил Алверон.

— Возможно, ее нельзя уничтожить, — сказал я.

— Последнее вернее всего, — сказал Алверон, еще сильнее подавшись вперед. — И как же он открывается?

Я долго смотрел на ларец, вертел его в руках, нажимал на стенки. Водил пальцем по узорам, нащупывая шов, незаметный глазу. Я встряхивал ларец, пробовал на вкус воздух рядом с ним, подносил его поближе к свету...

— Понятия не имею! — признался я.

Алверон несколько сник.

— Ну, полагаю, это было бы слишком хорошо... Быть может, тут не обошлось без магии?

Я замялся, не желая ему объяснять, что подобная магия бывает только в сказках.

— Если и да, я подобной магией не владею.

— А вам никогда не приходило в голову просто взять и распилить его? — спросил Алверон у жены.

На лице Мелуан отразился такой же ужас, какой испытал я от этого предложения.

— Ни за что! — сказала она, переводя дух. — Он же лежит в

основании нашего рода! Я бы скорее засеяла солью все наши земли до последнего акра.

— И при том, какое это дерево твердое, — поспешно добавил я, — вы, скорее всего, уничтожите то, что находится внутри. Особенно если оно хрупкое.

— Это была просто идея! — заверил Алверон супругу.

— Крайне непродуманная! — резко заметила Мелуан, потом, похоже, пожалела о своих словах. — Простите, но сама мысль об этом...

Она не договорила, явно придя в замешательство.

Он погладил ее по руке.

— Я понимаю, дорогая. Вы правы, это было непродуманно.

— Ну что, можно, я его спрячу? — спросила у него Мелуан.

Я нехотя вернул ей ларец.

— Будь у него замок, я бы мог попытаться его вскрыть, но я понятия не имею, где тут петли и крышка...

«В ларчике без крышки и замка Лэклесс держит камни муженька», — пронеслась у меня в голове дурацкая детская песенка, и я еле сумел замаскировать смешок под кашель.

Алверон, похоже, ничего не заметил.

— Я, как всегда, полагаюсь на вашу осмотрительность.

Он поднялся на ноги.

— Увы, боюсь, я истратил большую часть нашего времени. Уверен, вас ждут другие дела. Давайте побеседуем об амир завтра? После второго колокола?

Я встал одновременно с маэром.

— Если ваша светлость позволит, у меня есть еще одно дело, требующее незамедлительного обсуждения.

Он серьезно посмотрел на меня.

— Я так понимаю, что дело важное?

— И весьма срочное, ваша светлость, — взволнованно сказал я. — С этим нельзя ждать больше ни дня. Я бы сказал об этом раньше, если бы мы могли остаться наедине и у нас было время.

— Хорошо.

Он снова сел.

— Что же у вас такое срочное?

— Леранд, — слегка укоризненно сказала Мелуан, — мы опаздываем! Хайанис ждет.

— Пусть подождет, — сказал он. — Квоут верно служил мне. Он ничего не делает без причины, и не прислушиваться к его словам — себе

дороже.

— Вы мне льстите, ваша светлость. Но дело и впрямь серьезное.

Я взглянул на Мелуан.

— И довольно деликатное притом. Если вашей супруге угодно будет удалиться, это только к лучшему.

— Но если дело важное, может, мне стоит остаться? — лукаво осведомилась она.

Я вопросительно взглянул на маэра.

— Все, что вы хотите сказать мне, вы можете сказать также моей супруге, — ответил он.

Я заколебался. Мне срочно нужно было рассказать Алверону о фальшивых актерах. Я был уверен, что, если он услышит мою версию событий, я уж сумею представить их в наиболее выгодном для себя свете. А если до него сначала дойдут вести по официальным каналам, он, может, и не пожелает закрыть глаза на голые факты, что я самовольно убил девятерых путников.

Однако, несмотря на все обстоятельства, последнее, чего мне хотелось бы, это рассказывать мою историю при Мелуан. Это поневоле усложнит дело... Я решился попытаться еще раз:

— Это весьма мрачная история, ваша светлость...

Алверон покачал головой и слегка нахмурился.

— У нас нет тайн друг от друга.

Я подавил тяжкий вздох и достал из внутреннего кармана своего шаэда сложенный лист толстого пергамента.

— Это ведь письмо о покровительстве, дарованное вашей светлостью, не так ли?

Его серые глаза пробежали документ, на его лице отразилось легкое изумление.

— Да. Откуда оно у вас?

— Ах, Леранд! — воскликнула Мелуан. — Я знала, что вы позволяете попрошайкам бродяжничать в ваших землях, но никогда не думала, что вы опуститесь до того, чтобы оказывать им покровительство!

— Всего несколькими трупам, — сказал он. — Этого требует мое положение. При любом уважающем себя дворе имеется хотя бы несколько актеров.

— При моем их нет, — твердо сказала Мелуан.

— Иметь собственную труппу очень удобно, — кротко возразил Алверон. — А иметь их несколько еще удобнее. Тогда можно подобрать подходящее развлечение для любого праздника, который устраиваешь. Как

вы думаете, откуда я взял музыкантов, что играли на нашей свадьбе?

Видя, что лицо Мелуан не смягчилось, Алверон продолжал:

— Им не дозволено представлять ничего непристойного или богохульного, дорогая. Я весьма тщательно их контролирую. И можете быть уверены, ни один город в моих владениях не позволит выступать у себя труппе, не имеющей письма о покровительстве от какого-нибудь вельможи.

Алверон снова обернулся ко мне.

— Это возвращает нас к делу, о котором мы говорили. Откуда у вас их письмо? Без него труппа, должно быть, бедствует.

Я колебался. Я не знал, как лучше подойти к делу в присутствии Мелуан. Я-то рассчитывал поговорить с маэром наедине...

— Они не бедствуют, ваша светлость. Они убиты.

Маэр не удивился.

— Так я и подумал. Печальная история, но что поделать, такое случается.

Глаза Мелуан сверкнули.

— Я бы дорого дала, чтобы такое случилось как можно чаще!

— Известно ли вам, кто это сделал? — спросил маэр.

— В определенном смысле — да, ваша светлость.

Он выжидательно поднял брови.

— Ну и?

— Это я.

— Что — вы?

Я вздохнул.

— Людей, у которых было это письмо, убил я, ваша светлость.

Он напрягся и вытянулся в своем кресле.

— Что?!

— Они похитили двух девушек из городка, через который проезжали.

Я помолчал, подбирая слова, чтобы не оскорбить слух Мелуан.

— Девушки были совсем юные, и эти люди дурно обошлись с ними.

Когда Мелуан это услышала, ее лицо, и без того суровое, сделалось холодным как лед. Но прежде, чем она успела что-нибудь сказать, Алверон спросил, словно не веря своим ушам:

— И вы взяли на себя смелость их убить? Целую труппу актеров, которым я выдал разрешение выступать?

Он потер лоб.

— Сколько их было?

— Девять.

— Боже милосердный...

— Я считаю, он поступил правильно! — с жаром воскликнула Мелуан. — Прошу вас, дайте ему пару десятков стражников, и пусть он поступит так со всеми бандами этих плутов-руэ, какие обнаружит в ваших землях!

— Дорогая моя, — сказал Алверон, и в его голосе послышались суровые нотки, — конечно, я дорожу вами куда больше, чем ими, но закон есть закон. Когда...

— Закон таков, каким его сделаете вы! — перебила она. — Этот человек оказал вам благородную услугу. Вам следует даровать ему земли и титул и ввести его в свой совет!

— Он убил девять моих подданных, — сурово возразил Алверон. — Когда люди начинают преступать закон, воцаряется безвластие. Если бы я услышал об этом мимоходом, я повесил бы его, как разбойника!

— Он убил девятерых насильников-руэ! Девять убийц, воров и плутов! На свете стало на девять руэ меньше, и этим он оказал услугу всем нам.

Мелуан взглянула на меня.

— Сударь, я считаю, что вы поступили как нельзя более правильно и достойно!

Ее неуместные похвалы лишь раздули пламя моего гнева.

— Там были не только мужчины, сударыня, — сказал я ей.

Услышав это, Мелуан слегка побледнела.

Алверон потер лицо ладонью.

— Великий Боже, сударь! Вы рубите наотмашь!

— Прошу прощения у вас обоих, но я должен также упомянуть, — серьезно добавил я, — что люди, которых я убил, не были эдема руэ. Это даже не были настоящие актеры.

Алверон устало покачал головой и хлопнул по письму, что лежало перед ним.

— Тут сказано иное. Это были эдема руэ и актеры.

— Ваша светлость, письмо было краденое. Люди, которых я встретил на дороге, перерезали трупку руэ и заняли их место.

Он с любопытством взглянул на меня.

— Вы как будто совершенно в этом уверены.

— Один из них сам сказал мне об этом, ваша светлость. Он признался, что они только притворялись трупкой. Они выдавали себя за эдема руэ.

У Мелуан был такой вид, словно она не могла решить, смущена она этим известием или ей от него дурно.

— Но кто же станет выдавать себя за этих тварей?!

Алверон кивнул.

— Моя жена права, — сказал он. — Куда вернее, что они вам солгали. Кто бы на их месте не стал отрицать это? Кто по доброй воле признает себя одним из эдема руэ?

Услышав это, я густо покраснел: мне вдруг сделалось стыдно, что я все это время скрывал свое происхождение.

— Ваша светлость, я не сомневаюсь, что та, первая труппа была настоящими эдема руэ. Но люди, которых я убил, ими не были. Никто из руэ не поступил бы так, как они.

Глаза Мелуан яростно вспыхнули.

— Вы их не знаете!

Я встретился с ней глазами.

— Думаю, я знаю их достаточно хорошо, сударыня.

— Но зачем? — спросил Алверон. — Кто в здравом уме станет пытаться выдавать себя за эдема руэ?

— Ради удобства путешествия, — сказал я. — И ради защиты, которую дает ваше имя.

Он только плечами пожал.

— Должно быть, то были руэ, которые устали от честного труда и вместо этого взялись разбойничать.

— Нет, ваша светлость, — настаивал я. — Это не были эдема руэ.

Алверон укоризненно взглянул на меня.

— Ну что вы, право! Кто отличит шайку разбойников от шайки руэ?

— Они ничем не отличаются! — резко сказала Мелуан.

— Я отличу, ваша светлость! — с жаром возразил я. — Я сам эдема руэ.

Тишина. На лице Мелуан немой шок сменился неверием, потом яростью, потом отвращением. Она поднялась на ноги, на миг у нее сделался такой вид, как будто она вот-вот в меня плюнет, а потом она, напряженно вытянувшись, направилась к двери. Раздался стук и топот: ее личная стража вытянулась по стойке «смирно» и следом за ней направилась прочь из покоев маэра.

Алверон по-прежнему не сводил с меня глаз. Лицо его было суровым.

— Если это шутка, это дурная шутка.

— Это не шутка, ваша светлость, — сказал я, пытаясь взять себя в руки.

— И почему вы сочли нужным скрывать это от меня?

— Я не скрывал этого, ваша светлость. Вы сами не раз упоминали, что я далеко не благородного происхождения.

Он раздраженно стукнул ладонью по подлокотнику.

— Вы понимаете, что я имею в виду! Почему вы ни разу не упомянули, что вы из руэ?

— Полагаю, причины довольно очевидны, ваша светлость, — напряженно ответил я, стараясь, чтобы мои слова не звучали так, словно я бросаю их ему в лицо. — Имя эдема руэ чересчур крепко пахнет для многих благородных носов. Вот и ваша жена сочла, что духами этого не перешибешь.

— Моя супруга в прошлом имела неприятный опыт общения с руэ, — объяснил Алверон. — Вам не стоит об этом забывать.

— Я знаю про ее сестру. Про трагический позор их семьи. Сбежала из дома, влюбившись в актера. Какой ужас! — саркастически сказал я, весь оцетинясь от гнева. — Разум ее сестры делает честь их семье, а вот поступки госпожи вашей супруги — отнюдь! Кровь моего рождения стоит не меньше, чем кровь любого другого человека, и поболее, чем многих иных! А даже будь это не так, она не имеет права так обращаться со мной!

Алверон бросил на меня жесткий взгляд.

— Лично я полагаю, что она имеет право обращаться с вами, как ей угодно, — сказал он. — Ваше неожиданное объявление просто застигло ее врасплох. А учитывая, как она относится к вам, плутам, я полагаю, что она проявила недюжинную сдержанность.

— А мне кажется, что правда ей не по вкусу. Язык актера довел ее до постели куда быстрее, чем ее сестру!

Едва я это сказал, как тут же понял, что зашел чересчур далеко. И стиснул зубы, чтобы не наговорить чего-нибудь еще.

— Ну, довольно! — бросил Алверон холодно и сухо. Глаза у него сделались пустые и злые.

Я удалился со всем гневным достоинством, какое только нашел в себе. Не потому, что мне больше нечего было сказать, а потому, что, если бы я пробыл там секундой дольше, он вызвал бы стражу, а мне совершенно не хотелось удалиться оттуда под стражей.

ГЛАВА 140

ПРОСТО НАГРАДА

На следующее утро я только начал одеваться, как мальчик-посыльный принес толстый конверт с печатью Алверона. Я сел к окну и нашел внутри несколько писем. В том, что лежало сверху, говорилось:

«Квоут,

Я поразмыслил и решил, что ваше происхождение не столь важно в свете услуг, которые вы мне оказали.

Однако я привязан душой к той, чьим счастьем и спокойствием дорожу более, чем своим. Я надеялся по-прежнему пользоваться вашими услугами, но, увы, не могу. Более того, поскольку ваше присутствие всерьез расстраивает мою жену, я вынужден просить вас вернуть мне мое кольцо и как можно скорее покинуть Северен».

Я бросил письмо, встал и распахнул дверь в свои комнаты. В коридоре стояли навытяжку двое стражников Алверона.

— Что вам угодно, сударь? — спросил один из них, увидев меня полуодетым.

— Просто хотел проверить, — сказал я и затворил дверь.

Вернувшись на место, я снова взялся читать.

«Что касается дела, которое послужило причиной этих печальных разногласий, то, полагаю, вы действовали целиком и полностью в соответствии с моими интересами и интересами Винтаса в целом. На самом деле я только нынче утром получил доклад о том, что две девушки из Левиншира вернулись в свои семьи и сделал это рыжеволосый „джентльмен“ по имени Квоут.

В награду за ваши многочисленные услуги я могу предложить следующее.

Во-первых, полное прощение за убийство, совершенное вами под Левинширом.

Во-вторых, кредитное письмо, которое позволит вам оплачивать из моих средств ваше обучение в Университете.

В-третьих, указ, дающий вам право путешествовать,

выступать и давать представления на всей территории моих владений.

И, наконец, свою благодарность.

Маэрсон Леранд Алверон».

Я довольно долго сидел неподвижно, глядя на птиц, порхающих в саду под окном. В конверте лежало все то, о чем писал Алверон. Кредитное письмо выглядело подлинным произведением искусства, подписанным и снабженным печатями самого Алверона и его главного казначея.

Указ выглядел еще изящнее, хотя это казалось невозможным. Он был написан на толстом листе кремово-белого пергамента, подписан собственной рукой маэра и снабжен его родовой печатью и личной печатью самого Алверона.

Однако это не было письмо о покровительстве. Я тщательно прочитал его от первой до последней строки. Из того, что об этом нигде не говорилось, недвусмысленно следовало, что я не состою на службе у маэра и мы никак друг с другом не связаны. Тем не менее указ позволял мне свободно путешествовать и давал право выступать от его имени. Этот документ представлял собой замысловатый компромисс.

Я как раз заканчивал одеваться, когда в дверь снова постучали. Я вздохнул, отчасти ожидая, что это явились новые стражники, чтобы вышвырнуть меня из моих покоев.

Однако за дверью стоял еще один посыльный. Он принес серебряный подносик с еще одним письмом. На письме красовалась печать Лэклессов. А рядом лежало кольцо. Я взял его и озадаченно повертел в пальцах. Кольцо было не железное, как я рассчитывал, а деревянное, из светлого дерева. Сбоку на нем неровными буквами было выжжено имя Мелуан.

Я заметил, что мальчишка-посыльный стреляет выпученными глазами то на кольцо, то на меня. Более того, я обратил внимание, что стражники на кольцо не смотрят вовсе. Очень старательно не смотрят. Так, как люди не смотрят на что-нибудь ужасно интригующее.

Я протянул мальчишке свое серебряное кольцо.

— Отнеси-ка его Бредону, — сказал я. — И поживей!

* * *

Когда я отворил дверь, Бредон созерцал стражников.

— Ну, трудитесь на совесть, дети мои, — сказал он, шутливо постучав одного из них по груди тросточкой. Серебряная волчья голова на кирасе стражника слегка зазвенела, и Бредон улыбнулся, как дядюшка-весельчак. — Нам всем спокойнее благодаря вашей бдительности.

Он затворил за собой дверь и вопросительно приподнял бровь.

— Боже милосердный, молодой человек, вы двигаетесь по карьерной лестнице через три ступеньки! Нет, я знал, что вы у маэра в фаворе, но чтобы он приставил к вам двух своих личных стражников?

Он прижал руку к груди и театрально вздохнул.

— Скоро вы будете чересчур заняты, чтобы иметь дело с бедным, старым, бесполезным Бредоном!

Я слабо улыбнулся в ответ.

— Думаю, тут все несколько сложнее.

Я показал ему деревянное кольцо.

— Мне нужно, чтобы вы объяснили, что оно означает.

Шутливая улыбочка Бредона испарилась стремительней, чем если бы я вытащил окровавленный кинжал.

— Господь и владычица! — воскликнул он. — Скажите, что вы это получили от какого-нибудь старожилы крестьянина!

Я покачал головой и протянул кольцо ему.

Он повертел кольцо в руках.

— Мелуан? — тихо переспросил он. Вернув мне кольцо, он плюхнулся в ближайшее кресло, положив на колени свою тросточку. Лицо у него слегка посерело. — Это прислала вам молодая супруга маэра? В качестве приглашения?

— Это что угодно, только не приглашение, — сказал я. — Кроме этого, она прислала мне очаровательное письмо.

Я показал его другой рукой.

Бредон протянул руку.

— Можно посмотреть? — спросил он, но тут же поспешно отдернул руку. — Прошу прощения. Это редкостная грубость с моей стороны...

— Напротив, вы окажете мне громадную услугу, если прочтете его, — сказал я, вкладывая письмо ему в руки. — Я отчаянно нуждаюсь в том, чтобы узнать ваше мнение.

Бредон взял письмо и принялся читать, слегка шевеля губами. Чем дальше он читал, тем сильнее бледнел.

— Эта дама весьма красноречива, — сказал я.

— Что да, то да, — сказал он. — С тем же успехом она могла написать это кровью.

— Думаю, она была бы не против, — сказал я. — Однако ей пришлось бы зарезаться, чтобы исписать вторую страницу.

Я протянул ему второй лист письма.

Бредон взял его и продолжил читать, бледнея все сильнее.

— О боги вездесущие, — сказал он. — А что, разве есть такое слово — «новообразование»?

— Есть, есть, — кивнул я.

Бредон дочитал вторую страницу, вернулся к началу и медленно прочел письмо снова. Наконец он поднял взгляд на меня.

— Будь на свете женщина, которая любила бы меня с десятой частью той страсти, которую эта дама питает к вам, я почитал бы себя счастливейшим из мужчин.

— Но что это означает? — спросил я, показав ему кольцо. Кольцо пахло свежей гарью. Должно быть, она только сегодня утром выжгла на нем свое имя.

— От крестьянина? — он пожал плечами. — Многое зависит от дерева, из которого оно сделано. Но так? От знатной дамы?

Он покачал головой, очевидно, не в силах найти слов.

— Я думал, при дворе в ходу только три вида колец, — сказал я.

— Только три вида тех, что в ходу, — сказал он. — Только три принято посылать и выкладывать на обозрение. Прежде деревянные кольца посылали, чтобы вызвать прислугу. Людей, которым железо не по чину. Но это было давным-давно. В конце концов посылать кому-то при дворе деревянное кольцо прослыло чудовищным хамством.

— Ну, хамство я переживу, — сказал я с облегчением. — Мне и не такие хамили.

— Но это было сто лет тому назад, — возразил Бредон. — С тех пор многое изменилось. Проблема в том, что, поскольку деревянное кольцо сделалось оскорблением, некоторые слуги начали на них обижаться. Вы же не хотите обидеть своего конюшего, значит, вы не станете посылать ему деревянное кольцо. Но если конюшему деревянное кольцо не пошлют, значит, и ваш портной на такое может обидеться...

Я понимающе кивнул.

— И так далее. В конечном счете деревянное кольцо стало оскорблением для кого угодно.

Бредон кивнул.

— Разумный человек не станет ссориться с прислугой, — сказал он. — Даже мальчишка, который подает на стол, может затаить обиду, и даже самый неприметный из слуг имеет тысячу способов втихомолку вам

отомстить. Так что теперь деревянные кольца не используют вовсе. Вероятно, о них бы совсем забыли, если бы они не использовались в качестве сюжетного приема в некоторых пьесах.

Я взглянул на кольцо.

— То есть я, значит, ниже мальчишки, который выносит помои.

Бредон смущенно кашлянул.

— По правде сказать, даже более того.

Он указал на кольцо.

— Для нее это означает, что вы вообще не человек. Вас не стоит признавать за личность.

— Ага, — сказал я. — Понятно.

Я надел деревянное кольцо на палец и стиснул кулак. Оно село как родное.

— Это кольцо не из тех, что носят, — смущенно заметил Бредон. — Совсем не из тех, по правде говоря.

Он с любопытством взглянул на меня.

— Я так понимаю, кольца Алверона у вас больше нет?

— По правде говоря, он попросил его вернуть.

Я взял со стола письмо маэра и протянул его Бредону.

— «Как можно скорее»! — сухо хмыкнул Бредон. — Тут сказано куда больше, чем кажется на первый взгляд.

Он положил письмо на стол.

— Однако, возможно, оно и к лучшему. Если бы он предпочел оставить вас при себе, вы бы сделали для них полем брани: зернышком перца между ее ступкой и его пестом. Рано или поздно они бы стерли вас в порошок.

Он снова взглянул на деревянное кольцо у меня на руке.

— Полагаю, она вам его не лично вручила? — с надеждой спросил он.

— Нет, с посыльным прислала, — я тихонько вздохнул. — И стражники тоже его видели.

В дверь постучали. Я открыл, и мальчишка-посыльный вручил мне письмо.

Затворив дверь, я взглянул на печать.

— Лорд Превек, — сказал я.

Бредон покачал головой.

— Могу поклясться, этот человек все свое время проводит либо прижав ухо к замочной скважине, либо вылизывая чью-то задницу.

Я хохотнул, взломал печать и быстро пробежал письмо глазами.

— Просит кольцо вернуть, — сказал я. — И чернила размазаны,

торопился, не стал ждать, пока просохнет.

Бредон кивнул.

— Несомненно, слухи уже распространяются. Все было бы не так плохо, не будь она теперь правой рукой Алверона. Но она — его правая рука, и она ясно выразила свое отношение. Любой, кто обойдется с вами лучше, чем с собакой, наверняка получит свою долю презрения, которое она испытывает к вам.

Он помахал письмом.

— А такое презрение вряд ли скоро истощится.

Бредон указал на вазочку с кольцами и невесело рассмеялся.

— И это тогда, когда вам наконец-то начали присылать серебряные!

Я подошел к вазочке, отыскал его кольцо и протянул ему.

— Возьмите, — сказал я.

Бредон огорченно нахмурился, но кольца не взял.

— Я все равно скоро уезжаю, — сказал я. — И мне совсем не хочется, чтобы вы оказались запятнаны знакомством со мной. Я ничем не в силах вас отблагодарить за помощь, которую вы мне оказали. Самое меньшее, что я могу сделать, — это свести к минимуму ущерб для вашей репутации.

Бредон колебался, зажмурился и вздохнул. И взял кольцо, обреченно пожав плечами.

— Да, кстати! — сказал я, внезапно вспомнив еще кое о чем. Я подошел к стопке кляуз и достал из нее страницы, на которых описывались его собственные безбожные похождения.

— Возможно, это вас позабавит, — сказал я, вручая их ему. — А теперь вам, пожалуй, стоит удалиться. Просто находиться здесь и то небезопасно для вас.

Бредон вздохнул и кивнул.

— Мне жаль, что я не смог сделать для вас большего, мой мальчик. Если когда-нибудь еще вернетесь в наши края, не стесняйтесь, заглядывайте. Рано или поздно все устаканится.

Его взгляд все возвращался к деревянному кольцу у меня на пальце.

— А все-таки не носили бы вы его...

Когда он ушел, я выудил из вазочки серебряное кольцо Стейпса и железное кольцо Алверона и вышел в коридор.

— Я намерен посетить Стейпса, — вежливо сказал я стражникам. — Угодно ли вам двоим меня сопровождать?

Тот, что повыше, взглянул на кольцо у меня на пальце, переглянулся с товарищем и буркнул «да». Я развернулся на каблуках и зашагал по коридору. Мой эскорт шагал следом.

Стейпс провел меня к себе в гостиную и затворил за мной дверь. Его комнаты были еще роскошнее моих и куда более обжитые. На ближайшем столике красовалась большая ваза с кольцами. Все они были золотые. Единственное железное кольцо принадлежало Алверону, и его Стейпс носил на пальце.

Может, он и походил на бакалейщика, но глаз у Стейпса был зоркий. Кольцо у меня на руке он заметил тотчас.

— Все-таки она это сделала, — сказал он, покачав головой. — Не носили бы вы его...

— Я не стыжусь того, кто я есть, — сказал я. — Если это кольцо эдема руэ, я буду его носить.

Стейпс вздохнул.

— Все куда сложнее...

— Я знаю, — сказал я. — Я пришел сюда не затем, чтобы усложнять вам жизнь. Не могли бы вы вернуть это маэру от меня?

Я протянул ему кольцо Алверона.

Стейпс положил его в карман.

— И эти два тоже, — я вернул ему кольца, которые дал мне он сам. Одно блестящее серебряное, второе белое костяное. — Не хочу, чтобы у вас были неприятности с новой женой вашего господина.

Стейпс кивнул и взял серебряное кольцо.

— Если вы оставите его себе, неприятности действительно будут, — сказал он. — Я ведь на службе у маэра и вынужден считаться с придворными играми.

Потом он взял мою руку и вложил в нее костяное кольцо.

— Но тут мой долг перед маэром ни при чем. Это долг между двумя людьми. И придворные игры над этим не властны.

Стейпс посмотрел мне в глаза.

— Я настаиваю, чтобы вы оставили его себе.

Поздно вечером я ужинал один у себя в комнатах. Стражники по-прежнему терпеливо ожидали снаружи, пока я в пятый раз перечитывал письмо маэра. Я всякий раз надеялся найти между строк какую-то надежду

на милость. Но ничего подобного там не было.

На столе лежали бумаги, присланные маэром. Я вытряхнул рядом с ними свой кошелек. У меня было два золотых рояла, четыре серебряных нобля, восемь с половиной пенни и почему-то один-единственный модеганский стрелаум — я, хоть убей, не мог вспомнить, откуда я его взял.

На круг выходило чуть меньше восьми талантов. Я сложил их рядом с бумагами Алверона. Восемь талантов, помилование, разрешение выступать перед публикой и оплата обучения в Университете. Довольно внушительная награда.

Тем не менее я невольно чувствовал, что меня изрядно обделили. Я спас Алверона от отравления, разоблачил предателя у него при дворе, добыл ему жену, избавил его дороги от такого количества опасных типов, что мне даже считать было лень...

И все равно остался без покровителя. Хуже того: в письме не было ни слова об амир, никакого упоминания о поддержке, которую он обещал оказать мне в поисках.

Однако я бы ничего не выиграл, подняв шум, а потерять мог многое. Я ссыпал деньги в кошелек и затолкал бумаги Алверона в потайное отделение в футляре лютни.

Кроме того, я присвоил три книги, которые принес из библиотеки Кавдикуса, поскольку никто не знал, что они у меня, и ссыпал кольца из вазочки в мешочек. В моем гардеробе было два десятка великолепно пошитых костюмов. Они стоили приличных денег, но унести их с собой было бы сложно. Я прихватил два лучших костюма, остальные оставил на месте.

Наконец я опоясался Цезурой и сделал из шаэда длинный плащ. Эти два предмета напомнили мне, что время, проведенное в Винтасе, все же не было потрачено впустую, хотя я и заработал их сам, без помощи Алверона.

Я запер дверь, задул лампы и выпрыгнул из окна в сад. Потом воспользовался куском гнутой проволоки, чтобы запереть окно и закрыть за собой ставни.

Мелкая пакость? Быть может, но будь я проклят, если позволю, чтобы меня выпроводили из дворца маэра под стражей! К тому же мысль о том, как они станут гадать, куда я делся, заставила меня рассмеяться, а смех — он полезен для пищеварения.

Я выбрался из дворца, не замеченный никем. Мой шаэд был отлично приспособлен для того, чтобы пробираться незамеченным в темноте. После часа поисков я отыскал в Северене-Нижнем одного засаленного книготорговца.

Это был противный мужик с нравственностью бродячей шавки, но его и впрямь заинтересовала пачка кляуз, которые присылали в мои покои придворные. Он предложил мне четыре золотых реела за все и пообещал десять пенни с каждого проданного экземпляра после того, как книга будет напечатана. Я выторговал у него шесть реелов и шесть пенни за экземпляр, и мы ударили по рукам. Выйдя из его лавчонки, я сжег договор и дважды помыл руки. Деньги, однако, оставил себе.

Потом я продал оба красивых костюма и книги Кавдикуса, кроме одной. С теми деньгами, что я сумел собрать, я провел следующие несколько часов в порту и нашел судно, которое на следующий день уходило в Джанпуй.

Пока на город опускалась ночь, я бродил по богатым кварталам Северена, надеясь повстречать Денну. Разумеется, я ее не встретил. Я чувствовал, что ее тут давно нет. Город, где есть Денна, выглядит иначе, а Северен казался пустым, как скорлупа разбитого яйца.

Через несколько часов бесплодных поисков я забрел в припортовый бордель и провел несколько часов за выпивкой в общем зале. Клиентов было мало, дамы скучали. Так что я купил выпивку на всех, и мы принялись болтать. Я рассказал несколько историй, они послушали. Я сыграл несколько песен, мне похлопали. Потом я попросил их об услуге, они расхохотались от души.

И я опорожнил мешочек с кольцами в вазочку и оставил вазочку на стойке. Вскоре дамы вовсю примеряли кольца и ссорились из-за того, кому достанутся серебряные. Я еще раз поставил всем выпивку и ушел. Настроение у меня несколько улучшилось.

После этого я бесцельно блуждал по городу и наконец нашел небольшой публичный садик у края Крути, с видом на Северен-Нижний. Внизу горели оранжевые фонари, там и сям попадались редкие газовые фонари или симпатические лампы, светящие зеленовато-голубым или малиновым. Зрелище было такое же захватывающее, как и в первый раз, когда я это увидел.

Я сидел и смотрел в течение некоторого времени, а потом обнаружил, что я не один. Пожилой мужик прислонился к дереву в нескольких метрах от меня и тоже любовался огнями. От него слабо и довольно приятно тянуло пивом.

— Красотища, а? — сказал он. Судя по выговору, это был портовый грузчик.

Я согласился. Некоторое время мы молча смотрели на мерцающие внизу огоньки. Я стащил с пальца деревянное кольцо, подумывая бросить его вниз с утеса. Но теперь, когда за мной наблюдали, я невольно подумал, что этот жест будет выглядеть ребячески.

— Говорят, что аристократ может обмочить отсюда половину Северена, — заметил мимоходом докер.

Я сунул кольцо в карман шазда. Пусть останется на память.

— Это ленивый аристократ, — ответил я. — Те, которых я встречал, мочатся куда дальше.

ГЛАВА 141

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

На обратном пути в Университет судьба мне благопритствовала. Ветер был попутный, путешествие оказалось приятным, без приключений. Матросы прослышали, что я встречался с Фелуриан, так что я пользовался умеренной славой до конца плавания. Я сыграл им песню, которую сочинил об этом, и рассказывал, как это было, немногим реже, чем меня просили.

Кроме того, я рассказал им о своем путешествии к адемам. Поначалу они не поверили ни единому слову, но потом я показал им меч и уложил их лучшего борца три раза подряд. После этого со мной стали обходиться иначе, более уважительно, и между нами завязались новые, грубовато-дружеские отношения.

По пути я довольно много узнал от матросов. Они рассказывали мне морские байки и называли имена звезд. Они говорили о ветрах, течениях и девках — простите, о женщинах. Они пытались научить меня вязать морские узлы, но эта наука мне не давалась, хотя я ловко научился их развязывать.

В общем, было довольно здорово. Дружба с моряками, пение ветра в снастях, запах пота, соли и смолы. День за днем все это мало-помалу разгоняло горечь, которую я испытывал из-за дурного обращения маэра Алверона и его любящей супруги.

ГЛАВА 142

ДОМА

И вот наконец мы пристали в Тарбеане, и матросы помогли мне найти дешевую каюту на ветроходке, которая отправлялась вверх по течению в Анилен. Через два дня я сошел на берег в Имре и отправился в Университет, как раз когда небо начало наливаться рассветной голубизной.

У меня никогда в жизни не было ничего похожего на дом. Мальчишкой я рос в дороге, непрерывно путешествуя с места на место со своей труппой. Не было такого места — дом. Дом — это были люди и фургоны. Потом, в Тарбеане, у меня было потайное место, где три крыши сходились вместе, давая мне укрытие от дождя. Там я спал и прятал кое-какие ценные вещи, но все равно это не имело ничего общего с домом.

Поэтому я никогда в жизни не испытывал радости возвращения домой после долгих странствий. Я впервые ощутил ее в тот день, когда перешел Омети, чувствуя под ногами знакомые камни моста. Дойдя до самой высокой точки моста, я увидел впереди, над деревьями, серую громаду архивов.

Как отрадно было ступать по улицам Университета! Я отсутствовал три четверти года. В некотором отношении казалось, что даже дольше, и в то же время здесь все было таким знакомым, как будто не прошло ни дня.

Когда я пришел к Анкеру, было еще довольно рано, и входная дверь была на запоре. Я мимоходом подумал, не залезть ли к себе в окно, но потом решил этого не делать: ведь при мне были футляр с лютней и дорожный мешок, да еще Цезура.

Вместо этого я отправился в гнезда и постучался в дверь Симмона. Время было раннее, и я понимал, что разбужу его, но мне не терпелось увидеть хоть одно знакомое лицо. Обождав немного и видя, что за дверью никто не шевелится, я постучал еще раз, погромче, и улыбнулся самой что ни на есть бодрой улыбочкой.

Сим отворил дверь: волосы растрепаны, глаза красные с недосыпа. Он сонно уставился на меня. Какое-то мгновение он тупо моргал сонными глазами, потом бросился мне на шею и едва не задушил в объятиях.

— Обугленное тело Господне! — воскликнул он. Это было самое сильное выражение, которое я от него когда-либо слышал. — Квоут! Живой!

Сим сначала разрыдался, потом наорал на меня, потом мы расхохотались и разобрались, в чем дело. Похоже, Трепе куда внимательней следил за моими странствиями, чем я предполагал. А потому, когда мой корабль пропал, он предположил, что случилось худшее.

Мне достаточно было написать письмо, чтобы все успокоились, но мне и в голову не пришло этого сделать. Мысль о том, чтобы писать домой, была мне совершенно чужда.

— Стало известно, что все, кто плыл на корабле, погибли, — рассказывал Сим. — Слухи дошли до «Эолиана», и угадай, кто об этом пронюхал.

— Станцион? — спросил я, зная, что тот страшный сплетник.

Сим мрачно покачал головой.

— Амброз!

— О, как мило! — сухо заметил я.

— Это было бы неприятно узнать от кого угодно, — сказал Сим. — А от него — противнее всего. Я даже думал, не сам ли он устроил так, чтобы твой корабль потонул.

Сим усмехнулся.

— Причем он выждал и сообщил мне это перед самым экзаменом. Нет нужды говорить, что на экзамене я облажался и еще целую четверть проходил в э'лирах.

— Вот как? — переспросил я. — А теперь ты, стало быть, ре'лар?

Он ухмыльнулся.

— Со вчерашнего дня! Я как раз отсыпался после попойки, а тут ты меня разбудил.

— А как Вил? — спросил я. — Он тоже расстроился из-за меня?

— Ну, Вил человек уравновешенный, ты же знаешь, — сказал Сим. — Но вообще — да, очень расстроился.

Он поморщился.

— К тому же Амброз изрядно отравляет ему жизнь в архивах. Вила это достало, он на четверть уехал домой. Сегодня должен вернуться.

— А остальные как? — спросил я.

Тут внезапно Сим как будто вспомнил о чем-то. Он вскочил.

— Боже мой, Фела!

И снова рухнул на место, как будто у него ноги подкосились.

— Боже мой, Фела... — повторил он совершенно другим тоном.

— Что такое? — спросил я. — С ней что-то случилось?!

— Ну, она тоже плохо перенесла эти новости... — он смущенно улыбнулся. — Она же ведь была к тебе очень равнодушна...

— Фела? — тупо переспросил я.

— А ты что, не помнишь? Мы с Вилом еще тогда думали, что ты ей нравишься.

Казалось, это было много лет назад.

— Ну да, помню.

Симу, похоже, было не по себе.

— Ну вот, видишь ли... Пока тебя не было, мы с Вилом стали проводить с ней довольно много времени. Ну, и...

Он сделал неопределенный жест. Лицо у него было странное: то ли застенчивое, то ли ухмыляющееся...

До меня наконец дошло.

— Так вы с Фелой... того? Молодец, Сим!

Я расплылся в улыбке, потом увидел его лицо.

— Ой.

Я перестал улыбаться.

— Сим, я не стану встречать между вами.

— Да я знал, что ты не станешь, — он улыбнулся. — Я тебе доверяю.

Я потерял глаза.

— Вернулся, называется! Я еще даже на экзаменах не был.

— Сегодня последний день! — напомнил Сим.

— Да знаю, знаю, — сказал я, вставая. — Но у меня есть одно дело.

* * *

Вещи я оставил в комнате у Сима и наведалься в подвал пустот, к казначею. Рием был лысеющий человек со впалыми щеками. Он недолюбливал меня с тех пор, как в первую четверть магистры присудили мне отрицательную плату. Он не имел привычки выдавать деньги студентам, и вся эта история оставила у него неприятное впечатление.

Я показал ему кредитное письмо с прямым доступом в сундуки Алверона. Как я уже говорил, выглядело оно впечатляюще. Собственноручная подпись маэра. Восковые печати. Роскошный пергамент. Безукоризненная каллиграфия.

Я привлек внимание казначея к тому факту, что письмо маэра предоставляло Университету право получать любые суммы, необходимые

для оплаты моего обучения. Любые.

Казначей перечитал письмо еще раз и согласился, что да, похоже, так оно и есть.

— Как жаль, что мне всегда назначали такую невысокую плату, — задумчиво заметил я. — Не более десяти талантов. А ведь это мог быть такой удобный случай для Университета. В конце концов, маэр богаче винтийского короля. А раз он готов платить любые суммы...

Казначей был мужик смекалистый и тут же сообразил, куда я клоню. Мы немного поторговались, ударили по рукам, и я впервые увидел, как он улыбается.

Я немного перекусил, потом встал в очередь с остальными студентами, которые не получали жребий. Большинство из них были новичками, но были и такие, как я, вернувшиеся после перерыва в занятиях. Очередь была длинная, все более или менее нервничали. Я насвистывал, чтобы убить время, и купил с лотка пирожок с мясом и кружку горячего сидра.

Выступив в круг света перед столом магистров, я вызвал некоторое оживление. Они слышали новости обо мне и были удивлены, увидев меня в живых, большинство — приятно удивлены. Килвин потребовал, чтобы я как можно скорее явился в мастерские, в то время как Мандраг, Дал и Арвил принялись спорить о том, какие курсы я выберу. Элодин просто помахал мне: он был единственный, на кого, похоже, мое чудесное воскресение из мертвых не произвело ни малейшего впечатления.

Через минуту приятной суматохи ректор наконец навел порядок и принялся экзаменовать меня. Я без особого труда ответил на вопросы Дала и Килвина тоже. Однако, отвечая Брандье, я сбился в расчетах, а потом вынужден был признаться, что просто не знаю ответа на вопрос Мандрага относительно возгонки.

Элодин на предложение задать мне вопросы только пожал плечами и широко зевнул. Лоррен задал на удивление простой вопрос насчет мендарских ересей, и я сумел ответить четко и уверенно. Отвечая на вопрос Арвила про лациллиум, я вынужден был надолго задуматься.

Оставался только Хемме, который свирепо хмурился с тех пор, как я подошел к столу магистров. Видя, что мое выступление оставляет желать лучшего и как медленно я отвечаю на вопросы, он самодовольно ухмылялся. Его глаза вспыхивали всякий раз, как я давал неверный ответ.

— Так-так, — сказал он, шурша лежащими перед ним бумагами. — А я-то думал, что нам больше не придется иметь с вами дела.

Он неискренне улыбнулся.

— Я слышал, что вы погибли...

— А я слышал, что вы носите красный кружевной корсет, — невозмутимо ответил я. — Однако не стоит верить всякому вздору, что болтают вокруг.

Тут поднялся шум, меня немедленно обвинили в «неподобающем обращении к магистру». В качестве наказания мне велено было составить письмо с извинениями и уплатить штраф в один серебряный талант. Ну, оно того стоило.

Однако я и впрямь повел себя дурно и вдобавок неудачно выбрал время, после своего выступления, которое действительно оставляло желать лучшего. В результате мне назначили плату в двадцать четыре таланта. Нет нужды говорить, что я ужасно расстроился.

После этого я вернулся в контору казначея. Я официально предъявил Риему кредитное письмо Алверона и неофициально забрал свою оговоренную долю: половину всего, что сверх десяти талантов. Положив в кошелек семь талантов, я мимоходом подумал, случалось ли кому-то получать такую хорошую плату за наглость и невежество.

Я отправился к Анкеру и с удовольствием обнаружил, что хозяину трактира о моей смерти никто сообщить не потрудился. Ключ от моей комнаты покоился где-то на дне Сентийского моря, но у Анкера был запасной. Я поднялся наверх, увидел знакомый скошенный потолок, и мне сразу сделалось спокойно на душе. Все было покрыто тонким слоем пыли.

Вы можете подумать, будто после роскошных покоев во дворце Алверона комнатка со скошенным потолком и узкой кроватью показалась мне очень тесной. Ничего подобного. Я деловито принялся распаковывать вещи и выметать из углов паутину.

Через час я сумел вскрыть замок сундука, что стоял в ногах моей кровати, и выложить то, что я припрятал перед отъездом. Я нашел полуразобранные гармонические часы и принялся лениво возиться с ними, пытаюсь вспомнить, что именно я делал: разбирал или собирал.

Потом, поскольку других срочных дел у меня не было, я снова отправился за реку. Зашел в «Эолиан», где Деоч стиснул меня в медвежьих объятиях, аж от земли оторвал. После того как я столько времени провел в дороге, среди чужаков и врагов, я даже забыл, каково это — видеть вокруг теплые, дружеские лица. Мы с Деочем и Станчионом сидели, пили и делились байками и сплетнями, пока за окном не начало темнеть. Тогда я ушел, предоставив им заниматься своими делами.

Я немного побродил по городу, заходя в знакомые гостиницы и таверны. Навестил два-три публичных сада, лавочку под деревом во дворе. Деоч говорил мне, что Денны уже год как след простыл. Но искать ее, даже

не находя, все равно было по-своему утешительно. В определенном смысле в этом была истинная суть наших отношений.

* * *

Позднее в тот же вечер я взобрался на крышу главного здания и принялся пробираться по знакомому лабиринту печных труб и разношерстных шиферных, черепичных и железных кровель. Свернув за угол, я увидел Аури: она сидела на трубе, ее длинные и легкие волосы парили вокруг ее головы, как будто она плыла под водой. Она смотрела на луну и болтала босыми ногами.

Я тихонько кашлянул, и Аури обернулась в мою сторону. Она соскочила с трубы и понеслась ко мне через крышу, остановившись в нескольких шагах от меня. Ее улыбка сияла ярче луны.

— А в Сверченье ежики живут, целая семья! — радостно объявила она.

Аури сделала еще два шага и обеими руками ухватила меня за руку.

— У них малыши, крохотные как желуди!

Она мягко потянула меня за собой.

— Пойдем, посмотрим?

Я кивнул, и Аури повела меня через крышу к яблоне, по которой можно было спуститься во двор. Когда мы наконец пришли туда, она взглянула на дерево, потом посмотрела вниз: она по-прежнему сжимала мою длинную загорелую руку своими крошечными белыми ручками. Сжимала не сильно, но крепко и отпускать явно не собиралась.

— Я по тебе скучала, — тихо сказала она, не поднимая глаз. — Не уходи так больше.

— И не собираюсь! — мягко ответил я. — У меня тут слишком много дел.

Аури склонила голову набок и искоса посмотрела на меня сквозь облако волос.

— Например, навестить меня?

— Например, навестить тебя, — согласился я.

ГЛАВА 143

БЕСКРОВНЫЙ

По возвращении в Университет меня ожидал еще один, последний сюрприз.

Я пробыл здесь уже несколько дней, прежде чем вернулся к работе в артной. Я теперь уже не так отчаянно нуждался в деньгах, но я соскучился по работе. Все-таки есть что-то глубоко правильное в том, чтобы делать нечто своими руками. Настоящая артефакция — это все равно что песня, воплощенная в материи. Это акт творения.

И вот я отправился в хранение, решив начать с чего-нибудь попроще, поскольку давно не работал. Подойдя к окошку, я увидел знакомое лицо.

— Привет, Бэзил! — сказал я. — За что тебя загнали сюда на этот раз?

Он потупился.

— За неправильное обращение с реагентами, — буркнул он.

Я расхохотался.

— Ну, это не так страшно! Через оборот будешь свободен.

— Ага.

Он поднял голову и смущенно улыбнулся.

— Я слышал, что ты вернулся. За деньгами пришел?

Я мысленно перебирал все, что необходимо для изготовления жаропровода, но, услышав это, остановился.

— Прошу прощения?

Бэзил склонил голову набок.

— Ну, за твоими деньгами. За «бескровный».

Он взглянул на меня, и до него, видимо, дошло.

— Ах да! Ты же не знаешь...

Он отошел от окошка и тут же вернулся с предметом, который выглядел как восьмигранный фонарь, целиком сделанный из железа.

Эта вещь отличалась от изготовленного мной стрелохвата. Тот, который сделал я, был изготовлен с нуля, на скорую руку. А этот был гладенький и аккуратненький. Все подогнано на совесть, сверху тонкий слой прозрачного алхимического лака, защищающий устройство от дождя и ржавчины. Умно. Надо было это учесть в своем изначальном дизайне...

Несмотря на то что я отчасти был польщен тем, что мое изобретение кому-то настолько понравилось, что его скопировали, я все же испытал

довольно сильное раздражение, видя, что этот стрелохват настолько вылизан, куда лучше моего, первоначального. Я обратил внимание на характерное единообразие деталей.

— Что, кто-то изготовил формы для отливки? — спросил я.

Бэзил кивнул.

— Ну да. Давным-давно! Два комплекта.

Он улыбнулся.

— Хитроумная штука, надо сказать. Я долго ломал голову, как же работает этот инерционный спусковой механизм. Но теперь, когда я понял...

Он постучал себя по лбу.

— Я сам две штуки изготовил. Хорошие деньги за то время, которое на них уходит. Гораздо лучше трюмных ламп!

Это заставило меня улыбнуться.

— Да все, что угодно, лучше, чем трюмные лампы! — сказал я, взяв стрелохват в руки. — Это твоя работа?

Он покачал головой.

— Мои ушли месяц тому назад. Они долго не залеживаются. Ты очень умно придумал, что назначил за них такую низкую цену.

Я повертел стрелохват в руках и увидел на металле надпись. Угловатые буквы были глубоко врезаны в металл, очевидно, они были частью формы. «Бескровный».

Я поднял голову и посмотрел на Бэзила. Он усмехнулся.

— Ты же уехал, не дав ему подходящего названия, — сказал он. — А потом Килвин подогнал схему под стандарты и внес ее в записи. Надо же было его как-то назвать, прежде чем выставить на продажу.

Бэзил перестал улыбаться.

— А это было как раз тогда, когда прошел слух, что ты погиб в море. И Килвин привел магистра Элодина...

— Чтобы дать вещи достойное имя, — сказал я, все еще вертя его в руках. — Ну да, конечно.

— Килвин немного поворчал, — сказал Бэзил. — Что это, мол, ерунда и показуха. Но название прижилось.

Он пожал плечами, наклонился, пошарил и достал конторскую книгу.

— Ну ладно, деньги-то забирать будешь? — он принялся листать страницы. — Сейчас, наверно, уже немало накопилось. Их многие делают.

Он отыскал нужную страницу и провел пальцем вдоль строки.

— Ага, вот. Пока что продано двадцать восемь...

— Бэзил, — перебил я, — я вообще не понимаю, о чем речь. Килвин

же уже заплатил мне за первый, который я сделал.

Бэзил нахмурил лоб.

— Ну как же, комиссия! — сказал он. Потом, видя мой недоумевающий взгляд, пояснил: — Каждый раз, как хранение что-то продает, артная получает тридцать процентов комиссионных, а владелец схемы — десять.

— А я думал, хранение получает все сорок! — изумился я.

Он дернул плечом.

— Обычно — да. Старые-то схемы почти все принадлежат хранению. Многие изобретены уже давно. Но за новинки...

— А Манет мне этого не говорил, — сказал я.

Бэзил виновато поморщился.

— Старина Манет — просто рабочая лошадка, — вежливо сказал он. — Но не самый изобретательный человек. Сколько он уже здесь, лет тридцать? Не думаю, что он создал хотя бы одну новую схему.

Он полистал книгу, проглядывая страницы.

— У большинства настоящих артефакторов есть хоть одно изобретение, и они этим гордятся, даже если это что-то довольно бесполезное.

У меня в голове завертелись цифры.

— То есть это десять процентов с каждых восьми талантов... — пробормотал я, потом поднял глаза: — Это, получается, у меня там двадцать два таланта?

Бэзил кивнул, глядя в конторскую книгу.

— Двадцать два таланта четыре йоты, — сказал он, доставая карандаш и листок бумаги. — Тебе все сразу отдать?

Я ухмыльнулся.

* * *

Когда я отправился в Имре, кошелек у меня был такой тяжелый, что я опасался захромать. Я зашел к Анкеру и взял свой дорожный мешок, повесив его на другое плечо, для равновесия.

Я бродил по городу, лениво обходя все места, где прежде бывали мы с Денной, и гадал, где-то она сейчас.

Завершив свои ритуальные поиски, я отправился в переулок, где воняло тухлым салом, и поднялся по узкой лесенке. Я энергично постучался в двери Деви, выждал, постучался еще раз, громче.

Послышался звук отодвигаемого засова и отпираемого замка. Дверь приоткрылась, в щелочку на меня уставился бледно-голубой глаз. Я улыбнулся.

Дверь медленно распахнулась. Деви стояла в дверях и тупо смотрела на меня, уронив руки.

Я вопросительно приподнял бровь.

— Как? — спросил я. — А где остроумное приветствие?

— Я о делах через порог не разговариваю, — машинально ответила она. Голос у нее был абсолютно бесстрастный. — Заходи уж.

Я ждал, но она не освободила мне проход. Из комнаты у нее за спиной пахло корицей и медом.

— Деви, — спросил я, — с тобой все в порядке?

— Ты, это... — она умолкла, не сводя с меня глаз. Голос у нее был ровный и безжизненный. — Ты же вроде как умер.

— Я надеюсь всех разочаровать в этом, как и во многом другом, — сказал я.

— Я была уверена, что это все он, — продолжала Деви. — Баронство его отца зовется «Пиратскими островами». Я была уверена, что он это сделал потому, что мы подожгли его номер. Пожар-то устроила я, но он этого знать не мог. А видел он только тебя. Тебя да еще того сильдийца.

Деви подняла на меня глаза, щурясь от света. Эльфийское личико гелет всегда было светлокожим, но я впервые увидел, чтобы она побледнела.

— А ты возмужал, — сказала она. — Я почти забыла, какой ты высокий.

— А я почти забыл, какая ты хорошенькая, — сказал я. — Но тут уж я ничего не могу поделать.

Деви по-прежнему стояла в дверях, бледная, глядя на меня во все глаза. Я встревожился, подступил ближе и коснулся ее руки. Она не отстранилась, как я ожидал. Только посмотрела на мою ладонь.

— Ну а как же пошутить? — слегка поддел я. — Обычно ты куда острей на язык!

— Боюсь, мне сейчас не по силам состязаться с тобой в остроумии, — сказала она.

— Да я никогда и не думал, будто ты способна потягаться со мной в остроумии, — сказал я. — Просто, знаешь, хочется иногда поболтать о том о сем.

На губах Деви расцвела улыбка, и щеки чуть-чуть порозовели.

— Конский ты навоз! — воскликнула она.

— О, уже лучше! — обрадовался я и вытащил ее за дверь, на свет

ясного осеннего денька. — Я так и знал, что для тебя не все потеряно.

* * *

Мы вдвоем дошли до ближайшего трактира, и благодаря полпиву и внушительному обеду Деви мало-помалу оправилась от шока из-за моего неожиданного воскрешения. Вскоре она вновь стала самой собой, ядовитой и острой на язычок, и мы перекидывались шутками за кружками пряного сидра.

Потом мы вернулись в ее квартирку за лавкой мясника, и тут Деви обнаружила, что забыла запереть дверь.

— Тейлу милосердный! — воскликнула она, когда мы вошли, лихорадочно озираясь по сторонам. — Это впервые в жизни!

Осмотревшись, я увидел, что у нее дома мало что переменилось с тех пор, как я бывал тут в последний раз, разве что второй книжный шкаф был заполнен почти наполовину. Я принялся читать заглавия, пока Деви шарила по другим комнатам, чтобы удостовериться, что ничего не пропало.

— Хочешь что-нибудь позаимствовать? — спросила она, вернувшись в комнату.

— Вообще-то, — сказал я, — я принес кое-что для тебя.

Я положил свой дорожный мешок на ее стол и, порывшись, извлек плоский прямоугольный сверток, завернутый в клеенку и перевязанный бечевкой. Мешок я снял и положил на пол, а сверток подвинул к ней.

Деви недоверчиво подошла к столу, потом села и развернула сверток. Внутри оказался экземпляр «Целум Тинтур», который я спер из библиотеки Кавдикуса. Не то чтобы особая редкость, однако же полезное подспорье для алхимика, изгнанного из архивов. Хотя, разумеется, нельзя сказать, чтобы я особо разбирался в алхимии...

Деви посмотрела на него.

— И сколько это стоит?

Я рассмеялся.

— Это подарок.

Она, прищурившись, взглянула на меня.

— Если ты думаешь, будто за это я продлю тебе заем...

Я покачал головой.

— Просто я подумал, что тебе понравится, — сказал я. — Ну а заем...

Я достал кошелек и выложил на стол девять полновесных талантов.

— Ну и ну! — сказала Деви, слегка удивленная. — Я смотрю, кто-то

съездил с пользой!

Она подняла голову и посмотрела на меня.

— Уверен, что не хочешь обождать до тех пор, пока уплатишь за обучение?

— А я уже, — сказал я.

Деви даже не попыталась взять деньги.

— Мне не хочется оставлять тебя без гроша в начале новой четверти.

Я подкинул на руке кошелек. Он полновесно звякнул — этот звон звучал почти как музыка.

Деви достала ключ, отперла нижний ящик стола и достала одно за другим: мою «Риторику и логику», мои талантовые дудочки, мою симпатическую лампу и кольцо Денны.

Она аккуратно сложила их на столе, но за деньгами тянуться не спешила.

— У тебя еще два месяца до тех пор, как истечет твой срок — год и один день, — сказала она. — Может, ты предпочтешь обождать?

Озадаченный, я посмотрел на деньги, лежащие на столе, потом окинул взглядом комнату Деви. Догадка распустилась в моей голове, точно цветок.

— Дело совсем не в деньгах, да? — спросил я, удивляясь, что мне потребовалось так много времени, чтобы сообразить.

Деви вопросительно склонила голову набок.

Я указал на книжные шкафы, на просторную кровать под бархатным балдахин, на саму Деви. Прежде я этого не замечал, но, хотя ее одежда не была особенно нарядной, покррой и ткань были не хуже, чем у любой аристократки.

— Деньги тут вообще ни при чем, — повторил я. Я посмотрел на книги. Ее собрание стоило никак не меньше пятисот талантов, если оно вообще чего-то стоило. — Ты используешь деньги как наживку. Ты ссужаешь их отчаявшимся людям, которые могут тебе чем-нибудь пригодиться, в надежде, что они не сумеют заплатить. На самом деле ты торгуешь услугами и связями.

Деви негромко хихикнула.

— Деньги — это тоже неплохо, — сказала она, блеснув глазами. — Однако в мире полно вещей, которые ни за какие деньги не купишь. Связи и обязательства стоят гораздо, гораздо дороже!

Я посмотрел на девять талантов, поблескивающие у нее на столе.

— И никакой минимальной ссуды у тебя нет, верно? — спросил я, заранее зная ответ. — Ты говорила это нарочно, чтобы я занимал у тебя все больше и больше. Ты надеялась, что я выраю себе слишком глубокую яму и

рано или поздно не сумею расплатиться.

Деви широко улыбнулась.

— Добро пожаловать в игру! — сказала она и принялась собирать монеты. — Спасибо, что согласился сыграть со мной.

ГЛАВА 144

МЕЧ И ШАЭД

Теперь, когда кошелек у меня чуть не лопался от денег, а мое обучение оплачивал Алверон, зимняя четверть проходила беззаботно, как прогулка по саду.

Странно и непривычно было не жить нищеводом. Я носил одежду, сшитую по мерке, и мог позволить себе отдавать ее в стирку. Я мог пить кофе или шоколад всякий раз, как захочу. Мне больше не было нужды трудиться до упаду в артной, я мог ковыряться с чем-то исключительно из любопытства и работать над проектами для собственного удовольствия.

После того как меня не было почти год, мне потребовалось время, чтобы заново прижиться в Университете. Ходить без меча было непривычно. Но здесь на такие вещи смотрели косо, и я понимал, что это причинит больше неприятностей, чем оно того стоит.

Поначалу я оставлял Цезуру у себя в комнате. Но я лучше, чем кто бы то ни было, знал, как легко забраться и украсть его. Задвижка на окне способна была остановить только самого благовоспитанного вора. Более злонамеренный мог просто вышибить стекло и забраться внутрь меньше чем за минуту. А поскольку этот меч был уникален и я обещал хранить его как зеницу ока, я вскоре перенес его в тайник в Подовсе.

Хранить при себе шаэд было куда проще, поскольку я мог, немного потрудившись, менять его облик. В те дни он редко развлекался сам по себе. Куда чаще он отказывался развлекаться так сильно, как того требовал порывистый ветер. Казалось бы, на это нельзя не обратить внимания — но нет, люди ничего не замечали. Даже Вилем и Симмон, которые подшучивали надо мной за привязанность к плащу, так и не заметили, что это не просто предмет одежды, который можно носить и так, и эдак.

На самом деле единственный, кто заметил, что в плаще есть что-то необычное, был Элодин.

— Это что такое? — воскликнул он, столкнувшись со мной в небольшом дворике, примыкающем к главному зданию. — Как это ты ухитрился ошаэдиться?

— Прошу прощения? — переспросил я.

— Твой плащ, парень! Твоя мантия-перевертыш. Сила Господня, где ты добыл настоящий шаэд?

Он неправильно понял мое изумление, приняв его за неведение.

— Да ты вообще знаешь, что на тебе надето?

— Я знаю, что это такое, — сказал я. — Я просто удивился, что вы это знаете.

Он бросил на меня взгляд оскорбленного достоинства.

— Да какой же я был бы именователь, если бы не мог с десяти шагов отличить фейский плащ!

Он пощупал край плаща.

— Какая прелесть! Кусочек древней магии, нечасто доводится такое подержать в руках.

— Вообще-то это довольно новая магия, — сказал я.

— Это в смысле? — переспросил он.

Когда стало очевидно, что объяснение потребует долгого рассказа, Элодин затащил меня в небольшую и уютную пивную, где я прежде никогда не бывал. На самом деле даже не знаю, можно ли назвать это пивной. Там не было шумных студентов, там не пахло пивом. Там было темно и тихо, низкий потолок и глубокие мягкие кресла, расставленные группками. Пахло кожей и старым вином.

Мы сели поближе к теплой жаровне и стали прихлебывать подогретый сидр. Я подробно рассказал ему о своем неожиданном путешествии в Фейе. На душе у меня заметно полегчало. А то ведь я никому не мог об этом рассказать из опасения, что надо мной будет смеяться весь Университет.

Элодин оказался на удивление внимательным слушателем. Особенно заинтересовал его наш поединок с Фелуриан, когда она пыталась подчинить меня своей воле. Когда я закончил свой рассказ, он забросал меня вопросами. А помню ли я, что я сказал ветру? Что я при этом испытывал? А вот это странное ощущение пробуждения, о котором я говорил, — на что это было похоже больше, на опьянение или на состояние шока?

Я отвечал как мог, и наконец он откинулся на спинку кресла и кивнул, отвечая собственным мыслям.

— Когда студент отправляется в погоню за ветром и догоняет его — это хороший знак, — одобрительно сказал он. — Тебе уже дважды удавалось его призвать. Дальше пойдет легче.

— Вообще-то трижды, — сказал я. — Я обрел его снова, когда был в Адеме.

Он расхохотался.

— Так ты гонялся за ветром до самого края географии! — сказал он, широко взмахнув растопыренными пальцами левой руки. Ошеломленный,

я признал в этом жесте адемовский знак «удивленного почтения». — Ну, и как оно было? Как ты думаешь, сумеешь ли ты найти это имя снова, если понадобится?

Я сосредоточился, пытаюсь погрузить свой разум в состояние «листка на ветру». Прошел уже месяц, я оставил за спиной тысячу километров с тех пор, как делал это в последний раз, и теперь мне было непросто привести свой ум в состояние своеобразной головокружительной пустоты.

В конце концов мне это удалось. Я оглядел небольшой зал, надеясь увидеть имя ветра как старого знакомого. Но вокруг ничего не было: только пылинки кружились в косом солнечном луче, падающем в окно.

— Ну? — спросил Элодин. — Можешь ли ты призвать его, если понадобится?

Я замялся.

— Может быть...

Элодин кивнул, как если бы он все понял.

— А может быть, и нет, если делаешь это по чужой просьбе?

Я кивнул, изрядно разочарованный.

— Не расстраивайся. Значит, нам еще есть над чем поработать!

Он радостно ухмыльнулся и хлопнул меня по спине.

— Но, думаю, в твоей истории есть нечто большее, чем ты сам осознаешь. Ты призвал не только ветер. Судя по тому, что ты говорил, полагаю, ты назвал имя самой Фелуриан!

Я попытался припомнить. Мои воспоминания о времени, проведенном в Фейе, были на удивление отрывистыми, а о поединке с Фелуриан — особенно. От него осталось странное ощущение, похожее на сон. Когда я пытался вспомнить его во всех подробностях, мне начинало казаться, будто все это произошло с кем-то другим.

— Да, возможно...

— Более чем возможно, — заверил он меня. — Сомневаюсь, что столь древнее и могущественное создание, как Фелуриан, можно было укротить всего лишь ветром. Я вовсе не принижаю твои достижения! — поспешно добавил он. — Призвать ветер удастся менее чем одному студенту на тысячу. Но назвать имя живого существа, тем более одной из фейе...

Он выразительно приподнял брови.

— Это лошадка совсем другой масти.

— Но что такого особенного в имени живого существа? — спросил я и тут же сам ответил на собственный вопрос: — Сложность.

— Именно! — подтвердил он. Моя сообразительность, похоже, привела его в восторг. — Чтобы назвать имя, надо полностью постичь то,

что называешь. Камень или ветер и то достаточно сложны. А уж личность...

Он многозначительно умолк.

— Я не решусь утверждать, будто постиг Фелуриан, — сказал я.

— Некая часть тебя — постигла, — возразил Элодин. — Твой спящий разум. Это и впрямь большая редкость. Знай ты, как это трудно, у тебя не было бы ни единого шанса на успех!

* * *

Поскольку нищета больше не вынуждала меня проводить долгие часы в артной, я мог позволить себе расширить круг своих интересов. Я по-прежнему занимался симпатией, медициной и артефакцией, но взялся еще и за химию, травничество и сравнительную женскую анатомию.

Знакомство с «ларцом без замка» возбудило мое любопытство, и я попытался узнать хоть что-нибудь об иллийском узелковом письме, но быстро обнаружил, что большинство книг об Илле — исторические, а не лингвистические и там нет никаких сведений о том, как читать узелки.

Поэтому я прошерстил мертвые каталоги и обнаружил в одном из неуютных помещений с низким потолком, в самых глубоких подвалах, одну-единственную полку заброшенных книг об Илле. А потом, разыскивая, где бы сесть почитать, я нашел комнатку, надежно запрятанную за выступающими шкафами.

И это не была читальная норка, как подумал я поначалу. Внутри хранились сотни больших деревянных катушек с намотанными на них веревками с узлами. Это были не книги, нет, но это было то, что заменяло иллийцам книги. На всем здесь лежал тонкий слой пыли — пожалуй, тут десятилетиями никто не бывал.

Я питаю страшную слабость ко всяким тайнам и секретам. Однако я быстро обнаружил, что для чтения узелков необходимо сначала выучить иллийский. Иллийский в Университете никто не преподавал, а порасспрашивав, я выяснил, что ни один из гиллеров магистра языков не знает больше нескольких разрозненных слов.

Меня это не особенно удивило, учитывая, что Илл был практически стоптан в пыль железным сапогом Атуранской империи. Та его часть, что существует поныне, населена преимущественно овцами. И, находясь в центре страны, можно добросить камнем до границы. И все-таки я был разочарован тем, что мои поиски зашли в тупик.

А потом, через несколько дней, магистр языков вызвал меня к себе в кабинет. Он слышал, что я интересуюсь этим вопросом, и, как оказалось, довольно неплохо говорил по-иллийски. Он предложил лично заняться моим обучением. Я поймал его на слове.

С тех пор как я поступил в Университет, магистра языков я видел исключительно на экзаменах да еще когда меня катали на рогах за разные проступки. В качестве ректора он держался сурово и официально. Но вне кресла ректора магистр Эрма оказался на диво опытным и мягким наставником. Он отличался на удивление едким и непочтительным остроумием. Когда он в первый раз поделился со мной неприличным анекдотом, я был потрясен до глубины души.

Элодин в этой четверти семинара не вел, но я стал учиться у него именованию частным образом. Теперь, когда я осознал, что в этом безумье есть своя система, дело пошло глаже.

Граф Трепе пришел в восторг, обнаружив, что я жив, и устроил прием в честь моего счастливого воскрешения, на котором гордо продемонстрировал меня местной знати. Я нарочно пошил себе костюм для этого приема и в приступе ностальгии выбрал для него цвета, которые носила моя прежняя труппа: зеленый и серый, цвета людей лорда Грейфеллоу.

После приема, сидя за бутылкой вина в гостиной графа Трепе, я поведал ему о своих приключениях. Об истории с Фелуриан я умолчал, потому что знал, что он мне все равно не поверит. И о том, чем я на самом деле занимался на службе у маэра, я тоже по большей части рассказывать не мог. В результате Трепе остался в убеждении, что Алверон вознаградил меня весьма щедро. Я не стал его разубеждать.

ГЛАВА 145

ИСТОРИИ

Амброз во время зимней четверти, по счастью, отсутствовал, но с приходом весны он вернулся и вновь осел в Университете, как какая-то гнусная перелетная птица. На следующий день после его возвращения я пропустил все занятия и засел в мастерской, делая себе новый грэм, — и это не было случайным совпадением.

Как только стаял снег и земля просохла, я вновь принялся упражняться в кетане. Я помнил, как странно это выглядело со стороны, когда я впервые увидел движения, и потому избрал для тренировок уединенный лесок к северу от Университета.

С весенней четвертью начались и новые экзамены. На экзамен я явился в состоянии большого похмелья и на несколько вопросов ответил совершенно невпопад. В результате мне назначили плату в восемнадцать талантов пять йот, и я получил от казначея четыре таланта с мелочью.

Зимой продажи «бескровного» пошли на убыль, поскольку в Университет наведывалось меньше торговцев. Но, как только сошел снег и дороги сделались проезжими, та серия устройств, что скопилась в хранении, была быстро распродана, и мне досталось еще шесть талантов.

Я не привык иметь на руках столько денег и, надо признаться, несколько ошалел от этого. У меня теперь было шесть костюмов, сшитых по мерке, и бумаги — завались. Я купил себе хорошие густые чернила из Аруэха и собственный набор инструментов для гравирования. И две пары башмаков. Целых две пары!

В недрах одного из книжных магазинов в Имре отыскалась древняя растрепанная грамматика иллийского. Из-за того, что она пестрела изображениями узлов, книготорговец решил, будто это какой-то судовой журнал, и продал мне ее всего за полтора таланта. Вскоре после этого я купил экземпляр «Героборики», потом к ней добавился «Терминус Техина», который можно было использовать в качестве справочника, разрабатывая новые схемы у себя дома.

Я угостил друзей обедом. Аури достались новые платья и яркие ленты для волос. И, несмотря на все это, у меня в кошельке еще оставались деньги! Не странно ли? Не чудесно ли?

Ближе к середине четверти до меня начали доходить знакомые истории. Истории о некоем рыжеволосом авантюристе, который провел ночь с Фелуриан, об отважном молодом арканисте, обладающем могуществом Таборлина Великого. На это ушли месяцы, но, однако, мои подвиги в Винтасе наконец-то добрались своим путем, из уст в уста, до самого Университета.

Правду сказать, услышав наконец эти истории, я немного удлинил свой шаэд и стал носить его чаще прежнего. Может статься также, что в следующие несколько оборотов я подолгу стал пропадать в пивных и трактирах, прислушиваясь, о чем болтают люди. Возможно, я даже опустил до того, чтобы подкинуть собутыльникам парочку деталей.

В конце концов, я был молод, и для меня было более чем естественно упиваться своей славой. Я думал, что со временем она потускнеет. Так отчего бы мне не наслаждаться осторожными взглядами, которые бросали на меня товарищи-студенты? Надо пользоваться ею, пока она еще свежа!

Многие истории крутились вокруг того, как я изничтожил разбойников и спас юных дев. Но ни одна из них не была особенно близка к истине. Никакая история не может проделать путь из уст в уста в тысячу с лишним километров длиной и остаться неизменной.

Но в то время как истории расходились в деталях, большая часть из них соответствовала известному сюжету: молодые женщины, нуждающиеся в спасении. Иногда меня нанимал благородный господин. Иногда это был убитый горем отец, встревоженный мэр или нерасторопный констебль.

В большинстве историй я спасал двух девушек. Иногда только одну, иногда их становилось три. Это были лучшие подруги. Или мать и дочь. В одной истории девушек было семь, и все они были сестры, прекрасные принцессы и девственницы. Ну, знаете, одна из таких историй.

Касательно того, от кого именно я их спасал, истории сильно расходились. Чаще всего фигурировали разбойники, но присутствовали также коварные дядюшки, мачехи и шаркуны. В одной истории, в результате причудливого поворота сюжета, я спасал их от адемских наемников. И даже от пары-тройки людоедов.

И, хотя в отдельных вариантах сюжета я спасал девушек от трупы бродячих актеров, могу с гордостью сказать: я ни разу не слышал истории, в которой девушек похитили эдема руэ.

Возможных развязок у историй было две. В одном варианте я кидался в битву, как какой-нибудь сказочный принц, и сражался лицом к лицу, пока все враги либо погибали, либо разбегались, либо должным образом раскаивались. Второй вариант был куда популярнее. В нем я призывал пламя и молнии с небес на манер Таборлина Великого.

Мой любимый вариант истории — тот, в котором я повстречал на дороге услужливого лудильщика. Я поделился с ним своим обедом, и он поведал мне о двух детях, похищенных с соседнего хутора. А прежде чем расстаться, он продал мне яйцо, три железных гвоздя и потрепанный плащ-невидимку. И благодаря этим чудесным предметам и своей непревзойденной находчивости я спас детей из когтей хитрого и голодного тровва.

Но, хотя эта история существовала во множестве вариантов, история о Фелуриан была куда популярнее. Написанная мною песня тоже добралась на запад. И, поскольку песни сохраняют первоначальный вид лучше историй, подробности моей встречи с Фелуриан были более или менее близки к истине.

Когда Вил с Симом принялись меня расспрашивать, требуя подробностей, я рассказал им все как было. Мне потребовалось немало времени, чтобы убедить их, что это правда. Точнее, мне потребовалось немало времени, чтобы убедить Сима. Вил отчего-то был вполне готов признать, что феи существуют на самом деле.

Сима я не винил. До тех пор, пока я не увидел Фелуриан воочию, я тоже готов был побиться об заклад, что ее не существует. Одно дело — слушать истории, совсем другое — поверить, что это было на самом деле.

* * *

— На самом деле, — задумчиво сказал Сим, — весь вопрос в том, сколько тебе лет на самом деле.

— Н-ну, это-то я точно знаю! — сказал Вилем с угрюмой гордостью человека, отчаянно старающегося показать, что он не пьян. — Ему семнадцать!

— А-а-а! — Сим многозначительно поднял палец. — Это ты так думаешь.

— Ты о чем вообще? — спросил я.

Сим подался вперед.

— Ты попал в Фейе, провел там некоторое время, потом вернулся и

обнаружил, что миновало всего три дня. Означает ли это, что ты стал старше всего на три дня? Старел ли ты за то время, которое там провел?

Я немного помолчал.

— Об этом я не думал, — признался я.

— В сказках, — сказал Вилем, — мальчики уходят в Фейе и возвращаются взрослыми мужчинами. Это означает, что они там взрослеют.

— Это если полагаться на сказки, — заметил Сим.

— Ну а на что еще? — спросил Вил. — Предлагаешь воспользоваться каким-нибудь «Компендиумом явлений Фейе» Мэрлока? Добудь мне такую книгу, и я буду пользоваться ею.

Сим благодушно пожал плечами.

— Итак, — спросил Вил, обернувшись ко мне, — сколько же времени ты там провел?

— Трудно сказать, — ответил я. — Там не было ни дня, ни ночи. И воспоминания у меня несколько спутанные.

Я надолго задумался.

— Мы болтали, купались, ели — десятки и десятки раз, — немного бродили по окрестностям. Ну, и... того... — я многозначительно кашлянул.

— Баловались, — подсказал Вил.

— Спасибо. И довольно много баловались.

Я подсчитал все, чему научила меня Фелуриан, прикинул, что вряд ли она могла обучать меня более чем двум-трем приемам в день...

— Минимум пару месяцев, — сказал я. — Один раз я побрился... или два раза? Я успел отрастить небольшую бородку.

Вил закатил глаза и огладил свою черную сильдийскую бороду.

— Конечно, не такую роскошную, как твоя, — сказал я. — Однако она успела отрасти два или три раза.

— Значит, минимум два месяца, — сказал Сим. — А максимум?

— Три месяца?

Сколько историй мы успели рассказать друг другу?

— Четыре, пять?

Я подумал о том, как медленно мы перемещали мой шаэд из звездного света в лунный, а потом в свет костра.

— Год?

Я вспомнил то ужасное время, в течение которого я приходил в себя после встречи с Ктаэхом.

— Вряд ли я провел там больше года...

Мой голос звучал далеко не столь убедительно, как мне хотелось бы.

Вилем вскинул бровь.

— Ну ладно, тогда с днем рождения! — он приподнял свой стакан, приветствуя меня. — Или со всеми днями рождения, сколько их ни было.

ГЛАВА 146

НЕУДАЧИ

Во время весенней четверти меня постигло несколько неудач.

Первая из них была неудачей, в первую очередь в моих собственных глазах. Я рассчитывал, что мне не составит труда научиться иллийскому. Оказалось, что это далеко не так.

Я всего за несколько дней нахватался достаточно темь, чтобы отстоять свое дело в суде. Но темья — чрезвычайно упорядоченный язык, и я его уже немного знал по книгам. А главное, между темьей и атуранским очень много общего. Один и тот же алфавит, родственные слова...

У иллийского не было ничего общего ни с атуранским, ни с сильдийским, ни даже с адемским, если уж на то пошло. Это была сплошная бестолковая путаница. Четырнадцать времен глагола — это только в изъявительном наклонении. Причудливые окончания, замысловатые обращения.

То есть на нем нельзя было взять и сказать «носки ректора». Не-ет! Это было бы чересчур просто. Любая принадлежность была обоюдной: в то время как ректор владел своими носками, носки тоже каким-то образом обретали власть над ректором. И от этого оба слова менялись, повинаясь сложным правилам грамматики. Как будто простой факт владения носками фундаментально менял природу человека.

Так что даже после нескольких месяцев занятий с ректором иллийская грамматика оставалась для меня темным лесом. И в награду за все свои труды я приобрел только кучу разрозненных слов. С узелковым письмом дело обстояло еще хуже. Я пытался поправить положение, занимаясь с Деочем. Но наставник из него был неважный, к тому же он признался, что единственный человек, умевший читать узелковое письмо, была его бабушка, умершая, когда он был еще мальчишкой.

Во-вторых, я потерпел неудачу в углубленном изучении химии, которой занялся под руководством гиллера Мандрага, Анисата. Несмотря на то что предмет казался мне захватывающим, я не сумел ужиться с самим Анисатом.

Мне нравилось, что химия всегда сулит какие-нибудь открытия. Я обожал трепет эксперимента, череду проб и ошибок. Мне нравилось решать загадки вещества. И надо признаться, хотя это и глупо, что мне

нравилось химическое оборудование само по себе. Все эти колбочки и трубочки. И кислоты со щелочами. И ртуть, и огонь. В химии есть нечто первобытное, нечто бросающее вызов толкованиям. Ты это либо чувствуешь, либо нет.

Анисат ничего этого не чувствовал. Для него химия была дневниками наблюдений и аккуратно записанными рядами цифр. Он заставлял меня по четыре раза выполнять одно и то же титрование только потому, что я неверно выполнял запись эксперимента. Ну, зачем записывать непременно в столбик? И зачем тратить десять минут, чтобы записать то, что я могу сделать руками за пять?

И мы начали ссориться. Сначала это было несерьезно, но мы оба твердо стояли на своем. В результате не прошло и двух оборотов после начала четверти, как мы наорали друг на друга прямо в тигельной, на глазах у трех десятков перепуганных студентов, которые смотрели на нас разинув рты.

Он велел мне покинуть его занятия и обозвал наглым деннерлингом, лишенным уважения к авторитетам. А я обозвал его напыщенным недоумком, который отрекся от своего истинного призвания: служить писцом в бухгалтерии. Честно говоря, оба мы были по-своему правы.

Еще одну неудачу я потерпел в математике. Наслушавшись от Фелы, как много интересного она узнала под руководством магистра Брандье, я решил расширить свои познания в науке чисел.

Увы, высоты математики меня не вдохновили. Я не поэт. Я не люблю слов ради слов. Я люблю слова ради того, чего можно добиться с их помощью. По той же причине я не математик. Числа, говорящие только о числах, меня не особо интересуют.

Благодаря тому, что я бросил химию и арифметику, у меня оказалась уйма свободного времени. Часть его я проводил в артной, изготавливая свои собственные «бескровные», которые продавались едва ли не прежде, чем успевали попасть на полки. Кроме того, я довольно много времени проводил в архивах и в медике, занимаясь исследованиями для работы под названием «О неэффективности маранты». Арвил относился к этому скептически, но соглашался, что мое первое самостоятельное исследование заслуживает внимания.

Кроме того, часть времени я тратил на романтические отношения. Для меня это было ново: я никогда прежде не привлекал внимания женщин. А даже если и привлекал, то не знал, что с этим делать.

Но теперь я повзрослел и в какой-то мере поумнел. А благодаря историям, которые обо мне ходили, дамы по обе стороны реки начали

интересоваться мною.

Все мои романы были приятными и короткими. Почему короткими — сказать не могу, разве что могу констатировать очевидный факт: во мне нет ничего такого, что могло бы заставить женщину завязать со мной длительные отношения. Вот Симмону, к примеру, было что предложить. Он был настоящий самоцвет, хотя и неограниченный. С первого взгляда ничего особенного, но, если приглядеться, большая ценность. Сим был ласков, добр и внимателен, а что еще надо женщине? Фела была с ним безумно счастлива. Сим был сказочный принц.

Ну а что мог предложить я? По правде говоря, ничего. И того меньше. Я был похож на занятный камушек, который подбирают на дороге, некоторое время носят при себе и, наконец, бросают, сообразив, что, несмотря на свой любопытный вид, это не более чем затвердевшая глина.

* * *

— Магистр Килвин, — спросил я, — вы можете себе представить металл, который выдержит активное использование на протяжении двух тысяч лет и при этом останется относительно неизношенным и не потускневшим?

Великан-артефактор оторвался от латунной шестерни, на которой гравировал руны, и взглянул на меня, стоящего в дверях его кабинета.

— Это какой же проект вы задумали, а, ре'лар Квоут?

В последние три месяца я пытался создать еще какую-нибудь схему, не менее успешную, чем «бескровный». Отчасти ради денег, но еще и потому, что узнал: Килвин куда охотнее продвигает студентов, у которых на счету три-четыре впечатляющих изобретения.

К несчастью, здесь меня тоже постигла цепь неудач. У меня было больше дюжины толковых идей, но ни одну из них я так и не довел до готового изделия.

Большую часть идей зарубил на корню сам Килвин. Восемь из них уже созданы, некоторые — больше ста лет тому назад. Кроме того, пять из них, как сообщил мне Килвин, требуют использования рун, запретных для ре'ларов. Три из них были невозможны с точки зрения математики, и Килвин в два счета продемонстрировал мне, отчего это не сработает, избавив меня от необходимости убить впустую десятки часов рабочего времени.

Одну из моих идей он отверг как «абсолютно неприемлемую для

ответственного артефактора». Я возразил, что механизм, который сократит время, необходимое для перезарядки баллисты, поможет морякам обороняться от пиратов. Он поможет оборонять города от нападений разбойников из ви-семби...

Но Килвин и слышать ничего не желал. Когда его лицо помрачнело, как грозовая туча, я поспешил оставить свои тщательно продуманные аргументы.

В конце концов всего две из моих идей оказались разумными, приемлемыми и оригинальными. Однако после нескольких недель работы мне пришлось расстаться и с ними тоже: мне так и не удалось заставить их работать.

Килвин положил резец и недоделанную шестерню и развернулся ко мне:

— Мне нравятся студенты, которые заботятся о долговечности, ре'лар Квоут. Однако тысяча лет — это многовато даже для камня, не говоря уже о металле. Тем более о металле, который будет активно использоваться.

Разумеется, я спрашивал о Цезуре. Однако я колебался, не желая говорить Килвину всей правды. Я слишком хорошо знал, что магистр артефактов не одобряет, когда артефакцию применяют для изготовления какого-либо оружия. Возможно, он и оценит мастерство кузнеца, который его изготовил, однако не одобрит того, что я владею такой вещью.

Я улыбнулся.

— Это не для проекта, — сказал я. — Мне просто было любопытно. Во время своих странствий я видел меч, вполне острый и пригодный для дела. Несмотря на это, мне представили более или менее надежные доказательства того, что этому мечу более двух тысяч лет. Знаете ли вы такой металл, который мог бы служить и не ломаться так долго? Не говоря уже о том, чтобы хранить заточку?

— А-а! — кивнул Килвин. Судя по выражению лица, он не особенно удивился. — Да, бывает такое. Древняя магия, как говорится. Или же древнее мастерство, ныне утраченное. Такие вещи рассеяны по всему миру. Удивительные устройства. Загадки. Существует много надежных источников, в которых говорится о вечно горящих лампах.

Он своей широкой лапицей указал на стеклянные полусферы, разложенные на его рабочем столе.

— Несколько подобных вещей есть прямо у нас, в Университете.

Мое любопытство тут же разгорелось.

— Каких вещей? — спросил я.

Килвин рассеянно потербил себя за бороду.

— У меня есть устройство, не имеющее на себе никаких рун, которое, судя по всему, ничего не делает, только поглощает крутящий момент. У меня есть четыре слитка белого металла, легче воды, которые я не смог ни расплавить, ни как-либо повредить. Лист черного стекла, одна сторона которого вообще не подвержена трению. Кусок камня странной формы, который сохраняет постоянную температуру чуть выше точки замерзания, какая бы жара ни стояла вокруг.

Он пожал своими массивными плечами.

— Это все загадки.

Я открыл было рот, потом замялся.

— Не будет ли неуместно спросить разрешения взглянуть на них?

На фоне смуглой кожи и черной бороды улыбка Килвина выглядела ослепительно-белой.

— Спросить всегда уместно, ре'лар Квоут, — сказал он. — Студент должен быть любопытным. Я бы расстроился, если бы вы остались равнодушны к подобным вещам.

Могучий артефактор подошел к своему просторному деревянному письменному столу, настолько заваленному черновиками проектов, что столешницу было еле видно. Он отпер один из ящиков ключом, который достал из кармана, и вытащил два тусклых металлических кубика чуть больше игровой кости.

— Многие из этих древних вещей мы не в силах ни исследовать, ни использовать, — сказал он. — Но некоторые из них на удивление полезны.

Он потряс кубики, как будто это и впрямь были кости, и они нежно зазвенели у него в горсти.

— Эти мы зовем охранными камешками.

Он наклонился и положил кубики на пол, в паре шагов друг от друга. Коснувшись их, он что-то произнес вполголоса, так тихо, что я не расслышал ни слова.

Я почувствовал, как что-то вокруг изменилось. Сначала я подумал было, что в комнате похолодало, потом сообразил, в чем дело: я больше не чувствовал жара, исходящего от горна, который стоял в другом конце кабинета.

Килвин небрежно взял железный прут, которым мешали угли в горне, и, сильно замахнувшись, ударил меня по голове. Это движение было настолько непринужденным, что я оказался застигнут врасплох и даже не успел пригнуться или уклониться.

Прут остановился сантиметрах в семидесяти от моей головы, словно натолкнулся на невидимое препятствие. Я не услышал звука удара, прут не

дернулся и не подпрыгнул.

Я осторожно протянул руку и уперся... в ничто. Как если бы неощутимый воздух передо мной внезапно отвердел.

Килвин ухмыльнулся.

— Охранные камешки особенно полезны, когда проводишь опасный эксперимент или испытываешь новое оборудование. Они каким-то образом создают магический и кинетический барьер.

Я по-прежнему водил рукой по невидимому барьеру. Он не был жестким или даже особенно прочным. Он слегка подался, когда я толкнул его рукой. На ощупь он был скользким, как намащенное стекло.

Килвин наблюдал за мной с легкой усмешкой.

— По правде сказать, ре'лар Квоут, до того как Элодин предложил свое название, я подумывал назвать ваше стрелоостанавливающее устройство «малым охранным».

Он слегка нахмурился.

— Разумеется, это название не вполне точное, но уж куда точнее, чем напыщенная чушь Элодина!

Я сильно налег на незримый барьер. Он оказался прочен, как каменная стена. Приглядевшись, я даже различил в воздухе небольшое искажение, как будто смотрел сквозь слегка неровное стекло.

— Это куда лучше моего стрелохвата, магистр Килвин!

— Это верно, — примирительно кивнул Килвин и наклонился подобрать камешки, снова что-то пробормотав себе под нос. Я слегка пошатнулся, когда барьер исчез. — Но ваше остроумное изобретение мы можем воспроизводить сколько угодно. А это таинственное устройство — нет.

Килвин положил металлические кубики на свою широкую ладонь.

— Они полезны, но все же не забывайте: артефактору требуются изобретательность и осторожность. Мы работаем в царстве реальности.

Он сжал кулак, пряча охранные камешки.

— Тайны предоставьте поэтам, священникам и глупцам.

* * *

Невзирая на мои неудачи в прочих делах, обучение у магистра Элодина продвигалось довольно неплохо. Он утверждал, что все, что нужно мне для того, чтобы сделаться хорошим именователем, — это время и усердие. Я не скупился ни на то, ни на другое, но использовал он это

довольно странно.

Мы часами играли в загадки. Он заставил меня осушить кружку яблочной наливки, а потом прочитать от корки до корки «Теофанию» Теккама. Он заставил меня три дня подряд проходить с завязанными глазами, что отнюдь не улучшило моих успехов у других преподавателей, зато чрезвычайно позабавило Вила и Сима.

Он подбил меня проверить, сколько времени я смогу провести без сна. А поскольку теперь я мог позволить себе пить кофе сколько угодно, я протянул почти пять дней. Хотя под конец я был близок к безумию и мне начали мерещиться голоса.

И потом еще эта история про то, что было на крыше архивов. Похоже, ее все слышали, в той или иной версии.

Надвигалась сильная гроза, и Элодин решил, что мне будет полезно провести некоторое время в сердце бури. «Чем ближе, тем лучше», — сказал он. Он знал, что Лоррен ни за что не пустит нас на крышу архивов, поэтому Элодин попросту утащил ключ.

Увы, это означало, что, когда ключ упал с крыши, никто не знал, что мы застряли там, наверху. В результате нам с ним пришлось провести целую ночь на голой каменной крыше, в эпицентре жестокой бури.

И только ближе к полудню погода улеглась достаточно, чтобы мы могли докричаться до двора и позвать на помощь. А потом, поскольку запасного ключа, похоже, не нашлось, Лоррен избрал самый короткий путь и велел нескольким хранистам покрепче попросту выбить дверь, ведущую на крышу.

Все бы это было еще ничего, да только Элодин, едва начался дождь, потребовал, чтобы мы разделись донага, завернули одежду в клеенку и придавили ее кирпичом. По словам Элодина, это должно было помочь мне как можно теснее слиться с бурей.

А ветер был сильнее, чем он рассчитывал, и сверток с нашими вещами смело вместе с кирпичом, так что они взлетели в небо, точно горсть листьев. Собственно, именно так мы и лишились ключа. Он лежал в кармане штанов Элодина.

По этой причине магистр Лоррен, его гиллер Дистрел и трое дюжих хранистов обнаружили нас с Элодином на крыше архивов голыми, в чем мать родила, и мокрыми, как утонувшие крысы. Не прошло и четверти часа, как эта история разлетелась по всему Университету. Элодин хохотал до упаду. Я теперь тоже вижу в этом смешную сторону, но тогда мне было совершенно не до смеха.

Не стану утомлять вас подробным перечислением всего, чем мы

занимались. Достаточно будет сказать, что Элодин готов был пойти на все, чтобы пробудить мой спящий разум. И не боялся показаться смешным.

И, к крайнему моему изумлению, наши труды начали окупаться. В этой четверти я трижды призвал имя ветра.

В первый раз я остановил ветер на время, нужное, чтобы сделать глубокий вдох, стоя поздней ночью на Каменном посту. Элодин был со мной и подбадривал меня. Это значит, что он тыкал меня ручкой хлыста. Кроме того, я был бос и изрядно пьян.

Второй случай произошел неожиданно, когда я занимался в «книгах». Я читал книгу по иллийской истории, как вдруг воздух в огромном зале без окон принялся что-то нашептывать мне. Я прислушался, как учил Элодин, и осторожно повторил это вслух. Скрытый ветер подул таким же осторожным сквозняком, удивив студентов и всполошив хранистов.

Через несколько минут имя стерлось из моей памяти, но, пока оно оставалось со мной, я был твердо уверен, что при желании сумею поднять бурю или вызвать гром. Этой уверенностью мне и пришлось ограничиться. Если бы я всерьез призвал имя ветра в архивах, Лоррен подвесил бы меня над входом за большие пальцы рук.

Вы, наверно, сочтете, что это все не особенно впечатляющие примеры магии имен, и, пожалуй, будете правы. Однако той же весной я призвал имя ветра в третий раз, и этот раз окупил все.

ГЛАВА 147

ДОЛГИ

Поскольку в моем распоряжении оказалась масса свободного времени, в середине четверти я нанял двуколку, запряженную двумя лошадьми, и отправился в Тарбеан, немного поразвлечься.

У меня ушло все отторжение на то, чтобы добраться туда, а большую часть возжигания я провел, навещая знакомые места и раздавая долги: башмачнику, который был добр к босоному мальчишке, трактирщику, который несколько раз позволил мне переночевать у своего очага, портному, которого я запугал...

Некоторые районы Берега представлялись до боли знакомыми, других я не узнавал вовсе. Это меня не особенно удивило. Такие оживленные города, как Тарбеан, постоянно меняются. Что меня удивило, так это странная ностальгия, которую я испытывал по этому городу, который был ко мне так жесток.

Я не был тут два года. С практической точки зрения — целую жизнь.

Со времени последнего дождя миновал целый оборот, и город высох, точно кость. Шарканье ног сотен тысяч людей поднимало в воздух облако мелкой пыли, которая висела над всеми городскими улицами. Она оседала на моей одежде, забивалась в волосы и в глаза, глаза отчаянно слезились. Я старался не задумываться о том, что пыль эта — по большей части истолченный конский навоз, щедро приправленный дохлой рыбой, угольным дымом и мочой.

Если дышать через нос, меня преследовала вонь. Но если дышать через рот, я чувствовал ее на вкус, а пыль лезла в легкие, вызывая кашель. Я даже не припоминал, что все так плохо. Неужели тут всегда было так грязно? И воняло так жутко?

Через полчаса поисков я наконец отыскал сгоревшее здание с подвалом. Я спустился по лестнице, прошел длинным коридором и оказался в сыром помещении. Трапис по-прежнему был там: босой, все в том же потрепанном платье, он все выхаживал своих безнадежных детей в холодном сумраке под городскими улицами.

Он меня признал. Не так, как признали бы другие: нарождающимся героем многочисленных легенд. У Траписа не было времени на все это. Он вспомнил меня чумазым, голодным мальчишкой, который однажды зимней

ночью спустился к нему в подвал, простывший и плачущий. Можно сказать, что за это я полюбил его еще больше прежнего.

Я отдал ему все деньги, что он согласился взять: пять талантов. Я бы дал ему больше, но он отказался. Он сказал, что, если он станет тратить слишком много денег, это привлечет к нему ненужное внимание. Ему с детьми безопаснее, когда их никто не замечает.

Я склонился пред его мудростью и провел остаток дня, помогая ему. Я носил воду и раздавал хлеб. Быстро осмотрел детей, сходил к аптекарю и принес кое-какие лекарства, которые должны были им помочь.

Напоследок я занялся самим Траписом, насколько он мне это позволил. Я растер его бедные опухшие ноги камфарой и матушкиным листом, потом подарил ему обтягивающие чулки и пару хороших башмаков, чтобы ему больше не приходилось ходить босиком по сырому подвалу.

По мере того как день сменялся вечером, в подвал начали стекаться оборванные ребята. Они приходили, надеясь что-нибудь поесть, или потому, что были ранены, или потому, что хотели переночевать в безопасности. Все они с подозрением косились на меня. На мне была новая, чистая одежда. Я был чужой. Мне были не рады.

Если бы я остался, начались бы неприятности. Самое меньшее, мое присутствие напугало бы оборвышей, и они бы не решились тут ночевать. Поэтому я простился с Траписом и ушел. Иногда единственное, что можно сделать, — это уйти.

* * *

Поскольку у меня было несколько часов до того, как кабаки начнут наполняться народом, я купил себе лист кремовой писчей бумаги и конверт того же цвета, из хорошей, плотной бумаги. И то и другое — отличного качества, куда лучше, чем все, что мне доводилось иметь прежде.

Потом я отыскал тихое кафе и заказал себе чашечку шоколада и стакан воды, положил бумагу на стол, достал из кармана шаэда перо и чернила. И изящным, гладким почерком написал:

«Амброз!

Ребенок от тебя. Ты знаешь, что это правда, и я тоже.

Я боюсь, что семья от меня отречется. Если ты не станешь вести себя как благородный человек и не исполнишь своих обещаний, я пойду к своему батюшке и расскажу ему все.

Не пытайся меня проверять. Я на все решусь!»

Подписи я не поставил, только написал одну заглавную букву, которая могла сойти за замысловатое Р, а могла и за неровное В.

Потом я обмакнул палец в стакан и уронил на листок несколько капель. Бумага под ними слегка вздулась, и чернила расплылись, а потом я их промокнул. Вышло очень похоже на слезы.

Потом я уронил еще одну тяжелую каплю на инициал, который я поставил вместо подписи, так что он сделался еще более неразборчивым. Теперь буква могла сойти и за Б, и за Е. А может, даже и за К. Короче, за любую букву.

Я бережно сложил листок, потом подошел к одной из ламп и капнул на конверт увесистой сургучной кляксой. На конверте я написал:

«Амброзу Джакису
Университет (в трех километрах к западу от Имре)
Пустоши Беленэ
Центральное Содружество».

Я уплатил за шоколад и отправился на площадь Гуртовщиков. За несколько улиц оттуда я снял с себя шаэд и спрятал его в свой дорожный мешок. Потом бросил письмо на землю, наступил на него, немного повозил в грязи, поднял и отряхнул.

Почти у самой площади я увидел последнее, что мне было нужно.

— Эй, дядя! — сказал я старику с бакенбардами, который сидел, прислоняясь к стене. — Одолжи-ка мне твою шляпу. Получишь полпенни!

Старик стащил с себя замызганный головной убор и посмотрел на него. Голова у него была совершенно лысая и очень бледная. Он слегка щурился на заходящее солнце.

— Шляпу-то? — хрипло переспросил он. — Давай целый пенни, и забирай ее совсем, я тебя еще и благословлю в придачу.

Он с надеждой ухмыльнулся, протягивая тощую трясущуюся руку.

Я дал ему пенни.

— Не поддержишь секундочку?

Я протянул ему конверт и обеими руками нахлобучил на себя старую бесформенную шляпу, натянув ее до самых ушей, и посмотрелся в ближайшую витрину, чтобы убедиться, что моих рыжих волос совсем не видно.

— Тебе идет, — заметил старик, отхаркиваясь. Я забрал у него письмо

и осмотрел грязные отпечатки пальцев, которые он на нем оставил.

Отсюда до Гуртовщиков была пара шагов. Я слегка ссутулился и сощурил глаза, пробираясь сквозь густую толпу. Через пару минут до меня долетел характерный южновинтийский выговор, и я подошел к компании людей, загружавших в фургон джутовые мешки.

— Эгей! — сказал я с тем же выговором. — Вы, мужики, не в Имре, часом, путь держите?

Один из них забросил свой мешок в фургон и подошел ко мне, отряхивая руки.

— Через Имре тоже поедem, — сказал он. — А тебя что, подвезти?

Я потряс головой и достал из мешка конверт.

— У меня тут письмо в те края. Я хотел было сам его отвезти, да мой корабль уходит завтра. Я его у моряка купил в Ганнери, за целый четвербит, — сказал я. — Сам он взял его у какой-то блаародной девицы за один бит, — я подмигнул. — Я так понимаю, ей очень уж не терпелось доставить его тому парню.

— Четвербит заплатил? — переспросил дядька, заранее качая головой. — Эх ты, олух! Кто ж такие деньги за письмо платит?

— Э-э! — сказал я, вскинув палец. — А ты видал, кому письмо-та?

Я показал ему конверт.

Он прищурился.

— Джакису? — медленно прочитал он, потом его лицо озарилось пониманием. — Это небось барона Джакиса сынок?

Я самодовольно кивнул.

— Старшенький! Такой богатей, как он, за письмецо от своей милой любые деньги отдаст! Никак не меньше нобля.

Он разглядывал письмо.

— Может, и так, — осторожно сказал он. — Но ты гляди. Тут ничего не написано, кроме как «Университет». Я там уже бывал. Университет-то немаленький!

— Ну, уж небось сынок барона Джакиса не в соломенной хижине живет! — сердито возразил я. — Спроси у кого-нибудь, где самый роскошный постоялый двор, там его и ищи.

Дядька кивнул про себя, машинально потянувшись за кошельком.

— Ну, может, я и соглашусь сделать тебе одолжение, — нехотя сказал он. — Но больше четвербита не дам! Дело и без того рискованное.

— Совесть-та поимей! — взмолился я. — Я ж его за тыщу километров пер! А останусь всего-навсего при своих?

— Ну ладно, — сказал он, доставая из кошелька монеты. — Так и

быть, три бита дам.

— За пол кругля отдам! — буркнул я.

— Отдашь и за три бита, — сказал он, протягивая чумазую руку.

Я протянул ему письмо.

— Не забудь ему сказать, что оно от благородной дамы! — напомнил я и повернулся, чтобы уйти. — Богатый хрен. Сдери с него, сколько сумеешь, вот что я тебе скажу!

Я удалился с площади, расправил плечи и сдернул с головы шляпу. Достал из мешка свой шаэд и набросил его на плечи. Я принялся насвистывать и, проходя мимо старого бродяги, вернул ему его шляпу и три бита в придачу.

* * *

Когда я впервые услышал истории, которые рассказывали обо мне в Университете, я предполагал, что долго они не просуществуют. Я думал, что они как вспыхнули, так и угаснут, подобно пламени, исчерпавшему запас топлива.

Но вышло не так. Легенды о том, как Квоут спасал девиц и крутил любовь с Фелуриан, переплетались и смешивались с обрывками правды и дурацкими слухами, которые я сам же распускал, чтобы придать себе весу. Топлива было в избытке, так что истории бушевали и распространялись, как пожар в подлеске в ветреную погоду.

Честно говоря, я и не знал, смеяться мне или тревожиться. Когда я приходил в Имре, на меня указывали пальцем и шептались у меня за спиной. Моя известность распространилась настолько, что вскоре я уже не мог спокойно перейти реку, чтобы незаметно подслушать, что обо мне рассказывают.

До Тарбеана же было добрых шестьдесят километров.

Уйдя с площади Гуртовщиков, я вернулся в комнату, которую снял в одном из приличных районов Тарбеана. В этой части города ветер с океана уносил прочь вонь и пыль, воздух тут был чистый и пах морем. Я велел налить себе ванну и, в приступе транжирства, от которого у меня еще недавно голова пошла бы кругом, уплатил привратнику три пенни за то, чтобы он отнес мою одежду в ближайшую сильдийскую прачечную.

Потом, снова став чистым и душистым, я спустился вниз, в общий зал трактира.

Трактир я выбирал тщательно. Он был не то чтобы роскошным, но и

не самым захудалым. Общий зал был уютным, с низким потолком. Трактир стоял на перекрестке двух самых наезженных дорог Тарбеана, и я видел, что сильдийские торговцы сидят здесь плечом к плечу с иллийскими моряками и винтийскими погонщиками. Это было идеальное место для историй.

Вскоре я уже притулился у края стойки, слушая историю о том, как я убил Черного Зверя из Требона. Я был ошеломлен. Я в самом деле убил драккуса, который сеял панику в Требоне, но год назад, когда Нина приехала меня разыскивать, она еще не знала моего имени. Моя растущая слава каким-то образом дошла и до Требона и вобрала в себя еще и эту историю.

Там, у стойки, я узнал много нового. Оказалось, что я владею кольцом из янтаря, подчиняющим демонов. Я могу пьянствовать всю ночь напролет, и ничего мне с этого не будет. Я открываю замки легким прикосновением руки и ношу плащ, сотканный из паутины и теней.

Кроме того, я впервые услышал, как меня именуют Квоутом Неведомым. И, судя по всему, это прозвище было не ново. Группка людей, которые слушали историю, только покивали, услышав это имя.

Я узнал, что Квоут Неведомый знает слово, способное останавливать стрелу в полете. И кровь у него из раны потечет, только если нож, которым его ранили, сделан из сырого незакаленного железа.

Молодой приказчик приближался к драматической развязке истории, и мне было по-настоящему любопытно, как же я сумею остановить зверя-демона, когда мое кольцо разбилось вдребезги, а плащ из теней почти сгорел. Но в тот момент, как я ворвался в требонскую церковь, взломав дверь волшебным словом и одним ударом ладони, дверь трактира распахнулась и с грохотом ударилась о стену. Все вздрогнули.

В дверях стояла молодая пара. Женщина была молода и прекрасна, черноволосая и черноглазая. Мужчина был богато одет и бледен от ужаса.

— Не понимаю, в чем дело! — вскричал он, лихорадочно озираясь по сторонам. — Мы себе идем, и вдруг она начинает задыхаться!

Я очутился рядом с женщиной прежде, чем кто-либо еще из присутствующих успел подняться на ноги. Женщина рухнула на свободную лавку, ее спутник склонился над ней. Одной рукой она держалась за грудь, второй слабо отталкивала его. Мужчина не обращал на это внимания и все лез к ней вплотную, что-то тихо и настойчиво твердя. Женщина отодвигалась от него все дальше, пока не оказалась на самом краю лавки.

Я нелюбезно отпихнул его в сторону.

— По-моему, она хочет, чтобы вы отошли подальше.

— А вы кто такой? — осведомился он пронзительным голосом. —
Лекарь, что ли? Кто это такой? Приведите лекаря, быстро!

Он попытался меня оттеснить.

— Эй, ты! — я указал на здорового моряка, сидевшего за
столом. — Возьми этого человека и отведи вон туда!

Мой голос был резок, как удар хлыста, и моряк вскочил на ноги,
ухватил молодого господина за шиворот и аккуратно отволол в сторону.

Я обернулся к женщине и посмотрел на ее идеально очерченные губки.
Они были раскрыты, она изо всех сил пыталась вздохнуть, но у нее это не
получалось. Глаза у нее были безумные и влажные от страха. Я подступил
ближе и как можно ласковее заверил ее:

— Все будет в порядке. Все хорошо. Смотри мне в глаза.

Ее глаза уставились в мои и изумленно расширились — она меня
узнала.

— Мне нужно, чтобы ты дышала, ради меня.

Я положил руку на ее судорожно вздымающуюся грудь. Кожа
покраснела и сделалась горячей. Сердце колотилось перепуганной
пташкой. Вторую руку я положил ей на щеку и заглянул в глаза. Они были
как черные омуты.

Я наклонился достаточно близко, чтобы ее поцеловать. От нее пахло
цветами селаса, свежей травой и дорожной пылью. Я чувствовал, как она
силится вздохнуть. Я прислушался. Закрыв глаза. Услышал шепот имени.

Я произнес его тихо, но достаточно близко, чтобы имя коснулось ее
губ. Я говорил негромко, но придвинувшись так тесно, чтобы звук имени
вплелся ей в волосы. Я произнес его твердо и решительно, темно и сладко.

И услышал вдох. Я открыл глаза. В комнате было так тихо, что я
услышал бархатный шелест второго отчаянного вдоха. Я успокоился.

Она положила ладонь поверх моей, поверх своего сердца.

— Мне нужно, чтобы ты дышал — ради меня, — повторила она. —
Это семь слов...

— Да, — сказал я.

— Ты — мой герой! — сказала Денна и сделала новый вдох, медленно
и с улыбкой.

* * *

— Чудеса, да и только! — услышал я слова моряка на другом конце
комнаты. — В его голосе было что-то необычное. Клянусь всей солью, что

во мне, я себя чувствовал как марионетка, которую дергают за ниточки.

Я слушал вполуха. На мой взгляд, матрос просто был приучен повиноваться, когда с ним разговаривают достаточно властно.

Но говорить ему об этом было бессмысленно. То, что я сделал с Денной, да еще мои рыжие волосы и черный плащ — все признали во мне Квоута. Так что это была магия, не иначе, что бы я там ни говорил. Я ничего не имел против. То, что я сделал сегодня, и впрямь было достойно парочки историй.

Поскольку меня признали, люди смотрели на нас, но близко не подходили. Знатный приятель Денны удалился прежде, чем нам пришлось в голову на него посмотреть, так что мы в своем уголке зала остались более или менее наедине друг с другом.

— Я могла бы и догадаться, что встречу тебя здесь, — сказала она. — Ты ведь всегда оказываешься там, где я меньше всего ожидаю тебя увидеть. Что, ты наконец-то оставил Университет и перебрался сюда?

Я покачал головой.

— Просто решил пару дней поразвешаться.

— А скоро ли ты назад?

— На самом деле завтра. У меня двуколка.

Она улыбнулась.

— Ты не будешь против, если я попрошусь в компанию?

Я откровенно посмотрел ей в глаза.

— Ты и сама знаешь.

Денна слегка зарделась и отвела взгляд.

— Да, наверное...

Когда она отвернулась, волосы водопадом упали с ее плеч и закрыли лицо. От них исходил теплый, насыщенный аромат, аромат солнца и сидра.

— Твои волосы... — сказал я. — Прелесть.

Как ни странно, услышав это, она покраснела еще сильнее и потрясла головой, не глядя на меня.

— И это все, к чему мы пришли после стольких лет? — спросила она, искоса бросив взгляд в мою сторону. — К комплиментам?

Настала моя очередь смущаться.

— Да нет... Я не... Ну, то есть я бы... — промямлил я. Я перевел дух, протянул руку и легонько коснулся тонкой, замысловато заплетенной косички, полускрытой в волосах.

— Эта косичка... — пояснил я. — В ней как будто написано: «Прелесть».

Ее рот изумленно округлился, и она машинально вскинула руку к

волосам.

— Так ты умеешь это читать? — недоверчиво спросила она с легким ужасом в голосе. — Тейлу милосердный, да есть ли хоть что-нибудь, чего ты не знаешь?

— Я учил иллийский, — сказал я. — Пытался, по крайней мере. Тут шесть прядок вместо четырех, но все равно это похоже на узелковое письмо, верно?

— Похоже? — переспросила она. — Не просто похоже, это оно самое и есть!

Ее пальцы теребили голубой шнурок на конце косички.

— В наше время даже сами иллийцы почти не знают иллийского, — сказала она себе под нос, явно раздраженная.

— Я в нем не особо силен, — сказал я. — Просто выучил несколько слов.

— И даже те, кто на нем говорит, не разбираются в узлах.

Она бросила на меня косой взгляд.

— И вообще, их полагается читать пальцами, а не глазами.

— Ну, мне-то пришлось учиться, в основном разглядывая рисунки в книгах, — сказал я.

Денна наконец развязала голубой шнурок и принялась расплетать косичку. Ее проворные пальцы старательно разглаживали прядки, смешивая их с остальными волосами.

— Зря ты это, — заметил я. — С косичкой мне больше нравилось.

— В этом же весь смысл, верно? — она подняла глаза на меня, гордо выпятила подбородок, встряхнула волосами. — Вот. А теперь как?

— Я, пожалуй, теперь боюсь говорить тебе комплименты, — сказал я, не понимая, что же я сделал не так.

Она слегка смягчилась, раздражение исчезло.

— Просто неловко вышло. Я не думала, что кто-нибудь сможет это прочесть. Ну, вот как бы ты себя чувствовал, если бы тебя увидели с вывеской, на которой написано: «Я самый выдающийся и красивый!»?

Мы помолчали. Прежде чем молчание сделалось неловким, я сказал:

— Я тебя ни от чего не отрываю?

— Разве что от сквайра Страхоты.

Она небрежно махнула рукой в сторону своего исчезнувшего спутника.

— Что, он был навязчив? — я слегка улыбнулся, вскинув бровь.

— Да все мужчины навязчивы так или иначе, — сказала она с напускной суровостью.

— И по-прежнему делают все по той книжке?

Денна погрустнела и вздохнула.

— Я думала, что с возрастом мужчины ее бросают, и не без причины, поскольку в той книжонке уйма фальши, — но нет, увы! Они листают дальше!

Она подняла руку, демонстрируя мне пару колец.

— И вместо роз за золото норовят приобрести то, что им не дарят!

— Ну, по крайней мере, тебе докучают мужчины со средствами, — утешил ее я.

— Но кому нужен мелочный мужчина? — возразила она. — И какая разница, много у него средств или мало?

Я примирительно положил ладонь ей на руку.

— Прости уж их! Не в силах приманить, несчастные надеются купить то, что лишь даром можно раздобыть.

Денна радостно захлопала в ладоши.

— Ты молишь о пощаде для врагов?

— Я лишь указал, что ты и сама не выше того, чтобы дарить подарки, — заметил я. — Уж мне ли не знать!

Ее взгляд сделался жестче, и она покачала головой.

— Есть большая разница между подарком от чистого сердца и тем, что дарят нарочно, чтобы привязать тебя к мужчине!

— И то верно, — признал я. — Золотые цепи бывают прочней железных! И все же трудно винить мужчину, который желает тебя украсить.

— Ну, как сказать, — ответила она с улыбкой одновременно насмешливой и усталой. — Многие их предложения выглядели довольно некрасиво.

Она посмотрела на меня.

— Ну, а ты? Ты тоже хочешь меня украсить или сделать некрасивое предложение?

— Я об этом уже думал, — сказал я, улыбаясь про себя: я-то знал, что ее колечко мирно лежит в моей комнатухе у Анкера. Я смерил ее взглядом. — И то и другое по-своему привлекательно, однако золото тебе не к лицу. Ты и так достаточно яркая, лишний блеск тебе ни к чему.

Денна стиснула мою руку, одарив меня теплой улыбкой.

— Ах, мой Квоут, как же мне тебя не хватало! Я ведь отчасти потому и вернулась в этот уголок земли, что надеялась отыскать тебя.

Она встала и протянула мне руку.

— Идем, уведи меня отсюда!

ГЛАВА 148

СКАЗКИ КАМНЕЙ

Во время долгого пути обратно в Имре мы с Денной болтали о сотнях разных пустяков. Она рассказывала мне про города, которые повидала: Тинуэ, Вартерет, Андениван. Я рассказал ей про Адемре, показал несколько жестов из их языка.

Она дразнила меня моей растущей славой, а я рассказывал ей, что на самом деле стояло за всеми этими легендами. Я рассказал ей, как обернулось дело с маэром, и она всерьез рассердилась из-за меня.

Но о многом мы не говорили. Ни она, ни я ни разу не упомянули о том, как мы расстались в Северене. Я не знал, уехала ли она в гневе после нашей ссоры или решила, что это я ее бросил. Расспрашивать казалось мне опасным. Подобное обсуждение вышло бы в лучшем случае неловким. А в худшем спор мог разгореться заново, а этого я готов был избегать любой ценой.

У Денны была при себе арфа и большой дорожный сундук. Я предположил, что она дописала свою песню и теперь выступает с ней. Мне не нравилась мысль, что она споет эту песню в Имре, где бесчисленные певцы и менестрели подхватят ее и разнесут по всему миру.

И все-таки я ничего не говорил. Я понимал, что разговор этот будет непростым и нужно было тщательно выбрать для него подходящее время.

Не стал я упоминать и о ее покровителе, хотя то, что говорил Ктаэх, не шло у меня из головы. Я думал об этом постоянно. Мне это во сне даже снилось.

Еще одной темой, которую мы не обсуждали, была Фелуриан. Сколько Денна ни шутила насчет того, как я спасал разбойников и убивал девиц, про Фелуриан она не упомянула ни разу. Она, наверно, слышала песню, которую я написал: она была куда популярней всех прочих историй, которые Денна, похоже, так хорошо знала. Но она ни разу о ней не упомянула, ну а я был не настолько глуп, чтобы самому заговаривать об этом.

Так что, пока мы были в пути, многое между нами осталось недосказанным. И, по мере того как дорога бежала назад под колесами, между нами нарастало напряжение. В разговоре появлялись паузы, которые слишком затягивались, и другие паузы, короткие, но ужасно

глубокомысленные.

Мы как раз застряли на дне одной из таких пауз, когда наконец приехали в Имре. Я высадил ее у «Кабаньей головы», где она намеревалась остановиться, помог ей отнести сундук наверх, но там молчание давило еще сильнее. Поэтому я поспешил заговорить, сердечно простился с Денной и сбежал, даже не поцеловав ей руку.

* * *

В ту ночь я думал о десяти тысячах вещей, которые мог бы ей сказать. Я бодрствовал, глядя в потолок, не в силах заснуть до самой глубокой ночи.

Проснулся я рано. Мне было тревожно и как-то не по себе. Я позавтракал с Симмоном и Фелой, потом отправился на симпатию для продолжающих, где Фентон, воспользовавшись случаем, одолел меня три раза подряд и вырвался в первый ряд впервые с тех пор, как я вернулся в Университет.

Поскольку занятий у меня сегодня больше не было, я принял ванну и долго рассматривал свою одежду, прежде чем остановился на простой рубашке и зеленом камзоле, который, как говорила Фела, подчеркивал цвет моих глаз. Я превратил свой шаэд в короткий плащ, потом решил не надевать его вовсе. Мне не хотелось, чтобы Денна во время моего визита думала о Фелуриан.

И, наконец, я сунул в карман камзола колечко Денны и отправился за реку, в Имре.

Придя в «Кабанью голову», я не успел дотронуться до ручки двери, как Денна сама отворила ее и вышла на улицу, вручив мне корзину для пикника.

Я был более чем изумлен.

— Откуда же ты узнала?..

Она была в бледно-голубом платье, которое ей очень шло. Она обаятельно улыбнулась, беря меня под руку.

— Женская интуиция!

— А-а! — протянул я с умным видом. Ее близость была почти мучительна. Ее теплая ладонь на моей руке, ее запах, запах зеленой листвы и воздуха перед летней грозой... — Так ты, наверное, знаешь и то, куда мы идем?

— Нет, только то, что отведешь туда меня ты.

Говоря это, она обернулась ко мне лицом, и я ощутил шеей ее дыхание.

— Я охотно вверяю себя в твои руки.

Я обернулся к ней, собираясь сказать одну из тех умных фразочек, что выдумал прошлой ночью. Но когда я встретился с ней глазами, то лишился слов. Меня охватило восхищение. Я не могу даже сказать, долго ли это длилось. На тот долгий миг я был весь ее...

Денна рассмеялась, вырвав меня из забытья, которое длилось то ли мгновение, то ли целую минуту. Мы вышли из городка, болтая так беспечно, как будто нас никогда ничто не разделяло, кроме солнца и весеннего воздуха.

Я отвел ее в то местечко, которое обнаружил этой весной: небольшую лощинку, укрытую стеной деревьев. Ручеек струился, огибая серовик, лежащий на земле плашмя, и солнце озаряло полянку с яркими маргаритками, вздымающими лица к небу.

Когда мы миновали гребень холма и Денна увидела раскинувшийся перед нею ковер из маргариток, она затаила дыхание.

— Я так долго ждал, чтобы показать этим цветам, какая ты красивая! — сказал я.

Я был вознагражден крепкими объятиями и поцелуем, который обжег мне щеку. И то и другое завершилось прежде, чем я осознал, что оно началось. Ошеломленный и ухмыляющийся, я повел ее через маргаритки к серовику у ручья.

Я сбросил башмаки и носки. Денна стряхнула туфельки, подобрала свои юбки и выбежала на середину ручья, где вода была ей выше колен.

— А ты знаешь тайну камней? — спросила она, наклоняясь к воде. Подол платья окунулся в воду, но ее это, похоже, не волновало.

— Какую тайну?

Она достала со дна ручья гладкий черный камушек и протянула его мне.

— Иди, посмотри!

Я закончил закатывать штаны и вошел в воду. Она показала мне камушек, с которого капала вода.

— Если сжать его в ладони и прислушаться...

Она так и сделала, зажмурив глаза. Она долго стояла неподвижно, запрокинув лицо к солнцу, точно цветок.

Меня тянуло поцеловать ее, но я сдержался.

Наконец она открыла свои черные глаза. Они улыбнулись мне.

— Если прислушаться достаточно внимательно, он расскажет тебе сказку!

— И что же он тебе рассказал? — спросил я.

— Жил да был однажды мальчик, который пришел к ручью, — начала Денна. — Это история о девочке, которая пришла к ручью с мальчиком. Они разговаривали, и мальчик швырялся камнями, как будто хотел выбросить их подальше. У девочки камней не было, поэтому мальчик дал ей несколько своих. Потом она отдалась мальчику, а мальчик выбросил ее как камень, и ему было все равно, больно ли она ушибется.

Я немного помолчал, не зная, договорила она или нет.

— Так это грустный камень?

Она поцеловала камушек и уронила его в воду, проводив его взглядом, пока он не лег на песок.

— Нет, вовсе не грустный. Но его как-то раз бросали. Ему знакомо ощущение полета. И ему тяжело лежать на месте, как все прочие камни. Иногда он передвигается с места на место, воспользовавшись помощью воды.

Она подняла взгляд на меня и простодушно улыбнулась.

— И когда он двигается, он думает о том мальчике.

Я не понимал, к чему эта история, и попытался переменить тему.

— Как ты научилась слушать камни?

— О-о, ты удивишься, как много можно услышать, если только дать себе труд прислушаться!

Она указала на дно ручья, усеянное камнями.

— Попробуй сам. Никогда не знаешь, что можно услышать.

Не зная, что за игру она затеяла, я огляделся, нашел камень, засучил рукав рубашки и опустил руку в воду.

— Теперь слушай! — серьезно сказала она.

Благодаря своим занятиям с Элодином я выработал большую терпимость ко всяким глупостям. Я поднес камень к уху и зажмурился. И что теперь? Сделать вид, будто я тоже услышал сказку?

И тут я очутился в воде, мокрый насквозь, отчаянно отплевываясь. Отфыркиваясь, я поднялся на ноги, а Денна хохотала до упаду, сгибаясь в три погибели.

Я шагнул было к ней, но она с визгом метнулась прочь и расхохоталась еще сильнее. Так что я бросил за ней гоняться и принялся напоказ вытирать воду с лица и рук.

— Что, сдаешься? Так быстро? — дразнилась она. — Неужто ты так скоро размок?

Я опустил руку в воду.

— Я хотел снова отыскать тот камень, — сказал я, делая вид, будто ищу его.

Денна захохотала и замотала головой.

— Нет уж, ты меня так не подманишь!

— Нет, я серьезно, — сказал я. — Я хотел дослушать его сказку.

— Какую сказку? — поддела она, не спеша подходить ближе.

— Это сказка о девочке, которая вздумала шутить шутки с могущественным арканистом, — сказал я. — Она издевалась над ним и дразнила его. Она с презрением высмеивала его. И вот как-то раз он застал ее в ручье и складными стихами заставил ее забыть о своих страхах. И девочка перестала остерегаться, и это принесло ей много горя!

Я ухмыльнулся и вынул руку из воды.

Денна обернулась навстречу набегающей волне. Волна была невысокая, ей по пояс, но этого хватило, чтобы сбить ее с ног. Денна ушла под воду, пуская пузыри, путаясь в юбке и в собственных волосах.

Течение принесло ее ко мне, и я, хохоча, поднял ее на ноги.

Из воды она вынырнула, как трехдневная утопленница.

— Так нечестно! — негодуяще фыркнула она. — Так нечестно!

— Протестую! — возразил я. — Ты — самая прекрасная русалка, какую я надеюсь встретить сегодня.

Она плеснула в меня водой.

— Льсти, сколько хочешь, Бог-то правду видит! Ты сплутовал. А я честно обвела тебя вокруг пальца.

Тут она попыталась меня утопить, но я был готов к этому. Мы немного поборолись и оба приятно запыхались. И только тут я осознал, как близко она ко мне. Какая она прелестная. И какая это незначительная преграда — мокрая одежда...

Денна, похоже, осознала это одновременно со мной, и мы слегка отстранились друг от друга, словно вдруг застеснялись. Налетел ветер, напомнив нам, какие мы мокрые. Денна проворно выбежала на берег и, ни секунды не колеблясь, стянула с себя мокрое платье и развесила его на серовике, чтобы сохло. Под платьем у нее была белая рубашка, плотно облепившая тело, когда она снова спустилась к воде. Она игриво толкнула меня, проходя мимо, и забралась на гладкий черный валун, лежавший в воде посреди ручья.

Это был идеальный камень для того, чтобы греться на солнышке, черный, как ее очи. Белое тело Денны и рубашка, которая совершенно ничего не скрывала, отчетливо выделялись на его фоне, такие яркие, что смотреть больно. Она откинулась на спину и раскинула волосы на камне, чтобы сохли. Капли воды, растекшиеся по камню, вычертили имя ветра. Она закрыла глаза и подставила лицо солнышку. Сама Фелуриан не могла

бы быть прелестней, не могла бы держаться непринужденнее.

Я тоже вышел на берег и стащил с себя промокшую рубашку и камзол. Мокрые штаны пришлось оставить на себе: больше на мне ничего не было.

— И что же рассказывает тебе тот камень? — спросил я, чтобы нарушить молчание, расстелив свою рубашку рядом с ее платьем.

Она провела ладонью по гладкой поверхности камня и ответила, не открывая глаз:

— Этот рассказывает мне о том, каково это: жить в воде, не будучи рыбой.

Она потянулась, как кошка.

— Будь добр, принеси сюда корзинку, а?

Я взял корзинку и пошел к ней вброд, медленно, чтобы не слышалось плеска. Она лежала, совершенная и неподвижная, как будто уснула. Но я увидел, как ее губы растянулись в улыбке.

— Крадешься! — сказала она. — А я все равно чувствую, что ты там, по запаху чувствую.

— Надеюсь, от меня не особо воняет?

Она чуть заметно покачала головой, по-прежнему не открывая глаз.

— От тебя пахнет засушенными цветами. И чужеземными благовониями, тлеющими в жаровне, которая вот-вот вспыхнет.

— Ну, и речной водой, насколько я могу догадаться.

Она снова потянулась и улыбнулась беспечной улыбкой, показав идеальные белые зубы, идеальные розовые губы, и слегка подвинулась на камне, словно давала мне место. Почти. Я подумал, не лечь ли рядом. Валун был достаточно просторен для двоих, если они готовы лежать, прижавшись друг к другу...

— Да, — сказала Денна.

— Что — «да»? — не понял я.

— Ответ на твой вопрос, — сказала она, повернув лицо в мою сторону, все еще не открывая глаз. — Ты ведь собирался меня о чем-то спросить. Так вот, ответ — да.

Ну и как это понимать? Чего мне просить? Поцелуя? Или чего-то большего? А если это окажется слишком много? Что это — испытание? Я понимал, что, попросив слишком много, я рискую ее оттолкнуть...

— Я хотел спросить, не подвинешься ли ты чуть-чуть, — осторожно сказал я.

— Да.

Она еще раз подвинулась, освободив побольше места рядом с собой. Потом открыла глаза, и они распахнулись, когда она увидела, что я стою

над ней голый по пояс. Она опустила взгляд и успокоилась, увидев штаны.

Я расхохотался, но этот ее испуганный взгляд предупредил меня, что следует быть осторожным. И я поставил корзину туда, куда собирался лечь сам.

— О чем это вы подумали, госпожа моя?

Она смущенно зарделась.

— Ну, я не думала, что ты из тех мужчин, кто способен принести девушке обед совершенно голым.

Она слегка пожала плечами, посмотрела на корзинку, на меня...

— Но мне нравится видеть тебя таким! Мой личный раб, обнаженный по пояс...

Она снова закрыла глаза.

— Где моя земляника?

Я принялся кормить ее земляникой, и так мы и провели весь день.

* * *

Еда в корзине давно кончилась, мы успели высохнуть на солнце. Впервые со времен той ссоры в Северене я чувствовал, что между нами все хорошо. Досадное умолчание больше не чернело, как яма на дороге. Я понимал, что надо терпеливо ждать, пока не развеются остатки напряжения.

Когда день начал мало-помалу клониться к вечеру, я понял, что сейчас самое время поднять тему, о которой я так долго заставлял себя молчать. Я видел бледно-зеленые старые синяки у нее на плечах, след вздувшегося рубца у нее на спине. На ноге над коленом у нее был шрам, достаточно свежий, чтобы краснота просвечивала сквозь рубашку.

Все, что мне было нужно, — это спросить о них. И, если тщательно сформулировать, она признается, что да, это ее покровитель. А уж потом будет несложно ее разговорить — убедить ее, что она достойна лучшего. Что, что бы он ей ни предлагал, это не стоит подобных унижений.

Сейчас, впервые в жизни, я имел возможность предложить ей выход. С открытым кредитом Алверона и моей работой в артной проблем с деньгами у меня больше не будет. Впервые за всю жизнь я был богат. Я открою ей путь к бегству...

— Что у тебя со спиной? — тихо спросила Денна, прервав ход моих мыслей. Она по-прежнему возлежала на камне, а я стоял, прислонившись к нему, ногами в воде.

— Чего? — переспросил я, бессознательно развернувшись.

— У тебя вся спина в шрамах, — мягко сказала она. Я почувствовал, как прохладная рука коснулась моей нагретой на солнце кожи, провела вдоль одного из рубцов.

— Я сначала даже и не поняла, что это шрамы. Они красиво смотрятся, — она провела пальцем вдоль другого шрама. — Как будто какой-то великий ребенок принял тебя за лист бумаги и рисовал на тебе буквы серебряным пером.

Она отвела руку, и я обернулся к ней.

— Откуда они у тебя? — спросила она.

— Ну... я набедокурил в Университете, — смущенно признался я.

— Тебя что, высекли? — недоверчиво спросила она.

— Дважды.

— И ты остался там? — спросила она, словно не веря своим ушам. — После того, как с тобой так обошлись?

Я пожал плечами.

— На свете есть вещи похуже порки, — сказал я. — Мне больше негде научиться тому, чему учат там. А когда мне что-то требуется, нужно нечто большее, чем немного крови, чтобы...

Я только теперь сообразил, что я несу. Меня высекли магистры. Ее бьет ее покровитель. Но мы оба предпочитаем остаться. Как теперь ее убедить, что у меня ситуация совсем другая? Как уговорить ее оставить его?

Денна смотрела на меня с любопытством, склонив голову набок.

— Так что же бывает, когда тебе что-то требуется?

Я пожал плечами.

— Я просто хотел сказать, что меня так просто не прогонишь.

— Да, я про это слышала, — сказала Денна, понимающе взглянув на меня. — Многие девушки в Имре говорят, что рядом с тобой не так просто остаться невинной.

Она села и принялась сползать с камня. Белая рубашка мало-помалу задиралась все выше вдоль ног.

Я собирался что-то сказать насчет ее шрама, надеясь, что еще сумею перевести разговор на ее покровителя, когда обнаружил, что Денна остановилась и смотрит, как я смотрю на ее голые ноги.

— Да? И что же еще про меня говорят? — спросил я, скорее затем, чтобы что-нибудь сказать, чем из любопытства.

Она пожала плечами.

— Некоторые говорят, что ты намерен собрать десятину с женского

населения Имре.

Она сдвинулась ближе к краю валуна. Рубашка поползла еще выше, отвлекая меня.

— Это в смысле переведаться с каждой десятой? — сказал я, пытаюсь обратить все в шутку. — Это, пожалуй, даже для меня чересчур!

— Это утешает, — сказала она. — А ты им тоже всем даришь х-х...

Она негромко ахнула, съехав с валуна вниз, и нашла точку опоры как раз когда я потянулся, чтобы ее подхватить.

— Что-что я им дарю? — переспросил я.

— Розы, дурак! — бросила она. — Или ты уже перелистнул эту страницу?

— Тебя отнести на берег? — спросил я.

— Да, — сказала она. Но прежде, чем я протянул к ней руки, Денна окончательно соскользнула в воду, ее рубашка задралась совсем уж неприлично, пока она не встала на ноги. Вода дошла ей до колен, замочив подол.

Мы вернулись к серовику и молча облачились в свою просохшую одежду. Денна сердилась из-за промокшего подола рубашки.

— Знаешь, я ведь мог бы тебя донести, — тихо сказал я.

Денна прижала тыльную сторону кисти ко лбу.

— Ах, еще семь волшебных слов, я прямо падаю!

Она принялась обмахиваться другой рукой.

— И что же делать бедной женщине?

— Полюбить меня.

Я намеревался сказать это самым что ни на есть игривым тоном. Поддразнить. Превратить все в шутку. Но, говоря это, я совершил ошибку: посмотрел ей в глаза. Они отвлекли меня, и, когда эти слова вылетели из моих уст, они звучали совсем не так, как я намеревался.

Всего лишь на миг она посмотрела мне в глаза с глубокой нежностью. А потом печальная улыбка коснулась уголка ее губ.

— О нет! — сказала она. — Эта ловушка не для меня. Я не стану одной из многих.

Я стиснул зубы, раздираемый смятением, смущением и страхом. Я был чересчур смел, я все испортил, как все время и боялся! Когда же это я утратил контроль над разговором?

— Прошу прощения? — тупо переспросил я.

— Есть за что!

Денна одернула одежду, двигаясь с несвойственной ей скованностью, и запустила пальцы в волосы, заплетая их в толстую косу. Ее руки сплетали

пряди в замысловатые узелки, и на секунду я разобрал, ясно, как день: «Не разговаривай со мной».

Может, я и тупой, но такой недвусмысленный знак даже я способен понять. Я закрыл рот, прикусил язык и не сказал того, что собирался сказать.

Потом Денна увидела, что я смотрю на ее волосы, и поспешно отдернула руки, не завязав косу. Волосы быстро распустились и упали ей на плечи. Она сцепила руки на груди и принялась нервно крутить одно из своих колец.

— Постой-ка! — сказал я. — Чуть не забыл.

И полез во внутренний карман своего камзола.

— У меня ведь для тебя подарок.

Она посмотрела на мою протянутую руку и недовольно поджала губы.

— И ты тоже? — сказала она. — А я-то честно думала, будто ты не такой, как все!

— Надеюсь, что так и есть, — сказал я и разжал кулак. Я отполировал его, и солнце заиграло в гранях бледно-голубого камня.

— Ой! — Денна зажала рот ладонью, и глаза у нее вдруг наполнились слезами. — Это оно, да?

Она потянулась за ним обеими руками.

— Оно, — сказал я.

Она повертела его в руках, потом сняла одно из новых колец и надела его на палец.

— Оно! — восторженно повторила она, и несколько слезинок скатились по ее щекам. — А как ты вообще...

— У Амброза забрал, — сказал я.

— Ой... — сказала Денна. Она переступила с ноги на ногу, и я почувствовал, как между нами вновь возникло молчание.

— Да это было не так уж сложно, — сказал я. — Жалко только, что это заняло так много времени.

— Я даже не знаю, как тебя благодарить!

Денна потянулась ко мне и сжала мою руку между своими ладонями.

Вы можете подумать, будто это помогло. Что подарок и соединенные руки все исправили. Но молчание вернулось вновь и сделалось гуще прежнего. Такое густое, хоть на хлеб мажь. Бывает молчание, которое не разгонишь никакими словами. И, хотя Денна коснулась моей руки, она ее не держала. Разница огромная.

Денна посмотрела на небо.

— Погода портится, — сказала она. — Пошли, пожалуй, обратно, пока

дождь не начался.

Я кивнул, и мы ушли. Когда мы уходили, на лужайку у нас за спиной
набежала тень от туч.

ГЛАВА 149

ПУТАНИЦА

У Анкера было пусто, только за одним из столиков в глубине зала сидели Сим и Фела. Я подошел к ним и сел, привалившись спиной к стене.

— Ну, что? — спросил Сим, как только я опустился на сиденье. — Как все прошло вчера?

Я проигнорировал вопрос: мне не особо хотелось обсуждать эту тему.

— А что было вчера? — с любопытством спросила Фела.

— А он вчера провел день с Денной, — сообщил Сим. — Целый день!

Я пожал плечами.

Сим несколько поутратил энтузиазм.

— Что, все не так хорошо?

— Не особенно, — сказал я. Я посмотрел в сторону стойки, поймал взгляд Лорел и подал ей знак принести мне того, что есть в котле.

— Взгляд с точки зрения дамы тебя интересует? — мягко осведомилась Фела.

— Ну, меня устроит и твой.

Симмон заржал, Фела поморщилась.

— Ну ладно, я тебе все равно помогу, — сказала она. — Расскажи тетушке Феле все как было.

И я пересказал ей основные события. Я изо всех сил старался полностью описать ситуацию, но самая суть как будто не желала поддаваться объяснениям. И, когда я попытался изложить все словами, вышло глупо.

— Ну, и все, — сказал я через несколько минут неуклюжего повествования. — Или, по крайней мере, с меня довольно об этом. Она вводит меня в замешательство, как ничто на свете.

Я колупал пальцем щепку, отставшую от столешницы.

— Терпеть не могу, когда я чего-то не понимаю!

Лорел принесла мне теплого хлеба и миску картофельного супа.

— Что-нибудь еще? — спросила она.

— Да нет, спасибо!

Я улыбнулся ей, потом проводил взглядом ее бедра, пока она возвращалась за стойку.

— Так, ну ладно! — деловито сказала Фела. — Начнем с твоих

плюсов. Ты обаятелен, хорош собой и безукоризненно вежлив с женщинами.

Сим расхохотался.

— Разве ты не видела, как он сейчас пялился на Лорел? Он первый бабник на свете! Он смотрит на женщин больше, чем мог бы я, даже если бы отрастил себе две головы и обе вращались во все стороны, как у совы!

— Это верно, — признался я.

— Смотреть можно по-разному, — сказала Фела Симмону. — Некоторые мужчины так на тебя глазеют, что сразу чувствуешь себя грязной. Хочется пойти и вымыться. А другие мужчины умеют смотреть так, что становится приятно. Помогает чувствовать себя красивой.

Она рассеянно поправила волосы.

— Ну, тебе-то об этом напоминать не требуется, — сказал Симмон.

— Напоминать требуется всем, — сказала она. — Но с Квоутом все иначе. Он так серьезно к этому относится... Когда он на тебя смотрит, сразу чувствуешь, что все его внимание сосредоточено на тебе.

Она расхохоталась, видя, что мне сделалось неловко.

— Это одна из тех вещей, которые мне понравились в тебе, когда мы познакомились.

Симмон заметно помрачнел, и я постарался сделаться как можно более незаметным.

— Но с тех пор, как ты вернулся, это стало почти осязаемым, — сказала Фела. — Теперь, когда ты на меня смотришь, в голове у тебя явно что-то творится. Что-то вроде сладких плодов, теней и света фонариков. Что-то безумное, где эльфийские девы танцуют под лиловым небом. Что-то ужасное на самом деле. И мне это нравится.

Когда она произнесла последнюю фразу, она слегка пошевелилась на стуле, и глаза у нее коварно сверкнули.

Этого Симмон не вынес. Он отодвинулся от стола и принялся вставать, беспорядочно жестикулируя.

— Ну ладно, значит... значит, вот так вот, да? Хорошо. Я...

— Ох, радость моя! — сказала Фела, кладя руку ему на локоть. — Успокойся. Не в этом же дело.

— Не надо меня успокаивать! — рявкнул он, однако сел на место.

Фела взъерошила волосы у него на затылке.

— Тебе не о чем беспокоиться!

Она рассмеялась, как если бы сама мысль была нелепой.

— Я привязана к тебе куда крепче, чем ты сам думаешь. Однако это не значит, что мне неприятно время от времени получать небольшие

комплименты.

Сим надулся.

— Ну что мне теперь, затворницей сделаться? — спросила Фела. В ее голосе появилось раздражение и вместе с ним легкий, певучий модеганский акцент. — Ты же знаешь, как ты себя чувствуешь, когда Моле приходит в голову пофлиртовать с тобой?

Сим выпучил глаза, у него был такой вид, словно он пытался побледнеть и покраснеть одновременно. Фела расхохоталась, видя, как он растерялся.

— О, малые боги! Сим, ну неужели ты думаешь, будто я слепая? Это приятно, тебе это доставляет удовольствие. Что в этом дурного?

Повисло молчание.

— Ничего, наверное... — сказал наконец Сим. Он поднял глаза, неуверенно улыбнулся мне и смахнул челку с глаз. — Ты только на меня так не смотри, как она говорила, ладно?

Он улыбнулся шире, искреннее.

— А то, боюсь, я этого не переживу!

Я, не задумываясь, усмехнулся в ответ. Сим всегда умел заставить меня улыбнуться.

— Кроме того, — сказала ему Фела, — ты совершенно идеален такой, какой ты есть.

Она поцеловала его в ухо, словно поставила печать на его улучшившемся настроении, потом снова обернулась ко мне.

— С другой стороны, если связаться с тобой, это совершенно не окупится, — напрямик сказала она.

— Ты что имеешь в виду? — осведомился я. — А как же мой взгляд? Темное эльфийское нечто и так далее?

— О-о, ты обворожителен. Но девушке нужно нечто большее. Она хочет, чтобы мужчина был ей предан.

Я покачал головой.

— Я не стал набрасываться на нее, как все прочие мужчины, которых она встречала прежде. И ее это бесит. Я понял, что происходит.

— А ты никогда не думал, что она может чувствовать то же самое? — спросила Фела. — Знаешь, какая у тебя репутация по части отношений с дамами?

— Ну что мне теперь, затворником сделаться? — сказал я, повторив то, что она сказала Симу, хотя это прозвучало резче, чем я хотел. — Обугленное тело Господне, я видел ее в объятиях едва ли не десятков мужчин! А тут она вдруг обиделась, что я сводил другую женщину

посмотреть пьесу?

Фела посмотрела на меня в упор.

— Ты не просто катался с ними в коляске. Женщины-то между собой разговаривают.

— Чудесно. Ну, и что же они говорят? — с горечью спросил я, глядя в свою миску с супом.

— Что ты обаятельный, — ответила она как ни в чем не бывало. — И вежливый. И не лезешь руками куда не просят — некоторых это, видимо, разочаровывает.

Она слегка улыbnулась.

Я с любопытством посмотрел на нее.

— Это кого же?

Фела замялась.

— Мерадин, — сказала она. — Но я тебе ничего не говорила!

Я покачал головой.

— Да она мне и двух десятков слов не сказала за обедом. И она еще разочарована, что я не начал к ней приставать? Я был уверен, что я ей не нравлюсь.

— Тут у нас не Модег, — сказала Фела. — В здешних краях люди неразумно относятся к сексу. Многие женщины не знают, как вести себя с мужчиной, который не позволяет себе вольностей.

— Ну ладно, — сказал я. — А что еще говорят?

— Да ничего особо удивительного, — сказала она. — Что, хотя ты и не липнешь, затащить тебя в постель труда не составляет. Ты щедр, остроумен и...

Она запнулась, явно испытывая неловкость.

— Валяй! — сказал я.

Фела вздохнула и добавила:

— Держись отстраненно.

Это был совсем не тот сокрушительный удар, которого я ждал.

— Отстраненно?

— Ну, иногда девушке хочется просто пообедать, — пояснила Фела. — Или пообщаться. Или поболтать. Или потискаться — так, по-дружески. Но в первую очередь ей хочется, чтобы мужчина...

Она нахмурилась и начала заново:

— Ну, когда ты с женщиной, тебе хочется...

Она снова осеклась.

Я подался вперед.

— Ну-ну, говори же!

Фела пожала плечами и отвела взгляд.

— Если бы мы с тобой были вместе, я бы все ждала, что ты меня оставишь. Нет, не прямо сейчас. Не со зла, не из подлости. Но я бы знала, что ты уйдешь. Ты не похож на мужчину, который готов остаться с одной девушкой навсегда. В конце концов ты уйдешь за чем-то, что важнее меня.

Я ковырял картошку у себя в супе, не зная, что думать.

— Тут дело в чем-то другом, не только в преданности, — сказал Сим. — Ведь Квоут ради этой девушки весь мир перевернет, разве не видно?

Фела внимательно вгляделась в меня.

— Да, пожалуй, — тихо сказала она.

— Ну, раз тебе видно, значит, и Денна тоже должна это понимать! — рассудительно заметил Симмон.

Фела покачала головой.

— Мне нетрудно это разглядеть, потому что я от него достаточно далеко.

— Любовь слепа? — расхохотался Сим. — Это и все, что ты можешь сказать в качестве совета?

Он закатил глаза.

— Ради бога!

— Да кто говорит, что я влюблен? — вмешался я. — Я такого не говорил. Она сбивает меня с толку, я к ней привязан. И не более того. Как я могу ее любить? Я недостаточно хорошо ее знаю, чтобы всерьез говорить о любви. Как можно любить то, чего не понимаешь?

Они молча уставились на меня. А потом Сим разразился заливистым мальчишеским смехом, как будто отродясь не слышал ничего смешнее. Он взял Фелу за руку и поцеловал ее прямо в граненое каменное кольцо.

— Ты выиграла! — сказал он ей. — Любовь не просто слепа, она еще и глухонемая. Никогда больше не усомнюсь в твоей мудрости!

* * *

По-прежнему чувствуя себя не в своей тарелке, я отправился искать магистра Элодина и наконец нашел его под деревом в небольшом садике возле гнезд.

— Квоут! — он лениво помахал мне рукой. — Иди сюда. Садись.

Он ногой подвинул мне миску.

— Винограду хочешь?

Я взял несколько ягод. Свежие фрукты мне были теперь не в диковинку, однако виноград все равно был вкусный, почти переспелый. Я задумчиво жевал. Голова у меня по-прежнему была забита мыслями о Денне.

— Магистр Элодин, — медленно спросил я, — а что бы вы подумали о человеке, который постоянно меняет свое имя?

— Что?! — он внезапно вскинулся, глаза у него сделались безумные и перепуганные. — Что ты наделал?!

Его реакция застигла меня врасплох, я вскинул руки.

— Я — ничего! — сказал я. — Это не я. Это одна девушка, моя знакомая.

Лицо у Элодина посерело.

— Фела? — спросил он. — О нет. Нет-нет. Она бы так никогда не поступила. Она чересчур умна для этого.

Он говорил так, словно отчаянно пытался убедить себя самого.

— Я не про Фелу, — сказал я. — Про другую девушку, вы ее не знаете. Каждый раз, как я с ней встречаюсь, она берет себе другое имя.

— А-а! — протянул Элодин и расслабился. Он снова привалился к дереву и негромко рассмеялся. — Ты про такие имена! — сказал он с осязаемым облегчением. — Кости Господни, малый! А я-то подумал...

Он не договорил и потряс головой.

— Что вы подумали? — спросил я.

— Да так, ничего, — он махнул рукой. — Ладно. Так что там с этой девушкой?

Я пожал плечами, начиная жалеть, что вообще об этом заговорил.

— Я просто хотел спросить, что бы вы сказали о девушке, которая постоянно меняет свое имя. Каждый раз, как я ее встречаю, она зовет себя как-нибудь иначе. Диана. Донна. Диэне.

— Я так понимаю, что это не беглянка какая-нибудь? — с улыбкой спросил Элодин. — Что она не скрывается от преследования и не пытается избежать кары железного закона Атура. За ней нет ничего подобного?

— Насколько я знаю — нет, — ответил я и слабо улыбнулся в ответ.

— Это может говорить о том, что она сама не знает, кто она такая, — сказал Элодин. — Или что она это знает, но ей это не нравится.

Он поднял голову, задумчиво потер нос.

— Это может говорить о беспокойстве и неудовлетворенности. Это может означать, что ее натура переменчива и она преображает свое имя в согласии с ней. А возможно, она меняет имена в надежде, что это поможет ей стать другим человеком.

— Вы столько наговорили, ничего не сказав, — сердито буркнул я. — Это все равно что сказать: твой суп либо горячий, либо остыл. Это яблоко либо кислое, либо сладкое.

Я, насупясь, посмотрел на него.

— Это просто сложный способ сказать, что вы ничего не знаете!

— Ну, ты же не спрашивал, что я знаю о такой девушке, — заметил Элодин. — Ты спросил, что бы я сказал о ней...

Я пожал плечами. Этот разговор меня утомил. Мы молча ели виноград, глядя на проходящих мимо студентов.

— Я снова вызвал ветер, — сказал я, спохватившись, что я ему еще об этом не говорил. — Когда был в Тарбеане.

Элодин оживился.

— В самом деле? — переспросил он, глядя на меня выжидательно. — Что ж, рассказывай. Во всех подробностях!

Он был идеальным слушателем: внимательным и увлеченным. Я рассказал все как было, не щадя драматических красок. Под конец настроение у меня заметно улучшилось.

— Уже третий раз в этой четверти! — одобрительно кивнул Элодин. — Ты обратился к нему и обрел его, когда требовалось. И не просто легкий ветерок, но дыхание! Это требует известного мастерства.

Он взглянул на меня краем глаза и лукаво улыбнулся.

— Как ты думаешь, скоро ли ты сумеешь изготовить для себя кольцо из воздуха?

Я показал ему пустую левую руку с растопыренными пальцами.

— А откуда вы знаете, что его у меня нет?

Элодин покатился со смеху, потом остановился, видя, что я остался серьезным. Он слегка наморщил лоб, задумчиво глядя на меня. Бросил взгляд на мою руку, снова посмотрел мне в лицо.

— Шутишь? — спросил он.

— Хороший вопрос, — сказал я, спокойно глядя ему в глаза. — Шучу ли я?

ГЛАВА 150

ГЛУПОСТЬ

Весенняя четверть шла своим чередом. Вопреки моим ожиданиям, Денна не стала выступать на публике в Имре. Вместо этого она на несколько дней уехала на север, в Анилен.

Но на этот раз она нарочно зашла к Анкеру, сказать мне, что уезжает. Я поймал себя на том, что странно польщен этим, и невольно счел это знаком, что между нами не все так уж плохо.

Ближе к концу четверти заболел ректор. Хотя я не так уж хорошо его знал, Эрма мне нравился. Мало того что он оказался на удивление приятным наставником, когда учил меня иллийскому, он был еще и добр ко мне, когда я только поступил в Университет. Однако я не особо встревожился. Арвил и персонал медики были способны на все, разве что мертвых воскрешать не умели.

Однако дни шли, а из медики ничего нового слышно не было. Ходили слухи, что ректор чересчур слаб, чтобы встать с постели, и его терзают приступы лихорадки, угрожающие погубить его могучий разум арканиста.

Когда стало очевидно, что в ближайшее время он исполнять свои обязанности ректора точно не сможет, магистры собрались, чтобы решить, кто займет его место. Возможно, даже постоянно, если его состояние ухудшится.

И, чтобы не вдаваться в печальные подробности, скажу в трех словах: ректором назначили Хемме. После того как первое потрясение прошло, стало очевидно, почему так случилось. Килвин, Арвил и Лоррен были чересчур заняты, чтобы брать на себя дополнительные обязанности. То же, хотя и в меньшей степени, касалось Мандрага и Дала. Оставались Элодин, Брандье и Хемме.

Элодин в ректоры не хотел и в целом считался слишком непредсказуемым для этого поста. Ну а Брандье всегда смотрел в ту сторону, куда дул Хемме.

И вот Хемме занял кресло ректора. Меня это, конечно, расстроило, но на мою повседневную жизнь особо не повлияло. Единственное, что я предпринял, — это решил, что отныне мне следует стараться не нарушать ни одного из университетских правил: если я окажусь на рогах, голос Хемме против меня сделается вдвое весомее.

Приближались экзамены, а магистр Эрма по-прежнему был слаб и страдал от приступов лихорадки. Поэтому я принялся готовиться к своим первым экзаменам с Хемме в качестве ректора, чувствуя внутри тошнотворный страх.

На вопросы я отвечал с той же виртуозной тщательностью, что и в предыдущие две четверти. Я запинаясь, делал небольшие ошибки, с расчетом на то, чтобы плату мне назначили талантов в двадцать или около того. Достаточно, чтобы немного заработать, однако не так много, чтобы выглядеть идиотом.

Хемме, как всегда, задавал вопросы с двойным дном или сбивающие с толку, нарочно предназначенные для того, чтобы поставить меня в тупик, но тут ничего нового не было. Единственным серьезным отличием было то, что при этом Хемме постоянно улыбался. Самой неприятной улыбкой.

Магистры, как всегда, принялись совещаться вполголоса. А потом Хемме назвал плату: пятьдесят талантов. Очевидно, ректор имел больше веса в таких вопросах, чем я думал.

Мне пришлось прикусить губу, чтобы не расхохотаться, и я напустил на себя глубокое уныние. С этим унылым видом я спустился в подвалы Пустот, где сидел казначей. Когда Риём увидел, какую плату мне назначили, глаза у него заблестели. Он скрылся в задней комнате и пару секунд спустя вернулся с конвертом из плотной бумаги.

Я поблагодарил его и вернулся домой, к Анкеру, сохраняя по пути все то же угрюмое выражение. Затворив за собой дверь, я вскрыл увесистый конверт и вытряхнул на ладонь его содержимое: две блестящие золотые марки, ценой в десять талантов каждая.

Я расхохотался. Я ржал до слез, до боли в боках. Потом я надел свой лучший костюм и созвал друзей: Вилема и Симмона, Фелу и Молу. Я отправил мальчишку-посыльного в Имре с приглашением Деви и Трепе. Потом я нанял карету, запряженную четверкой, и мы все поехали в Имре.

Мы заехали в «Эолиан». Денны там не было, но мы прихватили вместо нее Деоча и отправились в «Королевский герб», заведение, которого ни один уважающий себя студент себе позволить не мог. Привратник смерил нашу разношерстную компанию пренебрежительным взглядом, словно собираясь возразить, но Трепе нахмурился самым что ни на есть аристократическим образом и благополучно провел нас всех внутрь.

И мы устроили великолепный кутеж, подобного которому я с тех пор,

считай, и не видывал. Мы ели и пили, и я радостно платил за все сполна. Единственная вода на столе была та, что в мисках для мытья рук. В наших бокалах плескались только старые винтийские вина, черный скаттен, прохладный медеглин, сладкий бренд, и каждый тост, что мы поднимали, был за глупость Хемме.

ГЛАВА 151

ЗАМКИ

Квоут перевел дух и кивнул про себя.

— Давайте на этом и остановимся, — сказал он. — У меня впервые в жизни звенели в карманах деньги. Я был окружен друзьями. Хороший конец на ночь.

Он машинально потер руки, рассеянно массируя левую правой.

— А если мы продолжим, там все опять будет слишком мрачно.

Хронист взял небольшую стопку исписанных страниц и постучал ею по столу, чтобы выровнять, а потом уложил сверху последний недописанный лист. Он открыл свой кожаный портфель, вытащил ярко-зеленый венок из остролиста и сунул бумаги внутрь. Потом закрыл чернильницу и принялся разбирать и чистить ручку.

Квоут встал и потянулся. Потом он собрал пустые тарелки и кружки и понес их на кухню.

Баст сидел с неподвижным лицом. Он не шевелился. Кажется, даже почти не дышал. Через несколько минут Хронист принялся поглядывать в его сторону.

Квоут вернулся в зал и нахмурился.

— Баст! — окликнул он.

Баст медленно повернул голову и посмотрел на человека за стойкой.

— Поминки по Шепу все еще продолжаются, — сказал Квоут. — Прибираться нынче особо не придется. Может, сходишь, застанешь конец поминок? Тебе там будут рады...

Баст призадумался, потом покачал головой.

— Не думаю, Реши, — сказал он ровным тоном. — Я не в настроении, честно.

Он встал со стула и побрел в сторону лестницы, не глядя в глаза ни Квоуту, ни Хронисту.

— Пойду лягу.

Его гулкие шаги постепенно затихли, потом раздался звук закрывшейся двери.

Хронист проводил его взглядом, потом обернулся и посмотрел на рыжего человека за стойкой.

Квоут тоже смотрел в сторону лестницы, взгляд у него был

озабоченный.

— У него просто был тяжелый день, — сказал он так, словно обращался не только к гостю, но и к себе самому. — Завтра с ним все будет в порядке.

Квоут вытер руки, обошел стойку и направился к входной двери.

— Тебе больше ничего не нужно, прежде чем ты пойдешь спать?

Хронист покачал головой и принялся собирать ручку.

Квоут запер входную дверь большим латунным ключом и обернулся к Хронисту.

— Я оставлю его в замке, — сказал он. — На случай, если ты вдруг встанешь рано и решишь прогуляться или еще что-нибудь. Я в последнее время мало сплю.

Он потрогал скулу, на которой расцветал синяк.

— Но сегодня, пожалуй, сделаю исключение.

Хронист кивнул и надел портфель на плечо. Потом бережно взял венок из остролиста и отправился наверх.

Оставшись один в общем зале, Квоут подмел пол, методично, захватывая все углы, домыл посуду, протер столы и стойку, прикрутил все лампы, кроме одной, оставив зал тускло освещенным, полным мечущихся теней.

Он бросил взгляд на бутылки за стойкой, потом повернулся и тоже принялся медленно подниматься по лестнице.

* * *

Баст медленно вошел в свою комнату, затворил за собой дверь.

В темноте он тихо подошел к камину. После утренней топки там не осталось ничего, кроме золы и пепла. Баст открыл дровяной ларь, но там ничего не оказалось, кроме толстого слоя коры и щепок на дне.

Тусклый свет из окна отражался в его черных глазах и обрисовывал очертания лица. Баст стоял неподвижно, словно не мог решить, что делать. Секунду спустя он отпустил крышку ларя, закутался в одеяло и, свернувшись в комочек, устроился на небольшой кушетке перед потухшим камином.

Он сидел так довольно долго, глядя в темноту раскрытыми глазами.

За окном послышался легкий шорох. Потом тишина. Потом легкое царапанье. Баст обернулся и увидел снаружи черный силуэт: за окном что-то шевелилось.

Баст застыл, потом плавно соскользнул с кушетки и подошел к камину. Не отрывая глаз от окна, он принялся осторожно шарить по каминной полке.

За окном снова послышалось царапанье, уже громче. Баст устремил взгляд на каминную полку и что-то ухватил обеими руками. В слабом свете луны блеснул металл, Баст пригнулся, весь напряженный, как скрученная пружина.

Довольно долго ничего не происходило. Ни звука. Никакого движения ни в окне, ни в темной комнате.

«Тук-тук-тук-тук-тук!» Звук был слабый, но в тишине он слышался совершенно отчетливо. Потом тишина, и снова этот стук по оконному стеклу, резкий и настойчивый: «Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук!»

Баст вздохнул, расслабился, распрямился, подошел к окну, откинул щеколду и распахнул его.

— А у меня окно не запирается! — обиженно заметил Хронист. — А твое почему запирается?

— По очевидным причинам, — сказал Баст.

— Можно войти?

Баст пожал плечами и отступил к камину. Хронист неуклюже вполз в окно. Баст чиркнул спичкой, зажег лампу, стоящую на столе, и аккуратно положил на каминную полку пару длинных ножей. Один был узкий и острый, как травинка, второй прямой и изящный, как терновый шип.

Когда свет разгорелся и заполнил комнату, Хронист огляделся. Комната была просторная, с дорогими деревянными панелями и пушистыми коврами. Перед камином стояли друг напротив друга две удобные кушетки, в углу возвышалась высокая кровать под темно-зеленым балдахинном.

Там были полочки, уставленные картинками, безделушками и заваленные всяким барахлом. Пряди волос, перевязанные ленточкой. Вырезанные из дерева свистульки. Засушенные цветы. Колечки из рога, из кожи, сплетенные из травы. Расписная свечка со вдавленными в воск листиками.

Кроме того, комната была частично украшена ветвями остролиста. Это было явно недавнее дополнение. Одна длинная гирлянда тянулась вдоль изголовья кровати, другая красовалась над камином, оплетая рукоятки пары висевших там блестящих топориков с листовидными лезвиями.

Баст снова сел перед холодным камином и закутался, как в шаль, в лоскутное одеяло. Одеяло представляло собой хаос дурно подобранных, вылинявших кусков ткани, и только в центре красовалось яркое алое сердечко.

— Нам нужно поговорить, — негромко сказал Хронист.

Баст пожал плечами, равнодушно глядя в камин.

Хронист подступил поближе.

— Мне нужно у тебя спросить...

— Можешь не шептать, — сказал Баст, не поднимая глаз. — Мы на другом конце трактира. У меня иногда бывают гости. Они его все время будили, и я перебрался в этот конец здания. Между его комнатой и этой шесть капитальных стенок.

Хронист присел на край другой кушетки, лицом к Басту.

— Мне нужно спросить кое о чем из того, что ты говорил сегодня вечером. Про Ктаэха.

— Про Ктаэха мы говорить не будем, — голос Баста звучал ровно и веско. — Это не полезно для здоровья.

— Тогда про ситхе, — сказал Хронист. — Ты сказал, если бы они узнали об этой истории, то убили бы всех, кто имеет к ней отношение. Это правда?

Баст кивнул, не отрывая глаз от камина.

— Они сожгли бы этот трактир и засеяли землю солью.

Хронист опустил взгляд, покачал головой.

— Не понимаю я этого вашего страха перед Ктаэхом, — сказал он.

— Ну, — ответил Баст, — все говорит о том, что ты не особо умен.

Хронист нахмурился и терпеливо ждал.

Баст вздохнул и наконец оторвался от созерцания камина.

— Подумай сам. Ктаэх знает все, что ты когда-либо собираешься сделать. Все, что ты собираешься сказать...

— Крайне неприятный собеседник, — сказал Хронист. — Но не...

Баст внезапно взорвался.

— Дьен вехат! Энфеун вехат тилорен тес! — отрывисто бросил он. Его трясло, он стискивал и разжимал кулаки.

Хронист побледнел, столько яду было в голосе Баста, но не съежился и не отшатнулся.

— Ты не на меня злишься, — спокойно сказал он, глядя Басту в глаза. — Ты просто злишься, а я очутился поблизости.

Баст злобно зыркнул глазами, но ничего не ответил.

Хронист подался вперед.

— Я хочу помочь, ты ведь это понимаешь, да?

Баст угрюмо кивнул.

— А значит, мне нужно понимать, что происходит.

Баст пожал плечами. Внезапная вспышка ярости выгорела дотла, и он

снова погрузился в безразличие.

— Квоут, похоже, поверил тому, что ты говорил про Ктаэха, — заметил Хронист.

— Он понимает, какие скрытые пружины движут миром, — сказал Баст. — А если чего и не понимает, то быстро учится.

Пальцы Баста машинально теребили края одеяла.

— И он доверяет мне.

— Но не слишком ли это надуманно? Ктаэх дает юноше цветочек, одно ведет к другому, и бац! — вдруг война.

Хронист пренебрежительно махнул рукой.

— Так не бывает. Слишком много совпадений.

— Это не совпадение, — Баст коротко вздохнул. — Слепой непременно споткнется, идя через загроможденную вещами комнату. Ты — нет. У тебя есть глаза, ты видишь, где можно пройти. Для тебя это совершенно очевидно. Ктаэх способен видеть будущее. Все варианты будущего. Это нам приходится пробираться на ощупь. А ему — нет. Он просто смотрит и выбирает самый катастрофический путь. Он как камень, с которого начинается лавина. Как кашель, с которого начинается мор.

— Но если ты знаешь, что Ктаэх пытается тобой управлять, — сказал Хронист, — ты можешь просто взять и поступить иначе. Он даст тебе цветок, а ты возьмешь и продашь его.

Баст замотал головой.

— Ктаэх же все знает наперед. Нельзя обвести вокруг пальца существо, которое знает твое будущее. Например, ты продашь цветок принцу. Он использует цветок, чтобы исцелить свою нареченную. Через год она застукает его с горничной, повесится с горя, а ее отец пойдет на него войной, чтобы отомстить за честь дочери.

Баст беспомощно развел руками.

— Гражданская война все равно начнется.

— Но тот молодой человек, который продал цветок, останется в безопасности!

— Скорее всего, нет, — мрачно сказал Баст. — Скорее всего, он напьется как лорд, подцепит сифилис, а потом опрокинет лампу и спалит полгорода.

— Да ты просто все выдумываешь, чтобы доказать свою точку зрения, — сказал Хронист. — Это ничего не доказывает!

— А зачем мне тебе что-то доказывать? — спросил Баст. — Какая мне разница, что ты думаешь? Ты глуп и невежествен — ну и радуйся своему невежеству. Я оказываю тебе услугу, не говоря всей правды.

— И в чем же состоит правда? — осведомился Хронист, явно раздраженный.

Баст устало вздохнул и поднял на Хрониста взгляд, лишенный всякого проблеска надежды.

— Я предпочел бы сразиться с самим Хелиаксом, — сказал он. — Я предпочел бы встретиться лицом к лицу со всеми чандрианами разом, чем обменяться десятком слов с Ктаэхом.

Хронист надолго умолк.

— Но ведь они бы убили тебя, — сказал он. Судя по тону, это был вопрос.

— Да, — сказал Баст. — И все равно.

Хронист уставился на черноволосого юношу, который сидел напротив, кутаясь в лоскутное одеяло.

— Легенды приучили тебя бояться Ктаэха, — сказал он. В его голосе отчетливо звучало отвращение. — И этот страх отшибает у тебя разум.

Баст пожал плечами. Его пустые глаза снова устремились в отсутствующий огонь.

— Ты мне надоел, человечешко.

Хронист встал, шагнул вперед и дал Басту пощечину.

Голова Баста дернулась в сторону, и в первый миг он, казалось, был так потрясен, что не мог шевельнуться. Потом он стремительно вскочил на ноги, одеяло слетело у него с плеч. Он грубо ухватил Хрониста за горло, оскалил зубы, глаза у него сделались непроглядно-синими.

Хронист не отвел взгляда.

— Все это затеял Ктаэх, — спокойно сказал он. — Он знал, что ты нападешь на меня и из этого выйдет нечто ужасное.

Искаженное яростью лицо Баста окаменело, глаза расширились. Его плечи обмякли, и он отпустил Хрониста. Он начал опускаться обратно на кушетку.

Хронист занес руку и ударил его снова. Звук пощечины прозвучал еще громче, чем в первый раз.

Баст снова оскалился, потом остановился. Бросил взгляд на Хрониста, потом отвел его.

— Ктаэх знает, что ты его боишься, — сказал Хронист. — Он знает, что я использую это знание против тебя. Он по-прежнему манипулирует тобой. Если ты не нападешь на меня, из этого выйдет нечто ужасное.

Баст застыл, точно парализованный, не в силах ни встать, ни сесть.

— Ты меня слушаешь? — спросил Хронист. — Очнулся, наконец?

Баст уставился на писца в растерянности и изумлении. На щеке у него

багровел алый след. Он кивнул и медленно опустился обратно на кушетку.

Хронист снова занес руку.

— Что ты сделаешь, если я тебя ударю?

— Вышибу из тебя потроха всех десяти цветов, — честно ответил Баст.

Хронист кивнул и сел обратно на свою кушетку.

— Для удобства рассуждения примем как факт, что Ктаэх знает будущее. Это означает, что он способен контролировать многое.

Он вскинул палец.

— Но не все! Плод, который ты съел сегодня, все равно был сладким, верно?

Баст медленно кивнул.

— Если Ктаэх так злобен и коварен, как ты говоришь, он стал бы вредить тебе всеми возможными способами. Но он на это не способен! Он не мог помешать тебе развеселить твоего Реши нынче утром. Не мог помешать тебе радоваться весеннему солнышку или целовать крестьянских дочек в розовые щечки. Верно?

На лице Баста проглянула ухмылка.

— Я целовал их не только в щечки!

— Именно об этом я и говорю, — твердо сказал Хронист. — Он не способен отравить все, что мы делаем.

Баст сделался задумчив, потом вздохнул.

— Ты прав по-своему, — сказал он. — Однако нужно быть идиотом, чтобы сидеть в пылающем доме и думать, будто все в порядке, потому что плоды по-прежнему сладки.

Хронист выразительно огляделся.

— По-моему, этот трактир пока не горит.

Баст посмотрел на него, словно не веря своим ушам.

— Да весь мир горит! — сказал он. — Разуи глаза!

Хронист нахмурился.

— Даже если забыть обо всем остальном, — упрямо сказал он, — Фелуриан его отпустила. Она же знала, что он разговаривал с Ктаэхом, уж наверное, она бы не выпустила его в мир, не найдя способа предупредить последствия его влияния.

Глаза Баста просветлели при этой мысли, но почти сразу снова потухли. Он покачал головы.

— Не ищи глубины в мелком ручье, — сказал он.

— Я тебя не понимаю! — заявил Хронист. — Какие у нее могли быть причины его отпустить, если он действительно опасен?

— Причины? — переспросил Баст с угрюмой насмешливостью. — Какие там причины! Фелуриан не нужны никакие причины. Она его отпустила просто потому, что это льстило ее гордости. Она хотела, чтобы он вернулся в смертный мир и пел ей хвалы. Рассказывал о ней легенды. Тосковал по ней. Потому и отпустила.

Он вздохнул.

— Я же тебе уже говорил. Мой народ не отличается рассудительностью.

— Быть может, — сказал Хронист. — А может быть, она просто признала, что пытаться обойти Ктаэха бесполезно.

Он махнул рукой.

— Если, что бы ты ни сделал, все выйдет плохо, можно с тем же успехом делать, как тебе хочется.

Баст довольно долго сидел и молчал. Потом кивнул, сначала слабо, потом уверенней.

— Ты прав, — сказал он. — Если все равно все кончится слезами, я буду делать что хочу!

Баст окинул комнату взглядом и внезапно поднялся на ноги. Немного пошарив, он нашел брошенный на пол теплый плащ. Как следует встряхнул его, накинул на плечи и подошел к окну. Потом остановился, вернулся к кушетке и, порывшись в подушках, извлек бутылку вина.

Хронист выглядел озадаченным.

— Ты куда? Возвращаешься на поминки по Шепу?

Баст остановился на полпути к окну — его как будто удивило, что Хронист все еще здесь.

— Я по своим делам, — сказал он и спрятал бутылку под мышкой. Потом открыл окно и перекинул ногу через подоконник. — Не жди меня.

* * *

Квоут решительно вошел к себе в комнату и закрыл за собой дверь.

И принялся хлопотать. Выгреб из камина остывший пепел, положил дрова, разжег огонь толстой красной серной спичкой. Достал второе одеяло, расстелил его на своей узкой кровати. Слегка нахмурившись, поднял мятую бумажку, упавшую на пол, и вернул ее на стол, к двум другим смятым листам.

Потом, почти нехотя, он подошел к изножью кровати. Перевел дух, вытер руки о штаны и опустился на колени перед стоявшим там черным

сундуком. Положил обе руки на выпуклую крышку и закрыл глаза, словно прислушиваясь. Его плечи шевельнулись — он попытался приподнять крышку.

Ничего не произошло. Квоут открыл глаза. Его губы сложились в мрачную гримасу. Руки снова зашевелились, потянули сильнее, напряглись и, наконец, сдались.

Квоут с неподвижным лицом встал и подошел к окну, которое смотрело на лес за трактиром. Он открыл его, высунулся наружу, потянулся обеими руками и втащил в комнату узкий деревянный ящичек.

Он смахнул слой пыли и паутины и открыл ящик. Внутри лежали ключ из темного железа и ключ из блестящей меди. Квоут снова опустился на колени перед сундуком и вставил медный ключ в железную скважину. Он повернул его, медленно и уверенно: влево, вправо, снова влево, тщательно вслушиваясь в слабые щелчки механизма внутри.

Потом он взял железный ключ и вставил его в медный замок. Этот ключ он поворачивать не стал. Он вдвинул его глубоко в замок, потом наполовину вытащил, потом снова задвинул внутрь и, наконец, вытащил плавным и быстрым движением.

Уложив ключи обратно в ящичек, он опять взялся за крышку с двух сторон, так же, как раньше.

— Откройся! — сказал он сквозь зубы. — Откройся, черт бы тебя побрал! Ну, эдро!

И потянул крышку вверх. Спина и плечи напряглись от усилия.

Крышка не шелохнулась. Квоут тяжело вздохнул и наклонился вперед, упершись лбом в прохладное черное дерево. На выдохе плечи у него ссутулились, и весь он стал маленьким и несчастным, бесконечно усталым и куда старше своих лет.

Однако на лице его не отражались ни удивление, ни скорбь. Только покорность судьбе. Как у человека, наконец получившего дурные вести, которые он давно ожидал.

ГЛАВА 152

БУЗИНА

Это была плохая ночь для того, чтобы спать под открытым небом.

Ближе к вечеру напоззли тучи, как будто небо затянули серой простыней. Дул резкий, порывистый ветер, то и дело принимался идти дождь, который налетал ливнями, а потом переходил в мелкую морось.

И тем не менее двое солдат, заночевавших в кустах у дороги, похоже, были всем довольны. Они нашли поленницу, сложенную дровосеком, и разложили такой высокий и жаркий костер, что ливень с ним ничего поделать не мог — дрова только плевались да шипели.

Солдаты громко болтали, заливаясь безудержным гоготом людей, которые слишком пьяны, чтобы тревожиться из-за непогоды.

Наконец из темного леса вышел третий, аккуратно переступив через ствол ближайшего поваленного дерева. Он был мокрый, возможно, насквозь, и его черные волосы липли ко лбу. Когда солдаты его увидели, они вскинули бутылки и радушно приветствовали его.

— А мы и не знали, доберешься ты сюда или нет, — сказал белокурый. — Дерьмовая ночка. Но, конечно, тебе следует получить свою треть, это будет честно.

— Да ты же промок до костей! — сказал бородач, протягивая плоскую желтую бутылку. — На-ка, хлебни! На вкус что-то такое фруктовое, но валит наповал, как конское копыто.

— Да ну, это все девчачья моча, — сказал белокурый, протягивая свою бутылку. — На вот! Настоящее мужское пойло.

Третий обвел их взглядом, не зная, что выбрать. Наконец он завел считалку, тыкая пальцем в обе бутылки по очереди.

Клен, калитка,
Тишина,
Пламя, пепел,
Бузина!

Он остановился на желтой бутылке, ухватил ее за горлышко и поднес к губам. И принялся не спеша пить, беззвучно сглатывая.

— Эй, полегче! — сказал бородатый. — Мне-то оставь чуток!
Баст опустил бутылку и облизнул губы. И сухо, невесело хохотнул.
— Да, ты правильно выбрал бутылку, — сообщил он. — Это бузина.
— Чего-то ты не такой разговорчивый, как нынче утром! — заметил белокурый, склонив голову набок. — У тебя такой вид, как будто любимая собачка сдохла. Все нормально?
— Да нет, — сказал Баст. — Все не нормально.
— Ну, если он обо всем догадался, так это не наша вина! — поспешно сказал белокурый. — Мы немного подождали после твоего ухода, как ты и говорил. Но мы тут уже несколько часов ждем. Думали, ты не придешь.
— А, черт! — раздраженно сказал бородатый. — Так он все знает? Он тебя прогнал?
Баст покачал головой и снова запрокинул бутылку.
— Ну, тогда тебе жаловаться не на что, — белокурый потер голову и нахмурился. — Вот тупой ублюдок, поставил-таки мне пару шишек!
— Ну, он получил их обратно с лихвой! — ухмыльнулся бородатый, потирая большим пальцем костяшки рук. — Завтра кровью мочиться будет.
— Все хорошо, что хорошо кончается! — философски заметил белокурый солдат и пошатнулся, чересчур театрально взмахнув своей бутылкой. — Ты поразмялся. Я добыл выпить кой-чего вкусенького. И все мы неплохо подзаработали. Все счастливы. Все получили то, чего им больше всего хотелось.
— Я не получил того, чего мне хотелось, — ровным тоном ответил Баст.
— Ну, это пока, — сказал бородатый, сунул руку в карман и вытащил кошелек, который увесисто звякнул, когда солдат подкинул его на ладони. — Давай-ка поближе к огоньку, и поделим денежки!
Баст окинул взглядом круг, озаренный костром, даже не попытавшись сесть. И снова начал считать, тыкая пальцем в разные предметы: лежащий поблизости камень, полено, топорик...

Пашня, ветер,
Звон ведра.
Скука, холод,
Дым костра.

И указал на костер. Подступил ближе, наклонился и вытащил из него сук длиной в руку. Противоположный конец сука представлял собой

тлеющую головню.

— Эгей, да ты пьяней моего! — заржал бородатый солдат. — Я совсем не это имел в виду, когда сказал «поближе к огоньку»!

Белокурый покатился со смеху.

Баст посмотрел на них сверху вниз. И тоже принялся хохотать. Это был жуткий хохот, рваный и безрадостный. Нечеловеческий смех.

— Эй! — резко перебил бородатый — он больше не смеялся. — Что это с тобой такое?

Снова полил дождь, порыв ветра швырнул тяжелые капли в лицо Басту. Глаза у него были черные и сосредоточенные. Новый порыв ветра раздул головню, и она вспыхнула ослепительно-оранжевым.

Светящийся уголь прочертил в воздухе огненную дугу: Баст принялся по очереди тыкать головней в солдат, считая:

Путник, пиво,
Камень, кладь,
Ветер, воды,
Вам не встать!

Когда Баст закончил, пылающая головня указала на бородача. Зубы Баста багровели в свете пламени. Он совсем не улыбался.

ЭПИЛОГ

ТРЕХЧАСТНАЯ ТИШИНА

И снова наступила ночь. Трактир «Путеводный камень» погрузился в тишину, и складывалась эта тишина из трех частей.

Наиболее очевидной была пустынная, гулкая тишина, возникшая из того, чего не было. Если бы шел дождь, он барабанил бы по крыше, бурлил в желобах, мало-помалу смывая молчание в море. Если бы в трактире ночевали любовники, они бы вздыхали и стонали, и молчание устыдилось бы и убралось восвояси. Играй здесь музыка... но нет, конечно, музыки тут не было. На самом деле, ничего из этого не было, и потому тишина никуда не девалась.

А откуда-то снаружи, из-за леса, слабо доносился шум далекой вечеринки. Пиликанье скрипки. Голоса. Топот башмаков и хлопанье в ладоши. Но этот шум был тоненький, как ниточка, ветер переменялся и оборвал его, остался только шелест листьев да нечто вроде далекого уханья совы. А потом и они стихли, и осталась лишь вторая тишина, молчание ожидания, как будто кто-то вдохнул и забыл выдохнуть.

Третью тишину ощутить было не так легко. Пожалуй, пришлось бы прождать около часа, чтобы почувствовать ее в холодном металле десятка замков, крепко запертых, чтобы не пускать ночь внутрь. Тишина таилась в грубых глиняных кружках с сидром и в зияющих пустотах посреди общего зала, там, где прежде стояли столы и стулья. Она обитала в ноющей боли ушибов, которые расцветали многочисленными синяками, и в руках человека, который носил на себе эти синяки и теперь не без труда, стиснув зубы от боли, поднимался с кровати.

У человека были рыжие, словно пламя, волосы. Взгляд у него был темный и отстраненный, и он двигался в ночи ловко и уверенно, точно вор. Он спустился вниз. И там, за плотно закрытыми ставнями, вскинул руки, точно танцор, подался вперед и медленно сделал один-единственный идеальный шаг.

Трактир «Путеводный камень» принадлежал ему, и третья тишина тоже. Вполне закономерно, тишина эта была самой большой из трех: она окутывала две первые, заключала их в себе, — бездонная и безбрежная, словно конец осени, и тяжелая, как обкатанный рекой валун. То была терпеливая покорность срезанного цветка — молчание человека,

ожидающего смерти.